АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

4

Под редакцией
М.П.Алексеева

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1953

lib.pushkinskijdom.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий, четвертый выпуск «Литературного архива» является продолжением возобновленной Институтом русской литературы Академии Наук СССР серии сборников неопубликованных документов по истории литературы и общественного движения, хранящихся в Рукописном отделе Института. Общие принципы отбора публикуемых материалов из архивных фондов Института, а также приемы их воспроизведения остаются теми же, какие приняты были в предшествующем выпуске «Литературного архива». Как в настоящем, так и в последующих выпусках попрежнему будут печататься еще не видевшие света наиболее значительные в идейном и политическом отношениях рукописные материалы, освещающие жизнь и творческую деятельность по преимуществу русских писателей XVIII—XX веков — автографические рукописи художественных произведений, письма, дневники, воспоминания, цензурные документы и т. д.

Предлагаемый вниманию читателей очередной выпуск «Литературного архива», как и предшествующий, составлен из разнородных материалов, имеющих далеко не одинаковую историческую и литературную ценность, что (как это уже отмечалось в предисловии к третьему выпуску) неизбежно и вполне естественно в издании, поставившем своей целью постепенное и планомерное опубликование всех наиболее интересных рукописных документов, избежавших внимания исследователей и еще не введенных в научный оборот. Не приходится лишний раз подчеркивать, что публикация рукописных богатств Института русской литературы ведется уже не один десяток лет и что многие важнейшие рукописи его обширных архивных фондов уже были опубликованы. Тем не менее только дальнейшее систематическое их изучение может помочь обнаружению случайно упущенных в свое время доку-

lib.pushkinskijdom.ru

ментов и находке новых, среди которых, как можно предположить, окажутся в будущем данные, представляющие несомненную ценность. В этом смысле Институт придает значение возможности одновременного или последовательного обнародования своих архивных фондов в наиболее полном виде, не смущаясь порой и тем обстоятельством, что составляющие эти фонды отдельные рукописные документы неравноценны, пестры, содержат в себе данные, уже известные из других источников, или даже уже были в свое время опубликованы в случайных извлечениях, зачастую неточно, с ошибками, с неверными датировками и т. д. Таковы, например, в данном выпуске письма И. А. Гончарова: хотя они публикуются здесь впервые, но отрывки некоторых из них уже приводились в печати, цитировались в исследовательских трудах — по тем же автографическим рукописям писателя, хранящимся в архиве ИРЛИ; только публикация их в полном виде с соответствующими пояснениями избавит от необходимости дальнейшего обращения к подлинным рукописям, превратит случайное собрание цитат из этих писем, разбросанных в разных местах, в постоянный и ценный для биографии Гончарова источник фактических данных о нем за 1860 год. Все остальные материалы публикуются здесь впервые или по вновь найденным рукописям.

В настоящем выпуске «Литературного архива» помещены архивные данные, относящиеся к жизни и деятельности А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и В. Г. Короленко. Иные из этих материалов публикуются потому, что они пополняют новыми данными ранее изданные Институтом систематические описи автографов того или другого писателя (таков в настоящем выпуске новонайденный автограф стихотворения А. С. Пушкина «Я видел вас, я их читал»), к другим внимание исследователей привлечено было недавно отмеченными в Советском Союзе юбилейными датами (таковы рукописные материалы, относящиеся к Гоголю), третьи публикуются потому, что они могут оказаться полезными для различных исследовательских работ и прежде всего для завершаемой в ближайшие годы коллективной работы Института — «Истории русской литературы».

Рукописи публикуются по современной орфографии, но с соблюдением всех характерных особенностей языка документа; пунктуация подновлена лишь в некоторых случаях, особо не оговариваемых, для лучшего понимания текста; варианты выносятся под текст. Подчеркнутые

lib.pushkinskijdom.ru

в публикуемых документах слова выделяются курсивом. Пополнения слов даются в ломаных скобках ‹ ›; если в текст вводятся зачеркнутые слова, то они заключаются в прямые скобки [ ]; иностранные слова и фразы снабжаются русским переводом под текстом. Документы сопровождаются реальным комментарием, а также пояснительными введениями.

В сносках даны: под буквами алфавита курсивом — варианты и примечания публикатора, под звездочками — переводы с иностранных языков, под римскими цифрами — подстрочные примечания, имеющиеся в публикуемом документе; арабские цифры в тексте соответствуют порядковым номерам примечаний комментария.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

А. С. ПУШКИН

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

‹СТИХОТВОРЕНИЕ «Я ВИДЕЛ ВАС, Я ИХ ЧИТАЛ»›

Я видел вас, я их читал
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре
В душой исполненных чертах
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах...
Соперницы *Запретной Розы*
Блажен бессмертный Идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
Не много рифм и много прозы!

20 окт.
АП 1826
Москва

Печатается по автографу ИРЛИ (ф. 244, оп. 1, № 1728).

Хотя это стихотворение Пушкина известно в печати с 1830 года, когда оно опубликовано было впервые (в книге: «Радуга». Литературный и музыкальный альманах на 1830 год, изданный П. Араповым и Д. Новиковым, М., 1829, стр. 78, под заглавием «К. А. Т-вой» и с полной подписью: А. Пушкин; книга вышла в свет в конце декабря 1829 года), но автограф его считался утраченным, что затрудняло решение некоторых текстологических вопросов, поставленных его первыми комментаторами. Лишь недавно автограф этот был найден в архиве С. Д. Полторацкого, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. В июне 1951 года автограф передан в Пушкинский фонд Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, где сосредоточены в настоящее время все дошедшие до нас рукописи великого поэта.

В автографе стихотворение «Я видел вас, я их читал» заглавия не имеет. Написано оно четким почерком, черными, но пожелтевшими от времени чернилами на лицевой стороне листа (размер 18 × 20 см), вырванного из альбома, о чем можно заключить по его позолоченным обре-

lib.pushkinskijdom.ru

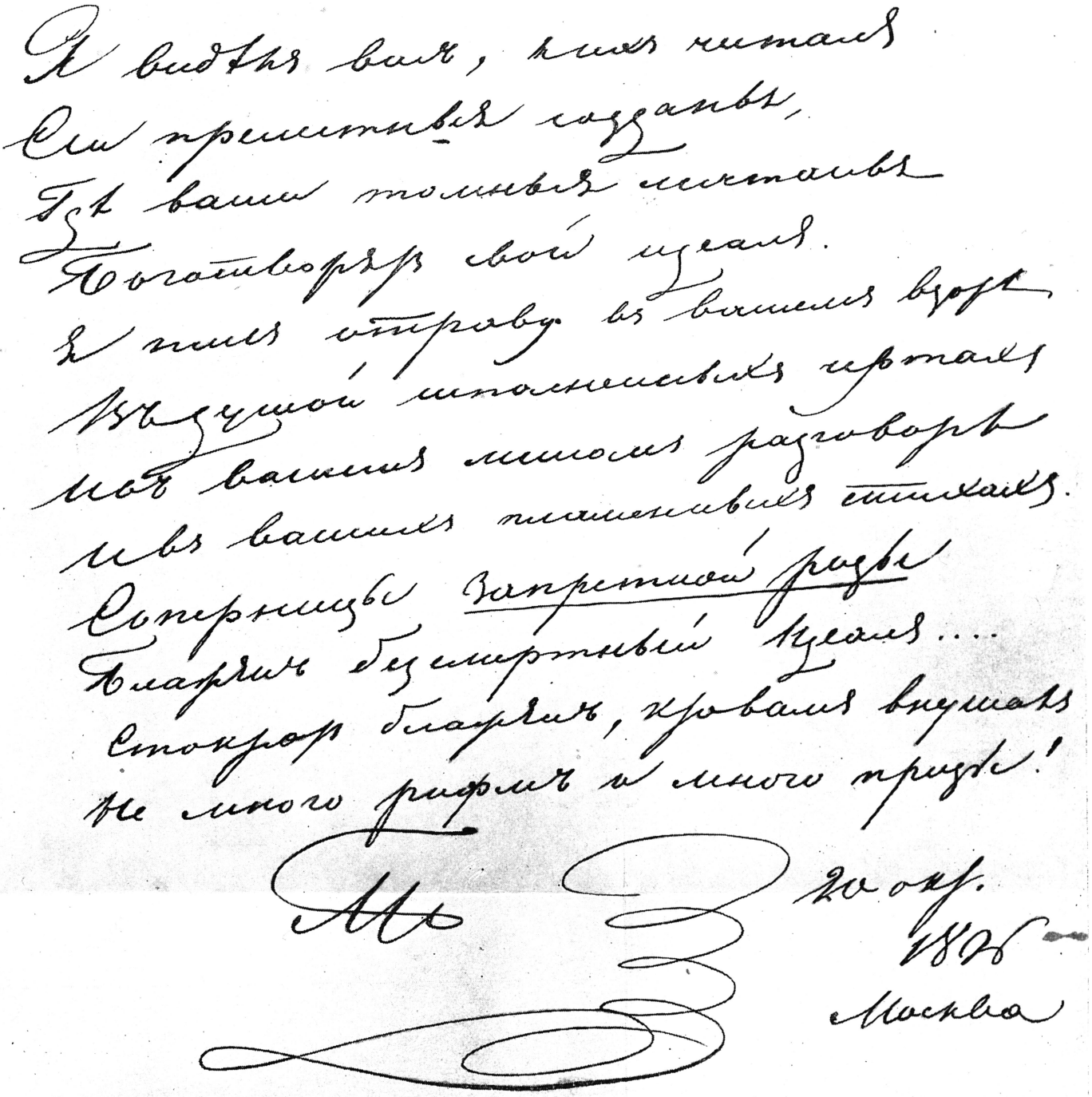
зам. Никаких помарок или исправлений автограф не имеет. В последней строфе слова «Запретной Розы» автором подчеркнуты. Внизу слева подпись: «АП». Внизу справа стоит дата: «20 окт‹ября› 1826 Москва». Под текстом посередине листа — росчерк пера в виде постепенно сужающихся линий круга, переходящих в зашедшую влево петлю (см. прилагаемый снимок). На оборотной стороне неизвестной рукой вписано стихотворение на французском языке (начало: «Non, tu ne dois point de mon âme, Edmond, connaître le secret»).

Находка данного автографа дает возможность пересмотреть заново историю возникновения этого стихотворения Пушкина, установить окончательно, каков был его авторский текст, чем вызваны были позднейшие исправления его редакторами и как надлежит его печатать в собраниях сочинений поэта. Найденные нами попутно и приводимые ниже другие неопубликованные рукописи (два стихотворения Е. А. Тимашевой, посвященные Пушкину, стихотворение И. Е. Великопольского и другие) позволяют пополнить комментарий к стихотворению Пушкина неизвестными доныне существенными данными.

Если не считать стихотворения «Пророк», дата написания которого продолжает оставаться спорной, то в период между 8 сентября и 1 ноября 1826 года, когда Пушкин жил в Москве после ссылки в Михайловское, им написано было только одно стихотворение «Я видел вас, я их читал», известное и под другими заглавиями («К женщине-поэту», «К. А. Тимашевой», «Е. А. Тимашевой» и др.). В свое время это стихотворение получило восторженную оценку Белинского (Полное собрание сочинений, т. III, СПб., 1900, стр. 437—438) и всегда привлекало к себе читателей. Однако реальная основа этого стихотворения, обстоятельства, при которых оно было создано, намеки, которые оно в себе содержит, были раскрыты не сразу, а в значительной мере остаются нераскрытыми и до сих пор. Комментаторам стихотворения давно уже было ясно, что разгадку вопросов, которые оно ставит исследователям, следует искать прежде всего в истории отношения Пушкина к Е. А. Тимашевой. На такую мысль, помимо текста самого стихотворения, между прочим, наводили строки из письма Пушкина к П. А. Вяземскому от 9 ноября 1826 года, написанного поэтом через несколько дней после его возвращения в Михайловское из Москвы: «Что Запретная Роза? что Тимашева? как жаль, что я не успел с нею завести благородную интригу! но и это не ушло» (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 305). Еще в 1928 году Б. Л. Модзалевский, комментируя приведенные строки в своем издании писем Пушкина, сообщил некоторые биографические данные об Екатерине Александровне Тимашевой, рожденной Загряжской (1798—1881); что же касается выражения «Запретная Роза», Б. Л. Модзалевский принужден был ограничиться следующей краткой справкой: «Запретная роза — неизвестная нам по имени московская красавица, по словам С. Д. Полторацкого — одна из племянниц Е. А. Тимашевой» (Пушкин, Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, т. II, ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 204—205).

С. Д. Полторацкий действительно был одним из первых комментаторов стихотворения «Я видел вас, я их читал». В 1862 году, в заметке, посвященной названному стихотворению Пушкина, Полторацкий впервые разъяснил смысл находящегося в нем выражения «Запретная Роза» (С. Д. Полторацкий. Подлинный, собственноручный текст стихотворения Пушкина, написанного в 1826 году в альбом Е. А. Тимашевой. «Наше время», 1862, № 228, 24 октября). Полторацкий с полным основанием и хорошим знанием обстоятельств дела соотносил это выражение в сти-

lib.pushkinskijdom.ru

Я видел вас, я их читал
Сии пристрастия создавъ,
И ваши томныя мечтанья
Богатворя свой идеал.
И тихую отраву в ваших взорах
Вдумчивой мечтанья прочел
И ваших тихих разговорах
И ваших пламенных стихах.
Сокрывшись <u>завистной розы</u>
Бларим бессмертный идеал....
Стократ бларим, когда я вижу
Не много рифм и много прозы!

20 окт.
1826
Москва

Автограф стихотворения А. С. Пушкина «Я видел вас, я их читал».
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

lib.pushkinskijdom.ru

хотворении Пушкина с одноименным стихотворением, напечатанным в «Московском телеграфе» (1826, ч. VIII, отд. II, стр. 3), за подписью В. В стихотворении этом говорилось о несчастном и оскорбительном положении некоей молодой особы, отданной замуж за нелюбимого, недостойного ее и к тому же больного человека:

Тебя, цветок, коварством бескорыстным
Похитил шмель, пчеле и розе враг;
Он оскорбил лобзаньем ненавистным,
Он погубил весну надежд и благ.

Указав, что стихотворение «Запретная Роза» принадлежит П. А. Вяземскому, Полторацкий отказался в своей заметке назвать имя женщины, судьба которой изображалась в стихотворении. Он отказался сделать это и в 1879 году в пространной рукописной заметке, посвященной названному стихотворению П. А. Вяземского (С. Д. Полторацкий. Мой общий сборник. Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Q, XVIII, № 25/8, л. 197).

Тем не менее имя Запретной Розы было все же названо один раз С. Д. Полторацким в тетради с переписанными в 1857 году его рукой стихотворениями Пушкина. На основании этой хранящейся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина тетради с записями С. Д. Полторацкого М. А. Цявловский в 1930 году раскрыл, наконец, имя Запретной Розы для читателей и комментаторов Пушкина (М. А. Цявловский. Заметки о Пушкине. «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII—XXXIX, 1930, стр. 218—222).

Запретная Роза — это Елизавета Петровна Лобанова-Ростовская (1805—1854), рожденная Киндякова. В 1828 году, добившись развода со своим мужем, князем И. А. Лобановым-Ростовским, она вторично вышла замуж за А. В. Пашкова.

Раскрытие имени Запретной Розы не прояснило, однако, ни смысла строки, где оно встречается, ни строки, за ней следующей:

Соперницы *Запретной Розы*
Блажен бессмертный Идеал...

В каком смысле Е. А. Тимашева была соперницей Е. П. Лобановой-Ростовской и что следует понимать под «бессмертным идеалом» первой из них?

В упомянутой заметке, напечатанной в газете «Наше время» (1862, № 228, 24 октября), С. Д. Полторацкий не ограничился комментированием выражения «Запретная Роза». «Подлинник этого стихотворения, — заявлял Полторацкий, — писанного рукою Пушкина в Москве, 20 октября 1826 года, сообщен мне вчера Екатериною Александровною Тимашевою, урожденною Загряжскою, с позволением напечатать его. Поспешаю тем более это исполнить, что текст стихотворения Пушкина, напечатанный *пять* раз, появился во всех *пяти* изданиях в искаженном виде и даже с примесью *бессмыслицы* в последнем стихе».

Последний стих названного стихотворения Пушкина:

Не много рифм и много прозы,

как был он напечатан в альманахе «Радуга», где это стихотворение впервые появилось в печати, С. Д. Полторацкий находил, таким образом, бессмысленным и предложил заменить его стихом:

И много рифм и много прозы!

lib.pushkinskijdom.ru

Страсть к библиографической и текстологической точности Полторацкого была хорошо известна современникам, и поэтому его поправка получила широкое распространение. Последняя строчка названного стихотворения Пушкина во всех дореволюционных изданиях сочинений великого поэта, начиная с 1862 года, печаталась с внесенным в нее изменением С. Д. Полторацкого, хотя и не всегда со ссылками на последнего. Это изменение было принято также и большинством советских изданий произведений Пушкина. Кстати сказать, все исследователи, писавшие об этом стихотворении Пушкина (Н. О. Лернер, Б. Л. Модзалевский, М. А. Цявловский, В. В. Вересаев), пользовались редакцией С. Д. Полторацкого и никаким сомнениям ее не подвергали. Правда, восходящая к С. Д. Полторацкому «редакция» последнего стиха стихотворения «Я видел вас, я их читал» в последнем академическом Полном собрании сочинений Пушкина отнесена к вариантам. Это издание, как и повторяющие его несколько других изданий сочинений Пушкина, в основном тексте воспроизводят последнюю строчку стихотворения в том виде, в каком она была напечатана при жизни поэта в альманахе «Радуга». Отсутствие единодушия и уверенности издателей при воспроизведении этого стиха делает публикуемый автограф интересующего нас стихотворения Пушкина особенно ценным.

Находка автографа стихотворения «Я видел вас, я их читал» именно в архиве С. Д. Полторацкого подтверждает правильность сделанного последним в 1862 году заявления, что названный автограф принадлежал ему и был им получен от Е. А. Тимашевой. За это говорят также и несколько мелких, относящихся к орфографии и пунктуации, исправлений, которые Полторацкий в полном соответствии с автографом внес в текст пушкинского стихотворения, публикуя его в «Нашем времени». Любовь к точности, однако, изменила Полторацкому в самом главном — в воспроизведении последнего стиха. В автографе стихотворения «Я видел вас, я их читал» в последнем стихе мы видим именно ту «бессмыслицу», против которой восставал Полторацкий:

Стократ блажен, кто вам внушал
Не много рифм и много прозы!

Именно в этом своем подлинном виде последний стих и сообщает всей строфе типично пушкинский, иронический, язвительный смысл.

Какие же мотивы побудили С. Д. Полторацкого пойти на подобного рода мистификацию?

Так как статья Полторацкого в «Нашем времени» за 1862 год появилась, по словам автора, с разрешения Е. А. Тимашевой, то правомерно предположить, что именно ей и принадлежала мысль напечатать стихотворение в несколько подправленном виде. Следовательно, в этой истории С. Д. Полторацкий выступал лишь жертвой собственного великодушного отношения к женщине, которая воспользовалась его литературным авторитетом для того, чтобы скрыть от читателей эпиграмматический смысл пушкинского стихотворения. Но почему же Е. А. Тимашева так противилась тому, чтобы стихотворение Пушкина вошло в сознание потомства в том виде, в каком оно вышло из-под пера поэта? Ответ на этот вопрос может быть только один: в последних двух строках этого стихотворения содержится намек на мужа владелицы альбома, Егора Николаевича Тимашева, так как, очевидно, только им внушаемая жизненная проза могла быть для Е. А. Тимашевой и длительной и по долгу супружества трудно устранимой.

lib.pushkinskijdom.ru

В 1826 году, когда стихотворение было написано, или в конце 1829 года, когда оно впервые появилось в печати, Е. А. Тимашева могла не придавать значения тонкой и скрытой иронии пушкинских строк. Но в 1862 году, видимо, какие-то серьезные побуждения заставили Тимашеву обратиться к Полторацкому с просьбой напечатать стихотворение Пушкина в намеренно искаженном виде. В это время произведения Пушкина, даже небольшие, даже случайно написанные, стали предметом пристального внимания широкой публики. Трудно сказать, что именно — изменившиеся взгляды на свое прошлое или нежелание выносить на суд общественного мнения свою личную жизнь, память ли об умершем муже или какая-либо иная причина — не позволяло Е. А. Тимашевой относиться с прежним безразличием к эпиграмматическому смыслу пушкинского стихотворения.

Нам не удалось разыскать достаточного количества сведений, необходимых для подробной характеристики Егора Николаевича Тимашева Приходится довольствоваться поэтому только теми сведениями о нем, которые находятся в «Русском биографическом словаре» и в «Приложениях» к очерку А. И. Никольского «Главное управление казачьих войск» (СПб., 1902, стр. 230).

Е. Н. Тимашев родился в 1791 году. В 1809 году он поступил на военную службу, где и находился до 1845 года, когда, в чине генерал-майора, он вышел в отставку. Назначенный в 1822 году наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, Е. Н. Тимашев безвыездно проживал в Оренбурге и, не оставляя военной службы, много внимания уделял устройству своих имущественных дел. Он владел 2519 душ крепостных крестьян в девяти деревнях Оренбургского уезда и 152 тысячами десятин земли.

Полагаем небезынтересным здесь же отметить, что во время своего пребывания в Оренбурге осенью 1833 года Пушкин остановился в качестве гостя на квартире военного губернатора В. А. Перовского, в то время проживавшего в доме Е. Н. Тимашева (см.: М. Л. Юдин. Дом, в котором останавливался Пушкин в Оренбурге. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. VI, Оренбург, 1900, стр. 219).

Что же касается Е. А. Тимашевой, то ее постоянным местопребыванием была Москва. По своим умственным интересам Е. А. Тимашева безусловно возвышалась над уровнем окружавшей ее среды.

Представление о ней, как о красивой, обаятельной, но пустой светской женщине, еще недавно существовавшее у биографов Пушкина, едва ли соответствует действительности. «Женщина чрезвычайно красивая, она вращалась в кругу московского большого света, в котором была известна и как поэтесса, хотя из ее произведений известны лишь два стихотворения...» — писал об Е. А. Тимашевой Б. Л. Модзалевский (Пушкин, Письма, т. II, 1928, стр. 206). В. В. Вересаев в своей книге «Спутники Пушкина» (кн. II, 1937, стр. 10—11), в небольшой главе, занимающей всего лишь полторы страницы, изображает Е. А. Тимашеву духовно ограниченной светской красавицей. О поэтическом таланте Е. А. Тимашевой Вересаев также отзывается пренебрежительно. Он исходит при этом, повидимому, из предположения, что в стихотворении «Я видел вас, я их читал» Пушкин отдавал дань авторскому самолюбию Тимашевой и ее необыкновенной красоте и что подлинное отношение к ней поэта выражено в письме к Вяземскому, а не в стихотворении «Я видел вас, я их читал».

Мнение Вересаева в этом случае не может быть признано убедительным, так как никаких новых фактических данных об отношении

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкина к Тимашевой он не привел, а стихотворение «Я видел вас, я их читал» оставил необъясненным.

Современники Е. А. Тимашевой согласно свидетельствуют не только о ее красоте, но и о ее уме и образованности. Еще в 1815 году по поводу ее выхода замуж Г. С. Волконский (отец декабриста), в одном из своих писем, говорил о ней, как о девушке «достойной и наилучше воспитанной», «добронравной и прекрасной» (Архив декабриста С. Г. Волконского. Под редакцией С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, Пгр., 1918, стр. 69, 412, 414, 427 и др.). Едва ли одним только долгом вежливости и желанием польстить красоте можно объяснить посвященные Е. А. Тимашевой и ее возвышающие стихи П. А. Вяземского (стихотворение «Святочная шутка» — «Северные цветы» на 1831 год, СПб., 1830, отд. «Поэзия», стр. 88), Е. А. Баратынского (стихотворение «К. А. Тимашевой» — Полное собрание стихотворений, т. I, изд. «Советский писатель», 1936, стр. 176), Н. М. Языкова (стихотворение «Е. А. Тимашевой» — Полное собрание стихотворений, изд. «Academia», 1934, стр. 396—397).

Е. А. Тимашева и сама занималась поэзией. Известны два ее стихотворения, напечатанные в 1831 году: «Ответ» (на «Святочную шутку» П. А. Вяземского — «Северные цветы» на 1831 год, стр. 90—91) и «К портрету ***» («То без речей, то говорлива» — в «Литературной газете», 1831, № 12, стр. 96). Восторженный отзыв о поэтических произведениях Е. А. Тимашевой, принадлежащий Н. А. Полевому (см.: «Сын отечества и Северный архив», 1838, т. II, отд. IV, стр. 159), дает основание предполагать, что современникам были хорошо известны, кроме двух названных, также и другие стихотворения Тимашевой, оставшиеся неизданными.

Помимо пушкинского «Я видел вас, я их читал», образ Тимашевой, как уже сказано, получил отражение и в произведениях других поэтов. В стихотворении «Белая дама», посвященном Е. А. Тимашевой и написанном в 1831 году, Е. П. Ростопчина, рисуя ее портрет, писала:

В ней что-то тайное и неземное было;
Она, казалося, пришла из царства Фей,
Она влекла к себе неодолимой силой,
Лишь одного жезла недоставало ей.

(Альманах на 1838 год, СПб., 1838, стр. 289).

В этом же стихотворении Е. П. Ростопчина сочла нужным дополнить портрет Тимашевой и сравнить ее с домом, давно покинутым жильцами, который лишь изредка вспыхивает яркими огнями.

В другом стихотворении — «К белой даме», посвященном также Е. А. Тимашевой и написанном в 1832 году, Е. П. Ростопчина придает ее портрету еще более страдальческое выражение:

Нет, счастье вас не баловало!
Знаком вам звук судьбы угроз;
Вас жало скорби растерзало,
Вы разгадали тайну слез,
Вы свыклись с трауром страданья,
И чашу горестей испив,
Без упований, без желанья
Забыли радости порыв.

(Альманах на 1838 год, стр. 340).

lib.pushkinskijdom.ru

Портрет Тимашевой в том виде, в каком он вышел из-под пера Е. П. Ростопчиной, имеет много общего с тем же портретом, нарисованным поэтом Е. А. Баратынским в упомянутом уже стихотворении его «К. А. Тимашевой», которое появилось впервые в печати в издании стихотворений поэта 1835 года. В представлении поэта грусть — наиболее характерная особенность душевного облика Е. А. Тимашевой:

Что ж грусть поет блестящая певица?
Что ж томны взоры красоты?
Печаль, печаль — души ее царица,
Владычица ее мечты.
Вам счастья нет, иль на одно мгновенье
Блеснувши, луч его погас;
Но счастлив тот, кто слышит ваше пенье,
Но счастлив тот, кто видит вас.

Для полноты наших представлений о Е. А. Тимашевой уместно привлечь еще одно стихотворение, написанное в 1829 году И. Е. Великопольским. Привести это стихотворение здесь тем более необходимо, что оно было написано под несомненным воздействием стихотворения Пушкина «Я видел вас, я их читал». Стихотворение публикуется по автографу ИРЛИ, архив И. Е. Великопольского, Мои новые стихотворения, 1821—1856, тетрадь 16 (32101. CCXL б. 17III, лл. 55—56).

Екат‹ерине› Александр‹овне› Тимашевой
(при возвращении ей стихов)

Благодарю! я прочитал!
В стихах, для сердца незабвенных,
Я подсмотрел сей идеал,
Источник песней вдохновенных!
Подслушал тайную печаль!
Завет души, она уныло
Прошедших дней в них очертила
Для сердца горестную даль.
Со вдохновенным неба словом
К Вам Гений тихо низлетал,
Одетый сумрачным покровом;
Но я в Вас душу разгадал.
Она не тем огнем пылает,
Который в песнях Пиэрид
О светлом счастьи говорит.
Она задумчиво блистает;
Как пламень, сильный и живой,
Мерцанье тихое бросает
Над отуманенной рекой.
Но не для слез, не для печали
[В вас душу Музы увенчали]
Неувядаемой красой.
Огонь, увлаженный росой,
На время краткое бледнеет.
Тумана облако пройдет,
Зефир полуденный повеет,
Дыханьем искру подожжет;

lib.pushkinskijdom.ru

И снова, чудный, засветлеет,
Живым окинется лучем,
И сладко сердце отогреет,
Отрады ищущее в нем.
О! примиритесь с Вашим роком!
Камен в наитии высоком
Печальный перестройте лад!
В усердьи слова одиноком,
Я не мечтаю быть пророком;
Но быть теперь бы им я рад!

Марта 29-го 1829. Москва.

В черновом автографе этого стихотворения (на л. 54) первая строфа читается так:

И я вас видел, их читал.
В стихах, для сердца незабвенных,
Я подсмотрел сей идеал
[Который пламенно внушал]
Источник песней вдохновенных...

К первой строке чернового автографа И. Е. Великопольский сделал следующую сноску: «Пушкин написал ей стихи, начинающиеся: „Я видел вас, я их читал“ и пр.».

Если портрет Тимашевой в изображении Великопольского, Баратынского и Ростопчиной хоть наполовину соответствует действительности, — а сомневаться в этом у нас нет оснований, — то он может быть привлечен и для комментирования двух наиболее трудных для понимания строк из стихотворения Пушкина:

Соперницы *Запретной Розы*
Блажен бессмертный Идеал...

Оставляя на время объяснение слов «бессмертный Идеал», попытаемся ответить на вопрос: какое соперничество с Е. П. Лобановой-Ростовской — «Запретной Розой» — подразумевается здесь поэтом? Некоторые комментаторы указывают на то, что Е. П. Лобанова-Ростовская, подобно Е. А. Тимашевой, занималась поэзией, и полагают, что в стихотворении Пушкина содержится намек на поэтическое соперничество или соревнование. Однако о поэтическом творчестве Е. П. Лобановой-Ростовской нигде никаких сведений не сохранилось. Есть больше оснований полагать, что в этом сравнении Пушкин намекает на стремление Тимашевой уподобиться Лобановой-Ростовской не в поэзии, а в жизни, т. е. выказать презрение к мнению света и обрести права на личную свободу. Употребленное поэтом сравнение, несомненно, предполагает не полное, а лишь частичное сходство в судьбе и стремлениях двух женщин. Стремление к личной свободе у Тимашевой не выходило за пределы «томных мечтаний», с которыми, повидимому, поэт был очень хорошо знаком.

В архиве С. Д. Полторацкого нам удалось обнаружить еще один автограф (№ 244), имеющий прямое отношение к теме настоящего сообщения. Это два стихотворения, посвященные Пушкину. Они записаны на одном листе бумаги размером 18 × 24 см., с водяным знаком 1824 года. Автор этих стихотворений не указан. Однако изучение почерка автографа

lib.pushkinskijdom.ru

не оставляет никаких сомнений в том, что он принадлежит Е. А. Тимашевой. Лист этот, вероятно, был извлечен из тетради, в которую Е. А. Тимашева записывала свои собственные произведения. Под первым стихотворением указана дата: «22 октября» ‹1826 г.›, под вторым — «25 октября 1826 г.» Иначе говоря, написаны эти стихотворения под свежим впечатлением встречи Тимашевой с Пушкиным в Москве 20 октября 1826 года.

Приводим оба стихотворения полностью.

Послание к Учителю

Где ты учитель мой минутной
Куда и кем ты увлечен
Иль в вихре вальса, в зале шумной
Ты снова *ножкой* поражен.
Иль обречен ты злой судьбою
Поэму слушать без конца
И удивляться над стопою
Не вдохновенного певца!
Иль может быть воспоминанья
Тебя далеко увлекли...
Друзей погибших, их страданья
Невольно душу потрясли.
Ах! прах невинных кто слезою
Горячей в дань не оросил
И кто об них в душе с тоскою
Не вспоминал и не тужил...
Иль гость минутный, наш залетный
В своем углу один сидит
И гений пылкий перелетный
Нас песней новой удивит.

22 окт‹ября›

К портрету Пушкина

Он говорит, — но мыслью чудной
Как будто вечно поражен,
Людей и свет, цель жизни трудной,
Все разгадал, все понял он.
Холодный взор на все кидает,
Рассеян, в думу погружен,
Душа чего-то ожидает
И в лучший мир он увлечен.
Он бы желал к брегам свободы
Как лорд Байрон направить путь,
Сняв иго рабства с вас, народы,
Свободу, славу в вас вдохнуть.

25 окт‹ября› 1826

Приведенные стихотворения дают ценный материал для суждений о характере взаимоотношений Пушкина и Тимашевой. В приведенных стихах мы, конечно, вправе видеть отражение восторженного отношения

lib.pushkinskijdom.ru

к Пушкину не только передовых литературных кругов, отношения, вызванного появлением поэта в Москве после шестилетней ссылки, но также и выражение личного отношения к Пушкину Тимашевой. Однако не это в них главное. Они безусловно имеют значение как документальное свидетельство о настроениях и мыслях Пушкина во время двухмесячного пребывания его в Москве в 1826 году, в тот период его жизни, когда, вызванный сюда для свидания с Николаем I, Пушкин остро почувствовал новую, еще более оскорбительную зависимость своего положения от двора, от III Отделения, о чем объявлено было ему в виде особой «милости» императора. Известно, что в это время особенно горькими стали воспоминания поэта о погибших и заточенных друзьях-декабристах, жертвах того же Николая I. Существенно поэтому, и это не может быть случайностью, что первое из приведенных стихотворений Тимашевой («Послание к Учителю») заставляет Пушкина вспоминать именно о декабристах:

Иль может быть воспоминанья
Тебя далеко увлекли..
Друзей погибших, их страданья
Невольно душу потрясли.

Закономерно также и то, что второе стихотворение Тимашевой («К портрету Пушкина») приписывает поэту вольнолюбивые мечтания не в виде предположения, а как вполне реальные. Это и есть та «мысль чудная», которая, по ее словам, присуща поэту, что бы он ни говорил, о чем бы он ни думал, — сняв с народов «иго рабства», одухотворить их идеями свободы и славы. Несмотря на некоторые неточности словесного выражения, мысли Тимашевой и рисуемый ею образ поэта вполне ясны.

Было бы весьма интересно выяснить, как часты были встречи Пушкина с Тимашевой в Москве в осенние месяцы 1826 года и как далеко заходила их беседа не на светские темы, а о том, что в это время действительно глубоко волновало поэта.

Благодаря знакомству с П. А. Вяземским и Веневитиновым, Тимашева могла встречаться с Пушкиным осенью 1826 года не однажды. В одну из этих встреч, 20 октября 1826 года, которая была в этот приезд Пушкина последней, Тимашева, вероятно, и показала поэту тетрадь со своими стихотворными опытами, этими, по определению Пушкина, «прелестными созданьями». Свое знакомство с поэтическими произведениями Тимашевой великий поэт, возможно, сопровождал замечаниями о ее творчестве или о задачах поэзии вообще, — это и дало Тимашевой право назвать Пушкина своим «учителем минутным».

Из чтения стихов Тимашевой, надо думать, и вынес поэт свое представление о ее возникшем в «томных мечтаньях» идеале. В этом убеждает нас и посвященное Е. А. Тимашевой стихотворение И. Е. Великопольского. Этот идеал — боготворимый, следовательно, он не абстракция, не общее, а персонифицированное понятие. Во втором случае, как и в словах *Запретная Роза,* Пушкин написал это слово с большой буквы. То обстоятельство, что названному Идеалу присущи человеческие свойства («*Блажен* бессмертный Идеал...»), подтверждает нашу догадку. Однако Идеал этот *бессмертный,* т. е. это не образ простого смертного, скажем, любимого человека, а нечто возвышенное, поэтическое. Напрашивается мысль, не является ли воплощением подобного идеала Тимашевой образ Байрона, не столько поэта, сколько активного борца, политического деятеля, имя которого, наряду с именем Пушкина, упоминает она в своем

lib.pushkinskijdom.ru

втором стихотворении с восхищением. Образ Байрона, как символ стремления к свободе вообще и в частности — к личной независимости, не мог не импонировать Тимашевой. Не трудно допустить, что в ее стихах, написанных после смерти Байрона (1824), его имя, его мотивы повторялись часто.

Стихи Тимашевой Пушкин, который был очень точен в своих определениях, назвал «пламенными стихами». Это дает нам право предполагать, что не только приведенные выше два стихотворения, но и предшествовавшие им поэтические опыты Тимашевой были проникнуты известным вольнолюбием, гражданскими мотивами.

Если принять это предположение, то последняя строфа пушкинского стихотворения «Я видел вас, я их читал» приобретает приблизительно следующий смысл: душа умершего, но бессмертного Байрона, внушающая вам пламенные стихи, должна испытывать блаженство, видя, как вы ее боготворите; но гораздо большее блаженство должен испытывать тот, кому вы принадлежите, хотя тот и не способен внушать вам что-либо иное, кроме жизненной прозы, и далек от того, чтобы быть предметом ваших мечтаний. Только при таком истолковании и без того несомненный иронический смысл последних двух стихов приобретает афористическую, эпиграмматическую завершенность. Здесь же отметим, что в той оценке, какая дана стихам Тимашевой Пушкиным («прелестные созданья», «пламенные стихи»), содержится несомненная доля истины. Несомненно, что свои проникнутые гражданскими мотивами стихотворения Тимашева нигде не публиковала, быть может, не из одной лишь скромности. Такие ее стихи, как вышеприведенные, естественно, не могли быть напечатаны; их не пропустил бы тогда ни один цензор. Они оставались стихами, известными лишь немногим. Следовательно, те три стихотворения Тимашевой, которые были напечатаны при ее жизни и вызвали столь неблагосклонный отзыв В. В. Вересаева, нисколько не характеризуют ее поэтического творчества в целом.

В своих стихотворениях Тимашева рисует Пушкина, погруженного в воспоминания о казненных и сосланных декабристах. Она называет их друзьями поэта. Можно сомневаться в том, что эти ее стихотворные строки навеяны личной беседой великого поэта с Тимашевой на эту тему, так как об особом интересе Пушкина к судьбе участников декабрьского восстания Тимашева могла узнать и от других окружавших поэта и ей хорошо знакомых лиц. Не приходится сомневаться, однако, в том, что в образе Пушкина, потрясенного воспоминаниями о погибших и страдающих декабристах, равно как и в образе Пушкина, желающего направить свой путь к «брегам свободы», правдиво запечатлены черты поэта, как воспринимались они в сознании близких к нему московских знакомых.

В своих, хотя и далеких от совершенства, стихотворениях Е. А. Тимашева в полном соответствии с истиной воссоздает облик великого поэта, причем она изображает не Пушкина вообще, а Пушкина периода пребывания его в Москве осенью 1826 года. Портрет поэта в *поэтическом* восприятии Тимашевой очень близко напоминает Пушкина этой же поры (осень 1826 года) в *фактографических* воспоминаниях Н. В. Путяты:

«Среди всех светских развлечений, он порой бывал мрачен; в нем было заметно какое-то грустное беспокойство, какое-то неравенство духа; казалось, он чем-то томился, куда-то порывался. По многим признакам я мог убедиться, что покровительство и опека императора Николая

lib.pushkinskijdom.ru

Павловича тяготили его и душили» («Русский архив», 1899, кн. II, № 6, стр. 350—351).

В несколько ином виде, ушедшим в себя, скромным и сдержанным, представал Пушкин в это же время перед далекими, чужими ему людьми. Так, например, И. М. Снегирев, который как цензор встречался с Пушкиным по делу об издании второй главы «Евгения Онегина», записал о поэте в своем «Дневнике» под 24 сентября 1826 года: «Талант его виден и в глазах его: умен и остр, благороден в изъяснении и скромнее прежнего. Опыт не шутка» (Пушкин и его современники, вып. XVI, СПб., 1913, стр. 47).

Встреча с поэтом произвела глубокое впечатление на Тимашеву. В своих стихах она проявила способность к пониманию величия поэта, исторического значения его творчества, способность, не часто встречавшуюся среди представительниц ее времени и класса.

Ф. Я. Прийма

lib.pushkinskijdom.ru

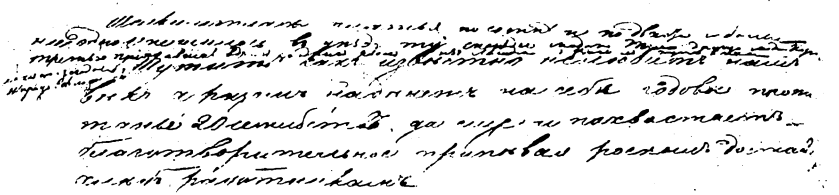
Н. В. ГОГОЛЬ

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

‹НОВЫЕ СТРОКИ ИЗ ВТОРОГО ТОМА «МЕРТВЫХ ДУШ»›

Шелки-атласы платья по сотне и по двести и более, ни одно и ‹?› не шилось в уезд, ту снаряди‹ла› мадам Тун ‹?› другую мадам Кун ‹?› третью приехавшая вдруг за одним разом из Лондона из Вены из Парижа к нам — какая-то загадочная Шприц-Флоден-Файк ‹?›.

Автограф отрывка из второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.
Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Шутить как известно не любит наш век, а разом наденет на себя годовое пропитанье 20 семейств, да еще и похвастает благотворительнос‹тью› припевая роскошь доставл‹яет› хлеб работникам.

Печатается по автографу Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Собрание автографов, К. 6, Н. В. Гоголь, № 7).

Начальная и последняя фразы публикуемого отрывка были напечатаны А. Ф. Бычковым в Отчете имп. Публичной библиотеки за 1892 год, СПб., 1895, стр. 295. Двух средних фраз отрывка, вписанных Гоголем мелким почерком, Бычков, видимо, не разобрал и счел его поэтому ошибочно частью не художественного, а публицистического произведения. В соответствии с этим автограф до сих пор был описан как черновой набросок к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Между тем, как свидетельствует впервые публикуемая средняя часть

lib.pushkinskijdom.ru

отрывка («ни одно и не шилось в уезд» и т. д.), перед нами черновой набросок повествовательного произведения. Характерные особенности почерка Гоголя последних лет жизни (автограф надо датировать 1849—1851 годами) и самое содержание отрывка не оставляют сомнения в том, что перед нами один из черновых набросков ко второму тому «Мертвых душ», остававшийся до сих пор неизвестным.

Отрывок написан на верхней части листа и составлял продолжение текста, начатого на предыдущих (не дошедших до нас) листах. Он относится, повидимому, к описанию приезда в губернию светской «львицы» Чагравиной (или Чегравой в передаче А. О. Смирновой). Л. И. Арнольди вспоминает об этом персонаже второго тома «Мертвых душ»: «... это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей их окружающих каким-то великим счастием; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им незнакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастие было только на минуту, и чрез месяц после первого признания, они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать, в этот раз, еще более чем прежде» (Л. Арнольди. Мое знакомство с Гоголем. «Русский вестник», 1862, № 1, стр. 80).

Н. Г. Чернышевский писал о Гоголе по поводу второго тома «Мертвых душ»: «... каковы бы ни были его ошибки, когда он говорит о предметах для него новых, — но нельзя не признаться, перечитывая уцелевшие главы второго тома „Мертвых душ“, что едва он переходит в близко знакомые ему сферы отношений, которые изображал в первом томе „Мертвых душ“, как талант его является в прежнем своем благородстве, в прежней своей силе и свежести. В уцелевших отрывках есть очень много таких страниц..., которые приводят в восторг своим художественным достоинством, и, что еще важнее, правдивостью и силою благородного негодования» (Полное собрание сочинений, т. III, Гослитиздат, М., 1947, стр. 13). Публикуемые строки из второго тома «Мертвых душ», проникнутые живым негодованием против подражательности и лицемерия дворянского общества, подтверждают глубокую правильность этих слов Чернышевского.

Г. М. Фридлендер

lib.pushkinskijdom.ru

‹ГРАММАТИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА›

СИНТАКСИС

Войду в сердце: рассержусь

Уж я в сердце то войду
Кросна[1] изорву, бердо[2] изломлю

Уходить уходом

Я уходом от старого уходила,
Под полою цветно платье уносила.

Глагол безличный с родительным.

Свечка в фонарчике ясненько горит
Ярова вощечку утаивает

Совершенно безличный: *пожить*.

Пожито,
Попито и поедено
И в красе погулено.

Существительные отглагольные в безличной форме.

Вставанье ль было мое раннее,
Умыванье ль было мое белое,
Утиранье ль мое было скорое,
Учосы ль были мои гладкие,
Уплёты ль мои были частые.
Свет же была моя руса коса,
Руса коса, вся девичья красота.

Печатается по автографу Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (М.8329.41, л. 13).

Заметка Гоголя, озаглавленная «Синтаксис», записана на том же листке бумаги, на котором написана последняя часть неотправленного

lib.pushkinskijdom.ru

письма Гоголя к Белинскому от конца июля — начала августа 1847 года, и ее нужно датировать тем же самым временем.

Заметка представляет исключительный интерес для изучения работы Гоголя над языком. Она показывает, как, изучая русские народные песни, Гоголь по ним совершенствовал свое знание русского языка, его грамматических форм и выразительных средств; как он, уже достигнув вершины своего художественного мастерства, продолжал учиться русскому языку у народа.

Заметка содержит наблюдения Гоголя над словарем и грамматическим строем русских народных песен. Из пяти песен Гоголь выбирает приьлекшие его внимание выражения («в сердце то войду», «уходить уходом») и синтаксические формы («глагол безличный с родительным», глагол «совершенно безличный» и «существительные отглагольные в безличной форме»), иллюстрируя свои наблюдения отрывками этих же песен.

Из пяти выбранных Гоголем отрывков один («Я уходом от старого уходила») мог быть заимствован Гоголем из его собрания народных песен (см.: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, вып. II, Песни, собранные Н. В. Гоголем, изд. Г. П. Георгиевским, СПб., 1908, стр. 52, № XIX, «Ах, вы кумушки, голубушки, подружки»). Другой вариант этой песни находится в книге И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (т. II, М., 1838, стр. 98—99). Все остальные отрывки извлечены Гоголем из той же книги Снегирева (т. II, Песни круговые, стр. 100; т. IV, Песни свадебные осташковские, М., 1839, стр. 167—169 и 183—184).

Гоголь, как и Пушкин, высоко ценил русские народные песни. «Покажите мне народ, — писал он в «Петербургских записках 1836 года», — у которого бы больше было песен. Наша Украйна звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и как грибы вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. АН СССР, 1952, стр. 184). Как видно из писем Гоголя, он горячо интересовался судьбой собрания песен П. В. Киреевского и торопил его выход в свет. «Поцелуй за меня Киреевского! — писал Гоголь Погодину еще 11 января 1834 года. — Правда ли, что он печатает русские песни?» (там же, т. X, стр. 294). А узнав от Языкова, что Киреевский послал свои песни в цензуру, Гоголь пишет Языкову 5 октября (н. ст.) 1843 года: «Ты пишешь, что Петр Василь‹евич› Киреевский совершил свой великий подвиг и послал песни в Петербург в цензуру. Слава богу! Есть, стало быть, надежда, что мы, лет через десять, будем читать их, разумеется, если пропустит цензура...» (там же, т. XII, стр. 220). С большим интересом Гоголь относился и к другим собраниям русских песен 30—40-х годов — к сборникам Снегирева и Сахарова, которые он использовал при составлении своего собрания. Любовь к русской (как и к украинской) песне Гоголь сохранял до последних лет своей жизни. «Песня, — писал он в «Учебной книге словесности», — составляет самый богатейший отдел поэзии у народов славянских. Преобладание поэтического элемента в глубине славянской души и особенно мелодическое расположение нашего языка были причиною происхождения бесчисленного множества песен...» (там же, т. VIII, стр. 474). С. Т. Аксаков рассказывает в своих воспоминаниях, что после возвращения в Россию зимой 1848/49 года Гоголь часто читал у Аксаковых вслух русские песни, собранные А. Терещенко в его книге «Быт русского народа» (СПб., 1848), «и нередко приходил в совер-

lib.pushkinskijdom.ru

шенный восторг, особенно от свадебных песен» (С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, М., 1890, стр. 185).

С книгой И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» Гоголь познакомился еще в 1838—1839 годах. «Снегирев мне полезен..., — писал он об этом 5 мая (н. ст.) 1839 года М. П. Погодину из Рима. — Иногда выкопает такую песню, за которую всегда спасибо». В связи с оценкой книги Снегирева Гоголь в этом же письме дал замечательную оценку русской народной поэзии: «Есть в русской поэзии особенные, оригинально-замечательные черты, которые теперь я заметил более и которых, мне кажется, другие не замечали... Эти черты очень тонки, простому глазу незаметны, даже если бы указать их. Но, будучи употреблены, как источник, как золотые искры рудниковых глыб, обращенные в цветущую песнь языка и поэзии нынешней доступной, они поразят и зашевелят сильно» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, 1952, стр. 223).

Для своего собрания русских песен Гоголь использовал песни «Болезный ты мой батюшка» и «Сидит олень под сырым дубком», извлеченные из указанной выше книги Снегирева (т. IV, М., 1839, стр. 159—160, и т. II, М., 1838, стр. 96—97).

Познакомившись с книгой Снегирева в конце 30-х годов, Гоголь снова обратился к ней в 1847 году. В письме к Н. М. Языкову из Неаполя от 20 января (н. ст.) 1847 года (Гоголь не знал еще в это время о смерти Языкова) он просил прислать ему «Народные праздники» Снегирева в числе других книг, которые были нужны Гоголю, «дабы окунуться покрепче в коренной русский дух» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XIII, 1952, стр. 191). После нескольких повторений этой просьбы в письмах к Шевыреву, книга Снегирева была выслана Гоголю Шевыревым в начале июня 1847 года (см. письмо Шевырева к Гоголю от 14/26 июня 1847 года в Отчете имп. Публичной библиотеки за 1893 год, СПб., Приложения, стр. 51, и подтверждение Гоголя о получении книги в письме к Шевыреву от 2 декабря (н. ст.) 1847 года в книге: Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XIII, 1952, стр. 398). Очевидно, книга была получена Гоголем в июле, до отъезда его из Франкфурта в Остенде, и тогда же Гоголь снова взялся за изучение собранных в ней песен, обращая на этот раз пристальное внимание на особенности народного языка и поэтического стиля. Одновременно Гоголь начал изучать материал о народных праздниках, содержавшийся в книге Снегирева (см.: Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VII, 1951, стр 361—371; позднейшие заметки, относящиеся к 1849 году, см. там же, т. IX, 1952, стр. 420—427).

Изучение Гоголем синтаксического строя народных песен связано с той огромной работой над языком, которая заняла одно из центральных мест в творческой деятельности Гоголя с конца 1830-х годов. «Пред вами громада — русский язык! Наслажденье глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его... Не читайте ничего, не делая тут же замечаний на всякое правило и на всякое слово, записывая тут же это замечанье ваше. Испишите десть и стопы бумаги, и ничего не делайте, не записывая», — писал Гоголь К. С Аксакову из Рима в конце ноября 1842 года (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XII, 1952, стр. 125, 126). Работая над «Мертвыми душами», Гоголь уделяет исключительное внимание вопросам русского языка, заполняя словарными записями многочисленные страницы своих записных книжек. Продолжая дело Пушкина, он стремится к дальнейшей разработке русского литературного языка на основе общенациональ-

lib.pushkinskijdom.ru

ного языка, к сближению литературного языка с живым разговорным языком народа, борется против салонного жаргона дворянской аристократии, создающегося среди ее «чужеземной жизни», «так мало свойственной духу земли и народа» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. IX, 1952, стр. 441). Публикуемая заметка Гоголя о синтаксисе дополняет уже известные и вошедшие в научный обиход материалы, характеризующие работу Гоголя над изучением народного языка: заметки гоголевских записных книжек и опубликованные Н. С. Тихонравовым материалы для объяснительного словаря русского языка, над составлением которого Гоголь работал после своего возвращения в Россию, в 1848—1851 годах (см.: Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 г., М., 1891, стр. 24—54 и 101—114, и Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. IX, 1952, стр. 443—485).

[1] Холст.
[2] Часть ткацкого станка, род гребня.

Г. М. Фридлендер

lib.pushkinskijdom.ru

НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ К ИСТОРИИ СЮЖЕТА «РЕВИЗОРА»

О том, что сюжет «Ревизора» был Гоголю внушен Пушкиным, мы знаем как из признаний самого Гоголя (в «Авторской исповеди»: «Мысль „Ревизора“ принадлежит также ему»; ср. также письмо Гоголя к Пушкину от 7 октября 1835 года), так и из ряда мемуарных источников, подтверждающих, что от Пушкина Гоголь мог слышать не один, а несколько сходных рассказов о «мнимом ревизоре», с разными их местными приурочениями. Так как «при нынешнем состоянии источников вопрос об исходной дате в истории замысла „Ревизора“ вполне точному решению не поддается» (см.: Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. IV, Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 524—526), то изучение важнейших вариантов этих рассказов Пушкина Гоголю с точки зрения времени их возникновения представляется небесполезным и желательным. В числе этих рассказов о «ревизорах», якобы сообщенных Гоголю Пушкиным (см. записи их у П. В. Анненкова, П. И. Бартенева, О. М. Бодянского и др.; ср. еще: Разговоры Пушкина. Собрали С. Гессен и Л. Модзалевский, М., 1929, стр. 229—230), уже давно обратил на себя внимание тот, который сохранен в «Воспоминаниях» гр. В. А. Соллогуба. По его словам, Пушкин рассказал Гоголю «про случай, бывший в г. Устюжне Новгородской губернии о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей». Сообщив далее о другом аналогичном происшествии (известном также и из других источников) с самим Пушкиным, которого в 1833 году во время его поездки за материалами для «Истории Пугачева» приняли за «тайного ревизора», имевшего будто бы предписание «обревизовать секретно действия оренбургских чиновников», В. А. Соллогуб заключил: «На этих двух данных задуман был „Ревизор“, коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом» (В. А. Соллогуб. Воспоминания. Редакция С. П. Шестерикова, М., 1931, стр. 516; впервые напечатано в «Русском архиве», 1865, № 5—6, стр. 744—745). Как ни кратко первое из этих сообщений Соллогуба, оно все же вызывает вопросы о том, был ли такой случай в городе Устюжне и действительно ли знал о нем Гоголь со слов Пушкина? На первый из этих вопросов мы имеем возможность ответить вполне утвердительно на основании документальных данных.

Во второй половине 20-х годов должность городничего уездного города Устюжны занимал Иван Александрович Макшеев. В прошлом это был гвардии капитан Кексгольмского полка, участник войн 1812—1814 годов, принимавший участие в осаде Данцига в 1813 году («Бумаги, относящиеся до Отечественной войны» в «Сборнике Новгородского об-

lib.pushkinskijdom.ru

щества любителей древности», вып. VI, Новгород, 1912, стр. 6). После ранений он был уволен в отставку и в 1824 году назначен городничим города Устюжны, сменив в этой должности Толбузина (приводим эти данные на основании документов Устюжской городской думы, просмотренных нами в 1920 году. В настоящее время местонахождение этого архива неизвестно).

Через пять лет после этого назначения в Устюжну приехал какой-то неизвестный человек, показавшийся новгородскому губернатору А. У. Денферу подозрительным. Городничий Макшеев получил по этому поводу от губернатора запрос, в форме письма, следующего содержания:

«27 маия 1829 года
Милостивый Государь мой
Иван Александровичь,

известясь частно, что проезжающий из Вологды на собственных лошадях и в карете некто в партикулярном платье с малтийским знаком, проживает во вверенном Вам Городе более пяти дней, о причине столь долгого его нахождения, ниже и того к какому он классу людей принадлежит, никто из жителей даже и сами Вы незнаете, почему необходимостию считаю иметь от Вас сведение по какому случаю проживал он в Устюжне невходил ли в общественные собрании и в присудственные места и необращал ли он какого либо внимания на какие-нибудь предметы, еслиже он и ныне находится в Устюжне спросить о звании его и меня без промедления времени уведомить.

С почтением имею честь быть,
милостивый Государь мой,
ваш покорный слуга
Август Денфер.

№ 5829
20 маия 1829
Новгород
Его Высокоб.
Макшееву»

Первая дата («27 маия 1829 года») — дата получения письма — написана не тем почерком, каким написано письмо.

Это письмо губернатора является официальной бумагой, занумеровано губернаторской канцелярией. Весьма возможно, что за любезным тоном скрывалась и тревога администратора, и его недовольство недостаточно бдительным городничим.

Ношение неизвестным проезжим мальтийского знака должно было в то время показаться подозрительным, так как русский мальтийский крест после смерти Павла I был упразднен. (Ношение ордена было запрещено специальным указом Александра I в 1817 году).

Мы не знаем, как ответил на запрос губернатора городничий, но полагаем, что уже факт сохранения городничим в своих домашних бумагах именно этого письма позволяет думать, что сам городничий придавал ему какое-то значение.

Конечно, запрос без ответа не остался. Но мы не знаем того, насколько удовлетворил губернатора ответ городничего, хотя нам известно, что губернатор немедленно решил лично обревизовать свою губернию. Но

lib.pushkinskijdom.ru

отправлялся он на ревизию не неожиданно и не инкогнито, а предупредил о своем приезде заблаговременно. В хранившейся в Новгородском областном архиве «Книге Устюжнской Градской Думы на записку получаемых из разных присудственных мест и от лиц сообщениев, отношениев и просителей прошениев № а 1829 год» в графе под заголовком: «По каким делам докладывано» записано «июня 4-го дня», под № 6358/181, «Предписание Г. Новгородского гражданского губернатора и кавалера... об отъезде его для обревизования губернии в последних числах июня и о прочем». Ни переписка, ни ревизия губернатора на служебном положении городничего Макшеева не отразились: он еще несколько лет после этого служил городничим.

К сообщению Соллогуба о приезде в Устюжну подозрительного путешественника отнеслись в свое время с полным доверием Н. А. Котляревский (Н. А. Котляревский. Н. В. Гоголь, изд. 3-е, 1911, стр. 308), А. И. Лященко (А. И. Лященко. «Ревизор» Гоголя и комедия Квитки «Приезжий из столицы». Сб. «Памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, стр. 524), П. О. Морозов (П. О. Морозов. Из заметок о Пушкине. «Пушкин и его современники», вып. XII, стр. 111—112) и позднейшие исследователи, занимавшиеся историей сюжета «Ревизора»: В. В. Гиппиус (В. В. Гиппиус. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. «Ученые записки Пермского Государственного университета», вып. 2, 1931, стр. 96), С. С. Данилов (С. С. Данилов. Гоголь и театр, Л., 1936, стр. 87) и другие. В 1913 году был напечатан фельетон Ф. Д. Батюшкова «Знал ли Гоголь Россию» («Речь», 1913, № 301). Отметим, что Ф. Д. Батюшков принадлежал к числу землевладельцев Устюжнского уезда (унаследовав после поэта К. Н. Батюшкова и этнографа П. Н. Батюшкова усадьбу «Даниловское»). В этом фельетоне Батюшков сослался еще на один источник, подтверждавший истинность сообщения Соллогуба. Таким источником оказались показания «местных старожилов». Можно думать, что провинциальные чиновники и местные жители действительно в чем-то попали впросак. Об их промахе, надо полагать, стало известно не только Соллогубу, но и другим литераторам, а в среде местного дворянства память о комическом происшествии сохранялась довольно долго.

Городничего давно уже не было в живых, когда в литературе появились сведения о том, что в основу «Ревизора» Гоголем положен факт, имевший место в городе Устюжне. Реагировать на это пришлось уже не городничему, а его семье.

Сын городничего Алексей Иванович Макшеев (1822—1892) был профессором Николаевской военной академии генерального штаба. В юные годы это был прогрессивно настроенный офицер, имевший связи с кружком петрашевца Н. А. Момбелли. Не удивительно, что он постарался променять обстановку николаевских казарм на работу научного исследователя в области топографии и статистики.

В бумагах профессора Макшеева оказался черновик заметки, которая была написана им за год до его смерти. Заметка осталась неопубликованной, но, очевидно, предназначалась к напечатанию. Приводим ее полностью.

«Заметка, касающаяся „Ревизора“ Гоголя

В печати не раз повторялось известие, что происшествие, послужившее сюжетом для комедии Гоголя Ревизор, случилось в городе Устюжне Новгородской губернии. Перед появлением Ревизора, то есть в конце двадцатых и начале тридцатых годов нынешнего столетия, город-

lib.pushkinskijdom.ru

ничим в Устюжне был мой отец человек в высокой степени добрый мягкий и честный, не имевший ничего общего с Сквозник-Дмухановским. Гоголь не мог, конечно, писать портреты лиц, совершенно ему незнакомых. Он рисовал образы, создаваемые ему фантазией, при помощи скопленного им запаса личных наблюдений. Относительно великорусской уездной жизни, запас этот был однако далеко не так богат, как у Салтыкова, но все происшедшие отсюда ошибки в комедии остались незаметными, благодаря громадному комическому таланту Гоголя. Позволю себе указать на некоторые из этих ошибок:

Уездный Судья, избираемый в дореформенное время из наиболее уважаемых дворян, большею частью не знал законов и ограничивал свою деятельность подписыванием бумаг, заготовленных Секретарем, но не был Ляпкин-Тяпкиным. Ляпкины-Тяпкины были Исправник, хотя тоже выборный, но из дворян другого склада, чем судьи, секретари судов и многочисленное сословие приказных, о которых комедия умалчивает.

Никакого попечителя богоугодных заведений не было, по крайней мере в таких городах, как Устюжна, потому что не было самих богоугодных заведений.

Учитель истории, не только не воодушевлялся в своих рассказах до ломания стульев, но и ничего не рассказывал, и ограничивал свою деятельность спрашиванием заданного места в книге и поркою тут-же среди класса не выучившего урока.

Добчинский и Бобчинский — лица выдуманные ради комизма. С другой стороны в комедии нет крупных деятелей в дореформенном уезде, как исправник, секретари, предводитель дворянства, стряпчий, откупщик и проч.

Гоголь не имел, конечно, в виду изобразить точной и полной картины строя уездной жизни и ограничивал свою задачу облечением в комическую форму анекдота о ревизоре, рассказанного ему Пушкиным.

Анекдот этот мог быть связан с городом Устюжною, но я не слыхал о нем ни от отца и ни от кого из старожилов города. Нынешним летом, разбирая фамильные бумаги, я нашел подлинное официальное письмо Новгородского губернатора Денфера к моему отцу от 20 мая 1829 года за № 5829, с отметкою рукою последнего о получении его 27 мая того же года. Письмо это, писанное малограмотным писарем без всяких знаков препинания, касается проезда какого-то неизвестного, в партикулярном платье и с мальтийским знаком, из Вологды в Устюжну на собственных лошадях и в карете. Обстоятельство это, вероятно, и послужило основой легенды о ревизоре. Вот это письмо: <см. выше, стр. 32>.

А. М.
25 сентября 1891 г.»

Повидимому, приведенным выше письмом губернатора заметку предполагалось закончить, так как в конце стоят уже инициалы автора и дата.

Аргументы А. И. Макшеева не убедительны. Непонятно, каким образом «легенда о ревизоре» могла быть порождена секретным письмом, о существовании которого никто до настоящего времени и не знал. Гораздо правдоподобнее предположение, что и прежнее молчание и намечавшееся выступление в печати имели одну и ту же цель: во что бы то ни стало реабилитировать отца. Так же действовали и другие члены семьи. Двадцать лет тому назад две родственницы профессора Макшеева передали мне портрет городничего Макшеева, заявив при этом: «Это —

lib.pushkinskijdom.ru

тот, о котором Гоголь писал... Смотрите, не вздумайте в музей отдавать, лучше в печке сожгите». Это странное требование, разумеется, не было выполнено. Затем одна из дочерей профессора Макшеева подарила мне публикуемые здесь документы, а другая в своем письме написала мне: «Я боялась бы лишь одного, — чтобы честное имя дедушки не подверглось нареканию». В настоящее время никого из них уже нет в живых.

Все названные выше документы переданы мной в Рукописный отдел ИРЛИ (ф. 652, оп. 2, № 88, 89; см: М. И. Малова. Обзор новых материалов, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы. «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома», вып. III, М.—Л., 1952, стр. 86—87). Здесь же находится упомянутый акварельный портрет городничего города Устюжны (неизвестного художника 1830-х годов) (см.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома, I, Н. В. Гоголь, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 78).

Итак, на первый вопрос: был ли в Устюжне такой случай, о котором рассказывает В. А. Соллогуб, можно ответить утвердительно.

Труднее ответить на другой поставленный выше вопрос: дошли ли рассказы о происшествиях в городе Устюжне до Гоголя в передаче Пушкина?

В области географической номенклатуры у Гоголя есть один факт, который позволяет нам утверждать, что Гоголь слышал об устюжнской истории. Если мы учтем различные географические пункты (не принимая в расчет столицы и губернские города), которые названы в художественных произведениях Гоголя, то окажется, что мы найдем здесь около пятидесяти украинских названий, упоминаемых до двухсот раз. Мы встретим здесь и города, и местечки (Миргород, Диканька, Запорожье, Гадяч, Сорочинцы, Канев, Галич, Батурин, Глухов, Дубно, Лохвица, Конотоп, Умань, Буджаки, Кременчуг, Нежин, Немиров, Переяслав, Ромны, Черкассы, Чигирин, Шклов, Шумск, Перекоп и др.), и реки (Днестр, Голтва, Псел, Сула, Остер, Сейм, Хорол), и монастыри (Братский, Межигорский, Киевский), и дороги (Переяславская, Опошнянская, Чухрайловская) и т. д. Названия же русских мелких географических пунктов встречаются у Гоголя так редко, что их можно пересчитать по пальцам. Торговцы мясом названы холмогорскими купцами; какие-то подравшиеся купцы названы устьсысольскими и сольвычегодскими. Упоминаются Тетюши и Царевококшайск, запомнившиеся, очевидно, благодаря своему необычному звучанию. Торжок упомянут в связи с тем, что именно в нем шились описываемые автором туфли. Зато у Гоголя встречаются никогда не существовавшие местности: город Тьфуславль, Тремалаханский уезд, деревни Гурмайловка и Трухмачевка, или даже просто «город Б». Поэтому нельзя не обратить внимания на то, что в тех двух случаях (в «Мертвых душах» и в «Тяжбе»), когда Гоголю нужно было намекнуть на провинциальное захолустье, от которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь», он употребил название Весьегонска (ближайший от Устюжны город) и название Устюжского уезда.

В комедийных фрагментах «Тяжба» (напечатано в 1840 году) «Устюжский уезд» упоминается даже дважды («Знавали ли в устюжском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову?»; «оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде», — Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, 1949, стр. 112, 113). Не случайно Гоголь назвал уезд Устюжским, а не Устюжнским. В его время именно так и говорили. Только в последнее время, уже на нашей памяти, по мере распространения всеобщей грамотности, произношение «Устюжнский» вытеснило старую форму «Устюжский». В свое

lib.pushkinskijdom.ru

время она даже доставила много неприятностей почтовым чиновникам, которым по этому поводу приходилось часто сноситься и переписываться с Великим Устюгом (уезд которого официально назывался «Устюгским»). Форма «Устюжский» употреблялась очень часто и в официальных документах. Поэтому мы можем утверждать, что Гоголь про Устюжну и ее уезд когда-то слышал. Из мемуаров Соллогуба ясно, когда и что именно он слышал.

Таким образом, и на второй вопрос: слышал ли Гоголь о подозрительном устюжском путешественнике, можно, повидимому, ответить утвердительно. Неясным остается лишь то, от Пушкина ли дошел до Гоголя этот рассказ: помимо свидетельства Соллогуба, мы не имеем других данных о знакомстве с устюжскими событиями Пушкина. Гоголь мог услышать об этом и от кого-либо другого из числа своих петербургских знакомых. С другой стороны, нельзя утверждать, что история об устюжском авантюристе легла в основу создания «Ревизора», даже приняв высказанную выше догадку о знакомстве с ней Гоголя.

Гоголевские герои, при всем своем широком типизме, сплошь и рядом так тонко отшлифованы, так ярки и жизненны, что могут показаться чьим-нибудь портретом, а между тем именно у Гоголя портретов-то и нет. И сам Гоголь протестовал против такого, слишком узкого понимания своих героев. В «Театральном разъезде» он говорит устами второго зрителя, что нельзя принимать «за личность то, в чем нет и тени личности... Это сборное место» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, 1949, стр. 160). «Поясняя свой метод создания характеров, — писал В. В. Гиппиус, — Гоголь не раз отмечал независимость своих образов от непосредственных реальных прототипов. Он называл свой метод методом „соображения", подчеркивая, что в типах его объединяется многое, „разбросанное в разных русских характерах", настаивал, например, на том, что хлестаковские черты могут встречаться у людей, не лишенных достоинств — и даже у каждого человека. . .» (В. В. Гиппиус. Заметки о Гоголе. III. Вариант Хлестакова. «Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук», вып. 11, Л., 1941, стр. 9). Многочисленность вариантов рассказов о «мнимых ревизорах», якобы переданных Гоголю Пушкиным также подтверждает обобщающую типичность не только отдельных образов комедии Гоголя, но и всего ее сюжета. Ближайшие современники Гоголя неоднократно возвращались к обсуждению этого вопроса и решали его утвердительно. Напомним, в связи с этим, забытое свидетельство в очерке А. П. Милюкова «Современные самозванцы», относящееся к 60-м годам.

«В одном полузнакомом доме, — рассказывает А. П. Милюков, — случилось мне попасть на давно уже опошленные споры о том, возможен ли в действительности случай, на котором Гоголь основал своего Ревизора. Ну, зачем бы, кажется, толковать в наше время о таком старом вопросе, который десятки лет обсуживался и критикой, и самой публикой? Между тем спор тянулся почти целый вечер. И кружок, в котором об этом толковали, состоял не из темных, отсталых стариков: тут были люди, знакомые и с литературой, и с русской жизнью: студенты, офицеры, доктор, учитель из какого-то казенного заведения и три или четыре дамы, читающие постоянно журналы. Правда, сомнение в том, чтобы фат Хлестаков в состоянии был напустить туман на целый город и разыграть в нем роль влиятельного человека, поддерживалось в отрицательном смысле не больше как двумя или тремя лицами; все же остальное общество заявило, что подобный случай представляет у нас явление, не только возможное,

lib.pushkinskijdom.ru

но нисколько не исключительное, даже обыденное, естественно вытекающее из строя нашей жизни.

«Тут поставлены были на вид давно известные аргументы о том, что действие комедии происходит в городишке, от которого, по словам одного из действующих лиц, хоть скачи три года, ни до какого государства не доедешь, что чиновники с грязной совестью, застигнутые врасплох вестью о приезде официального инкогнито, ошеломлены этим неожиданным ударом, и наконец все действие пьесы длится несколько часов, с утреннего сборища в доме городничего до отъезда мнимого ревизора в тот же вечер».

Приведя ряд рассказов о «подвигах этих Хлестаковых» недавнего времени, А. П. Милюков заключал свой очерк следующими словами: «Рассказы эти, сколько я заметил, поколебали скептиков, не веровавших в возможность завязки и развязки „Ревизора“. Они, кажется, перестали сомневаться в том, что подобные мистификации случаются у нас сплошь и рядом, не только в провинциальных захолустьях, но близь центра и даже в самом центре нашей отечественной цивилизации» (А. П. Милюков. Рассказы и путевые воспоминания, СПб., 1873, стр. 319—320. 343—344).

А. А. Поздеев

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

‹ЮНОШЕСКАЯ РЕЦЕНЗИЯ›

Добролюбов очень рано осознал себя критиком. Уже записи так называемых «реестров читанных книг» быстро теряют форму простого перечня прочитанного и перерастают в небольшую критическую заметку, характеризующуюся и самостоятельностью мысли и особым тоном — четкой установкой на читателя. Таковы записи о Пушкине, Лермонтове, Кольцове, Терещенко и других. Критик по натуре, Добролюбов пишет отзывы о прочитанных книгах и уже в них полемизирует с редакцией, поучает автора, размышляет о восприятии произведения разными читателями, делает выводы, выходящие за пределы произведения. Написать о воспоминаниях Булгарина, о Дюма, о Шекспире или о Диккенсе — значит для него не просто зафиксировать для себя достоинства или недостатки прочитанного; он писал эти отзывы, имея в виду приятелей, семинаристов, вообще читателей. «Роман. . ., производящий глубокое впечатление на читателя», — пишет Добролюбов о Дюма. «Обвиняют Дюма в неправдоподобности . . ., — продолжает он, полемизируя с другими критиками, — но обвинители его не были на м‹есте› М‹онте›-Кр‹исто›. . .» и т. д. «Как осмелиться писать глупую пародию на Великое произведение Шекспира? Это значит не иметь уважения ни к Шекспиру, ни к публике образованной и не иметь никакого вкуса. Это не делает чести Каратыгину» (7 апреля и 23 мая 1850 года, — ИРЛИ, архив Н. А. Добролюбова, 124/1952. VIII с, лл. 11 и 14 об.). Перед нами восклицания критика, обращающегося к публике.

Если на читателя Добролюбов пока ориентируется еще бессознательно, то через несколько лет этот гипотетический читатель будет найден среди подписчиков «Журнала для воспитания», а вскоре и «Современника».

Подготовленная «реестрами» деятельность критика искала своего выражения. В 1853 году Добролюбов писал уже критические заметки — рецензии на рассказы Григоровича, на книгу магистра П. Делицына и пр. (см.: Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, 1934, стр. 596—598).

Но оказывается, еще на три года раньше Добролюбов уже «выступал» как критик. В первом и единственном номере семинарского рукописного журнала «Ахинея», составленного, вероятно, во второй половине апреля или в начале мая 1850 года, Добролюбов поместил начало своей рецензии на рукописный же сборничек стихотворений своего друга и одноклассника Митрофана Лебедева. Рецензия была написана 11—13 апреля 1850 года (дата проставлена Добролюбовым) и по праву может считаться его первой рецензией.

lib.pushkinskijdom.ru

Работа получилась большая. Добролюбов шаг за шагом анализировал недостатки стихов Лебедева. Семь лет спустя он вспомнил, что «написал две жесточайшие статьи о его стихотворениях и даже отбил у него охоту к стихам. Мне было тогда 14 л. и на Леб‹едеве› сделал я первую пробу моего критического таланта. В прошлом году перечитывал одну из этих статей и удивлялся, сколько уже тогда умел я выказывать здравого смысла, как остроумно умел придираться к каждому слову (что теперь, при большем развитии рассудка, я уже не умею) и как мало имел я поэтического чувства... Стихи Леб‹едева›, впрочем, и не могли возбуждать его: они были действительно плохи» (Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. VI, 1939, стр. 456). (Отметим, что нам известна лишь одна статья Добролюбова о стихах Лебедева. Говоря о «двух статьях», Добролюбов, возможно, первой считал помещенную в «Ахинее», а второй — оставшееся в рукописи окончание).

Эта самокритическая запись довольно точно характеризует рецензию Добролюбова. Но автор ее из скромности преуменьшает ее значение. Рецензия интересна как показатель исключительного развития 14-летнего семинариста. Добролюбов сумел верно определить основной порок стихов Лебедева — бенедиктовщину и противопоставить ей Пушкина. (Рецензированный Добролюбовым сборник не сохранился. В архиве Добролюбова в Пушкинском Доме находятся два стихотворения Лебедева — «Луна» (в «Ахинее») и отдельно «Элегия» (№№ 38 и 105 по описанию В. Н. Княжнина; ИРЛИ, 38/1866. VIII с., л. 3, и 105/1933. VIII с). На оба стихотворения Добролюбов ссылается в рецензии. Для этого надо было хорошо знать современную поэзию, хорошо в ней разбираться и понять пути ее развития, надо было суметь преодолеть, притом совершенно самостоятельно, свойственные в то время провинциальным читателям увлечения поэзией Бенедиктова. Судя по тому, что Добролюбов был знаком (это видно из черновых бумаг, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) с отдельными томами «Телескопа», в частности, с тем томом, в котором было напечатано «Философическое письмо» Чаадаева, нет ничего невозможного в предположении, что он читал и XXVII том, в котором была напечатана известная рецензия Белинского на стихотворения Бенедиктова.

Особо следует отметить пристальное внимание Добролюбова, уже в это время, к вопросам языка. Подробный анализ стихов Лебедева Добролюбов в значительной степени построил именно на показе их стилистических нелепостей. Добролюбова раздражает неряшливый язык с претензией на поэтическую изысканность. Неправильное словоупотребление, банальные метафоры и словесные штампы, неверные ударения, искажающие ритм, — ничто не ускользает от внимания 14-летнего семинариста. Замечателен по своей точности и тот совет, который Добролюбов дает своему другу, если он хочет «исправиться»: «Для этого мы советуем ему особенно прочитать Пушкина. Там найдет он, что истинная поэзия состоит не в блестящих метафорах, не в гигантских гиперболах, часто совершенно бессмысленных, но в самой мысли, и что чем естественнее выражена эта мысль, тем лучше» (см. ниже, стр. 66—67).

Митрофан Ефимович Лебедев учился в Нижегородской семинарии одновременно с Добролюбовым и приходился ему дальним родственником: сестра Лебедева, Елена Ефимовна (ум. в 1858 г.), была замужем за дядей Добролюбова, Василием Ивановичем. В 1854 году, по окончании семинарии, Лебедев начал преподавать в Нижегородском духовном печерском училище. Талантливый русский самородок, Лебедев сразу же был выделен Добролюбовым из довольно серой массы товарищей по

lib.pushkinskijdom.ru

семинарии. «Это — человек замечательный по-своему», — записал он в дневнике в 1857 году (Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. VI, 1939, стр. 456).

Лебедев писал стихи, рисовал, занимался скульптурой, интересовался физикой, механикой, естествознанием. Развитие его быстро шло вперед. Если летом 1854 года он ужасался, когда Добролюбов читал ему в Нижнем Новгороде ходившее по рукам стихотворение П. Л. Лаврова «К русскому царю», то уже в 1857 году он, по словам Добролюбова, «стремился читать все, что только может указать ему истину, и просил руководить его чтениями» (там же, стр. 457). Для начала Добролюбов дал ему «О развитии революционных идей в России» Герцена. Какого характера было это руководство в дальнейшем, видно из печатаемых в настоящем томе «Литературного архива» писем Лебедева к Добролюбову (см. ниже, стр. 73—76).

Служба в училище не могла удовлетворить Лебедева. В 1856 году он сделал изобретение, связанное с ускорением скорострельности ружей, и предложил его военному ведомству. Член военно-ученого комитета, генерал-майор князь Н. С. Голицын (Добролюбов ошибочно называет его генерал-фельдцехмейстером) вызвал Лебедева в Петербург и определил на службу.

Вскоре Лебедев занялся, кроме своих прямых обязанностей, еще и организацией библиотеки для служащих и рабочих Сестрорецкого оружейного завода и просил Добролюбова о помощи в этом деле. Можно не сомневаться, что она была оказана. (Некоторый материал о революционных традициях сестрорецких рабочих см. в книге: А. Матвеев и В. Тарасов. Большевистская организация и сестрорецкие рабочие в 1905 г., ГИЗ, 1926).

В Петербурге Лебедев продолжал быть близок Добролюбову: был он при нем и во время предсмертной болезни, а вскоре после кончины великого критика написал по просьбе Чернышевского воспоминания о годах их совместного учения в семинарии (см.: «Современник», 1862, № 1, стр. 266—274).

В 1858—1861 годах коллежский регистратор Лебедев значится в «Адрес-календарях» секретарем правления Сестрорецкого оружейного завода. Дальнейшими сведениями о нем мы не располагаем.

Печатается по автографам ИРЛИ (архив Н. А. Добролюбова, 38/1866. VIII с и 46/1874. VIII с). Небольшой отрывок был опубликован в «Литературном критике», 1938, № 9—10, стр. 287—288.

14 ИЗВЕСТИЕ О НЕКОЕМ НОВОЯВЛЕННОМ, ВЕЛИКОМ, НЕ РАЗГАДАННОМ СУЩЕСТВЕ И О ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯХ, ВЫШЕДШИХ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ in 4-ку , на 26 страницах, ПОД НАЗВАНИЕМ:

СТИХОТВОРЕНИЯ МИТРОФАНА ЛЕБЕДЕВА, 1850 г.

Многое есть в природе, Горацио,
что и не снилось нашим мудрецам.

Шекспир.

Вот великая истина, которая одна только может идти в эпиграфы к стихотворениям Митрофана Лебедева! Подлинно — в природе много таких вещей, которые и не снились

lib.pushkinskijdom.ru

никому, об которых и не думал никто. Но вот, в лето от создания мира 7358, воплощения же бога слова 1850, в месяце иануарие, божиею милостию является Великий Гений —
14 об. Поэт, | Физик, Механик, Астроном, и проч. и проч. — и открывает множество неизведанных доселе тайн природы. Слава нашему 1850 году, произведшему такого Гения. Слава Митрофану Лебедеву. Имя его прогремит в потомстве. Чего, чего нет на этих 26 страничках! Чего нет! Разве только птичьего молока и свиных рогов! И то нет, вероятно потому только, что Митр. Лебедев не хотел тратить времени на такие пустяки; если бы он занялся этим, он наверное открыл бы и это в природе, которая, кажется, боится его, как собака палки. Но начнем по порядку излагать достоинства его к н и ж и щ и.

NB. Мы называем его книгу книжищею не потому, что она велика или толста, но потому единственно, что в ней находятся в е л и к и е мысли.

Снилось ли кому нибудь, напр‹имер› что ш у м д ы ш и́ т?
15 А? | Ведь наверное нет... А вот наш Великий человек ясно показывает человечеству, что *шум дышит*, да еще как дышит! Послушайте-ко, или, если не побоитесь, посмотрите на 4 странице стих‹отворений› М. Лебедева:

И шум, как будто водопад,
Дышит под сладостною тенью!..

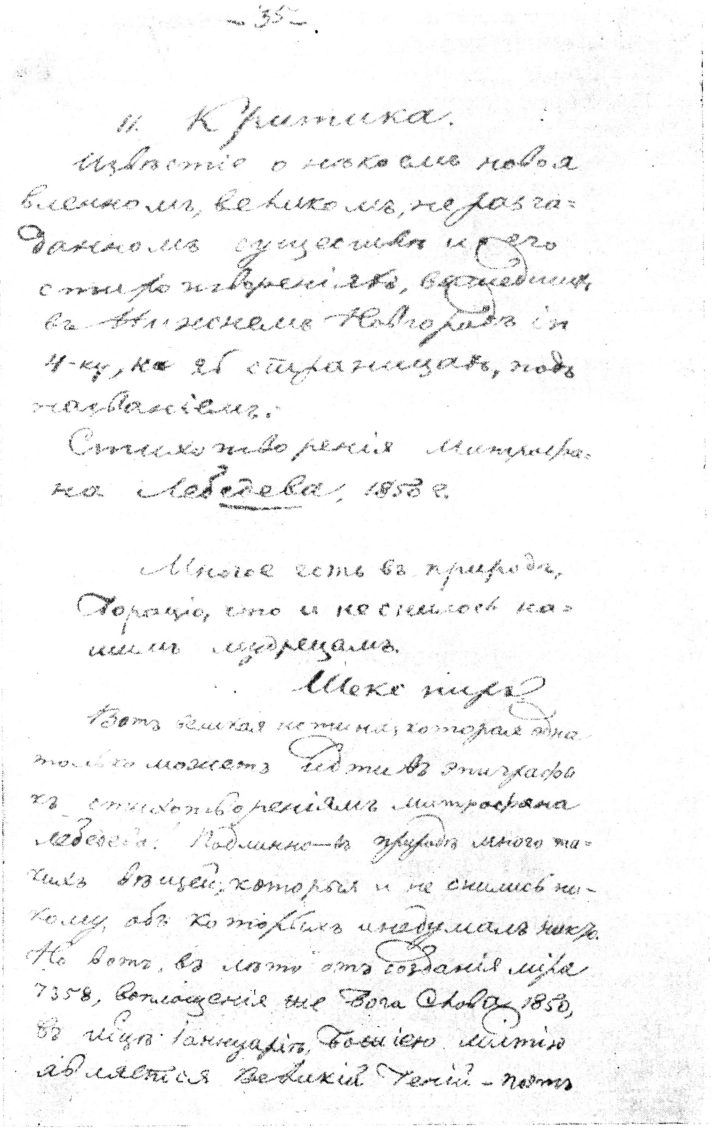
Чудная истина! Снилось ли кому нибудь, что в мире так во всем распространено дыхание? Наверное нет, а между тем в природе все дышет. Да-с — все. Прошу не сомневаться. Все различие состоит в том, что иное в природе *дыши́т*, иное ды́шит, а иное ды́шет... Вот напр‹имер› *тень* лесов *дышет*, летом, а осенью не дышет. Видите ли — даже и тень дышет! Да еще не просто, а дышет сладостью благовонных растений. (И все это тень! Чудны дела твоя, господи!..)

А вот еще истина, которую и мы, не смотря на свой маленький умишко, испытали на себе. На стр. 2-й стих‹отворе-
15 об. ний› *мороз дохнул*. И действительно, | когда мы читали это место, то сами, персонально, почувствовали, как *дохнул на нас мороз* и подрал нас по коже. Так и отметим: probatum est, — испытано...

Далее на стр. 4-й стих‹отворений› Лебедева, земля дышет, а —

На лоне д ы ш у щ е й земли
Цветы прелестные *виднеют*...

lib.pushkinskijdom.ru

и К[ритика].

Известіе о нѣкоемъ новомъ великомъ, великомъ, недавно-данномъ существѣ и его стихотвореніяхъ, явившемся въ Нижнемъ Новгородѣ и т-ку, ко[торое] старающемся, подъ псевдонимомъ.

Стихотворенія Митрофана Лебедева, 1850 г.

Много есть въ природѣ, Горацію, что и не снилось нашимъ мудрецамъ.

Шекспиръ

Вотъ книга не такая, которая это только можетъ быть въ этимологіи стихотвореніямъ Митрофана Лебедева. Подлинно-въ природѣ много такихъ вещей, которыя и не снились никому, объ которыхъ и не думалъ никто. Не вотъ, въ лѣто отъ созданія міра 7358, воплощенія же Бога Слова 1850, въ нѣкоторый январіи, вышло свѣтъ явленіе великій. Такій - поэтъ

Автограф рецензии Н. А. Добролюбова на «Стихотворения Митрофана Лебедева, 1850 г.», стр. 35.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskijdom.ru

(NB. Вероятно — надобно читать: виднеются). Ну уж это просто — чорт знает, что́ такое, как сказал бы Гоголь... Ради бога, помилосердуйте. Что это? посмотрите — шум дыши́т, тень дышет, мороз дохнул, ай, ай, земля дышит, ой, не говоря уж об ветерке. Это просто — беда. Летом — тень, зимой мороз, под ногами земля, сбоку шум, спереди, сзади, везде — ветерок — все это разом разевает рты свои — дышит, дуется, раздувается, как кузнечный мех и прямо вам в уши... мучит, терзает вас... Прибавьте к этому — каково бывает вам, когда на вас дохнет человек, наевшийся луку или накурившийся табаку, или что нибудь этакое. А? каково? Нехорошо? |

16 Судите же, каково вам будет, когда на вас дохнет земля, в которой находятся самые корни луку, табаку и прочих веществ, имеющих запах, гораздо хуже, нежели лук и табак. Ужасно!..

А вот, не угодно ли посмотреть, как в природе все улыбается? Несет приветы? Дары? Не угодно ли посмотреть на эфир, даль, эмаль, денницу? Не угодно ли взглянуть на знамя часов? Да правда, — нет, мы лучше покажем вам, как в природе все лобзается или лобызается... Это, по крайней мере, хоть не много подсластит вам горечь от неприятного запаху луку и проч. и проч.

Вот смотрите: — Ветерок, —

Лобзая персть земную
В дальность света упорхнул.

Бедная персть земная! Представьте себе горестное ее положение... Ветер схватил ее за волосы, непременно за волосы: это всего удобнее... (А волосы у земной персти непременно
16 об. должны быть, потому, что у ней есть же | ведь губы, а при губах нужно иметь и голову. Представлять же себе персть земную лысою вовсе нет никакой надобности. Скажите, не легче ли же всего было ветерку схватить ее за́ волосы, намереваясь, лобызая ее, в то же время, *порхнуть* в дальность света?!) Итак — ветер без всякого милосердия — (Да где ему знать и милосердие-то? Язычник ведь поганый!) — схватил персть земную за волосы, начал лобзать ее да и улетел в дальность света. (Такой разбойник!..) А там и кинул ее... Двойное злодейство: персть земную залобызал, да еще свет ему помешал. Кажется в дали ведь, так нет — свет и в дали́ ему нестерпим: надобно было забросать дальность света земной перстью!.. Явно отсюда, что ветерок, который воспевают

lib.pushkinskijdom.ru

Поэты, вовсе не такого добропорядочного поведения, как его изображают: он просто злодей, злодей, каких не бывало даже в романах Виктора Гюго и Александра Дюма! Вот как! . . |

А вот дальше, так совсем другое: тут уже *солнце лобызает мир животворными лучами и переходит поспешными стопами* (бегóм?) *через эфир.* Как‹им› обр‹азом› солнце лобызает мир, когда уже давно известно, что рот (и то с одной губой) находится только у месяца, а у земли и лучей солнечных *такового* не имеется, — а след‹овательно› им и целоваться между собой нельзя; как‹им› обр‹азом› узнал Поэт, будто солнце переходит через эфир, когда эфиру еще не определено границ, — Великий Астроном М. Лебедев этого не объясняет; он просто говорит: *17*

Животворными *лучами*
Лобызает солнце мир,
И поспешными стопами
Переходит чрез эфир...

А впроч‹ем› и сам Великий Астроном говорит в другом месте:

Инде *звездочка мерцает*
На (?) *эфире голубом;*

А солнце, — как доныне думали, — никогда не заходит дальше звезд, след‹овательно› оно и не могло перейти эфир, | где сияют звезды... Мы так думаем, а впроч‹ем› не утверждаем: может быть Великий человек нашел новые законы движения планет. Во всяком случае просим объяснить нам это *лобызание и перехождение солнца чрез эфир.* *17 об.*

Далее М. Лебедев веселится, что —

... игрун-*ветерок*
Тихо *качает рукою шутливой,*
Будто лобзая златой *колосок...*

Мы было призадумались над тем, чем особенно веселился Великий Человек, при этом случае. Кажется веселого ровно ничего нет. Мы даже, — (с позволения вашего, Г-н Великий Человек) — мы было даже... даже... — осмелились — зевнуть при этом... извините!.. Наконец мы вздумали, что означенному Великому Человеку весело было оттого, что он при этом открыл несколько великих истин, а именно: 1, что ветерок — игрун. (Что, между прочим подтверждает наше предположе-

lib.pushkinskijdom.ru

ние о земной персти. Ему ничего не стоило схватить ее за
18 волосы: ведь он такой — игрун!) | 2., что у ветерка есть рука и еще рука шутливая, 3. что он очень любит лобызаться...

Но главное тут, сколько мы могли понять, состоит вот в чем: ветерок качает *шутливою рукою* златой колосок (NB. Какой сильный этот ветерок: золотые прутики шутя качает!); из этого Великий человек, М. Лебедев выводит, что он лобзает этот колосок. Отсюда следует, что если хочешь лобызать кого-нибудь, то нужно наблюдать следующую церемонию: прежде возьми этого кого-нибудь шутливой рукой, и покачай его; тогда это похоже будет на действительное лобзание!!!?!.. Теперь и прекрасный пол будет благодарен Вел‹икому› Человеку: он открыл новую примету неверности мужей. Теперь, если женщина увидит, что муж ее покачнулся, она точас догадается, что это кто-нибудь качнул его *рукою шутливой, будто лобзая;* она тотчас начнет следить за ним, и неверность будет |
18 об. открыта... Ах, если б введен был у нас прекрасный обычай — качать друг друга *при лобзании!* . . . . . .
. . . . . .

После этого у Вел‹икого› Человека вдруг несколько открытий. И всего на двух строках. Вот они, эти строки:

«Время расцветшей древесною губкой
«Часто целует кресты по местам».

Из этого видно: 1., что древесная губка делается от *поцелуя времени*, так же, как от поцелуя лихорадки обметывает лице; 2., что можно целовать не прямо в губы, но еще посредством губки. NB. Новый обычай: если хотите поцаловать кого, так, чтобы у того, кого вы поцаловали, надолго остался знак, то целуйте его *древесною губкой*, а не собственными губами. 3. В этих стихах есть еще важное открытие, а именно: время, как ни скоро бежит оно, не забывает между тем и пошалить,
19 поцаловаться, у него стало даже ума, за неи|мением собственных губ, изобресть новый род поцалуев, посредством древесной губки... Вот сколько новых открытий в этих двух строках!

Далее у М. Лебедева опять лобзание. У него лазурная чаша, опрокинутая вверх дном на землю, обнимающая краями нашу вселенную, —

Лобзает предел горизонта кругом!..

Вот и еще открытие. Теперь уже не нужно Сизифова камня, Танталовой бочки, и прочих мук, выдуманных прež-

lib.pushkinskijdom.ru

Титульный лист рукописного журнала «Ахинея», 1850 г., № 1.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

lib.pushkinskijdom.ru

ними стихотворцами. Мучение чаши М. Лебедева превосходит все эти мучения. Представьте себе: эта чаша (в которой по всей вероятности должно подозревать небо) опрокинувшись вверх дном, должна постоянно «*обнимать нашу вселенную*» и «*лобзать предел горизонта*»!

Вы знаете, как не любит землю и все земное все небесное, и след‹овательно› можете понять с каким болезненным чув-
19 об ством должно небо, или лазурная | чаша лобызать землю! Притом какое ужасное положение — вверх дном или вверх ногами!.. И быть прикована к одному месту и непременно, не отводя рук, все обниматься, не отводя губ, целоваться!.. Если бы всех преступников ставить вверх ногами и заставлять лобызать и обнимать тех, кого они особенно не любили, едва ли не лучше было бы Сизифова камня!.. Правительство также должно быть благодарно Вел‹икому› Человеку за изобретение такой прекрасной казни! . . . . . .

Но отвратим взоры свои от этих ужасов и лучше посмотрим на исчисление свойств ветра или ветерка.

На 1-й стр. являются *ветры* неугомонные. На стр. 4-й *ветерок* 1., веет, 2. вьется, 3., о чудо! — льется. 4. лобзает цветок, 5. качает шутливо листьями, 6. свевает ароматическую пыль
20 с *розы* и с лилий. | 7. колышет гибкую (вероятно гибкий) ковыль, 8. напевает *идиллий*, (т. е. *идиллию*) NB. Странно однако, как Вел‹икий› Человек коверкает слова! Впрочем он, вероятно, открыл и новые свойства языка, также, как открыл тайны природы. Итак он и *Грамматик*, — виноваты *Филолог*... Новое качество!..

На стр. 6-й свойства ветерка: 1. он провевает; 2. он провевает с востока; 3. он легкокрылый.

На стр. 7-й еще свойства: 1., он нежно шепчет с листочками; 2. отряхает с природы лень ночную; 3. лобзает персть земную; 4. упорхает в дальность света.

На стр. 9. еще свойства: 1. ветерок дремлет в долине. От этого в нем усыплены многие свойства; но если бы он не дремал, то — 2., порхал бы меж дерев; 3. двигал бы лист *на осине*; 4. трогал бы кусты.

На стр. 13. ветерок является: 1., игруном; 2. с рукою шутливой; 3. качает златой колосок.

Наконец на стр.[а] ветер: 1. превращается в вихрь; 2. *забро-*
20 об. *дит* на могилу усопшего; 3. на|поминает о благах, презренных

[а] *Цифра пропущена.*

lib.pushkinskijdom.ru

им; 4. напоминает о персти земной; 5. мчится в даль от погоста! . . . . . .

Итак 27 свойств ветерка!. Из них удивительнейшие: 1. то, что он льется; 2. то, что он беспрестанно лобзается. Здесь мы замечаем в нем одно нехорошее качество: лобзание без разбору, то он лобзает персть земную, то цветок, то колосок. А не видно, чтобы он отирал у себя губы: так он, чем свевать ароматич‹ескую› пыль с цветов, лучше бы свеял пыль земной персти у себя с губ!.. Впрочем, может быть, он лобзается посредством древесной губки!.. Третье замечат‹ельное› свойство ветра: он может *дремать*!.. Мы доселе думали, что ветер, когда не действует, то тотчас же уничтожается, и когда ветер не дул, то мы обыкновенно говорили: нет ветру; но теперь В‹еликий› человек открыл, что ветер, когда не дует, то дремлет... Верим ему на́ слово!..

Самое же отрадное свойство ветра то, что он *мчится в даль*. К несчастию не смеем надеяться, что этот ветер не *прискачет* — (это свойство забыл В‹еликий› Человек) — опять к нам.

Уже давно было он с земной перстью упорхнул в дальность света, а все-таки опять между нами явился!.. Что с ним делать то? . . . . . .

(Окончание в следующей книжке).

‹ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ ТОЙ ЖЕ РЕЦЕНЗИИ›

СТ‹ИХОТВОРЕНИЯ› МИТ. ЛЕБ‹ЕДЕВА›. НИЖН‹ИЙ›-НОВГОРОД, в 4 д. л. 26 стр. 1850.

Многое есть в природе, Горацио,
что и не снилось нашим мудрецам!..

Шекспир.

Вот великая истина, которая одна только может идти в эпиграфы к стих‹отворениям› М. Лебедева. Подлинно — много в природе таких вещей, которые и не снились нашим мудрецам. В этом отношении наш 1850 г. единственный год. Ныне совершаются наяву такие вещи, о которых никто и подумать не мог, которые никому и присниться не могли. Но вот является Поэт, Физик, Механик, двумя словами [а] — Великий человек, и открывает множество неизведанных доселе тайн природы. Имя Митр. Лебедева прогремит в потомстве: он

[а] *Было:* Механик, энтузиаст, одним словом

lib.pushkinskijdom.ru

оказывает великие, заслуги всему роду человеческому. Наука много приобретает в нем: он-то открывает высокие истины, которые никому и не снились. Снилось ли кому нибудь что напр‹имер› *шум дышит*, и как дышит?.. дышит, *как будто водопад.* Поверить нельзя такому чуду! А оно совершается. Вот оно: прочитайте на 4 странице стихотворений:

И шум, как будто водопад,
Дыши́т под сладостною тенью! (чего?)

Великая истина!.. Снилось ли[а] кому нибудь, что в мире так во всем распространено дыхание. А между тем в природе все дышет. Да все, — различие только в том, что иное *дыши́т*, иное *ды́шит*, а иное *ды́шет*. Вот напр‹имер› *тень лесов дышет.* Это можете найти на странице первой, на строке последней, где сказано, что осенью: лесов —

Бывалая — задумчивая тень,
Не *дышет* свежестью растений благовонных...

А летом, вероятно, дышет, хотя Великий Человек Митр. Лебедев не объясняет этого, но слово: *бывалая* сильно заставляет подозревать это. Далее у него, на странице 2-й — *мороз дохнул*... И действительно, мы сами можем это засвидетельствовать. Когда мы читали это место, то и сами почувствовали что нас мороз по коже подрал... Далее в стихотворениях, на стр. 4-й — *земля дышет*, а |

1 об. На лоне дышущ‹ем›[б]
Цветы прелест‹ные›[в] (положим даже — виднеются)

Но мало того, что шум,[г] мороз, земли и проч. (не говоря уже о ветерке) что все это дышет,[д] еще улыбается...

Вот послушайте: воды в песчаных берегах —
Неслись *с улыбкою* природе — лишь струями... (стр. 2).

Странно, как это воды улыбаются — *лишь струями.* А впрочем им больше-то и нечем. Далее у Митр. Лебедева — денница — с приветною *улыбкой* (зри стр. 6). Потом —

семя *с улыбкой* деннице взошло...

об солнце уж нечего и говорить. Оно разумеется всегда с *улыбкой* и с *нежной улыбкой.* Это не составляет даже от-

---

[а] *Было* Снилось также [б, в, г, д] *В этих местах лист оборван.*

lib.pushkinskijdom.ru

крытия. Но вот открытие-то, так открытие. Стоит того, чтобы записать в летописи. В лето от создания мира 7358 *око улыбнулось*, зри стих‹отворения› М. Лебедева, стр. 25.

Божественное *око*...
...*С улыбкою* привета...

По какому это случаю сказано в этих ‹?› самых стихотворениях. Не будем пересчитывать всех великих истин, которые можно найти в стих‹отворениях› М. Лебедева, пропустим и беспрестанные повторения *приветов, даров, знамен, лазури, дали, эмали, эфира, денницы* и пр.; поговорим лучше о том, как Вел‹икий› человек открыл, что все в природе непременно должно лобызать что нибудь. Так напр‹имер› Ветерок

Лобзая персть земную,
В дальность света упорхнул...

Представьте себе положение этой земной персти... Ветер схватил ее положим за волосы (А волосы у земной персти непременно должны быть, потому, что она имеет губы, а при губах нужно предполагать и голову, а представлять персть земную — лысою нет никакой надобности. Скажите — не легче ли же всего схватить за волосы намеревая порхнуть в дальность света). Итак ветер схватил за волосы, начал лобзать и лобзая ее, полетел в дальность света. Если не ошибаемся, то дальность света значит, — говоря любимым выражением поэта, — эфир. Теперь ясно открывается великая истина, что эфир вовсе не так светел и чист, как полагали доныне: он уже засорен теперь земной перстью, занесенной туда ветром, который упорхнул в дальность света, лобзая между тем персть земную. Не великая ли это истина?!. Далее великий Человек открыл, что Солнце лобызает мир животворными лучами, и переходит поспешными стопами через эфир. [Каким | образом 2
солнце лобызает мир, когда уже давно известно, что рот и то с одной губой находим только у месяца, а у земли и лучей солнечных такового не имеется, след‹овательно› им и целоваться между собой нельзя, — как‹им› обр‹азом› солнце переходит чрез эфир, когда эфиру еще не определено границ, — Великий человек этого не объясняет, и мы имеем право ожидать от него об этой материи особой книги. Он просто говорит:

Животворными *лучами*
Лобызает солнце мир

lib.pushkinskijdom.ru

И поспешными стопами
Переходит чрез эфир...

А впрочем и сам Великий Поэт говорит в другом месте:

Инде звездочка мерцает
На (?) эфире голубом.

А солнце, как известно, никогда не заходит дальше звезд; след‹овательно› оно и не могло перейти эфира, где мерцают звезды... Мы так думаем; впрочем не утверждаем. Может быть Вел‹икий› Человек нашел новые законы движения планет. Во всяком случае просим объяснить нам это лобызание и перехождение солнца чрез эфир.][a] Далее Митр. Лебедев веселится, что —

. . . . . *игрун ветерок*
Тихо качает рукою шутливой
Будто лобзая, златой колосок...

[Теперь уже решительно можно утверждать, что Митр. Лебедев — Великий человек. Он не только занимается Поэзией, Физикой, Астрономией, он еще определяет церемонии, какие нужно соблюдать, или какие даже соблюдаются — где? — этого не объясняет Великий человек. Вообще он часто говорит загадками. А может быть это только нам так кажется... Вот видите, что́ по нашему маленькому разумению мы заключаем из приведенных нами стихов. Здесь говорится, что ветерок качает златой колосок, шутливой рукою. И тут открытие. На каждом слове великая истина! Теперь уже у ветра, винноваты, у ветерка — (у Вел‹икого› Человека каждое слово имеет особенное значение) — теперь уже у ветерка явились руки, или, по крайней мере, рука и еще рука шутливая, так этой-то рукой и качает он колосок, и это похоже у него на лобзание. Видите ли, — вот какую церемонию нужно наблюдать: если
2 об. хочешь лобызать кого нибудь, то прежде | одной рукой тихо покачай этого кого-нибудь. Тогда это похоже будет на действительное лобзание... теперь и прекрасный пол будет благодарен Великому Человеку Митр. Лебедеву: он открыл новую примету неверности мужей. Теперь если женщина увидит, что муж ее покачнулся, она тотчас догадается, что это

[a] *Зачеркнуто карандашом, рукой, вероятно, не Добролюбова.*

lib.pushkinskijdom.ru

кто нибудь качнул его рукою шутливой, будто лобзая. Она тотчас начнет следить за ним и неверность будет открыта. Ах, если бы введен был у нас этот прекрасный обычай, в угоду Великого Человека!!!!! . . . . . .
NB. Это между прочим подтверждает нашу давешнюю мысль, — а именно: что ветер упорхнул в дальность света, держа персть земную за волосы. Вел‹икий› Человек ясно говорит уже здесь, что у ветра есть рука, и что он качает того, кого лобзает. . .] [а]

После этого у Вел‹икого› Человека вдруг несколько открытий. И всего на двух строках. Вот они, эти строки:

Время расцветшей древесною губкой
Часто целует кресты по местам.

Из этого видно 1., что древесная губка делается от поцелуя времени, также как от поцелуя лихорадки, обметывает лицо; 2., что можно целовать не прямо в губы, но еще посредством губки. [Новый обычай: если хотите поцеловать кого, так, чтобы у того, кого вы поцеловали, надолго остался знак, то целуйте его древесною губкой. Этим между прочим объясняется и то, как лучи солнца целуют землю: они, вероятно, встречают, где нибудь губку, и чрез нее целуют землю, которая непосредственно целоваться не имеет возможности.] [б] 3. В этих стихах есть еще замечательное открытие, а именно: что время, как ни скоро бежит оно, не забывает между тем и пошалить, поцеловаться, и что у него стало даже ума, за неимением собственных губ, изобресть новый род поцелуев, посредством древесной губки. . . Вот сколько новых открытий в этих двух строках! . .

Далее у Митроф. Лебедева опять лобзание. У него лазурная чаша, опрокинутая вверх дном на землю, обнимающая краями нашу вселенную —

Лобзает предел горизонта кругом. . . |

[Вот и еще открытие. Теперь уже не нужно Сизифова камня, 3
Танталовой бочки и прочих мук, выдуманных древними стихотворцами. Наш новейший поэт нашел наказание для грешников. Представьте себе мучение этой чаши, (в которой по всей

а, б Зачеркнуто чернилами, вероятно, Добролюбовым.

lib.pushkinskijdom.ru

вероятности, должно подозревать небо,) которая беспрестанно, опрокинувшись вверх дном,[а] должна обнимать нашу вселенную, и лобзать предел горизонта. Вы знаете, какое отвращение имеет к земному все небесное, и следовательно с каким болезненным чувством должно небо, или лазурная чаша, лобзать землю. Если бы всех преступников превратить в чаши и заставлять лобзать тех, кого они особенно не любят, и притом, опрокинуть их вверх ногами, — едва ли не лучше бы было Сизифова камня! Правительство должно быть благодарно Вел‹икому› Человеку, за изобретение такой прекрасной казни[б]. . .

Но отвратим взоры свои от этих ужасов и лучше теперь полюбуемся на перечисление свойств и действий ветра или ветерка.

На 1-й странице являются ветры неугомонные. На стран‹ице› 4-й ветерок — 1., веет, 2., вьется. 3., о чудо! — льется. 4, лобзает цветок; 5, качает шутливо листьями. 6., свевает ароматич‹ескую› пыль с розы и лилий (Заметьте это обстоятельство — с розы — только с одной, а с лилий, в числе множественном.) 7., колышет гибк*ую* (вероятно гибкий) ковыль. 8., напевает идиллий (вероятно идиллию).

Странно однако, как Вел‹икий› Человек коверкает слова. Но он вероятно открыл таки новые свойства языка, также как открыл тайны природы. Итак он и Грамматик: новое качество! . .

На стр. 6-й[в] свойства ветерка: 1., он провевает; 2., он провевает с востока. 3. легкокрылый.

На стр. 7-й еще свойства: 1., он нежно шепчет листочкам. 2., отряхает с природы лень ночную. 3. лобзает персть земную,
3 об. 4., упорхнул в дальность | света.][г]

На стр. 9-й еще свойства: 1., ветерок дремлет в долине. Из дремоты является в нем усыпление различных свойств; но если бы он не дремал, то непременно бы — 2., порхал меж дерев. 3., двигал лист на осине. (почему же не на другом дереве?) 4, трогал бы кусты.

На стр. 13. ветерок является 1, игруном, 2., с рукою шутливой. 3. качает златой колосок.[д] Наконец на странице 24 ветер 1., превращается в вихорь. 2., забродит на могилу усопшего; 3., напоминает ему о персти земной, 4. напоминает о благах, презренных им. и 5. в заключение всего мчится

[а] *Было* вверх ногами [б] *Было* чаши [в] *Далее зачеркнуто* новые [г] *Зачеркнуто чернилами, вероятно, Добролюбовым.* [д] *Далее зачеркнуто* которое качание похоже на лобзание.

lib.pushkinskijdom.ru

в даль от погоста... Даруй, Эол, чтобы и от нас умчался он подальше со всеми своими свойствами.

Итак 27 свойств ветра! Из этих самые удивительные: 1., то, что он льется; 2. то, что он беспрестанно лобзается с кем нибудь. Тут мы заметили одно нехорошее в нем качество: лобзание без разбору. Сейчас он лобзает персть земную, потом тотчас цветок, а там златой колосок. А нигде не сказано, чтобы он отирал у себя губы. Так он, чем свевать ароматич‹ескую› пыль с цветов, лучше бы свеял пыль земной персти с своих губ, а потом бы уже начинал целовать златой колосок. Впрочем Вел‹икий› человек не объясняет, как он лобзается.[а] Оч‹ень› вероятно, что он, подобно времени, лобзается посредством древесной губки... На это просим милостивого разрешения Вел‹икого› Человека. Третье замечательное свойство ветра, совершенно новое, есть то, что он может дремать. Мы думали, что ветер, когда не действует, то тотчас же уничтожается, и когда не дует ветру, то мы обыкновенно говорим: нет ветру, но теперь Вел‹икий› Человек открыл, что ветер, когда не дует, то дремлет!.. Верим ему на слово.

Самое же отрадное свойство его — то, что он мчится в даль. К несчастию не смеем надеяться, что этот ветер не прискачет — (это свойство позабыл Великий человек) — к нам опять. Ведь уж давно было упорхнул в дальность света, да еще персть земную там залобызал совершенно, качая ее рукою шутливой, а все-таки опять между нами явился!.. Что с ним делать-то? | Но говорят однообразие утомительно. Не будем же говорить подолгу об одном предмете. Выпишем только некоторые великие истины, новооткрытые Митр. Лебедевым. Пусть читатели сами судят по этим выпискам о великом гении Поэта, Физика, Астронома и пр. и пр. и пр., заключенных в одном необъятном человеке, Митр. Лебедеве. Выписки будут предложены в виде вопросов и ответов. 2

1, Вопр‹ос›. Когда осенью по окончании жатвы, идут пары с земли, что это значит?

Отв‹ет›. О, это от земли хваленья фимиам,
Присяга в верности и утвержденье клятвы.
(стр. 1).

2 Вопр‹ос›. Что такое осенью небосклон?

Отв‹ет›. Небосклон осенью есть застенчивый исполин, печальный, нелюдимый, грозный, кутающийся в тучи, которые вьются клубами в его померкшем темени. (стр. 1.)

[а] *Было* целует‹ся›

lib.pushkinskijdom.ru

3. Вопр‹ос›. Когда мороз дохнет осенью, то что́ бывает?

Отв‹ет›. Тогда *в миг* исчезают *шелко́вые* луга. (стр. 2).

4. Вопр‹ос›. если измерить один луч солнца, то как велик он будет?

Отв‹ет›. Измерить этого нельзя; но должно полагать, что он оч‹ень› велик, потому, что каждый приветный *луч* солнца *льется* на землю теплыми *реками*. (стр. 2.)

Вопр‹ос› 5. Как весной блестит небо?

Отв‹ет›. Оно блестит, в сияньи радостной денницы, как храм причудливой царицы... (стр. 3).

Вопр‹ос› 6. Отчего тает снег весной?

Отв‹ет›. Дерзкий снег уничтожают удары пламенных мечей, упадающих на мир от солнца. (стр. 3.)

Вопр‹ос› 7. Куда падают ручьи?

Отв‹ет›. На попечительную грудь потока. (стр. 3.)

Вопр‹ос› 8. Почему ручьи быстро бегут?

Отв‹ет›. Они — спешат к указанному сроку. (стр. 3.)

Вопр‹ос› 9. Когда льдины идут вниз по реке, что это значит?

Отв‹ет›. Это значит, что река несет дань в бездонную пучину морей. (стр. 3.)

Вопр‹ос› 10. Какие свойства ветерка?

Отв‹ет›. Вьется, льется и пр. (стр. 4): обо всех свойствах ветра см. выше.

4 об. Вопр‹ос› 11. Чем и что собирает пчела с цветов?

Отв‹ет›. Она собирает клешней душистое именье цветов. (стр. 5.)

Вопр‹ос› 12. Какие свойства птичьих песней?

Отв‹ет› 1., Песни птиц суть гимны.

2. Эти гимны реют в небесах.

3. Плавают в зыбучих волнах. (стр. 5.)

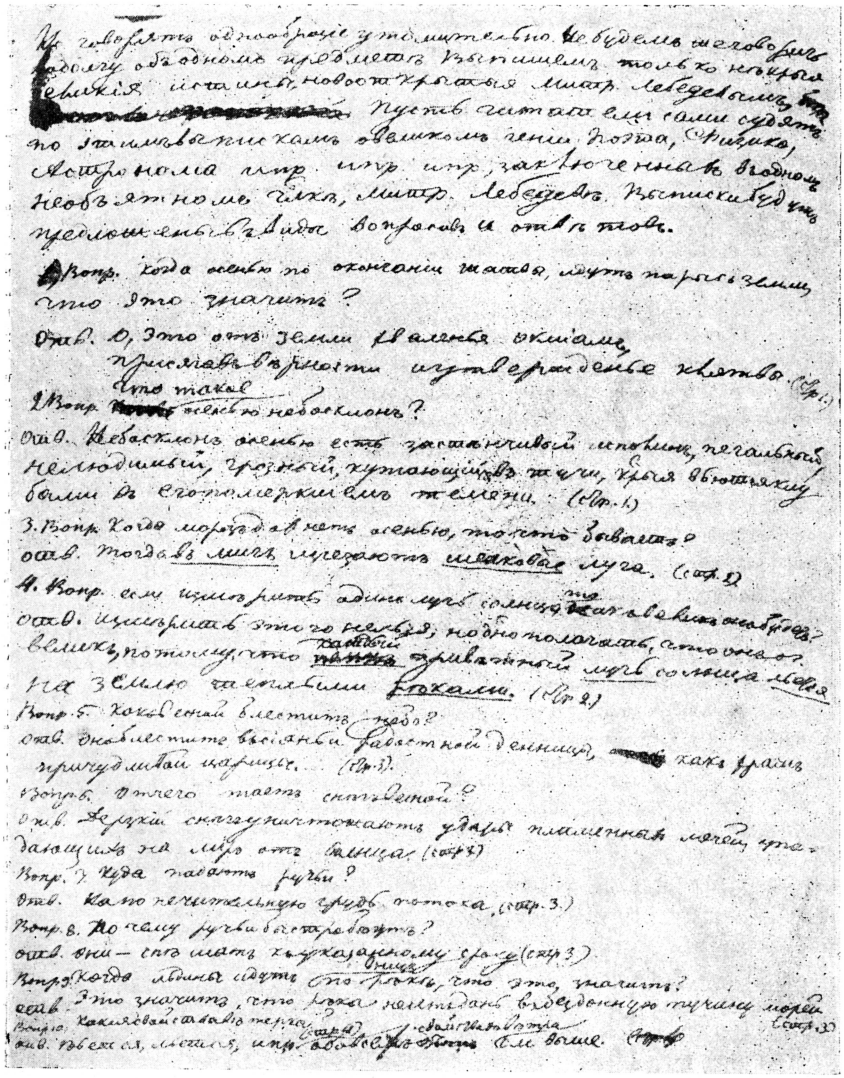
NB. Из этого можно заключать, что гимны птиц похожи на летающих рыб. Они и плавают и летают, или реют. Только гимны могут [а] летать гораздо выше летучих рыб, даже в самих небесах.

Вопр‹ос› 13. Когда весной исчезает снег с земли, то чьему влиянию нужно приписать это?

Отв‹ет›. Этого решить нельзя. Сам Вел‹икий› Человек говорит на стр. 3, что лед растопляют лучи, а снег уничтожают пламенные мечи; на странице же 5-й говорит, что сама природа — *быстро* срывает с себя снеговую одежду. Фраза: быстро срывает, — заставляет думать, что не плам‹енные›

[а] *Было* гимны более имеют

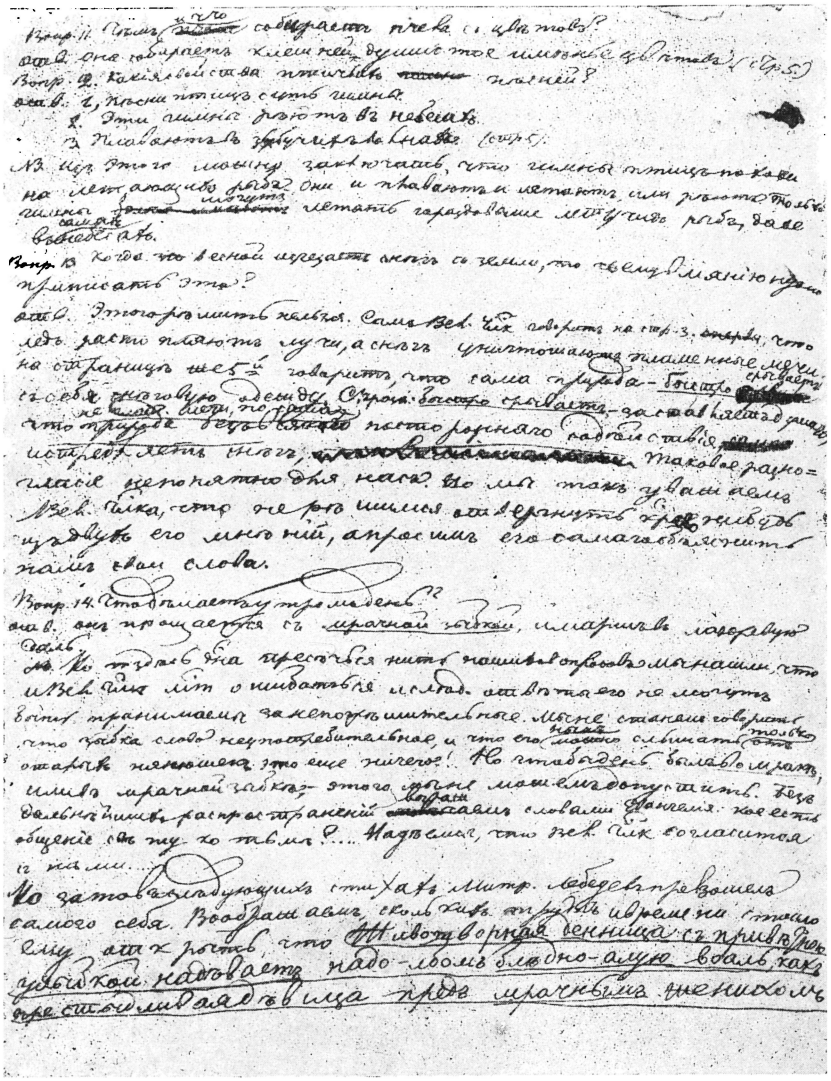
lib.pushkinskijdom.ru

Черновой автограф рецензии Н. А. Добролюбова на «Стихотворения Митрофана Лебедева, 1850 г.», л. 4.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskijdom.ru

Черновой автограф рецензии Н. А. Добролюбова на «Стихотворения Митрофана Лебедева, 1850 г.», л. 4 об.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskijdom.ru

мечи, но сама природа без всякого постороннего содействия истребляет снег. Таковое разногласие непонятно для нас. Но мы так уважаем Вел‹икого› Человека, что не решимся отвергнуть которого нибудь из двух его мнений, а просим его самого объяснить нам свои слова.

Вопр‹ос› 14. Что делает утром день?

Отв‹ет›. Он прощается с *мрачной зыбкой*, и марш в лазоревую даль.

Но здесь должна пресечься нить наших вопросов. Мы нашли, что и Вел‹икий› Человек может ошибаться и след‹овательно› ответы его не могут быть принимаемы за непогрешительные. Мы не станем говорить, что зыбка слово неупотребительное, и что его ныне можно слышать только от старых нянюшек: это еще ничего!.. Но чтобы *день* был *во мраке*, или в мрачной зыбке, — этого мы не можем допустить. Без дальнейших распространений возражаем[а] словами Евангелия: кое есть общение свету ко тьме?.. Надеемся, что Вел‹икий› Человек согласится с нами...

Но зато в следующих стихах Митр. Лебедев превзошел самого себя. Воображаем, скольких трудов и времени стоило ему открыть, что *Животворная денница с приветною улыбкой надевает надо-лбом бледно-алую воаль, как стыдливая девица пред мрачным женихом.* | За то и открытие! Осьмое чудо 5
света!.. Денница — (Да что это такое? Денница, да денница, уж не Люцифер ли это) — Денница надевает воаль надо лбом!.. Снилось ли кому нибудь такое чудо? А? Наверно нет. А Великий Человек Митр. Лебедев открыл это чудо и говорит о нем с такой уверенностью, как будто бы сам это видел! Это между прочим свидетельствует о том, до какой степени господствует в мире madame мода! Даже сама денница ныне носит воали. Но, — бедная денница, — как она ошибается, если думает, что ходит по моде! она напротив вовсе не знает моды. Воаль надевает она надо-лбом в виде рожек. Судите же, какого формату должен быть ее воаль, если он держится надо лбом. Мы, с своей стороны можем только засвидетельствовать деннице, что таких воалей никогда не нашивали — также и в рассуждении цвета денница поступила очень не хорошо. Воалей ныне совсем не носят бледно-алых, а носят по больш‹ей› части темные. Об этом деннице нужно было справиться у земных модисток! Но как бы то ни было, а тут есть еще открытие — открытие в пользу прекрасного пола. Животворная денница, как стыдливая девица перед *мрачным* женихом,

[а] *Было* отвечаем

lib.pushkinskijdom.ru

надевает воаль. Понимаете ли, какое тут открытие? Вот какое: если какой-нибудь жених по какому нибудь случаю *мрачен*, то его невеста должна смастерить бледно-алый — (по словам Вел‹икого› Человека бледно-алую) воаль, надеть его, (или ее) с приветною улыбкой надо-лбом, и показаться в таком виде мрачному жениху. Поверьте — всю его мрачность как рукой снимет: он расхохочется, непременно расхохочется, — за это мы вам ручаемся. В этом отношении невеста его будет для него животворной денницей...

Далее *скачет* новое открытие... пади-та, а, а... Берегись-а-а-а... Сомнет, убьет; дорогу, дорогу!.. Несколько открытий! Целый эскадрон открытий!.. Слушайте, — слушайте: вот утром «исчезают эскадроны огневой батареи, и свиваются знамены, (т. е. знамена) светлой ночной братии». Страшно![а] В переводе на наш язык светлая ночная братия означает звезды. Посудите же, когда каждая звезда больше солнца, каковы же у них лошади!.. Это невообразимо уму человеческому... Не справедлив ли наш эпиграф?..[б] Снилось ли кому нибудь из мудрецов вселенной, что звезды ездят на лошадях и составляют эскадроны? А между тем это так. Разделение войск у звезд не такое, как у нас, а совершенно другое, и Митр. Лебедев оказал также незабвенную услугу, передавши |
5 об. нам некоторые части этого разделения. Мы не знаем, как он узнал это, но заслуга его тем не менее велика! Ведь говорят же, что N... слушал музыку сфер небесных. Митр. Лебедев зашел может быть еще далее: он может быть слышал топот коней, на которых сидят звезды, видел знамена звезд, слышал команду звезды офицерского рангу. Из этой-то команды он, может быть, и узнал, что у звезд есть, также, как и у нас, эскадроны; но эти эскадроны составляют там не часть какого нибудь полка, но часть батареи. Как у нас в команде говорится: эскадрон такого-то полка, так там командуют: эскадрон такой-то батареи. Такое разделение звезд очень замечательно. Замечательно также и то, что у звезд есть знамены. Все это наверное никому еще не снилось!..

Далее день, взяв дротик-пламя *в руки*, могучей *рукой* развевал знамя победы, устремляясь далее в бой!.. И этому также не возможно присниться...

Теперь не известно только, к несчастию, сколько рук у дня. Если предполагать у него только две руки, то действия, опи-

---

[а] *Далее зачеркнуто* Мы спрашиваем Вел‹икого› Человека, что

[б] *Далее следовало* Не правда ли то, что мы сказали в начале этой статьи

lib.pushkinskijdom.ru

санного в стих‹отворении› Лебедева на стр. 6-й и представить никак нельзя. День взял в руки дротик-пламя. Хотя мы и не понимаем, для чего он взял дротик в руки, когда́ у нас обыкновенно бросают дротик одной рукой; однако это именно сказано и мы должны представлять себе обе руки дня за́нятыми. А между тем у него в могучей руке в то же самое время является знамя победы. Нет, уж верно день-то имеет три руки. Так и примем к сведению... открытие: у дня три руки. (если не больше).

Вот еще открытие: знаете ли, на что похож гений? Здесь вы найдете это: могучий *гений*, восстает из *причудливых* времен, *будто призрак привидений!*.. (стр. 6.)

NB. Недавно один наш приятель смешил наше общество выражениями, в роде следующих: плоть тел, плешь лысин, око глаз, мрак темноты, и пр. Мы все много смеялись над этим; теперь знайте, что не должно над этим смеяться: такое выражение | употребил сейчас Вел‹икий› Человек, стало быть 6
оно хорошо.

[На стр. 7-й мы нашли, что лист на осине не движется вечером [а] — простите наше невежество; но мы до сих пор думали, что лист на осине не может не двигаться...[б] Пожалуйста не смейтесь, что мы неправильно думали [в] о такой простой вещи.][г]

Но вот замечательное явление: в полночь бывает сумрак, и этот сумрак сходит так церемонно, по такому верному маршруту,[д] что мы выписываем его: Полуночный сумрак сначала идет чрез дубравы, потом чрез вершины, (Чего? Это не объяснено); далее идет по деревьям, потом по листам, сходит на обширные равнины, идет по полям, и наконец по лугам. Мы до сих пор думали, что сумрак, — (хотя мы и не подозревали полуночного сумрака) — что сумрак покрывает все вдруг, а нейдет по такой длинной дистанции, теперь уверились в противном.

Беспрестанные открытия Митр. Лебедева заставили нас думать, что в его стих‹ах› ничего более и нет. К удивлению мы встретили в них и несколько старых, избитых, даже несколько пошлых истин, которые были бы хороши в другом месте, но как-то не под лад к высоким новооткрытым истинам. Напр‹имер› тут нашли мы, что вечером птичек хоры притихают; (Да кто же этого не знает?) что вечером тих, спокоен

[а] *Было* лист на осине движется от ветру [б] *Было* лист на осине вовсе не от ветра движется [в] *Было* что мы не понимаем [г] *Зачеркнуто карандашом рукой, вероятно, не Добролюбова.* [д] *Было* ма‹с›штабу; *исправление сделано карандашом рукой, вероятно, не Добролюбова.*

lib.pushkinskijdom.ru

небосклон; (Да разве он когда нибудь буянит, бывает неспокоен?); что вечером тихо, мирно в глубине вод;[а] (Да кажется в глубине-то вод и тогда тихо, когда величайшая буря свирепствует на поверхности?) мы удивились этому и наконец решили, что поэт нарочно бросает презренной толпе несколько знакомых ей звуков, чтобы хоть сколько нибудь польстить ее грубому слуху. Это со стороны поэта оч‹ень› похвально...

Но как бы желая оправдать себя в этом снисхождении, пред глазами просвещенных ценителей, он тотчас же после одной старой, всем известной истины ставит другую, новую. Вот она: знаете ли вы, что делает вечером шорох?.. Наверное вы подумаете, что ему вечером пропасть дела?.. Ничего
б об. не бывало | он вечером преспокойно спит между струями!.. (стр. 10). Далее мы нашли еще определение месяца: месяц есть светильник для молящихся во мгле... (стр. 12.)

Стихотворение: Прогулка по кладбищу — прекрасно и, что всего важнее, также заключает в себе несколько высоких истин. Оно начинается тем, что из десницы, — не знаю только из чьей, — упало семя и легло глубоко. Из светлой денницы заструился луч и семя взошло, с улыбкой деннице... Далее показывается, что плоды приносят приятность трудов (стр. 12.) Спрашиваю вас, мудрецы наши, не приснилось ли вам когда нибудь, ка́к звучит колокол, или ко́лкол?

Вы начинаете свои определения, но все не так. Слушайте: колкол звучит протяжной октавой...

Еще спрашиваю: снилось ли вам, когда нибудь, что, может быть, на кладбище, лежит молодая юность? Снилось ли, что, может быть сыновья преслушанья, зашли на кладбище и здесь в шутливых мечтах, смежили очи? Вот нашли место, думаете вы, да кто пойдет на кладбище, чтобы там смежить очи в шутливых мечтах?.. Однако я вам говорю, что все это может быть: так сказал Вел‹икий› Человек... Таковы великие истины в «Прогулке по кладбищу». Не могу удержаться от вопросов. Спрашиваю всех мудрецов мира: когда[б] вы глядитесь в зеркало, в воду, или во что-нибудь, где отражается ваш образ, как вы назовете этот образ? Вы много говорите, но все по пустому. В двух словах можно объяснить все: это ваш «*подложный брат*». Если не верите, прочитайте на 15 стр. стих‹отворений› Вел‹икого› Человека!..

Еще спрашиваю, на что похожа вечерняя заря?..

Много говорят опять философы и мудрецы, но не могут сказать в лад Великому Человеку. Наконец один говорит: она по-

[а] *Было* рек [б] *Было* если

lib.pushkinskijdom.ru

хожа на пожар... О, диво, является другой гений, сочувствующий Вел‹икому› Человеку. Кто ты такой? спрашиваю я его.|
— Я суздальский живописец, отвечает он с гордостью, и 7
на моих картинах всегда изображаю зарю заревом, я уж не жалею на это киновари и сурику.[а]

Так точно! Вел‹икий› Человек вероятно и воодушевился твоей картиной, и изобразил зарю пожаром по твоей картинке. Да, отвечал с гордостью Суздальский живописец. Но погоди, с твоей картины взято только одно наименование зари. Я помню и другие названия: напр‹имер› заря называется еще медно-красною, еще бледно-алою воалью; еще наконец — дивно, непостижимо! — багровым знаменем часов глотающих время, а затем[б] прибавляется, что она ужасное пламя, и что это-то пламя составляет покров дневного позора... След‹овательно› Вел‹икий› Человек и сам воодушевлялся, а не только по картинкам Сузд‹альских› живописцев. Но остановимся на одном названии зари: на знамени часов, глотающих время. Чудное дело! Митр. Лебедев Вел‹икий› Механик: он выдумал часы, которые уже не показывают времени, но глотают его. Теперь уже время не так быстро[в] будет идти: эти часы будут его поглощать, след‹овательно› ему надобно будет ходить осторожнее, чтобы не попасть в пасть этих часов. До сих пор мы думали, что время поглощает часы, а теперь выходит наоборот. Странно!.. Впрочем, не подумайте, что мы сомневаемся в словах М. Лебедева! Сохрани боже!.. он пожалуй, в наказание за сомнение, выдумает такую машину, которая и нас поглотит. Если уж его часы и время глотают, то нас долго ли проглотить!..

Еще новое открытие: вечна неизведанной бездны эмаль. Этого открытия мы и понять уже не можем. Далее без‹д›на, алея, зажигается высоко!

Замечаете ли, какое обилие представлений: бездна высокая, бездна алеет, бездна зажигается! Впрочем больше этого мы ничего не могли понять...

Потом еще чудо: тучи покрывают ковром небо. Мы прежде все думали, что ковром можно покрывать что нибудь только | 7 об
сверху. Но Вел‹икий› Человек говорит, что и снизу можно покрыть коврами то, что находится выше ковров. Тучи покрывают коврами своды небес.

Вообще во всем стих‹отворении› «Красота неба» красота на красоте сидит и красотой же еще погоняет. К сожалению

[а] *Было* красной краски; *исправление сделано карандашом неизвестной рукой* [б] *Было* а далее [в] *Было* шибко

lib.pushkinskijdom.ru

мы оч‹ень› оч‹ень› мало поняли из всех этих красот, а потому и не можем ничего оттуда выписать.

Но следующее стихотворение: Луна вознаградило нас за все. Это ст‹ихотворение› пом‹ещено› в н‹астоящей› кн‹ижке› н‹ашего› ж‹урнала›. Само по себе оно очень хорошо, и просто, и понятно, и с чувством. Но сравните его с другими стих‹отворениями› и вы увидите тут кроме того множество Вел‹ikих› истин. Грезил ли кто нибудь, что луна, на которую только все еще смотрел отважный Гершель, что эта луна будет так подвластна человеку земному. Вел‹икий› Человек М. Лебедев забрал луну в ежовые рукавицы и ворочает ее, как ему вздумается. Вот у него луна идет печально. (на стр. 19.), а на стр. 10. луна отражает в воде *лик веселый*. Он прикажет — она идет из озер и гор далеких. (стр. 10.) Прикажет — идет из палат солнца. (стр. 19). По его приказанию, — она — то надевает золотое покрывало (уж лучше бы забрало), то серебристую корону. То идет она робко, то спокойно. Словом — совсем подчинена его воле... Когда уже и светила повинуются ему, то нам и грешно даже противоречить ему...

Далее мы открыли, из чего бывают звезды. Они бывают: 1., изумрудные. 2. златые. 3. из сапфира. 4. из рубина. 5. будто в сизых чешуях. 6., из зеленого марина. 7. серебристые в огнях. 8. иные как из крови. 9. из желтой седины...

Ссылаемся на весь мир: видал ли он хоть раз сизые, зеленые[a] звезды? Едва ли!.. Где же увидал эти звезды Вел‹икий› Человек? Очевидно, что он летал повыше людей...

Но знаете ли, что в водах есть эфир? Не знаете? так прочитайте на 22 стр‹анице› стих‹отворений› М. Лебедева.

А знаете ли отчего звезды гаснут? от зависти. (стр. 22).

Такие-то великие истины открыты в стихотворениях Лебедева! Но, питая высокое уважение к его машине, глотающей кого угодно, мы все-таки обязаны сказать: что совсем не верим
8 ему, ни в одной из выписанных | истин. Да считаем долгом сказать ему, что и никто не поверит этому. Да и он сам, рассмотревши хорошенько, не поверит своим бредням. Все эти высокие истины подтверждают одну высокую истину, что Г-н Лебедев воспитан в школе стихов Бенедиктова. Мы бы вовсе не стали говорить об его стихотворениях, если бы имя его не в первый раз являлось в Русской Литературе. Но он еще оч‹ень› молод и может исправиться. Для этого мы советуем ему особенно прочитать Пушкина. Там найдет он, что

[a] *Далее зачеркнуто* желтые

lib.pushkinskijdom.ru

истинная поэзия состоит не в блестящих метафорах, не в гигантских гиперболах, часто совершенно бессмысленных, но в самой мысли, и что чем естественнее выражена эта мысль, тем лучше.

При всей неопределенности выражений, при всей дикости представлений, при всем своевольном искажении грамматики языка, стихи Лебедева очень могут нравиться. Прочтите его «Луну», «Летний вечер», «Прогулку по кладбищу», «Элегию», — вы найдете в них и простоту и чувство, не смотря на беспрестанные лобзания, и несносный ветерок, прочтите его «Красоту неба», и хотя вы ничего не поймете в ней, но вы тотчас почувствуете, что это не прозаические стихи, что тут уже слишком много поэтичности... Вы увидите тут широкий размах его воображения, которое стремится узнать и изведать, и выразить все, об чем оно только слыхало. Мы предсказываем Митрофану Лебедеву блестящий успех на поле его поэтической деятельности, если он только отстанет от своего ужасного способа выражения. Советуем ему также не слишком часто повторять одни и те же слова. Что прекрасно один раз, то уже только [а] хорошо в другой раз, сносно [б] в третий, и уже надоедает в четвертый. Напр‹имер› даль, эмаль, лазурь, эфир — очень хорошие слова, но они | так часто употребляются *8 об* в его стихотворениях, что наконец становятся пошлыми. А ветерок с своими 27-ю свойствами хоть кому — так надоест... Не советуем также ему примешивать физики к своим стихам. А уж если говорить об ней, так говорить яснее; по крайней мере выставлять название того, об чем хочешь сказать. Может быть Лебедев хочет подражать Ломоносову, но на это ему нужно сказать, что он стоит несравненно ниже Ломоносова, и в Поэзии и в Физике и потому, если он захочет ему подражать, то к нему оч‹ень› хорошо можно будет применить Русскую пословицу:

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

Еще одно замечание: зачем у него беспрестанно переменяются изображения? Это вовсе не придает живости, а только затемняет смысл в его стихотворениях. Напр‹имер› прочтите «Заходящее солнце». Сколько там перемен в изображениях. А между тем это стихотворение его все таки из худших. И во всех других стих‹отворениях›, в тех местах, где все смешано, сбито, свалено в какую-то громадную безобразную кучу, в тех местах и стих тяжелее, и мысль идет хуже. Конечно —

[а] *Далее зачеркнуто* очень [б] *Далее зачеркнуто* хорошо

lib.pushkinskijdom.ru

быстрые перемены изображений показывают живость воображения поэта, и обличают только его молодость, но все же должно остерегаться от таких промахов. А все таки должно кончить тем, что поздравить Русскую публику с новым замечательным поэтическим талантом. Надеемся вскоре увидеть новое, более обработанное, но не менее живое, произведение поэта. Итак — до свидания...

№ Только чур не кормить нас высокими истинами: мы и эти насилу пережевали, и желудок наш долго еще их не переварит...

1850 г. Апр‹еля› 11, 12, 13.

С. А. Рейсер

---

lib.pushkinskijdom.ru

ПИСЬМА

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ — Е. Н. ПЕЩУРОВОЙ

Престарелая Елизавета Никитична Пещурова (род. ок. 1784 г.) до конца 1857 года жила в Нижнем-Новгороде в доме отца Добролюбова, в одном дворе с самими Добролюбовыми. Пещурова жила в семье управляющего нижегородской конторой государственных имуществ князя В. А. Трубецкого; она была сестрой А. Н. Пещурова — отца жены Трубецкого, Марии Алексеевны.

Е. Н. Пещурова знала и отличала Добролюбова с детских лет, занималась с ним французским языком, снабжала его книгами и пр. После смерти в 1854 году родителей Добролюбова Пещурова вместе с Трубецкими приняла ближайшее участие в оставшихся сиротах — двух братьях и семи сестрах Н. А. Добролюбова; в их семье жила и в 1855 году умерла сестра Добролюбова 8-летняя Юлия.

Восемь писем Е. Н. Пещуровой к Добролюбову были напечатаны Н. Г. Чернышевским в «Материалах для биографии Н. А. Добролюбова...» (т. I, М., 1890); там же напечатано одно ответное письмо Добролюбова; остальные его письма к ней, кроме публикуемого, остаются неизвестными и, повидимому, не сохранились. Публикуемое здесь письмо не попало в число переданных в 1862 году Н. Г. Чернышевскому и лишь много лет спустя было приобретено Академией Наук у И. И. Дарагана-Сущова.

Добролюбов относился к Пещуровой с приязнью и уважением и ценил ее хорошее отношение к нему. В то же время он отлично понимал, что, воспитанная в аристократических традициях, прожившая всю жизнь в дворянском кругу, 74-летняя старуха не сможет понять идейный смысл всей его деятельности, и предпочитал не сообщать ей перечень своих статей. В ответ на ее настояния он 8 июля 1858 года писал из Старой Руссы намеренно глухо: «мною писана вся критика и библиография в „Современнике“ нынешнего года» (Материалы для биографии Н. А. Добролюбова..., т. I, 1890, стр. 435). Основываться на этих словах как на источнике атрибуции работ Добролюбова в «Современнике», разумеется, невозможно. Нельзя точно так же принимать за чистую монету и уничижительные строки письма Добролюбова о том, что он пишет якобы только из-за денег.

Печатается по автографу ИРЛИ (Р. I, оп. 22, № 308).

lib.pushkinskijdom.ru

Спб.
7 мая 1858 г.

Ваше превосходительство,
Елизавета Никитишна!

Только сегодня освободился я от разных хлопот по «Современнику», и потому только сегодня могу Вам ответить на Ваше письмо, порадовавшее меня родным приветом, давно уже мною неслышанным. Мне совестно за себя, что я мог подать Вам какой нибудь повод спрашивать: могу ли я исполнить Ваше поручение.[1] Труд в этом случае так ничтожен и возможность так очевидна, что «*могу ли*» значит: «*хочу ли?*» И неужели об этом можно спрашивать *Вам меня?* Прошу Вас — пришлите на мое имя доверенность, и я немедленно исполню все по Вашему желанию.

Вы интересуетесь моим здоровьем и занятиями. И то и другое слабо и мешает одно другому. Зимой я страдал ревматизмами, потом открылись разные золотушные сыпи, теперь страдаю грудью. На лето велят мне уехать из Петербурга, и я решился уехать, потому что и сам чувствую, что мое здоровье вообще немножко расстроено. Думаю, что недели через две успею покончить здесь свои дела и отправиться... только не знаю куда. Посылают в Оренбург, на кумыс; но это для меня слишком далеко. В Гапсале, кажется, мало пользы будет для меня. Всего вероятнее, что я решусь провести лето в Старой Руссе.[2] К разным соображениям, отчасти и денежным, присоединяется еще то, что там будет со мною несколько приятелей.

Вы спрашиваете, где и под каким именем печатаются мои статьи? Увы! На них нет имени... Я вовсе не стою в ряду писателей, приобретающих себе имя. Я принадлежу к тому безъименному легиону, на котором лежит черная журнальная работа, безвестная для публики. Я из числа тех, которые поставляют в журналы балласт, никогда и никем даже неразрезываемый, не только не читаемый. Мои статьи имеют *интерес* только для меня, потому, что доставляют мне деньги. Вы никогда не захотите читать их, и никогда не обратите на них внимания.

Что сказать Вам еще о моей жизни? Разве вот что: проживши год сам собою, один, не в обществе и не в семействе, я убедился, что не умею ни жить, ни даже говорить о жизни.[3] Буду еще учиться и, может быть, перед смертью посетит меня

lib.pushkinskijdom.ru

наконец сладостное сознание, что вот наконец — я понял жизнь!

Позвольте мне передать через Вас мое глубочайшее почтение Елизавете Христофоровне,[4] княгине, князю[5] и Софье Алексеевне.[6] Я крайне сожалею, что не видался с князем, когда он был в Петербурге. Мне сказали о том, что он сюда приезжал, только в то время, как я получил Ваше письмо. Мне было ужасно досадно, что меня не известили во время, тем более, что мне хотелось лично от князя услышать еще что нибудь о наших нижегородских делах, о доме и пр. Но делать нечего; теперь уж во всяком случае поздно, и дело можно поправить только съездивши в Москву, что я и сделаю, может быть, нынешним летом.

С истинным уважением и преданностью,
имею честь быть
всегда готовый к услугам Вашим

Н. Добролюбов.

[1] 23 апреля 1858 года Пещурова просила Добролюбова получить в казначействе следуемую ей пенсию (см.: Материалы для биографии Н. А. Добролюбова..., т. I, М., 1890, стр. 428).

[2] С конца июня и до десятых чисел августа 1858 года Добролюбов, действительно, прожил в Старой Руссе. Лечение не дало ощутительных результатов.

[3] Эта тема, частая в письмах Добролюбова, снова затронута им в подробном письме к Пещуровой от 8 июля 1858 года (см.: Материалы для биографии Н. А. Добролюбова..., т. I, стр. 435).

[4] Елизавета Христофоровна — мать М. А. Трубецкой.

[5] В. А. и М. А. Трубецкие.

[6] Пальчикова Софья Алексеевна — сестра М. А. Трубецкой.

С. А. Рейсер

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ — М. А. АНТОНОВИЧУ

Антонович Максим Алексеевич (1835—1918) — известный литератор, начал печататься в «Современнике» в 1859 году. В своих воспоминаниях Антонович сообщает, что, по окончании в 1859 году С.-Петербургской духовной академии, он, решив посвятить себя литературной деятельности, обратился с первой пробной статьей в «Современник» и таким образом познакомился с Добролюбовым. Убедившись, что Антонович по своим взглядам близок к революционно-демократическому направлению, Добролюбов дал ему для разбора книгу А. П. Щапова «Русский раскол». Под руководством Добролюбова Антонович написал статью «Что иногда открывается в либеральных фразах!», опубликованную в «Современнике» 1859, № 9.

lib.pushkinskijdom.ru

До сего времени в печати не были известны письма Добролюбова к Антоновичу. Публикуемые письма относятся к самому начальному периоду знакомства Антоновича с Добролюбовым. Об этом свидетельствует и адрес на конверте второго письма, где Добролюбов ошибся в отчестве Антоновича, именуя его Максимом Петровичем. Почтовый штемпель на этом конверте — 7 июля 1859 г. — позволяет установить точные даты обоих писем. 7 июля 1859 года был вторник. Следовательно, второе письмо с пометкой «понедельник» датируется 6 июля. Первое письмо с пометкой «пятница» датируется, таким образом, 3 июля 1859 года.

Эти факты вносят ясность в вопрос о знакомстве Добролюбова и Антоновича. В воспоминаниях Антоновича есть указание на то, что пробная статья, принесенная Антоновичем в редакцию «Современника», была забракована Добролюбовым, но последний попросил разрешения воспользоваться фактическими материалами из этой статьи и получил согласие Антоновича. На этом основании М. К. Лемке сделал скороспелый вывод, что Добролюбов использовал эти материалы в статье «Уличные листки» («Современник», 1858, № 9; см. первое Полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова, под редакцией М. К. Лемке, т. II, СПб., 1912, стр. 369). И. Ямпольский убедительно опровергает эту версию, так как, согласно воспоминаниям, Антонович лишь в 1859 году познакомился что Добролюбов использовал эти материалы в статье «Уличные листки» т. III, 1936, стр. 633). И. Ямпольский выдвигает предположение об использовании Добролюбовым материалов Антоновича в статье «Голос древней русской церкви» («Современник», 1859, № 4). Но публикуемые письма вместе с воспоминаниями Антоновича уточняют время знакомства Добролюбова и Антоновича — лето 1859 года. Следовательно, в статье апрельской книжки «Современника» Добролюбов также не мог учесть материалов Антоновича.

1

‹Петербург, 3 июля 1859 г.›

Если Вы можете пожаловать ко мне в понедельник или вторник до 12 часов, я буду очень рад Вас видеть. Адрес мой: в Моховой, близь Пантел‹еймоновского› переулка, дом Гутковой, № 7, кварт. № 1.

Ваш

Н. Добролюбов

Пятница.

lib.pushkinskijdom.ru

2

‹Петербург, 6 июля 1859 г.›

Милостивый Государь,

Я желал бы вас видеть завтра, во вторник, часов в одиннадцать утра.

Ваш

Н. Добролюбов

Понед‹ельник› утро.

‹*На конверте*›

Его Благородию,
Максиму Петровичу *Антоновичу,*

студенту Санктпетербургской духовной академии.
В духовной Академии, за Александро-невской Лаврой.

Письма печатаются по автографам ИРЛИ, фонд М. А. Антоновича (ф. 305, № 2).

Б. Ф. Егоров

М. Е. ЛЕБЕДЕВ[1] — Н. А. ДОБРОЛЮБОВУ

1

‹Петербург, 1857 г.?›[2]

Николай Александрыч. Вот тебе и книга твоя. Извини, что не продержал долее. Уедешь ли ты в Нижний, увидимся ли мы с тобой. Пожалуй напиши мне, как и чем кончатся твои дела, когда и куда поедешь, надолго ли, скоро ли вернешься, в случае последнего не будет ли чего на подержание: побольше, даже и Гейне фр‹анцузского?› было бы порядочно, полярн. . .[3] и проч., трм и сслк[4] и проч. Мой адрес: Е‹го› Бл‹агородию› М. Е. Л‹ебедеву›, на Выборгской стороне, против старой лаборатории в доме Максимовича. — Этот адрес мой всегдашний, он то есть видишь ли ты на нашу каз‹енную› кварт‹иру› и т. д.

М. Лебедев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] О М. Е. Лебедеве, см. выше, стр. 41—43.

[2] Письмо датируется предположительно временем приезда Лебедева в Петербург и датами других сохранившихся писем.

[3] Зашифрованное обозначение «Полярной звезды» Герцена. В дневнике Добролюбова под 13 января 1857 года отмечено чтение второй книжки «Полярной звезды» (см.: Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. VI, 1939, стр. 451).

[4] Также зашифрованное обозначение «Тюрьмы и ссылки» Герцена, очевидно, в лондонском издании 1854 года.

2

‹Сестрорецк,› 8 сент‹ября› 1857 г.

Что ты известил меня Николай (Александрыч, как я догадался), за это тебе еще больше спасибо, чем за то, что ты явился сюда. А что я пропал без вести, так тут кроется прекурьезное обстоятельство: меня выбрали (кажется) в пресловутую корпорацию воров и мошенников. Одним словом, если ты представишь себе, что у нас должно же быть управление, так в этом управлении мне предложили место (многие бы сказали оч‹ень› теплое, а я бы пожалуй скорее назвал богатое-литературное) место Секретаря,[1] очень видное, что называется на широкой дороге, с 400 в год сер. и с *доходами.*[2] Очевидно подобные этим объяснения моему согласию можно делать только в слух, но про себя этого слишком мало, мало ли что бывает у всякого человека на душе: во многих семейных домах старых служак разыгралась не одна комедия, пожалуй драка, по поводу замещения такого места молокососом-мальчишкой (хоть тут есть и своя доля сомнительного положения только потому, что носятся слухи о сдаче завода на арендное содержание); у меня же такая глупая мысль завелась в башке, что если мне приведется только наслужить здесь денег, чинов да орденов — то opera et oleum perditurus!..* И теперь я приучаюсь к новой своей должности, о которой никак не воображал, что даже она откроется вакантной! — бродил себе, да пачкался на кузницах и — напачкался; а что как бы попачкать?!. Судьба мне верно... так-таки вот будто норовила угодить. А впрочем чорт знает; с мыслью об аренде все хочется чего нибудь еще поприискать на всякий случай. — Но только пребогатейшее мое положение, если бы им воспользоваться умеючи: живу у бывшего контрабандиста

* Труд и масло потеряю (*лат.*); *здесь в значении — напрасно трудиться*

lib.pushkinskijdom.ru

и в то же время бывшего члена или же свидетеля бывалых заводских плутней — голова вкруг идет. И мы с ним частенько балагурим о том, что бывало в старину и как ведется теперь; он тоже мой сослуживец, чиновник в том же заводе, помощник бухгалтера в Правлении.[3] Эх-ма! пусть судьба мычет куда хочет: aut Caesar, aut nihil.* А что брат — живой об живом и думает — нельзя ли книжную корреспонденцию нам завести: ты будешь пересылать мне свои книги, а я тебе твои? Когда настанут дни моего секретарского апогея, так пересылать было бы мое дело, а ты только знай материалы запасай; напр‹имер›— очень нужных бы мне теперь — юридических сочинений, лекций, взглядов, идей, где бы они ни попались и какую бы статью ни трактовали по этой области; наконец и прочие разного рода книги, чтоб мне хоть немножко смахивать на нынешнего человека; да не мешало бы и простую корреспонденцию писем пустить в ход — ну побалагурить, например, об наших и ваших, о семинарских, о Печерцах,[4] о Казанцах[5] — что это за письмо Вас. Соколова?[6] — и о прочих разностях. Что Муравьев-Губерн‹атор›?[7] — Мне право хотелось бы, чтоб ты поторопился подробнее откликнуться на мое письмо: не знаю еще скоро ли настанет приятнейшее свидание для которого напиши, когда лучше всего тебя застать дома; теперь у меня братец дела службы, обстоятельства, жена, дети. А вот и адрес мой по городской почте: по известной тебе моей кличке, на Выборгской стороне, против старой Лаборатории, в доме Максимовича. — А уж там доставят мне и я получу — Экстатик-фантазер М. Л. . . . .

[1] Это место Лебедев занимал до 1862 года.

[2] Т. е. с возможностями обогащения путем взяток.

[3] Установить о ком идет речь, не удалось.

[4] Об учениках и преподавателях Нижегородского печерского духовного училища.

[5] О семинаристах, направленных по окончании курса в Казанскую духовную академию.

[6] Вас. Соколов — товарищ Добролюбова и Лебедева по семинарии. В архиве Добролюбова есть письмо Соколова к Лебедеву из Казани от 10 января 1857 года (№ 341 по описанию В. Княжнина; ИРЛИ, 341/2169. X с).

[7] Лебедев имеет в виду бывшего декабриста А. Н. Муравьева, 10 сентября 1856 года назначенного нижегородским губернатором. На этом посту он сразу же проявил себя как энергичный сторонник освобождения крестьян.

* Или Цезарь, или ничто (*лат.*)

lib.pushkinskijdom.ru

3

Сестрорецк 18 дек‹абря› 185‹7?› г.

Долго я задержал твои книги, Николай Александрыч! Да тебе они верно не нужны. А извиняться мне немножко смешно кажется. Еще попросить разумеется следует, а тебе прислать непременно нужно, по условию и по ревности апостольской. — Кстати мне теперь выпала может быть доля составить две библиотеки: одну для чиновников, другую для оружейников. Генерал [1] согласился на эти затеи, и очень им рад, а в первую даст даже своих книг. Теперь не можешь ли прибавить кое-чего к числу книг для оружейников: к Солдатскому и Сельскому чтениям.[2] О! если бы можно было достать их за прежние года! Тут будет верно и Крылов с Хемницером; естественных пожалуй немного; из священной и из русской истор‹ии› кое-чего. Так эдак переберн, что у тебя есть в памяти хоть сколько нибудь годное для наших простаков, из них же первый есмь Аз... Чиновники тоже с охотой слушают эти затеи, и как будто между ними есть и сочувствие — только не знаю, что будет, как дело пойдет серьезнее, и коснется денег. Теперь некогда: суматоха: Инспекторский смотр — дня на 4. Если бы у тебя хватило Отечественных записок 40-вых годов — прислал бы.

Пока прощай.

С будущего года я подпишусь в библиотеке, о которой ты мне говорил.

М. Лебедев.

[1] Командующий Сестрорецким оружейным заводом генерал-майор А. Г. Игнатьев.

[2] Вероятно, Лебедев имеет в виду «Сельское чтение», издававшееся В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким в 1843—1848 годах (ряд переизданий) и журнал «Чтение для солдат...», издававшийся с 1847 года.

Письма печатаются по автографам ИРЛИ, архив Н. А. Добролюбова (190/2018. IX с); ср.: В. Н. Княжнин. Архив Н. А. Добролюбова. «Временник Пушкинского Дома. 1913», СПб., 1914, стр. 53.

С. А. Рейсер

lib.pushkinskijdom.ru

Н. А. НЕКРАСОВ

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ИЗ ДЕЛОВЫХ БУМАГ Н. А. НЕКРАСОВА

«ДОВЕРЕННОСТЬ И. А. ПАНАЕВУ»

Печатаемый документ представляет собой черновик доверенности Н. А. Некрасова на имя Ипполита Александровича Панаева на ведение хозяйственных дел «Современника». Текст написан И. А. Панаевым, исправления и подпись — рукой Н. А. Некрасова.

Ипполит Александрович Панаев (1822—1901) — инженер по специальности, двоюродный брат соредактора Некрасова по «Современнику» Ив. Ив. Панаева. И. А. был близок к кружку «Современника». «В «Современнике» были напечатаны некоторые его беллетристические произведения (например, «Бедная девушка», 1854). В конце XIX века И. А. Панаев написал ряд статей философского содержания. Хозяйственными делами «Современника» И. А. Панаев заведывал с 1856 года до закрытия журнала, т. е. по 1866 год. С 1856 года он имел доверенность на ведение этих дел от официального редактора журнала И. И. Панаева; в 1862 году, когда И. И. Панаев умер, Некрасов, утвержденный редактором «Современника», выдал И. А. Панаеву публикуемое письмо-доверенность, которое, очевидно, сохраняло свою силу до закрытия журнала. И. А. Панаев тщательно берег и наследникам своим, надо думать, поручил беречь «приходо-расходные книги» «Современника» с расчетами и расписками получателей. Эти книги были разысканы мной вместе с другими документами, входившими в архив конторы «Современника». Материал «приходо-расходных книг» «Современника» был частично разработан мной в 1915 году и использован в статье «Практичность Некрасова в освещении цифровых и документальных данных» («Вестник Европы», 1915, № 4), а самые книги переданы наследниками И. А. Панаева в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. Материал, собранный в этой статье, раз навсегда положил конец оскорбительным для памяти Некрасова слухам и сплетням о якобы присущих ему эксплуататорских тенденциях в отношении сотрудников по журналу. Тем самым было установлено, что эти слухи и сплетни распускались врагами Некрасова в целях компрометации его личности и того направления, которому он служил честно, бескорыстно и самоотверженно. В восстановлении доброго имени Некрасова в глазах последующих поколений заслуга И. А. Панаева велика и неоспорима. См. его статью в «Новом времени», 1889, 18 января, и воспоминания его о Некрасове, опубликованные мной в книге: Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов, М., 1914, стр. 129—137; эти воспоминания с рядом дополнений см.: «Литературное наследство», кн. 49—50, 1946, стр. 535—546.

lib.pushkinskijdom.ru

Публикуемое ниже письмо говорит о близких и дружественных отношениях Некрасова и И. А. Панаева и о безграничном доверии их друг к другу.

Из числа пунктов настоящего письма-доверенности об исключительном доверии Некрасова к Панаеву особенно свидетельствуют пункты 7, 10, 11, которые предоставляют Панаеву право занимать деньги для нужд журнала «частным образом» под свои расписки, «расходовать... деньги... на издание журнала» в размерах и количестве, определяемых усмотрением Панаева *«даже без всякого на то... указания»* (!) со стороны Некрасова, «покрывать долги, лежащие на журнале, и уплачивать оные», «как и когда» это будет признано возможным опять-таки Панаевым, а не Некрасовым.

Обращают на себя внимание пукты 15 и 18, продиктованные явным желанием оградить Панаева как полноправного и правомочного управляющего хозяйственной частью журнала от каких-либо посягательств со стороны наследников Некрасова или собственника журнала — «тайного советника Плетнева».

Знаменателен пункт 13, предусматривающий денежные выдачи не только матери и жене покойного И. И. Панаева (Авдотье Яковлевне Панаевой), но и каким-то «другим», «близким ему лицам» (надо думать лицам, которые были близки И. И. Панаеву после его разрыва с Авдотьей Яковлевной) и предоставляющий размеры этих выдач «усмотрению» И. А. Панаева.

Еще более знаменателен пункт 14, в котором говорится о выдачах «на содержание братьев» покойного Добролюбова и «другим лицам». Эти выдачи Некрасов, очевидно, считал очень важными, если предоставил решение вопроса о них не «усмотрению» И. А. Панаева, а себе самому («производить выдачи... по моим письменным указаниям»). Мы позволяем себе высказать предположение, что в этом пункте особенно существенным следует считать упоминание о «других лицах». Под этими «другими лицами» Некрасов мог разуметь Н. П. Огарева, только что выигравшего процесс против Панаевой, причем уплату следуемой ему суммы взял на себя Некрасов, или кого-либо из сотрудников «Современника», подвергшихся репрессиям, а потому нуждавшихся в материальной помощи. А репрессиям в это время уже подвергся такой крупный сотрудник «Современника», как М. И. Михайлов, они нависли уже над головой Н. Г. Чернышевского. В официальном документе, каковым являлось рассматриваемое письмо-доверенность, упоминать о политическом эмигранте Огареве или «государственном преступнике» — по терминологии того времени — Михайлове было, само собой разумеется, решительно невозможно. Отсюда нарочито неопределенное выражение «другие лица».

Когда к жертвам правительственного террора присоединился Н. Г. Чернышевский, то данный пункт письма-доверенности был, надо думать, широко использован для оказания помощи ему и его семье.

В 1913 году я имел удовольствие и честь беседовать с престарелой Ольгой Сократовной Чернышевской (она доживала свой век в Саратове), и она в совершенно категорической форме заверяла меня, что во время суда над Чернышевским и сибирской ссылки его Некрасов систематически помогал семье Чернышевских. «Чем могли бы мы жить, если бы не помощь Некрасова?» — таковы были подлинные слова Ольги Сократовны.

Вот те выводы и заключения, к которым приводит рассмотрение такого, казалось бы, представляющего интерес только с хозяйственной точки зрения документа, как письмо-доверенность И. А. Панаеву.

lib.pushkinskijdom.ru

Печатается по автографу ИРЛИ (Р. I, оп. 20, № 25).

Официальная доверенность, подписанная Н. А. Некрасовым, также хранится в ИРЛИ (шифр: 21116. CXLV б. 11). Тексты обоих документов совпадают.

Милостивый Государь
Ипполит Александрович,

На основании разрешения[а] Господина Управляющего Министерством Народного Просвещения,[б] я утвержден Редактором Журнала «Современник» на место покойного редактора и соиздателя моего (по тому же журналу) Колежского Секретаря Ивана Ивановича Панаева, с тем чтобы ответственность пред наследниками Г. Панаева и по договору с Тайным Советником Плетневым принята была бы мною на себя.

Не имея времени, за множеством Литературных дел,[в] заниматься хозяйственною частью журнала «Современник» покорнейше прошу Вас принять на себя обязанности до сей части относящиеся:

1) Получать деньги поступающие по подписке на журнал «Современник» в С. Петербургской и в Московской наших Конторах.

2) Получать из Газетной Экспедиции С. Петербургского Почтамта деньги, поступающие туда по подписке на тот же журнал.

3) Получать деньги из С. Петербургского Почтамта, адресуемые в Контору или в Редакцию Современника, или, чрез надписание на повестках, доверять получение их кому найдете нужным.

4) Получать деньги от разных присутственных мест и частных лиц, которым Вы продадите или кредитуете экземпляры журнала, по Вашему усмотрению.

5) Во всех сих и других случаях получения денег по делам «Современника» расписываться в получении вместо меня.

6) Входить в обязательства и заключать условия и договоры с разными местами и лицами по делам касающимся издания журнала, продажи и кредитования экземпляров оного, как сами признаете за благо.

7) Занимать деньги для нужд журнала[г] частным образом под Ваши росписки в качестве Управляющего хозяйственными делами Современника. Все таковые обязательства если они

[а] *Далее зачеркнуто* Его Превосходительства Статс Секретаря Головнина [б] *Далее зачеркнуто* [в] *Было* занятий [г] *Далее зачеркнуто* или

lib.pushkinskijdom.ru

записаны на приход по Приходо-расходной книге «Современника» должны быть приняты на ответственность журнала.

8) Расходовать экземпляры журнала и Исторической Библиотеки продажею, кредитованием и другим образом, как Вы будете признавать за благо для дела.

9) Записывать на приход деньги получаемые по подписке на журнал и приобретаемые займами.

10) Расходовать эти деньги собственно на издание журнала в том размере и количестве, в каком сами признаете за благо, даже без всякого на то моего указания. Назначение же платы за статьи выходящие, по оценке их, из ряда статей обыкновенных, будет письменно сообщаться Вам мною.

11) Покрывать долги лежащие на журнале и уплачивать оные, как и когда признаете то возможным.

12) Расходовать те же деньги на мои нужды или выдачами мне лично под мои расписки, или по моим запискам на мой счет.

13) Производить выдачи матери и жене покойного моего соиздателя Ивана Ивановича Панаева и другим, известным мне и Вам, близким ему лицам, и уплачивать его долги, в том размере по каждому, из упоминаемых в сем § предметов <!>, в каком сами признаете это возможным по Вашему усмотрению.

14) Производить выдачи *на содержание братьев покойного* Николая Александровича *Добролюбова*[а] и другим лицам и местам по моим письменным указаниям.[б]

15) [в] По сему по всем, во время моей жизни, Вашим действиям, касающимся Управления хозяйственными делами журнала «Современник» по приходу и расходу сумм и расходованию экземпляров журнала и Исторической Библиотеки наследники мои никакого отчета от Вас требовать не должны.[г]

[а] *Набранные курсивом слова вписаны рукой Некрасова.* [б] *Вслед за пунктом 14 шел пункт 15, вычеркнутый из текста письма. Он гласил:* Во всех сих и других случаях я Вам верю и что Вы по своему усмотрению учините спорить и прекословить не буду. [в] *Было* 16. [г] *Вслед за этим пунктом в письме следовал пункт следующего содержания:* 17) Так как распоряжением Г. Управляющего Министерством Народного Просвещения на меня возлагается ответственность по ведению журнального дела пред наследниками покойного Ивана Ивановича Панаева [и по договору с Тайным Советником Плетневым] то и они, по введении их во владение, если пожелают требовать отчета касающегося дела журнала, должны с требованием оного обращаться ко мне, а не к Вам. *Однако и этот пункт был вычеркнут и из текста письма-доверенности изъят.*

lib.pushkinskijdom.ru

16) [а] Г. Плетнев и наследники его, в случае какого либо иска по поводу издания журнала, должны обращаться ко мне, а никак не к Вам.[б]

17) Ежели встретится надобность *по сему делу*,[в] то имеете Вы право подавать во все присутственные места и к Начальствующим лицам всякого рода прошения, объявления и объяснения, читать из дел записки, делать рукоприкладства, выслушивать частные и апеляционные решения, изъявлять удовольствия или неудовольствия по Вашему усмотрению и приносить частные и апеляционные жалобы даже и в Правительствующий Сенат. —

18) Во время Вашего отсутствия можете передать право сей доверенности другому лицу по Вашему выбору с ответственностью за его действия, как за свои собственные.

19) Во всем же что Вы *на основании сей*[г] доверенности[д] по своему усмотрению учините — спорить и прекословить не буду.

Засим имею честь быть Ваш покорный слуга

Дворянин Н. А. Некрасов[е]

Апреля дня ‹1862 г.›

Сия доверенность принадлежит Инженер-подполковнику Ипполиту Александровичу Панаеву.

В. Е. Евгеньев-Максимов

[а] *Было* 18) Равно и [б] *Вслед за этим пунктом в письме первоначально следовал такой пункт (впоследствии изъятый)*: 18) Во время Вашего отсутствия можете временно передать ведение текущих дел, об которых упоминается в §§ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 другому лицу по Вашему выбору, признавая действия такового лица, по хозяйственному Управлению журнала «Современник», как свои собственные. [в, г, е] *Набранные курсивом слова вписаны рукой Некрасова.* [д] *Было* что Вы по сей доверенности или, на основании оной,

lib.pushkinskijdom.ru

‹ПРОЕКТ ДОГОВОРА С В. Ф. КОРШЕМ›

Некрасову пришлось жить и работать в эпоху, когда газеты приобретали все большее распространение и оказывали все большее влияние на общественную жизнь. Некрасов понимал, что с помощью газетной трибуны можно было воздействовать на еще более широкие круги читателей, чем владея только журнальной трибуной, вовлекать их в орбиту революционно-демократических идей, в служении которым Некрасов видел основной смысл своей жизни и деятельности. Однако ни одна из многократных его попыток этого рода (перечень и сводка этих попыток содержатся в статье Б. Папковского и С. А. Макашина «Некрасов и литературная политика самодержавия» — «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1946, стр. 512—524) не удалась из-за противодействия цензурных инстанций. Это представляется тем более знаменательным, что Некрасов был прекрасно осведомлен, какая репутация — сугубо «неблагонадежного» писателя — за ним установилась в правительственных кругах, а потому избегал выступать с «открытым забралом».

Он обычно действовал через подставных лиц, «благонамеренность» которых не возбуждала сомнений, в уверенности, основанной на определенных соглашениях, что, как только одно из этих лиц получит просимое разрешение на издание той или иной газеты, ведение этой последней перейдет в его руки. Однако, благодаря теснейшим связям, существовавшим между цензурными инстанциями и III Отделением, замыслы Некрасова становились известными, и попытки его постигала неудача.

В других случаях Некрасов применял несколько иной образ действий. Он пытался овладеть журнальной или газетной трибуной, уже находившейся в руках определенного лица. Это давало возможность и Некрасову и его партнеру, т. е. в данном случае владельцу журнала или газеты, обойтись без обращения в официальные инстанции за разрешением, так как получить газету или журнал самому Некрасову было чрезвычайно трудно, почти невозможно.

Публикуемый документ свидетельствует о том, что в 1865 году Некрасовым была предпринята попытка принять руководящее участие в издании одной из крупнейших газет того времени — «С.-Петербургские ведомости». Это проект договора между Н. А. Некрасовым и журналистом В. Ф. Коршем (1828—1883), который с 1 января 1863 года издавал и редактировал «С.-Петербургские ведомости», арендуя их у Академии Наук.

Хотя в публикуемом документе речь идет только о финансовой стороне дела, но здесь, повидимому, в какой-то мере предусматривалось участие Некрасова и в ведении редакционных дел, хотя об этом и не говорится. Некрасов мог пойти на «соединение» с Коршем только в том

lib.pushkinskijdom.ru

случае, если имел твердую уверенность в том, что «С.-Петербургские ведомости», пусть не сразу, а постепенно, изменят свою общественную физиономию, т. е. перестанут быть органом умеренного либерализма и станут органом демократии. Овладеть газетной трибуной такого масштаба, как «С.-Петербургские ведомости», при создавшейся в стране социально-политической конъюнктуре середины 60-х годов, было чрезвычайно важно.

Однако договор с Коршем не был осуществлен. Возможно, что и в этом случае сыграло роль вмешательство цензурных инстанций. Вполне допустимо, что сам Корш побоялся «соединения» с Некрасовым, в результате которого ему неминуемо пришлось бы занять в газете второстепенное место. Как бы то ни было, еще одну попытку Некрасова заручиться для себя и своего направления газетной трибуной — постигла неудача. Однако упорство, с которым он возобновлял эти попытки, свидетельствует о страстном желании послужить своему народу на более широком поприще, чем то, на котором он служил ему до тех пор.

Печатается по автографу ИРЛИ (Р. I, оп. 20, № 26). Текст написан рукой В. Ф. Корша. Публикуемый автограф поступил в ИРЛИ вместе с другими бумагами Н. А. Некрасова в 1951 году (см. заметки: Автографы Н. А. Некрасова. Новые материалы о великом русском поэте. «Вечерний Ленинград», 1951, № 38, 16 февраля; Автографы Н. А. Некрасова. «Литературная газета», 1951, № 99, 21 августа).

В. Ф. Корш и Н. А. Некрасов соединяются для издания «СПб. Ведомостей» в 1866, 1867 и 1868 годах, на следующих условиях:

1. Н. А. Некрасов вносит в это дело, в течение 1865 года, до 25 000 рублей, а именно: в мае 15 000 р. и в июле 10 000.

2. В. Ф. Корш обязывается уплатить эти деньги Н. А. Некрасову в январе 1866 года, с установленными процентами, с тем однакоже, что и в течение[а] 1866 года, если окажется надобность, Н. А. Некрасов положит в то же предприятие, в виде ссуды, до 16 000 рублей, которые также должны быть уплочены Коршем в январе следующего 1867 года, с условленными процентами. В 1867 году Н. А. Некрасов ссужает Коршу, в случае надобности, до 8000 рублей, которые уплачиваются Коршем, с процентами, в январе 1868 года.

3.[б] Чистый доход газеты, начиная с 1866 года, делится поровну между Н. А. Некрасовым и В. Ф. Коршем.

4. В случае смерти Корша, до истечения срока его контракту с Академией Наук, т. е. до 1869 года, право Корша на издание «СПб. Ведомостей» переходит к Н. А. Некрасову, если Академия Наук, согласно ее контракту с Коршем, утвердит представленного Некрасовым редактора. Все предприятие

[а] *Далее зачеркнуто* этого [б] *В автографе ошибочно повторено 2 и далее вместо 7 пунктов обозначено 6.*

lib.pushkinskijdom.ru

переходит тогда окончательно к Некрасову, который обязывается уплачивать семейству Корша ежегодно 1500 рублей до 1-го января 1869 года.

5. В случае смерти Некрасова до истечения срока контракту Корша с Академией Наук, настоящие обязательства [а] сохраняют свою силу для его наследников и для Корша.

6. Если Корш возобновит контракт с Академией Наук после 1-го января 1869 года, то Н. А. Некрасов имеет право участвовать в продолжении настоящего предприятия на равных с Коршем правах.

7. Если, в течение 1866, 1867 и 1868 годов издание «СПб. Ведомостей» принесет убытки, то они также делятся поровну между Некрасовым и Коршем; но Некрасов имеет право, ознакомившись с положением дел газеты в конце текущего 1865 года, отказаться от настоящих условий и получить обратно внесенные им деньги, с условленными процентами.

В. Е. Евгеньев-Максимов

[а] *Было* все права его и обязательства, как Некрасова

lib.pushkinskijdom.ru

‹ФРАГМЕНТ СТАТЬИ О М. Н. КАТКОВЕ›

Печатая по неопубликованному автографу текст письма Некрасова в редакцию какой-то газеты, разоблачающего одну из клевет М. Н. Каткова (1818—1887) на «Современник» и его руководителей, следует вкратце остановиться на истории личных взаимоотношений Некрасова и Каткова. Об этих отношениях известно мало. Несомненно одно: в 40—50-е годы они были лично знакомы, и между ними изредка возникали деловые сношения. Так, в 1858 году, когда Катков воспринимался еще как либерал, — не забудем, что в 1856—1857 годах он напечатал в только что основанном им «Русском вестнике» «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, — между ним и Некрасовым завязалась переписка. Задумав издавать Шекспира в переводах русских писателей, Некрасов обратился к Каткову с просьбой разрешить напечатать в этом издании его перевод трагедии «Ромео и Юлия». Катков ответил согласием (см. его письмо к Некрасову от 3 ноября 1858 года — Архив села Карабихи, М., 1916, стр. 109—110; см. также сборник «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома», П., 1922, стр. 232—233), но просил дать ему некоторый срок для пересмотра нуждающегося-де в исправлении перевода. Однако, когда в 1862 году вопрос об издании Некрасовым совместно с Н. В. Гербелем собрания сочинений Шекспира был поднят вторично, о привлечении Каткова к этому изданию уже не было и речи — без сомнения потому, что к этому времени реакционные позиции Каткова определились с достаточной ясностью, и появление его имени, хотя бы как переводчика, в издании, редактируемом Некрасовым, сделалось совершенно невозможным.

Необходимо учесть и то обстоятельство, что в 1861 году Катков развернул на страницах своего журнала бешеную полемику с журналом «Современник», направляя свои удары главным образом против Чернышевского (см. о ней: В. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове, Гослитиздат, 1936, стр. 580—589). Катков, в качестве барда махровой дворянской реакции, совершенно сознательно придавал своим высказываниям явно доносительский характер. Так, например, в статье «Старые боги и новые боги» («Русский вестник», 1861, № 2), расшифровывая смысл знаменательных строк о Юдифи в рецензии Чернышевского на книгу Г. К. Кэре «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» («Современник», 1861, № 1), он весьма недвусмысленно обвинил «Современник» в сочувствии революционным методам борьбы.

Несколько позже, крайне раздраженный сокрушительным отпором, данным Чернышевским своим противникам в знаменитых «Полемических

lib.pushkinskijdom.ru

красотах» («Современник», 1861, №№ 6 и 7), он в статье «Виды на entente cordiale с *Современником*» («Русский вестник», 1861, № 7) впадает в еще более доносительский тон. «Вы не колотите, не жжете, — обращается он к группе „Современника", — но в пределах вашей возможности вы делаете то, что вполне соответствует этим актам; в вас те же инстинкты, которые при других размерах, на другом поприще, еслибы вы стояли на другой стороне, выражались бы во всякого рода насильственных действиях. Что́ можете, то вы и делаете» (79). Трудно было бы подобрать более определенные выражения для обвинения своих противников в готовности к революционному действию.

Хотя в статьях 1861 года против «Современника» Катков главным образом полемизирует с Чернышевским, но он, несомненно, имеет в виду и других руководящих сотрудников журнала, а прежде всего Н. А. Некрасова.

В той же статье «Виды на entente cordiale с *Современником*», выступив на защиту одного из сотрудников «Отечественных записок», Альбертини, которого Чернышевский задел в «Полемических красотах», Катков намекает на то, что Чернышевский считает «благородными людьми» Герцена и Огарева (имен лондонских эмигрантов Катков, конечно, не мог назвать по цензурным условиям, но нет никакого сомнения, что в данном случае он имеет в виду именно их), а затем дает понять, что Чернышевский и Некрасов ничуть не лучше этих «благородных людей». Приравнять Чернышевского и Некрасова к Герцену и Огареву в обстановке того времени значило опять-таки сделать прямой политический донос.

То, что Катков — доносчик, было совершенно ясно для Чернышевского, Некрасова и их сотоварищей по работе в «Современнике», но сказать об этом в печати они не могли, ибо подобное заявление ни в коем случае не было бы пропущено цензурой. Вспомним любопытный отрывок из письма Н. А. Добролюбова к И. И. Бордюгову (май 1859 года): «Мы было принялись с Некрасовым сочинять стихотворение, которое начиналось стихом:

Душа летит в Армянский переулок...

(в Армянском переулке помещалась редакция «Русского вестника», — *В. Е.-М.*). Но с первых стихов оно оказалось слишком свирепым, и печатать его нельзя» (Материалы для биографии Н. А. Добролюбова..., т. I, 1890, стр. 507).

Некрасов, без сомнения, не прочь был расправиться с Катковым, но цензурные условия лишали его возможности это сделать.

Тем не менее время от времени ему удавалось проводить через цензуру отдельные сатирические выпады против Каткова, например, в стихотворениях: «Вступительное слово „Свистка" к читателям» (1863), «Чернильница» (1865) (название «Чернильница» условно дано К. И. Чуковским стихотворению «Предмет, любопытный для взора», извлеченному из одного очерка П. М. Ковалевского в «Современнике» 1865 года; см.: П. М. Ковалевский. Стихи и воспоминания, СПб., 1912, стр. 294), «Газетная» (1865) и т. д. Однако в большинстве случаев эти выпады не отличались достаточной остротой и особого впечатления не производили. А между тем влияние Каткова все усиливалось и становилось далеко не маловажным фактором в общественном отношении. Катков вырастал в «великана» (выражение Некрасова в стихотворении «Газетная»), подлинного вождя и вдохновителя реакционных сил. Вот почему редакция

lib.pushkinskijdom.ru

«Современника» должна была придти к убеждению о крайней желательности выступления против Каткова, т. е. открытого и прямого разоблачения той глубоко реакционной роли, которую он играл. Однако, поскольку в середине 60-х годов такое выступление было сопряжено с чрезвычайным риском, — ведь «Современник» уже получил два предостережения (10 ноября и 4 декабря 1865 года), а получение третьего грозило ему приостановкой, а то и запрещением, — нужно было ждать благоприятного момента.

Этот момент наступил в марте 1866 года. Катков в своем реакционном изуверстве опередил даже некоторых царских министров, предъявляя если не им лично, то руководимым им ведомствам обвинения в «сепаратических тенденциях», «в предательстве отечественных интересов» и т. д. и т. п. «Московским ведомостям» решено было объявить предостережение. Надо думать, что Некрасов, при его обширных связях в совете Главного управления по делам печати, получил сведения, что в Министерстве внутренних дел Катковым недовольны, и подал сигнал к атаке. В мартовской книжке «Современника» за 1866 год в статье «Вопрос молодого поколения» один из соредакторов Некрасова Ю. Г. Жуковский целых десять страниц посвятил разоблачению Каткова. «Мы находим, — писал он здесь, — нецелесообразным и вредным, чтобы газета частная, какою называли себя „Московские Ведомости“, в одно и то же время пропагандировала извращение в крепостную сторону и положений 19 февраля, и положений о земских учреждениях, и вместе с тем прикидывалась заступницей администрации, отказывающейся от крепостных начал... Терроризация общества присутствием партий, терроризация чиновников и исполнителей публичными доносами в потворстве нигилизму, одетому для вящшего эффекта в конфедератку польского восстания, с красным петухом в руках, — и все это для спасения розог в селах, розог в школах, розог в семьях и развития раздражения между лицами, более всего близкими друг другу!..» (23, 25). При помощи передергивания цитат и статей противников, при помощи различных инкриминаций и клеветнических выпадов «„Основа“ превращалась в орган малороссийского жонда, и в одном кармане каждой стриженой барышни московские редакторы усматривали пучок прокламаций, в другом разрывную гранату» (20).

Катков не смолчал и в № 65 «Московских ведомостей» в статье, полемизировавшей с французским публицистом де Мазадом, хотя вскользь, но в форме совершенно категорической предъявил «Современнику» обвинение в том, что он в свое время получал субсидию от правительства, т. е., попросту говоря, был продажным органом печати. Не ответить на подобное чудовищное обвинение было невозможно. И Некрасов решил ответить в «Письме в редакцию» в одну из петербургских газет (возможно, что «Письмо» это должно было быть адресовано в «С.-Петербургские ведомости»). Однако напечатано это письмо нигде не было

Произошло это, очевидно, потому, что оно писалось в самый канун покушения Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 года). А покушение это, как известно, ознаменовалось такой вспышкой безудержной реакции, что печатать письмо было бы явным безрассудством. Да если бы Некрасов и решился на это безрассудство, то можно сказать с уверенностью, что не нашлось бы газеты, которая его письмо рискнула бы напечатать.

Ведь участь всей периодической печати, не говоря уже об участи отдельных писателей, всецело находилась в руках как раз в эти дни

lib.pushkinskijdom.ru

призванного для борьбы с «крамолой» и облеченного диктаторскими полномочиями графа М. Н. Муравьева-Виленского, в просторечии — Муравьева-вешателя. А между тем всем и каждому было известно, что Катков и Муравьев — единомышленники, что первый пользуется в глазах второго непререкаемым авторитетом. Удар по Каткову был бы воспринят Муравьевым как явное и наглядное проявление крамолы, тем более предосудительное, что оно последовало непосредственно вслед за покушением Каракозова.

Вот причины, объясняющие непоявление в печати письма Некрасова, хотя оно, судя по его черновику, усердно просматривалось, поправлялось и дополнялось автором.

Попытка гласного разоблачения Некрасовым Каткова не была последней. В первую часть поэмы «Современники» Некрасов намеревался внести 16 стихов, представляющих отклик на смерть единомышленника и ближайшего сотрудника Каткова П. М. Леонтьева (1823—1875), соиздателя «Московских ведомостей».

Послушайте — не много ль
Такое погребенье?
Не Пушкин же, не Гоголь
Леонтьев! . .
«Ваше мненье
Есть плод лицеприятья!
Не будьте слишком строги
В Москве — свои понятья,
Свои герои, боги.
Московского Зевеса
Я там увидел снова;
Поверьте, наша пресса
Клевещет на Каткова.
Ужель у патриота
В основе убежденья
Тупая жажда гнета
И похоть истребленья?»

(Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. III, Гослитиздат, М., 1949, стр. 402).

Таким образом, похороны П. М. Леонтьева были для Некрасова только предлогом, чтобы напасть на «Московского Зевеса», т. е. на Каткова. Но и на этот раз стихам Некрасова не удалось пройти через цензурные фильтры.

Печатается по автографу ИРЛИ (Р. I, оп. 20, № 24). Текст написан А. Н. Пыпиным, исправления и вставки сделаны рукой Н. А. Некрасова.

‹Март 1866 г.›

М. Г. Прошу Вас дать в вашей газете место для разъяснения лжи, пущенной «Московскими Ведомостями» об издаваемом мною журнале.[а]

[а] *Было* против издаваемого мною журнала

lib.pushkinskijdom.ru

В № 65 «Московских Ведомостей» г. Катков, представляя свои оправдания против статьи г. де-Мазада (в Revue des deux Mondes), касается между прочим «Современника» и говорит: «В 1862 году Современник не только находился под цензурой, но и *получал пособие* от того правительственного ведомства, которому тогда было подчинено цензурное управление».[1]

Считаю долгом сказать, что «Современник», издававшийся с 1847 года мною и И. И. Панаевым, а ныне издаваемый мною, — *никогда ни от какого правительственного ведомства никаких пособий не получал.* Что же касается до того года, на который указывает г. Катков (1862), то большую часть этого года «Современник», как известно, даже вовсе не издавался, потому что издание было остановлено на 8 месяцев, по соглашению г. министра Внутренних дел с тем ведомством, которому тогда было подчинено цензурное управление.[2] (Напомним,[а] при этом читателям, что до конца издания 1862 года наибольшая деятельность и ведение журнала принадлежали Н. Г. Чернышевскому [б])

Считаю не лишним также указать на обстоятельство, в действительности совершенно постороннее журналу, по которым повидимому рассчитывал г. Катков воспользоваться для такого странного и неверного заявления.

В конце 1861 года нынешний министр народного просвещения, А. В. Головнин, тогда только что вступивший в должность, обратился к некоторым литераторам и журналистам и в том числе к И. И. Панаеву с предложением,[в] чтобы они, как люди, близко стоящие к литературе, указали ему несколько лиц, которые бы с пользой для дела могли быть отправлены за границу и во внутренние губернии России для изучения, во первых, европейских педагогических систем и положения народного образования, и, во вторых, тех местных условий, в каких это образование находится у нас,[г] — чтобы этим путем мог быть пополнен весьма заметный в нашей литературе и общественных понятиях недостаток [д] точного знакомства с этим серьезным вопросом.[е]

[а] *Было* и ежли мы напомним [б] *Далее зачеркнуто* то здравомыслящим людям видна будет степень вероятности внушения, которое силится сделать г. Катков [в] *Было* к некоторым редакторам журналов с просьбой [г] *Далее зачеркнуто* и [д] *Далее зачеркнуто* близ [е] *Далее зачеркнуто* народного образования; *затем следовало* По особенному доверию к И. И. Панаеву, которое основывалось на долговременном *прежнем* знакомстве, г. министр между прочим просил и Панаева рекомендовать ему двух лиц для упомянутых выше [поручений] занятий и

lib.pushkinskijdom.ru

Само собою разумеется, что это предложение, имевшее столь полезную цель, было встречено с полным сочувствием, и Панаев не замедлил указать г. министру лиц, соответствовавших по его мнению сказанной цели. Одобрив выбор Панаева, г. министр, по особому доверию к И. И. Панаеву, которое основывалось на долговременном *прежнем* знакомстве,[3] передал ему известную сумму денег, которая и была употреблена И. И. Панаевым по назначению[а] и *не имела никакого отношения к кассе журнала.*[4] (В выдаче денег помянутым лицам имеются росписки.[б]) —

Именно, рекомендовав г. министру трех[в] лиц,[5] И. И. Панаев выдал им деньги,[1] назначенные на их путешествие, и дело тем окончилось. — Затем в непродолжительном времени (именно в феврале 1862 года) И. И. Панаев умер, и сношения между г. министром и редакцией «Современника», состоявшие только в личном знакомстве[г] г. Головнина и И. И. Панаева и в упомянутой рекомендации, сделанной этим последним,[д] естественно прекратились, не имев ни в 1862 году, ни после *никакого отношения*[е] *к содержанию журнала.*

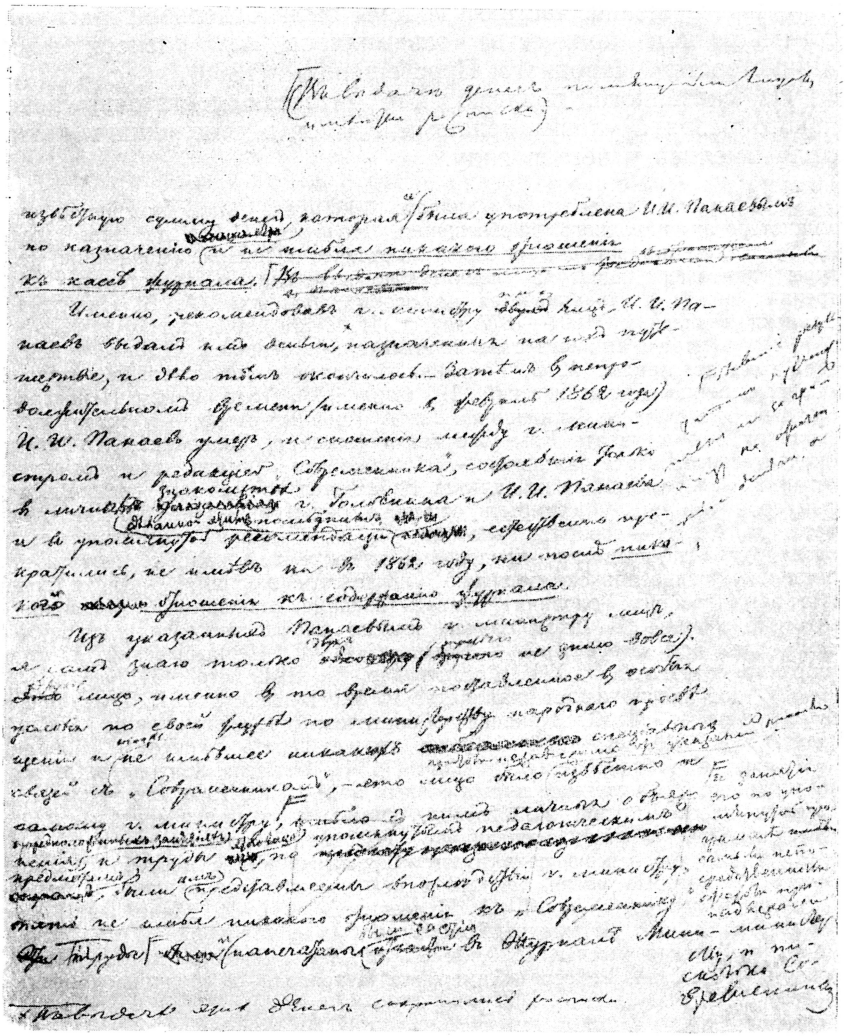
Из указанных Панаевым г. министру лиц, я сам знаю только двух[ж] (третьего[з] не знаю вовсе). Другое[и] лицо, именно в то время поставленное в особые условия по своей службе по министерству народного просвещения и также не имевшее никаких[к] специальных связей с «Современником», — это лицо было притом независимо от указаний Панаева известно[л] г. министру,[м] и занятия его по упомянутой программе[н] самым непосредственным образом принадлежали министерству, и нисколько «Современнику». Труды,[о] бывшие результатом путешествия его за границу на означенные деньги, и напечатаны были частию[п] в Журнале Министерства Народ-

---

[а] *Далее зачеркнуто* г. министра [б] *Было* В выдаче денег лицам [рекомендованным] выбранным г. Панаевым [в] *Было* двух [г] *Было* в личных отношениях [д] *Было* в упомянутой рекомендации двух лиц [е] *Было* никакой связи [ж] *Было* одно, дру‹гое› [з] *Было* другого [и] *Было* Это [к] *Было* никакого особенного по‹ложения› [л] *Далее зачеркнуто* и самому [м] *Далее зачеркнуто* имело с ним личные объяснения о предположенных занятиях, и труды [его] этого лица, по [предмету указанному г. министром] упомянутым педагогическим предметам, были им представляемы впоследствии г. министру, опять не имея никакого отношения к «Современнику». [н] *Далее зачеркнуто* имели [о] *Было* Эти труды были [п] *Было* напечатаны отчасти

[1] В выдаче этих денег сохранились росписки. (*Примечание Н. А. Некрасова.*)

lib.pushkinskijdom.ru

Черновик статьи Н. А. Некрасова о М. Н. Каткове, писанный рукой А. Н. Пыпина, с правкой и вставками Н. А. Некрасова, л. 3.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskijdom.ru

ного Просвещения, частию [а] изданы были отдельной книжкой, в небольшом количестве экземпляров, по распоряжению Министерства Народного Просвещения» (1863).[6]

Из сказанного, полагаю, для читателя достаточно ясно, какого разряда уловку делает г. Катков в заявлении и какие цели имелись у него в виду.[б]

[1] Цензурное управление в начале 1862 года было подчинено еще министерству народного просвещения. Но уже 11 марта этого года А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Главное управление цензуры уничтожено. Цензура окончательно переходит в министерство внутренних дел и устанавливается на особых началах» (А. В. Никитенко. Записки и дневник. /1804—1877 гг./, т. II, СПб., 1905, стр. 74).

[2] Речь идет о министерстве народного просвещения, которое с конца 1861 года возглавлял А. В. Головнин. В связи с приостановкой издания «Современника» Чернышевский 19 июня 1862 года писал Некрасову: «Я был два раза у Головнина, между прочим, вчера, — я ждал этого свидания, чтобы писать Вам уже когда узнаю от Головнина, что-нибудь окончательное. Вот результат. — „Надобно ли думать, что остановка издания «Современника» продлится действительно на весь восьмимесячный срок или она может быть отменена раньше?“ — Нет, раньше отменена не будет! — говорит Головнин. — „По окончании восьмимесячного срока будет ли позволено продолжать издание, или надобно считать эту остановку равносильною решению уничтожить журнал?“ — Да, я советую вам (говорит Головнин) считать издание конченным и ликвидировать это дело. — „В таком случае, можно ли рассчитаться с подписчиками изданием сборников?“ — Можно» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, Гослитиздат, М., 1949, стр. 454).

[3] О довольно близком знакомстве И. И. Панаева с А. В. Головниным свидетельствует А. Я. Панаева (Головачева) (Воспоминания, Гослитиздат, М., 1948, стр. 289—290), а также десять записок Головнина к Панаеву (опубликованных в книге: И. И. Панаев. Литературные воспоминания с приложением писем разных лиц, СПб., 1888, стр. 410—412); известно далее, что еще в 1855 году, организуя от имени морского министерства «литературную экспедицию», Головнин обратился к И. И. Панаеву как к одному из редакторов «Современника» с просьбой указать писателей, которые могли принять в ней участие; сохранились и ответы Панаева, указавшего на Я. П. Полонского и М. И. Михайлова; один из ответов на это обращение Головнина был опубликован С. В. Максимовым («Русская мысль», 1890, № 2, стр. 21) в качестве письма Некрасова; однако С. А. Рейсер («Заметки о Некрасове» в сборнике «Звенья»,

---

[а] *Было* отчасти [б] *Было* делает г. Катков и какие цели имелись в его заявлении. *Далее следовало* Можно бы [еще] только спросить: почему г. Катков [так поздно] придумал говорить о мнимых субсидиях «Современнику» [и почему он предпочитает камешки из-за угла, когда в «Вопросе молодого поколения» уже разъяснено довольно, какую цену имеют такие вещи; — неужели он чувствует] так поздно и именно тогда, когда «Современник» заговорил о «Вопросе молодого поколения» [или неужели г. Катков] и уж не почувствовал ли г. Катков неловкость говорить [прямо] против «Современника» прямо?

lib.pushkinskijdom.ru

кн. 5, 1935, стр. 518—521) доказал, что письмо это Некрасову не принадлежит, а написано М. П. Погодиным (здесь же, стр. 521—522, опубликованы два письма И. И. Панаева к А. В. Головнину и Д. А. Оболенскому от 27 августа и 28 ноября 1855 года). Современники отмечали «либеральные замашки» и заигрывания Головнина, этого типичного петербургского бюрократа, считая, однако, что это были лишь хитрые уловки с его стороны или тактические маневры. Б. Н. Чичерин, характеризуя Головнина, отмечает: «Чтобы не навлечь на себя подозрения в бюрократических наклонностях, ему казалось совершенно достаточным призвать изредка какого-нибудь легенького журналиста, побеседовать с ним важно, как подобает государственному мужу, и сочинить что-нибудь ему в угоду, дабы этим приобрести популярность. Так он именно поступил впоследствии, когда сделался министром народного просвещения» (Воспоминания Б. Н. Чичерина. Путешествие за границу, изд. «Север», М., 1932, стр. 47—48).

В начале 60-х годов Головнин, с той же целью, пытался установить связи и с «Современником», с влиянием которого на широкие круги читателей он принужден был считаться. Однако сношения эти шли только через Панаева, и заигрывания Головнина с редакцией журнала никакого успеха не имели. Об отношениях Панаева с Головниным см.: А. Я. Панаева (Головачева), Воспоминания, Гослитиздат, М., 1948, стр. 289; А. В. Никитенко, Записки и дневник, т. II, СПб., 1905, стр. 70, а также в неопубликованных «Записках» А. В. Головнина (т. III, «Очерк действий по управлению министерством народного просвещения с конца 1861 по апрель 1866 г.» — в архиве Головнина, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, № 3, л. 59).

[4] Подтверждение этому находится в письмах Головнина к И. И. Панаеву от 22 и 23 января ‹1861 года›. В первом из них министр народного просвещения писал: «В прилагаемой записке Вы найдете..., какое содействие я желал бы получить от Современника. Подумайте, пожалуста, кому Вы могли бы поручить это. Очень меня обяжете» (ИРЛИ, ф. 93, оп. 4, № 62). Во втором письме Головнин пишет: «Посылаю вам еще записку о тех сведениях из наших губерний, которые желательно бы собрать об учебных заведениях. Я уже сделал распоряжение, чтобы вам были доставлены 5 т. р. для раздачи по вашему усмотрению тем лицам, которых вы отправите по России и за границу» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, с приложением писем, изд. 3-е, СПб., 1888, стр. 410—411).

[5] Установить, кого именно рекомендовал И. И. Панаев Головнину, трудно. Дело в том, что в это время, действительно, «для изучения устройства народных школ и учительских семинарий за границею и для ознакомления с положением народных школ в империи министерством были командированы такие лица, от которых, судя по их способностям, познаниям и педагогической опытности, можно было ожидать полезных указаний. Отчеты этих лиц публиковались...» (Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, архив А. В. Головнина, № 3, «Записки», т. III, лл. 382 об.—383). Так, например, 21 марта 1862 года Головнин ходатайствовал перед Александром II о переводе К. Ушинского в министерство народного просвещения, сообщая, что этому известному педагогу во время годичного лечения его за границей можно поручить изучение устройства учительских семинариев. В результате ряд статей Ушинского, в которых изображалась внутренняя жизнь образцовых швейцарских

lib.pushkinskijdom.ru

учительских семинарий и женских училищ, был напечатан в «Журнале министерства народного просвещения» в 1862 году (статьи под названием «Педагогическая поездка по Швейцарии»).

[6] Может быть, имеется в виду Н. И. Пирогов, который был членом главного правления училищ и в «Именном списке лиц, занимавших главные должности по министерству народного просвещения» был назван в числе «состоящих при министерстве народного просвещения» (см.: Обзор деятельности министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 63 и 64 годах, СПб., 1865, Приложения, стр. 380). 17 марта 1862 года А. В. Головнин ходатайствовал перед Александром II о том, чтобы командировать Пирогова на четыре года за границу, возложив на него «исполнение... разных трудов по учебной и педагогической части» (Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, архив А. В. Головнина, № 99, лл. 51—51 об.). Статьи Н. И. Пирогова, написанные в результате пребывания его за границей, действительно печатались в «Журнале министерства народного просвещения». Отдельными брошюрами были напечатаны в 1863 году, «по распоряжению министерства народного просвещения», его статьи: «Университетский вопрос», «Извлечение из письма Н. И. Пирогова о германских университетах из Гейдельберга от 24 марта 1863 г.» и др.

В. Е. Евгеньев-Максимов

lib.pushkinskijdom.ru

И. А. ГОНЧАРОВ

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

<РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА>

Праздники на дворе. Нельзя газете не напомнить о них 1
читателям,[а] хотя они и сами знают о том — и одни ждут не дождутся их, а другие думают: «ах, хоть бы их никогда не было!»

А не напомнить всё таки нельзя, нужно! Так делали деды[б] и отцы «Северная Пчела, Сын Отечества, Благонамеренный» — так будут делать и дети: будущие «Пчелы», «Внуки Отечества» и «Неблагонамеренные».[в]

Вообще «нужного» на свете больше, нежели думают, и даже нежели желают и люди и газеты!

Вот хоть бы и эти праздники ведь ка́к они «нужны» и чего только в них нет![г]

И у них, как во всём, две стороны медали.

На одной стороне — сколько приятного, веселого, доброго и — всё нужного!

За долго до них, о-сю пору — какая суматоха, какое трепетанье жизни, просто, по словам поэта, «мышья беготня!».[д] 1

Уличное многолюдство удвои|лось: наехало из провинций 1 об.
гостей, местные домоседы тоже чаще покидают теплые углы, чтобы посуетиться, обделать к празднику или до праздника делишки, сделать[е] заказы, покупки — всё «нужное»!

В магазинах, на рынках закипает тоже сугубая суета. — В окнах, на полках магазинов — кучи и груды новинок,[ж] игрушек и прочих «нужных» вещей. Тут же красуется и старый, не

[а] *Было* читателю [б] *Было* Так делала «Северная Пчелка наши деды [в] *Было: 1* так будут делать и внуки, будущие «Пчелы», «Сыны Отечества» и «Благонамеренные!»; *2* так будут делать ~ «Внуки Отечества» и «Неблагонамеренные!» [г] *Было: 1* Вот хоть бы и в праздниках этих чего-чего нет!; *2* Вот хоть бы и эти праздники чего-чего в них нет! [д] *Было* не жизнь, а «мышья беготня!» [е] *Было* или сделать [ж] *Было* новинок, разных bibelot (безделушек, *франц.*)

lib.pushkinskijdom.ru

сбытый хлам! Бараны и свиньи из саней на рынках — так и просятся на стол! [а]

Тощие афиши превращаются в толстые тетради, газеты — в брошюры — с начинкой объявлений — о «нужных» вещах, товарах! [б]

У всех в виду — праздничный [в] пестрый калейдоскоп — визитов, пикников, танцев, спектаклей, удвоенной [г] еды и питья, — нарядов [д] — и у юности — flirtation* — этой, никаким прогрессом неистребимой, самой «нужной» игры в любовь, помимо и предварительно прямых целей последней!

2 Для стариков — обеды, карты — без помина о | заседаниях, советах, комитетах! [е]

Веселье да и только! Одна ёлка чего стоит! [ж] Это «самое нужное»: Крестовский и другие окрестные леса уже стонут и трещат под топорами!

Не присутствовать на веселом кануне праздника, где-нибудь на ёлке — всё равно, что не выпить на свадебном обеде бокала шампанского!

Кто [з] из взрослых с наслаждением не [и] ловил минуты, когда куча детей вырывается [к] из за запертых долго дверей к ярко освещенному и обремененному плодами древу? [л] Кто с ними не переживал их радости, тот не способен [м] и ничему другому радоваться искренно!

Что за лучи льют эти изумленные и обрадованные глаза! Какой румянец — какое полное ничем неразбавленное и невозмутимое счастье! [н]

У взрослых таких лиц не бывает, а если и собрать толпу и вдруг обрадовать — [о] вышло бы глупо — и пожалуй — противно!

2 об. Детей глупых и против|ных — [п] т. е. дурных нет. Есть больные, но они жалки, а не дурны! [р]

[а] *Далее зачеркнуто* Толст‹ые› [б] *Было* товарах — к празднику. *Далее зачеркнуто* На праздниках предполагается — [в] *Далее зачеркнуто* калейдоскоп пер [г] *Было* удвоенного пи‹тья› [д] *Было* щегольства нарядов [е] *Было* без помина о деле, службе, о важных делах! [ж] *Далее зачеркнуто* Крестовск‹ий› [з] *Было: 1* Кто с ‹наслаждением›; *2* Кто не подкараул‹ил› [и] *Было* не под‹караулил› [к] *Было* вырывалась [л] *Было* древу, [кто] тот не способен [м] *Далее зачеркнуто* ни к [н] *Было* Какой румянец — [счастья] ничем неразбавленного и невозмутимого счастья! [о] *Далее зачеркнуто* было [п] *Далее зачеркнуто* нет [р] *Было* дурные!

* Флирта (франц.).

lib.pushkinskijdom.ru

5 стр.

1.

газета Праздники на дворе. Нельзя
не напомнить о них читате-
лям, хотя они ка-
ким-нибудь образом
один грустят не до грусти им,
а другие думают: а я б, хоть
бы и никто не был!"
А не напомнить нельзя
нужно! Так вот вам
Сидит дядя и пишет
Сквозная тема, свя-
зывающая "благонамеренный"
так будут думать
Вообще "нужного" на свете
больше, нежели думают, и
даже нежели кажется
и говорят!
Кто хочет бы-
И у них, конечно, две
стороны медали.
На одной стороне ско-
ро приятно, весело, добро
и — все нужное!
За долго до них, о-сю по-
ру — какая суматоха, какое тре-
петание грязи, просто, по ли
вальному поэта, "
беготня!"
Умное многоглаголание

Будущей
газеты Нельзя, "Вну-
ки Отечества" и "Не-
благонамеренные"

Где видь как они "нужны"
и чего только "в них
нет!

lib.pushkinskijdom.ru

Черновой автограф фельетона И. А. Гончарова «Рождественская елка».
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

Дети все прекрасны, как само детство, возраст безусловной красоты!

Как ни кривляйся, каких гримас ни делай ребенок — всё будет мило, грациозно!

Эта безусловная прелесть детства кончается[а] с первыми признаками сознания, с которым проникает и порча.

Мы разумеем детей пяти—шести—семи лет.

Недаром народ говорит,[б] что дитя до семи лет — ангел, с семи до десяти[в] — отрок.

А потом[г]... болван!

Это впрочем[д] говорит не народ, а скажет какой-нибудь Собакевич. Мы же думаем, что и с десяти до шестнадцати лет[е] никто не мешает быть благонравным и благовоспитанным — словом, пай-мальчиком! |

Поэтому, подумать о детской радости, создать им ее и раз- *3*
делить с ними — не только долг, но и наслаждение для взрослых! Это самое «нужное» дело!

Да здравствует же ёлка!

Тем более да здравствует, что к ней успели примазаться и взрослые!

«Что́ подарит мне жених, или cousin, или просто „он“» — думает «она» — «Что́ готовит мне муж?» мечтает супруга.[ж] (Супруг думает другое: об этом ниже, на оборотной стороне медали)[з] Племянники ждут от богатых дядей и теток, бедные дяди и тетки — от богатой родни и т. д.

И все стеной окружают детскую толпу у ёлки, поглядывая из-за спин маменек, гувернанток и нянек — что́ ожидает их, самих?

Наступает — и Новый Год — настоящая, большая, самонужнейшая ёлка для взрослых.[и] Повышения, украшения, назначения, опять семейные и другие приношения! |

Просто — омут, где судьба — отпускает сокрушенному че- *3 об.*
ловечеству[к] оптом массу счастья — в виде разных наград, радостных встреч, веселья — словом[л] всего нужного!»

[а] *Было* прелесть кончается вместе с сознанием, к‹оторое› [б] *Было* народ называет их [в] *Далее зачеркнуто* иногда до двенадцати [г] *Далее приписано и зачеркнуто* уж [д] *Было* Это скажет какой-нибудь Собакевич. [е] *Далее было* можно быть благонравным и благовоспитанным словом — пай-мальчиком! [ж] *Было* думает супруга [з] *Далее зачеркнуто* Дети думают о родителях, племянники и племянницы о дядях и тетках, и т. д. [и] *Далее зачеркнуто* Повышения, украшения, [мест] назначения, [аренды сем] и опять семейные и другие [подарки, получения] — и т. д. и т. д.! Просто — омут, где судьба — отпу‹скает› [к] *Было* человеку [л] *Далее зачеркнуто* всякого добра и имущества!

lib.pushkinskijdom.ru

А на другой стороне медали что́?

«Праздник на дворе!» охает супруг и папаша: «Эта ёлка проклятая!» и с начала декабря мысленно рассчитывает или усчитывает, сколько утянуть от браслета жене,[а] от серег дочери, как бы поменьше положить в подвешенный к дереву бумажник сыну, где подешевле игрушки для маленьких?

А жена еще зовет[б] на елку знакомых: те навезут детей: и их дари!

А тут свои гувернантки, гувернер!

«Как ни верти, а меньше как полутора тысячью не отделаешься!» стонет он и с затаенной злостью проникает le
4 secret de polichinelle * всей женской половины, | готовящей ему сюрприз: шитую подушку, или экран, не то так изящный, малахитовый или перламутровый альбом, с портретами — «милых сердцу», семейных лиц: «Радуйся — мол, отче!»

«Очень нужно: не видал я этих рож! Это за полторы-то тысячи!» скрежещет он про себя — и с сухим поцалуем принимает подарок — и не глядя на сына, треплет его по плечу, за хорошенький портсигар, в замен бумажника с тремя или четырема сотенными!

Чиновник еще горше усчитывает — сколько пойдет на платье супруги, сколько на свиную тушу[в] или гуся к Рождеству, сколько на игрушки — Маше, Васе — и сколько[г] на пастилу, орехи, финики и прочее — подвязать на ёлку!

«А еще няньке платок, кухарке платье обещано!»

И набросится на елку: какое это неуклюжее заведение!
4 об. Вспомнит, что в его министерстве давно идет | переписка с двумя другими министерствами, о мерах к сохранению лесов, что и сам Св. Синод благоприятно отозвался об отмене порубки березок в Семик и Троицын день.

«А на елку не мешало бы и проклятие наложить! Ведь эти ёлки — такая же пустая трата леса! Вот хоть бы в Петербурге, примерно, двадцать тысяч домов: положить на каждый дом по две ёлки — будет сорок тысяч ёлок, а[д] в домах бывает по десяти, по двадцати квартир — боже ты мой! Сколько будущих домов, судов, телег, саней, посуды и всего прочего погибает даром!»

а *Было* жены, *б* *Было* А тут еще жена зовет *в* *Было* на традиционную свиную тушу к Рож‹деству› *г* *Было* сколько пойдет *д* *Далее зачеркнуто* ведь

* Секрет полишинеля (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

«И выдумка — (дальше приходит ему в голову) — неуклюжая, немецкая и неостроумная: взять из лесу, мокрое, грязное дерево, налепить огарков, да нитками навязать грецких орехов, а кругом разложить подарки! Ненатурально, и детям, я думаю, приторно смотреть,[а] а взрослым, просто, невыносимо! Копоть, жара, сор, того и гляди еще подожгут какую-нибудь занавеску!» |

Все ждут не дождутся, когда ее вынесут и поставят ломберные столы! 5

«Выдумали бы что-нибудь по-остроумнее: пусть бы фортуна, в виде фортунки, или другой подобной штучки, например, китайского фонаря с тенями,[б] приносила детям дары!

Вон, где-то в Морской или Караванной, старичок, весь в снегу, Борей, что ли, с бумажным деревом, весь обвешан разными вещами! Гораздо лучше ёлки!»

Но вдруг он спохватился, что ёлка стóит три двугривенных,[в] а чего бы стóил старичок!

«Всё таки ёлка — от этого не лучше!»[г] Но делать нечего: «нужно!» со вздохом заключает он. |

Но чтó ёлка — ничего перед Новым Годом! 5 об.

Сколько «нужного» переделается в этот день, подумаешь, глядя на улицу!

Какие экипажи, какие кони, кучера[д] — чтó за седоки мчатся в клубах морозного пара!

Все охвачены делом, нервной дрожью спеха — швейцары не успевают отворять дверей, лакеи бегают, как угорелые — и еще более угорелые господа выскакивают, бросаются в подъезды, опять назад — и дальше!

Все суетятся: только собаки недоумевают, чтó им делать. Бросаться и лаять ли: не успевают — и поджавши хвосты, жмутся к стенам от давки!

Скачет офицер на породистом рысаке, едет генерал в карете, держа на коленях каску, там солидный штатский господин в парных санях! Тут же, между | офицерскими породи- 6
стыми рысаками и крупными конями генеральской кареты, болтается, на пегой, извощичьей лошаденке, маленький гимназист,

---

[а] *Было* противно смотреть [б] *Далее зачеркнуто* подно‹спла›
[в] *Было* стоит какой-нибудь рубль [г] *Далее зачеркнуто* заключает он. А ёлка, обычай точно незамысловатый, на зло всему, горит-блестит, и в богатых и бедных домах — с сочельника до Нового Года включительно! Что делать: «нужно!» Новый Год — тоже, в своем роде, для взрослых ёлка — и притом самонужнейшая! [д] *Было* какие лошади, что за кучера

lib.pushkinskijdom.ru

с подвязанными заботливой маменькой наушниками, поздравить[а] дяденьку, крестного папеньку, благодетеля.[б] Два рослых кадета, с красными, как свёкла, от мороза, щеками и ушами, в легких шинельках, едут к начальству «явиться».

Бежит чиновник с Выборгской, или с Васильевского, в мундире, пряча треуголку под полой — в Морскую — [в] к директору т. е. к швейцару — «расписаться».

И у всех этих юношей и чиновников — как не бывало нескольких часов отдыха и нескольких двугривенных! — Но [г] ведь «нужно»! не правда ли? [д]

Но за то тем, которые мчатся на рысаках, в шикарных экипажах, так гордо смотрят по сторонам — тем, конечно, весело! Как они себя чувствуют? |

6 об. А так: сталкиваясь в швейцарских и хватая друг у друга книгу, стараются не глядеть никому в глаза. Еще более стараются они не глядеть на швейцара и толпу слуг, с протянутыми в форме ковша ладонями! — Распишутся и дальше, дальше — вплоть до обеда!

Что делать: хоть [е] совестно, да «нужно!»

«А что́, провозгласит [ж] иной философ,[з] глядя на эту суету: если взять, да в Новый Год или на Святой Неделе — с визитами никуда не поехать?»

Или вольнодумец папаша — перед ёлкой скажет: «а что, если взять, да и не купить ёлки к празднику?»

Какой бунт поднялся бы от [и] тех же самых, которые морщатся от ёлки и которые клянут [к] гоньбу в Новый Год! |

7 «Как! закричат хором: вы — против семейных [л] собраний, детских праздников, особенно против подарков! Да ведь без этого жить нельзя: это «нужно»...

«Нет, боже сохрани! Я и сам страх — как люблю подарки! Я только против ёлки, — вопит он, — против буквальной ёлки, срубленного в лесу грязного, мокрого дерева, с безобразной подставкой: — и то больше с экономической точки, сбережения лесов...»

— «Нужно, нужно» заглушают его.

«Как, вы против визитов, катанья, оживленной суеты Нового Года! против наград! кричат на вольнодумца: значит, вы

[а] *Далее зачеркнуто* дирек‹тора› [б] *Далее зачеркнуто* Скачут Др‹?› [в] *Далее зачеркнуто* стукн‹уться?› [г] *Было* Но что делать: [д] *Далее зачеркнуто* [Что] Спросите, зачем: «нельзя, нужно!» скажут они. [е] *Было* хоть стыдно [ж] *Было* подумает [з] *Далее зачеркнуто* из этих скачущих [и] *Далее зачеркнуто* всех [к] *Далее зачеркнуто* жалких за модную [л] *Далее зачеркнуто* праздников

lib.pushkinskijdom.ru

против выражения почитания старшим — знаете ли, чем это пахнет...»

«Нет, да нет же! — силится он перекричать: я и сам к Новом Году жду награды! Катайтесь, веселитесь, делайте визиты, когда хочется их делать! Почитайте старших, но не таскайте[а] этого почитания по сеням, не смешите швейцаров, не морозьте кучеров, не пугайте собак...»

«Молчите, молчите: всё это „нужно“, крайне „нужно“!»[б] кричат на него.[в]

Больше всех рад празднику — народ, эти другие дети, *7 об.* «меньшая братия», и так рад, что «до свету пьян!»

И у него была своя традиционная ёлка, под которою веселилось это дитя, но ёлка исчезла с дверей, а веселье осталось, не уменьшилось, даже усугубилось. Пил крепостной народ с горя, пьет, освобожденный, и с радости.[г]

Пьет «дешевку» и думает: «отошла тяжелая „некрутчина“, прибавилось вольной работы; пошли дешевые „киятры“, да „чайные“, вместо (морщится) вина и драки в кабаке! — Чего драться и ругаться, то ругайся, да оглядывайся! В Новом Году, слышь, велят всем беспременно (морщится и трясет головой) грамоту знать...[д]

«Пачпортов, слышь, не будет: слышь, пачпорт держит мужика на привязи к его обчеству, как медведя на веревке у столба — *8* [е] мешает слободно работать, дело свое справлять!

«Чудные, право! Чего не выдумают! Всё притесняют! Дойдут, боже храни, до того, чтоб мужику — пьяным не напиваться!»

Пьет усиленно и глубокомысленно.[ж]

«Нет, уж это шалишь: до этого ни во веки веков не дойдут! Быть в праздник во хмелю — это самое „нужнеющее“!»

Х.

Печатается по автографу ИРЛИ (ф. 163, № 812).

Переписка И. А. Гончарова с А. А. Краевским освещает вопрос об участии Гончарова в «С.-Петербургских ведомостях» и газете «Голос», начиная с 60-х годов. В письме от 14 января 1864 года Гончаров просит, чтобы статьи его печатались «*без всяких подписей и начальных букв*».

[а] *Было* не расточайте [б] *Далее зачеркнуто два слова.* [в] *Было* кричат ему. [г] *Было* и с радости дешовку. [д] *Далее зачеркнуто* Чего не выдумают! Пожалуй, дойдут в каком-нибудь Новом Году — до того, что [вм‹есто›] на место питейного, положат другой доход, больше...» Как же, не пить тогда вовсе?» спрашивают голоса в испуге. [е] *Далее зачеркнуто* так, вишь, и надо! [ж] *Далее зачеркнуто* Нет, уж это шалишь: это быть в праздник во хмелю — это самое «нужнеющее»! Х.

lib.pushkinskijdom.ru

В другом письме Гончаров отмечает характер своих фельетонов и заметок для «Голоса»: «...какое разнообразие: извощики, собаки, музыка... наконец Шекспир! Это от того такое разнообразие, что „ничто человеческое мне не чуждо“». Фельетон о рождественской елке был написан Гончаровым, несомненно, для «Голоса». Анализ палеографических данных рукописи позволяет отнести ее к 70-м годам, а письмо Гончарова к А. А. Краевскому от 13 декабря 1875 года уточняет эту датировку. В этом письме Гончаров пишет:

«Не браните меня, Андрей Александрович, что не посылаю предпраздничной заметки, о которой говорил Вам. Беда та, что я не умею писать коротко: непременно расплывусь! Так и случилось. Вместо краткой заметки или статейки, наплодился было feuilleton-monstre * чуть ли не в поллиста. Притом и тон вышел шаловливый, *лимонадный:* пожалуй, показался бы не к лицу серьезному *Голосу*.

«Я повозился, повозился и отложил, не доделав до конца, за которым пришлось бы еще просидеть вечер или два» (Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова. Собранные А. А. Мазоном, СПб., 1912, стр. 44, 49, 73).

Конец фельетона «Рождественская елка» носит следы явной недоработки. На первом листе рукописи синим карандашом сделана помета рукой Гончарова: «Брошенный фельетон, написанный для газеты по случаю [елки] Рождественской елки».

Таким образом, фельетон о рождественской елке был написан И. А. Гончаровым в начале декабря 1875 года для газеты «Голос», но не был послан в редакцию.

А. Г. Цейтлин (И. А. Гончаров, М., 1950, стр. 300) упоминает «Рождественскую елку», этот, по его словам, «остроумный фельетон на одну из характерных тем столичного быта», в числе опубликованных произведений Гончарова: «В самые последние годы советскими исследователями были опубликованы еще два очерка Гончарова — „Рождественская елка“ и „Поездка по Волге“ („Звезда“, 1940, № 2)». Это явное недоразумение: в упомянутом номере журнала «Звезда» напечатан только второй из названных А. Г. Цейтлиным очерков — «Поездка по Волге» (стр. 115—129).

В настоящем издании фельетон «Рождественская елка» публикуется впервые.[1]

[1] Гончаров вспоминает стих Пушкина: «Жизни мышья беготня» («Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы», 1830).

Л. М. Добровольский

---

[1] Во время печатания настоящего сборника А. Г. Цейтлин опубликовал «Рождественскую елку» в VII томе Собрания сочинений И. А. Гончарова (Библиотека «Огонек», 1952). Текст публикации А. Г. Цейтлина изобилует грубыми ошибками и пропусками. Пропущена вся тринадцатая страница рукописи (л. 7), т. е. около 20 печатных строк. Вместо «без помина о заседаниях» напечатано: «без почина о заседаниях», вместо «спин маменек» — «спин папенек», вместо «спеха» — «смеха» и т. п. Имеется и ряд других искажений текста и небрежностей.

* Фельетон-чудовище (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

ПИСЬМА К С. А. НИКИТЕНКО

Среди сравнительно узкого круга людей, к которым Гончаров относился с неизменным и долголетним доверием, был профессор русской словесности Петербургского университета и академик, автор известного впоследствии «Дневника» А. В. Никитенко (1805—1877). Дружеские их связи установились еще в 50-е годы и продолжались до смерти Никитенко. В письмах к нему (они напечатаны В. Яковлевым в «Русской старине», 1914, № 2, стр. 403—437; № 3, стр. 538—551; № 4, стр. 48—59) Гончаров называл его «лучшим из друзей», которого он «давно полюбил и не разлюбил» (№ 2, стр. 407, 409), и, несомненно, говорил это от чистого сердца. Правда, высоко ценя человеческие качества Никитенко и неизменно доброжелательное и ласковое отношение к себе с его стороны, Гончаров отдавал себе отчет в том, что Никитенко ни как ученый, ни как общественный деятель своего времени не отличался выдающимися качествами или особыми дарованиями. Племянник Гончарова (А. Н. Гончаров) рассказывает, что в начале 70-х годов он встретился с Никитенко в квартире у своего дяди. Когда Никитенко ушел, Гончаров будто бы сказал, не без ядовитости: «Как профессор, он не из первых, ничем не отличается, а между тем тайный советник» («Вестник Европы», 1908, № 11, стр. 38); та же легкая ирония сквозит в словах Гончарова (в письме к В. В. Стасову от 27 октября 1888 года): «Когда-то давно покойный профессор Никитенко ... предложил мне представить в публичную библиотеку одну из моих рукописей — и на мое удивление и на мой вопрос „зачем“ не мог отвечать определительно» (Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова. Собранные А. А. Мазоном, СПб., 1912, стр. 92—93). Дружба Гончарова с Никитенко не была основана на их умственной близости, здесь не было и, так сказать, интеллектуальной заинтересованности их друг другом; приятельские их отношения покоились прежде всего на житейских основаниях и были ровными, традиционными, установившимися благодаря своему долголетию, не нарушаемыми никакими размолвками. Следует пожалеть, что до нас не дошли воспоминания Гончарова о Никитенко, представлявшие собой прежде всего очерк его личности, написанный великим мастером литературного портрета. «Весною 1888 г. в С.-Петербурге, — вспоминает М. И. Семевский, — Иван Александрович прочел нам этот очерк, и мы находимся еще и теперь под живым впечатлением мастерской его характеристики. Очерк И. А. Гончарова, посвященный памяти А. В. Никитенко, целая художественная картина. Сердечно желаем видеть помянутый очерк в печати...» («Русская старина», 1888, № 12, стр. 775—776).

lib.pushkinskijdom.ru

Дружеское, благожелательное отношение Гончарова к А. В. Никитенко распространялось на всю его семью, где он любил бывать, особенно в те годы, когда болезненная мнительность и замкнутость, с течением времени все более возраставшая, отдаляла его от общества, друзей, писательской среды. Уже в 60-е и особенно в последующие годы он всемерно суживал установившиеся дружеские связи, относился с крайней недоверчивостью не только к новым знакомым, но и к бывшим своим друзьям. Именно в это время в лице младшей дочери А. В. Никитенко, Софьи Александровны, Гончаров нашел и горячую почитательницу его таланта и доверенного близкого друга. Таким доверенным лицом, помощником и своего рода советником, несмотря на разницу их лет, она осталась до самой смерти писателя.

С. А. Никитенко (1840—1901) была женщина незаурядных дарований. Она с отличием окончила Екатерининский институт и занималась изучением иностранных литератур. С. А. Никитенко основательно знала французский, немецкий, английский и итальянский языки. Ей принадлежат переводы на русский язык многих произведений западноевропейских писателей, в том числе романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне», который она переводила для «Вестника Европы» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. IV, СПб., 1912, стр. 225—228). Она много лет сотрудничала также в других журналах: в «Отечественных записках», «Северном вестнике» и др. (см. некрологи С. А. Никитенко: «Исторический вестник», 1901, февраль, стр. 849, и «Литературный вестник», 1901, кн. II, стр. 258—259).

С. А. Никитенко написала два исследования: «Женщины-профессора Болонского университета» («Русская мысль», 1883, № 10—12) и «Женщины — врачи и философы в древней Греции» («Северный вестник», 1887, № 6 и 8). В фактической части эти исследования, основанные на материалах итальянских архивов, не утратили своего значения до настоящего времени. Отдельным изданием вышел сделанный С. А. Никитенко перевод труда Г. Финлея «Греция под римским владычеством со времени завоевания римлянами до падения империи их на Востоке» (М., 1879).

Гончаров высоко ценил ум и талант С. А. Никитенко. Он видел в ней признаки «живой, симпатичной, страстной и поэтической натуры» (см. ниже письмо от 16/28 августа 1860 года). В свою очередь С. А. Никитенко была горячей поклонницей художественного таланта Гончарова. Писатель видел в ней неизменного друга и с искренней признательностью говорил о благотворном влиянии С. А. Никитенко на свою литературную работу. «Знаете ли, — пишет он С. А. в публикуемом ниже письме от 4 августа / 23 июля 1860 года, — что Вы необходимы мне для всего вообще, т. е. для приятного житья, а еще больше для работы; Вы, Софья Александровна, как-то подстрекали меня, т. е. Вашим постоянным энергическим участием к делу мысли и искусства. *Вы положительно заставляли и заставляете меня пристальнее думать о моей задаче.* Не будь Вас, я бы писал меньше и вялее». Только ей он вполне доверял переписывание рукописей «Обрыва», с ней одной вполне откровенно и охотно беседовал о своих литературных замыслах, планах, произведениях.

«Дружба ее ко мне, — писал Гончаров о С. А. Никитенко в одном из писем к М. М. Стасюлевичу (30 мая 1868 года), — это неоплатный долг»; труд ее заключался «не в одной только переписке, а в постоянной возне с тетрадями»; переписывая его трудно читаемые черновики, она, по его словам, «водворяла внешний в них порядок», разбирала его «тарабарщину» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. IV, СПб., 1912, стр. 8—9, 192); ср. письмо Гончарова к А. В. Никитенко от 18/30 июля

lib.pushkinskijdom.ru

1860 года: «Я уже писал ей, что она моя — литературная Агафья Матвеевна (вдова в Обломове); у меня много разных Агафий Мат., каждая по своей части — я ей писал это» («Русская старина», 1914, № 2, стр. 418). «Водворять порядок» в его тетрадях, перебелять, соображаясь с волей и намерениями автора, по мнению Гончарова, могла только одна С. А. Никитенко. «Этого никому, кроме ее, и поручить нельзя, — писал Гончаров в том же письме к Стасюлевичу, договариваясь о напечатании «Обрыва», — никакие писцы, ни чиновники этого не сделают — дело тут не в переписке (переписывать может для печати под ее руководством писец — но непременно под ее руководством), а важно то, что она знает местность — и все, решительно все, что касается до романа» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. IV, стр. 9).

Письма Гончарова к С. А. Никитенко, проникнутые глубокой искренностью и непосредственностью, содержат в себе ценные автобиографические признания, дают богатый материал для изучения творческой истории «Обрыва», помогают уяснению общественно-политических и эстетических воззрений Гончарова. Кроме того, они написаны с присущим Гончарову эпистолярным мастерством. «Писатель, — утверждал он в своей известной статье «Нарушение воли», — по натуре своей словоохотлив, излиятелен; его тянет к перу там, где он (я говорю о письмах) не связан ни содержанием, ни планом, ни техникой. Он не стесняется. Мысль и воображение играют что́ хотят, как в разговоре наедине, он пишет вольно, с плеча, сверкая нечаянно то умом, то фантазией, то юмором» («Вестник Европы», 1889, № 3, стр. 85). В своей «Необыкновенной истории» (рукопись которой была им завещана именно С. А. Никитенко), признаваясь, что он всегда особенно любил писать письма, Гончаров подробнее развивал ту же мысль. «Эпистолярная форма, — писал он, — не требует приготовительной работы, планов, поэтому в ту же минуту удовлетворяет природной страсти — выражаться! Ни лиц не нужно, ни характеров, ни деталей, ничего, что́ задерживает и охлаждает резвое течение мысли и воображение! Нужен только корреспондент и какой-нибудь интересующий меня сюжет, мысль, что-бы ни было: этого и довольно! Я сажусь, как музыкант за фортепиано, и начинаю фантазировать, мыслить, ощущать, словом жить легко, скоро и своеобразно — и почти также живо и реально, как и в настоящей жизни! И насилу оторвусь от бумаги, как импровизатор-музыкант от своего фортепиано! Проходит незаметно вечер, утро, напор электрической силы истрачивается — и я, как разряженная лейденская банка, делаюсь холоден, бесчувствен, пока завтра, послезавтра опять что-нибудь заденет меня — и я опять играть, т. е. писать и жить!» (Сборник Российской Публичной библиотеки, т. II, вып. 1, Пгр., 1924, стр. 132—133).

Публикуемые здесь письма И. А. Гончарова к С. А. Никитенко и представляют собой своеобразные «музыкальные импровизации», достоинство которых заключается то в живой игре ума, то в поэтической взволнованности, то в юморе, то в пейзажах, описаниях, характеристиках. При всех этих качествах они сохраняют точность документа большого и важного содержания. В Рукописном отделе ИРЛИ хранятся 58 неопубликованных писем Гончарова к С. А. Никитенко, написанных в 1860—1881 годах (Л. М. Добровольский. Рукописи и переписка И. А. Гончарова. «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома», вып. III. М.—Л., 1952, стр. 62—63); из этих писем здесь публикуются все письма, относящиеся к 1860 году.

Небольшие выдержки из этих писем опубликованы Л. С. Утевским в его книге «Жизнь Гончарова» (М., 1931) и в монографии А. Г. Цейтлина

lib.pushkinskijdom.ru

«И. А. Гончаров» (М., 1950); см. также: Л. С. Утевский. Гончаров о романе. Из неизданной переписки. «Литературная газета», 1937, № 31, 10 июня, стр. 2 (отрывок из письма к С. А. Никитенко 1870 года), «Литературная учеба», 1937 № 7, стр. 36, 37 (здесь опубликованы отрывки из писем Гончарова к С. А. Никитенко, относящиеся к 1860 и 1865 годам).[1]

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (ф. 134, оп. 8, №№ 11, 77).

1

Мариенбад, 3/15 Июня, 1860.

Вчера только т. е. на третий день добрался я до места: хотел вчера же обегать каждый знакомый уголок, но помешала гроза и дождь, хотел воспользоваться этим временем и написать к Вам, но та же гроза помешала и в этом: среди белого дня сделалось так темно, что нельзя было видеть строк. Давно не видал я таких черных туч. Зачем Вас нет здесь, Софья Александровна? К ночи собралась и разразилась другая гроза: с гор точно катились громадные каменья, и эхо раза по три повторяло каждый раскат. Вот как встретил меня вожделенный уголок![2]

Но оставляю его и переселяюсь мысленно в Pragerstrasse.[3] Прежде всего благодарю Вас обеих за милое, дружеское сопутничество и сообщество, за то, что вытерпели меня, что так благосклонно и кротко глядели на мою хандру и даже улыбались моему шальному веселью. Что касается до меня, мне давно не было так покойно и хорошо, как с Вами. Вас, Екатерина Алекс‹андровна›, благодарю за личное участие ко мне самому (Вы выразили его сожалением о моем одиночестве и скуке), а Вас, Софья Алекс‹андровна›, за горячее участие — не ко мне, нет, от этого Вы отреклись, а к моему делу, и то не к моему, а к делу литтературы. Не одну острую иглу вонзили Вы в мою[а] дремлющую совесть, в добавок к тем иглам, которые я вонзал сам, но вонзал осторожно, почти без боли. Не будь я такой безнадежный больной, со мной, благодаря Вашей дружбе, могло бы совершиться благотворное превращение. Но ожесточение духа, старость, недуги... A propos * о недугах: когда я въезжал вчера сюда, меня вдруг одолел припадок совести, потому что никогда я не чувствовал себя

[1] Во время печатания данного сборника несколько отрывков из этих писем опубликованы А. Г. Цейтлиным в книге: И. А. Гончаров. Собрание сочинений, т. VIII, изд. «Правда», М., 1952.

[а] *Было* в моем

* Кстати (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

так здоровым — и вообще вчерашнее утро принадлежит к лучшим утрам моей жизни. Я чувствовал бодрость, молодость, свежесть, был в таком необыкновенном настроении, чувствовал такой прилив производительной силы, такую страсть выразиться, какого не чувствовал с 57 года.[4] Разумеется, это не пропало даром для будущего (если только будет) романа:[5] он весь развернулся передо мной часа на два готовый и я увидал там много такого, чего мне и не грезилось никогда. Для меня теперь только понятно стало значение второго героя, любовника Веры;[6] к нему вдруг приросла целая половина и фигура выходит живая, яркая и популярная; явилось еще, тоже живое лицо; все прочие фигуры[а] прошли передо мной в этом двухчасовом, поэтическом сне, точно на смотру, все они чистонародные, со всеми чертами, красками, с плотью и кровью славянскими. Нет намеков, загадок, тумана, как в фигуре например Штольца,[7] о котором не знаешь, откуда и зачем он?

Конечно все это дело не одного лета, даже не одного года, но если *сон в руку*, то я могу и потерпеть, лишь бы стало меня. Это удивительное, благотворное утро! Я бросил в Франценсбаде почту, взял коляску и ехал один, при отличной погоде, ясной, жаркой и тихой, на душе было еще яснее. Что́, еслиб почаще нисходили на душу такие утра! За то сегодня сеет дождь, как сквозь сито, после грозы — и на сердце тоже пасмурно. Но на всякий случай я купил бумаги: посмотрю, что́ будет; может быть и того... Русских же здесь мало, знакомых нет; слепой генерал здесь, но завтра уезжает и если я сам не помешаю себе, или если судьба не будет против, то сколько нибудь и напишу. Как мне помогает чернильный прибор, еслиб Вы знали, Софья Алекс‹андровна›! Великая умница Вы, да наградит Вас небо! Обещаний давать я теперь ни за что не решусь, даже себе самому. Помните, садясь в вагон, я при Вас обещал отречься, чуть ли не на всю жизнь, от всяких колбас и других подобных яств и питий, и начать новую жизнь, а не прошло[б] полудня, как мы в Лейпциге пили уже шампанское (все Алекс‹андр› Вас‹ильевич›),[8] а потом пиво (все Казимира Казим‹ировна›).[9] Но если можно объяснить и оправдать приятностью пить что-нибудь вместе, то как объяснить, зачем я третьего дня, уже один, только и делал что пил кофе и допился до одурения, до смертельной головной боли и до решительного отвращения к жизни? А все подавали мне пагубный пример две немки, ехавшие со мной в дилижансе; за то, когда старуха попросила меня на станции «вынуть ее

[а] *Далее зачеркнуто* как [б] *Далее зачеркнуто* двух

lib.pushkinskijdom.ru

из кареты», и ринулась на меня, не дождавшись ответа с значительной высоты, я вдруг струсил и отступил. Вся бывшая кругом публика, и внука самой старухи, предались необузданному смеху.

Скажите, Екатерина Алекс‹андровна›, начали ли Вы лечиться и купаться? Если я еще чему-нибудь верю на свете, так это купанью. Делайте, что доктор велит. Молодые люди, если Вы сами не бросите луча, не дадите Leitfaden,* чтобы проникнуть в глубину заманчивой бездны, не поможет ли Вам хрустальное перо? Молчаливость назвали Вы недостатком: позвольте согласиться с Вами. Если она остерегает от многого, то она же замедляет процесс обмена мыслей и чувств и сверх того лишает Вас самих и Ваших собеседников выгод и прелести изустного и непосредственного сообщения ума с умом и — когда понадобится — сердца с сердцем. Мне кажется, тут просто много не-привычки и если Вы когда-нибудь переломите себя, то уже переломите навсегда, а это может случиться, лишь только Вы выйдете из омута сомнений, найдете точку опоры и ощутите почву под собой т. е. когда уверитесь в себе, станете авторитетом, по крайней мере для себя. Неуверенность в себе такой же недостаток, как излишняя самоуверенность. Вы, кажется, из тех, у которых силы слагаются медленно и трудно, за то когда сложатся, то уже прочно.

Буду ждать ответа и между прочим Вашего приговора обо мне. Не щадите меня и если скажете правду, я не только не запрусь, но доскажу и остальное.

Я дня три еще не подумаю приняться за работу, потому что очень дурно помещен. Я раб своих симпатий и привычек: прямо приехал туда, где останавливался три раза; все занято, кроме одной маленькой комнаты, куда меня и запрятали до Понедельника, когда должны очиститься две комнаты с балконом на сады — но за 40 талеров в месяц: дорого. Доктор посылает меня в Вильдбад «для успокоения нерв»; чорт знает, что выдумал: разумеется, не поеду, а поеду прямо к морю через Дрезден.

Здесь все меня встретили, как земляка: куда ни пойду, в лавки, на гулянье, продавцы, домохозяева, прислуга — рады до неприличия, в ожидании — гульденов.

Усердно Вам кланяюсь, обнимаю «беспримернейшего шалуна» [10] и остаюсь, в надежде на скорый ответ,

усердно преданный и искренний Ваш чтитель

И. Гончаров

---

* Путеводную нить *(немецк.)*.

lib.pushkinskijdom.ru

Повторяю адрес: Boehmen Marienbad. Poste restante. An dem Herrnn Joh‹ann› von Gontscharoff.

В которой колбасной покупаете Вы ветчину? Не изменяйте прежней: хозяйка[а] так трогательно просила не оставлять ее.

Кажется, вчерашнее утро было только — луч единый, за которым опять настали потёмки. Не казните, Софья Ал‹ександровна›, не лень, нет, а ожесточение и холод ко всему делают и самые цели, к которым надо стремиться, бесцветными. Не выплыть мне, а разве только *сплыть* полегче! [11]

Вы не поймете меня, потому что ничего подобного тому, что я испытываю, Вам не придется испытать т. е. скуку.

‹*На конверте*›

Sachsen. Dresden.
Prager-Strasse, № 16.
parterre links
An den Fräuleinen von Nikitenko.

[1] И. А. Гончаров выехал за границу для лечения 7 мая 1860 года. На пароходе «Орел» до Штеттина и затем от Штеттина до Дрездена он ехал вместе с А. В. Никитенко и его семьей. С половины и до конца мая он жил в Дрездене, с 2 июня по 6 или 7 июля (ст. ст.) лечился в Мариенбаде и работал над романом «Обрыв». С половины июля и до 2 августа он снова жил в Дрездене и продолжал работу над романом. 6 августа он был уже в Булони, откуда 26 августа/7 сентября вернулся в Дрезден, где в течение всего лета вместе с сестрой и братом жила С. А. Никитенко. 18 сентября 1860 года Гончаров выехал из Дрездена через Варшаву в Петербург.

[2] Об этом же Гончаров вспоминал в письме к А. В. Никитенко из Мариенбада от 17/29 июня 1860 года: «В первый же день меня приветствовали две грозы, одна утром, другая ночью: я вспомнил о Софье Александровне, да и мне самому, точно также как и никому не могло бы быть приятно это раскачиванье деревьев, огненные змеи и перекаты грома в горах» («Русская старина», 1914, № 2, стр. 409—410).

[3] Дети А. В. Никитенко — две дочери: Екатерина Александровна (1837—1900) и Софья Александровна и их младший брат Александр (род. в 1850 г.) в течение лета 1860 года жили в Дрездене на Прагерштрассе, 16, в то время как родители их путешествовали по Швейцарии и Франции.

[4] Речь идет о летних месяцах 1857 года, проведенных Гончаровым в Мариенбаде, когда он работал над романом «Обломов»; по его собственному свидетельству, он в один месяц написал тогда «почти весь роман» («Невский альманах», вып. II, 1917, стр. 25).

[5] Речь идет о будущем романе «Обрыв», заглавие которого к этому времени еще не было окончательно установлено. В начале 60-х годов Гончаров называл этот роман «Художник», «Художник Райский», «Эпизоды из жизни Райского» и т. д.

[а] *Было* она

lib.pushkinskijdom.ru

[6] Марк Волохов в романе «Обрыв».
[7] См. роман «Обломов».
[8] Александр Васильевич Никитенко.
[9] Казимира Казимировна (ум. в 1893 г.) — жена А. В. Никитенко.
[10] Гончаров называл так малолетнего брата С. А. Никитенко, Александра; ср. в письмах Гончарова к А. В. Никитенко того же времени: «непроходимейший, беспримернейший шалунище», «беспримернейший беспощаднейший и непроходимейший шалунище» и т. д. («Русская старина», 1914, № 2, стр. 413, 418).
[11] Ср. в письме Гончарова к А. В. Никитенко от 17/29 июня 1860 года: «Я принялся было сегодня за свои тетради и начал бойко читать, но потом устал и бросил. Нет, видно судьба вырвала перо у меня из рук: может быть и за дело. Зачем небрежно обращался с ним, забывал его для праздности, лени и безумного ублажения гнусного тела... Однакож завтра попробую приняться опять, не смотря на то, что чувствую великий холод и запустение в себе» («Русская старина», 1914, № 2, стр. 410).

2

$\frac{8}{20}$ Июня 1860.

Мариенбад.

Нет, много правды в Ваших словах, Софья Александровна;[а] если припомните, я во многом, что Вы теперь так тонко развиваете,[б] сознался добровольно и сам. Пресыщение, обломовщина, небрежение данных дарований и человеческого назначения и печальные последствия: «*угасшие силы и подавленная энергия*». Да, сто раз да: но что же делать с этим? Сказать: *совершившаяся* и затем[в] умереть.

Но ведь можно сказать и в защиту или в оправдание этого печального состояния — *не из ребяческого тщеславия*, на которое намекает Жорж Занд, а с точки зрения зрелого анализа, для объяснения самого дела. Ведь для исполнения долга, даже для уразумения важности и достоинства человеческого назначения — нужно сообразное этому приготовление, воспитание, — среда, в которой, например жили и воспитывались Вы. А вы представьте себе обломовское воспитание, тучу предрассудков, всеобщее растление понятий и нравов, среди которого мы выросли и воспитались[г] и из которого, как из летаргического сна только что просыпается наше общество: еслиб Вы могли представить себе всю грубость и грязь, которая таится в[д] глубине

[а] *Далее зачеркнуто* хотя [б] *Далее зачеркнуто* я [в] *Далее зачеркнуто несколько слов.* [г] *Далее зачеркнуто два слова.* [д] *Далее зачеркнуто* их

lib.pushkinskijdom.ru

наших обломовок, потом в недрах казенных и частных училищ, потом в пустоте и разврате общественной жизни, где мелкое тщеславие заменяло всякие разумные стремления, за отсутствием их, где молодой человек задумывался над вопросом, что ему делать, или не задумываясь, пил, ел, волочился, одевался франтом, потом женился и потом направлял детей своих по тому же пути, уча служить (т. е. занимать выгодные места и брать чины) и наслаждаться — в ущерб чести, нравственности и т. п. Еслиб Вы представили себе все это, говорю я, еслиб видели собственными глазами и не только видели, а окунулись сами в этом болоте, как я,[а] так Вы сами бы хоть немного оправдали меня и, может быть,[б] удивились бы, что я еще не потонул совсем. Меня спасла живая, горячая натура, сила воображения, стремление к идеалу и та честность, о которой Вы так благосклонно отзываетесь.

Лень, обломовщина и эпикуреизм — едва ли на третью долю помешали мне делать свое дело. Да позвольте: ведь творчество — своего рода эпикуреизм; наслаждения искусства суть тоже чувственные наслаждения — как Вы ни оспаривайте: творчество — это высшее раздражение нервной системы, охмеление мозга и напряженное состояние всего организма, следовательно — лениться почти нельзя, тем более, что с успехом связано торжество самолюбия, многие материальные выгоды и т. п. И я ленился, повторяю мало, а прежде всего я долго не видел в этом своего призвания и[в] не сознавал обязанности за собой; и как в нашем обществе, при наших обстоятельствах, было сознавать и стремиться к тому, что в смысле серьёзной цели никогда не существовало? У нас литтератор не был растением, рождающимся на общественной почве, из общественных потребностей; это было какое-то одинокое, отдельное, случайное растение, роскошь, а отнюдь не потребность, и притом роскошь, признававшаяся долго вредной,[г] как[д] табак в старину. Его топтали, давили, истребляли — и он почти всегда был контробандой. Только ведь со времени Гоголя начали видеть в писателе-художнике что-то серьезное, нужное и важное. Мог ли я задаться мыслью, что это мой долг и призвание — особенно пять, шесть лет тому назад?

«А теперь?» говорите Вы. «А угасшие силы, а подавленная энергия?» отвечаю я. «Пустое, вздор! как не иметь силы» — вопиет Ваша молодость и сила. «Не могу, устал!» говорят

[а] *Было* как я же, [б] *Далее зачеркнуто* если с [в] *Далее зачеркнуто* долго [г] *Исправлено на* вредным [д] *Далее зачеркнуто одно слово.*

lib.pushkinskijdom.ru

мои лета, недуги и душевная истома. От чего же? спросите Вы. А вот между прочим от чего: Вы подозреваете во мне «честность и благородство»: да, смею сказать — они есть. Представьте себе теперь дон-кихотскую борьбу лет тридцать с жизнию, представьте при этом и идеальное, ничем несокрушимое направление, представьте беспрерывное падение, обман за обманом, охлаждение за охлаждением, анти-идеальные столкновения в внешней жизни и такое же отчаянное ни в чем удовлетворение в жизни внутренней... и в этой борьбе вся жизнь. Другие называют все это романтизмом, мирятся с жизнию, как она есть — и чем же мирятся? Если б они мирились на основаниях религиозных, высоко-нравственных, еслиб признавали все: зло, ветошь, жалкие заблуждения, падения и проч. неизбежными элементами жизни — и веровали или в другой, следующий волюм * этого сочинения (людского бытия) или верили бы в ее непреложное улучшение — тогда б я тотчас же согласился с ними (и соглашаюсь, когда встречаю таких, но почти не встречаю), а то они мирятся с — ее маленькими, пошленькими благами — и вне сферы [а] этих благ ничего не признают и никогда из нее не выглядывают, а кто выглянет, того называют романтиком и мечтателем. Вот что составляет и будет составлять вечную мою тоску. Если я романтик, то уже неизлечимый романтик, идеалист. Даже те из не-романтиков, которые, повидимому, идут и ведут других вперед — делают это не из благородного увлечения к прекрасному,[б] к идеалу усовершенствования, к благу, а [в] по побуждению маленьких своих страстей т. е. в сущности они те же чиновники, так же хотят чина, конечно не титулярного ассесора и не звезды, а громкого имени агитатора, передового человека etc. Иногда тут вмешается и поэт, но нет и не может быть у него в таком деле строгости и честности, когда он не воспринимает из жизни и своею жизнию явления, не переносит их на творческую почву своей фантазии и души, а хватает на лету, со слов — чтоб упиться фальшивым и непрочным, но на минуту одуряющим рукоплесканием, быть идолом минуты, а там — все равно!

Вы справедливо ссылаетесь на Бельтовых, Печориных [1] и т. п. У них горизонт был широк,[г] натура богата, а пищи не

[а] *Было* и из сферы [б] *Далее зачеркнуто* т. е. [в] *Было* а из [г] *Далее зачеркнуто* а

* Том (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

было и они затерялись. У меня пища явилась поздно и я изнемог еще прежде, пережевать — нет зубов. Впрочем — я обвиняю и себя: я принадлежу к числу тех натур, которые никогда и ни с чем не примирятся: разве идеал [а] т. е. олицетворение его возможно? Да еслиб и возможно было — то не дай бог! Теперь стремление сменяется стремлением и человек идет дальше и следовательно живет; [б] а можете ли Вы представить себе человека вполне удовлетворенного, остановившегося? Нет — это не в нашей натуре, это не цель природы и жизни? Следоват‹ельно› мой удел — или живое, страстное чувство или мертвый покой, хандра. Вы не так поняли мою скуку: скука теперь смешна; надо взяться, если фантазия увяла, за топор, за пилу, и я возьмусь т. е. буду опять служить и отказавшись от творческих забот, за старостию и болезнями, выйду в отставку из сочинителей.

А право, не шутя, я болен: не называю болезни, Вы ее знаете. Ею болен и Ваш папа, и многие другие: кто от сидячей жизни, кто от тоски, от вечных волнений. Я теперь живу в двух комнатах и никто не мешает, а сегодня и вчера чувствовал такую тягость, что на свет божий не гляжу. Вредят ли мне железные ванны, которые я начал принимать, или утомил я себя прогулками, только я не знаю, куда деться. Перо сегодня вывалилось из рук и надежды [в] подвинуть роман нет. В голове вяжется все лениво и ничто не толкает вперед. Это чисто физическое состояние, действующее конечно и на моральное.

Защитив себя, сколько мог, я однакож исполню обещание т. е. доскажу и [г] все, чего не сказали Вы, не в мою пользу. По страстной натуре своей, я искал наслаждений, хотя сознавал, [д] что они не цель жизни (следоват‹ельно› вдвойне виноват): но я уже сказал, что уродливо воспитан, где fatuité,* мелочное тщеславие, хвастовство, деспотизм общественный, семейный, всякий — (и все это в грубой форме) являлись во всей наготе, а когда пришло сознание и я взглянул в зеркало на себя, я мог только закрыть глаза от ужаса и онеметь — и это онемение — теперь мое нормальное состояние и моя кара. Воротить прошлого нельзя, исправиться некогда, итти вперед —

[а] *Далее начато и зачеркнуто* воз‹можен› [б] *Далее зачеркнуто два слова.* [в] *Далее зачеркнуто* на [г] *Далее начато и зачеркнуто* пр [д] *Было* хотя не сознавал,

* Глупое самодовольство, самомнение, чванство (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

нет сил: все увяло. Все, что я мог сделать — это изобразить обломовщину — и эту заслугу я оказал.

Не браните же меня: вы видите, мне делать больше нечего. Одно еще могу: *итти в монахи.*

Но довольно: до следующего раза. В письме своем Вы выразили нечто в роде раскаяния, что «были со мной более откровенны, высказались больше, чем нужно было и наказаны». Это не очень лестно: но бог с Вами! В Вас так много благородного, прекрасного, что мне как *падшему духу, духу отрицанья и сомненья* приходится испытывать почти новое, бескорыстное чувство *умиления* (вспомните Пушкина стихотворение), какое испытал демон, увидя в *вратах Эдема нежного ангела.*[2] А сколько раз умилялся я корыстно и перед кем, перед чем? Боже мой! О поэзия, о воображение, о идеал: куда они заводили меня? — И так я не сетую на Ваше раскаяние в откровенности, тем более, что прав за собой никаких на нее не признаю, а вопрос мой: [a]

Глубоко преданный Вам И. Гончаров

[1] Главные действующие лица в произведениях Герцена («Кто виноват?») и Лермонтова («Герой нашего времени»).

[2] Гончаров вспоминает стихотворение А. С. Пушкина «Ангел» (1827).

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал

и т. д.

3

$\frac{14}{26}$ Июня 1860.
Мариенбад.

Mesdames!* Крепко целую Ваши руки за милые и скорые ответы на мои беспорядочные письма. Я тоже получаю их

[a] *Далее зачеркнуто пять строк.*

* Сударыни (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

только от Вас и дружеская речь, от которой я почти совсем отвык, производит на меня свое обаятельное действие. Я поддаюсь ему тихо, кротко и совершенно беспечно, потому что не грозят мне эти строки никакими затаенными (arrières-pensées)* мыслями, никакими мудреными соображениями, опасениями, сомнениями, всем тем, чего так остерегаешься, боишься, оглядываешься, после опыта или многих опытов, на каждом шагу, в каждой встрече. Словом, я чувствую себя совершенно в своей тарелке, когда бываю с Вами и когда пишу к Вам или получаю письма. От этого, лишь только получу, сейчас же берусь за перо и буквально наслаждаюсь этой беседой. Благодарю Вас за советы меньше ходить. Слабость моя прошла: это было двухдневное расстройство, не то от ванн, не то от большой и утомительной прогулки на гору. Мне вредно ходить по горам: у меня делается одышка и изнеможение. Теперь другой вред угрожает мне: я много... пишу. Но об этом после. Мне очень весело, что Вы помните обо мне в прогулках и собираетесь повести меня в поле. Я сам жду, как праздника, когда надо будет возвратиться в Дрезден.[1]

Что это Вы так обе напали на стихи в Искре?[2] Или Вы побранили их так, из дружеского приличия, потому что они направлены против меня? Они очень забавны и я, посылая их, думал, что Вы рассмеетесь вместе со мною. Отошлите их, пожалуйста, в Киссинген: пусть Ваши посмеются![3] Ведь это везде такой обычай посмеяться над всем, что сделалось гласно, а наша история с Тург‹еневым› огласилась, следовательно подлежит публичному суду и смеху. У нас нет еще привычки к гласности, от этого подобные истории нас пугают или сердят. Наша история смешна, она перешла в публику и смех должен быть общий.

Вы, Софья Алекс‹андровна›, слишком живо, глубоко и серьезно принимаете к сердцу всякое, иногда неумышленное слово, суждение,[а] это переходит в Ваш ум, падает на сердце и поступает в жизнь. Как бы и кому бы Вы ни доверяли, но я умоляю Вас подвергать все, исходящее из чужого ума и опыта, строжайшей собственной цензуре, не торопясь, не огорчаясь, ни от чего не отказываясь и ни во что слепо не вдаваясь. Я заметил в Вас, кроме ума, наблюдательности, задатки характера и, как казалось мне, глубокой рассудительности.

[а] *Далее зачеркнуто одно слово.*

* Задними мыслями (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

Ей-то я приписывал источник Вашей скрытности и недоверчивость. Оно бы хорошо, но не надо простирать ее до излишества, а иногда смело итти и на ошибки (конечно, по возможности, легкие): ими купишь что-нибудь, во всяком случае больше, нежели всегдашнею и стеснительною [а] осторожностью и скрытностью; последняя с летами может обратиться в систему и у одних образовать хитро-искривленный путь (за которым исчезает прямой), у других одичалость и нелюдимость.

Напрасно Вы приняли на свой счет мой афоризм, что иногда долг состоит в том, чтоб отказаться от того, «что нам улыбается, и быть полезною исполнением, иногда строгих, скучных, но полезных обязанностей»: я разумел себя, говоря это, хотя не отрицаю, что это правило может [б] (не всегда однакоже) быть принято, как правило общее. На это мне могут справедливо возразить, что, только при несовершенстве нашего общественного устройства и воспитания, мы становимся в положение заниматься не-любимым и скучным делом, что прогресс воспитания должен именно состоять между прочим и в том, чтоб следить и распознавать способности ребенка и готовить его к тому, к чему он склонен, а кто к чему склонен, тот в том труде найдет и счастье. А всякое дело, как бы оно *ни улыбалось*, будет иметь, как труд, свою долю скуки, потому что потребует терпения, одоления и борьбы. Говоря этот афоризм, я вспоминал Гоголя: как он, с христианской точки зрения, отказался от дальнейшей славы, познал в своей поэтической деятельности мирскую суету и умер. Иногда я верю ему, а иногда думаю, что он не умел смириться в своих замыслах, захотел, как Алекс‹андр› Макед‹онский›, покорить луну т. е. не удовольствовался одною, выпавшею ему на долю ролью — разрушителя старого, гнилого здания, захотел быть творцом, создателем нового, но не сладил, не одолел, увидал, что создать не может, не знает, что надо создать, что это дело — других — и умер! Следоват‹ельно›, Вы видите, что это дело спорное.[в] Я применял этот афоризм к себе т. е. что — не есть ли писанье романов и вообще изящное творчество — роскошь, а не долг? что не лучше ли выбрать что-нибудь посуровее: например, служить? Это я говорил потому, что Вы очень строго указывали мне на это, как на непременную обязанность. Может быть, оно и так.

[а] *Далее зачеркнуто одно слово.* [б] *Далее зачеркнуто одно слово.*
[в] *Далее зачеркнуто* Если я по

lib.pushkinskijdom.ru

Что касается до Вас, то если я иногда и брал на себя смелость про себя судить Вас, то судил только за то, что Вы несколько мечтательны, хотя благородно и умно, деятельно мечтательны, что [а] Вы уклоняетесь от первого, естественного и прекрасного назначения, что Вы — недовольно женщина т. е. пренебрегаете Вашим полом и теми дарами, теми радостями и скорбями, которое оно приносит, а уклоняться от этого Вы не в праве. Мне кажется как-то противуестественным, когда девушка отталкивает от себя [б] надежды и обязанности жены и матери семейства, тем более, что они решительно не мешают и другому призванию, даже дают ему больше жизни, отнимают [в]

[1] См. примечание 3 к письму 1.

[2] В № 19 «Искры» от 20 мая 1860 года было опубликовано стихотворение Д. Минаева «Парнасский приговор» (за подписью «Обличительный поэт») — сатирический отклик на обвинение в литературном плагиате, которое без всяких оснований высказал Гончаров в отношении Тургенева. Тургенев потребовал третейского суда. Третейский суд в составе П. В. Анненкова, С. С. Дудышкина, А. В. Дружинина справедливо решил, что «произведения Тургенева и Гончарова, как возникшие на одной и той же русской почве, должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях» (Л. Н. Майков. Ссора между И. А. Гончаровым и И. С. Тургеневым в 1859—1860 годах. «Русская старина», 1900, № 1, стр. 22; см. также И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома. С предисловием и примечаниями Б. М. Энгельгардта, П., 1923). Недоразумения, возникшие между Гончаровым и Тургеневым, и последовавший за тем третейский суд между ними породили много толков и слухов, еще более распространившихся после появления сатирического стихотворения Д. Минаева.

[3] В Киссингене в то время находился вместе со своей женой А. В. Никитенко (Записки и дневник, т. I, СПб., 1905, стр. 594—597). Никитенко, по приглашению Гончарова, сам присутствовал на разбирательстве этого дела («Русская старина», 1914, № 2, стр. 406—407) и в своем дневнике отметил: «...надобно признаться, что мой друг Иван Александрович в этой истории играл роль не очень завидную; он показал себя каким то раздражительным, крайне необстоятельным и грубым человеком, тогда как Тургенев вообще, особенно во время этого объяснения, без сомнения для него тягостного, вел себя с большим достоинством, тактом, изяществом и какой то особенной грацией, свойственной людям порядочным высоко-образованного общества» (эта страница не вошла в печатное издание «Дневника» А. В. Никитенко и впервые напечатана была Д. И. Абрамовичем в Сборнике Российской публичной библиотеки, т. II, вып. 1, Пгр., 1924, стр. 174—176). Через несколько дней после публикуемого письма Гончаров писал А. В. Никитенко (17/29 июня

[а] Далее зачеркнуто две строки. [б] Далее зачеркнуто одно слово. [в] Окончание автографа письма не сохранилось. Конец этого письма в неточной копии хранится в Центральном государственном литературном архиве в Москве (ф. 135, оп. 1, ед. хр. 27, л. 112) и опубликован в «Собрании сочинений» И. А. Гончарова, т. 8, изд. «Правда», 1952, стр. 326, с ошибочным указанием места его хранения.

lib.pushkinskijdom.ru

1860 года, Мариенбад): «Сегодня получил я из Петербурга письмо с приложением стихов, напечатанных в Искре о нашем споре с Тургеневым: ничего, так себе: можно бы написать забавнее» («Русская старина», 1914, № 2, стр. 412). Отметим. что Софью Александровну Никитенко с гораздо большей откровенностью, чем ее отца, Гончаров посвятил во всю интимную сторону его отношений с Тургеневым, приведших к разрыву и третейскому суду в 1860 году; это видно и из последующих писем к ней Гончарова, публикуемых в настоящем издании, и из еще не напечатанных; именно С. А. Никитенко Гончаров еще в 1883 году завещал, среди других своих бумаг, рукопись своей «Необыкновенной истории», этой «печальной летописи» его отношений с Тургеневым. На конверте, запечатанном сургучной печатью, Гончаров написал: «Вверяю заключающиеся в сем пакете простые, лично меня касающиеся бумаги, Софье Александровне Никитенко, для распоряжения с ее стороны таким образом, как я ее просил. Иван Гончаров, 19 Мая 1883 года». Этот документ, свидетельствующий о «больной душе» Гончарова и о его расстроенном воображении, мог быть напечатан только в 1924 году (см. письма А. Полотебнова к М. М. Стасюлевичу в книге: М. М. Стасюлевич и его современники, т. IV, СПб., 1912, стр. 229—231; Сборник Российской Публичной библиотеки, т. II, вып. 1, 1924, стр. 177).

4

Мариенбад, $\frac{4}{23}$ Ию $\frac{\text{л}}{\text{н}}$ я[а] 1860.

Благодарю Вас, Mesdames,* за Ваши добрые и милые письма. Отвечаю немедленно, потому что приятно писать к Вам, и потому[б] еще, что заботливость (при всей моей наружной беззаботности) — черта моего характера. Давайте философствовать.

Вы очень строги, Софья Александровна — т. е. взгляд Ваш на жизнь, на обязанности, на себя и на других — строг до суровости, почти аскетической, пуританской. Можно, пожалуй, согласиться с вами, что главная тема жизни — не наслаждение, но однако нельзя, и даже не должно, выкидывать из нее наслаждений,[в] очевидною целию которых было смягчить нам суровость долга, соблазнить нас жизнию и заставить желать жить. А Вы так равнодушно отталкиваете их, или если сулите себе радости, то радости — почти нечеловеческие, Вы вся — религия, но какая религия, чему поклоняетесь — я не знаю. Богу ли живому: но в той религии — не одно созерцание, там есть страстность чувства, а как скоро есть страстность, есть

[а] *Должно быть* 5 июля/23 июня [б] *Было* и потому что [в] *Далее начато и зачеркнуто* кото<рых> це<лию>

* Сударыни (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

и борьба с искушениями; нет, у Вас идеал — долг — и Вы поклоняетесь долгу. Хорошо, но уверены ли Вы, что угадали *Ваш* долг? У Вас пока еще обнаруживаются благие стремления и когда придет время прилагать их к делу, не явится ли Вам долг в лице мужа, детей, в виде семьи, где, может быть, понадобится и то самоотвержение, которое Вы кладете в основание долга, и если оно явится так, как я говорю, то ведь понадобится и Ваш ум, и знания, и женственность, и мужественность, и *подание помощи*, и *отирание* слез, и поддержание несчастных, словом те [а] доспехи, в которые Вы облекаете [б] долг; но понадобятся также — и чувство, сердце, радости, Ваше счастье, чтоб дать счастье другим, ибо, как я сказал выше, суровость долга смягчена, разбавлена наслаждениями — и если неразумно поставить целью жизни последние, то так же неразумно и неестественно нести только тягость долга и уклоняться от приятной его стороны — и для чего, если можно это умно и по человечески согласить и примирить, так, чтоб ни то, ни другое не перевешивало. В этом, кажется, и вся задача человека — и если Вы справедливо (в чем и сознаюсь) упрекаете меня за частые уклонения на животную половину, то я не менее справедливо упрекну Вас в уклонении на противоположную сторону — и мы будем квиты. Сознайтесь, что это так. Конечно, наслаждение ведет к материализму, заставляет человека забывать — что он нечто выше животного, но ведь и аскетическое направление тоже мешает ему быть человеком, а другим ничем на сей земле он быть не может и не должен. Вы хотите «поддерживать несчастных, отирать слезы, помогать, быть полезной» и проч. — да ведь это надо все делать любя, а не с высоты какой-то евангельской гордости (там нужно смирение), а чуть захотите смириться, сейчас же упадете с облаков и делаетесь человеком или человечицей т. е. будете любить и любя наслаждаться, любя творить доброе и творя доброе, все таки будете наслаждаться. Если Вы мне на это скажете: «я не прочь и от этих обязанностей, я готова взять их на себя, но не всегда все от меня зависит, не могу я располагать обстоятельствами» и т. д. тогда я вдруг замолчу, ибо Вы будете правы и я не буду знать, что сказать на это.

Если же Вы возразите, что Вы не исключаете из долга любви и что будете исполнять его *любя*, но любя вот эдак или так, а не так... Всячески *любя*, отвечу я: и так, и эдак —

[а] *Далее начато и зачеркнуто* атт‹рибуты› [б] *Было* одели

lib.pushkinskijdom.ru

любовь ведь первый долг — Вы знаете это, тут и любовь матери, сына, мужа, жены и просто вообще любовь к ближнему. Но пока довольно.

Благодарю Вас за внимание и приветствия к моей работе: но вот она и кончилась, я застыл на 16-м листе. Вы опять за упреки в лени, в хорошем аппетите и прочих несуществующих препятствиях. Нет, я не ленился, сидел по 6 часов, писал до дурноты третьего дня, а потом вдруг будто оборвалось, и вместо охоты явилось уныние, тяжесть, хандра, словом та болезнь, которую не называю и которая не давала мне покоя в Петербурге и от которой, может быть, нужны не мариенбадские, а другие воды. Напрасно я в Дрездене не посоветовался с Вальтером.[1] Впрочем, и то сказать, как ни советуйся, а наступления старости и ее признаков и недугов — не отвратишь. Бог знает, что делается со мной: в иные дни встаешь бодро, весело, свежо, трепещешь от удовольствия, принимаясь за работу, видишь впереди отличную перспективу и эти дни плодотворны, много сделаешь, придумаешь. В другое время, вот как дня три — тяжесть, скука, уныние и отвращение к труду, к людям, к себе самому и более всего к жизни! И погода (может быть, это все от нее) совершенно располагает к хандре: холодно, дождливо — и везде, говорят, то же самое.

Потом вторая, но чуть ли не главная причина: я *не знаю*, что́ писать, я *не умею писать*, я не знаю, о чем хочу писать. Кто такой герой, что он такое, как его выразить — я стал в тупик. Вчера я напал на след новой, смелой мысли или способа, как [а] провести героя через [б] весь роман, но для этого надо бросить все написанное и начать снова: пожалуй, я бы не прочь, как это ни тяжело, ну, а если эта новая выдумка — нелепость, вздор? Не трудно рисовать, по крайней мере для меня: начни чертить, и выходит рисунок, сцена, фигура, это и весело; но проводить смысл, выяснить цель создания, *необходимость*, по которой должно держаться все создание — это и скучно и невыразимо трудно.[2] Вон Тургенев страдает тем, что ему не из чего создавать, а если заведется у него материялец, даже черпнет его откуда нибудь — он уже не затрудняется строить.[3] А я наоборот: страдаю от богатства материала и от неуменья распорядиться им. — Вы, Софья Алекс‹андрова›, не преминули, с обычною против меня ядовитостью, упрекнуть заботливостью о здоровьи: «надо де принести его в жертву роману», ибо «так много делали для тела (пиво, шампан-

[а] *Далее зачеркнуто* его [б] *Далее зачеркнуто* это

lib.pushkinskijdom.ru

ское etc.), надо же пожертвовать им для духа». А выходит, что нельзя: раза два я работал часов по шести и на другой день не мог приняться за перо, как ни старался, хотел принудить себя и насидел головную боль, уничтожил действие вод, а то, что в это время написал, надо было бросить. Видите!

Нет, видно надо мне исполнить неизбежный *долг*: отказаться от бесполезных попыток и взяться за другое, более практическое и существенное творчество, за работу не поэтическую, но более нужную и мне и себе. Я помню, что я годился и на другое и работами моими не пренебрегали. Смиряюсь и сознаюсь, что судьба справедливо поступила, наказав меня, лишением энергии и сил, за долговременную праздность и излишние стремления к наслаждениям. Вы правы, надо было посвятить себя всего тому, к чему был призван, а не дилетантствовать, а если прозевал, да еще притом другой перебил дорогу — то — сам виноват.

Поэтому, с нетерпением жду конца леченья: еще недели две с половиной и я надеюсь увидеться с Вами и погулять по дрезденским окрестностям вообще, а по тому полю, куда Вы хотели вести меня, Екатерина Алекс‹андровна›, — в особенности. Так как переписывать Вам нечего, то вероятно у нас не будет недостатка в досуге. Теперь уж меня ничто не интересует и потому поездка во Францию, в Булонь, представляется в виде скучного подвига, необходимости. Как бы охотно уступил я[а] эту поездку Вам, Екатерина Александровна: она бы помогла Вам, я уверен, и Вы бы воспользовались ею не даром и не втуне, как я. Мне теперь, после этого последнего[б] и неудачного опыта заняться, беречь себя и заботиться о здоровье — не для чего.

Вчера я писал к Алекс‹андру› Вас‹ильевичу›, в ответ на его веселое письмо и вчера же отвечал Екатерине Павловне Майковой [4] на ее дружеское, милое, возбуждающее к труду письмо. Она пишет, что «молится о моем спокойствии, предвидит победу, которую я одержу» — и бог знает,[в] какие сны видит ее дружба обо мне. Я было подтвердил ей, а теперь надо все взять назад.

Русские то и дело наезжают сюда, но я почти ни с кем не вижусь. Приехал прошлогодний, беспутный князь Голицын, какие-то Хилковы [5] и много много других.

а Далее зачеркнуто эти *б Далее зачеркнуто* испытания *в Далее зачеркнуто* что ви‹дит›

lib.pushkinskijdom.ru

Если Вам — Екатерина Алекс‹андровна›, не наскучило, а Вам, Софья Алекс‹андровна›, не опротивело, то не лишайте меня удовольствия читать Ваши письма и отвечать на них. К Вам пишется легко, скоро и свободно. Мне теперь же больше нечего делать, как писать письма. И лечиться-то нет охоты. Зачем это иногда родится человек, мучается и мучает других — понять нельзя! Да еще на нем взыскивается, что жить не умеет! А кто просил жизни?

Однако, Екат‹ерина› Алекс‹андровна›, берегите себя, купайтесь; слабость от вод пройдет — и Вы укрепитесь потом. А Вы, Софья Алекс‹андровна›, когда выходите гулять, поглядывайте иногда на небо, потому что иногда оттуда идет дождь, по временам даже с громом и молнией и промачивает насквозь платье, добирается до плеч, ног, от чего люди простуживаются. Но как нет худа без добра, то конечно, если в это время случится у Вас в руках роза или другой цветок, то ему такое орошение может быть полезно, а Вам, равно и книге, еслиб таковая случилась у Вас в руках, вовсе нет.

А кстати о розах: сколько цветов здесь и как жаль, что Вас нет здесь и розы украшают не Ваш, а мой стол! — Завтра, в мои именины, буду думать, что Вы у меня обедаете и так как Вы, Екатерина Алекс‹андровна›, любите шампанское, то велю подать и шампанского, а Вам, Софья Алекс‹андровна›, поставлю вишен и земляники и украшу стол букетом белых роз.

Я жадно прочел Jane Eyre:[6] взгляните-ка, Софья Алекс‹андровна›, как там разъясняется, в чем долг состоит. Как ни подзывал пастор Джанну в Африку, как ни убеждал, что она создана для этой жертвы, однако она нашла, что долг ее — *любя* — остаться у Рочестера, слепого, больного. Прощайте — Искренно преданный

И. Гончаров

Представьте положение человека, которому не велят сидеть, или — не только ничего не сделаешь, но насидишь еще серьезную болезнь!

[1] Вальтер — известный дрезденский врач. А. В. Никитенко также упоминет о нем, называя «здешним медицинским светилом» (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, 1904, стр. 593).

[2] С этими признаниями интересно сравнить то, что о своей творческой работе в это время Гончаров рассказывал в письме к А. В. Никитенко от 20 июня/2 июля 1860 года: «... я пишу и листов 16 написано, но, пишу или пою по выражению Шиллера, *как поют птицы* т. е. как будто без цели, а наслаждаюсь только своею способностью петь, ибо что ни

lib.pushkinskijdom.ru

запою, выходит мотив, трель, колено, но выйдет ли песня, кончу ли ее — едва-ли: тут уже и начинаются Гамлетовские сомнения... Не знаю, что́ будет. Но как трудно — не рисовать, нет, это легко, а вести рисовку к центру, к цели, осмысливать ее. В следствие этого является то бодрость, то уныние. — Я отписал о начале своего труда к Вашим ‹т. е. к С. А. и Е. А. Никитенко в Дрезден›, так как они принимают живое, дружеское участие в этом, но боюсь не напрасно-ли я подал надежду. Они будут считать меня путным человеком, твердо идущим к цели, а я вдруг окажусь несостоятельным: боже ты мой, сколько прибавится к насмешкам над моей ленью и прожорливостью, других, более ядовитых жал! Постараюсь продолжать, если не покинет охота!» («Русская старина», 1914, № 2, стр. 413, 414).

[3] См. примечания 2 и 3 к письму 3 и особенно примечание 2 к письму 6.

[4] Майкова Екатерина Павловна (1836—1920) — жена Владимира Николаевича Майкова. С ними Гончаров находился в близких дружеских отношениях; письма к ней Гончарова опубликованы в журнале «Начала», 1922, № 2, стр. 231—238; ср.: Литературный архив, вып. 3, Изд. АН СССР, 1951, стр. 103—104.

[5] См. ниже, примечание 3 к письму 6.

[6] «Джейн Эйр» (1847) — роман английской писательницы Шарлотты Бронтё (1816—1855), писавшей под псевдонимом Кёррер Белл (Currer Bell), которую К. Маркс отнес к блестящей школе романистов в Англии и поставил в один ряд с Диккенсом и Теккереем (К. Маркс — Ф. Энгельс. Об искусстве, изд. «Искусство», М.—Л., 1937, стр. 320—321). Джейн и Рочестер — действующие лица этого романа. Джейн — сирота. Она поступает гувернанткой в дом Рочестера, который влюбляется в нее, однако брак их невозможен: Рочестер женат, но жена его сошла с ума и это служит формальным препятствием для развода. Джейн бежит из дома Рочестера и становится учительницей в сельской школе. Тем временем жена Рочестера погибает при пожаре, но при этом и он сам изуродован от ожогов. Джейн выходит замуж за слепого Рочестера. Роман Ш. Бронтё произвел на Гончарова сильное впечатление. Марфинька признавалась Райскому: «„Елену“ недавно читала мисс Эджеворт, еще „Джен Эйр...“ Это очень хорошо... Я две ночи не спала: все читала, не могла оторваться» («Обрыв», ч. II, гл. 3). Остается неясным, в подлиннике или в переводе Гончаров читал этот роман; английским языком он владел вполне достаточно, чтобы читать книги («Вестник Европы», 1908, № 11, стр. 40; № 12, стр. 448), но имя Jane Гончаров транскрибирует как Джанна (в «Обрыве» — Джен), что наводит на мысль, что он читал роман во французском переводе, появившемся в 1854 году (см. заметку о нем в «Отечественных записках» 1854, т. XCIII, март, отд. VII, стр. 14). К этому времени роман Ш. Бронтё был переведен и на русский язык И. И. Введенским, но, по его собственному свидетельству, это был не перевод, а «переделка». См. ниже, примечание 7 к письму 5.

5

Мариенбад, ‹24› Июня / ‹6› Июля 1860.
‹Пятница›

Судьба — или я не знаю — кто́ и что́ в природе — но право, кто-то ставит себе в какой то постоянный закон шутить над

lib.pushkinskijdom.ru

нами. Это не ново, не мной замечено, а всеми, потому что все повторяют это. Я нового не хочу сказать, а только ко всем свидетельствам об этом присовокупляю и свое. Ужели это та могучая, безошибочная, безупречная Сила, *Кого мы нарицаем бог*? Ужели то другая сила, которую мыслители именуют *Разумом*? Ужели то отрицательное начало, которое софисты, атеисты и проч. *исты* зовут *Случаем?* Нелепо бы было предположить в Распорядителе человеческих и всяких судеб и сил вселенной [а] какую-то шутливую, веселую личность, смеющуюся человеческим смехом и забавляющуюся мелкими шутками — и для чего? От Разума еще меньше можно ожидать этого — ибо шутка есть противоречие разума и смех рождается [б] и истекает из этого противоречия, оттого, когда что-нибудь расходится с правдой, следоват‹ельно› с разумом. Случай? Пожалуй, иногда может *случайно* явление разойтись с правдой и с разумом и оттого быть смешным, но тогда от сотворения мира до нашей поездки за границу случилось бы не более трех или четырех шуток... А кто же это постоянно шутит над нами, кто перечит или заставляет нас самих поминутно перечить тому, что здраво, прямо, истинно [в] и должно?

Замечали ли Вы, что к чему, например, устремлены все Ваши помыслы, желания, весь огонь Вашей мысли и сердца — никак не дается, а в другой раз Вы не думаете, не помните, и вдруг нечаянно повели рукой по воздуху и поймали дело? Ищете Вы нужную Вам вещь, перерыли все верх дном — нет, находите все другое, Вам ненужное, а потом прошла нужда — Вы находите ее чуть не в глазу у себя, а уж под носом непременно. — На всяком, на всяком шагу какое-то противоречие, травля желаний; этот *кто-то* или *что-то* находит неутомимое наслаждение, должно быть, дразнить нас, вызывать силы и вгонять их назад, то мять, душить желания, то неожиданно давать им простор и свободу? [1] Кто же это и зачем? Вот вопросы, на которые можно бы было много раз в ответ вспомнить друга Горацио.[2] Будет ли эта игра, или эти — вероятно законы нашей нравственной природы исследованы и подчинятся ли человеческому ведению и управлению?

В первый раз я поехал за границу, не ведая почти зачем, сел случайно от скуки за перо и написал в семь недель три тома,[3] это мне понравилось, я собрал силы, намерения, добрую волю, поехал во второй раз и написал очень мало; [4] наконец

[а] *Далее зачеркнуто* предположить [б] *Далее зачеркнуто* от [в] *Далее зачеркнуто* что добл‹естно›

lib.pushkinskijdom.ru

собрал последние силы, остаток воли и жизни, еду в третий раз — и ничего не делаю, не могу делать. Две недели здесь холод — как у нас бывает в октябре, дождь льет с утра до вечера; на улице мерзнешь, в комнате зябнешь. Wie ist es draussen? * спрашиваю я, вставая утром, хаусмейстера.** «Es ist kalt und trübe» *** — отвечает он. «Und heute?» **** — спрашиваю на другой день. «Es ist etwas wärmer, aber... trübe»,***** говорит он. На третий день — es regnet nicht, aber... trübe.****** И на душе trübe, да так trübe, что я собираюсь бежать отсюда. Я думал, что я один раздражен, зол, придирчив, сжат, как будто все, что есть человеческого во мне — все загнано куда-то внутрь. Ум, воображение, память — все спряталось и молчит, все онемело, не хочется разжать рук, кровь не греет, ноги, нос, руки и лоб холодны, точно зимой, злая сосредоточенность и скука — вот общее состояние и ощущение!

Еще шутка: я вчера целый день проходил имянинником т. е. думал, что вчера (Четверг) 24-е Июня: сегодня один поспорил со мной, я чуть не подержал пари — а вот теперь Ваше коротенькое, но дружеское письмо заставляет меня опять быть сегодня имянинником — уже на самом деле. Благодарю Вас за память о недостойном ипохондрике. Право не сто́ю Вашей милой памяти и внимания, не стою потому — что болен. Вы желаете мне, Екатерина Александровна, написать «лучшие страницы в этот день» т. е. сегодня: вот они, перед Вами — эти лучшие страницы: хороши, не правда ли? Тетрадей своих и раскрывать не стану, потому что руки дрожат от холода.

Вы, Софья Александровна, напрасно проповедуете мне какую-то «воздержность»: воздержнее я еще никогда не был, как теперь здесь. «Наслаждаться» здесь нечем, кроме труда и четырех кружек минеральной воды, но труд изменяет. Вы неумолимы; не только гоните наслаждение, но и не хотите вникнуть в лета и состояние человека. «Ленив, ленив», кричат все; а не болен ли просто этот лентяй? надо спросить: эта тяжесть, эти приливы к голове, к спине, к сердцу, это безотрадное уныние, в котором встаешь с постели, это дурное пищеварение — все это способно ли заставить играть фантазию и перо. Отчего же в другие дни, когда ему легко, когда играется и смеется на душе и когда кровь бежит быстрее и правильнее, он бежит за перо и тогда бодр и не ленив? Его ли это дело, что вон

* Какая погода? (*здесь и далее немецк.*). ** Швейцара, портье. *** Холодно и пасмурно. **** А сегодня? ***** Немного теплее, но... пасмурно. ****** Дождя нет, но... пасмурно.

lib.pushkinskijdom.ru

там к горам прилипло какое-то гнилое облако и превратило лес и ниву в болото; а мозг человека давит, кровь задерживает в ее течении и всего его ожесточает, делает холодным и равнодушным ко всему на свете? Что все это такое? Живем мы, или спим каким-то странным сном и бредим?

Вы исключаете наслаждение: «в служении искусству и человечеству» говорите Вы непреклонно. Позвольте, не лежит ли и в этом Вашем стремлении эгоистическое наслаждение — стать высоко и завоевать себе, в религиозном ли, или просто в человеческом смысле, значение, роль, стяжать какой бы то ни было венок? Анализируйте хорошенько, и Вы увидите, что там говорит таже гордость и самолюбие, видна таже, простертая к венку рука. Да для чего все это служение человечеству, что значат все его нужды и бедствия, какая цель всему этому — не мелочь ли и это все, как вся жизнь, вся эта шутка? стоит ли становиться на этом пьедестале и стремиться выполнять какой-то выдуманный себе долг, устранять и облегчать эти, очевидно и умышленно заказанные человеческие страдания и скорби? Все ведь это обман, игра — и страданий этих ни исцелить, ни отвратить нельзя: они все таки будут итти своим чередом, а мы только, как ученики, докажем свое послушание, а между тем есть во всем этом другая Сила и Воля, которая делает все по своему. Что же мы? Посмотришь, другой принимает жизнь за наслаждение и жизнь эластически повинуется и этому взгляду. Что же жизнь и что долг?

Что касается до самоотвержения, то оно — не в натуре человеческой, а человек надевает его иногда на себя, как редкий, праздничный наряд. А в самом деле — его нет! Самоотвержение — также корыстно, как и все другое. Бросаются со скалы, потому что в чувстве, которое заставляет бросаться — есть своего рода сладострастие: не будь его, никто бы не бросился. Сцевола жег руку и наслаждался, глядя на написанное кругом его удивление на лицах: он знал, что имя его мальчики будут учить в школах наизусть.[5] Слыхали ли Вы, что рука любимого человека дерется не больно? Ведь это nonsens,* удар все удар, а фанатизм чувства в самом деле заглушал боль. Христиан жгли, терзали, но ведь они имели двойную награду в виду: *здесь* — мученический, а *там* — нетленный венец. Спаситель знал человеческую природу и бескорыстной жертвы не потребовал, он также знал, что ее не принесут. Поэтому — поверьте — «в служении мысли, искусству и

* Бессмыслица (*лат.*).

lib.pushkinskijdom.ru

труду» лежит прежде всего служение себе самому; в самых чистых, бескорыстных, молодых душах — как например — Ваша, невидимо для Вас прозябает и назревает зерно самолюбия и внутри пробегает тайная судорога страсти к подвигу, следовательно к славе, невидимая гордость одолеть препятствия и стать — (не высоко) а выше. И мне теперь очень хотелось бы окончить свое дело и во мне меньше желания стать высоко, потому что я стар и потому что вкусил уже самолюбивой лести, а просто хочется кончить, доделать свое дело и не нести упрека в слабости: видите, желание отрицательное, но уже когда я устал, когда большую часть награды стяжал и оттого не так корыстен, поэтому и более небрежен.

«Служителем искусства и человечества»: только задумаешь о чем нибудь много, только назовешь громко какое-нибудь дело, смотришь, оно и представится в другом виде, покажется таким пустым, иногда смешным. Я смеюсь, когда воображаю что я делаю дело, «исполняю долг», потому что пишу романы, которые другими читаются, ставятся на полку и забываются, или много много что не забудут лет десяток другой, а потом все таки забудут. Вспомните тузов: Державина — никто теперь не читает, а в школах приводят стихи для примера, но никто не наслаждается. Пушкин бледнеет, скоро Гоголь утратит цвет, другое понадобится. А мы с Иваном Сергеевичем [6] окажемся срамцы срамцами... Вот Вам и долг, и все дела наши.

Вот Вам и лучшие страницы — Екатерина Александровна: вот Вам и имянины, вот и настроение, и мысли, порожденные этим милым летом, этим свинцовым небом, этим октябрьским холодом!

Не в праве ли я воскликнуть: «зачем я поехал за границу?» Не в праве, скажете Вы: ну, так извольте потрудить‹ся› сказать: «зачем?»

Буду ждать Ваших ответов и опять благодарю и благодарю за память: в эту минуту эта благодарность единственное приятное чувство, отчасти согревающее холодную душу и озябшее тело.

Взял вчера роман Currer Bell: *Shirley* [7] по английски, но отдал назад: много слов не знаю, а от этого ускользают разные интересные подробности. Взял Villette того же автора [8] по немецки, чтобы как-нибудь провести эту неделю или десять остающихся дней. Авось тот понедельник увидите меня уже в Дрездене, и я увижу Вас, что меня искренно радует и много утешает.

И. Гончаров.

lib.pushkinskijdom.ru

Первые страницы публикуемого письма с глубоко идеалистическими рассуждениями Гончарова о судьбе и случайности в человеческой жизни интересны прежде всего потому, что они имеют непосредственное отношение к творческой истории романа «Обрыв», над страницами которого он работал в это время (отрывки из будущего романа начали печататься в различных изданиях именно в 1860 году). В последующем письме к С. А. Никитенко от 29 июня / 11 июля 1860 года Гончаров писал, что «об этом *кто-то* или *что-то*... я поместил даже в *бабушку*» (см. ниже, примечание 1 к письму 7), имея в виду одно из действующих лиц романа, бабушку Райского, Татьяну Марковну Бережкову, образ которой уже на начальных стадиях работы над «Обрывом» занимал в романе весьма важное место (см.: М. М. Стасюлевич и его современники, т. IV, стр. 41—42). Действительно, все приведенное в публикуемом письме рассуждение, в слегка измененной форме, вошло в окончательный текст «Обрыва», вложенное в уста бабушки; при этом иронические реплики Райского оттеняют устарелость воззрений этой захудалой провинциальной помещицы, какой Татьяна Марковна первоначально рисовалась автору. Любопытно, что в отрывке «Бабушка. Из романа: Эпизоды из жизни Райского», появившемся в «Отечественных записках» (1861, т. CXXXIV, № 1, стр. 1—38), указанное рассуждение отсутствует; следовательно, Гончаров «вставлял» это рассуждение в другой текст, рукопись которого лежала перед ним в летние месяцы 1860 года; возможно, таким образом, что письма Гончарова к С. А. Никитенко от 24 июня /6 июля и 29 июня/ 11 июля этого года дают даты первоначальной работы Гончарова над *десятой главой* второй части «Обрыва», где находится рассуждение бабушки «об этом кто-то или что-то»; в то же время эти письма подчеркивают, что Гончаров излагал в них не собственную житейскую философию, а как бы «пробовал перо», почти одновременно набрасывавшее эпизоды романа: изложив сначала ту или иную мысль от своего лица, Гончаров затем вкладывал ее в уста того или другого персонажа. В окончательном тексте романа диалог Райского с бабушкой имеет следующий вид:

«— У вас, бабушка, о судьбе такое же понятие, как у древнего грека о фатуме: как о личности какой-нибудь, как будто воплощенная судьба тут стоит да слушает...

— Да, да, — говорила бабушка, как будто озираясь, — кто-то стоит да слушает! Ты только не остерегись, забудь, что можно упасть, — и упадешь. Понадейся без оглядки, судьба и обманет, вырвет из рук, к чему протягивал их! Где меньше всего ждешь, тут и оплеуха...

— О, судьба-проказница! — продолжала она. — Когда ищешь в кошельке гривенника, попадают все двугривенные, а гривенник после всех придет; ждешь кого-нибудь: приходят, да не те, кого ждешь, а дверь, как на смех, хлопает да хлопает, а кровь у тебя кипит да кипит. Пропадет вещь: весь дом перероешь, а она у тебя под носом — вот что!

— Какое рабство! — сказал Райский. — И так всю жизнь прожить, растеряться в мелочах! Зачем же, для какой цели эти шутки, бабушка, делает кто-то, по вашему мнению, с умыслом? Нет, я отчаиваюсь воспитать вас... Вы испорчены!

— Для какой цели? — повторила она. — А для такой, чтоб человек не засыпал и не забывался, а помнил, что над ним кто-нибудь да есть; чтобы он шевелился, оглядывался, думал да заботился. Судьба учит его терпению, делает ему характер, чтоб поворачивался живо, оглядывался на все зорким глазом, не лежал на боку и делал, что́ каждому определил господь...

lib.pushkinskijdom.ru

— То есть, вы думаете, что к человеку приставлен какой-то невидимый квартальный надзиратель, чтоб будить его?

— Шути, а шутя правду сказал, — заметила бабушка» («Обрыв», ч. II, гл. 10).

[2] Гончаров намекает на стих из «Гамлета» Шекспира (акт I, сцена 5), широко распространенный в эти годы в русском обществе по не вполне точному переводу: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

[3] Гончаров имеет в виду летние месяцы 1857 года в Мариенбаде, когда, чувствуя необычайный прилив творческих сил, он закончил роман «Обломов». В письме к С. А. Никитенко от 15/27 августа 1857 года Гончаров писал: «Менее нежели в два месяца написано моей рукой 62 листа... Я так заработался, так много сделал в эти два месяца, что другой в две свои жизни не написал бы столько...» (Л. С. Утевский. Жизнь Гончарова. Изд. «Федерация», М., 1931, стр. 112, 113).

[4] Речь идет о вторичной поездке Гончарова в Мариенбад летом 1859 года, куда он взял с собой «программу» нового романа, т. е. будущего «Обрыва» (ср.: Литературный архив, вып. 3, 1951, стр. 159); но надежды его на этот раз не сбылись. «Вдохновения не было, — писал Гончаров Ю. Д. Ефремовой, — т. е. не было расположения писать, но я поупрямился и начал. Вышло то, что я Вам сказал при отъезде, т. е. нельзя в шесть недель обдумать и написать роман: это дерзость и нелепость. Может быть, года два-три назад и было бы возможно положить основание или докончить давно обдуманную и начатую вещь. Вглядевшись пристально в то, что я хотел писать, я увидел, что надо положить на это года три исключительной работы, при условиях свободы, здоровья и свежих, не упавших сил... Притом, работая, я страшно вредил себе: сидел до бледности, до изнеможения, задав себе глупую чиновничью работу написать хоть часть одну, как будто доклад какой-нибудь. Следствием было то, что я стал чувствовать себя хуже, чем прежде, и я бросил, решительно бросил...» («Невский альманах», вып. II, Пгр., 1917, стр. 37). О Ю. Д. Ефремовой и отношении к ней Гончарова см.: Литературный архив, т. 3, Изд. АН СССР, 1951.

[5] Гончаров имеет в виду знаменитый рассказ из «Жизнеописаний» Плутарха.

[6] И. С. Тургеневым.

[7] «Шерли» (1849) — один из лучших реалистических романов Шарлотты Бронтё (писавшей под псевдонимом Керрер Белл, см. выше, примечание 5 к письму 4) из жизни рабочих (времен луддитских восстаний), фабрикантов и землевладельцев, идейно связанный, однако, с чартистским движением.

[8] «Вильлет» (1853) — последний роман Ш. Бронтё, вышедший в свет при жизни писательницы, в котором рассказана история бедной девушки, воспитывавшейся в брюссельском пансионе.

6

28 Июня / 10 Июля 1860.

Мариенбад

Вы, Софья Александровна, с свойственной Вам кротостью, стараетесь унять сумасшедшие порывы, которые ворвались

lib.pushkinskijdom.ru

в два мои письма и наполнили их темнотой, бессмыслицей, желчью и тоской: что́ было во мне в те минуты, то и вылилось. Вот он, Райский, вот, живой тут. А на другой, на третий день ничего не было: *сто тысяч чертей* вдруг завыли, заметались, но тихий ангел пролетел и все умолкло и опять я — *сонный, вялый, с тусклым взглядом* (вы не можете себе представить, как это удачно!) и опять ничего. Представьте теперь мое затруднение уловить все эти свойства, выразить в образе художника,[а,1] сделать живым лицом, которому бы верили, существование которого согласились бы признать. Я пишу много и пишу вздор, тороплюсь, чтоб мне скорее написать, кончить басни, пишу — не творю, а сочиняю и оттого выходит дурно, бледно, слабо, потому что хорошего нельзя выдумать и сочинять: оно приходит как-то нечаянно, само, и этого нечаянного, т. е. поэзии нет как нет. Написано уже много, а роман собственно почти не начался; я все вожусь с второстепенными лицами, чувствую, что начал скверно, не так, что надо бы съизнова начать и писать не торопясь, обдумать основательно весь план, как он теперь мне представляется, и потом продумывать каждую главу. А я пишу зря, что на ум взбредет и от того выходит вздор, путаница, повторения. Нет, это не труд художника, а маранье какого-то борзописца, будто по заказу. А Вы сулите мне торжество к осени: бог знает, когда это будет, и будет ли! Пишу, чтоб успокоить свою совесть, думаю, что когда намараю все вчерне, так, может быть,[б] можно будет кое-как отделать, возвратиться опять к началу, переделать его и провести героя.[в] Утешаюсь этим, но в тоже время сознаю и нелепость такой затеи. Нет, еслиб план был обдуман, ясен, тогда бы роман шел правильно, слитно и стройно; потом легко бы было и отделывать. Но что об этом: пропащее дело! И не такие мыльные пузыри лопаются, как я!

Вы правы, я часто возвращаюсь к своему bête noire[*] Это не хорошо, но что же мне делать: пока не выживет во мне какое-нибудь чувство свой срок и свой период, я киплю желчью, я непримирим, зато когда оно отыграет свою роль, тогда и следа ему нет. Это и с враждебными, и с приятными чувствами — одна история. Опять черти Райского! Нет, С‹офья› А‹лександровна›, не *зернышко* взял он у меня, а взял лучшие

[а] *Далее зачеркнуто два слова.* [б] *Далее начато и зачеркнуто* лег‹че› [в] *Далее зачеркнуто* Но

* *Непереводимое выражение, в данном случае обозначающее нечто, постоянно вызывающее тревожные мысли.*

lib.pushkinskijdom.ru

места, перлы и сыграл на своей лире;[2] еслиб он взял содержание, тогда бы ничего, а он взял подробности, искры поэзии, например, всходы новой жизни на развалинах старой, историю предков, местность сада, черты моей старушки — нельзя не кипеть. Да еще вдобавок устроил комедию, зрелище, дуель, зная, что доказать нельзя, созвал свидетелей — все это возмущает мою душу, нагоняет глубокую хандру и [а] прибавляет холоду к жизни, к людям — и не хочется их видеть, знать, слышать, не хочется впутываться в дела; паралич нравственный мешает жить и делать. Вот отчего это так бесит меня иногда, хотя сознаюсь, что надо бы все это сделать иначе т. е. не доверять бархатной мягкости, в которую иногда одевается пустота, хлестаковщина, наружная, умилительная простота, добродушие и скрытое, систематическое плутовство. Больше никогда и ничего не стану говорить об этом. Здесь доктор мой познакомил меня с княгиней Х‹илковой› и ее двумя дочерями. Младшая — умная и бойкая девушка, бредит Тургеневым, на третьем слове — он; она с ним в переписке.[3] Меня она не читала, потому, говорит, что не может слышать имени Обломова. Тут много навеянного...[4] Они спросили, нет ли чего нового, я сказал им о Беловодовой и хотелось мне посмотреть, как действует на них ссора *за предков:* они остались на стороне Софьи и я теперь воюю с ними.[5] Другая девица (дочь, кажется, начальницы Павловск‹ого› института) читала напротив четыре раза Обл‹омова› и — по словам Княжен, *боится* меня!!

Здоровью своему я конечно врежу тем, что много пишу, но я умею иногда и не щадить себя. Теперь Вы, надеюсь, убедились что я не ленив, толщина моя уходит в тетрадь, но, как выше сказано, без толку. В субботу я хочу кончить свое леченье и в Воскресенье или Понедельник выехать в Дрезден, следовательно написать Вы мне [б] едва ли успеете. Может быть я и останусь, но это не наверное. Если останусь, то на неделю какую-нибудь. — Благодарю Екатерину Алекс‹андровну› за письмо, но она говорит, что занята приездом какой-то приятельницы — а потому не пишу ответа. Вспомните мою покорнейшую просьбу не показывать никому моих писем: они такие безобразные.

Кланяюсь Вам усердно и в надежде Вас видеть, остаюсь Вам искренно преданный

И. Гончаров

[а] *Далее зачеркнуто* холод [б] *Далее зачеркнуто* не

lib.pushkinskijdom.ru

10 часов ночи: пора спать. Погода здесь поправляется, впрочем сегодня — trübe.*

‹На конверте›

Dresden.
Prager-Strasse, № 16.
links parterre
an den Fräulein Sophie von Nikitenko

[1] Райского, который по ранним замыслам Гончарова должен был стать главным героем будущего романа «Обрыв» («Эпизоды из жизни Райского»).

[2] Речь идет о «Дворянском гнезде» Тургенева. Как известно, выслушав «Дворянское гнездо» в чтении Тургенева по рукописи еще до его напечатания (в первой книжке «Современника» за 1859 год), болезненно мнительный Гончаров остался при убеждении, что этот роман навеян его еще не написанным «Обрывом», с замыслом которого он познакомил Тургенева около 1857 года. Мысль о сходстве «Дворянского гнезда» с «программой» задуманного им «Райского» Гончаров высказал и самому Тургеневу; на этот раз дело не дошло до открытого столкновения между ними. Тем не менее Гончаров затаил злое чувство против Тургенева, разгоревшееся вновь с особенной силой весной 1860 года, когда Гончаров выступил с открытыми публичными обвинениями Тургенева в плагиате, что и привело к третейскому суду между ними, состоявшемуся 29 марта 1860 года (см. выше, примечание 2 к письму 3). Современники и после этого суда и после примирения обоих писателей в 1864 году считали, что именно «Дворянское гнездо» было ближайшим поводом для ссоры Гончарова с Тургеневым (М. Ф. Суперанский. И. А. Гончаров и новые материалы для его биографии. «Вестник Европы», 1908, № 12, стр. 458). Более двадцати лет спустя в рукописи, завещанной С. А. Никитенко («Необыкновенная история»), сам Гончаров высказал свои ни на чем не основанные обвинения в выражениях, довольно близких к публикуемому письму: «Основанием повести ‹«Дворянское гнездо»› взята была именно та глава о *предках Райского*, о которой я упомянул выше — и по этой канве выбраны и набросаны были лучшие места, но сжато, вкратце; извлечен был весь сок романа, дистиллирован и предложен в сделанном, обработанном, очищенном виде. У меня *бабушка*, у него *тетка, две сестры*, племянницы, Лаврецкий, схожий характером с Райским, также беседует по ночам с другом юношества, как Райский с Козловым, свидания в саду и прочее... Он не забыл и фигуры *немца* — истинного артиста. У меня бабушка достает старую книгу — и у него старая книга на сцене. Словом, он снял слепок со всего романа...» (Сборник Российской публичной библиотеки, т. II, вып. 1 Пгр., 1924, стр. 20—21). «Я пожалел, конечно, каялся в своей доверчивости, но хода этому давать никакого не хотел и решил выключить из своей программы всю главу о предках Райского вон, что и сделал. Отношения с Тургеневым стали у нас натянуты» (там же, стр. 22).

[3] Гончаров, несомненно, имеет в виду княгиню Елизавету Григорьевну Хилкову (рожденную Волконскую) и двух ее дочерей (Ольгу Дмитриевну и Прасковью Дмитриевну). О. Д. Хилкова, действительно, была в переписке

* Пасмурно (*немецк.*).

lib.pushkinskijdom.ru

с Тургеневым. Два письма к ней Тургенева (1861) напечатаны в «Литературном архиве», вып. 3, 1951, стр. 214—216.

[4] Гончаров вновь явно намекает на Тургенева; втайне он упрекал его даже в том, что Тургенев будто бы подсылал к нему людей, которые, «выпытывая мой образ мыслей о том или о другом, между прочим, беспрестанно наводили на разговор о Тургеневе и зорко смотрели, как я *завидую*...» (Сборник Российской публичной библиотеки, т. II. вып. 1, Пгр., 1924, стр. 44; ср.: «Вестник Европы», 1908, № 11, стр. 44). «Обломов» печатался в «Отечественных записках» 1859 года (январь—апрель) и вышел отдельной книгой в мае того же года.

[5] В февральской книжке «Современника» за 1860 год (т. LXXIX, № 2, стр. 409—454) Гончаров напечатал отрывок из будущего «Обрыва» под заглавием «Софья Николаевна Беловодова (пять глав из романа: «*Эпизоды из жизни Райского*»)» с датой: 1859 г. Здесь и рассказывается (стр. 424—428) о споре Райского с холодной светской красавицей Софьей, который Гончаров в публикуемом письме называет «ссорой за предков». Райский упрекает Софью за ее приверженность «традициям», условным приличиям великосветской среды, сковывающим ее чувства и отгораживающим от нее подлинную жизнь: «Что у вас за страсть преследовать мои бедные правила? — Потому что они — не ваши. — Чьи же? — Тетушкины, бабушкины, дедушкины, прабабушкины, прадедушкины: вон всех этих полинявших господ и госпож, в робронах, манжетах... Он указал на портреты. — Вот видите, как много за мои правила! сказала она шутливо: — а за ваши... — Еще больше! сказал Райский и открыл портьеру у окна. — Посмотрите, все эти идущие, едущие, снующие взад и вперед, все эти живые, не полинявшие люди — все за меня! — Идите же к ним, кузина, а не от них назад! Он опустил портьеру... — Что же надо делать, чтоб понять эту жизнь и ваши мудреные правила? спросила она покойным голосом, показывавшим, что она не намерена была сделать шагу, чтоб понять, и говорила только потому, что об этом зашла речь. — Что делать? повторил он: — во-первых, снять эту портьеру с окна, и с жизни тоже, и смотреть на все открытыми глазами: тогда поймете вы, отчего те старики полиняли и лгут вам, обманывают вас бессовестно из своих позолоченных рамок...» (стр. 424—425). В окончательной редакции «Обрыва» «ссора за предков» Софьи и Райского изображена в IV главе первой части.

7

$\frac{29}{11}$ Ию$\frac{н}{л}$я ‹1860›, Мариенбад.

Ах, Екатерина Александровна, ах, Софья Александровна! Простите — но какие мы все слабые и смешные, а я еще — сверх того и преглупый. Я не шутя убежден, что глупее меня нет никого на свете. Вы, например, как Вам ни холодно, ни неловко, ни досадно, а все таки владеете собой и хотя хмуритесь (я даже живо представляю себе — как), а все еще остается у Вас сознание о необходимости резигнации.* Вы сами

* Покорности неизбежному (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

испытываете противушерстное поглаживание судьбы (в виде непогоды, холода, скуки etc. etc.) и не только не кричите, да еще унимаете крик другого. «Так устроено, нечего делать» кротко говорите Вы. «От чего же и мы смешные?» спросите Вы про себя: а вот от чего: я шел в сад; когда получил Ваше письмо и [а] читая шел по дорожке, стараясь не раздавить муравьев, букашек, которые ползали под ногами. «Что если и они, пришло мне в голову, ползая, гомозясь и суетясь, тоже думают и говорят „об ударах судьбы, о мудро-устроенных путях“ и оплакивая какого-нибудь раздавленного моей ногой родственника или [б] почтенного, уважаемого всеми муравья или мудрую козявку, обвиняют, зачем он „сошел с своего пути“ и пополз в даль, в противную сторону и что все, что́ создано, создано и устроено прекрасно и для них» и что они сами виноваты, что расползаются в разные стороны и вместо того, что‹б› дружно тащить какую-нибудь добычу и друг другу тяготы нести, эгоистически стараются захватить и т. п. Представьте, еслиб это было, а может быть и есть — как это смешно! Представьте, что на нас кто-нибудь смотрит сверху — и хохочет. Представьте себе, что все наши радости, печали, боли — не существуют, а снятся нам и когда мы проснемся, очнемся — вдруг нам скажут, что этого ничего [в] не было, что это так, мираж и проч. и проч. А мы рассуждаем о долге, о высоком назначении, о свободной воле и злоупотреблениях.

А об этом *кто-то* или *что-то*,[г] о котором писал в последнем письме, я поместил даже в *бабушку*: [1] и туда же помещу и Ваше справедливое замечание, так часто над всеми нами сбывающееся т. е. что судьба дорого продает нам свои милости.

«Спать хочется» говорите Вы, Софья Александровна: наконец-то проговорилось в Вас хоть одно земное желание: я даже осмеливаюсь предположить, что Вы перед этим удовлетворили другой не-небесной потребности т. е. покушали, ибо голодному не спится.

Вы правду говорите, Екат‹ерина› Ал‹ександровна›, я раздражен т. е. болен и что Вы ни говорите, Соф‹ья› Ал‹ександровна›, а нервозность натуры — есть одно из бедствий, она же, наполовину, есть и источник радостей, неведомых ненервозным! Но утешать меня не стремитесь: в утешении лежит что-то оскорбляющее человеческую гордость (эта гордость не порок, напротив — это признак того, что мы не муравьи и не

[а] *Должно было бы быть* я [б] *Далее зачеркнуто* другого [в] *Далее зачеркнуто* нет [г] *Далее зачеркнуто* я напис‹ал›

lib.pushkinskijdom.ru

букашки) и мне лучше потерпеть до конца т. е. например, умереть с голоду, чем получить из жалости кусок хлеба, умереть с печали и утонуть в собственных слезах, чем вынести, чтобы чужая, не моя, рука отерла их.

Вчера я получил от Алекс‹андра› Вас‹ильевича› письмо и вчера же отвечал ему, звал его вместе в Булонь, что́ кажется возможно, ибо он собирается тоже в Дрезден заехать. Мне в другое место ехать неудобно, как в Булонь, где я дал rendez-vous * Льховскому,[2] который, по моему расчету, в Июле должен воротиться и прибыть в Портсмут; из Портсмута надо только переехать в канал. Я был бы в отчаянии, еслиб мы с ним разъехались.

Я оставляю беседу с Вами, чтобы приняться за свою сказку; вчера писал до того, что рука буквально окоченела. Но не спешите, прошу Вас, делать выводы в мою пользу. Переписывать я Вам этого не дам — много слишком,[3] в Дрездене переписать не успеете, а мне необходимо взять рукопись в Булонь, потому что беспрестанно приходится бросаться назад, переправлять, справляться и т. д., но прочитать, если захотите, дам, и Вы сами увидите в написанном только доказательства упадка сил, угасания ума и ослабление таланта. Но я хочу и, полагаю, буду писать до конца: мало того, я предпринимаю огромный труд — по написанному начать писать снова, обдумывая каждую главу, не торопясь, и посвящу этому год, даже два. А теперь спешу писать за тем, чтоб потом воспользоваться написанным, как планом, как материалом. Герой все еще неясен мне вполне т. е. все еще не знаю, что он такое. Но об этом поговорим при свидании, вероятно — на следующей неделе во Вторник или в Среду.

А теперь до свидания, цалую Ваши руки.

И. Гончаров

Я весь теперь в князьях и княжнах, да еще в начальницах институтов.[4] На последних днях я ужасно как любезен, разговорчив, подношу букеты, гуляю, спорю, зная, что больше их никого не увижу нигде.

[1] Имеется в виду отрывок из неоконченного роман («Обрыв»), напечатанный в «Отечественных записках», 1861, т. CXXXIV, № 1, под заглавием «Бабушка. Из романа: Эпизоды из жизни Райского», см. выше, примечание 1 к письму 5.

[2] Льховский Иван Иванович (1829—1867), находившийся в дружеских отношениях с Гончаровым в годы совместной с ним службы в министерстве финансов, с 1857 года служил в сенате. В 1859 году с помощью Гон-

* Свидание (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

чарова Льховский определен был на корвет «Рында» и совершил на нем кругосветное путешествие. В Петербург Льховский возвратился в 1861 году (см.: Литературный архив, вып. 3, 1951, стр. 92 и сл.).

[3] С. А. Никитенко много трудилась над перепиской рукописей Гончарова и была полностью посвящена в творческую историю «Обрыва»; ср.: М. М. Стасюлевич и его современники, т. IV, СПб., 1912, стр. 8—9.

[4] Ср. письмо 6 и примечание 3 к нему.

8

4 Августа / 23 Июля <1860.>

Париж.

Paris! Oh, que c'est joli, que c'est magnifique! Cette belle France! que je suis content d'y être arrivé! ah! mesdemoiselles! pourquoi Vous n'y êtes pas toutes les deux!*,[1]

Я обещал написать Вам из Кёльна и обманул: но я никогда добровольно не обманываю никого вообще, тех же, кого не следует обманывать, в особенности. Я в Кельне не останавливался и на другой день вечером, как расстался с Вами т. е. вчера, был уже в Париже. Paris! Oh, que c'est beau, que c'est magnifique! ** Мы в вагоне всю ночь пробыли с тем бельгийцем, которого Вы видели, подружились с ним, три раза подкрепляли силы и всю ночь спали зверски, так что у меня бока перестали болеть. Я утром продолжал путь в Париж, хотел даже заехать в Брюссель, потому что с тем билетом, который взял, я имел право ехать целый месяц и заезжать даром в Брюссель, но не заехал. К нам сел Поляк, мы с ним тоже подружились, сели три француза — наконец в Париж приехал с молодым американцем, с которым очень подружились,[а] до того, что даже пожали при расставаньи друг другу руки и взяли один с другого слово приехать — он в Петербург, а я в Филадельфию. Я забыл сказать, что я подружился также и с тремя французами: у одного даже обещал купить пшеницы (он торгует ею), а у другого, у фабриканта из Литтиха, на обратном пути обещал заказать три охотничьих ружья и револьвер.

Mais fichtre! Comme c'est beau, Paris! *** Я приехал в отель в 9 часов и тотчас же занялся покупками: купил ко-

[а] *Далее зачеркнуто* даже

* Париж! О как он красив, как великолепен! О, прекрасная Франция! как я доволен, что приехал сюда!.. ах, барышни! почему Вас нет здесь обеих! (*франц.*). ** Париж! О, как это красиво, как великолепно! (*франц.*). *** Но чорт возьми! Как это красиво, Париж! (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

шелек, мыла и заказал бумагу с шифром: это стоит 8 франков однако. Зачем не было со мной отчаяннейшего шалунища?[2] Пироги так и зияли из окон на меня, конфекты, шекслад! Но увы! Я не нашел в своей отели ни прежнего хозяина, ни доброго буфетчика Шаррье, который на руках выносил меня из экипажа и который в прошлом году — больше нежели спас мне жизнь: — нашел квартиру за умеренную плату[а] в то время, когда не было возможности ее найти за огромные деньги — ничего нет, — я печально отошел от дверей и нанял напротив, в той же улице,[б] rue de Helder, hôtel Richemond. Меня поместили в отвратительную щель, где я провел ночь (впрочем спал отлично): я сегодня поднял на ноги весь дом, прибежала хозяйка, слуги, служанки и с триумфом перселили меня в две хорошенькие комнатки за 5 франков в сутки, окнами на дворик, заросший плющем, чистый, похожий на салон, потому что полы в нем из шлифованного камня, посредине стоит стол, диван и стулья — словом — je suis tout à fait à mon aise,* сижу за прехорошеньким бюро и пишу на измятой бумаге, которую взял с собой в карман, Вашими перьями — и к Вам: чего же мне больше? Но Вы видите, первые часы приезда сюда посвящены Вам т. е. дружбе. Лучше мне, я думаю, уже никогда не будет, как теперь и как было в Дрездене, с Вами: такого мирного, тихо-веселого, приятного образа жизни я давно не вел. Недоставало Александра Васил‹ьевича›, которого люблю от всей души, как старшего будто бы брата, и Казимиры Казимировны, которая с первого дня, как мы знакомились, и до последнего дня, на Плауэнской станции,[3] была одина‹ко›во добра и внимательна ко мне, хотя я однажды ей нагрубил за какую-то книгу. Недоставало мне еще в Дрездене более удобной квартиры т. е. не то что удобной, моя очень удобна — меня любят, угождают всячески, но не было уединения, где я мог бы работать. Еслиб к Дрезденскому житью — да возможность работать: тогда бы не надо и в Россию возвращаться. Знаете ли, что Вы необходимы мне для — всего вообще т. е. для приятного житья, а еще больше для работы; Вы, Софья Алекс‹андровна›, как-то подстрекали меня т. е. Вашим постоянным энергическим участьем к делу мысли и искусства — *Вы положительно заставляли и заставляете меня пристальнее думать о моей задаче.* Не будь Вас, я бы писал меньше и вялее. Еслиб Вы

[а] *В автографе описка* за умеренную комнату [б] *Далее зачеркнуто* hôtel

* Я чувствую себя совсем непринужденно (как дома) (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

и я жили не в Дрездене, а в С. Гоаре например, я уверен, что к концу лета я кончил бы вчерне весь роман и поймал бы Райского за хвост. Кажется, я немного уже ухватил его; я говорил Вам об этом, помните, по поводу Виельгорского.[4] Сейчас явился ко мне портной, с предложением услуг, приносили гнусных сигар.

Позвольте пока кончить и побежать на улицу: Париж зовет, требует, манит меня в свои объятия. Бульвары, avenues,* улицы, пассажи — стелются — как пути соблазна и порока передо мной, магазины зияют, готовые поглотить неосторожного; дружба, любовь — готовы и ждут на каждом перекрестке неопытного. Но... Но... не для меня все это: я — опытный Улисс и буду верен[а] своей Итаке, русским друзьям и Пенелопам. — Если успею, напишу из Парижа, не то так уже с места. — А Вы не забывайте меня, ни здесь, ни в России, если уже в Дрездене не увидимся — и что́ бы ни узнали, что́ бы ни услышали обо мне — верьте тому, как меня видели и знали сами и тому впечатлению, какое у Вас осталось обо мне — оно хорошо, это я видел, и я буду счастлив, если Вы сохраните его; с Вами я был вернее и искреннее, нежели когда-либо и с кем-либо. Но я постараюсь сократить пребывание и скорей в Дрезден. А теперь на улицу: Paris! Oh que c'est joli, que c'est magnifique! Cette belle France!**

До свидания. Ваш И. Гончаров.

Поцалуйте от меня Сашу и скажите, что кучера здесь еще не отвыкли говорить по французски,[5] по крайней мере тот, который вез меня вчера со станции очень порядочно говорит на этом языке: не знаю, как другие.

[1] Во французских фразах парижских писем №№ 8—13, повторяющихся в их тексте с легкими вариациями, подобно своеобразному припеву, Гончаров тонко пародирует наивные возгласы путешественников и путешественниц, впервые попавших в Париж. Что Гончаров издевается над штампованностью этих восклицаний, выбирая наиболее банальные и бессодержательные их образцы и постепенно усиливая их пошловатый мещанский колорит, видно, между прочим, из его дружеского упрека С. А. Никитенко в публикуемом ниже письме от 8/20 августа (№ 12): «Вы, кажется, мой восторг по поводу Парижа приняли au serieux? ‹всерьез›». С теми же сатирическими намерениями Гончаров пользуется здесь французским языком, близким к распространенному в те годы в России салонно-пошлому наречию, много раз осмеянному и в русской

[а] *Далее зачеркнуто* русским друзьям

* Авеню, большая улица (*франц.*). ** Париж! О, как он красив, как великолепен! О, прекрасная Франция! (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

литературе (см., например, в «Сенсациях и замечаниях г-жи де Курдюков дан л'Этранже» И. П. Мятлева: «Ком се бо, э ком се ду!» или «Есть с чего сойти с ума! Кель шарман панорама!»). В одном из писем к А. Г. Тройницкому из Парижа (1866), в ответ на упреки за «излишнее пристрастие» к этому городу, Гончаров писал: «Чтоб окончательно оправдаться в слабости к Парижу, скажу, что я так же провожу здесь время, как у себя в Моховой, — с тою только разницей, что в Моховой мне покойнее. Я никуда, кроме Тюльери и Champs Elisées (для моциона) не хожу и никого не вижу» («Вестник Европы», 1908, № 12, стр. 447).

[2] См. выше, примечание 10 к письму 1.

[3] Гончаров вспоминает совместный путь с А. В. Никитенко и его женой, Казимирой Казимировной, от Дрездена до Плауэна. А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Выехал в Киссинген вместе с женою. Гончаров ехал с нами до Плауэна, откуда направился в Мариенбад» (Записки и дневник, т. I, СПб., 1904, стр. 594).

[4] Сравнение Райского с известным русским музыкальным деятелем М. Ю. Вьельгорским мы находим в статье Гончарова «Лучше поздно, чем никогда» (И. А. Гончаров. Лутературно-критические статьи и письма, Гослитиздат, 1938, стр. 165—166).

[5] Саша — малолетний брат С. А. Никитенко (см. примечание 3 к письму 1). Возможно, что ирония, заключенная в этих словах, представляет собой отзвук басни А. П. Сумарокова «Французский язык», известной в то время по хрестоматиям.

У нас ребяток учат,
Наукой мучат;
А там
И не учася все умеют по Французски,
Как мы по Руски.

(А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, ч. VII, М., 1781, стр. 204).

9

Boulogne Sur mer,
9 Августа / 28 Июля, Четверг. ‹1860.›

Надеюсь, что Вы получили мое письмо из Парижа: ah, que c'est gentil, Paris! * Я покинул этот город «с винцом в груди», потому что встретил одного из братьев Боткиных,[1] самого доброго и простого, без претензий. Он объявил, что я приехал не в Париж, а к нему в гости, и в следствие этого начал выдумывать разные увеселения т. е. à peu près ** проделывал со мной почти тоже, что́ я проделывал с Сашей в Дрездене, только в больших размерах. Обеды в Champs Elysées (ah, que c'est charmant, Champs Elisées!),*** ипподром, цирк, Булоньский лес etc. etc. Я насилу уехал и вот теперь сижу у моря и

* Ах, как он мил, этот Париж (*франц.*). ** Приблизительно (*франц.*). *** Елисейские поля (ах, как они прелестны, эти Елисейские поля) (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

буквально жду погоды. Море ревет диким голосом в пятидесяти саженях от меня; англичане разговаривают со всех сторон еще дичее — и я не знаю только, достигнется ли цель моей поездки сюда т. е. буду ли я, и можно ли вообще купаться? Сыро, грязно, дождь лил все время; ждут перемены, барометр поднимается. Если это так продолжится с неделю, то Алекс‹андр› Вас‹ильевич› [2] вероятно не будет купаться. Ему с непривычки, просто невозможно.

Всякий раз, когда я подъезжаю к морю, особенно в портовом городе,[а] я всегда испытываю какую-то приятную, чудесную минуту. На меня, с воздухом моря, пахнет будто бы далью и поэзией прекрасных, теплых стран. Этому, конечно, теперь причиной воспоминание о тех местах, где я был,[3] но, я помню, что и прежде путешествия, я что-то в роде этого испытывал в Кронштате, даже на Неве, на английской набережной. Не прочила ли меня моя натура в моряки?

Я предвижу здесь ад и скуку великую, но постараюсь выдержать море, если оно — позволит: ведь оно сердито, вон как бешено кидается на берег и как будто кусает его, точно зверь «*белыми зубами*». Вот в этих-то зубах т. е. в прибое и надо купаться; то́ и нужно, будь лишь потеплее!

Боткин звал меня в Швейцарию недели на три, но я не хотел изменить морю, да и тоска самому упражняться в укладывании чемодана: всякая Швейцария бледнеет для меня, когда я, как например, вчера в Париже, собственноручно тискал сапоги, рубашки и проч., кляня путешествия и всех тех, кто их выдумал.

Дорогой сюда я очень подружился с одним французом, живущим на даче, близ Булони. «Nous sommes en retard d'une demiheure, говорил он беспокоясь: ma femme, qui m'attend à la gare, sera furieuse: oh, elle sera furieuse, elle, qui aime tant son cheval, — et le cheval sera mouillé — je voudrais plutôt qu'elle ne m'ait attendu. Tenez, la voici, говорил он, подъезжая — elle est déjà furieuse — ah, si Vous saviez...» * ушел с трепетом к жене. Вот кого боится!

Напишите же мне сюда, Boulogne sur mer, France poste restante ** и если можно поскорее.

[а] *Было* городке

* «Мы опаздываем на полчаса, — говорил он беспокоясь: моя жена, ожидающая меня на вокзале, будет в неистовстве: о! она будет в неистовстве, она, столь любящая свою лошадь; — а лошадь будет в поту — я бы больше хотел, чтобы она меня не ждала. Смотрите, вот она! — говорил он, подъезжая, — она уже в неистовстве — ах, если бы Вы знали...» (*франц.*). ** Франция, Булонь, до востребования (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

Потрудитесь уведомить, где Ваши, что́ делают и что́ намерены делать еще? Куда ехать, где быть? Скажите, что́ Вы сами? Купаетесь ли Вы, Екатерина Александровна? Чем Вы занимаетесь, Софья Александровна: пишете ли, переводите ли? Я ничего не делаю и не могу делать — потому что много развлечений. Мне нужно совершенное, Мариенбадское уединение, что бы никого и ничего не было около меня. Если я соскучусь здесь, я уеду, но во всяком случае, за свои тетради не примусь; это я чувствую, потому что бесполезно приниматься: не думаешь о-чем нужно думать, не углубляешься в свое дело; нет возможности сосредоточиться. Я сделал большую ошибку, что поселился около моря — оно очень шумит, а мне нужна тишина. Боже мой! Неужели нельзя найти хорошенького уединенного угла! Брошу все, да и махну в Россию, но через Дрезден. Напишите сюда: письмо еще застанет, если бы даже я и собрался.

Кланяюсь Вам умилительно. Ваш покорнейший слуга

И. Гончаров.

Видел я в Париже наконец Наполеона, этот, пока[a] все еще модный предмет во Франции;[4] видел и нашего Юпитера, олимпийца Т‹ургенева›: oh, qu'il était magnifique, celui-là; oh, qu'il est beau — comme il porte majestueusement sa belle tête! oh, est-il grand, est-il superbe, ce premier poète de la Russie! * Он меня не видал, а я издали видел его величественно протекающего по бульвару.[5]

А знаете ли, как мне опротивело все чужое: я с какой-то враждой смотрю на иностранцев и их нравы, обычаи. Французы особенно претят мне своими претензиями, то наглостью без конца, то приторной сладостью. Всех бы утопить, как щенят; да уж и немцев кстати! Пожалуй, я и Англичан не пожалею.

Потрудитесь прилагаемую записочку передать хозяину франкфуртской отели, М-г. Пецольду. Если найдете письма на почте на мое имя, потрудитесь переслать их сюда.

[1] «С винцом в груди» — каламбурное использование строки Лермонтова из его стихотворения «Сон»

[a] *Далее зачеркнуто:* еще

* О, сколь он был великолепен, этот человек, о, сколь он красив как величественно носит он свою красивую голову! о, как он велик и горд ‹надменен, высокомерен›, этот первый поэт России (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я.

Гончаров несомненно говорит о встрече с Николаем Петровичем Боткиным (1813—1869), с которым он находился в приятельских отношениях. Письма к нему Гончарова 1861—1862 годов напечатаны Н. Поздняковым в «Голосе минувшего», 1919, № 1—4, стр. 236—238; в одном из этих писем (Берлин, 18 сентября 1861 года) Гончаров вспоминает о совместной с Н. П. Боткиным жизни в Париже. Н. П. Боткин близко знал многих русских писателей — Белинского, Гоголя, Некрасова (посвятившего ему стихотворение «Праздник жизни, молодости годы...»). См. о нем: Гоголь. Записка к Н. П. Боткину. С объяснениями Б. Модзалевского — в книге: Радуга. Альманах Пушкинского Дома, П., 1922, стр. 126—135.

[2] А. В. Никитенко.

[3] См. «Фрегат Паллада».

[4] Императором Франции Наполеон III был провозглашен 2 декабря 1852 года. В первый период существования империи, когда вся ее политика велась в интересах крупной буржуазии, Наполеон III, поощрявший беззастенчивое и наглое обогащение буржуазии, действительно был ее «кумиром». К. Маркс в своей известной характеристике французской империи этого периода писал: «Весь мир приветствовал империю как спасительницу общества. Под ее господством буржуазное общество, освобожденное от политических забот, достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах; биржевая спекуляция праздновала свои космополитические оргии; нищета масс резко выступала рядом с нахальным блеском беспутной роскоши, нажитой надувательством и преступлением. Государственная власть, которая, казалось, высоко парит над обществом, была в действительности самым вопиющим скандалом этого общества, рассадником всяческой мерзости» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 312).

[5] Слова о Тургеневе полны злой иронии; еще слишком свежи были воспоминания Гончарова о ссоре его с Тургеневым и третейском суде, состоявшемся в конце марта этого же года (см. выше, примечание 2 к письму 6).

10

Булонь, $\frac{\text{12 Августа}}{\text{31 Июля}}$ ‹1860.›

Воскресенье.

Десять часов вечера: все уже спит, только океан, я, да dame du comptoir * бодрствуем. Я еще не получил от Вас письма, mesdemoiselles,** и не ходил на почту справляться, полагая, что письмо мое, или, лучше сказать, два письма, одно из Парижа, другое из Булони — только что дошли до

* Конторщица (дежурная по гостинице) (*франц.*). ** Барышни (*франц.*)

lib.pushkinskijdom.ru

Ваших рук и отвечать Вы не успели. Но не дожидаясь ответа, по случаю совершенной праздности, пишу опять, между прочим и за тем, чтоб попросить Вас ответить на это письмо, вскоре по получении, и затем подождать, или адресовать письмо Paris, poste-restante,* ибо я придумал очень остроумный способ сократить свое пребывание здесь и вместо трех, пробыть две недели. Предписывают обыкновенно 21 ванну: это полное число: чтó или ктó же помешает мне, вместо одной, брать по две ванны в день? Я взял три, сегодня четвертая, а дней через семь т. е. теперь через четыре, начну купаться утром и вечером. Вода холодновата и я, более пяти минут, не остаюсь в ней. Сегодня такие валы обрушивались на мою плешивую голову, что я сваливался с ног, несмотря на всевозможные усилия побороться с белоголовым богатырем. Англичанки толпой плещутся в десяти шагах от меня, конечно в костюмах, а потом распустив косы, бодро идут по набережной и переменив туалет скачут верхом по plage ** во всю мочь. Как они хороши! Здесь французов почти нет, все англичане и англичанки. Я решительно хочу предложить руку и сердце — любой, все прекрасны, одна лучше другой. Божественная кондитерша, Испанка — все это прачки, недостойные служить этим леди! А за обедом — чтó они поедают, Софья Александровна, так мы с Сашей просто бабочки. Ces gaillardes ne font pas la petite bouche *** и я не видал, чтоб одна из них пропустила хоть одно блюдо из двенадцати! Одна напротив меня садится за table d'hôte **** и клонит по кошачьи головку то направо, то налево, ротик у ней сердечком, манеры такие мягкие, она не берет ножа или вилки целой рукой, а двумя пальчиками, сгибая грациозно мизинец в кольцо, а — сама просто жрет, так что ваш Федор Карлыч со стыдом бежал бы с поля этого сражения.

Я не знаю, не ограничится ли Ваш родитель Швейцарией: потому что, я знаю, если он приедет на морской берег, да узрит море, яростно скачущее на скалы, да услышит этот рев, он в воду ни за что не пойдет, хотя именно в этих бешеных валунах и кроется та сила и крепость, которую почерпает слабый, больной человек. Одна жидовка, торгующая здесь перчатками и страстно в меня прошлый год влюбившаяся, нашла, что я постарел и стал гадкий, vilain,***** когда

---

* Париж, до востребования (*франц.*). ** Взморье, побережье (*франц.*). *** Эти бабенки не привередничают (*франц.*). **** Табльдот (обеденный стол) (*франц.*). ***** Гадкий, противный (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

я приехал, а теперь, после третьей ванны, предлагает мне опять руку и сердце. Вот оно что делает, море-то!

Тетради я Ваши прочел вчера: все отлично переписано,[1] только Вы, Екатерина Александровна, так крепко и далеко зашили тетрадь, что все окончания строк оказались зашитыми в средину; но это не беда: я знаю, что́ там. Я начал было писать, да не пишется, во 1-х, еще не обдумал Маркушку,[2] во 2-х, не могу сосредоточиться, очень шумно вокруг; я же попал в аристократическую и дорогую гостиницу, где много народу, где все ковры да бархат, так что ни плюнуть нельзя, ни чернил пролить, ни пепел сбросить с сигары на пол: а это мне мат!

Где Ваши? Подайте мне скорее Ваших! Я рискую здесь забыть по русски, потому что ни одного русского, кроме меня нет и никто конечно не приедет. Теплее погоды ждать нельзя, а сезон купанья идет к концу. Давича льет дождь, с океана ревет такой свеженький ветер: морщишься, а лезешь в воду. Нет, родитель Ваш не полезет в воду, хотя она не холодна, да он такой, бог с ним, привередливый. Сегодня рыжий, прерыжий англичанин заговорил со мной за обедом по английски, я отговаривался, что не говорю, но он не поверил, потому что я отговаривался по английски; наконец мы сказали друг другу что-то непонятное и расстались.[3]

На это письмо Вы — ежели будете добры, ответьте сюда, а потом погодите. Кланяйтесь шалунищу. — Скорей бы в Париж! ah, Paris! c'est un vrai paradis: comme on y mange bien! * И здесь не худо, только поздно: в 6 часов.

Прощайте — Ваш И. Гончаров.

Если бы паче чаяния, Ваши собрались ехать в Булонь, то напишите им, что я живу здесь в grand hôtel du pavillon impérial, номер комнаты 33. А то здесь трудно встретиться.

[1] С. А. Никитенко переписывала рукописи романа Гончарова «Обрыв»; в этом помогала ей и ее сестра, Екатерина Александровна. Гончаров упоминает об этом в письме к А. В. Никитенко от 18/30 июля 1860 года: «Обе барышни облагодетельствовали меня, переписав написанное мною в Мариенбаде, а я взял, да употребил их доброту во зло, написав еще тетрадку уже здесь; они взяли на себя и ту перебелить. Затрудняюсь благодарить их и за это и за всегда ласковый, как к брату, прием и за всю их дружбу, которую Вы, должно быть, оба передали им» («Русская старина», 1914, № 2, стр. 418).

[2] Марк Волохов (в романе «Обрыв»); ср. ниже, письмо 11.

* Ах, Париж! это настоящий рай: как там хорошо кушают! (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

[3] Впоследствии, в письме к А. Г. Тройницкому из той же Булони (12/24 августа 1866 года), рассказывая о своем времяпрепровождении в обществе англичанок, Гончаров также писал: «Прекрасные, в полном смысле, лэди... Я однако же избегаю их — по весьма простой причине: потому что потерял и ту маленькую привычку болтать по-английски, которую имел, а они не ладят с французским и еще менее с немецким языком» («Вестник Европы», 1908, № 12, стр. 448).

11

$\frac{6}{18}$ Августа, 1860.
Boulogne Sur mer.

Mesdames! * Полно Вам все бранить меня! И Вы, кроткая Екатерина Александровна, тоже упрекаете за лень, хотя Вы браните и за дело — отчасти, но будьте же и снисходительны ко мне, старику! Помните, что я не молод, что есть у меня и недуги: еще не решено, ленюсь ли я из любви к лени, или напротив неправильное обращение крови, приливы ее, наконец лимфатическое, тучное, завещанное мне родителями сложение производят лень? А скука? И ее происхождение не кроется ли в обстоятельствах всей жизни? Да мало ли что можно сказать в свою защиту и в защиту не-писания романа? А роман не пишется. Я набросал было маленькую главу о Марфиньке и даже был доволен ею, а потом увидел, что это вздор, что к Маркушке и приступить не умею, не знаю, что́ из него должно выйти,[1] да и самого героя не поймал нисколько за хвост, что, наконец, все это требует зрелой обдуманности и неторопливости. От этого я и не сержусь на свое бездействие, в надежде на лучшую отделку впереди. Но не скрою, что иногда меня берет и отчаяние, что я не справлюсь с героем, что я взял на себя непреодолимую задачу и мне хочется бросить все и отстать. Вот дня три, как я ничего не пишу, садился всякий раз с утра и ничего не выходило. Вы справедливо упрекаете меня за привередничанье, хотя оно очень естественно. Ваше расположение духа, большая или меньшая ясность головы зависят иногда от мелочей: например, понятно, отчего я охотно пишу в Мариенбаде: там вода волнует, там диета, там совершенное уединение, тень и взгляд из окошка тонет в зелени; там я как дома и располагаю свои тетради на месяц и более. А в Дрездене, согласитесь, живешь летом

* Сударыни (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

в душной улице, в трактире, при стуке и треске: можно ли думать о поэзии? Здесь ей раздолье: но опять таки в трактире, где ежеминутное va et vient * долетает до Вашего слуха, вместе с ревом океана — что же мудреного, что я замечтал о каком-нибудь затишье, о месте злачном и покойном, где ни стона морского, ни печалей житейских! Это бы все ничего, все можно преодолеть: есть препятствия важнее и неодолимее: это то равнодушие ко всему и ко всем на свете, которое дают лета, и лета не молодые, как мои (летá — c'est moi **), а еще более лет — это анализ, разъедающий все как уксус. Признаюсь, когда я загляну себе в душу, то не умею представить себе, как я буду жить еще дольше. От этого мне подчас, по крайней мере мысленно, бывает все равно,[а] успею ли я, или нет, выйдет ли что-нибудь из моего труда, или ничего не выйдет; есть у меня упорство в характере, вот я и хочу окончить,[б] для очищения как будто совести. С *летами* и с *опытом* мне даже стало все равно, что у меня нет друзей, нет симпатий, что никто не любит меня. Вот теперь и побраните меня, если поворотится язык! За что? Что я равнодушен, апатичен «с тусклым взглядом»? Да разве я хотел и хочу этого, разве я нарочно? А зато — дескать, что жил не так, что эта апатия — есть следствие беспорядочной, глупой жизни и т. д. Ну, пусть бранят за прошлое — только к чему это поведет? полезно ли?

Довольно. Больше не будет Вам труда переписывать мои листы. В Париж, да, в Париж спешу: ah Paris! Comme on s'amuse là-bas! Comme on y mange bien! *** Пишите Вашим, чтобы торопились сюда, несмотря на погоду! Вода в море тепла и от морских купаний не простуживаются, примеров не бывает! Я бы с папашей Вашим сам ходил в море и помогал бы бороться с валами!

Я встретил здесь Я. К. Грота: знаете ли вы его? Это очень добрый, честный, неглупый, но совершенно мертвый человек и вместе профессор словесности в лицее и бывший чем-то при Наследнике.[2] Я переехал из великолепной гостиницы в english boarding house или chambre garnies,**** где *за 45 франков*

[а] *Далее зачеркнуто* что то и [б] *Далее зачеркнуто* чтоб

* Туда и сюда (*франц.*). ** *Гончаров каламбурно пользуется знаменитым выражением Людовика XIV: «L'état c'est moi» (Государство — это я).* *** О, Париж! Как там веселятся! Как там хорошо кушают! (*франц.*). **** В английские меблированные комнаты (*англ. и франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

в неделю получаю комнату, два чая и два обеда в день (один в час, а другой в 6 часов). С этим Гротом мы гуляем вместе, купаемся, обедаем — разумеется, молча. Только сегодня он ворчал, идучи купаться, что холодно, а выкупавшись, нашел, что вода тепла. Он во всем и со всем соглашается: куда ни позовешь, что́ ни скажешь, со всем согласен; даже сегодня, по моему приглашению, поел устриц, которых не ест. Погода здесь дождлива, но мягкая и для купанья превосходная. Было здесь два жарких дня, море было совершенно тихо и купанье ничтожно, почти бесполезно.

Если Ваши собираются сюда, то я прожил бы с ними несколько дней лишних, но пора; позже будет холодно. Напишите им мой адрес, чтоб они могли тотчас найти меня по приезде: rue tant-perd-tant-paie * (не подумайте, что я шучу), № 59, boarding house — нумер комнаты 6. Пусть даже едут прямо сюда: дешевле и удобнее квартиры не найдут.

Если они не будут, я пробуду еще здесь десять дней, чтоб вышло 20 ванн: это полный курс. На это письмо Вы можете отвечать сюда, если Ваши поедут в Булонь, а если нет, то напишите в Париж.[а] Там я пробуду не более четырех или пяти дней — в Париж: Paris, rue de Richelieu, 22, A madame Maujée pour remettre à M-r Gontcharov.** Эта Можэ знает меня, я у ней часто бываю, заказываю белье, а может быть[б] и остановлюсь в том же доме: там есть маленький отель. На почту итти далеко.

Прощайте, ревет буря и дождь хлещет. Что́ шалунище?[3]

Ваш И. Гончаров.

[1] Речь идет о будущем романе «Обрыв». «Маркушка» — Марк Волохов.

[2] Грот Яков Карлович (1812—1893) — с 1853 года был профессором русской словесности в Александровском лицее; в течение нескольких лет он преподавал русский язык и литературу наследнику (умершему в 1865 году) и великим князьям; покинув службу при дворе в 1859 году, Я. К. Грот посвятил себя ученой и академической деятельности (с 1858 года он состоял ординарным академиком по отделению русского языка и словесности). С конца мая по конец августа 1860 года Я. К. Грот находился в заграничной командировке (К. Я. Грот. Материалы для жизнеописания академика Я. К Грота. Хронологический обзор его жизни и деятельности, СПб., 1912, стр. 27). О встрече с Гротом

[а] *Было* то напишите Paris, poste restante [б] *Далее зачеркнуто* у ней

* Улица Тан пер тан пэ, *название которой обратило внимание Гончарова (в переводе означает «столько теряет, сколько платит»).*
** Париж, улица Ришельё, 22, М-м Можe для передачи г. Гончарову *(франц.).*

lib.pushkinskijdom.ru

в Булони упоминает также А. В. Никитенко (Записки и дневник, т. I, СПб., 1904, стр. 607). Из позднейшего письма Гончарова к А. В. Никитенко (от 27 августа/8 сентября 1860 года видно, что обратный путь на родину от Парижа до Дрездена он также совершил в сообществе с Я. К. Гротом («Русская старина», 1914, № 2, стр. 419—420). Мимолетная встреча Гончарова с Гротом состоялась в Дрездене также в следующем, 1861 году (там же, стр. 423). С Я. К. Гротом Гончарову неоднократно приходилось встречаться и впоследствии, в частности, в комитете Литературного фонда, в комиссии по присуждению пушкинских премий (см.: Отчет о первом присуждении Пушкинской премии, составленный Я. К. Гротом, СПб., 1882) и т. д., однако близости между ними никогда не было. Сохранилось три письма Гончарова к Я. К. Гроту; одно из них (от 1 октября 1882 года) опубликовано Б. М. Энгельгардтом в книге: И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома, П., 1923, стр. 97—98; два других (от 27 января и 8 мая 1881 года) адресованы к Я. К. Гроту, как к председателю Комитета по сооружению памятника А. С. Пушкину, и посвящены участию Гончарова в обсуждении вопроса «о способе употребления оставшейся от памятника суммы» (ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, № 93).

[3] См. примечание 10 к письму 1.

12

Булонь $\frac{8}{20}$ Августа. ‹1860.›

Вчера я только что отослал письмо к Вам, mesdames,* а сегодня получил еще от Вас два и спешу коротенько отвечать на них. Боже сохрани Вас, Софья Александровна, от нездоровья: не нервы ли Ваша malaise? ** Вот бы в море Вам хорошо. Берегитесь дождя и ветра, а звезды не бойтесь, не упадет, если только это Юпитер. Вы меня обрадовали известием о намерении Ваших ехать сюда: море великолепно, вчера была ужаснейшая погода, а до этого и после этого прекрасно, ясно, хотя и не совсем тихо. Да совсем тихо редко бывает на океане. Я боюсь, что Алекс‹андр› Вас‹ильевич› начнет привередничать и пожалуй не пойдет в воду, убоясь ветра или пенистых валов. А этот холодок, эта свежесть и полезна: море без валов мало приносит добра. Надо решиться ему один раз выкупаться, а потом он уже и сам попросится. Сегодня я взял 12-ю ванну, мне остается еще 9, но я несколько дней пробуду с Вашими, если они приедут. А если долго не будут, то 17-го числа удеру в Париж: (ah, Paris! comme c'est gentil! cette belle France! Paris, où on s'amuse si bien, où l'on mange delicieusment!***) так чтоб 25-го быть в Дрез-

* Сударыни (*франц.*). ** Недомогание (*франц.*). *** **Ах, Париж! как это мило! эта прекрасная Франция! Париж, где так хорошо веселятся, где так восхитительно кушают! (*франц.*).**

lib.pushkinskijdom.ru

дене. Но пора бы им давно ехать:[1] через две недели будет холодно. Теперь настоящая пора, и последняя пора купанья.

Вы все браните меня за лень: браните, только не за это; я не ленюсь. Но действительно нужное уединение, и притом нескучное, а приятное — иначе развлекаешься. Булонь — город большой: Англичане и леди их, французы и дамы их — толпами ходят по улицам; говор, шум, смех, красота и изящество лиц, нарядов, перетасовка двух наций,[а] корабли и вечно плещущий океан: трудно при всем этом запереться в комнату! А тут еще — то имянины Наполеона, народный праздник, пестрая веселая толпа, иллюминация, общественные игры в саду, фейерверк, то régates (морские гонки), на которые приехало множество народа из Парижа и Англии. Как устоять, не выйти, не посмотреть, не вмешаться в эту толпу! Чуждаться так жизни и ее движения, ведь этак романа никакого не напишешь, а содержание романа, вы знаете, почерпается из самой жизни. Но и то я запираюсь, и если иногда дезертирую из-за работы, так потому что нечего писать т. е. не знаю, что именно, как писать, как, например, став теперь в тупик над новым лицом.

Звонили к обеду: прибавить мне, после вчерашнего, нечего: разве что нынче рано утром идучи по узенькой, пустой улице — я вдруг увидел, что на встречу мне идет... слон! идет себе, да понюхивает двери, окна домов, и один. Я остановился, не зная, итти ли мне дальше: что́ за чудо! О слонах в здешней стороне не слыхивал: но вскоре на маленькой лошадке показался проводник — он ехал сюда, чтобы купать слона в море. Слон этот — актер недавно приехавшего сюда из Англии цирка.

Вы, кажется, мой восторг по поводу Парижа приняли au[б] serieux? *

Не знаю теперь, куда вы мне напишете: дней через девять я уеду, если Ваши не будут сюда, а если будут, то немного побуду с ними:[в] так и расположите Вашим ответом.

Можно писать в Париж: Rue de Richelieu, 22, A Madame Maujée pour remettre à M-r Gontcharow.** Это верно, если только я не подговорю папашу ехать через Брюссель.

[а] *Далее зачеркнуто* морские‹?› [б] *Далее зачеркнуто* auf [в] *Далее зачеркнуто* тогда

* Всерьез (*франц.*). ** Улица Ришелье, 22, М-м Можe для передачи г. Гончарову (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

Да нет: что́ за Брюссель! То ли дело Париж: Paris, ce beau Paris! oh, quel bonheuer d'y être: on s'amuse là, oh, comme on s'amuse! *

Саше кланяюсь: в Дрездене уже верховой езды не будет — о горе нам: в Париже все до копейки истрачу — oh, Paris!

Весь Ваш

И. Гончаров

Благодарю Вас за дружеское подстреканье. Отвечайте поскорее — еще успеете.

Сегодня я заходил в прежнюю свою гостиницу и дал нынешний адрес (rue tant-perd-tant-paie,[а] № 59) на случай, еслиб Ваши туда приехали. Им бы тоже здесь остановиться: дешево, просто и недалеко. О России ничего не знаю, кроме того, что и там начинаются холода. Мне пишет только племянник.[2]

[1] А. В. и К. К. Никитенко приехали в Булонь 13/25 августа 1860 года; см. ниже, письмо 13.

[2] Племянник — Виктор Михайлович Кирмалов (ум. в 1912 г.) — сын сестры Гончарова, Александры Александровны. «К Виктору Михайловичу и к его жене, Дарье Леонтьевне, писатель проявлял самую трогательную заботливость, поддерживая с ними переписку до конца своей жизни» (М. Ф. Суперанский. Каталог выставки в память И. А. Гончарова в Симбирске, 1912, стр. 10). В одном из писем начала 60-х годов к сестре Гончаров писал о В. М. Кирмалове: «Судьба назначила мне *роль выколотить из него бабушкино баловство:* я прочел ему (Виктору Михайловичу) *полный курс жизни,* теперь уж он далеко не то, что́ был, а будет еще лучше» (М. Ф. Суперанский. И. А. Гончаров и новые материалы для его биографии. «Вестник Европы», 1908, № 12, стр. 427). В Петербург, к Гончарову, для поступления на службу Виктор Кирмалов приехал еще в августе 1858 года и получил здесь вскоре незначительную должность в канцелярии сената (Литературный архив, вып. 3, 1951, стр. 138, 142, 149; «Вестник Европы», 1908, № 12, стр. 422). Другой племянник Гончарова, А. Н. Гончаров (сын его брата Николая Александровича), оставивший воспоминания о своем дяде, утверждал, что Марк Волохов списан главным образом с Владимира Михайловича Кирмалова («Вестник Европы», № 11, стр. 33—34), брата Виктора Михайловича. Это указание не является вполне достоверным и бесспорным, поскольку Гончаров требовал от писателя «исключить все личное, все портреты, заменив их типами» (И. А. Гончаров в неизданных письмах к графу П. А. Валуеву. 1877—1882, СПб., 1906, стр. 47), и, как известно, сам придерживался этого правила; тем не менее в личности Вл. М. Кирмалова были, повидимому, некоторые черты, которыми Гончаров мог воспользоваться, создавая образ Марка Волохова в «Обрыве» (о прото-

[а] *Далее зачеркнуто* на случай

* Париж, этот красивый Париж! о, какое счастье там находиться; там веселятся, о, как там веселятся!

lib.pushkinskijdom.ru

типах Марка см.: П. Бейсов. Гончаров и родной край, Ульяновск, 1951, стр. 30—31). В дополнение к тем сведениям о Вл. М. Кирмалове, какие были сообщены в воспоминаниях о Гончарове А. Н. Гончарова и напечатаны М. Ф. Суперанским («Вестник Европы», 1908, № 11, стр. 33—34), можем привести более подробную его характеристику из неопубликованного письма А. Н. Гончарова к М. М. Стасюлевичу от 26 октября/4 ноября 1891 года (ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 453): «И. А. ‹Гончаров› срисовывал портрет Марка Волохова с Владимира Михайловича Кирмалова... Этот Кирмалов кончил курс в Московском университете в 1860-м году, жил в Симбирске в доме Музалевской ‹сестры И. А. Гончарова, Анны Александровны›, ожидая какого то назначения. Жил он собственно не в самом доме, а во флигеле, прислуживала ему его старая няня Анна Ивановна; спал он не всегда у себя на кровати, а выбирал местом отдыха то сеновал, то какое нибудь место в саду под березой, пел он превосходно русские песни и обладал необыкновенным талантом рисовать каррикатуры. С нянюшкой проводил он целые часы, читал ей книги, объяснял ей гнусность помещичьего существования и старался ей выяснить das Wesen des Christentums ‹сущность христианства, — заглавие книги Л. Фейербаха› и излишество поклонения иконам, которые он называл размалеванными досками... Кирмалов проповедывал знакомым и незнакомым, гимназистам и институткам, заезжим помещикам и приезжим больным дяди Музалевского „Силу и материю“ Бюхнера, объяснял и популяризировал сотворение земли по Карлу Фогту и восхвалял Молешотта. Для более податливых и надежных людей у него были на готове, ad magnam gloriam Herlzeni ‹к вящшей славе Герцена›, целые цитаты и столбцы из „Колокола“, „Полярной звезды“ и стихотворения Огарева и Рылеева. В минуты пафоса Кирмалов восхвалял тетушке и своей матери доблести и гражданскую добродетель Пугачева и Стеньки Разина. Тетушка и мать смотрели на него, как на блудного сына, и для исправления его собирались пожаловаться Предводителю Дворянства, Губернатору и, кажется, Архиерею».

13

Булонь. 14/26 Августа. ‹1860.›

Воскресенье.

Вчера я решил, что Ваши должны быть в Булонь, а если не будут, то значит вовсе не приедут, и в следствие этого пошел по дебаркадеру: машина пришла и родители Ваши пали в наши, с Яковом Карлычем, объятия.[1] Ал‹ександр› Вас‹ильевич› как будто немного похудел, что́ естественно после вод, а Казимира Казимир‹овна› более молодцом, нежели он. Но он очень смирен, ясен и доволен, кажется, всем что́ было и что́ есть, но беспокоится и скорбит о Вас, о Вашем здоровье, сокрушается, что Вы там не были, где он и т. д. Я повел его и представил океану, но было уже темно и он слышал только гул. А сегодня будет он поведен и ввергнут мною собственноручно в эту овчую купель.

lib.pushkinskijdom.ru

Я полагаю остаться здесь несколько дней лишних, а потом уеду дня на три в Париж (ce beau Paris, ah! France! *), после в Дрезден. Может быть, если Алекс‹андр› Вас‹ильевич› найдет воду и воздух слишком для себя свежим (не надо забывать, что он вовсе не привык к воде) и не станет купаться, тогда мы вероятно приедем вместе. Мне долго оставаться во Франции (cette belle France, où l'on mange si bien **) нельзя, боюсь, чтоб денег хватило; надо помышлять о возвращении домой. Ах — домой: сердце замирает, когда подумаю, что надо ехать домой, где у меня нет никакого дома, и никого, кто бы мне был нужен, и еще менее, кому я был нужен. А надо ехать: зачем бы кажется? Все от гнусных денег, без которых нет ни жизни, ни природы, ни счастья, ни поэзии! [а] Без них могут быть только бедность, всякие пороки, или такие высокие, нечеловеческие добродетели, от которых мороз подирает по коже: те, пожалуй, можно иметь даром, например, удалиться в пустыню, не есть, не пить, спать на каменьях и вести проч. т. п., ныне неупотребительный образ жизни.

Я забыл сказать, что я повел Ваших (тут счетом 25 шагов, потому и *повел*) в свое жилище, в коем через $^1/_4$ часа и они были водворены, в 2-х маленьких комнатах, с кофеем и чаем по 2 раза в день, с завтраком и с обедом из 8 блюд, все это рубля по полтора серебр. в сутки с человека, и еще немного менее. Сейчас зазвонят к завтраку и потому я кончу, тем более, что родители Ваши собираются писать к Вам. Жаль, если Алекс‹андр› Вас‹ильевич› не станет купаться: оно бы, кажется, помогло; но я настаивать не стану, боюсь: простудится, я буду в ответе. Погода же скверная: вчера только, верно для их приезда, был ясный и теплый день! А нынче опять нет солнца. После завтрака поведу их заняться покупками, а в 4 часа по полудни — пойдем к морю.

Как они хорошо сделали, что приехали сюда и как жаль, что вас нет здесь. Булонь — живой, портовый, очень оживленный и многолюдный город, притом город английский, так что, не выезжая отсюда, можно получить образчик понятия об Англии. Притом море, скалы, здоровый воздух, но нынешний год — скверная погода.

Если б Вам благоугодно было ответить мне, Вы бы успели написать сюда. Я пока побуду здесь, а на днях буду писать

[а] *Далее зачеркнуто несколько слов.*

* О, этот красивый Париж, ах, Франция! (*франц.*). ** Эта прекрасная Франция, где так хорошо кушают (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

в Варшаву о месте в malleposte.* Мы толковали так с Ал‹ексан›дром Вас‹ильевичем›, что нельзя ли вам ехать всем вместе, кроме его, а он в другом malleposte, чтоб не теснить Вас — поехал бы со мной.[2] Впрочем не знаю еще, как это устроится.

Ну, до свидания — mesdames ** спешу к завтраку и потом гулять. Согласитесь, что теперь уж не до романа: вчера еще я коверкал какую-то уродливую сцену и возился с характером, который не покоряется, но теперь это все надо оставить.

Всегда и всюду Ваш

И. Гончаров

Мне теперь здесь гораздо веселее и даже Яков Карлыч как будто немного окрасился в другую краску, поживее.

Что шалунище? Скажите ему, что сегодня хочу ехать верхом, — и что в Дрездене в таком только случае пойду в манеж, когда[а] Вы им будете довольны.[3]

[1] Яков Карлович — Грот (см. о нем выше, в примечании 2 к письму 11). Подробно рассказывается об этой встрече также в дневнике А. В. Никитенко. В записи от 13/25 августа 1860 года мы читаем: «В Булонь мы прибыли в пять часов. На станции железной дороги нас очень радушно встретили И. А. Гончаров и Я. К. Грот. Они вместе с нами отправились в отель, где квартируют. Мы тоже там поместились в двух небольших комнатках» (А. В. Никитенко. Записки в дневник, т. I, СПб., 1904, стр. 607). На другой день, т. е. в день, когда было написано публикуемое письмо Гончарова, Никитенко отметил в дневнике: «14(26) ‹августа 1860 года›. *Воскресенье*. Дождь. Тем не менее мы вместе с Гончаровым и Гротом отправились к океану. Это достойное дополнение к Альпам. Я, таким образом, видел два могущественнейшие создания природы... И. А. Гончаров взял на себя в Булони, которая ему уже издавна знакома, роль церемониймейстера по отношению ко мне. Он свел меня к океану и, как сам выражается, «представил ему». Он же руководил мною в устройстве дел моего купанья и рекомендовал мне своего собственного купальщика: это бравый, сильный молодец по имени Паранти. После мы все с тем же Гончаровым бродили по городу — старинному, с узкими улицами и высокими домами. Были в крепости и на крепостных бульварах, откуда широкий вид на заречную часть города и на океан» (там же, стр. 607).

[2] В Варшаве находилась контора «Мальпостного движения между Варшавой и Петербургом» (см.: Литературный архив, вып. 3, 1951, стр. 165). В Петербург Гончаров вернулся 26 сентября 1860 года (там же, стр. 164).

[3] Ср. примечание 10 к письму 1.

[а] *Далее зачеркнуто* он

* Мальпост, дилижанс, почтовая карета (*франц.*). ** Сударыни (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

14

Булонь, $\frac{16}{28}$ Августа ‹1860.›

Вторник.

Сию минуту мы, целой колонией т. е. Ваши родители, Грот и я, ходили гулять и зашли на почту, где и нашли Ваши письма т. е. к ним и ко мне. Письмо Ваше, Софья Александровна, навело меня и на серьезные мысли и рассмешило. Рассмешило теми противоречиями, которые Вы так мастерски извлекли, сгруппировали и так беспощадно поставили передо мной, как в зеркале. Эта часть письма Вашего (две первые страницы) так увлекательны, что я взял смелость прочесть несколько строк Александру Вас‹ильевичу› и это сделало на него чрезвычайно приятное впечатление. Здесь кстати замечу, что из нескольких его слов, сказанных при этом случае, я увидел, что Вы, несмотря на Вашу скрытность, не скрылись от его зоркости: он Вас понимает более, нежели Вы думаете.[а] Оказывается, что он верит в Ваши способности и силы ума и характера и что как будто ожидает, по Вашей натуре, что Ваше назначение будет соответствовать Вашим дарованиям и что Вы его исполните.[б] Нельзя жать, не дождавшись, чтобы зной[в] коснулся колосьев, чтобы они налились, созрели; а ведь они иногда очень рано поднимутся высоко, но в зернах еще соку нет. Опыт и жизнь — укажут Вам, как распорядиться с тем, что́ Вы теперь соберете. Собирайте, не уставайте, но не забывайте... Прежде напомню Вам совет, который Вы часто повторяли: «не забывайте, что мы люди». Не забывайте же и Вы хоть иногда, что Вы принадлежите (простите) к классу... животных. «Спасибо ей, говорил сегодня Ваш отец, выслушав некоторые Ваши строки и вообще говоря о Вас: — умная девочка (его слова), но (он с прискорбием вздохнул) жаль, что... ест мало». Тут он постарался доказать, как это вредно, как питание тела т. е. физическая жизнь организма имеет влияние на наши моральные силы и заключил, что Вы этого «не хотите или не умеете разуметь». Вам бы непременно нужно прочесть курс физиологии — я в Петербурге устрою это.

Теперь скажу слова два о Ваших волнениях: ожидание, что звезды попадают, потом внезапное опьянение, восторги, тоска

[а] *Далее зачеркнуто несколько строк.* [б] *Далее зачеркнута почти целая страница.* [в] *Далее зачеркнуто* обжег

lib.pushkinskijdom.ru

и проч. Это силы играют! Помните, я намекнул на это в Ольге: [1] там они играли от другой причины — (но все же от сильного возбуждения организма), от рождающегося чувства любви; натура в известный период просыпается, обожженная жизнью, просит движения,[а] жаждет деятельности и наслаждения: (да, да: ведь деятельность,[б] счастливое удовлетворение ее — тоже наслаждение!). Это припадки жизненной лихорадки и надо только уразуметь эту истину т. е. усвоить[в] своему ведению это наблюдение над собой, овладеть им, знать, что оно такое (Ольга у меня говорит: *я знаю,* это нервы, силы играют!) и[г] человек остается хозяином и наблюдения, и впечатления и того чувства, которое производит его, следовательно остается хозяином самого себя, следовательно сохраняет сознание и знает, что ему делать и как быть. А наши бабушки и даже матушки не знали этого, называли vaguement * экзальтацией, терялись, думая, что это какая-нибудь лихая болесть, мечтали, глядели на луну, плакали и тем отделывались, а иные даже свихивались с ума. Вот где бывает полезен анализ. А это больше ничего как только то, что силы натуры высказываются, это своего рода пар, который требует не того, чтобы выбрасывали его беспорядочно или задыхались от него, а чтоб применяли его к делу, к рельсам и колесам, пользовались им и садились читать, писать или делали что́ кому назначено. Кажется, я верно разумею и объясняю эти порывы. Я основываюсь на опыте: со мной тоже бывало и я, подобно бабушкам, терялся в мечтаниях, парениях, тогда как натура говорила мне: делай, работай, думай! А я лез на стену, глядел на луну — и еслиб был не так толст, то, пожалуй, плакал бы, а чего доброго и свихнулся бы. Но страстишка к жизненным наслаждениям и отчасти сметливость спасли меня. Не торопитесь, ради бога, и не бойтесь, деятельность придет, а когда одолеют порывы чересчур, не гнушайтесь смирить их на время тем, чем смиряют нервы. Не у всех ведь они бывают: это хороший залог, только долго его не угадывали и не пользовались им те, кому они давались, а принимали, как выше сказано, за болезнь. Это признак живой, симпатичной, страстной и поэтической натуры.[д]

[а] *Далее зачеркнуто* или [б] *Далее зачеркнуто* удов‹летворение› [в] *Далее зачеркнуто* себе [г] *Далее зачеркнуто* хозяин [д] *Далее зачеркнуто несколько строк.*

* Туманно, неопределенно (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

Теперь о противоречиях в себе, которые ставят Вас в такое недоумение на мой счет. Не удивляйтесь этим противоречиям во мне: я сам их не понимаю и вот отчего прихожу в отчаяние, что не могу схватить за хвост своего героя. Благодарю вас за доброе мнение о моих добрых сторонах: принимая столько дурного, беспорядочного, я не отрекусь [а] от некоторых и из них. Я не рисуюсь отжитостью, упадком сил — нет, есть моменты, когда я ничего не чувствую, кроме упадка и бессилия; потом, в редкие минуты теперь, нервы (все нервы, да) поднимутся и тогда конечно высказывается страстная и живая натура во мне. С летами последние минуты становятся реже, а минуты упадка чаще — и я только верно выражаю все, что во мне делается. Еслиб я был *скрытен*, тогда бы конечно никто ничего этого не видал, а я, к сожалению, expansif * (излиятелен что ли — в переводе), а натура довольно разнообразна и впечатлительна — и я обнаруживаюсь, как я есть. Что касается до «холода, эгоизма, равнодушия, жесткости», то я уже, кажется, писал однажды, что все эти прекрасные плоды принадлежат не натуре моей, чересчур симпатичной, а они привиты мне опытом и теперь поддерживаются недоверчивостью и совершенною потерею надежды на человека вообще: все верования, надежды, чувства, за неудовлетворением их, и мало того за неудовлетворением, за постоянным оскорблением их — отнесены мною к области прекрасных, но невозможных мечтаний. Говорят, надо довольствоваться миром и людьми, как они есть: с этим я согласиться не могу. Можно снисходить ко всему этому, пожалуй, с християнской и гуманной точки зрения, даже любить все таки не смотря ни на что, но быть покойным и принимать, что это так и должно быть, довольствоваться — я не могу, по тем самым причинам, как и Вы благоволили заметить во мне. Если нечего уважать или некого, то все таки во мне этим не уничтожается способность уважения, и если эта способность в человеке есть, если она врожденна, нужна ему, значит есть что-нибудь, что должно быть уважаемо. Но если я не лезу на стену оттого, что все так жалко на сем свете, то по крайней мере считаю себя в праве чувствовать ту невольную тоску, холод и немые страдания, переходящие в равнодушие. Есть скотская апатия, происходящая от отсутствия понимания, ведения и чувства, и есть апатия, достающаяся в удел после глубокого знакомства с жиз-

[а] *Далее зачеркнуто* и

* Экспансивен, общителен (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

нию, после упорной борьбы с ней: это не апатия, а усталость души, утрата вер, надежд и любвей, это человеческое раздумье, уныние и резигнация,* может быть — даже ожидание чего-нибудь лучшего. Есть, надеюсь, разница между апатией разъевшегося и избалованного господина и апатией человека, которому в жизни сопутствовали мысль, чувства и нужда. Нужно еще сказать, что у меня врывается шутка везде: и это живет в моей натуре. Юмор иногда сопутствовал мне в такие минуты, где другие очень серьёзны. Часто я, по юмору, по духу противуположности, беру на себя, чего нет: не знающие меня коротко, иногда не различают, где я искренен, где противоречу себе pour taquiner.**

Я точно упорен, от этого и преследую свои цели постоянно, от этого слабеющей уже рукой пишу и роман, хотя чувствую, что пишу уже не то и не так, как бы нужно, как бы писал прежде. Папа Ваш спорит, говорит, что я и молод, и силы много у меня, и даже хочет уверить, что будто бы творческая способность не увядает. Да если увядает охота к жизни, если холод и апатия вольют свинцу в жилы, то разве фантазия будет так же послушно подавать свою палитру, разве те же краски, та же живость и страсть водит пером? Между прочим он говорит, что я не увяну никогда, потому что «в самом языке моем есть жизнь, свежесть, образы и искусство» и т. д. Было, да — но без содержания и без страсти — нет ничего.

Но глупо так долго писать о себе. Бросимте этот разговор: надоешь Вам. В Воскресенье я послал Вам письмо.

Еслиб Вы знали, чего мне стоило приготовить Вашего родителя итти купаться! Он начал было кутаться от морского воздуха, морской свежести ветра, но я доказал ему, что этот воздух и ветер благородный воздух и ветер и не простуживают. Наконец мы повели его купать и он только сел на воду и вообразил, что уж и окунулся и хотел было бежать и ужасно походил на Сашеньку,[2] когда тот кричал на лошади: «genug»,*** но мы с Гротом не пустили его и заставили наконец окунуться. Он чувствовал себя отлично и был рад, что выкупался. Вчера мы выкупали опять его, а потом и мамашу. Но худо сделали, что купались после завтрака, а не до завтрака. От этого у всех сделалось волнение и мы худо спали ночь. Алекс‹андр› Вас‹ильевич› поговаривал было не купаться сегодня, но был силою отведен мною в будку и выкупан.

---

* Покорность необходимости (*франц.*). ** Чтобы дразнить, задирать (*франц.*). *** Довольно (*немецк.*).

lib.pushkinskijdom.ru

Завтра надеюсь склонить его выкупаться до завтрака: он там ссылается на какую-то испарину ночью, на ветер и прочие неосновательные причины. Я ничего не говоря,[а] указываю ему на толпы англичанок и веду на берег. Какой позорный и необстоятельный мужчина!

Грот завтра уезжает в Париж (ah, est-il heureux!*): я дней шесть пробуду здесь, а потом, я думаю, удеру, потому что Ваши располагают пробыть в Париже дня четыре, а потом родитель мечтает остановиться в Ахене, где жил, спал, ел и пил Карл-Великий — но я к этому совершенно равнодушен. Впрочем и он больше одержим желанием видеть Вас, чем историческими воспоминаниями и оттого Вы можете получить его скорее, нежели как он рассчитывает; особенно если ветер подует с моря, и притом сильный. Я полагаю, что он бросит купанье и я не в состоянии буду удержать его. Он уж было мечтал и сегодня отдохнуть, переждать день, не купаться: но я его устыдил. К 30-му же Августу Вы едва ли его узрите.

Ужели Вы не купаетесь, Екатерина Алекс‹андровна›? А что же Вы делали те два теплых дня, после которых была сильная гроза. Родители сильно расспрашивали меня, что́ и как Вы? Я про болезнь Сашеньки ничего не сказал, а про Вас, Екат‹ерина› Алекс‹андровна›, не скрыл, что у Вас болела голова. До свидания

И. Гончаров

Если Вы не замешкаете ответом, то вероятно застанет письмо Ваше меня еще здесь. А то так уже в Париж (ah!), rue de Richelieu 22, à M-me Maugée pour remettre à M-r Gontcharow.**

[1] Гончаров напоминает С. А. Никитенко содержание X главы второй части романа «Обломов».

[2] См. примечание 10 к письму 1.

А. И. Груздев

[а] *Далее зачеркнуто* веду его

* Ах, счастливец! *(франц.)*. ** Улица Ришелье, 22, М-м Може, для передачи г. Гончарову *(франц.)*.

lib.pushkinskijdom.ru

И. С. ТУРГЕНЕВ

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ИСПОВЕДЬ

Нам тягостно негодованье,
И злоба дельная — смешна,
Но нам не тягостно молчанье:
Улыбка нам дозволена.
Мы равнодушны как могилы;
Мы как могилы холодны...
И разрушительные силы —
И те — напрасно нам даны.

Привыкли мы к томленью скуки...
Среди холодной полутьмы
Лучи живительной науки
Мерцают нехотя... но мы
Под ум чужой, чужое знанье —
Желанье честное Добра —
И под любовь — и под страданье —
Подделываться мастера.

Радушьем, искренней приязнью
Мы так исполнены — бог мой!
Но с недоверчивой боязнью
Оглядывает нас чужой...
Он не пленится нашим жаром —
Его не тронет наша грусть...
То, что ему досталось даром
Твердим мы бойко наизусть.

Как звери мы друг другу чужды...
И что ж? какой нибудь чудак
Затеет дело — глядь! без нужды
Уж проболтался, как дурак.

lib.pushkinskijdom.ru

Проговорил красноречиво
Все тайны сердца своего...
И отдыхает горделиво,
Не сделав ровно ничего.

Мы не довольны нашей долей —
Но покоряемся... Судьба!!
И над разгульной, гордой волей
Хохочем хохотом раба.
Но и себя браним охотно —
Так!! не жалеем укоризн!!
И проживаем беззаботно
Всю незаслуженную жизнь.

Мы предались пустой заботе,
Самолюбивым суетам...
Но верить собственной работе
Неловко — невозможно нам...
Как ни бунтуйте против Рока —
Его закон ненарушим...
Не изменит народ Востока
Шатрам кочующим своим.

31-го Дек‹абря›
1845.

Ив. Тургенев.

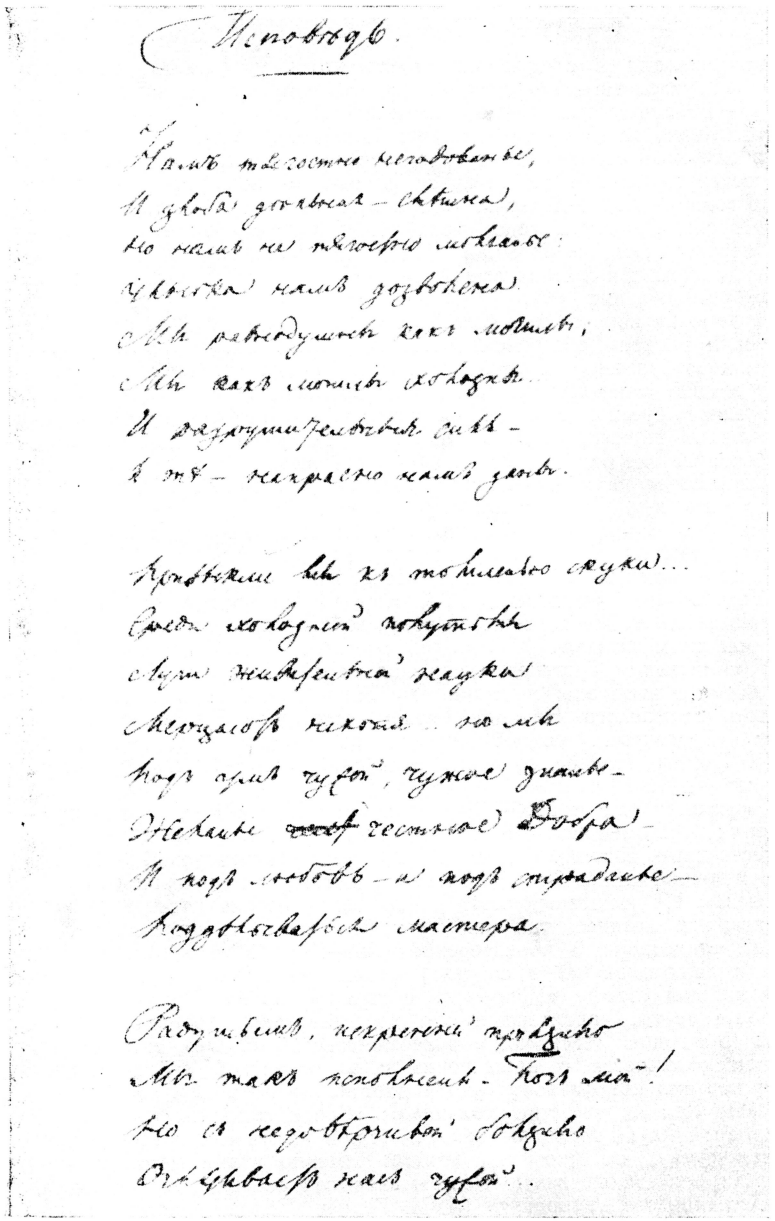
Стихотворение И. С. Тургенева «Исповедь», остававшееся до сих пор неизвестным, публикуется по автографу, обнаруженному в 1952 году в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде.

Стихотворение датировано 31 декабря 1845 года. В нем нашли выражение размышления автора накануне нового 1846 года. Тургенев в это время находился в Петербурге. Он почти ежедневно встречался с Белинским, который оказывал воздействие на общественные и литературные взгляды писателя и был в курсе его творческой работы. Несомненно, что «Исповедь» написана под идейным влиянием Белинского.

Новонайденное стихотворение представляет собой яркий документ, говорящий о болезни времени, которой были подвержены многие люди 40-х годов — представители дворянской интеллигенции. Основным симптомом этой болезни, по словам Белинского, был «глубокий внутренний разлад с действительностью»: «У всех на языке одна и та же фраза: — „надо делать!“. И между тем, все-таки никто ничего не делает!» (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений. Под редакцией С. А. Венгерова, т. X, СПб., 1914, стр. 100).

Почти к этому же времени вышел в свет очередной обзор Белинского «Русская литература в 1845 году» («Отечественные записки», 1846, № 1 — цензурное разрешение 31 декабря 1845 года), в котором великий

lib.pushkinskijdom.ru

Исповедь.

Мать твоя тебе неизвестна,
И дома долгая – свобода,
Но мать не тяжело любила
Чужого, мать дозволена
Она разводушно как любить,
Она как любить холодно
И двадцать пережитых лет –
К тебе – напрасно мать дала.

Кровати ль ты только скуки...
Среди холодных покупок
Луч неизвестного искусства
Александр какой – не ты
Кого один чудак, чужое знанье –
Обманы честного добра –
И кого любовь – и кого справедливость –
Воздушных мастера.

Разрушивши, нескромно праздно
Ты так постыдно – Бог мой!
Но и недостойно больно
Ты дивный мать чудак.

Автограф стихотворения И. С. Тургенева «Исповедь», л. 1.
Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде.

lib.pushkinskijdom.ru

критик подводил в следующих словах итоги минувшего литературного года: «...условные вехи, столбы и станции на бесконечной дороге жизни — в сущности ничего не значат..., — писал Белинский, — для каждого лично всего лучше измерять свое время объемом своей деятельности, или хоть своих удач и своего счастия. Ничего не сделать, ничего не достигнуть, ничего не добиться, ничего не получить в продолжении целого года, — значит потерять год, значит не жить в продолжении целого года. А сколько таких годов теряется у людей! Не делать — не жить; для мертвого это небольшая беда, но не жить живому — ужасно! И между тем, так много людей живет не живя, но только сбираясь жить!» (там же, стр. 97).

Сплачивая вокруг себя писателей-реалистов, последователей Гоголя, Белинский в своем обзоре призывал к внимательному изучению русской жизни, к изображению простых людей из народа («толпы») и к разоблачению людей, «живущих мимо жизни»: «Нельзя не подивиться, что юмор современной русской литературы до сих пор не воспользовался этими интересными типами, которых так много теперь в действительности, что ему было бы где разгуляться!.. они разделяются на множество оттенков, заслуживающих подробного исследования» (там же, стр. 98).

Идя по пути, намеченному Белинским, Тургенев создал через несколько лет «Записки охотника», в которых, наряду с изображением русских крестьян и эксплуататоров-помещиков, рисует образ «лишнего человека» — Гамлета Щигровского уезда.

Стихотворение «Исповедь» 1845 года интересно тем, что Тургеневым намечаются здесь все основные черты, свойственные «гамлетическим натурам», «лишним людям».

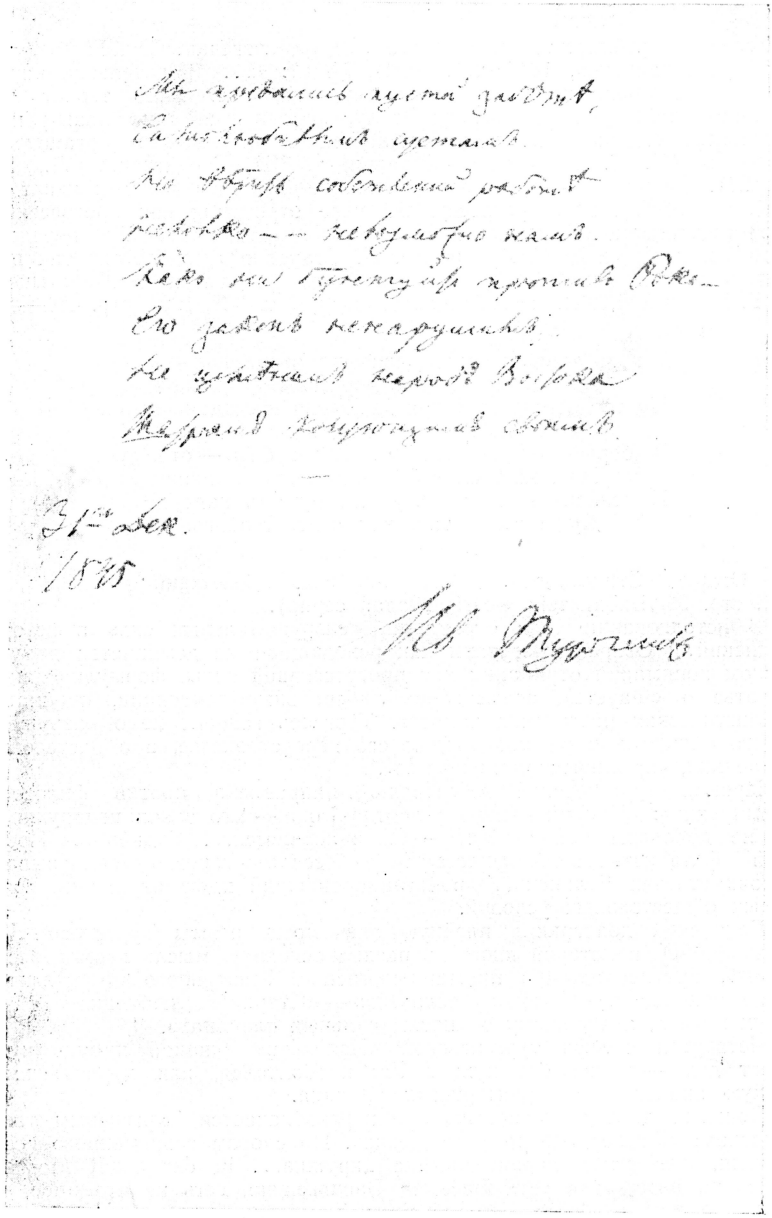
В «Исповеди» Тургенев раскрывал черты, которые в известной степени были в эти годы присущи ему самому и преодолевались им под влиянием Белинского. Недаром Герцен, вспоминая Тургенева 40-х годов, писал: «Тургенев... создал Рудина по своему образу и подобию» (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XIV, ГИЗ, М., 1920, стр. 428).

Продолжая еще в 1846—1847 годах печатать свои стихотворные произведения («Помещик» — «Петербургский сборник», 1846; «Андрей» — «Отечественные записки», 1846, № 1; цикл стихотворений «Деревня» — «Современник», 1847, № 1), Тургенев оставил неопубликованной свою «Исповедь». Не увидевшее света в 40-х годах, это стихотворение не было напечатано и позднее, так как Тургенев весьма скептически относился к своим стихотворным произведениям 30—40-х годов и отнюдь не стремился к включению их в собрание своих сочинений.

В каждой строфе «Исповеди» с горькой иронией обличаются отрицательные черты, характерные для представителей дворянской интеллигенции 40-х годов. Здесь, как и в лермонтовской «Думе», автор с горьким чувством отзывается о примирении с николаевской действительностью. Самая картина николаевской эпохи дается Тургеневым в зашифрованном виде: «Но нам не тягостно *молчанье*»; «Среди *холодной полутьмы* Лучи живительной науки Мерцают нехотя» (ср. в поэме «Разговор»: «тишина», «унылая тьма», «невыносимая мгла»). Именно этими чертами характеризует Герцен николаевскую Россию, называя ее «царством мглы, произвола, молчаливого замиранья» (А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. V, 1919, стр. 386).

В связи с основной идеей стихотворения — иронией над «примирением» — следует понимать концовку первой строфы: «И разрушительные силы — И те — напрасно нам даны». Термин «разрушительные силы»

lib.pushkinskijdom.ru

Автограф стихотворения И. С. Тургенева «Исповедь», л. 3
Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде

lib.pushkinskijdom.ru

Тургенев употребляет также в статье «Фауст, трагедия. Соч. Гёте» («Отечественные записки», 1845, т. XXXIII, № 2): «... отрицательное начало, получив, наконец, право гражданственности, постепенно теряет свою чисто-разрушающую, ироническую силу, наполняется само новым положительным содержанием и превращается в разумный и органический прогресс» (И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, Гослитиздат, Л., 1933, стр. 24). Разрушительные силы, отрицание Тургенев рассматривает как силы, способствующие прогрессу. Об идее отрицания как прогрессивной силе общественного развития писали различные представители передовых общественных кругов 40-х годов. Н. П. Огарев в «Монологах» так перефразировал знаменитые строки Белинского из статьи о Баратынском (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, 1904, стр. 484—486):

Теперь товарищ мне иной дух отрицанья —
Не тот насмешник черствый и больной,
Но тот всесильный дух движенья и созданья.
Тот вечно юный, новый и живой.
В борьбе бесстрашен он, ему губить — отрада,
Из праха он всё строит вновь и вновь,
И ненависть его к тому, что рушить надо,
Душе свята так, как свята любовь.

(Н. Огарев, Стихотворения, изд. 2-е, изд. «Советский писатель», Л., 1948, стр. 85, Библиотека поэта, Малая серия).

В истолковании роли отрицания, «разрушительных сил» в истории, Белинский и Огарев выступали как революционные демократы; в тургеневском понимании отрицания как прогрессивной силы, формулированном в статье о «Фаусте», сказывались либеральные тенденции, ощущалась идеалистическая постановка вопроса. Тургенев говорит не о разрушении старого общества и революционном его переустройстве, а о постепенных изменениях, «органическом прогрессе».

Ирония тургеневской «Исповеди» направлена против философии «примирения»: «Как ни бунтуйте против Рока — Его закон ненарушим... Мы не довольны нашей долей — Но покоряемся... Судьба!!». Против такой фаталистической философии «бессилия» резко высказывался в своих статьях Белинский, пропагандировавший идею отрицания современных общественных условий.

Белинский подчеркнул идейную значимость поэмы Тургенева «Разговор» (1844), в которой писатель развил основную мысль лермонтовской «Думы», противопоставив примирившегося и безвольного представителя нового поколения, «Молодого человека» — «Старику», любившему «блеск и стук мечей», мечтавшему о «новых сильных племенах».

Четвертая строфа тургеневской «Исповеди» («какой нибудь чудак Затеет дело — глядь! без нужды Уж проболтался, как дурак») имеет близкую аналогию в характеристике Рудина.

Подмена дела разговорами о нем разоблачается Тургеневым также в рассказе «Гамлет Щигровского уезда». По словам современного исследователя, «известная характеристика „кружка... in der Stadt Moskau", вложенная автором в уста Василия Васильевича, есть не что иное, как отражение устных бесед Белинского с Тургеневым, когда критик вспоминал в Петербурге о своей московской жизни...» (Н. Л. Бродский. Белинский и Тургенев. Сб. «Белинский историк и теоретик литературы», Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 336). Тургенев дал в рассказе харак-

lib.pushkinskijdom.ru

теристики некоторых участников кружка Станкевича. Можно предположить, что в «Исповеди» также отразились черты, свойственные некоторым участникам кружка Станкевича в позднюю пору его существования.

В свете позднейших произведений Тургенева наполняются конкретным содержанием все основные строфы «Исповеди». Строка «Исповедуя» — «Но и себя браним охотно» — раскрывает одну из характернейших черт «лишних людей». Почти целиком на самообвинениях и саморазоблачениях построена речь Василия Васильевича — Гамлета Щигровского уезда. Рудин на протяжении всего романа «осыпает себя упреками». В строке «Как звери мы друг другу чужды» отчетливо выражена намеченная Лермонтовым тема «неверия в жизнь и во всевозможные отношения, связи и чувства человеческие» (слова Белинского о стихотворении Лермонтова «Завещание»; см.: Белинский, Письма, т. II, 1914, стр. 209).

Таким одиноким героем, чуждым «толпе» и живущим чужим среди близких, выступает лирический герой стихотворения Тургенева «Толпа» (1843), посвященного Белинскому. Это стихотворение и поэма «Разговор» по своему содержанию наиболее близки к «Исповеди».

Э. Э. Найдич, Л. Е. Шепелев

lib.pushkinskijdom.ru

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

А. В. НИКИТЕНКО

Знакомство И. С. Тургенева с Александром Васильевичем Никитенко (1805—1877) состоялось в 1837 году, т. е. в то время, когда юноша Тургенев (ему было в то время девятнадцать лет), по его собственным словам, «окончивши в прошлом 1836-м году курс университетского учения и желая более усовершенствоваться в науках посещением университетских лекций» (прошение на имя ректора Петербургского университета И. П. Шульгина 11 мая 1837 года; см.: Н. М. Лисовский. Новые материалы для биографии И. С. Тургенева, СПб., 1892, стр. 5), вторично слушал лекции третьего курса на первом отделении философского факультета и готовился к экзаменам для получения аттестата кандидата. В эти годы А. В. Никитенко, числясь в звании адъюнкта (с 1832 года, а с 1837 — экстраординарного профессора), читал студентам лекции по «общей теории словесности» (см.: В. В. Григорьев. Имп. С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, стр. 99; П. А. Плетнев. Первое двадцатипятилетие имп. С.-Петербургского университета, СПб., 1844, стр. 80—81). Кандидатские экзамены успешно были сданы Тургеневым 24 июня 1837 года, аттестат выдан ему 10 июля 1837 года (см.: Н. М. Лисовский. Новые материалы для биографии И. С. Тургенева, СПб., 1892, стр. 5; Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1, Одесса, 1921, стр. 106).

Известны три письма Тургенева к А. В. Никитенко: два из них относятся к 1837 году, от 26 марта и от 13 сентября («Из бумаг А. В. Никитенко». «Русская старина», 1896, № 12, стр. 588—589), третье — к 1840 году, от 14 января (М. К. Клемэн. Новые тексты Тургенева. В сборнике: И. С. Тургенев, Материалы и исследования. Под редакцией Н. Л. Бродского, Орел, 1940, стр. 9). В первом из них, написанном еще до выпускных экзаменов, Тургенев, препровождая Никитенко свои «первые, слабые опыты на поприще русской поэзии», признавался своему университетскому наставнику: «... я вам скажу откровенно — при первом знакомстве с вами я к вам почувствовал неограниченную доверенность...» («Русская старина», 1896, № 12, стр. 589). Эти слова, несомненно, были написаны Тургеневым искренно и без лести: во второй половине 30-х годов среди молодых профессоров философского факультета Петербургского университета А. В. Никитенко выделялся не только как лектор, обладавший педагогическими способностями, но и как человек, живо интересовавшийся современным ему литературным движением. Студенты, а среди них, вероятно, также и Тургенев, знали, что Никитенко, происходивший из крепостных графа Шереметева, во многом обязанный своим

lib.pushkinskijdom.ru

ранним интеллектуальным развитием покровительству кружка декабристов (в частности, К. Ф. Рылеева), пробился к профессорской деятельности путем упорного труда, что он пробовал свои силы и в художественной литературе (о его беллетристических опытах, отрывки которых печатались в альманахах 20-х годов, см. в статье П. Н. Беркова в «Известиях Академии Наук СССР», серия VII, Отделение общественных наук, 1932, № 9), что областью его специальных интересов была литературная критика. Обращение Тургенева к Никитенко за советом относительно его первых поэтических опытов представляется тем более естественным, что как раз в последние годы своего учения в университете Тургенев много писал и серьезно думал о печатании своих произведений; именно из письма его к Никитенко от 26 марта 1837 года мы знаем, что Тургеневым уже к этому времени написано было несколько поэм и около ста мелких стихотворений; правда, из этого богатого, накопленного им запаса произведений только два стихотворения были напечатаны в плетневском «Современнике» 1838 года.

В архиве А. В. Никитенко, хранящемся в ИРЛИ, наряду с оригиналами вышеуказанных трех писем к нему Тургенева, нашлось еще несколько писем Тургенева более поздних лет, еще не бывших в печати. Эти письма существенно дополняют историю отношений Тургенева к Никитенко в 30—50-е годы, сообщая в то же время несколько новых фактов для биографии Тургенева и его литературных замыслов в различные периоды его жизни. Ни одно из этих писем не имеет даты; хронологию их приходится устанавливать на основании косвенных свидетельств на общем фоне истории общения Тургенева с Никитенко за два с лишним десятилетия, в течение которых их отношения друг к другу претерпели значительные изменения.

Почти одновременно с занятием должности в Петербургском университете А. В. Никитенко был назначен цензором при Петербургском цензурном комитете и состоял здесь с апреля 1833 по апрель 1848 года («Русская старина», 1888, № 12, стр. 773—775). Большинство публикуемых писем Тургенева к Никитенко прямо или косвенно связаны именно с этими обязанностями его корреспондента. Пользуясь личным знакомством с бывшим своим профессором, установившимся еще в студенческие годы, Тургенев обращался к нему теперь с различными просьбами как к представителю цензурного комитета, — то «процензировать» «на всякий случай» свои новые стихотворения, чтобы решить, стоит ли их направлять в печать, то оказать ему содействие в получении иностранных книг, прибывающих на его имя из-за границы, и т. д. Обращает на себя внимание все более уверенный тон этих писем Тургенева, в которых нет ни прежней юношеской застенчивости и робости, сквозившей еще в его письмах 1837 года, ни прежней юношеской же откровенности: то были письма студента, готовившегося вступить на литературное поприще, к своему университетскому учителю, от которого он ждал советов и помощи; письма же Тургенева к Никитенко, написанные непосредственно перед его поездкой за границу для продолжения образования, а особенно после возвращения из Берлинского университета и сдачи магистерского экзамена в Петербурге (1842), написаны уже человеком независимым, более уверенным в себе, в своих творческих силах и уже твердо вступающим на путь профессионального литератора. Со времени знакомства и дружеской близости Тургенева с Белинским отношения его к Никитенко должны были охладиться еще более; в середине 40-х годов в кружке Белинского к Никитенко — цензору и «умеренному прогрессисту», как он называл себя сам, — относились терпимо, без особенной теплоты, но под-

lib.pushkinskijdom.ru

держивая с ним в общем дружелюбные связи, порой, однако, прямо подсказанные тактическими соображениями: основываясь на том, что «Никитенко человек честный, хороший и питающий ко всем нашим большое уважение», как о нем отзывался И. И. Панаев в письме к Н. Х. Кетчеру в 1846 году (см.: Белинский, Письма, Редакция и примечания Е. А. Ляцкого, т. III, СПБ., 1914, стр. 361, 364; ср.: А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, СПб., 1904, стр. 366), от него, несомненно, прежде всего ожидали помощи в сношениях с цензурным комитетом.

Любопытно, что с деятельностью Никитенко как цензора связаны относящиеся именно к этому времени первые столкновения Тургенева с цензурой. Так, 30 октября 1845 года на очередном заседании Петербургского цензурного комитета Никитенко согласил несколько «сомнительных мест» из поступившей на его рассмотрение поэмы Тургенева «Помещик» (Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1, Одесса, 1921, стр. 109—110). Как известно, этот «рассказ в стихах» вместе с двумя стихотворениями Тургенева и его же повестью в прозе «Три портрета» опубликован был Некрасовым в «Петербургском сборнике», вышедшем в свет в январе 1846 года. Хотя Никитенко был одним из цензоров этой книги, он нашел возможным поместить в «Библиотеке для чтения» (1846, т. 75, отд. V, стр. 13—54) свою, весьма пространную, рецензию на «Петербургский сборник»; две с лишним страницы этой статьи посвящены им характеристике произведений Тургенева. Этот отзыв не мог порадовать автора «Помещика» и «Трех портретов»: Никитенко сохранял по отношению к Тургеневу тон наставника и судил не только его последние произведения, но и его литературную деятельность в целом, довольно сурово отзываясь о всей, как ему казалось, ошибочной направленности его творчества. «Все, что до сих пор он написал, — говорил Никитенко о Тургеневе, — отличается достоинством мысли — и отсутствием создания, которое бы было и ее оправданием и органом деятельности там, куда она стремится — в области искусства и жизни. Как писатель умный, он может произвести одно умное, интересное; как художник, он производит бо́льшею частию нечто неопределенное, бледное или тусклое, в котором мысль ходит иногда ровными, иногда неровными шагами, задумывается, мечтает, улыбается или вздыхает, даже отваживается на дело — и не делает дела, которое уже начала: это истинный Шекспиров „Гамлет“...» (48). По мнению Никитенко, Тургенев «очень хорошо владеет одним из средств искусства — он владеет рассказом, то есть уменьем занимательно и легко излагать *случаи* и *обстоятельства*, не выставляя сил и лиц, служащих причиною их и предметом; он не приводит этих лиц и сил в свойственное им движение так, чтобы не всё автор, но и они сами что-нибудь значили и делали. Не слишком ли почтенный автор полагается на влияние своего умного и милого рассказа?» (48). Представляемая далее оценка «Помещика» конкретизует общее наблюдение критика относительно особенностей творческой манеры Тургенева; по мнению Никитенко, Тургеневу присущи слабости «созидательной» способности и тенденциозная обличительность в воспроизведении действительной жизни; эта поэма («Помещик») основана на таком событии, «из которого ровно ничего не следует и на котором нельзя утвердить никакой идеи и никакого характера»; поэма представляет собой «повторение так называемых юмористических, бесконечных нападений на нравы и отчасти повторение одних и тех же карикатур». Хотя, по свидетельству П. В. Анненкова (Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 628), Тургенев в свои молодые годы «радовался всякому разбору своих произведений, выслушивал его с покорностью школьника, обна-

lib.pushkinskijdom.ru

руживая и готовность исправления», но в середине 40-х годов отзывы, подобные вышеприведенному, едва ли уже воспринимались им без протеста, которого они, разумеется, и заслуживали; приведенный отзыв Никитенко был несправедлив и не свидетельствовал о его проницательности. Подобные отзывы не могли укреплять ни старую студенческую симпатию Тургенева к Никитенко, ни прежнюю готовность следовать его советам, тем более, что в это время Тургенев находился уже всецело под влиянием Белинского. В ближайшие за этим годы, когда Тургенев принял близкое участие в «Современнике», с осени 1846 года перешедшем в руки Некрасова и Панаева, отношения его к своему бывшему наставнику должны были стать еще более прохладными, в полном соответствии с отношениями к Никитенко в данный период фактических руководителей этого журнала.

После передачи «Современника» новой редакции Некрасов писал Белинскому: «Ответственным редактором будет Никитенко, — ибо иначе сделать было нельзя, — впрочем, влияние его ограничивается наблюдением за журналом в отношении к цензуре и несколькими мелкими льготами...» (Белинский, Письма, т. III, стр. 359); И. И. Панаев сообщил Кетчеру по тому же поводу (1 октября 1846 года): «Если же в год раз поместится статья Никитенко, как ответственного редактора, — это, я думаю, не большая беда. К тому же это неизбежно. Без Никитенко ничего бы не состоялось, и всякий поймет, почему помещена его статья...» (там же, стр. 363). Тургенев на первых порах имел основание считать себя одним из основных членов редакции «Современника» (см.: Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, стр. X—XI; характерно, что даже до Гоголя, жившего в Италии, дошел слух о том, что «Современник» «перешел в руки к Никитенку, Белинскому и Тургеневу»; см. его письмо к П. А. Плетневу от 8 декабря 1846 года в книге: Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. АН СССР, 1952, стр. 153) и был прекрасно посвящен в историю отношений к Никитенко новой редакции журнала. Ему было хорошо известно, в чем заключается и где ограничивается роль Никитенко как «ответственного редактора» «Современника», почему Некрасов и Панаев считали «неизбежным» и на первое время желательным поручение ему этой должности, насколько считаются они с его критическими суждениями и т. д. Как постоянный и деятельный сотрудник нового журнала, Тургенев знал также, что все его произведения, направляемые для печати в «Современник», поступают к Никитенко на предварительный отзыв, знал, повидимому, и замечания о них Никитенко, едва ли особенно отличавшиеся от тех, какие были им высказаны в рецензии на «Петербургский сборник».

В первую же книжку «Современника» (вышедшую 1 января 1847 года) Тургенев дал ряд своих произведений: критическую статью, фельетон, девять стихотворений и рассказ «Хорь и Калиныч» — первый в ряду будущих «Записок охотника». Посылая его Никитенко 14 декабря 1846 года, Некрасов писал, что этот «небольшой рассказ Тургенева... по крайнему моему разумению — совершенно невинный» (Б. Л. Модзалевский. Некрасов и А. В. Никитенко. Сборник «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома», П., 1922, стр. 179; Некрасов, Сочинения, т. V, М.—Л., 1930, стр. 74), с чем, вероятно, Никитенко согласился. На отзыве у Никитенко были и дальнейшие рассказы Тургенева из того же цикла, печатавшиеся в последующих книжках «Современника» (в 1847 году — восемь рассказов, в 1848 — шесть), и все его другие произведения, прозаические и поэтические, предназначавшиеся для журнала. Ходатаем за них перед Никитенко был большей частью Некрасов (см.

lib.pushkinskijdom.ru

Б. Л. Модзалевский, там же, стр. 191, 198), но не всегда с одинаковым успехом. Так, повидимому, именно Никитенко не пропустил в «Современник» поэму Тургенева «Филиппо Стродзи», несмотря на хлопоты Некрасова, очень желавшего видеть ее напечатанной на страницах журнала в 1847 году (Некрасов, Сочинения, т. V, 1930, стр. 91); поэма могла быть опубликована лишь после смерти и Никитенко и Тургенева (в сборнике «XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб., 1884, стр. 212—215), но и тогда еще вызвала серьезные опасения цензора, усмотревшего в ней «призыв к цареубийству» (А. Николаев. Цензурная история поэмы Тургенева «Филиппо Стродзи». Сборник «Документы по истории литературы и общественности», вып. 2, И. С. Тургенев, ГИЗ, М.—П., 1923, стр. 104—106). Очень возможно, что именно к концу 40-х годов, когда Никитенко числился официальным «ответственным редактором» «Современника» (до апреля 1848 года) или к самому началу 50-х годов относится злая эпиграмма на него Тургенева, относящаяся, впрочем, к разряду тех его эпиграмм, которые, по отзыву современников, не всегда отражали в полной мере его действительный взгляд на то или другое лицо и носили, в большей или меньшей степени, «временный» характер; в этой эпиграмме Тургенева высказано уже не только несогласие его с критическими суждениями Никитенко, но и явное раздражение против него как критика и литературного деятеля вообще:

Исполненный ненужных слов
И мыслей, ставших общим местом,
Он красноречья пресным тестом
Всю землю вымазать готов.

(И. С. Тургенев, Сочинения, т. XI, Гослитиздат, Л., 1934, стр. 249).

В дальнейшем это раздражение ослабилось, никогда не выражалось более в столь же резкой форме, и Тургенев до самой смерти Никитенко сохранял к нему ровное, спокойное и, повидимому, вполне дружелюбное отношение. Характерно, что за весь указанный период, т. е. до начала 50-х годов, в подробном «Дневнике» Никитенко имя Тургенева не упомянуто ни разу; очевидно, в своем бывшем университетском воспитаннике, становившемся постепенно профессиональным писателем, Никитенко еще отказывался в эти годы признать современника, примечательного в том или ином отношении; он прошел мимо не только поэтической и драматургической деятельности молодого Тургенева, но и мимо «Записок охотника», рождавшихся на его глазах. Первым произведением Тургенева, оставившим сильное впечатление у Никитенко, было «Дворянское гнездо».

Наиболее ранняя запись о Тургеневе в «Дневнике» Никитенко сделана 24 февраля 1852 года: случайно встретившись с Тургеневым (в зале Дворянского собрания на розыгрыше лотереи в пользу «Общества посещения бедных»), Никитенко с его слов записал некоторые подробности о смерти Гоголя, которые Тургенев только что узнал из писем, полученных из Москвы (см.: А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, СПб., 1904, стр. 403). Арест Тургенева после напечатания им некролога Гоголя вызвал целый ряд взволнованных и сочувственных записей в «Дневнике» Никитенко от 17, 18, 20, 26 апреля и 10 мая 1852 года. «Страшное, удручающее впечатление произвела на меня беда, стрясшаяся над Тургеневым. Давно не помню, чтобы меня что-нибудь так трогало и огорчало. Сознаю, что тут нет еще ничего необычайного, что Тургенев все же еще не мученик за истину, что, назвав Гоголя „великим“, он, в сущности, терпит

lib.pushkinskijdom.ru

даже не за идею, а за риторическую фигуру. Но тем хуже, тем сильнее поражает меня беспомощность мысли в настоящее время», — пишет Никитенко. «В Тургеневе, конечно, хотели заклеймить звание литератора», догадывается он, проанализировав все обстоятельства ареста, и высказывает следующее свое убеждение: «Не следует плевать в глаза уму, хотя бы он и заблуждался, и наказание не должно превращать в обиду» (там же, стр. 407—409).

Дальнейшие упоминания Тургенева в «Дневнике» Никитенко встречаются со второй половины 50-х годов. В этих большей частью лаконических записях Никитенко отметил ряд своих сравнительно редких встреч с Тургеневым во время приездов последнего в Петербург, но это были преимущественно встречи в публичных местах, в широком кругу литераторов, почти исключавшие возможность их личного общения, и не по каким-либо деловым или общественным поводам. К этому времени между Тургеневым и Никитенко не могло быть ни близости, ни особого доверия друг к другу, ни даже взаимной заинтересованности. Тургенев приезжал в Петербург в качестве известного, общепризнанного писателя, завоевавшего себе вполне независимое положение. Никитенко продвинулся еще выше по бюрократической лестнице; ординарный профессор (с 1850 года) и академик (с 1855 года), он нес разнообразные учено-административные обязанности по министерству народного просвещения, участвовал в различных литературно-общественных предприятиях Петербурга, сам принимал у себя по пятницам гостей, среди которых бывали и литераторы, однако, все более отклоняясь вправо, сторонился от наиболее передовых и прогрессивных литературных деятелей того времени, в частности, от всего круга лиц, близкого к «Современнику». Вспоминая о Никитенко, А. Н. Пыпин писал, что в середине 50-х годов это «был интересный собеседник; он любил поговорить; предметом рассказов бывали всего чаще не современные дела (относительно их он был молчалив), а недавнее прошлое, и общий тон был таков, о котором дает понятие изданный впоследствии известный „Дневник“; целое впечатление было впечатление хотя не широко образованного человека, а скорее начитанного самоучки, но человека, которому интересы общественного просвещения были дороги и который понимал необходимость для них известного простора» (А. Н. Пыпин. Мои заметки, М., 1910, стр. 103—104).

Из «Дневника» Никитенко мы узнаем о хлопотах Тургенева относительно адреса М. С. Щепкину по случаю 50-летнего юбилея его деятельности (т. I, стр. 467; под текстом этого адреса подпись Никитенко поставлена первой; см. «Звенья», т. V, 1935, стр. 517—518). 20 февраля 1856 года Никитенко был у Тургенева, «где, — как гласит запись «Дневника», — читал Островский сперва небольшую пьесу „Семейная картина“, а потом драму, тоже заимствованную из русских нравов и быта» (т. I, стр. 471), а через два дня Тургенев вместе с Никитенко, Краевским, В. Боткиным, А. Майковым и многими другими был на литературном обеде у Гончарова (см.: Письма к А. В. Дружинину 1850—1863. Редакция и комментарий П. С. Попова, М., 1948, стр. 72—73). Подобные «литературные обеды» с участием Тургенева регистрируются в «Дневнике» Никитенко и в последующие годы; таковы, например, обед 7 июня 1858 года «в ресторане Донона вместе с несколькими литераторами — Тургеневым, Гончаровым, Некрасовым, Панаевым, Чернышевским и пр.» (Записки и дневник, т. I, стр. 520), обед у Гончарова накануне 1 января 1859 года, где были «Тургенев, Боткин, Анненков, Панаев, Некрасов, Полонский, Дружинин» (там же, стр. 542); через день — «литературный обед у Некрасова», где «были почти все наши наличные известности».

lib.pushkinskijdom.ru

в том числе и Тургенев (там же, стр. 542); 9 февраля того же года — «обед у Тургенева по случаю проекта о Фонде или Обществе для пособия бедным литераторам и их семействам» (там же, стр. 549), 30 апреля 1859 года — обед у Дюссо «вместе с Гончаровым, Некрасовым, Панаевым, Ребиндером и некоторыми другими», — проводы Тургенева, уезжавшего за границу (там же, стр. 564), и т. д. Среди всех этих довольно однообразных известий выделяются две записи «Дневника» 1858—1859 годов. Из первой записи от 28 декабря 1858 года явствует, что Никитенко, слушая на квартире у Тургенева чтение П. В. Анненковым «Дворянского гнезда» в присутствии ряда литераторов (Некрасова, Писемского, Дружинина, Гончарова и др.; см.: П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб., 1909, стр. 507; Сборник Российской публичной библиотеки, т. II, вып. 1, П., 1924, стр. 19—21; Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт, М., 1915, стр. 23, 207—208), с удовлетворением отметил для себя отход Тургенева от позиций «Современника» и оценил его новый роман как вступление на путь собственно «художественной» направленности: «Был у И. С. Тургенева. Он написал новый роман совершенно в художественном направлении («Дворянское гнездо»). Вот это хорошо! Пора перестать делать из литературы только деловые записки о казусных происшествиях и считать ее исключительно исправительным бичом» (Записки и дневник, т. I, стр. 541). Конечно, высказанная здесь мысль более характеризует реакционные убеждения Никитенко этих лет, чем истинные позиции самого Тургенева, но характерно, что в этих словах, едва ли не впервые у Никитенко, звучит похвала Тургеневу как писателю-художнику: до этого он говорил лишь о слабости «созидательной» способности в творчестве Тургенева и усматривал «ложную» направленность в его сатирических и обличительных тенденциях. «Дворянское гнездо» не только примирило Никитенко с Тургеневым: он признал в нем крупного, выдающегося деятеля русской литературы. Вскоре, 8 февраля 1859 года, в Петербурге, в присутствии Никитенко, состоялся традиционный обед бывших воспитанников Петербургского университета. В «Дневнике» Никитенко сделана по этому поводу следующая запись: «Студентский обед. Собралось человек шестьдесят, в доме одного из бывших студентов, Тимофеева. Все происходило шумно, весело, но пристойно.... был провозглашен тост в честь университета, потом тост за меня. Я, в ответ, предложил тост в честь Тургенева и притом сказал: „Господа! судьба раскидала нас по разным поприщам деятельности, но каждый из нас, где бы он ни был и каким бы путем ни шел, носит в сердце своем глубокую любовь к русской мысли и к русскому слову, следовательно, и к литературе. Выпьем же в честь одного из лучших строителей этой литературы — в честь Ивана Сергеевича Тургенева, который в своих произведениях так верен художественной красоте и национальному духу, что не знаешь, что он больше любит — искусство или Россию. По моему, он любит их равно“» (там же, стр. 548). Произнося этот тост на «студентском обеде», Никитенко, повидимому, не только отдавал дань признательности русскому писателю, произведения которого пользовались известностью и славой: в специфической обстановке этого обеда нельзя было не вспомнить, что и Тургенев был некогда воспитанником того же университета и что он, в свое время, пользовался советами того же Никитенко; тост рассчитан был прежде всего именно на этот эффект. Тургенева Никитенко вспомнил еще несколько раз в своем «Дневнике» — по поводу товарищеского суда его с Гончаровым (см. воспроизведение пропущенной страницы «Дневника» Никитенко в «Сборнике Российской публичной библиотеки», т. II, вып. 1, П., 1924, стр. 174—176; ср. в на-

lib.pushkinskijdom.ru

стоящем издании в комментариях к письмам Гончарова, стр. 121—122), а также в связи со встречами с Тургеневым в Петербурге в январе и феврале 1864 года (Записки и дневник, т. II, СПб., 1905, стр. 159, 163, 164—165).

Публикуемые ниже письма Тургенева к Никитенко хранятся в ИРЛИ (шифр: 18718. CXXIVб. 4); не воспроизводится нами лишь одна деловая записка Тургенева к Никитенко не имеющая литературного интереса.

1

Извините меня пожалуйста, любезный Александр Васильевич, что я Вас беспокою на счёт моих стихоплетений: я хотел бы Вас просить, кстати — процензировать их, хотя может быть я их и не напечатаю: но мне бы не хотелось заставлять Вас два раза читать стихи, которые может быть не стоят и однократного чтения. — Я надеюсь после завтра вечером быть у Вас — до свиданья.

Преданный Вам

Ив. Тургенев

Середа.

‹Конец 30-х—начало 40-х годов›

‹*На обороте*›

Его Высокоблагородию
Александру Васильевичу
Никитенко

Предположительно относим это письмо либо к концу 30-х, либо к началу 40-х годов. Свои юношеские стихотворения Тургенев послал А. В. Никитенко на отзыв еще при самом начале их знакомства, в марте 1837 года. Именно из письма Тургенева к Никитенко от 26 марта этого года мы знаем, что, обучаясь на последних курсах Петербургского университета, Тургенев написал довольно много стихотворных произведений, в настоящее время известных главным образом по их заглавиям. Из них только два, переданные П. А. Плетневу, были напечатаны в «Современнике» в 1838 году; дальнейшая публикация стихотворений Тургенева почти прервалась по случаю отъезда его за границу для продолжения образования (за четыре года, с 1839 по 1842 год, Тургенев опубликовал в «Отечественных записках» только три стихотворения) и возобновилась только после возвращения его в Петербург весной 1841 года (см. ниже, примечания 1 и 2 к письму 3). Текст публикуемого письма не дает никаких оснований для более точной его датировки: обратиться к А. В. Никитенко с просьбой «процензировать» его стихотворения Тургенев мог и в первую половину 1838 года, и в кратковременное пребывание свое в Петербурге в конце 1839—начале 1840 года, и в 1842—1843 годы, и в последующие годы его упорных занятий поэтической деятельностью, когда, впрочем, от небольших по объему лирических стихотворений (к которым скорее всего и могло относиться пренебрежительное наименование их

lib.pushkinskijdom.ru

«стихоплетениями») Тургенев перешел к созданию более крупных стихотворных произведений; из них каждое требовало уже особого цензорского просмотра (см. ниже письмо Тургенева к А. В. Никитенко, относимое нами к 1844 году) и шло к Никитенко как к цензору не непосредственно от автора, а из редакций журналов, куда они направлялись Тургеневым.

2

Милостивый Государь,

Александр Васильевич,

Рекомендую Вам молодого человека, моего родственника, Алексея Владимировича Сомова, покинувшего военную службу для более свободного поприща. Он имеет и желанье и способность заниматься Литтературой, и Вы, взявши его под Ваше покровительство, можете сделать ему большую пользу и, может быть, образовать из него со временем одного из тех людей, в которых Россия нуждается. Он Вам скажет что я уехал в Рим — совсем неожиданно: извините меня, если я у Вас не был перед отъездом: и позвольте мне изредка присылать в Ваш журнал письма, которые уже по одним подробностям Италиянской жизни, Природы и памятников древности, может быть, не будут совершенно лишены интереса.

С совершенным уваженьем остаюсь
Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Воскресенье
14-го января. ‹1840 г.›

М. К. Клеман (Новые тексты Тургенева. И. С. Тургенев. Материалы и исследования. Сборник под редакцией Н. Л. Бродского, Орел, 1940, стр. 9) опубликовал это письмо с некоторыми неточностями (так, Сомов, упоминаемый в письме, назван здесь Соянов); поэтому мы воспроизводим его вновь в полном виде, тем более, что в публикации Клемана пояснения к письму Тургенева недостаточны, а также сообщают ошибочные сведения.

В половине января 1840 года Тургенев уехал в Италию вместе с родственником своим Павлом Ивановичем Кривцовым, назначенным на должность начальника над русскими художниками в Риме. Мы знаем об этом из неизданного полностью письма П. И. Кривцова к брату его Николаю из Петербурга от 14 января 1840 года, в котором есть, между прочим, следующие строки: «Я покидаю Петербург в компании с Иваном Тургеневым, едущим со мною в Рим; там он пробудет месяц, а затем совершит небольшое путешествие по Италии и возвратится в Берлин — заканчивать свои занятия. Это молодой человек умный и начитанный, — но настоящий Ленской, студент Геттингенской. Я был

lib.pushkinskijdom.ru

очень рад возможности быть ему хоть немного полезным, чтобы отдать ему то, что его отец сделал для меня». Эти строки письма, по французскому подлиннику, цитирует, имевший его в руках, М. О. Гершензон в своей книге «Мечта и мысль И. С. Тургенева» (М., 1919, стр. 23); см. также в его книгах «Образы прошлого» (М., 1912, стр. 143) и «Декабрист Кривцов и его братья» (М., 1914, стр. 282). «Совсем неожиданный» отъезд Тургенева объяснялся именно тем, что решение его отправиться в Италию в «свите» Кривцова было принято очень быстро. Родство И. С. Тургенева с семейством Кривцовых было довольно близкое: Сергей Николаевич Тургенев (ум. в 1834 г.), отец Ивана Сергеевича, был в родстве с братьями Н. И. и П. И. Кривцовыми, а сестра их Елизавета Ивановна, вышедшая замуж за штаб-ротмистра Владимира Сомова, вступила в свойство с Варварой Петровной Тургеневой, матерью И. С. Тургенева (мать В. П. Тургеневой, Екатерина Ивановна Лутовинова, была во втором браке за одним из Сомовых) (см.: М. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья, 1914, стр. 227, 257; Родословие Кривцовых. «Русская старина», 1888, № 12, стр. 728). Алексей Владимирович Сомов, о котором идет речь в публикуемом письме Тургенева, был сыном Елизаветы Ивановны Сомовой, рожденной Кривцовой. Тем естественнее, что Тургенев встретился с ним у его дяди П. И. Кривцова, незадолго до отъезда последнего в Италию; рекомендательное письмо о нем к А. В. Никитенко, безусловно, написано Тургеневым накануне или в день отъезда его из Петербурга вместе с П. И. Кривцовым. М. К. Клеман (Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, М.—Л., 1934, стр. 25) на основании публикуемого письма, которое было ему известно в рукописи, утверждает, что будто бы в этом письме Тургенев «перед отъездом обещает Никитенко для „Современника“ письма из Италии». Это несомненная ошибка. Ту же ошибку М. К. Клеман допустил в упомянутой выше статье «Новые тексты Тургенева» (стр. 9). Прося позволения А. В. Никитенко посылать в «его» журнал корреспонденции из Италии, Тургенев не мог иметь в виду «Современник», в 1840 году выходивший еще под редакцией П. А. Плетнева. Речь, несомненно, шла о журнале «Сын отечества», так как незадолго перед тем, в конце декабря 1839 года Никитенко был утвержден ответственным редактором этого журнала и оставался им до сентября 1841 года (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, СПб., 1904, стр. 302—303, 304, 305 и 317). Первая, январская, книжка «Сына отечества» 1840 года вышла уже под редакцией А. В. Никитенко, что, несомненно, было известно и Тургеневу. Участие Тургенева в этом журнале, однако, не осуществилось; никаких писем из Италии он Никитенко не прислал. В качестве сотрудника «Сына отечества» Тургенев, несомненно, предлагал и А. В. Сомова; повидимому, это сотрудничество не состоялось; никаких статей за его подписью в «Сыне отечества» мы не обнаружили. Через несколько лет, в 1842 году, А. В. Сомов стал секретарем директора русских художников в Риме П. И. Кривцова, а после отъезда последнего в 1844 году — секретарем при Л. И. Киле. Видевший Сомова в Риме в 1845 году Ф. П. Толстой называет его «неопытным и незнающим молодым человеком», «ограниченным и ветреным» («Русская старина», 1878, № 2, стр. 350, с неверной датой письма: 1839 г. вместо 1845 г.; см.: Г. Серый. Неизвестная картина Г. Г. Чернецова. «Звенья», сб. 9, М., 1951, стр. 512; ср. также: Ф. И. Иордан. Записки ректора и профессора Академии художеств, М., 1918, стр. 238). «Сомов разбит параличом почти на смерть, вследствие потребованных отчетов князем Волконским», — писал художник А. А. Иванов Ф. В. Чижову из Рима в декабре 1845 года (М. Боткин. А. А. Ива-

lib.pushkinskijdom.ru

нов. Его жизнь и переписка 1806—1855 гг., СПб., 1880, стр. 202). В 1846 году А. В. Сомов скрылся из Рима, совершив растрату. Ввиду того, что он «из православия совратился в латинство», велено было все его имения взять в опеку («С.-Петербургские губернские ведомости», 1853, № 48, 28 ноября, отд. II).

3

Я недавно — на прошлой неделе — приехал в Петербург[1] почтенный Александр Васильевич и собирался в пятницу быть у Вас — но занемог и едва ли буду в состоянии до того времени выдти из комнаты. — Мне хотелось у Вас спросить совета на счёт книг, которые я должен получить из за границы и принуждён прибегнуть к письму. Дело состоит в следующем: я завтра ожидаю с пароходом: Александра — ящик с книгами; хотя я старался выбрать такие, которым, по моему предположению, Цензура не представит никаких препятствий — но, быть может — в числе есть и запрещённые: к кому мне обратиться и кто властен позволить мне пропуск этих книг? Я Кандидат Философии и намерен держать в Магистры: эти книги мне необходимы.[2] Еслиб Вам[a] угодно было назвать мне человека, от кого это всё зависит — я бы завтра к нему съездил и потолковал бы с ним.[3] Я надеюсь, Вы не откажете мне в моей просьбе и не взыщите на меня за то, что я Вас обеспокоил. До свиданья.

Весь Ваш

И. Тургенев.

Вторник.
‹июнь? 1841 г.›

‹*На обороте*›

Милостивому Государю
Александру Васильевичу
Никитенко.

От Тургенева.

[1] И. С. Тургенев, по окончании занятий в Берлинском университете, приехал в Петербург 21 мая/2 июня 1841 года морем на том самом пароходе «Александра», который упоминается и в публикуемом письме; следовательно, речь, повидимому, идет в нем о следующем рейсе этого парохода, курсировавшего между Петербургом и Любеком, в начале июня 1841 года; поэтому первыми числами этого месяца и следует дати-

[a] *Было* Вы были

lib.pushkinskijdom.ru

ровать данное письмо. Из Петербурга Тургенев вскоре уехал в Москву и затем в Спасское, но когда именно, остается неизвестным (М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, М.—Л., 1934, стр. 28).

[2] Тургенев удостоен был степени кандидата 24 июня 1837 года; аттестат Петербургского университета на эту степень выдан был ему с датой 10 июля этого года. В марте 1842 года Тургенев подал прошение о допущении его к испытаниям на степень магистра философии; самый экзамен по философии в присутствии А. В. Никитенко состоялся 8 апреля 1842 года (Н. М. Лисовский. Новые материалы для биографии И. С. Тургенева, СПб., 1892, стр. 6).

[3] Очевидно, болезнь Тургенева не была серьезной и скорее являлась лишь простой отпиской; об этом свидетельствует явное противоречие, допущенное им в этом письме: указывая в начале, что он не сможет выйти из комнаты до пятницы, в последних строках Тургенев выражает полную готовность совершить дальнюю поездку на другой же день — в среду.

4

Любезный Александр Васильевич,

Пользуюсь Вашим позволением и прошу Вас убедительно немножко поспешить просмотрением прилагаемой при сём безделки; Краевскому она нужна в Октябрьский № Отеч‹ественных› Зап‹исок› и он меня просил подвергнуть её сперва Вашему суждению; его пугает слово: «Монах» — но Вы увидите что монах у меня человек весьма почтенный; некоторые стихи я сам зачеркнул, потому что чувствовал их неуместность; а потому я и надеюсь что Вы к остальным будете снисходительны. Белинский хотел у Вас быть после-завтра; могу ли я надеяться что Вы ему дадите какой-нибудь ответ? Я бы сам почёл долгом явиться к Вам, но я — вот уже шестой день не выхожу из комнаты — болен. Надеюсь на Вашу снисходительность, прошу у Вас извинения и остаюсь с искренним уважением

Преданный Вам

Ив. Тургенев

Четверг, утро.
‹1844 г.›

‹Письмо сложено конвертом и запечатано сургучом›

Его Высокоблагородию

Александру Васильевичу
Никитенко.

От Тургенева.

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо это относится, повидимому, к 1844 году. М. К. Клеман (Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, М.—Л., 1934, стр. 37), видевший его в подлиннике, датирует его «концом августа—сентябрем 1844 г.», что представляется вполне правдоподобным. Под своей «безделкой», которая посылалась А. В. Никитенко для цензурного просмотра, в сопровождении публикуемого письма, Тургенев, вероятнее всего, подразумевает свою поэму «Разговор», написанную летом 1844 года. На автографе этой поэмы, хранящемся в ИРЛИ, стоит дата: «Петербург 15 мая 1844» (Бюллетени рукописного отдела ИРЛИ, вып. II, Л., 1950, стр. 49); существовала, однако, и другая рукопись той же поэмы, бывшая в руках С. Н. Кривенко (местонахождение ее в настоящее время неизвестно), представлявшая собой, по мнению С. Н. Кривенко, «черновик, потому что она переполнена множеством помарок и поправок», с датой: «20 августа, 1844 г. С. Парголово»; в этой рукописи «участвующий в разговоре старик везде называется монахом и отшельником и преобразился в старика, вероятно, исключительно в видах цензурных. На стр. 4, 9, и 14 зачеркнуто и отчеркнуто несколько стихов, с отметкою на полях: „выкинуть ради цензуры“; но все места эти, внушавшие автору опасения, не были вымараны цензурой» (Стихотворения И. С. Тургенева, изд. 2-е, просмотренное, исправленное и дополненное С. Н. Кривенко, СПб., 1891, стр. 253). В тексте этой рукописи поэмы, вместо печатающихся ныне стихов:

Стоял пустынник... Наконец
Он вышел медленно на свет—

первоначально стояло:

Вздохнул задумчиво монах...
И четки стиснувши в руках,

(там же, стр. 43). Возможно, что именно эта, ныне утраченная рукопись «Разговора» и была той, которую он посылал на отзыв А. В. Никитенко; об этом может свидетельствовать не только встречавшееся в ней слово «монах», уничтоженное автором по настоянию А. А. Краевского, но и указание самого Тургенева в публикуемом письме: «некоторые стихи я сам зачеркнул, потому что чувствовал их неуместность». Намерение Краевского поместить «Разговор» в октябрьской книжке «Отечественных записок» не осуществилось по неизвестным для нас причинам; поэма вышла отдельным изданием с полным именем автора (Разговор. Стихотворение Ив. Тургенева (Т. Л.), СПб., 1845) в самом начале 1845 года (цензурное разрешение датировано 13 декабря 1844 года, объявление о выходе в свет книги помещено в «Северной пчеле», 1845, № 9, 12 января, стр. 36; «посвящение» к поэме датировано июлем 1844 года).

Белинскому «Разговор» очень нравился, о чем он и писал Тургеневу (В. Г. Белинский, Письма, т. III, СПб., 1914, стр. 83, 347); поэма создавалась и подвергалась исправлениям на его глазах, так как летом 1844 года, когда Тургенев жил в Парголове, а Белинский неподалеку на даче Лесного института, они виделись почти каждый день; отсюда, вероятно, и намерение Белинского лично поговорить о поэме Тургенева с Никитенко, цензуровавшим «Отечественные записки», во время беседы с ним о других делах журнала. Однако это уже был не первый визит Белинского к Никитенко; Никитенко еще 21 мая 1843 года записал в своем дневнике: «На днях у меня был Белинский. Он умен. Замечания

lib.pushkinskijdom.ru

Любезный Александр Васильевич,

Повинуясь Вашему повелению и желая Вам удовольствия немного посмеяться просмотрением прилагаемой при сем бездельки; Краевскому она нужна в Октябрьской № Отеч. Зап. и он меня просил подвергнуть ее сперва Вашему суждению; он просит слово: "Молчалин" — но быв у вас видите что Молчалин у меня гибнет весьма потешно; а некоторые стихи в сем действии, потому что нравоучения тут нет никакого; а потому и надеюсь что Вы их оставлять будете совсем исключительно. Книжки Ваши у Вас быть послезавтра; могу ли я надеяться что Вы ему дадите какой-нибудь ответ? Я бы сам очень должен был быть у Вас, но я — вот уже третий день не выхожу из комнаты — болен. Надеюсь на Вашу снисходительность, прошу у Вас извинения и остаюсь с искреннейшим уважением

Преданный Вам

Ив. Тургенев

Четверг. утро.

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо И. С. Тургенева к А. В. Никитенко, 1844 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

его часто верны, умны и остроумны, но проникнуты горечью» (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, СПб., 1904, стр. 341).

5

Любезный Александр Васильевич,

Панаев доставил мне от Вашего имени перевод Байронова «Сна» — и сказал что Вы желаете знать моё мнение на счёт этого перевода. Я вчера прочёл и сличил его с оригиналом и убедился что Г-н Переводчик плохо знает и Английский и Русский язык. — Посылаю Вам этот перевод.

Очень сожалею что давно не имел удовольствия Вас видеть; Вы, говорят, были нездоровы? Надеюсь свидеться с Вами в пятницу — а до тех пор прошу Вас принять уверение в моём искреннем уважении.

Преданный Вам

И. Тургенев.

‹Конец 1846 г.—начало 1847 г.?›

Предположительно относим это письмо к концу 40-х или началу 50-х годов. Возможно, что оно относится к концу 1846 или самому началу 1847 года (до половины января), когда Тургенев принимал близкое и непосредственное участие в делах редакции «Современника», перешедшего по арендному договору (в октябре 1846 года) в руки И. И. Панаева и Некрасова; официальным редактором журнала (начавшего выходить с января 1847 года) числился в это время А. В. Никитенко. Полагаем, что перевод поэмы Байрона, сделанный неизвестным нам лицом, направлен был А. В. Никитенко Тургеневу через И. И. Панаева скорее всего потому, что он предназначался для публикации во вновь основанном «Современнике». А. В. Никитенко, который, по собственному свидетельству, «не говорил и не понимал по-английски» (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, СПб., 1904, стр. 533), посылал этот перевод Тургеневу, хорошо знавшему английский язык, для сверки с оригиналом. Отрицательный отзыв об этом переводе, данный Тургеневым в публикуемом письме, повидимому, решил его участь; в «Современнике», во всяком случае, он не появился ни в 1847 году, ни в более поздние годы. Любопытно, однако, что автобиографическая поэма Байрона «Сон» («The Dream», 1816) была несколько раз переведена на русский язык именно во вторую половину 40-х годов: нам известны переводы «Сна», исполненные будущим петрашевцем С. Ф. Дуровым («Иллюстрация», 1846, т. III, № 37, стр. 579—580), Д. Коптевым («Московский городской листок», 1847, № 283, 31 декабря, стр. 1132—1133) и В. Красовым («Отечественные записки», 1849, т. 63, № 3, отд. VIII «Смесь», стр. 42).

lib.pushkinskijdom.ru

6

Сегодня вечером, многоуважаемый Александр Васильевич, Огарев читает у нас свою поэму. — Не придёте ли Вы часов в 9, прежде чем идти к Норову? — Вы бы всех нас — и меня в особенности — очень этим обрадовали. —

Дружески жму Вам руку

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

Середа.

‹С.-Петербург, 14 декабря 1855 г.›

И. С. Тургенев, познакомившийся с Н. П. Огаревым (1813—1877) еще в 1841 году, был особенно близок с ним в конце 1855—начале 1856 года в Петербурге, где Огарев жил несколько месяцев в хлопотах о заграничном паспорте. Мы имеем об этом ряд свидетельств в письмах Н. А. Тучковой-Огаревой из Петербурга к родителям. Так, 26 ноября 1855 года она пишет: «Вчера явился Тург‹енев›. У него страсть к Ог‹а-реву›. В один день был два раза»; в ее же письме от 5 декабря 1855 года об Огареве сказано: «сегодня он обедает у Тург‹енева› и знакомится с Толстым, который писал Детство, помнишь? — Новые стихи Ог‹арева› очень нравятся здесь...» («Русские пропилеи», т. IV, М., 1917, стр. 141). В дальнейших письмах Н. А. Тучковой находятся новые упоминания о частых дружеских встречах Тургенева с Огаревым в это время, об интересе его к поэзии Огарева и стремлениях популяризировать еще неопубликованные произведения Огарева в петербургских литературных кругах. В письме от 11 декабря 1855 года Н. А. Тучкова пишет: «Тург‹енев› и Сологуб так протрубили об стихах Ог‹арева›, что все, даже вовсе незнакомые, хотят его видеть; не мудрено, что это его радует, стало и меня, стало и тебя. Завтра будут читать его стихи там, где самому никогда не доведется быть». Из письма от 13 декабря видно, что в этот день Огарев вместе с Тургеневым отправились слушать любительский концерт. Наконец, в письме от 14 декабря 1855 года мы находим строки, позволяющие точно датировать публикуемую записку Тургенева к А. В. Никитенко. Н. А. Тучкова пишет: «Ог‹арев› теперь на вечере у Тург‹енева›; опять читает „Зимний путь“» (там же, стр. 142, 143). Таким образом, Тургенев приглашал Никитенко на чтение поэмы Огарева «Зимний путь» в тот самый день, когда это чтение состоялось, т. е. в среду 14 декабря 1855 года.

Поэма Огарева «Зимний путь» в это время еще не была напечатана; она увидела свет в шестой книжке «Русского вестника» 1856 года (посвящена П. В. Анненкову); однако немалая роль в продвижении ее в печать принадлежит, несомненно, именно Тургеневу. «...Что же вы мне не прислали Вашей поэмы? — писал Тургенев Огареву в недатированной записке, которую следует относить к периоду между январем и апрелем 1856 года. — Пожалуйста, пришлите с этим посланным — если не для цензуры, то для меня. — Я вам в целости возвращу» («Русские пропилеи», т. III, М., 1916, стр. 345—346; приложено факсимиле). Около того же времени Тургенев писал к П. А. Вяземскому: «Вы были так добры и

lib.pushkinskijdom.ru

изъявили участие к Огареву, не можете ли Вы написать мне небольшую записку, в которой Вы бы сказали, что, кроме зачеркнутых мест, Вы не находите в его поэме ничего против-цензурного. — Я бы мог сослаться тогда на Вашу записку, — как я уже сделал это однажды — и наверное с тем же успехом» (Н. Бельчиков. Тургенев и Вяземский. «Документы по истории литературы и общественности», вып. 2, И. С. Тургенев. ГИЗ, М.—П., 1923, стр. 23, 27). Очень возможно, что приглашение Тургеневым А. В. Никитенко к себе на чтение «Зимнего пути» преследовало ту же цель — заручиться содействием влиятельного цензора, дружными усилиями убедив его в том, что в поэме нет «ничего противоцензурного». У нас нет сведений, присутствовал ли на этом чтении А. В. Никитенко; по крайней мере, в своем дневнике он об этом не упоминает. Повидимому, Никитенко на чтение не явился прежде всего потому, что, как это явствует и из публикуемой записки Тургенева, Никитенко должен был быть в этот день у министра народного просвещения Аврама Сергеевича Норова; известно, что вечерние приемы у Норова бывали именно по средам, что Никитенко их посещал и что как раз в начале декабря 1855 года между ним и министром произошла размолвка, вскоре уладившаяся (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, СПб., 1904, стр. 438, 468). С другой стороны, Никитенко уже в эту пору не очень жаловал тех литераторов, которые были близки к кругам «Современника».

Существует еще одно свидетельство о сильной заинтересованности Тургенева реалистической поэмой Огарева «Зимний путь», в которой поэт в форме путевых воспоминаний дал несколько стихотворных рассказов, связанных с местами, окружавшими его усадьбу в Старом Акшене. М. Г‹ершензон› в своем «Воспоминании о Л. Н. Толстом», записанном в 1904 году на другой день после беседы с писателем, приводит следующий рассказ Л. Н. Толстого (речь шла о стихах Н. П. Огарева): «„Помню, гостил я раз у Тургенева; поздно вечером возвращается Тургенев и говорит, стал у печки, как обыкновенно: «Какое впечатление, какой успех! читали стихотворение Огарева „Пожар“ — чудесная вещь!». А на другой день я прочитал — ничего особенного“. Я сказал, что это, вероятно, отрывок из „Зимнего пути“, и он спросил, какое содержание поэмы» («Новые пропилеи», т. I, М.—П., 1923, стр. 97). Речь, несомненно, шла о поэме «Зимний путь», в пятой главе которой рассказывается о пожаре, испепелившем деревню:

Вот здесь пустырь. Была недавно
Деревня. Жили в ней исправно;
Но от нее теперь одни
Торчат обугленные пни.
В субботу в ночь оно случилось... и т. д.

Добавим, что воспоминание Л. Н. Толстого, несомненно, относится к декабрю 1855 года: приехав из Севастополя 21 ноября этого года, Толстой, по словам Н. А. Некрасова (Собрание сочинений, т. V, ГИЗ, М.—Л., 1930, стр. 232—233), явился «прямо с железной дороги к Тургеневу»; знакомство Толстого с Огаревым, как уже было упомянуто выше, состоялось на обеде у Тургенева 5 декабря; именно к этому периоду относятся наиболее восторженные отзывы Тургенева о поэме «Зимний путь»; охлаждение отношений между Тургеневым и Толстым наступило в феврале 1856 года.

М. П. Алексеев

lib.pushkinskijdom.ru

И. С. АКСАКОВУ

Переписка И. С. Тургенева с семьей Аксаковых публиковалась уже не один десяток лет. Еще в 1894 году, в первой и второй книгах «Вестника Европы» напечатано было 42 письма Тургенева к Сергею Тимофеевичу Аксакову и его сыновьям, Константину и Ивану Сергеевичам (за 1852—1857 годы); в том же году, в журнале «Русское обозрение» (1894, кн. 8—12 и отдельный оттиск) Л. Н. Майков напечатал 56 писем Аксаковых к Тургеневу (за 1851—1861 годы). Отдельные письма Тургенева к Аксаковым публиковались и позже в различных журналах и газетах. Так, письмо его к И. С. Аксакову от 3 марта 1859 года впервые увидело свет в газете «Новое время» (1900, № 8626); в «Литературном вестнике» (1903, кн. 5, стр. 79—82, и кн. 6, стр. 159—160) появилось несколько новых писем Тургенева к Аксаковым, в том числе к Ивану Сергеевичу (от 22 октября и 13 ноября 1859 года, от 20 апреля 1863 года и 31 августа 1867 года); письмо Тургенева к нему же напечатано М. К. Лемке в его книге: Николаевские жандармы и литература 1826—1852 гг., изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 206—207. Наконец, в 1939 году еще два письма Тургенева — к И. С. Аксакову (от 28 декабря 1852 года) и к К. С. Аксакову (от 12 марта 1859 года), а также две записки его, не имеющие дат (предположительно они отнесены к 1851 году), по автографам Тургенева, хранящимся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (в архиве Аксаковых), напечатал И. С. Ежов (Труды Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, сб. IV, М., 1939, стр. 221—226). Некоторые из указанных писем перепечатывались и в других изданиях (см., например: В. Зелинский. Собрание критических материалов для изучения произведений И. С. Тургенева, вып. III, изд. 5-е, М., 1908; И. С. Тургенев, Собрание сочинений. Под редакцией Н. Л. Бродского, т. 11, Библиотека «Огонек», изд. «Правда», М., 1949, и др.).

Помещаемые ниже три новых письма Тургенева к И. С. Аксакову 1851 и 1861 годов случайно откололись от серии названных выше писем и печатаются впервые, существенно дополняя всю его переписку с семьей Аксаковых.

Сближение Тургенева с этой семьей, как известно, относится к началу 50-х годов. С главой семьи, С. Т. Аксаковым, Тургенев познакомился в конце декабря 1849 года. В начале января 1851 года он несколько раз присутствовал при чтении отрывков «Записок ружейного охотника». 26 января этого года Сергей Тимофеевич писал сыну И. С., что Тургенев был у него «третьего дни, вчера и будет сегодня» («Русская мысль», 1915, № 8, стр. 128); Тургенева, заболевшего в середине января 1851 года, два раза посетил К. С. Аксаков; в начале февраля того же года Тургенев собирался прочесть Сергею Тимофеевичу в Москве отрывки из «Записок охотника», но «какие то неожиданные обстоятельства его захватили и он даже уехал не видавшись со мной», — писал С. Т. сыну И. С. 6 февраля 1851 года («Русская мысль», 1915, кн. 8, стр. 129); Тургенев спешил в Петербург на представление своей комедии «Провинциалка». В это же время К. С. Аксаков совершил кратковременную поездку в Петербург (И. С. Аксаков в его письмах, т. II, М., 1888, стр. 379—380), пытался повидаться с Тургеневым, но это свидание не состоялось. «Вообразите, — писал Тургенев Е. М. Феоктистову 16 февраля 1851 года, — ‹К. С.› Аксаков был в Петербурге — и ко мне заходил — не застал меня дома — и не оставил своего адресса, так что я никак не мог отплатить ему его визит — он так и уехал. Доставьте ему через

lib.pushkinskijdom.ru

Грановского мой поклон и мое сожаление, что не видел его здесь» (Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, стр. 137). Таким образом, первые два из публикуемых ниже писем относятся к начальному периоду знакомства и сближения Тургенева с этой семьей славянофилов и задолго до серьезных расхождений с И. С. Аксаковым (1823—1886), когда он стал глашатаем самодержавия и православия. (С. Т. Аксаков умер в 1859 году, К. С. Аксаков — в 1860 году). Любопытно, что во всех трех письмах идет речь о предполагавшемся, но не состоявшемся участии Тургенева в славянофильских изданиях: в «Московском сборнике» — 1852 года, а также в газете «День» — 1861 года.

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (ф. 3, оп. 4, №№ 624, 625).

1

С. Петербург.
4/16 Декабря 1851.
Вторник.

Любезнейший Иван Сергеевич, спешу отвечать на Ваше радушное и любезное письмо. Мне нечего Вам говорить что я с охотой соглашаюсь участвовать в Вашем сборнике; [1] боюсь только что не сумею сделать ничего порядочного — готового у меня не имеется — ни одной строки — а нежелание писать о котором я Вам помнится говорил в Москве — усиливается с каждым днем. Мне с одной стороны хочется не говорить — а слушать — а с другой — о чем говорить и как говорить — теперь? Наши мнения могут во многом расходиться — (хотя признаюсь, с Вами, я бы затруднился сказать именно в чем) но мы на столько сочувствуем друг другу, что дальнейшие изъяснения излишни. Повторяю — я готов и рад, по мере сил, содействовать Вашему делу — но едва ли я, при теперешнем настроении моего духа, могу быть Вам полезным. Это не апатия, не усталость — это то выжидание, то желание истинных, дельных впечатлений, которое вероятно знакомо и Вам. — Собственно литературная чесотка давно во мне угомонилась — когда я опять возьму перо в руки, это я сделаю уже вследствие других внушений, другой внутренней необходимости. Если мне удастся сделать что-нибудь — пошлю Вам — а Вы распорядитесь как знаете — во всяком случае могу Вас уверить что мне очень хочется участвовать именно в Ваших изданиях. —

На днях Вы получите от меня копию с прошений из Записной книжки моего деда [2] — а Вы пожалуйста не забудьте переслать ко мне известную Вам песню.[3]

lib.pushkinskijdom.ru

Поклонитесь от меня самым дружеским поклоном Вашему батюшке [4] и брату.[5] — Когда же явятся Охотничьи Записки? [6] — Я с истинным нетерпеньем ожидаю этой книги. Я может быть буду в Москве в январе [7] и с радостью увижу всех вас. До тех пор, будьте здоровы и веселы — и работайте, пока работается. — Жму Вам дружески руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Мой адресс: «На углу Малой Морской и Гороховой, в доме Гиллермé, квартера № 9».

[1] Речь идет о «Московском литературном и ученом сборнике», являвшемся печатным органом славянофильского кружка. Две книги этого «Сборника» были выпущены в 1846—1847 годах, но затем издание было приостановлено. В конце 1851 года возникла мысль возобновить это издание. И. С. Аксаков решил привлечь к участию в нем также Тургенева и писал ему в том письме (от 26 ноября 1851 года), ответом на которое служит публикуемое письмо Тургенева: «Брат и я просим Вас, любезнейший Иван Сергеевич, прислать непременно что-нибудь для нашего „Сборника“: какую статью — вам не нужно сказывать, разумеется, не в роде „Провинциалки“ (не смотря на все достоинство ее мелких черт), а больше в духе „Записок Охотника“...» («Русское обозрение», 1894, кн. 8, стр. 458). Третья книга «Сборника» (под редакцией И. С. Аксакова) вышла в Москве в 1852 году, четвертая, предназначавшаяся к напечатанию в 1853 году, была запрещена цензурой (за статью К. С. Аксакова «О богатырях князя Владимира»), и на этом издание прекратилось; Тургенев так и не принял в нем участия.

[2] О «Прошениях из Записной книжки моего деда» см. в следующем публикуемом письме Тургенева (примечание 5), где они именуются «Просьбами Оленина».

[3] Речь, несомненно, идет о «раскольническом стихе», ставшем известным И. С. Аксакову в Ярославле, куда он был командирован в мае 1849 года в качестве члена комиссии для изучения секты «бегунов», привлекшей к себе внимание властей благодаря своему ярко выраженному антиправительственному характеру (см.: А. А. Дунин. И. С. Аксаков в Ярославле. «Русская мысль», 1915, кн. 8, стр. 107—134). Возвратившись в Москву в апреле 1851 года, И. С. Аксаков написал здесь обширную деловую записку об этой секте (см.: «Русский архив», 1866, № 4, стр. 627—644), в которой был приведен и «бегунский» стих, сильно заинтересовавший Тургенева, при первых же встречах с И. С. Аксаковым, несомненно, беседовавшего о расколе и сектантстве. В письме от 27 декабря 1851 года И. С. Аксаков сообщил Тургеневу, что он с оказией пришлет ему «известный стих» («Русское обозрение», 1894, № 8, стр. 460); вскоре обещание это было выполнено: И. С. Аксаков дождался «оказии» (опасаясь, повидимому, доверять этот документ почте) и писал Тургеневу 4 января 1852 года: «Посылаю Вам... с *оказией* раскольнический стих. Он переписан во всем согласно с подлинником: даже все ошибки и правописание, все неясности и непонятные слова удержаны. Нé по чему править, да и не возьму я этого на себя; но нет сомнения, что рукопись

lib.pushkinskijdom.ru

которая у меня в руках, есть список и, вероятно, неправильный с другой рукописи. Но нужды нет: характер, дух всей песни слышится и чувствуется достаточно» («Русское обозрение», 1894, кн. 8, стр. 461). Рассказы И. С. Аксакова Тургеневу о сектантах, так же как и посланный ему «раскольнический стих», не только раскрыли ему характер движения, но даже, по предположению Н. Л. Бродского (Н. Л. Бродский. И. С. Тургенев и русские сектанты. М., 1922, стр. 8—9), отразились в некоторых рассказах «Записок охотника», например, в «Касьяне с Красивой Мечи»: «...антицерковные настроения и типовое значение Касьяна подчеркнуты были Тургеневым в отдельном издании „Записок Охотника“ 1852 года, чего не было на страницах „Современника“» (там же).

[4] Сергею Тимофеевичу Аксакову.

[5] Константину Сергеевичу Аксакову.

[6] Речь идет о книге С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», первое издание которой вышло в Москве весной 1852 года. Тургенев тотчас же откликнулся на нее в предварительной заметке (без подписи) в апрельской книжке «Современника» (1852, т. XXXII, № 4, отд. VI, стр. 325—331), а затем и большой рецензией (за подписью И. Т.), напечатанной в январской книжке того же журнала за 1853 год (т. XXXVII, № 1, отд. III, стр. 33—44); ср. письмо Тургенева к С. Т. Аксакову от 17 октября 1852 года («Вестник Европы», 1894, т. I, стр. 336—337).

[7] Тургенев не осуществил свое намерение приехать в Москву в январе 1852 года из-за болезни. Е. М. Феоктистову он писал из Петербурга 29 декабря 1851 года: «...я сегодня только что встал с постели, на которой провалялся около двух недель, благодаря начавшемуся воспалению в легких» (И. С. Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, стр. 148—149). Арест и ссылка Тургенева в Спасское из-за напечатания им «Письма» о смерти Гоголя надолго лишили его возможности приехать в Москву: он был здесь лишь недолго в двадцатых числах мая, проездом в деревню, и Аксаковых не видел («Вестник Европы», 1894, т. I, стр. 333—335).

2

С. Петербург.

Понедельник, 31-го Дек‹абря› 1851

Спешу ответить на Ваше доброе и милое письмо, любезный Иван Сергеевич — Вы верно выразили то́, что именно во мне происходит. — Мне точно как будто хочется помолчать и не столько осмотреться кругом сколько взглянуть на самого себя, да не тем анализирующим и отрывочным взглядом, который каждый из нас то и дело обращает на свою внутренность — а другим...[1] В следствии этого мне бы не хотелось чтобы Вы предполагали во мне возможность жертвовать идолам, в то самое время когда я их признаю ложными. — «Современник» (это между нами) объявил на своей обертке о моих рассказах,[2] не только не с моего согласия — но даже

lib.pushkinskijdom.ru

получив от меня из деревни решительный ответ, что у меня ничего нет — а «От‹ечественные› Записки» больше ничего не желали как выставить моё имя. Современник может быть получит от меня ничтожный рассказ,[3] начатый давно тому назад (я не умею противиться усиленным просьбам) но моя литературная деятельность тем и ограничится. — Разбор на Племянницу (в 9-й кн‹ижке› Совр‹еменника›) написал я[4] по данному обещанию Г-же Тур — и наказан за то: всё что было в моей статье порядочного, в смысле дельного — Цензура выкинула. — Здешняя Цензура глупа до невероятности. — Впрочем бог с ними и бог с ней совсем — моя дорога кажется пошла прочь от всего этого. —

Но между тем я бы желал доказать Вам мою готовность быть по мере сил полезным Вашему изданию — и вот Вам обещанная копия с просьб Оленина, о которых я Вам говорил[5] — я присоединил к ним несколько слов — Не знаю что скажет Ваша Цензура — боюсь что она найдет эти просьбы слишком ещё современными — Тогда сохраните их у себя как любопытный памятник недавней старины. Особенно хороша 2-ая просьба.

Не знаю, увижу ли я Вас в Москве нынешней зимой а очень бы хотелось. Я был очень болен всё это время — у меня сделалось воспаленье в легких — я и теперь ещё не выхожу из комнаты, кашляю и грудь вся как разбитая. — Во всяком случае поклонитесь самым дружеским поклоном от меня — Вашему отцу и брату. Сергею Тимофеевичу скажите, чтобы он непременно печатал свою книгу[6] — а уж рецензию на неё напишу я — этого удовольствия я никому другому не уступлю — для такого праздника я свой литературный пост нарушу с радостью!

Желаю Вам всего хорошего на новый год и не знаю как благодарить Вас за Ваше сочувствие ко мне — Дай бог чтобы всё что Вы говорите оправдалось! — Прощайте — Жму Вам, С‹ергею› Т‹имофеевичу› и К‹онстантину› С‹ергеевичу› крепко руки и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. — Поклонитесь от меня Гоголю.[7] Что́ он здоров? — Мне не́ для чего говорить что Вы можете делать с этими просьбами всё что Вам вздумается, выкинуть имена, переменить моё маленькое вступление и т. д. Это совершенно в Вашей власти.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Эти слова написаны Тургеневым в ответ на письмо И. С. Аксакова от 27 декабря 1851 года, в котором есть следующие строки: «И не принуждайте себя писать, любезнейший Иван Сергеевич: ждите, пока послышите в себе „внутреннюю необходимость". Это нежелание литературничать, мне кажется, служит верным ручательством в пробуждении в вас лучших, искренних требований; должно быть, вы если не нашли, то почуяли истину, по крайней мере испытываете мучительное сначала, но, вероятно, спасительное безверье в отношении к выработавшемуся доселе человеческому умствованию... Я рад буду, если вы не будете писать *теперь*, — и очень будет грустно мне, когда увижу в печати какую-нибудь вещь, написанную так, без внутренней необходимости, вещь дешевую, на которую не стоило бы тратить ни времени, ни таланта» («Русское обозрение», 1894, кн. 8, стр. 459—460).

[2] На обложках ноябрьской и декабрьской книжек «Современника», действительно, значилось, что для журнала на 1852 год «изготовлены между прочим... Рассказы И. С. Тургечева». Именно это объявление И. С. Аксаков и имел в виду, когда писал Тургеневу (27 декабря 1851 года): «*Современник* и *Отечественные Записки* объявляют о вашем сотрудничестве» («Русское обозрение», 1894, кн. 8, стр. 460).

[3] Под своим «ничтожным рассказом» Тургенев, несомненно, подразумевает «Три встречи», напечатанный во второй книжке «Современника» 1852 года.

[4] Речь идет о романе Е. Тур (гр. Салиас) «Племянница» (М., 1851). Критический отзыв Тургенева об этом романе напечатан не в «9-й кн. Современника», как указано в настоящем письме, а в первой (январской) книжке журнала за 1852 год. При позднейшей перепечатке этой своей статьи в «Сочинениях» (т. I, М., 1880, стр. 308—327) Тургенев восстановил некоторые цензурные пропуски журнального текста, упомянув здесь же, что ряд мест был выкинут «цензором, питавшим личное неблаговоление к Гоголю» (там же, стр. 313). Говоря о своей статье по поводу «Племянницы» в письме К. Н. Леонтьеву (от 2 февраля 1852 года), Тургенев также отметил, что в этой статье «настоящего дела я, по причине цензуры, сказать не мог, и потому она может подать повод к недоразумениям» («Русская мысль», 1886, кн. 12, стр. 67). Тем не менее, статья Тургенева произвела сильное впечатление и оживленно обсуждалась в литературных кругах. Свод мнений и откликов на эту статью см. в комментариях Ю. Г. Оксмана к «Сочинениям» И. С. Тургенева, т. XII, Гослитиздат, М.—Л., 1933, стр. 512—514; см. ниже также письмо Тургенева к А. В. Топорову от 6 сентября/25 августа 1879 года на стр. 292—293.

[5] «Просьбы Оленина», в предшествующем письме называемые «Прошениями из Записной книжки моего деда», предназначались для «Московского сборника». Получив их, И. С. Аксаков писал Тургеневу 4 января 1852 года: «Все советуют напечатать, но все сомневаются, пропустит ли цензура. Если отдел смеси устроится, то я отдам их цензору. А в самом деле, какой замечательный язык в этих „просьбах"!» («Русское обозрение», 1894, кн. 8, стр. 461). Отдел «Смеси» в «Московском сборнике», однако, не был сформирован, документ, присланный Тургеневым, в цензуру не поступал и, возвращенный Тургеневу, пролежал у него в столе еще около двадцати лет. «Просьбы Оленина» под заглавием «Образчик старинного крючкотворства» опубликованы были только в 1870 году в первой книге «Русского архива». В письме к издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу от 18/30 ноября 1869 года, напечатанному в виде предисловия к этим «Просьбам», Тургенев писал: «... прадед

lib.pushkinskijdom.ru

мой вписал в свою тетрадку три просьбы некоего сек‹унд-›майора Аленина ‹1796 г., на имя правителя Тамбовского наместничества, генерал-майора С. В. Неклюдова›. Они вероятно поразили его мастерством изложения, знанием законов, смелостью обличительных нападок. Просьбы эти, которые сам секунд-майор называет незастенчивыми, действительно любопытны, как знамение того времени, как образчик чистейшего ябеднического слога, возвышающегося иногда до красноречия и не лишенного своеобразной юмористической окраски» и т. д. («Русский архив», 1870, кн. 1, стр. 270).

[6] Речь идет о «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Тургенев с нетерпением ожидал их появления, торопил автора с печатанием книги, обещал написать статью о ней: «для меня... написать их разбор будет просто праздник» («Вестник Европы», 1894, кн. 1, стр. 331—332; ср. письмо Тургенева к И. С. Аксакову от 9 апреля 1852 года, там же, стр. 333).

[7] В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев отметил, что в 40-х годах он видел Гоголя «раза два» в доме Е. П. Елагиной. Известно также, что Гоголь обратил внимание на Тургенева уже в конце 40-х годов: «Изобразите мне также портрет молодого Тургенева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке, — писал Гоголь П. В. Анненкову 7 сентября 1847 года, — как писателя, я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что́ прочел, талант в нем *замечательный* и обещает большую деятельность в будущем» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии Наук СССР, 1952, стр. 385). Знакомство Тургенева с Гоголем состоялось, однако, только в 1851 году; к Гоголю водил его М. С. Щепкин. 3 ноября 1851 года Тургенев присутствовал на чтении Гоголем «Ревизора». А. Т. Тарасенков (Последние дни жизни Гоголя, изд. 2-е, М., 1902, стр. 10—11) рассказывает, что он слышал из уст Гоголя отзыв о «Провинциалке» Тургенева, поставленной в 1851 году и в том же году напечатанной в первом номере «Отечественных записок». Сохранилось известие, что 27 января 1851 года Гоголь внимательно выслушал чтение вслух «Завтрака у предводителя» Тургенева и остался доволен женским характером этой пьесы («Русский архив», 1902, № 3, стр. 557). По словам Л. Арнольди, о сочинениях Тургенева Гоголь «отзывался с большою похвалой» («Русский вестник», 1862, кн. 1, стр. 86).

3

Париж

8/20-го Нояб‹ря 18›61.

Я только что получил Ваше письмо, любезный И‹ван› С‹ергеевич› — и спешу сознаться, что я точно виноват перед Вами в неисполнении моего обещания. — В Берлине я остаюсь всего несколько часов — а попавши сюда, я завертелся как в омуте — и пера в руки не брал. — Этому горю помочь теперь нельзя; сведения, сообщенные мною Вам о состоянии крестьянского вопроса [1] в *Сентябре* месяце — потеряли теперь всякий интерес — и я уверен, что Ваши корреспонденты из мировых посредников сообщили уже Вам все более любопытные факты. — Но я всё таки считаю себя в долгу перед

lib.pushkinskijdom.ru

Вами — и постараюсь доставить Вам в теченьи нынешнего же года какую нибудь статью для Вашего издания. —

Из Московских Ведомостей я узнал, что уже несколько нумеров «Дня»[2] появились; сделайте одолжение, присылайте мне их, по почте, под бандеролью — как простые письма (я таким образом получал очень аккуратно «Русскую Речь»[3]) платить, разумеется, буду я. Убедительно прошу Вас исполнить эту просьбу. — Мой адресс: Rue de Rivoli, 210.

Печатание моей повести[4] отложено на неопределенное время; и время теперь не такое — да и поправить её нужно. Во всяком случае она до весны не явится — а я тогда буду в Москве — и прочту её Вам в поправленном виде.

Обо всём остальном, что происходит в России, нужно говорить слишком много или молчать. — Я вижу что в 3-м № Дня есть статья: «К Студентам».[5] — Дай бог чтобы они послушались голоса человека, которого они[a] не могут заподозрить! —

Будьте уверены что никто больше меня не желает успеха Вашему журналу и примите уверение в искренней преданности

Вашего

Ив. Тургенева

P. S. Передайте мой усердный поклон Вашей матушке.[6]

[1] Освобождение крестьян от крепостной зависимости было предметом постоянного обсуждения и переписки Тургенева с И. С. Аксаковым, в особенности с конца 1858 года, когда Тургенев начал вводить в своих имениях подготовительные меры — перевод крестьян на оброк, размежевание и т. д. (см. его письмо к И. С. Аксакову от 22 октября 1859 года — «Литературный вестник», 1903, т. VI, кн. 5, стр. 80, и воспоминания бывшего тургеневского крепостного Ф. Б. — «Русский вестник», 1885, кн. 1, стр. 338—373).

Крестьянская реформа 1861 года застала Тургенева за границей. Он живо интересовался ее проведением и просил друзей писать ему обо всех событиях. Весной 1861 года Тургенев возвратился в Россию, а лето провел в Спасском, занимаясь устройством «нового быта» своих бывших крепостных (ср. в письме к Я. П. Полонскому от 14 июля 1861 года — И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 93—94). Об этом, повидимому, он и собирался писать в газету «День». И. С. Аксаков торопил его: «Пишу к вам, чтобы напомнить вам, дорогой Иван Сергеевич, о вашем обещании. Мне очень нужно *такое* письмо, деловое и дельное, из провинции, с места; нужно пропустить живую струю свежего воздуха, которая только и может веять оттуда — снизу. Пожалуйста напишите. Я уже не говорю о том, как дорожу вашим сотрудничеством» (письмо от 4 сентября 1861 года — «Русское обозрение», 1894, кн. 12,

[a] *Далее зачеркнуто* подозревать

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 599). В письме к Тургеневу, отнесенном Л. Н. Майковым к «исходу» 1861 года, но, повидимому, относящемуся не позже, чем к концу сентября этого года, И. С. Аксаков писал: «Что же ваше обещание, любезный Иван Сергеевич? Мне очень бы хотелось и нужно бы было поместить ваши „Четыре месяца в деревне“» («Русское обозрение», 1894, кн. 12, стр. 599). Статья Тургенева под таким названием не была написана; она и предназначалась, вероятно, в газету «День»; не сохранилось, повидимому, также никаких рукописей, относящихся к этому замыслу; листки чернового автографа в парижском архиве Тургенева, условно озаглавленные «О призвании и назначении русского дворянства» (A. Mazon. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev, Paris, 1930, p. 98; см.: М. Клеман. Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева — в сборнике «И. С. Тургенев /К пятидесятилетию со дня смерти/», Гослитиздат, Л., 1934, стр. 358), относятся к более раннему времени (к концу 1860 года).

[2] «День» — еженедельная славянофильская газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в Москве с 15 октября 1861 года; «Политический отдел» в ней разрешен не был. В 1862 году газета была запрещена после № 34 и возобновилась 15 октября; окончательно издание «Дня» было прекращено в 1865 году.

[3] «Русская речь» — журнал, выходивший в Москве под редакцией Е. Тур (гр. Е. В. Салиас) с января 1861 года по 4 января 1862 года дважды в месяц.

[4] «Отцы и дети». Роман был напечатан в «Русском вестнике», 1862, № 2.

[5] Речь идет о статье «Слово к студентам» И. С. Аксакова, напечатанной в газете «День» 28 октября 1861 года (см.: Сочинения И. С. Аксакова, т. VII, М., 1887, стр. 415—420).

[6] Ольга Семеновна Аксакова.

Б. Н. Капелюш

А. В. ТОПОРОВУ

В переписке Тургенева последних десяти лет его жизни нередко встречается имя А. В. Топорова. Это был близкий приятель писателя, человек исключительно ему преданный, выполнявший многочисленные и разнообразные поручения Тургенева. Через А. В. Топорова поддерживалась живая связь писателя с родиной, вдали от которой он жил в это время; именно Топоров, «исправнейший из комиссионеров», как называл его Тургенев, выписывал для него русские газеты и журналы, пересылал ему вновь выходившие русские книги, сообщал о тех или иных событиях общественно-политической и литературной жизни России 70-х — начала 80-х годов. Писатель высоко ценил А. В. Топорова, о чем свидетельствуют многочисленные и неизменно доброжелательные упоминания его имени в письмах Тургенева к разным лицам. «Он настоящий друг», — подчеркивал Тургенев в письме к Ю. П. Вревской от 20/8 февраля 1877 года (Щукинский сборник, вып. V, М., 1906, стр. 490). «Это человек безукоризненной честности, дельный, преданный и деятельный», — писал Тургенев М. М. Стасюлевичу 25/13 апреля 1878 года, рекомендуя ему А. В. Топорова (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 150). «Человек он честный и дельный», — указывал писатель Д. В. Григоровичу в письме от 16 декабря 1881 года (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 393).

lib.pushkinskijdom.ru

Биография Александра Васильевича Топорова (1831—1887) не лишена интереса. Сын мелкого придворного служителя, А. В. Топоров в молодости был лакеем Александра II. П. Д. Боборыкин в статье «Из царства теней. Приятели Тургенева» сообщает, что Топоров исполнял должность «рейт-кнехта», как в придворном штате называли денщиков, состоявших «при особе государя». По словам П. Д. Боборыкина, в обязанности такого «рейт-кнехта» входило «ведение денного журнала с записями всех выездов и приемов, всей программы дня» («Русское слово», 1908, № 50, 29 февраля). Тяготясь своей должностью, Топоров сдал экзамен на зубного врача и занял место дантиста при дворцовом врачебном дежурстве. С юности он испытывал стремление к знаниям, о чем свидетельствуют его тетради, в которые он переписывал «стихотворения Пушкина, Лермонтова и Некрасова, и разного рода сочинения обширной в 50-е годы нецензурной литературы» (А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, 1928, стр. 244). Захваченный общественно-политическим движением 60-х годов, Топоров стал горячим поклонником новых прогрессивных идей и стремился распространить их среди молодежи.

По словам А. М. Скабичевского, «в начале 60-х годов пропаганда его ‹А. В. Топорова› проникла даже в стены училища правоведения. Ему удалось составить кружок из нескольких старших воспитанников этого замкнутого аристократического заведения. Кружок возбудил подозрение в начальстве. Произошла крупная училищная история, в результате которой несколько лучших воспитанников выпуска были исключены. Государю было доложено полицией о правоведческой истории и об участии в ней Топорова» (там же, стр. 244—245). В это время он уже был знаком с Н. Г. Чернышевским, Г. З. Елисеевым, Н. С. Курочкиным и рядом других сотрудников «Современника» и «Искры».

По словам П. Д. Боборыкина, Топоров «забавно» сочетал свое служебное положение «с самым недвусмысленным вольнодумством, в особенности на политико-радикальные темы, и всегда стремился попадать в самые передовые кружки» («Русское слово», 1908, № 50, 29 февраля).

Наиболее близкие отношения были у Топорова с В. А. Слепцовым. Об этом свидетельствует, между прочим, ходивший по рукам в 60-е годы стихотворный фельетон под названием «Невский проспект»:

... проезжал Николай Алексеич (Некрасов) в коляске,

Там Слепцов и его адъютант Топоров проходили нередко...

(Л. Ф. Нелидова. Памяти И. С. Тургенева. «Вестник Европы», 1909, № 9, стр. 210). А. М. Скабичевский также говорит о том, что Топоров «вращался тогда в среде литераторов прогрессивного лагеря... и увлекался Герценом, с сочинениями которого носился по городу» (Литературные воспоминания, стр. 205). Подчеркивая то сильное воздействие, которое оказывал на него в этот период Топоров, А. М. Скабичевский приводит его слова о великих революционных демократах: «Чернышевский, Добролюбов... Если бы вы знали, что́ это за люди!.. Их статьи властвуют над умами всего молодого поколения...» (там же, стр. 245). С Тургеневым Топоров тогда еще не был знаком и, по словам того же Скабичевского, «возмущался его „Отцами и детьми“ и относился к нему крайне отрицательно, как к писателю отпетому» (там же, стр. 205).

К концу 60-х годов Топоров заметно начал праветь. И к «Отечественным запискам» он относился уже далеко не с таким энтузиазмом, как к «Современнику». В 1874 году через посредство Я. П. Полонского Топоров познакомился с Тургеневым и с тех пор до конца дней писателя стал его преданным другом. Современники (Л. Ф. Нелидова,

lib.pushkinskijdom.ru

Н. Я. Стечькин, М. Г. Савина и другие) вспоминают, что во время своих приездов в Петербург Тургенев всюду появлялся с Топоровым, который «повидимому молился на него, предупреждая малейшие желания, устраняя всякие неловкости, неудобства и пр.» (Д. Н. Садовников. Встречи с И. С. Тургеневым. Сборник «Русское прошлое», I, П.—М., 1923, стр. 77). Сходную характеристику дает ему также В. О. Михневич. «Топоров, А. В. — скромный и верный Патрокл И. С. Тургенева, ревностно управлявший его имением <?> и делами, чем и стяжал себе, в момент смерти Ивана Сергеевича, известность и признательность всех, кому дорога память его последнего» (Вл. Михневич. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников, СПб., 1884, стр. 223).

Несомненный интерес Топорова к литературе, привязанность его к Тургеневу, постоянная готовность оказать ему содействие и выполнять многочисленные поручения писателя, — все это вызывало в ответ искреннее расположение к нему Тургенева.

Из публикуемых ниже писем видно, что Тургенев принимал самое горячее участие в судьбе А. В. Топорова и его семьи; он постоянно хлопотал (хотя далеко не всегда успешно) о том, чтобы упрочить служебное и материальное положение своего приятеля, которое, повидимому, было в этот период далеко не блестящим. По словам Н. Я. Стечькина, «Тургенев ценил Топорова чрезвычайно. Когда фотограф Шапиро затеял издавать портреты выдающихся русских писателей и в... 1879 году уговорил Тургенева сняться у него, то первый оттиск большого портрета был подарен Тургеневым Топорову, причем в подписи под портретом Иван Сергеевич называл себя другом А. В. Топорова» (Н. Я. Стечькин. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе, СПб., 1903, стр. 20; фотография, о которой идет речь, хранится в фондах Литературного музея Института русской литературы /Пушкинский Дом/ Академии Наук СССР с автографической подписью Тургенева: «Александру Васильевичу Топорову в память старинной дружбы от Ив. Тургенева» и с датой: март 1879).

В письмах к Топорову Тургенев не только давал ему разнообразные поручения, которые тот выполнял с неизменной точностью и аккуратностью; в этих письмах писатель часто откровенно беседовал с Топоровым на различные темы, связанные с литературой, искусством и политикой. Так, например, Тургенев сообщал Топорову о собственной творческой работе («Новь», «Стучит!», «Крокет в Виндзоре», «Песнь торжествующей любви», «Старые портреты» и др.). Нередко в письмах Тургенева попадаются любопытные его отзывы о тех или иных произведениях, печатавшихся в журналах (например, об «Анне Карениной» Л. Н. Толстого, о «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского, о «Золотых сердцах» Н. Н. Златовратского, «Полосе» Н. Ломовской, «Из деревни» А. Н. Энгельгардта и др.). Тургенев высказывал Топорову также свои впечатления о современной русской музыке («Евгений Онегин» Чайковского, «Демон» Рубинштейна и др.). Упоминаются в этих письмах имена художника Харламова, скульпторов Антокольского и Забелло, знаменитого оперного певца О. А. Петрова, артисток М. Г. Савиной и А. И. Абариновой (исполнительниц ролей Верочки и Наталии Петровны в пьесе Тургенева «Месяц в деревне»). Тургенева интересуют и современные ему историко-литературные работы. Так, например, он просит Топорова выслать ему «Историю русской литературы» П. Полевого (изд. 2-е). Он высказывает свое мнение о биографии Пушкина, о книге С. А Венгерова «И. С. Тургенев», о статье А. Н. Пыпина, посвященной В. Г. Белинскому.

Со страниц этих писем встает образ Тургенева-патриота, с глубоким волнением следящего за освобождением Болгарии русскими войсками

lib.pushkinskijdom.ru

от турецкого ига. Это образ Тургенева — общественного деятеля, который упоминает об устройстве им литературно-музыкального утра в пользу русской читальни в Париже или об организованном им совместно с А. К. Толстым концерте в пользу погорельцев города Моршанска. Это Тургенев, то хлопочущий о сборе средств на памятник Н. В. Ханыкову, русскому ученому-ориенталисту, скончавшемуся в Париже, то о субсидии известному путешественнику Н. Н. Миклухе-Маклаю. Это, наконец, Тургенев, участвующий, во главе русской делегации, на международном литературном конгрессе в Париже. В письмах к Топорову Тургенев рассказывает о чествовании его в Москве в Обществе любителей российской словесности, упоминает о встрече с Л. Н. Толстым, к которому он ездил в Ясную Поляну после 18-летнего с ним разрыва, о гостях Спасского-Лутовинова — Полонских и М. Г. Савиной, откликается на поразившие его смерти современников: А. К. Толстого, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Г. Флобера, Гамбетты.

Начиная с 1879 года Тургенев постоянно дает Топорову поручения, связанные с изданием его собрания сочинений. В 1882 году, будучи уже больным, писатель поручает Топорову вести от его имени сложные переговоры, касающиеся продажи этого издания. Поручение было выполнено Топоровым вполне добросовестно, что должен был констатировать даже предубежденный против него В. П. Гаевский, записавший в своем дневнике 1 октября 1883 года: «...оказалось, что Топоров имел полномочие на заключение с Глазуновым договора, который совершен правильно» (Из дневника В. П. Гаевского /1883—1887 гг./ «Красный архив», 1940, т. 3 /100/, стр. 234).

Незадолго до своей смерти Тургенев вызвал Топорова в Париж. Топоров был одним из первых и немногих читателей последнего рассказа Тургенева «Une fin» («Конец»), продиктованного писателем по-французски П. Виардо (см.: С. Гессен. Полина Виардо и посмертный рассказ Тургенева. «Печать и революция», 1928, № 7, стр. 70—71, и настоящий сборник, стр. 352—353). Топорову же писатель поручил отвезти его тело в Россию (см.: Из дневника В. П. Гаевского /1883—1887 гг./. «Красный архив», 1940, т. 3 /100/, стр. 231).

В. П. Соколов, часто бывавший в 1886 году в семье Гаршиных, указывает, что здесь «в числе гостей солидно восседал А. В. Топоров, человек не литературный, но бывший в дружбе с Тургеневым и другими видными писателями. Покуривая папиросы, он изредка ронял соседу замечания вроде того: „Помню первую статейку Скабичевского...“, „Слепцов ужасно не любил Петербурга“...» (В. П. Соколов. Гаршины. «Исторический вестник», 1916, № 5, стр. 411). В 1887 году Топоров умер, только на четыре года пережив Тургенева.

Значение писем Тургенева к Топорову для биографии писателя не подлежит сомнению. Отметим, что они говорят о никогда не ослабевавшем интересе Тургенева к родине. В этих письмах с достаточной полнотой отразился глубокий и постоянный интерес Тургенева ко всему, что связано было с его родиной, когда он жил за границей.

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР хранятся 170 писем И. С. Тургенева к А. В. Топорову. Вскоре после смерти писателя в «Русской старине» (1883, № 10, стр. 235—258) было опубликовано 30 писем (автограф одного из них до нас не дошел); в следующем году 27 из этих писем были перепечатаны в «Первом собрании писем» И. С. Тургенева. Там же впервые было опубликовано еще одно письмо. В 1930 году Л. С. Утевским были впервые напечатаны в «Новом мире» № 2 еще 7 писем из того же фонда. Цитаты из неопуб-

lib.pushkinskijdom.ru

ликованных писем Тургенева к А. В. Топорову приводятся М. К. Клеманом в его «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева», изд. «Academia», 1934. Ниже впервые полностью печатаются 131 письмо Тургенева к А. В. Топорову, к ним присоединены также 7 писем, опубликованных Л. С. Утевским в «Новом мире»; последние проверены по автографам и снабжены более подробным комментарием. Публикуемые письма Тургенева охватывают период в девять лет — с 1874 по 1883 год.

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (Р. I, оп. 29, №№ 59—68; ф. 265, оп. 2, № 2886; 11818. LXIXб. I).

1

Карлсбад.
König von England
Середа, 5-го Авг. / 24-го Июля 74.

Любезнейший Александр Васильевич, пишу сегодня только несколько слов чтобы уведомить Вас, что я благополучно прибыл в Карлсбад,[1] нашел здесь порядочную квартеру и до сих пор новой аттаке подагры не подвергался; застал ещё здесь Осипа Афанасьевича,[2] который сегодня уезжает в Россию через Вену. — Ходить — хожу ещё с трудом — и пить воду начну только завтра. — Посылаю Вам куверт на имя доктора Ланге. Будьте так добры вложите в него 10 руб. и отошлите. — Прошу Вас также известить меня, когда Вы от моего управляющего[3] получите сто рублей.

За сим, ещё раз благодарю Вас за Ваши дружественные и радушные услуги, желаю Вам всего хорошего (и между прочим счастья в мушке)[4] и крепко жму Вам руку.

Искренно Вам преданный
Ив. Тургенев.

[1] Подтверждение этому находится в неопубликованном письме И. С. Тургенева к брату Николаю Сергеевичу, из которого видно, что 3 августа/22 июля 1874 года писатель проезжал через Берлин в Карлсбад (см.: М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 226).

[2] Петров Осип Афанасьевич (1806—1878) — знаменитый оперный певец. С его именем неразрывно связана история русской оперы. В репертуар О. А. Петрова вошли 109 опер. Он был первым Сусаниным в опере М. И. Глинки (27 ноября 1836 года); исполнял роли Руслана и Фарлафа в опере «Руслан и Людмила», Мельника в «Русалке» и Лепорелло в «Каменном госте» Даргомыжского, Варлаама в «Борисе Годунове» Мусоргского, купца и Ильи во «Вражьей силе» и Владимира в «Рогнеде» Серова. Выступал О. А. Петров также и в операх западноевропейских

lib.pushkinskijdom.ru

композиторов. Так, по свидетельству В. В. Стасова, «на итальянском языке он играл с огромным успехом, во многих операх, в 40-х годах, во время пребывания у нас Виардо, Рубини, Тамбурини, Лаблаша и пр.» (В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. III, СПб., 1894, стб. 732—733). О неоднократных выступлениях О. А. Петрова совместно с П. Виардо в концертах в 1845 году известно из его дневника, отрывки из которого опубликованы в статье Вс. Чешихина «Виардо и любовь к ней Тургенева» в «Русской музыкальной газете», 1916, № 7, 14 февраля, стб. 156, Тургенев, с молодых лет страстно любивший театр и музыку, не раз мог слышать О. А. Петрова на сцене петербургской оперы, где тот выступал с 1830 по 1878 год. Упоминание о выдающемся русском певце содержится, между прочим, в письме Тургенева к П. Виардо от 5/17 марта 1857 года, где описывается один из ежемесячных концертов в Петербургской консерватории: «...Петров, бывший также на этом вечере, говорил мне о вас со слезами на глазах, и уверял, что не проходит дня, чтобы он о вас не думал... Всё это, конечно, доставило мне много радости, и я сообщаю вам об этом, потому что уверен, что и вам это также будет приятно» («Новое время», 1906, № 10886, 5/18 июля, Приложение, стр. 7). Позже, в 70-х годах, Тургенев встречался с О. А. Петровым в Карлсбаде (см. ниже, письмо 17), а также в Париже, где знаменитый артист в 1873 году навестил П. Виардо (см.: Вс. Чешихин — «Русская музыкальная газета», 1916, № 7, стб. 156). Об артистической деятельности О. А. Петрова см.: В. В. Стасов. О. А. Петров. Собрание сочинений, т. III, СПб., 1894, стб. 727—738; Е. Компанейский. Великий русский певец Петров — Сусанин. «Русская музыкальная газета», 1903, № 9, 2 марта; М. И. Глинка. Записки, изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 165, 175—179, 192, 231; Е. Ласточкина. Осип Петров, Музгиз, 1950.

[3] Кишинский Никита Алексеевич — управляющий имением села Спасского-Лутовинова с 1867 по 1876 год.

[4] Карточная игра (см.: В. Даль. Толковый словарь, т. II, М., 1935, стр. 369).

2

Буживаль.
Bougival.
(près Paris.)
maison Halgan.
Seine et Oise.

Понедельник, 7-го Сен. / 26-го Авг. 1874.

Я получил Ваши два письма, любезнейший Александр Васильевич — и спешу сообщить Вам вести о самом себе. — Подагра значительно во мне ослабла, однако совсем не покинула меня — я ещё не могу надеть сапогов, хотя хожу без костылей — и хотя собираюсь на охоту (!) в 20-х числах этого месяца — но, кажется, это так и останется мечтою. — Во всех

lib.pushkinskijdom.ru

других отношениях я совершенно здоров — и собираюсь тоже — работать. Надеюсь, что это мне удастся лучше, чем охота.

Через несколько дней я Вам вышлю маленький списочек книг, которые я желал бы чтобы Вы мне послали — а пока, будьте так любезны — и узнайте от А. Иогансена [1] (музыкальный магазин против Гостиного двора на Невском) — существует ли увертюра Чайковского для «Ромео и Джульетты» [2] — на 4 руки для фортепьяно — или на 2; — и если существует, перешлите на мое имя в Париж (преимущественно на 4 руки). — Скажите ему также что корректуры романсов Г-жи Виардо [3] — ему высланы (вчера). Мой управляющий доставит Вам пакет с Мценским (крестьянским) кружевом; храните его у себя, пока найдете возможным переслать его ко мне с каким-либо путешественником.

Кланяйтесь от меня супругам Петровым.[4]

Надеюсь что Вы здоровы и бодры, не слишком проигрываетесь в мушку — и желаю Вам всего хорошего. Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Иогансен Август Рейнгольд (ум. в 1875 г.) — петербургский музыкальный издатель. Тургеневу приходилось неоднократно обращаться к нему в связи с изданием романсов П. Виардо.

[2] Чайковский Петр Ильич (1840—1893). Увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта» была написана им в 1869 году на сюжет трагедии Шекспира.

[3] Виардо Полина (1821—1910) — знаменитая певица, с которой Тургенев познакомился в Петербурге в 1843 году. В 1864 году во время своего пребывания в Петербурге Тургенев издал «Альбом романсов П. Виардо на слова Пушкина, Фета и Тургенева» и очень хлопотал о его распространении. По его просьбе И. А. Гончаров поместил в газете «Голос» (1864, № 54, 23 февраля) короткую заметку под заглавием «Музыка г-жи Виардо на русские стихотворения». В этой заметке, между прочим, сообщалось, что «слышавшие исполнение этой музыки уверяют, что талант некогда любимой певицы блистательно возрождается в композиции». Тургенев в письме к Гончарову из Парижа 14/26 марта 1864 года благодарил его «за помещение этой статеечки в Голосе» (И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома, П., 1923, стр. 42). Некоторые из романсов Виардо не без успеха исполнялись в Петербурге, о чем Тургенев сообщал своей приятельнице 5/17 марта 1867 года: «...я услышал Лавровскую, певшую с большим вкусом и прекрасным mezzo-soprano ваши „Цветок“, „Шопот“ и „Сюда!“. Публика, вообще очень сдержанная, аплодировала во всю» («Новое время», 1906, № 10886, 5/18 июля, Приложение). В настоящем письме идет речь о романсах, вошедших в альбом, изданный Иоган-

lib.pushkinskijdom.ru

сеном и разрешенный цензурой в С.-Петербурге 20 июня 1874 года — «Пять стихотворений Гете, Пушкина, Мёрике, Гейбеля и Поля, положенных на музыку Полиною Виардо Гарсиа». Это — «Слепец» Р. Поля, «Финская песня» Гете, «Юноша и девушка» Пушкина, «Солдатская невеста» Мёрике и «Весенний вечер» Гейбеля. Стихотворения немецких поэтов даны с русским переводом, но имя переводчика не указано. Возможно, что переводы трех из них (за исключением «Финской песни» Гете) сделаны Тургеневым («Русские пропилеи», т. 3, М., 1916, стр. 306). В пользу этого говорит и то обстоятельство, что еще в 1871 году вышел альбом «Шесть стихотворений Г. Гейне, Э. Мёрике и Р. Поля, переведенных на русский язык И. Тургеневым и положенных на музыку Полиною Виардо Гарсиа».

[4] Петровы Осип Афанасьевич и его жена Анна Яковлевна (рожденная Воробьева) (1816—1901) — выдающаяся оперная певица. Она впервые исполняла роли Вани в опере «Иван Сусанин» М. И. Глинки и Ратмира в его «Руслане и Людмиле». По словам композитора, «Петрова (тогда еще Воробьева), необыкновенно талантливая артистка, всегда просила... пропеть ей каждую новую для неё музыку раза два, в третий слова и музыку она уже хорошо пела и знала наизусть» (М. И. Глинка, Записки, изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 165). Позже, в связи с пятисотым представлением первой оперы Глинки, А. Я. Воробьевой-Петровой были написаны «Воспоминания» («Русская старина», 1880, № 3, стр. 611—617). Тургенев в молодости не раз слушал знаменитую певицу, например, в роли Арзаса в опере Россини «Семирамида» (в 1845 году А. Я. Воробьева-Петрова уже оставила сцену). О ее замечательном голосе писатель рассказывал в 1880 году Л. Н. Майкову: «Трудно представить себе, — говорил Тургенев, — какое поразительное очарование она производила! Это был необыкновенный контральто, с какими-то чисто серебряными переливами» («Русская старина», 1883, № 10, стр. 216).

3

Буживаль.
maison Halgan.

Суббота, 10-го Окт. / 28-го Сент. 74.

Любезнейший Александр Васильевич, пишу Вам накануне переезда в Париж, Rue de Douai, 50,[а] где поселяюсь на зиму: здесь становится сыро и холодно. — Я всё ещё не отделался от подагры — да и вряд ли совсем когда либо отделаюсь: ноги болят и ноют, как у старика — и на лестницу взбираться мне просто мука. Что́ делать! — Терпенье — и больше ничего. —

Благодарю Вас за высылку увертюры Чайковского, которая однако оказалась ниже своей репутации[1] — и прошу теперь

[а] *Далее зачеркнуто* куда пер‹еезжаю›

lib.pushkinskijdom.ru

выслать мне в Париж Рубинштейновского «Демона» [2] — объявление об этой опере, переложенной на фортепьяно — я прочёл в газетах.

Что поделывают Петровы? Поклонитесь им от меня. Видаете Вы Мусоргского? [3] Рагозина? [4] — Сами Вы что́ поделываете хорошего? — Что́ справедливого в распространившихся здесь слухах о многочисленных арестах, якобы совершенных в последнее время? [5] Черкните словечко, если возможно.

Сам я ничего не делал — и ни за что не принимался. — Надеюсь на зиму, если только подагра опять не разгорится.

За сим желаю Вам всего хорошего и крепко жму Вам руку.

Искренно Вам преданный

Ив. Тургенев.

[1] Сдержанный отзыв Тургенева об увертюре-фантазии «Ромео и Джульетта» находится в противоречии с его мнениями о Чайковском, высказанными писателем ранее. Так, в письме к В. В. Стасову в 1872 году Тургенев отмечал, что «изо всех „молодых" русских музыкантов только у двух есть талант положительный: у Чайковского и у Римского-Корсакова» (В. В. Стасов. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним. «Северный вестник», 1888, № 10, отд. I, стр. 166—167). Аналогичный отзыв содержится и в письме Тургенева к Я. П. Полонскому от 14/2 марта того же года: «Чайковского я видел в Москве, и слышал его музыку и нахожусь с ним в переписке — но лично с ним не познакомился. Он мне кажется человеком весьма симпатичным и талант у него несомненный. . .» («Звенья», сб. 8, М., 1950, стр. 171).

[2] Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894). О том, что его опера «Демон» мало понравилась Тургеневу, свидетельствует также письмо его к Ю. Ф. Абазе от 18 апреля 1875 года (Документы по истории литературы и общественности, вып. II, И. С. Тургенев, М.—Л., 1923, стр. 43).

[3] Мусоргский Модест Петрович (1839—1881). В «Автобиографической записке» композитор, говоря о себе в третьем лице, подчеркивает, что «постоянные беседы и завязавшиеся прочные связи с обширным кругом русских ученых и литераторов, каковы... Тургенев, Костомаров, Григорович, Кавелин, Писемский, Шевченко и другие, особенно возбудили мозговую деятельность молодого композитора и дали ей серьезное, строго-научное направление» («Музыкальный современник». Журнал музыкального искусства, 1917, январь—февраль, кн. 5—6, стр. 11—12). Упоминание имени Мусоргского в письме Тургенева 1874 года далеко не случайный факт. Из русских газет и журналов, которые Тургенев получал, находясь в Париже, он, конечно, знал о той полемике, которая шла в это время вокруг оперы Мусоргского «Борис Годунов», впервые поставленной в Петербурге в январе 1874 года. Если на оперу обрушился музыкальный критик Г. А. Ларош («Московские ведомости», 1874, № 49, 25 февраля), то решительную поддержку нашел Мусоргский в статье, подписанной Н. М. (Н. К. Михайловский, — *Л. Н.*), напечатанной в «Отечественных записках», 1874, № 3, март, стр. 198. В связи с этой полемикой становится понятным тот интерес, который проявлял Тургенев к произведениям новой русской музыкальной школы, в частности, к творчеству

lib.pushkinskijdom.ru

Мусоргского, когда в мае 1874 года приезжал в Петербург. Однако, по словам В. В. Стасова, случившийся с писателем «мучительный приступ подагры, кроме всего остального, имел результатом также и то, что нам так и не удалось показать Тургеневу новые русские оперы, симфонии, совершенно оригинальную, во всей музыке, „Детскую“ Мусоргского... Другого случая со всем этим познакомить Тургенева так больше никогда и не представилось» («Северный вестник», 1888, № 10, отд. I, стр. 155). Там же В. В. Стасов приводит отрицательные высказывания Тургенева о некоторых произведениях представителей «могучей кучки», в частности, о «Хоре Сеннахериба» Мусоргского (стр. 148).

[4] Рагозин Евгений Иванович (1843—1906) — экономист и общественный деятель. Был сотрудником «Голоса», «Дела», «С.-Петербургских ведомостей». Участвовал также в издании еженедельной газеты «Неделя», являясь в 1872—1874 годах одним из ее редакторов. Тургенев в 1872 году обещал Е. И. Рагозину как издателю-редактору этой газеты рассказ «Русский немец и реформатор». 7/19 апреля 1873 года писатель сообщал ему, что «обещанная... для „Недели“ повесть всё еще не окончена... в скорости будет вам доставлена...». Письмо Тургенева было опубликовано в № 15 «Недели» за 1873 год с обращением к «любезному Евгению Ивановичу». (Рассказ этот, как известно, написан не был.)

Упоминания о Е. И. Рагозине и его жене, с которыми Тургенев, повидимому, был в самых дружеских отношениях, часто встречаются и в дальнейшей переписке его с А. В. Топоровым. П. Д. Бобыркин в одной из своих статей о Тургеневе («Печальная годовщина») вспоминает о том, как Е. И. Рагозин заботливо ухаживал за Тургеневым во время приступа подагры, случившегося в один из приездов писателя в Петербург («Русские ведомости», 1908, № 194, 22 августа).

[5] Аресты усилились в это время в связи с разбирательством дела кружка революционеров-семидесятников Долгушина, Дмоховского, Папина, Плотникова и Гамова, обвинявшихся в напечатании и распространении революционных прокламаций (см.: «С.-Петербургские ведомости», 1874, № 287, 18/30 октября).

4

Париж.
50, Rue de Douai
Понедельник 19/7-го Окт. 74.

Любезнейший Александр Васильевич, из предыдущего моего письма Вы уже известились, что я[а] получил увертюру Чайковского; [1] теперь же прошу Вас выслать «Историю Русской литературы в очерках и биографиях» П. Полевого. *Второе* издание.[2] Там, говорят, находится моя биография с портретом.

Здоровье моё по прежнему неудовлетворительно: подагра не хочет со мной расстаться хоть ты что́! — На днях опять проваляла в постели двое суток и работа поэтому не идёт. — Это однако хорошо, что Вы начали слушать курс геологии,

[а] *Далее зачеркнуто* уже

lib.pushkinskijdom.ru

а то как-то жалко видеть, что такая светлая голова, какова Ваша, никакого другого занятия, кроме мушки, найти себе не может. — Поклонитесь от меня супругам Петровым и Рагозиным. — Молодая Рагозина [3] — кажется — очень хорошее и симпатическое существо.

Книгу высылайте под бандеролью. — Так всего проще и лучше —

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев

[1] Речь идет о «Ромео и Джульетте».

[2] Второе издание книги П. Полевого «История русской литературы в очерках и биографиях» вышло в свет в 1874 году и содержит биографию Тургенева. В письме к А. С. Суворину от 14 марта 1875 года писатель отмечал: «Что касается биографических подробностей обо мне — то все данные у Полевого верны — и других, кажется, собирать не стоит...» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 257). В книге был помещен портрет Тургенева, воспроизводящий фотографию Бергамаско.

[3] Жена Е. И. Рагозина.

5

Париж.
50, Rue, de Douai
Середа, 28/16-го Окт. 74.

Любезнейший Александр Васильевич, исправнейший из коммиссионеров, бывших, настоящих и будущих — я вчера получил Рубинштейновского «Демона» — и вероятно скоро получу книгу П. Полевого. — А теперь покорно прошу Вас обратиться к А. Иогансену — (владельцу музыкального магазина на Невском, против Гостиного двора) с вопросом, зачем он не высылает мне экземпляра романсов Г-жи Виардо́, корректуры которых давно к нему препровождены? — И вообще, напечатал ли он эти романсы? (их счётом 5). Если он их напечатал, то попросите его — во 1-х — доставить мне 6 экземпляров каждого — он мог бы их вручить Вам — а Вы бы их уже переслали — и во 2-х — разослать от имени Г-жи Виардо́ по экземпляру всем более известным музыкальным личностям, в числе которых должны, разумеется, находиться те, коим посвящены романсы — (О. А. Петров, между прочим).

lib.pushkinskijdom.ru

Также прошу я Вас сообщить мне, сколько еще осталось у Вас моих денег — чтобы я мог послать инструкцию моему управляющему о доставлении Вам новой суммы. —

Здоровье моё поправляется — но очень медленно; за работу всё ещё не принимаюсь.

Дружески жму Вашу руку и желаю всего хорошего.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. В случае если бы Иогансен ещё не окончил печатанием романсы — то поторопите его.

6

Париж.
50, Rue de Douai
Вторник, 8-го Дек.[a] / 27-го Нояб. 74.

Любезнейший Александр Васильевич, я сейчас получил Ваше письмо — и недоумеваю: в чём Вы можете извиняться? — Вы, исправнейший изо всех корреспондентов и комиссионеров! — Что касается до Иогансена, то попросите его, как только напечатают романсы — (за которые я уже заплатил вперед) отдать *Вам* по *6* экз. каждого, которые Вы мне перешлете точно также как Вы переслали мне книгу Полевого, (за которую весьма благодарю Вас) — и прочее. — Сделаете свёрточек — и марш по почте, штука нетрудная.

Вы бы меня весьма одолжили, подписавшись на мое имя:

Ivan Tourguéneff,
Rue de Douai 50, Paris

на следующие издания.

1) Отечественные Записки.[1]
2) Русский Архив.[2]
3) Русская Старина.[3]
4) Голос.[4]
5) С. Пбургские Ведомости.[5]

«Вестник Европы»[6] и «Неделю»[7] мне высылают без подписки.

[a] *Должно быть:* 8 декабря/26 ноября

lib.pushkinskijdom.ru

Посмотрим, какие у Вас совершатся в высших сферах перемены: здесь также ожидают много нового. — А может-быть всё останется по старому — и здесь и там.

Моё здоровье поправилось — и я *собираюсь* работать.

Передайте мой дружеский поклон Петровым и Рагозиным. — Желаю Вам всего хорошего.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Не можете ли Вы узнать — недели три тому назад совершилось в Петербурге убийство или самоубийство одного молодого человека — на котором нашли письмо, адресованное Г-же Дехтярёвой.[8] — Как имя этого молодого человека? Не — Дехтярёв ли?[9]

[1] «Отечественные записки» — ежемесячный учено-литературный и политический журнал, один из виднейших органов русской демократической мысли, редакция которого в это время возглавлялась Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным.

[2] «Русский архив» (1863—1917) — журнал, издававшийся П. И. Бартеневым. В течение 1874 года в этом журнале неоднократно печатались неизданные стихотворения и письма А. С. Пушкина, а также материалы, относящиеся к пушкинской эпохе, что могло особенно привлекать внимание Тургенева к «Русскому архиву».

[3] «Русская старина» (1870—1918) — ежемесячный исторический журнал, который издавался М. И. Семевским. В 1874 году здесь были опубликованы новые материалы, связанные с жизнью и творчеством Пушкина, Грибоедова, Бестужева-Марлинского, Лермонтова.

[4] «Голос» (1863—1884) — ежедневная политическая и литературная газета буржуазно-либерального направления, редактором которой был А. А. Краевский. Имея широкое распространение, «Голос» пользовался большим влиянием.

[5] «С.-Петербургские ведомости» — газета, которая с 1875 года издавалась при министерстве народного просвещения. В № 208 этой газеты от 8 августа 1875 года была помещена статья Тургенева о переводе «Демона» Лермонтова на английский язык.

[6] «Вестник Европы» (1866—1918) — ежемесячный журнал истории, политики и литературы, орган буржуазного либерализма. В 11-й книжке «Вестника Европы» за 1875 год было напечатано «Письмо к редактору. По поводу смерти гр. А. К. Толстого», автором которого был Тургенев. В 1876 году в этом же журнале (№ 1) был опубликован рассказ Тургенева «Часы».

[7] «Неделя» (1866—1901) — еженедельная политическая и литературная либерально-народническая газета. В 1874 году Тургенев напечатал в «Неделе» (№ 12, 24 марта) «Наши послали! (Эпизод из июньских дней 1848 года в Париже)».

[8] Тургенев, очевидно, имеет в виду случай, о котором сообщалось в заметке «С.-Петербургских ведомостей» от 10 ноября 1874 года:

lib.pushkinskijdom.ru

«8-го ноября, в 7 часов вечера, в 4-м участке Петербургской части, позади дачи князя Белозерского-Белосельского, найден молодой человек с тяжкою огнестрельною раной в груди. По доставлении в приемный покой, он умер. В кармане покойного нашли почтамтскую расписку в отсылке 7 р. в город Бежецк, на имя В. Дегтеревой».

[9] Дехтерев Владимир Гаврилович — врач, участник народнического движения. С ним Тургенев лично знаком не был (см. об этом ниже, письмо 10), но с некоторыми его бумагами, которые произвели на Тургенева неприятное впечатление, писатель познакомился благодаря А. П. Философовой (см. письма к ней от 6 и 18 августа 1874 года в книге: Сборник памяти А. П. Философовой, т. II, Пгр., 1915, стр. 170—172). В. Г. Дехтерев послужил Тургеневу прототипом Кислякова (одна строчка из стихотворения Дехтерева — «Люби не меня — но идею!» — процитирована в романе «Новь»).

7

Париж.
50, Rue de Douai.
Середа, 23/11-го Дек. 74.

Любезнейший Александр Васильевич, вчера получены здесь в исправности романсы Г-и В.[1] высланные Вами, за что́ благодарю Вас нижайше, как образцового коммиссионера!!

На днях Вы получите от моего управляющего кружева (простые, Русские) — которые прошу хранить у себя — пока представится случай переслать их ко мне. Также получите Вы от Ф. И. Салаева[2], в Москве 3 полных экземпляра нового издания моих сочинений; [3] — один оставьте себе — а другие два доставьте от моего имени Г-м А. Суворину[4] и В. Буренину[5] — в благодарность за их дружеские отзывы обо мне и защиту моего доброго имени от разных литературных и нелитературных нападок.[6] — Надеюсь что Вы не потяготитесь этой последней коммиссией и заранее благодарю Вас за Вашу любезность.

Здоровье моё восстановилось, и я по маленьку принимаюсь за работу.

Поклонитесь от меня Петровым и Рагозиным и примите уверение в искренней приязни и уважении

преданного Вам
Ив. Тургенева.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Имеются в виду романсы Полины Виардо.

[2] Салаев Федор Иванович (ум. в 1879 г.) — известный книгопродавец и издатель. С 1865 по 1880 год неоднократно издавал сочинения Тургенева.

[3] Речь идет о «Сочинениях» И. С. Тургенева в восьми томах, изданных Салаевым в 1874 году.

[4] Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912). В 1863—1874 годах — либеральный журналист, сотрудник «С.-Петербургских ведомостей». Позже перешел в лагерь неприкрытой реакции. С 1876 года стал издателем газеты «Новое время». В. И. Ленин в статье «Карьера» писал о Суворине:

«Либеральный журналист Суворин во время второго демократического подъема в России (конец 70-х годов XIX века) повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед власть имущими» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 251). В. И. Ленин дал также резкую характеристику газете Суворина: «„Новое Время“ Суворина на много десятилетий закрепило за собой это прозвище „*Чего изволите*?“. Эта газета стала в России образцом продажных газет. „Нововременство“ стало выражением, однозначащим с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (там же, стр. 251).

В связи с переходом Суворина в лагерь махровой реакции изменилось и отношение к нему Тургенева. В письме к П. В. Анненкову от 21/9 января 1878 года он отмечал, говоря о Суворине: «Вот выработался гад... В сравнении с ним, Булгарин является чуть ли не идиллической фигурой» («Печать и революция», 1922, кн. 2(5), апрель—июнь, стр. 99).

[5] Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — поэт и критик либерального направления, сотрудник «Нового времени». С конца 70-х годов, подобно Суворину, сделался отъявленным клеветником, ведшим злобную травлю представителей прогрессивных течений общественной мысли.

[6] Тургенев имеет в виду те клеветнические выпады против него, которые сделал М. Н. Катков в «Московских ведомостях». Они были вызваны сообщением, появившимся незадолго перед этим в «С.-Петербургских ведомостях». Газета извещала о том, что в Публичной библиотеке находится экземпляр «Отцов и детей» в том виде, в каком этот роман был напечатан в 1862 году в «Русском вестнике», т. е. с пропусками некоторых мест, сделанными редакцией московского журнала без разрешения автора и восстановленными в данном экземпляре рукой самого Тургенева. Катков, раздраженный этим, в № 273 «Московских ведомостей» за 1874 год писал: «Не знаем, что написал г. Тургенев на полях отдельного оттиска „Отцов и детей“, но верно то, что это не были места, выпущенные редакцией без разрешения автора, как утверждают „С.-Петербургские ведомости“. Если при печатании этой повести делались в ней какие-либо изменения, то самим автором, который был тогда в лучшей поре своего дарования и вообще умственных способностей и мог сам разобрать, что́ вернее соответствовало типам, изображенным в его повести».

В «Литературной летописи», помещенной в «С.-Петербургских ведомостях», 1874, № 336, 6/18 декабря, и подписанной буквой Z (псевдоним В. П. Буренина), была дана отповедь Каткову. С возмущением процитировав слова последнего насчет «умственных способностей» Тургенева, писателя, «стяжавшего себе европейское имя», Z спрашивал: «Почему публика должна верить г. Каткову, а не г. Тургеневу?». Признавая, что писатель совершил ошибку, не выступив своевременно против редакторского самоуправства Каткова, Z далее привсдил факты, свидетельствующие о той «кастрации», которой был подвергнут в «Русском вестнике» и другой роман Тургенева — «Дым».

lib.pushkinskijdom.ru

8

Париж.
50, Rue de Douai.
Четверг, 14/2-го Янв. 75.

Любезнейший Александр Васильевич, поздравляю и Вас с прошедшим Новым Годом — и желаю Вам всего хорошего во все время его течения — и дальше.

Будьте так любезны — подпишитесь также на *Русский Вестник*,[1] так как в нем, по слухам, должен явиться роман Льва Толстого.[2] — На счёт С. П. бургских Ведомостей я колеблюсь — и предоставляю Вашему благоусмотрению их ли выписать — или какую нибудь другую, чтобы иметь некоторый противовес «Голосу» — не всё одну ноту слышать. Мне очень жаль старой «Пенкоснимательницы»[3] и особенно жаль фёльетонов Незнакомца.[4] Видаете ли Вы Суворина? Передайте ему, в таком случае, выражение моего сожаления и сочувствия. Пришлите мне также — его календарь.[5]

Правда ли, говорят, Лонгинов[6] умирает? — Это было бы единственной светлой точкой среди надвинувшейся у нас в последнее время мглы.

Поклонитесь от меня Петровым и Рагозиным. — Дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] «Русский вестник» — литературный и политический журнал, в 60-е годы и позднее орган дворянской реакции. Издавался М. Н. Катковым.

[2] Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» печатался в «Русском вестнике», в 1875 году, начиная с № 1.

[3 и 4] Тургенев имеет в виду газету «С.-Петербургские ведомости», которую М. Е. Салтыков-Щедрин называл «Пенкоснимательницей». Под псевдонимом «Незнакомец» А. С. Суворин — тогда еще молодой публицист либерального направления — печатал здесь воскресные фельетоны («Недельные очерки и картинки»), направленные против представителей реакционной журналистики (М. Н. Каткова, В. П. Мещерского и других). Фельетоны «Незнакомца» имели огромный успех в либерально-буржуазных кругах и в конце 1874 года явились одним из главных мотивов для устранения из «С.-Петербургских ведомостей» старой редакции во главе с В. Ф. Коршем. О Суворине и его переходе в 1876 году в лагерь реакции см. выше, примечание 4 к письму 7.

[5] «Русский календарь на 1875 г.» А. Суворина, СПб., 1874.

lib.pushkinskijdom.ru

[6] Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф, историк русской литературы, в молодости приятель Тургенева. Переписка Тургенева с М. Н. Лонгиновым за 1856—1872 годы опубликована в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год», П., 1922, стр. 137—212. В 1871—1875 годах Лонгинов был начальником главного управления по делам печати и проявил себя, как ярый реакционер. В связи с назначением его на эту должность Тургенев 18 декабря 1871 года писал Я. П. Полонскому: «Лонгинов... — сквернейший во всей Руси губернатор. Публично лаявший на царя за эманципацию — сделан начальником нашей несчастной прессы!! — ничего хорошего ожидать нельзя... Он будет злобствовать — как Катков — со всей эхидностью ренегата» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 201).

9

Париж.
50, Rue de Douai.
Понедельник, 18/6-го Янв. 75.

Любезнейший Александр Васильевич, по получении сего письма покорно прошу Вас подписаться на *мой счёт* на:

1) Голос
2) Неделю —

по следующему адресу:

Monsieur Chabry, Paris,
100, Rue Monge.

Тут основывается маленькая русская читальня [1] — и я желаю поднести ей эти два издания в дар.

Надеюсь, что Вы живы и здоровы, бодры и веселы — и жму Вам руку дружески.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Русская библиотека-читальня в Париже была основана в феврале 1875 года. «Помню, мы, русские, решили создать библиотеку в Париже, где бы мы могли собираться читать. Попросили Тургенева устроить в пользу этой библиотеки утро», — вспоминает Г. А. Лопатин (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Редакция Н. К. Пиксанова, изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 130—131). Первое литературно-музыкальное утро, организованное Тургеневым для доставления библиотеке средств, состоялось 15/27 февраля 1875 года в доме П. Виардо. Об этом он сообщил в письме к Г. Н. Вырубову («Вестник Европы», 1914, № 3, стр. 228). В дальнейшем Тургенев постоянно проявлял заботу о пополнении библиотеки. Так, в письме от 9 марта 1875 года он писал

lib.pushkinskijdom.ru

Я. П. Полонскому: «Здешняя недавно основанная библиотека будет очень рада получить твои сочинения. Вышли их на мое имя» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 256). К редактору-издателю «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу он обращался 18/6 января того же года с просьбой: «... распорядитесь высылкою другого экземпляра „Вестника Европы" — по следующему адресу: Monsieur Chabry, Paris 100, rue Monge. Тут устраивается небольшая Русская читальня — и я хочу им поднести Вестник Европы в дар» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 48).

10

Париж.
50, Rue de Douai.

Вторник, 9-го Фев. / 28-го Янв. 75.

Любезнейший Александр Васильевич, вчера пришел Суворинский календарь, за присылку которого говорю Вам спасибо; но №-а Нового Времени и Биржевых Вед‹омостей› так и пропали в дороге. — Мне кажется, лучше подписаться на один из этих журналов — по Вашему благоусмотрению: с одним «Голосом» скучновато. — Также прошу Вас подписаться (если Вы этого уже не сделали) на Русский Вестник: очень мне хочется прочесть роман Толстого. Да уведомьте также, пожалуйста, не вышли ли все мои деньги; тогда я сейчас напишу моему управляющему, чтобы он Вам выслал.

Здоровье мое продолжает быть порядочным — а лень — громадною.

Г-н Дехтерёв, с которым Вы познакомились — действительно был моим корреспондентом: (лично я его не знаю). — Он, кажется, малый не глупый, но до уродства, до фанстастичности самолюбивый; впрочем это может пройти вместе с первой молодостью.

И так М. Н. Лонгинов божиею волею умре: плакать о нём будут мало. — Беда только в том, что на его место назначат кого нибудь ещё почудней.

Поклонитесь от меня Рагозиным, Петровым и прочим знакомым и верьте в искренность чувств

преданного Вам
Ив. Тургенева.

lib.pushkinskijdom.ru

11 [1]

Париж.
50, Rue de Douai.

Середа, 17/5-го Февр. 75.

Любезнейший Александр Васильевич, сороковые годы в жизни самые трудные — и Вы находитесь в самом трудном моменте этих годов. — Потерпите маленько — и мысль о старости — даже одинокой — уже не будет так страшить Вас. А что жизнь вообще — дело невеселое — это уже давным давно решенный вопрос. —

Мне приходится сказать Вам, как Чичиков Тентетникову — «по всему видно, что Вам нужно жениться».[2] — Детьми обзавестись — вот главное. — А впрочем — и это — глупо.

Все высылаемые Вами газеты и книги получаю я самым исправным манером. — Спасибо за подписку на Русский Вестник. — Подпишитесь на «Гражданин» [3] — и пожалуй не на моё имя — а на имя девицы Аргольт,[4] Mademoiselle Louise Arnholt, rue de Douai, 50. Действительно — надо следить и за этим.

Сегодня же написал Салаеву, чтобы он немедленно выслал Вам три экземпляра моих сочинений. — Я ему давно об этом писал — и полагал что он давно их выслал — да он видно позабыл. — Я от Суворина получил очень любезное и интересное письмо. —

А какову штуку отмочили с моим рассказом «Стучит!» [5] И представьте: *переводчик* почёл за долг прислать мне экземпляр!! Вот наглость! —

Здоровьем я — ничего, бодрствую; но мозги совсем высохли: ничего оттуда не лезет.

За сим будьте здоровы, поклонитесь всем приятелям и верьте в искреннюю дружбу

преданного Вам

Ив. Тургенева.

[1] Это письмо было впервые опубликовано Л. С. Утевским в «Новом мире», 1930, № 2, стр. 212; воспроизводится здесь по автографу.

[2] В первой главе второго тома «Мертвых душ» Чичиков, действительно, говорит Тентетникову: «А всё-таки, как ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вам жениться: впадете в ипохондрию».

lib.pushkinskijdom.ru

[3] «Гражданин» (1872—1914) — реакционная газета, основанная князем В. П. Мещерским. О ней Тургенев еще 14/2 марта 1872 года писал Я. П. Полонскому: «Что касается до „Гражданина“... Мещерского, — то это, без сомнения, самый зловонный журналец из всех ныне выходящих» («Звенья», сб. 8, М., 1950, стр. 171). Характерно, что в публикуемом ниже письме к А. В. Топорову от 22/10 декабря 1875 года писатель указывал, что ему «„Гражданина“ — больше не надо».

[4] Арнгольт Луиза — бывшая воспитательница детей П. Виардо. Ее именем Тургенев маскировал получение реакционной газеты. Впоследствии Л. Арнгольт ухаживала за писателем во время его длительной предсмертной болезни.

[5] Рассказ «Стучит!» впервые был опубликован в издании: Сочинения И. С. Тургенева. (1844—1847), ч. I, изд. братьев Салаевых, М., 1874. В последующем году этот рассказ вышел в издании: Новый рассказ Ив. Сер. Тургенева. «Стучит». «Из записок охотника». Перевод с французского. (Из газеты «Temps»), Издание А. Михайлова, М., 1875. Именно об этом последнем Тургенев с возмущением сообщал М. М. Стасюлевичу 12 февраля/31 января 1875 года: «Вчера мне из Москвы прислали русский, (отвратительный) отдельно изданный *перевод* моего рассказа: „Стучит!“ который в прошлом *Октябре* явился у Салаева в Москве в полном издании — а 2 месяца тому назад был во французском переводе помещен в *Temps*! — Это уже переходит за границы всего возможного. — Неужели нельзя протестовать против этого в журналах?» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 49).

12

Париж.
50, Rue de Douai.

Пятница, 26/14-го Февр. 75.

Любезный Александр Васильевич, я получил 1-й № Русского Вестника и множество №-в «Нового Времени» — и благодарю Вас. — «Новое Время» отдельными №-ами однако с тех пор не приходит. Что́ бы сие значило?

Если у Вас ещё остались деньги — подпишитесь на «Дело».[1] Нового там немного — а всё таки нужно знать и это.

Девица Арнгольт ожидает высылки «Гражданина».

Здесь всё идёт потихоньку — по крайней мере в нашем кружке. Харламов[2] начал мой портрет — и, кажется, он выйдет очень хорош. Здоровье порядочно.

Поклонитесь всем приятелям и примите уверение в искренней моей преданности.

Ив. Тургенев.

[1] «Дело» (1866—1888) — журнал, пропагандировавший идеи Писарева. Издавался Г. Е. Благосветловым; сотрудниками его были: П. Н. Ткачев, Н. В. Шелгунов, С. С. Шашков и другие. Тургенев мог интересоваться

lib.pushkinskijdom.ru

этим журналом, в частности, в связи с тем, что именно здесь («Дело», 1872, № 12, отд. «Современное обозрение», стр. 26—75) появилась статья «Неподкрашенная старина» (по поводу последних повестей Тургенева), автором которой был П. Н. Ткачев (псевдоним — Постный). В октябрьском номере «Дела» за 1874 год была помещена поэма «Келиот» Я. П. Полонского.

[2] Харламов Алексей Алексеевич (род. в 1842 г. — ум. после 1903 г.) — известный художник-портретист. С 1870 года жил в Париже. Встречался с Тургеневым, начиная с 1874 года, главным образом у общего знакомого — художника А. П. Боголюбова. В письме к Я. П. Полонскому от 25 января 1875 года Тургенев сообщал: «Харламов, наконец, сегодня начал мой портрет» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 248; ср. Литературный архив, вып. 3, 1951, стр. 204, 205). За месяц работа художника, очевидно, настолько продвинулась, что в письме к А. В. Топорову Тургенев уже мог делать предположения о качестве будущего портрета.

13

Париж.
50, Rue de Douai.

Четверг, 1-го Апр. / 20-е Марта. 75

Любезнейший Александр Васильевич, я немножко виноват перед Вами — не тотчас отвечал на Ваше письмо. И хоть бы я мог сказать в извинение что работаю сильно: и то нет! Ленюсь по прежнему. — И здоровье по прежнему — т. е. не худо, не смотря на то́, что подагра от времени до времени стучится ко мне в дверь — т. е. в ноги. — Через 6 недель еду в Карлсбад [2] — а до того времени авось как нибудь дотяну.

«Гражданин» — аккуратно получается девицей Аргольт — а читается мною. Коли «Дело» действительно так пусто — ну и господь с ним! — Подарок на ёлку давно получен и съеден с благодарностью. — Как только я узнал что он шел от Рагозиных — я написал им письмо. — Очень это было любезно и мило с их стороны. —

Я дал знать моему управляющему, чтобы он выслал Вам *сто* рублей на заплату долга и предбудущие расходы. —

А теперь сообщу Вам нечто, которое прошу Вас сохранить в глубочайшем секрете. — Иогансен мне ничего не платит за романсы Г-жи Виардо́, а я, щадя ее самолюбие, говорю, что он мне дает 25 р. сер. за каждый. Напишите мне письмо, в котором Вы скажете что получили от Иогансена 125 руб. сер. за последние 5 романсов а я это письмо ей покажу (она

lib.pushkinskijdom.ru

читает по русски) — так как она начинает подозревать мою дружескую хитрость — и я ей эти деньги здесь заплачу, а Вы их будто задержите в Петербурге по моему распоряжению, на мои расходы. — Сделайте всё это, как я изложил Вам, любезный Александр Васильевич, а я Вам за это отвешиваю низкий поклон. — И сохраните всё в тайне!

Мы здесь «Демона»[3] получили (арранжированного для фортепьяно) — прочли его со вниманием — и убедились что это вещь, хотя и почтенная — но скучная и неоригинальная. — Гораздо бóльшее разочарование (потому что ожидания были бóльшие) принёс нам роман Л. Н. Толстого.[4] — С его талантом забрести в это великосветское болото и топать и толкаться там на месте — и относиться ко всей этой дребедени не с юмором — а напротив с пафосом, серьёзно — что за чепуха!! — Москва загубила его — не его первого, не его последнего. — Но жаль его больше чем всех других. —

Любезный друг, Вам скучно живется... Чтó делать?! — И всеобщая пора — у нас в России — скучная — и Ваша в особенности... Сороковые годы жизни сказываются. — Приходится повторять с И. С. Аксаковым:

Когда же ты пройдешь,
О молодость, о тягостное время![5]

Деятельности нет разумной — вот беда. —

Если я успéю стряхнуть свою лень и кончу свою большую повесть,[6] то мы увидимся в конце года — я привезу ее в Петербург... Если же нет... тогда разве Вы завернёте в Париж?

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Это письмо впервые было опубликовано Л. С. Утевским в «Новом мире», 1930, № 2, стр. 212—213; воспроизводится здесь по автографу.

[2] Ср. с сообщением Тургенева в письме к М. М. Стасюлевичу от 28/16 мая 1875 года: «Я завтра еду в Карлсбад через Баден» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 56).

[3] Речь идет об опере А. Г. Рубинштейна «Демон». См. примечание 2 к письму 3.

[4] Имеется в виду «Анна Каренина». Ср. с отзывом в письме Тургенева к Я. П. Полонскому от 13 мая 1875 года: «„Анна Каренина“ мне не нравится, хотя попадаются истинно-великолепные страницы. — (Скачка, косьба, охота). Но все это кисло, пахнет Москвой, ладаном, старой девой.

lib.pushkinskijdom.ru

славянщиной, дворянщиной и т. д.» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 260). Аналогичные высказывания Тургенева об этом романе Л. Н. Толстого содержатся также в письмах к Ю. П. Вревской, А. С. Суворину, П. В. Анненкову.

[5] Тургенев приводит по памяти и неточно последние строчки стихотворения И. С. Аксакова «Усталых сил я долго не жалел» (1850). В оригинале они читаются так:

Когда же власть, скажи, твоя пройдет,
О молодость, о тягостное бремя?..

(И. С. Аксаков, Сборник стихотворений, изд. 2-е, М., 1886, стр. 24).

[6] «Новь». См. примечание 4 к письму 36.

14 [1]

Париж.
50, Rue de Douai.
Четверг, 22/10-го Апр. 75.

Любезнейший Топоров, спешу ответить на Ваше письмо, только сегодня мною полученное. — Прежде всего благодарю Вас за аккуратное исполнение моей просьбы на счёт Иогансена. Теперь перейду к другим пунктам.

Представьте Вы себе моё невежество! Я не знаю, *о ком* Вы говорите, упоминая автора «Очерков Гоголевского периода русской Литературы».[2] — В моих Воспоминаниях я упомянул только об одном критике: — Писареве,[3] — но его статьи такого заглавия не носят. — Добролюбов? [4] — Но о нём я говорил с уважением. — Н. Г. Ч...? [5] — Но о нем я совсем не говорил. — Пожалуйста, разъясните моё недоумение.

Что касается до «Нового Времени» — то я с удовольствием готов заявить что нахожу этот журнал и дельным и хорошо составленным.[6] — Я думал, что я уже писал Вам о нём в этом смысле. Я с большим интересом прочитываю каждый №. — Передайте это от моего имени Г-ну Чебышёву-Дмитриеву,[7] которого весьма благодарю за его дружеское расположение ко мне.

В предыдущем письме Вы говорили мне о Н. Курочкине.[8] — Я был у него и всячески старался быть с ним любезным — ибо весьма скоро заметил в нём то раздражительное самомнение и даже обидчивость — о которых Вы пишете: но он со времени нашего чтения более меня не посетил — и я даже не знаю продолжает ли он быть в Париже — или уже уехал куда нибудь.

lib.pushkinskijdom.ru

Так как теперь в Париже находятся Писемский[9] и Рубинштейн,[10] то весьма вероятно, что мы опять рискнем составить литературно-музыкальное утро.[11] — Первое[12] нам очень удалось.

Дайте мне, пожалуйста, знать когда Вы получите деньги от моего управляющего. — Я остаюсь здесь ещё месяц — а там еду через Баден в Карлсбад.

Поблагодарите Рагозиных и Петровых за память. — Кланяюсь Вам и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Это письмо впервые опубликовано было Л. С. Утевским в «Новом мире», 1930, № 2, стр. 214; воспроизводится здесь по автографу.

[2] «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского печатались в «Современнике» в 1856 году.

[3] Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868). О встрече с ним в 1867 году Тургенев рассказывает в своих «Воспоминаниях о Белинском». Переписка Тургенева с Писаревым опубликована в «Радуге», альманахе Пушкинского Дома, П., 1922, стр. 207—225.

[4] Добролюбов Николай Александрович (1836—1861). В «Литературных и житейских воспоминаниях» (Статья V. По поводу «Отцов и детей») Тургенев писал: «Добролюбова... я... высоко ценил как человека и как талантливого писателя» (И. С. Тургенев, Сочинения, т. XI, 1934, стр. 461). Несомненно, отзыв этот был вполне искренен, несмотря на то различие в убеждениях, которое существовало между Тургеневым и Добролюбовым. Во всяком случае в связи с преждевременной кончиной последнего Тургенев писал П. В. Анненкову 11/23 декабря 1861 года: «Огорчила меня смерть Добролюбова, хотя он собирался меня съесть живым. Последняя его статья <„Забитые люди“>, как нарочно, очень умна, спокойна и дельна» (П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб., 1909, стр. 553).

[5] Н. Г. Ч. — Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889). Личные отношения Тургенева с автором «Очерков гоголевского периода русской литературы» были прерваны в 1860 году, когда произошел разрыв Тургенева с редакцией «Современника». Впоследствии Чернышевский в письме к А. Н. Пыпину от 2 апреля 1882 года из Вилюйска вспоминал, что в течение нескольких лет он встречался с Тургеневым «очень часто, по целым месяцам иногда каждый день»; тем не менее близости между ними не было и в то время. Чернышевский свидетельствует, что первоначально у него с Тургеневым «бывали только споры об ученых вопросах», позже и они стали редкими; «...после мы с Тургеневым мало и говорили о чем бы то ни было... Вероятно, я не нравился ему; а мне было все равно, нравлюсь ли я ему, или нет» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XV, Гослитиздат, 1950, стр. 353).

[6] «Новое время» в 1875 году издавалось К. Трубниковым; позже, в 1876 году, как указывалось выше (см. примечание 4 к письму 7), эта газета перешла к Суворину.

[7] Чебышев-Дмитриев Александр Павлович (1835—1877) — профессор уголовного права в Петербургском университете и публицист. С 1874 года

lib.pushkinskijdom.ru

был сотрудником газеты «Новое время», в которой помещались его критические фельетоны под псевдонимом «Экс».

[8] Курочкин Николай Степанович (1830—1884) — литератор, брат известного поэта, издателя «Искры». А. Луканина в своих воспоминаниях «Мое знакомство с И. С. Тургеневым» рассказывает со слов последнего именно об этих встречах его с Н. С. Курочкиным в Париже в 1875 году: «Меня... поразило, — говорил Тургенев Луканиной, — что он встретил меня как-то ужасно мрачно» («Северный вестник», 1887, № 2, стр. 51). Далее Луканина сообщает подробности о выступлении Н. С. Курочкина на первом литературном утре, устроенном Тургеневым в пользу русской читальни. Об этом же см. в письме Г. И. Успенского к Н. К. Михайловскому от начала марта 1875 года (Гл. И. Успенский, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. АН СССР, 1951, стр. 152—153, 577).

[9] Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881). В апреле 1875 года он приехал в Париж и провел там три недели, часто встречаясь с Тургеневым. Об этом свидетельствует переписка последнего с самим Писемским (см.: «Новь», 1886, № 12, стр. 191—192), а также письма Тургенева к Н. В. Ханыкову. В одном из них, от 23 апреля 1875 года, Тургенев, приглашая друга пообедать вместе 26/14 апреля, сообщает при этом, что «будут Писемские (писатель и его сын, — *Л. Н.*) и Харламов» («Ежемесячные сочинения», 1901, декабрь, стр. 317).

[10] Имеется в виду А. Г. Рубинштейн, который, действительно, находился в это время в Париже («Музыкальный листок», 1875, № 19, 27 апреля, стр. 270) и возвратился в Петербург «после громадных триумфов» 13/25 мая 1875 года («Музыкальный листок», 1875, № 22, 18 мая, стр. 319).

[11] Речь идет о втором литературно-музыкальном утре в пользу русской читальни, которое состоялось в Париже 2/14 мая 1875 года при участии Полины и Поля Виардо, А. Рубинштейна, Писемского и Тургенева, читавшего «Живые мощи».

[12] В первом литературно-музыкальном утре, которое было устроено 15/27 февраля 1875 года, участвовали П. Виардо, Есипова, Давыдов, Г. Успенский, Н. Курочкин и Тургенев, о чем последний извещал Г. Н. Вырубова в письме от 5/17 февраля 1875 года (см.: «Вестник Европы», 1914, № 3, стр. 228).

15

Париж.
50, Rue de Douai.
Четверг, 29/17-го Апр. 75.

Любезнейший Александр Васильевич, обращаюсь к Вам с следующею просьбой. Я получил от Г. Александра Филипповича Снежко-Блоцкого[1] (Невский проспект, дом 59, кв. № 34), бывшего редактора Киевского Телеграфа[2] — письмо, в котором он, сообщая мне о постигшем его ужасном бедствии, совершенной слепоте — просит вспомоществования. — Многого я сделать не могу — но из прилагаемого письма,[3] которое я Вас прошу передать ему лично — Вы уви-

lib.pushkinskijdom.ru

дите что я определяю на это дело 100 р. — Не знаю, получили ли Вы уже от моего управляющего деньги — но если нет, то будьте так добры, прибавьте эти 100 р. к тем которые я Вам должен — а я сегодня же написал Кишинскому, чтобы он выслал Вам еще 250 р., что с прежними 200 составит 450. — Душевно буду Вам благодарен за Вашу услугу, как и вообще за всё, что Вы до сих пор для меня сделали. —

Так как я Вам писал весьма недавно, то мне остается пожать Вам руку и уверить Вас в дружеских чувствах

Преданного Вам

Ив. Тургенева

P. S. Черкните мне слово, как Вы найдёте этого г. Снежко-Блоцкого — и что́ он за человек?

[1] А. Ф. Снежко-Блоцкий, сообщая в письме к Тургеневу о том, что он, бывший редактор «Киевского телеграфа», три года как ослеп и что врачи считают необходимой его поездку за границу с целью «воспользоваться европейскими знаменитостями в деле окулистики», просил писателя «о возможном вспомоществовании» (см. неопубликованное письмо А. Ф. Снежко-Блоцкого к Тургеневу, ИРЛИ, 5763. XXXб. 53).

[2] «Киевский телеграф» (1859—1876) — политическая литературная газета, редактором которой в 1867—1874 годы был А. Ф. Снежко-Блоцкий.

[3] Вот текст впервые публикуемого ответного письма Тургенева к А. Ф. Снежко-Блоцкому (ИРЛИ, Р. 1, оп. 29, № 70):

Париж.
50, Rue de Douai.

Четверг, 17/29 Апр. 75.

Милостивый государь, Александр Филиппович!

В ответ на Ваше письмо честь имею препроводить Вам через моего хорошего знакомого Александра Васильевича Топорова сумму в сто рублей серебром. — Несчастие постигшее Вас возбудило моё искреннее сочувствие — и я только сожалею о том, что средства мои не позволяют мне, в данную минуту, оказать Вам менее незначительную услугу.

В надежде что Вам удастся исполнить Ваше намерение съездить за границу и что европейские доктора возвратят Вам Ваше зрение, прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности

Вашего покорнейшего слуги

Ив. Тургенева.

‹*На конверте*›

Его Высокоблагородию
Александу Филипповичу
Снежко-Блоцкому

От Тургенева.

lib.pushkinskijdom.ru

Это письмо Тургенева к А. Ф. Снежко-Блоцкому не было доставлено А. В. Топоровым по адресу и сохранилось в его архиве.

16

Париж.
50, Rue de Douai.
Вторник, 25/13-го Мая 1875.

Надеюсь, любезнейший Александр Васильевич, что настоящее письмо найдёт Вас здоровым и бодрым — и что все последствия сморчков и щей зелёных уже давно и навсегда исчезли. — Мне бы так давно следовало отвечать на Ваши два письма — но время уходило как вода сквозь сито — и только теперь, за два дня до моего отъезда в Карлсбад,[1] совесть заставила взяться за перо. — Я до сих пор не получил книжечки: «А. С. Пушкин»[2] — которую Вы обещались выслать и которую я не знаю — также как по сей день не знаю, о каком именно авторе[3] Вы говорите. — Хотелось бы получить ее перед отъездом. В нашу читальню я её всё таки передам: она преуспевает, благодаря двум музыкально-литературным утрам (во втором участвовал Рубинштейн[4]) — которые принесли чистого дохода 4200 франков. — В Карлсбаде я пробуду 6 недель и буду жить по прежнему в König v. England; — а что́ дальше совершу — право не знаю. Вероятно сюда вернусь. — Хочется мне продрать тайком в Орловскую губернию, чтобы там окончить свою большую начатую работу...[5] да ведь это мечта! —

Но решённого — пока — ничего нет. Спасибо за хлопоты о Г-не Снежко-Блоцком — хотя я боюсь, что именно эти хлопоты были косвенной причиной Вашего нездоровья... Если этот господин — дрянь — то чорт с ним. Денег у меня лишних нет, чтобы бросать их в помойную яму.

Во всём этом слепо полагаюсь на Вас. —

Напишите, пожалуйста, мне в Карлсбад, получили ли Вы от моего управляющего деньги? —

Также, если предстоит возможность переслать мне с каким нибудь соотечественником в Карлсбад Русские кружева, которые Вам были высланы — сделайте это — и я Вам за это отвешу низёхонький поклон.

lib.pushkinskijdom.ru

Петров в нынешнем году в Карлсбад не поедет? — Поклонитесь ему и жене его — а также и Рагозиным. —

Будьте здоровы и бодры; крепко жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Тургенев выехал из Парижа в Карлсбад 17/29 мая 1875 года, о чем он сообщал в письме к М. М. Стасюлевичу от 16/28 мая 1875 года: «Я завтра еду в Карлсбад через Баден...» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 56).

[2] Очевидно, имеется в виду книжка «Александр Сергеевич Пушкин. Медный всадник, Борис Годунов ‹и др.›», изданная в 1874 году М. М. Стасюлевичем в серии «Русская библиотека». Она содержит «очерк литературной деятельности поэта, в связи со внешними фактами его жизни, заимствованный из краткой биографии А. С. Пушкина, составленной П. Н. Полевым и переделанной им для настоящего издания» (указ. изд., стр. VII). Здесь же напечатаны отрывки из «Медного всадника», «Бориса Годунова», «Полтавы», «Евгения Онегина», сказок, прозы, а также ряд стихотворений и высказывания о Пушкине Белинского и Гоголя.

[3] Речь идет снова об авторе «Очерков гоголевского периода русской литературы», т. е. об Н. Г. Чернышевском.

[4] А. Г. Рубинштейн.

[5] «Новь».

17 [1]

Карлсбад
König v. England.

Воскресение, 6-го Июня[a] / 24-го Мая 1875.

Третьего дня вечером я наконец попал сюда, любезнейший Александр Васильевич, и вчера принялся пить воду. Живу я в прежнем доме, в отличной квартире. Здоровье пока хорошо — но тут-то и не надо зевать и стараться предупредить болезнь. Буду исполнять в точности все докторские предписания.

В самый день отъезда из Парижа получил я Ваше письмецо. — Вы спрашиваете меня, что́ Вам делать из присланных денег? — Да во первых заплатите самому себе, что́ я Вам должен — а остальные храните до востребования. — Вы уже знаете, что я Вам очень благодарен за распоряжение о Г-не С. Блоцком — а что́ касается до книжки Г-на Венгерова[2] — то не трудитесь её высылать. Сам автор мне её

[a] *Должно быть* 6 июня/25 мая

lib.pushkinskijdom.ru

выслал. — Ужасно-варварским языком она написана! — И что́ ему была за охота откапывать мои, давным давно́ мертвые стихи! [3] Но более всего мне досадно то́, что [a], по его словам, я писал повести по Французски, по Немецки, — по Английски! Чорт знает, что́ за чепуха! — Я никогда ни одной строки не написал для печати не по Русски. — Да и как это писать не на своем языке?! —

Здесь из Русских — развалина Соллогуб [4] — и граф А. К. Толстой [5] — тоже развалина. Да я и рад: мне хочется быть одному.

Поклонитесь от меня Петрову [6] и скажите ему, что проходя по площади и посматривая на домик, в котором он жил, я вспоминаю о нём. — Я здесь останусь до половины Июля нов. ст.

За сим дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Это письмо впервые было опубликовано Л. С. Утевским в «Новом мире», 1930, № 2, стр. 215; воспроизводится здесь по автографу.

[2] Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — библиограф, историк литературы и критик. В 1875 году издал книгу «Русская литература в её современных представителях. И. С. Тургенев». 24 мая 1875 года Тургенев писал Венгерову: «Собственно огорчило — и признаюсь, удивило меня ваше предположение, что „некоторые“ мои повести (какие?) писаны мною по-немецки; „есть его оригинальные повести на французском языке“! и т. д. — Это предположение уже не в первый раз проявляется в печати: но я всегда видел в нем намерение меня уязвить. — В вас это намерение не мыслимо, — но тем непонятнее для меня ваши слова. *Я никогда ни одной строки в жизни не напечатал не на русском языке;* в противном случае я был бы не художник, а — просто — дрянь. Позвольте также сказать два слова о вашем языке. Мне, как старому словеснику, он является слишком небрежным» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 260—261). Личное знакомство Тургенева с С. А. Венгеровым состоялось в 1876 году (см.: Р. Четыре встречи с И. С. Тургеневым /Беседа с профессором С. А. Венгеровым/. «Бирюч Петроградских государственных театров», 1918, № 2, стр. 42—45).

[3] Известно отрицательное отношение Тургенева к его собственным поэтическим произведениям. С. А. Венгерову 19 июня 1874 года писатель сообщал: «Я чувствую положительную, чуть не физическую, антипатию к моим стихотворениям — и не только не имею ни одного экземпляра моих поэм — но дорого бы дал, чтобы их вообще не существовало на свете» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 234).

[4] Соллогуб Владимир Александрович (1814—1882) — писатель, автор повести «Тарантас». В это время находился за границей, и Тургенев часто встречался с ним не только в Карлсбаде, но и в Париже, о чем свидетельствует ряд его писем к разным лицам. Так, например, Я. П. Полон-

[a] *Далее зачеркнуто* он

lib.pushkinskijdom.ru

скому Тургенев сообщал 7 сентября 1875 года: «Сегодня у меня будут Соллогуб и Ханыков. Соллогуб будет нам читать свою комедию. Больших восторгов не предвижу» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 265). А несколько позже, 25 ноября 1875 года, писал М. Е. Салтыкову-Щедрину: «...Соллогуб все еще здесь и собирается ставить *французскую* пиесу на театр Palais-Royal'я. Этакая юркость у этого старца!» (там же, стр. 272).

[5] Толстой Алексей Константинович (1817—1875). В письме к Я. П. Полонскому Тургенев 10 июня 1875 года сообщал: «Бедного А. К. Толстого я часто видел в Карлсбаде — он весьма серьезно и безнадежно болен...» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 262). Через несколько месяцев А. К. Толстой скончался. «Толстого мне очень жаль: славный был человек; ...но... поэзия Толстого мне довольно чужда — да и не мне одному. — Несмотря на это, я в „Вестнике Европы" помещаю маленькую статью о нем, довольно плохую», — писал Тургенев Я. П. Полонскому 13 октября 1875 года (там же, стр. 266).

[6] О. А. Петров, с которым, как указывалось в примечании 2 к письму 1, Тургенев встречался в 70-х годах в Карлсбаде.

18

Карлсбад.
König v. England.

Понедельник, 8-го Июня [a] / 26-го Мая 75.

Любезнейший А. В.!

По получении сей записки покорно прошу Вас немедленно купить маленький томик новых стихотворений Ф. И. Тютчева [1] и отправить его ко мне сюда. — Для скорости можно его отправить в куверте, как письмо. — Книжка небольшая и не дорого будет стóить. А мне она нужна немедленно.

Заранее благодарю Вас за исполнение моего поручения и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — поэт. Первые встречи и личное знакомство Тургенева с Тютчевым относятся, видимо, к началу 50-х годов. Известно, что благодаря инициативе Тургенева были выпущены в свет «Стихотворения» Ф. Тютчева (СПб., 1854). В данном письме речь идет о книге: Стихотворения Ф. Тютчева, М., 1868, в которую вошли 74 новых (по сравнению с изданием 1854 года) стихотворения.

[a] *Должно быть* 7 июня/26 мая

lib.pushkinskijdom.ru

19 [1]

Карлсбад.
(Богемия.)
König v. England.
18/6-го Июня 1875.

Любезнейший Александр Васильевич, я в долгу перед Вами за два письма и две посылки (Стихотворения Тютчева и Биография Пушкина). — Все эти книги пришли так же скоро как письма — и мне остаётся только, по обыкновению, искренне благодарить Вас. — Биографию Пушкина я прочёл немедленно — я ее не знал — и нашел что она составлена образцовым образом — и выбор из стихотворений отлично сделан. — Я тотчас же отдал эту замечательную книжку одному здесь находящемуся весьма умному Русскому мальчику лет 14. — Он прочтёт её с великой пользой.

«Нового Времени» я в Карлсбаде не получаю — и потому к сожалению не мог прочесть фёльетона, о котором Вы упоминаете. Но почему Чебышев [2] уживется?

Венгерову я, разумеется, никакого права не давал печатать моё письмо [3] — и мне это было неприятно; но ведь не протестовать же?! — Разве Вы знаете этого господина?

Что касается до статьи Пыпина о Белинском [4] и его полемики со мною в последнем №-е Вестника Европы — то, прочтя её со вниманием — я убедился, что он прав и вернее моего взглянул на деятельность нашего великого критика, не смотря на то, что он не знал его лично, как я. Я об этом упомянул в письме к Стасюлевичу.[5] — Если мои Сочинения дождутся нового издания, я сделаю необходимую оговорку и поправку. — Но до того времени, мне едва ли удастся это сделать. — Если Вы не преувеличиваете то влияние, которое, по дружбе Вашей ко мне, приписываете мне на Русскую молодую публику, то я желал бы, чтобы это влияние высказалось и оправдалось при выходе моего нового романа [6] — если только ему суждено появиться на свет! — Но опять таки благодарю Вас за прямо и откровенно высказанное мнение. —

Лечение мое подвигается обычным медленным шагом; на этот раз в Карлсбаде как-то особенно скучно.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Будьте так любезны, пришлите мне вторую книжку Суворина.[7]

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Это письмо впервые было опубликовано Л. С. Утевским в «Новом мире», 1930, № 2, стр. 215—216; воспроизводится здесь по автографу.

[2] А. П. Чебышев-Дмитриев. О нем см. примечание 7 к письму 14.

[3] С. А. Венгеров в своей книге «Русская литература в ее современных представителях. Иван Сергеевич Тургенев», ч. I, 1875, на стр. 99—100 напечатал отрывок из письма к нему Тургенева от 19 июня 1874 года, являющегося ответом на запрос, сделанный им писателю. Это — знаменитое письмо, в котором Тургенев говорит о своей ненависти к крепостному праву и о том, что после смерти матери он «немедленно отпустил дворовых на волю, пожелавших крестьян перевел на оброк, всячески содействовал успеху общего освобождения...» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 234).

[4] Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — историк литературы и критик либерального лагеря; с 1860 по 1866 год был сотрудником «Современника», а с 1867 года — «Вестника Европы». Главы из его работы о Белинском были напечатаны в «Вестнике Европы», 1875, №№ 2—6. В одном из этих номеров (июньском) Пыпин возражал Тургеневу, автору «Воспоминаний о Белинском», не соглашаясь с некоторыми его мнениями о великом русском критике и с общей характеристикой его творчества. В частности, если Тургенев считал, что Белинский «сознавал, что... ему не следовало выходить из круга чисто-литературной критики», и «ясно видел и понимал, что в развитии каждого народа литературная эпоха предшествует другим» (И. С. Тургенев, Сочинения, ч. I, М., 1874, стр. 39), то А. Н. Пыпин, полемизируя с Тургеневым, справедливо утверждал, что «в свои последние годы... вопросы чистой эстетики переставали занимать его ‹Белинского›, и на первом плане стоял интерес общественный» (А. Пыпин. В. Г. Белинский. Опыт биографии. «Вестник Европы», 1875, № 6, стр. 579). В 1880 году в первом томе своих «Сочинений» Тургенев после «Воспоминаний о Белинском» поместил «Второе прибавление», в котором писал: «А. Н. Пыпин, в известной своей биографии Белинского, оспаривает мое воззрение на то, что я назвал неполитическим в темпераменте Белинского — и видит в его „сдержанности“ одну неизбежную уступку особым условиям того времени. — Я готов согласиться с почтенным ученым: весьма вероятно, что оценка г-ном Пыпиным *этой* стороны характера нашего великого критика — вернее моей — о чем долгом считаю объясниться перед читателями» (И. С. Тургенев, Сочинения, т. I, М., 1880, стр. 62).

[5] Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — публицист и общественный деятель умеренно-либерального лагеря, основатель «Вестника Европы» и его редактор-издатель с 1866 по 1908 год. Тургенев, являясь постоянным сотрудником «Вестника Европы», вел деятельную переписку с М. М. Стасюлевичем, начиная с 1867 года. Письма Тургенева к редактору-издателю «Вестника Европы» опубликованы в книге: М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912.

[6] «Новь».

[7] Имеются в виду: Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А. Суворина), кн. II, СПб., 1875. В этой книге был помещен отрывок воспоминаний Суворина «По поводу „Отцов и детей“», впервые опубликованный в 1870 году.

lib.pushkinskijdom.ru

20

Карлсбад.
König v. England.
Суббота, 10-го июля 75.

Любезнейший Александр Васильевич, я получил третьего дня Вашу записку, а вчера книгу Суворина, за которую очень благодарен. — Спешу уведомить Вас, что я выезжаю отсюда в Середу 14 Июля [1] — через 5 дней — и еду прямо в Буживаль, около Парижа — (адресс мой всё таки — Paris, 50, Rue de Douai.) Буживаль от Парижа в 3/4-часовом расстоянии, и если Г-ну Самарскому-Быховцу [2] пожелается меня навестить там, то ему в Rue de Douai скажут как проехать ко мне в Буживаль. — Благодарю и его и его жену за любезность, с которой они взяли на себя все эти хлопоты — и Вас также благодарю.

Лечение моё здесь было не очень удачно — подагра молчит, но почки и т. д. в большом расстройстве.

Мы здесь устроили вместе с Гр. А. К. Толстым чтение в пользу Моршанских погорельцев [3] — Русское чтение,[4] конечно. Бог ведает, удастся ли нам притянуть к нам хоть часть многочисленных здесь находящихся Русских?!

Дружески кланяюсь Вам и жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] М. М. Стасюлевичу Тургенев писал 28 июня/10 июля того же года: «Посылаем Вам... *программу*, из которой Вы узнаете, во 1-х) состав нашего вечера — а во 2-х) то, что он приходится не в субботу, а во *Вторник* 13-го, накануне моего отъезда из Карлсбада» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 57).

[2] Самарский-Быховец Владимир Васильевич (1837—1902) — адвокат. К нему Тургенев неоднократно обращался впоследствии по всякого рода юридическим вопросам (см., например, ниже, письмо 69). Самарский-Быховец участвовал также в составлении проекта завещания Тургенева (см. письмо Тургенева к Топорову от 13 июня 1882 года, — И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 443).

[3] Пожар в Моршанске, истребивший почти весь город, произошел 25 мая 1875 года. «Сгорело в самом городе 633 лучших дома, составляющие центр и торговую часть города, а в слободах 428 домов, итого 1061 дом. Уцелели в городе одни окраины, не более 160 домов, при этом сгорело всё имущество граждан, все товары и запасы... При пожаре погибло много народа» («Голос», 1875, № 150, 1/13 июня).

[4] «Русское чтение», или, вернее, литературно-музыкальный вечер в пользу моршанских погорельцев состоялся в Карлсбаде 1/13 июля

lib.pushkinskijdom.ru

1875 года (см. выше, примечание 1). Тургенев в письме к М. М. Стасюлевичу сообщал 25/13 июля того же года: «Вечер наш удался великолепно: едва ли кто нибудь что нибудь слышал — но денег мы собрали *1600* гульденов» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 58). Газета «Голос» (1875, № 185, 6/18 июля) сообщала программу вечера, музыкальная часть которого состояла в основном из увертюры к опере Рубинштейна «Дмитрий Донской» и заключительной части «Камаринской» Глинки, затем выступали А. К. Толстой и Тургенев (последний читал «Льгов» и «Живые мощи»): «Оба литератора были приветствованы восторженно и вообще весь вечер произвел самое приятное впечатление на публику. Сбор был вполне успешен и даже превзошел ожидания... Сверх платы за входные билеты многие пожелали участвовать в дополнительной подписке в пользу моршанских погорельцев».

21

Bougival
(près Paris.)
Les Frènes.
Середа, 21/9-го Июля 1875.

Я только третьего дня до сюда добрался, любезнейший Александр Васильевич, и нашел здесь Ваше письмо. — Разумеется, я могу Вам дать на некоторое время комнату в моей квартире *50, Rue de Douai* — это меня нисколько не стеснит — только дайте мне знать наперёд, когда Вы приедете. —

Если Вам не непременно нужно сделать Ваше заграничное путешествие именно теперь — то я посоветывал бы Вам отложить его на месяц — ибо в Июле в Августе Париж очень пуст, театров почти нет, знакомые все разъехались и т. д. —

Я во всяком случае буду очень рад Вас видеть, жму Вам крепко руку и говорю: до свидания!

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Я в Буживале остаюсь до Ноября; но я часто буду ездить в Париж.

22

Буживаль.
Bougival.
(près Paris.)
Les Frènes
Пятница, 10-го Сент. 75.

Любезнейший Александр Васильевич, до получения этого письма Вы вероятно уже увидите Г. Самарского-Быховца и его

lib.pushkinskijdom.ru

супругу[1] — и узнаете, какие мы о Вас вели разговоры — и какого я буду ожидать от Вас окончательного решения. — Они очень милые люди — и я очень рад и благодарен Вам — что с ними познакомился. — Жалею очень, что Вы не могли прибыть в Париж; но надеюсь, что эта Ваша поездка ещё совершится — если не в нынешнем, то в будущем году. —

О себе Вам скажу что — по прежнему здоров и ничего не делаю.

В ожидании письмеца от Вас жму Вам дружески руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Самарская-Быховец Вера Дмитриевна (1837—1907).

23

Буживаль.
Bougival.
(Les Frênes.)
26/14-го Сент. 1875.

Любезнейший А. В. — Что́ же Вы замолкли? Я всё ждал (и до сих пор жду) что Вы, потолковавши с Самарским-Быховцем, напишите мне, ка́к поступить, к кому обратиться и т. д. — Пожалуйста, не стесняйтесь излишней деликатностью: я рад был оказывать подобные услуги людям, к которым не чувствовал и десятой доли той симпатии, которую к Вам питаю.—

А теперь — одна просьба: если И. П. Зотовницкий (редактор С.П.бургских Ведомостей) — Вам доставит от моего имени фельетон одного Г-на Б. Чивилёва[1] — то Вы будьте так добры и доставьте этот фёльетон Е. И. Рагозину, который уже предупрежден мною.

За сим прошу Вас передать мой поклон всем добрым знакомым, в числе которых позволю себе считать и супругов Самарских — и примите уверение в моей преданности

Ив. Тургенев.

[1] Чивилев Борис Александрович — сын профессора Московского университета, эмигрант, многолетний парижский корреспондент газеты «Русские ведомости». В 1878 году входил в состав русской делегации на

lib.pushkinskijdom.ru

Международном литературном конгрессе в Париже (вместе с Тургеневым, Боборыкиным, Драгомановым и Чуйко). Начало знакомства Тургенева с Чивилевым относится к 1874 году. Материальное положение Чивилева, в 70-х—начале 80-х годов в достаточной степени трудное, не раз заставляло его обращаться к Тургеневу с различного рода просьбами. Так, например, в неопубликованном письме от 20 марта 1876 года он просит «одолжить... — если можно 35 р.» (ИРЛИ, шифр: 5819. XXXб. 109). О том, что Чивилев был довольно близко знаком с Тургеневым и встречался с ним не реже одного раза в месяц в последние девять лет жизни писателя, свидетельствуют его «Отрывочные воспоминания о Тургеневе», опубликованные в «Русских ведомостях», 1883, № 270, 2 октября»; № 279, 11 октября; перепечатаны в книге: Н. Л. Бродский. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах, ч. I, М., 1924, стр. 86—88.

24

Париж.
50, Rue de Douai.
Середа, 24/12-го Нояб. 75.

Наконец-то Вы подали о себе весточку, любезный Александр Васильевич! Радуюсь, что не болезнь или какая нибудь другая гадость — а просто лень помешала Вам написать мне. — В чувствах же Ваших я не сомневаюсь, также как и Вы должны быть уверены в моих.

Мне очень приятно думать, что Самарские сохранили обо мне доброе воспоминание. — Это очень симпатические и милые люди. Поклонитесь им от меня — и вручите Вере Дмитриевне [1] прилагаемую карточку. Она прескверная, да другой у меня нет — вот разве велю сделать с Харламовского портрета, когда он будет кончен [2] — и подношу её я только для того, чтобы показать Вере Дмитриевне, как я ценю ее внимание.

Я непременно желаю участвовать в поднесении подарка О. А. Петрову,[3] хотя ни от В. Стасова [4] ни от Шестаковой [5] никакого сообщения не получал — и потому покорно прошу Вас записать моё имя со взносом 25-и руб. серебр. Мой управляющий вышлет Вам эти деньги вместе с другими необходимыми для подписки на газеты. — Кстати, ка́к наши счеты? — Я, кажется, состою Вам должным?

Если буду жив, в начале будущего года непременно отъявлюсь в Петербург.

Зовотницкого я назвал *редактором* С. П.б-ских Ведомостей — по французской привычке называть «редакторами» всех сотрудников. Статья, о которой я писал Вам — канула в воду.[6]

Моё здоровье — порядочно. Я на днях кончил небольшой рассказ для В. Е. [7] — так как с большим романом [8] всё не

lib.pushkinskijdom.ru

могу справиться — боюсь только что читатели найдут этот рассказ слишком незначительным.

И так будьте здоровы — желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] В. Д. Самарская-Быховец.

[2] Работа А. А. Харламова над портретом Тургенева продолжалась длительное время, с большими перерывами. 13 октября 1875 года Тургенев писал Я. П. Полонскому: «Харламов вернулся в Париж — но за портрет мой всё еще не принялся; раньше нового года он не будет кончен» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 266).

[3] Тургенев пишет о подарке О. А. Петрову в связи с подготовкой к его предполагаемому юбилею — 50-летию артистической деятельности. «Мы будем счастливы тем, что из среды нашей вышел художник, которого смело можем противупоставить всем прошлым и настоящим европейским сценическим знаменитостям, развивавшимся при несравненно более благоприятных условиях...», — подчеркивалось в «С.-Петербургских ведомостях» 17 апреля 1876 года. А «Музыкальный листок» в № 23 от 9 мая 1876 года поместил отчет «Празднование юбилея пятидесятилетней артистической деятельности О. А. Петрова, в С.-Петербурге».

[4] Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — один из виднейших борцов за демократическое русское искусство. Тургенев познакомился с ним в Петербурге в 1867 году. «В продолжении целых 15 лет ‹1867—1880›, — пишет Стасов, — мы были с ним ‹Тургеневым›, и при личных свиданиях, и в переписке — в сношениях самых дружеских, но вместе и в постоянном антагонизме» («Северный вестник», 1888, № 10, стр. 145). В 1888 году Стасов опубликовал в «Северном вестнике» двадцать писем Тургенева к нему с предисловием к ним. В предисловии рассказывается о знакомстве Стасова с Тургеневым и приводится ряд высказываний писателя о живописи, музыке и литературе. В настоящем письме к Топорову имя В. В. Стасова упомянуто в связи с предстоящим юбилеем О. А. Петрова, горячим поклонником которого тот был; см. статью В. В. Стасова «О. А. Петров», впервые опубликованную в издании А. О. Баумана «Русские современные деятели» (т. II, СПб., 1877).

[5] Шестакова Людмила Ивановна (1816—1906) — сестра М. И. Глинки, памяти которого была посвящена её неутомимая и плодотворная многолетняя деятельность. Упоминание Тургеневым имени Л. И. Шестаковой в связи с предстоящим юбилеем знаменитого певца объясняется тем, что сестра композитора находилась в близких и дружеских отношениях с О. А. Петровым и его женой.

[6] Речь идет, очевидно, о фельетоне Б. А. Чивилева (см. письмо 23).

[7] О рассказе «Часы», который был опубликован в январской книжке «Вестника Европы» за 1876 год, Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 22/10 ноября 1875 года: «Сей час *написал последнюю строчку* моей повестушки... Лишь бы не сказали гг. критики: *Часы* Г-на Т. отстают: он

lib.pushkinskijdom.ru

всё еще воображает себя писателем. — Пожалуйста, исполните мою просьбу: прочтите эту вещь с сверхъестественной строгостью!!» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 63).

[8] «Новь».

25

Париж.
50, Rue de Douai.
Середа, 22/10-го Дек. 75.

Любезнейший Александр Васильевич, давно я не имел от Вас весточки: что́ Вы поделываете хорошего? — Я, как говорится, слава богу ничего: здоров — и даже немножко поработал; написал небольшой рассказец, который появится в 1-м №-е Вестника Европы.[1] — Получили ли Вы деньги от моего управляющего. — Если получили, то будьте так добры и подпишитесь для меня на:

1.) Голос.
2.) *Биржевые Ведомости* (вместо «Нашего Времени»).
3.) Отеч. Записки.
4.) Русский Вестник.
5.) Русский Архив.
6.) Русскую Старину. —
7.) Неделю.

«Гражданина» — больше не надо; — нельзя ли вместо него — какую нибудь небольшую *Московскую* Газету. — (Московские Ведомости[3] я здесь без того читаю). — Очень и очень был бы я благодарен Вам за услугу. — Да отпишите также — в каких мы отношениях (денежных) с Вами? — Вероятно, я Вам должен — и потому немедленно распоряжусь об уплате — (через Стасюлевича.)

С великим сожалением узнал я о болезни О. А. Петрова;[4] — надеюсь что она теперь идёт к выздоровлению; поклонитесь ему от меня — а также и его супруге — и Рагозиным. (Не забудьте и Самарских). Сам я, если буду жив, непременно прибуду в Петербург в Феврале или Марте;[5] мне это нужно — для литературных и хозяйственных дел. —

За сим крепко жму Вам руку — и поздравляю с Новым годом — желаю Вам «*нового счастья*».

Истинно Вам преданный
Ив. Тургенев

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Имеется в виду рассказ «Часы».

[2] Ошибка или описка Тургенева, так как газета «Наше время» в 70-х годах не выходила.

[3] «Московские ведомости» — газета, издавалась с 1756 года. С 60-х годов XIX века она выражала взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства. Редактором этой газеты был М. Н. Катков — реакционный публицист, враг не только революционного движения, но и всякого общественного прогресса. В. И. Ленин характеризовал его как «верного сторожевого пса самодержавия» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 264). Характерно, что в публикуемом ниже письме Тургенева к А. В. Топорову от 26/14 декабря 1878 года писатель отмечает, что «М‹осковские› в‹едомости› очень уже противны стали».

[4] О. А. Петров был тяжело болен в конце 1875 — начале 1876 года. М. П. Мусоргский, обычно называвший знаменитого певца «дедушкой», 17 января 1876 года сообщал Л. И. Шестаковой о его выздоровлении: «Дедушку видел в начале недели, — всё хорошо. На днях жду, что встанет на ножки» («Музыкальный современник», 1917, январь—февраль, № 5—6, стр. 30).

[5] Тургенев приехал в Петербург только 24 мая/5 июня 1876 года (см.: М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, изд. «Academia», 1934, стр. 246).

26

Париж.
50, Rue de Douai.
Середа, 29/17-го Дек. 1875.

Любезнейший Александр Васильевич, — я получил Ваше письмо от 8-го Дек‹абря› — и благодарю Вас за исполнение моих поручений. — Вы уже имеете список журналов, которые я бы желал получать здесь — и вероятно, по известной мне Вашей аккуратности, распорядились подпиской? — Кстати — у меня есть до Вас просьба: не можете ли Вы узнать и сообщить мне: кто в «Голосе» начал писать весьма интересные фёльетоны под заглавием «Литература и Жизнь»? [1] — Автор подписывается Французской буквой *L*.[2] Еще одно: Вы неверно пишете в моем адрессе имя улицы: она называется Rue de Douai.

Поклонитесь от меня всем хорошим знакомым и примите моё искреннее поздравление с Новым Годом.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Фельетоны под названием «Литература и жизнь» печатались в «Голосе», начиная с ноября 1875 года (№№ 313, 321, 330, 337, 342, 356).

[2] Ларош Герман Августович (1845—1906) — профессор Петербургской консерватории и музыкальный критик. С 1871 года был постоянным сотрудником газеты «Голос», в которой помещал музыкальные и литературные фельетоны, подписываясь нередко буквой L. (см.: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В трех томах. Тт. II и III, М., 1949, стб. 586).

27

Париж.
50, Rue de Douai.
Вторник, 18/6-го Янв. 76.

Благодарю Вас за добрые пожелания и поздравления, любезнейший Александр Васильевич, и с своей стороны желаю Вам всего хорошего на этот новый и все следующие годы.

К сожалению, должен сообщить Вам, что меня вот уже 6-й день как посетила моя старая неприятельница подагра — и я лежу в постели с больной ногой. Пока ещё припадок не силен, но ничего вперёд сказать нельзя.

Из всех журналов, на которых, я надеюсь, Вы по моей просьбе подписались — я с Нового Года получаю только *Голос*. — Пожалуйста, будьте так добры, распорядитесь, чтобы и другие высылались: особенно мне желательно иметь «Биржевые Ведомости».

Что́ здоровье Суворина? и Петрова? Передайте мой дружеский поклон всем хорошим приятелям и будьте уверены в моей неизменной преданности.

Ив. Тургенев.

28

Париж.
50, Rue de Douai.
Четверг, 27/15-го Янв. 76.

Любезнейший Александр Васильевич, так как я всё ещё никаких газет за исключением «Голоса» и «Недели» не получаю, то́ я начинаю думать — может быть у Вас не хватило моих денег на подписку? — В таком случае, пожалуйста, не церемоньтесь и напишите мне — я немедленно дам знать

lib.pushkinskijdom.ru

моему управляющему — и он Вам вышлет. — Во всяком случае, дайте о себе весточку.

Мой подагрический припадок не совсем еще прошел — хотя мне гораздо лучше. — Однако всё ещё не могу надеть сапога.

Скажите мне, О. А. Петров совсем выздоровел? Поклонитесь ему от меня и его жене — и милой чете Самарских — и Рагозиным.

В Апреле непременно увидимся. А до тех пор жму Вам крепко руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

29

Париж.
50, Rue de Douai
Суббота, 5-го Фев. 76.

Любезнейший Александр Васильевич, сей час получил Ваше письмо и отвечаю. — Во 1-х) благодарю за указание лекарства против подагры: теперь она у меня почти прошла, но в случае повторения воспользуюсь; — во 2-х) теперь я получаю аккуратно «Голос», «Биржевые Ведомости» и «Неделю»; — толстые журналы, конечно, в свое время придут. — «Русские Ведомости» [1] — (Московское издание) — до сих пор не явились. — Очень благодарю Вас за хлопоты — но Вы всё таки не написали мне, в каких мы находимся с Вами *денежных* счётах; полагаю, что я Вам должен — и очень прошу Вас меня об этом известить. В 3-х) есть у меня до Вас просьба. — Сколько я помню — Нечаевское дело [2] было у нас издано отдельной книгой (как напр. дело Митрофании [3]). Если так, будьте так добры — пришлите мне эту книгу под бандеролью: мне она нужна.

Я начинаю помаленьку серьёзно работать.

Передайте мой усердный поклон всем добрым знакомым. — Жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] «Русские ведомости» (1863—1918) — газета, издававшаяся в Москве профессорами университета и земскими деятелями, выражала интересы либеральных помещиков и буржуазии.

lib.pushkinskijdom.ru

[2] Нечаев Сергей Геннадиевич (1848—1882) — анархист-заговорщик. В 1873 году был приговорен к двадцати годам каторги и заключен в одиночный каземат Петропавловской крепости. «Дело о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России» (нечаевское дело), разбиралось в С.-Петербургской судебной палате с 1 июня по 27 августа 1871 года. Отчет о деле Нечаева и нечаевцев не был издан «отдельной книгой», как это думал Тургенев, но печатался в «Правительственном вестнике», 1871, № 155—206, и 1873, № 10. Тургенев интересовался этим процессом в связи с работой над романом «Новь».

[3] Митрофания, игуменья, рожденная баронесса Розен Прасковья Григорьевна. Скандальный процесс игуменьи Митрофании, которая попала на скамью подсудимых в результате темных махинаций и связей с крупными спекулянтами и дельцами, имел огромный общественный резонанс. Об этом процессе упоминается в «Мещанах» Писемского. Несомненна также связь между процессом Митрофании и сюжетом комедии Островского «Волки и овцы». Об этом судебном деле писал и А. Ф. Кони в книге «На жизненном пути» (т. I, М., 1913, стр. 48—58). В данном случае Тургенев имеет в виду книгу: Дело игуменьи Митрофании. Подробный стенографический отчет, составленный С. П. Забелиной, изд. «Современных известий», М., 1874. Библиографическая заметка об этом издании была помещена в «С.-Петербургских ведомостях», 1874, № 320, 20 ноября.

30

Париж.
50, Rue de Douai.
Понедельник, 21/9-го Февр. 76.

Любезнейший Александр Васильевич,

Я получил «*Судебный Вестник*» [1] и искренне благодарю Вас. — Вы — идеал корреспондента и коммиссионера! — Из остальных изданий я до сих пор не получил — ни «Отечеств‹енных› Записок», ни «Русской Старины», ни «Русского Архива», ни «Русского Вестника», ни «Московской газеты»; боюсь я, не подписались ли Вы у прогоревшего А. Ф. Базунова? [2] В таком случае — я конечно беру грех на себя — и попрошу Вас подписаться снова. — Прошу Вас также выслать мне вышедшую 2-ую часть Галаховской Истории Русской Словесности; [3] первая — у меня. —

Могу Вас уведомить что я работаю прилежно и мой большой труд [4] подвигается.

Подагра меня оставила. — Передайте мой дружеский поклон всем приятелям. — Жму Вам крепко руку.

Ваш
Ив. Тургенев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] «Судебный вестник» (1866—1877) — газета министерства юстиции.

[2] Базунов Александр Федорович (ум. в 1876 г.) — известный книгопродавец и издатель, в 1876 году разорившийся. М. Е. Салтыков-Щедрин в письме к Н. А. Некрасову от 3 марта 1876 года сообщал: «... Тургенев писал мне, что он тоже не получает журналов, ибо подписался у Базунова» (Н. Щедрин / М. Е. Салтыков /, Полное собрание сочинений, т. XVIII, Гослитиздат, М.—Л., 1937, стр. 345).

[3] Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892) — известный историк русской литературы. С 1865 по 1892 год был профессором русской словесности в Петербургском историко-филологическом институте. Автор ряда учебных руководств и пособий. Речь идет об «Истории русской словесности древней и новой» А. Галахова. Первый том её, охватывающий древний период и часть нового (до XIX века), вышел в 1863 году. Первая половина второго тома, посвященная главным образом литературной деятельности Карамзина, Жуковского и Крылова, появилась в 1868 году. И, наконец, вторая половина второго тома напечатана в 1875 году. Позже, в 1892 году, Галахов опубликовал в «Историческом вестнике» (№№ 1 и 2) свои воспоминания — «Сороковые годы», в которых даны характеристики Тургенева, Боткина, Кудрявцева, Кетчера и др.

[4] «Новь».

31

Париж.
50, Rue de Douai.

Понедельник, 3-го Апр. / 22-го Марта 1876.

Любезнейший Александр Васильевич, я виноват перед Вами — давно не писал — и прошу извинить меня. — Мне очень совестно, что моё молчание причинило Вам беспокойство — тем более что оно не обусловлено ни болезнью, ни избытком занятий. Просто — поленился!

Я получаю Отеч. Записки, Вестник Европы, Русский Архив и Русскую Старину, Голос, Биржевые Ведомости; но ни Русского Вестника, ни Русских Ведомостей не получил до сих пор; — вероятно, причиной этому опять тот же жулик — Базунов.

Мне давали читать Анну Каренину в Русском Вестнике; не могу сказать, что я остался ею доволен — хотя сильный талант Толстого проявляется иногда в полном блеске.

Я отсюда выезжаю через месяц — самое позднее — через пять недель — и по дороге нигде останавливаться не буду; [1] впрочем я ещё спишусь с Вами — и во всяком случае, телеграфирую Вам с границы. —

lib.pushkinskijdom.ru

Работа моя помаленьку подвигается.[2] Поклонитесь от меня всем хорошим знакомым. Дружески жму Вам руку и остаюсь

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

P. S. Я получил 2-ую ч. Галахова и два №-а (весьма интересных) «Дневника писателя»[3] — и благодарю.

[1] В действительности Тургенев, выехав из Парижа в Петербург 17/29 мая 1876 года, сделал остановки в Баден-Бадене и Висбадене (см.: М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, изд. «Academia», 1934, стр. 246).

[2] Имеется в виду роман «Новь».

[3] Речь идет о январском и февральском выпусках «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского за 1876 год. В первом из этих выпусков глава вторая была посвящена детям («Мальчик с ручкой», «Мальчик у Христа на елке», «Колония малолетних преступников» и пр.). Во втором выпуске Тургенева могла особенно заинтересовать глава первая («О любви к народу. Необходимый контракт с народом», «Мужик Марей»). Достоевский писал здесь: «... вспомните Обломова, вспомните „Дворянское Гнездо" Тургенева. Тут, конечно, не народ, но все что в этих типах Гончарова и Тургенева вековечного и прекрасного, — все это от того, что они в них соприкоснулись с народом; это соприкосновение с народом придало им необычайные силы» («Дневник писателя», 1876, февраль, стр. 37).

32

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ. город Мценск.)
Понедельник, 7-го Июня 76.

Со вчерашнего дня я здесь,[1] любезнейший Александр Васильевич — подагра пока молчит — но жара мучит нестерпимо, — и на дождь нет надежды. Начал перечитывать свой роман.[2] Стасюлевич мне пишет что он вручил Вам перевод Гебеля[3] — а Вы вручили его Салтыкову?[4] Суворин хотел мне высылать «Новое Время» да вероятно позабыл — и тем лучше: его здесь получают также как и «Голос» — но Вы, если какой попадётся интересный № другой какой газеты — перешлите. —

Дело Мещерского[5] не выгорело — брат мой[6] не дождался меня — и уехал — но дела тут не так худы, как я полагал.

Жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Тургенев приехал в Спасское-Лутовиново 6/18 июня 1876 года (см.: Письма И. С. Тургенева к г-же Полине Виардо и его французским друзьям. Собранные и изданные М. Е. Гальпериным-Каминским. Перевод с французского, М., 1900, стр. 171).

[2] Речь идет о «Нови».

[3] Имеется в виду возвращение Стасюлевичем перевода драмы Геббеля «Мария Магдалина», который редактор «Вестника Европы» не счел возможным напечатать в своем журнале, хотя Тургенев очень хлопотал об этом. В письме к Стасюлевичу от 20/8 апреля 1876 года, посылая ему этот перевод, Тургенев писал: «Прилагаемая рукопись — перевод, сделанный по моей рекомендации известной драмы Геббеля — молодым, здесь находящимся и очень талантливым (но также очень бедным) — Русским, неким Пр. В. Григорьевым. — Боюсь только, как бы эта драма (едва ли не лучшее произведение новой Германской драматической литературы) — не была уже переведена на Русский язык; — а то — я смело рекомендую её в один из летних № Вестника Европы — и уверен, что прочтя её, Вы разделите мое мнение» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 78). В письме от 1 июня 1876 года Тургенев просил его же: «Сделайте одолжение, передайте... Александру Васильевичу Топорову — перевод драмы Геббеля (Мария Магдалина) который я Вам прислал и который Вы не нашли удобным к печатанию в В. Е.» (там же, стр. 79).

[4] Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889). Очевидно, Тургенев хотел напечатать в «Отечественных записках», редактором которых был тогда Салтыков-Щедрин, отвергнутый Стасюлевичем перевод драмы Геббеля «Мария Магдалина».

[5] Мещерский Александр Александрович (род. в 1844 г.) — бывший секретарь отделения статистики Русского географического общества. Имя его встречается в переписке Тургенева с Ю. П. Вревской. Так, например, в письме от 19 июля 1875 года Тургенев, рекомендуя Мещерского, подчеркивает, что «он малый, кажется, умный и добрый» (Щукинский сборник, вып. V, М., 1906, стр. 472). В письме Тургенева к Вревской от 22/10 марта 1876 года Мещерский назван «прекрасный малый» (там же, стр. 478). Мещерский был около Тургенева в последние дни жизни писателя, о чем рассказывает в своих воспоминаниях (Сборник «На память об И. С. Тургеневе», СПб., 1883, стр. 16—22). Вероятно, под «делом Мещерского» Тургенев подразумевал его хлопоты о субсидии Н. Н. Миклухе-Маклаю. См. письмо 34 и примечания 1, 2, 3 и 4 к нему.

[6] Тургенев Николай Сергеевич (1816—1879) — старший брат писателя.

33

С. Спасское. Лутовиново.
Орловской губернии
в город Мценск.

Воскресение, 13/25 Июня 76.

Любезнейший Александр Васильевич, сегодня роковое 13-е июня — а подагра пока помалкивает — что-то будет дальше, работа идёт недурно — и дела по хозяйству — или,

lib.pushkinskijdom.ru

правильнее, по устройству именья, подвигаются. — Я Вам писал недавно — а теперь ещё к Вам коммиссия: — пожалуйста, сходите с прилежащей запиской в музыкальный магазин Иогансена (против Гостиного двора) — и получите от него собрание романсов Г-жи *Виардо́*, передайте это собрание от моего имени *Ларошу*, музыкальному критику «Голоса».[1] — Он у меня был в Петербурге — и понравился мне, как умный человек и знающий свое дело. — Кстати, доставьте мне его адресс. —

Очень я буду за это Вам благодарен.

Раньше 3-х недель или месяца я отсюда не выеду.

Будьте здоровы — жму Вам дружески руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Г. А. Ларош. См. примечание 2 к письму 26.

34

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ. город Мценск)

Вторник, 15-го Июня 76.

Любезнейший Александр Васильевич,

Вот я опять к Вам с просьбой. Вам ведь известна история с Миклухо-Маклаем — (т. е. история субсидии, которую надеялся выхлопотать ему Кн. А. Мещерский.) — известен также отказ Солдатенкова.[2] Тогда я обратился к П. М. Третьякову[3] — и получил от него письмо, из коего выписываю следующие строки:

«Несмотря на теперешнее трудное время, я готов бы пойти на это дело — только не *один*, а с кем-нибудь; ну а вот этих „кого-нибудь“ я и не нашел до сего дня. Более других мог бы рассчитывать на Александра Владимировича Станкевича,[4] так как интересы науки ему должны быть близки, да нет его в Москве — а адресс его деревни не знаю. — Не найдёте ли Вы возможным снестись с ним? — так как Вам адресс его наверно известен».

В том-то и штука что вовсе не так известен, как полагает Третьяков. Сколько мне помнится она находится[а] в Воронеж-

[а] *Было* Помнится его деревня находится

lib.pushkinskijdom.ru

ской губернии, Острогожского уезда.[5] Я так и написал Третьякову, на всякий случай напишу Станкевичу — а так как я не знаю, где собственно теперь Кн. А. Мещерский (он собирался куда-то уехать) — то решаюсь обратиться к Вам чтобы Вы сообщили ему содержание этого письма; если он ещё в Петербурге —его адресс: Мойка, д. Башмакова, № 40. — Пусть и он напишет Станкевичу, ссылаясь на меня и особенно на Третьякова — (Воронежской губ. в город Острогожск.) Если же Станкевич за границей — ну — тогда остается только рукой махнуть.

Подагра молчит — работа подвигается — Что-то будет дальше? Дружески жму Вам руку и остаюсь

Душевно Вам преданный
Ив. Тургенев.

[1] Миклуха-Маклай Николай Николаевич (1846—1888) — известный русский путешественник, исследователь Австралии и Новой Гвинеи. Тургенев встречался с Н. Н. Миклухой-Маклаем несколько раз. Познакомились они в 1867 году в Веймаре; в 1870 году встретились там же второй раз. О том, что писатель в 1876—1877 годах был озабочен судьбой Н. Н. Миклухи-Маклая и хлопотал об оказании ему материальной помощи, известно и из писем Тургенева к Ю. П. Вревской. Так, 6 июня 1876 года он писал ей: «Дайте знать Кн. Мещерскому, что я уехал не увидавшись с П. М. Третьяковым, но написал ему чувствительное письмо по поводу Миклухи-Маклая, которое, вероятно, его не тронет...» (Щукинский сборник, вып. V, М., 1906, стр. 481). А в письме к Ю. П. Вревской от 24/12 мая 1877 года писатель подчеркивал: «Я даже не понимаю того, что Вы мне сказали о Мещерском: вместо того чтобы дать Миклухе в *займы* 2000 р. — я ему подарил 1000; что́ при моей гнусной бедности, совсем было нелегко» (там же, стр. 495). Последняя встреча Тургенева с Миклухой-Маклаем произошла на квартире писателя в конце 1882 года, когда путешественник, предприняв новую поездку в Австралию (город Сидней), был проездом в Париже. Именно об этом посещении Тургенев упоминает в письме к П. Л. Лаврову от 27 декабря 1882 года (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Введение и редакция Н. К. Пиксанова, М.—Л., 1930, стр. 107—108). Очевидно, Н. Н. Миклуха-Маклай был у Тургенева 29 декабря 1882 года, о чем и рассказывает в своих воспоминаниях (см.: Л. Б. Модзалевский. Воспоминания Н. Н. Миклухи-Маклая о посещении И. С. Тургенева в Париже в 1882 г. «Вестник Академии Наук СССР», 1933, № 10, стр. 42—47).

[2] Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901) — видный московский книгоиздатель.

[3] Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) — купец-меценат, собиратель картин русской художественной школы. Основал Третьяковскую галлерею, которую в 1892 году принес в дар городу Москве. Позже, в 1878 году Тургенев бывал у П. М. Третьякова в Кунцеве, как свидетельствует об этом Е. Ардов ‹Е. И. Апрелева› в статье «Из воспоминаний об И. С. Тургеневе» в «Русских ведомостях», 1904, № 25, 25 января.

[4] Станкевич Александр Владимирович (1821—1912) — младший брат

lib.pushkinskijdom.ru

Н. В. Станкевича (1813—1840), основателя и вдохновителя знаменитого кружка, из которого вышло немало научных, художественных и общественных деятелей эпохи 1840—1850-х годов. Писатель и литературный критик, автор биографии Т. Н. Грановского, А. В. Станкевич был также инспектором Московского училища живописи и ваяния и деятельным членом Общества постоянной выставки картин (см. о нем: «Исторический вестник», 1912, № 9, стр. 1125—1128, и «Русский архив», 1912, № 9, стр. 160).

[5] Имение А. В. Станкевича Новый Курлак действительно находилось в Воронежской губернии.

35

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловский губ.-и, в город Мценск.)
Вторник, 22-го Июня 76.

Любезнейший Александр Васильевич, на сей раз 4 пункта.

1.) Если придёт к Вам на моё имя письмо, удержите его до моего приезда.

2.) Приеду я около 9-го Июля.[1]

3.) Пришлите мне пожалуйста «Дневник писателя» от 30-го Июня,[2] когда он выйдет.

4.) Подагра пока молчит — и работа[3] идёт живо. Я не перечитываю — а то́, пожалуй, не станешь продолжать.

Будьте здоровы; жму крепко Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] В действительности Тургенев заезжал в Петербург позже, так как в письме к М. М. Стасюлевичу из Спасского-Лутовинова от 15/27 июля 1876 года он писал: «Я выезжаю отсюда после-завтра» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 83).

[2] Июньский номер «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского за 1876 год вышел в свет действительно 30 июня.

[3] Имеется в виду работа над «Новью».

36

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ. гор. Мценск.)
Середа, 14 Июля 76.

Любезнейший Александр Васильевич,

Литератор Бардадым[1] извещает Вас, что богу изволящу, он прибудет в Петербург[2] в *Понедельник*, с курьерским

lib.pushkinskijdom.ru

поездом в 11 ч. утра и потому просит Вас выслать ему на станцию карету и удержать не слишком дорогую комнату[3] у Демута.

Он также извещает Вас, что роман[4] наконец *кончен* — но в то же время он, Бардадым, разорен окончательно. Что[a] он Вам расскажет.

До свидания! Жму Вам руку.

Бардадым

[1] Так Тургенев в шутку именует самого себя. Просторечное русское слово «бардадым», неясного происхождения (вероятно, из «борододым», в связи с «бородач», как догадывается А. Преображенский — Этимологический словарь русского языка, вып. I, М., 1910, стр. 17), известно было в жаргоне карточных игроков (обозначая пикового или трефового короля в народной игре «хлюст» или «три листа»), но употреблялось также и в значениях «неуклюжий человек», «верзила» и «пустомеля» (см.: В. Даль. Толковый словарь, т. I, Гослитиздат, М., 1935, стр. 49; Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии Наук, т. I, СПб., 1895, стб. 114). В последнем смысле, повидимому, употреблял его и Тургенев.

[2] Тургенев выехал из Спасского-Лутовинова 17/29 июля, надеясь быть в Петербурге 19/31 июля 1876 года (см. письмо к Ю. П. Вревской от 14 июля того же года в Щукинском сборнике, вып. V, М., 1906, стр. 482).

[3] Тургенев не случайно заботился о том, чтобы не очень дорого платить за комнату в гостинице. В письме к Ю. П. Вревской от 14 июля 1876 года он сообщал: «...я выезжаю из Спасского разоренным человеком, потерявшим более половины своего имущества по милости мерзавца управляющего...» (Щукинский сборник, вып. V, М., 1906, стр. 482).

[4] Роман «Новь» был закончен 15/27 июля 1876 года (см.: М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. Изд. «Academia», 1934, стр. 249).

37

Буживаль.
Les Frènes,
16, Rue de Mesmes.

Понедельник, ‹7 августа / 26 июля› 1876› [1]

Любезный Топоров,

Вчера приехал, устал ужасно и только извещаю Вас сегодня об этом, да о том, что ко мне, вопреки обещанию,

[a] *Далее написано* в *и, очевидно, пропущено одно слово, может быть: в понедельник*

lib.pushkinskijdom.ru

«Нового Времени» сюда не посылают и потому я до сих пор не знаю, напечатаны ли мои стихи или нет.[2]

Завтра напишу пространнее, теперь — крепко жму руку.

Ваш

Ив. Тургенев.

P. S. Мой адрес почтовый:
50, Rue de Douai,
Paris.

[1] Это письмо следует датировать 7 августа/26 июля 1876 года, так как о своем приезде в Буживаль Тургенев извещал и М. М. Стасюлевича в письме, также датированном 7 августа/26 июля 1876 года, понедельник (см.: М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 84).

[2] Стихотворение Тургенева «Крокет в Виндзоре» было написано 20 июля 1876 года, т. е. в разгар событий на Балканах. Непосредственным поводом к его созданию было жестокое подавление восстания в Болгарии, находившейся под властью Турции. Это вызвало волну возмущения в России, тем более, что Англия, боясь усиления влияния России, практиковала политику «невмешательства» в балканские дела, фактически поощряя этим Турцию. В письме к брату Николаю Сергеевичу от 21/9 декабря 1876 года Тургенев сообщал, что «хотел попытаться напечатать... „Крокет" в „Новом времени" — но цензура этому воспрепятствовала, что не помешало этим виршам облететь всю Россию, быть... переведенными на немецкий, французский, английский язык» («Русская старина», 1885, №10, стр. 141). О стихотворении «Крокет в Виндзоре» упоминается также в письме Тургенева к Я. П. Полонскому от 17 сентября 1876 года (см.: И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 299).

38

Bougival
Les Frènes
Châlet
(Seine et Oise)

Понедельник, $\frac{28\text{-го}}{16}$ Авг. 76.

Любезный Топоров,

Что́ значит, что Вы молчите и не отвечаете? Я начинаю беспокоиться: здоровы ли Вы? — Напишите о себе два слова — я сижу здесь безвыездно — и переписываю свой роман,[1] половина которого уже готова. — Подагра молчит. Дом мой очень удобен[2] — и дни летят за днями. —

lib.pushkinskijdom.ru

Видели Вы баронессу Вревскую[3] — и какой был результат Вашего свидания. — Жду Вашего письма. А пока крепко жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Имеется в виду «Новь».

[2] С. Ромм вспоминает: «Возле главного здания выстроен деревянный двухэтажный дом, где жил Тургенев. Дом этот назывался „le Chalet“. Он был очень уютный; с балкона открывался вид на Сену и окрестности» (С. Ромм. Из далекого прошлого. Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе. «Вестник Европы», 1916, № 12, стр. 121).

[3] Вревская Юлия Петровна (1841—1877) — дочь генерала Варпаховского, жена, а затем вдова известного на Кавказе генерала Вревского, близкая знакомая Тургенева (см. его письма к ней в Щукинском сборнике, вып. V, М., 1906, стр. 462—496).

39

Буживаль.
(Les Frènes)
20/8-го Окт. 1876.

И так Вы живы, любезнейший Топоров! Ну слава богу, а то́ я начинал сильно беспокоиться. — Вы пишете мне: «*откликнитесь*» — да, душа моя, я писал Вам три раза — и не получал ни малейшего ответа; — наконец я даже обратился к баронессе Вревской, чтобы она узнала, что с Вами; — но так как Вы её не посетили, то и она ничего не знала. — Даже адресса Вашей рукою писанного не было ни на одном Русском журнале. — Ну теперь я спокоен.

Но какие же это Вас посетили невзгоды? — Хоть бы намекнули? — А рассказать Вы их мне раньше Января не будете в состоянии — так как я только к тому времени попаду в Петербург.[1] — Стасюлевич пришлёт мне сюда корректуры моего романа,[2] который появится в 1-м № «Вестника Европы» — так что мне для этого не для чего быть на месте.

Здоровье моё порядочно — я всё ещё в деревне, но скоро перезжаю в город, Rue de Douai, 50.

Самарский-Быховец был у меня в Париже; но к сожалению не оставил своего адресса на карточке; я проискал его во всех гостиницах около Мадлэня — и так и не нашел. — Скажите ему это — и поклонитесь от меня и ему и его жене.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] В действительности Тургенев приехал в Петербург только 22 мая/3 июня 1877 года (см.: «С.-Петербургские ведомости», 1877, № 142, 25 мая).

[2] В № 1 «Вестника Европы» за 1877 год была напечатана первая часть романа «Новь» (гл. I—XXII).

40

Париж.
50, Rue de Douai.
Понедельник, 13/1-го Нояб. 76.

Спасибо за поздравление и за память, любезнейший Александр Васильевич! По письму баронессы Вревской, и рябчики были высланы Вашими стараниями: они прибыли в совершенной целости и свежести. Я рад был услышать, что Вы здоровы — (о себе я могу сказать то же самое —) но отчего Вы мне не говорите, удалось ли Вам или нет, то́, о чем Вы хотели попытаться похлопотать через Баронессу? Вероятно — и к сожалению — не удалось. Не сомневайтесь в моем приезде в Петербург — если я только жив буду; приеду посмотреть и послушать, как меня ругать будут: без этого ведь не обойдется. — На днях рукопись отправляется к Стасюлевичу.[1]

Мне трудно писать — у меня сделалась в мизинце правой руки ревматическая — или чорт знает какая боль, которая мешает держать перо, как следует — впрочем это не важно.

В скором времени Вам будут доставлены деньги для подписки на журналы.

Поклонитесь приятелям, будьте бодры и веселы — и до свидания.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Рукопись романа «Новь» была отправлена М. М. Стасюлевичу несколько позже. В письме к нему от 24/12 ноября 1876 года Тургенев сообщал: «... Гинцбург выехал, как обещал, во Вторник — и так как он нигде не остановился, то вероятно сегодня вечером или завтра рано утром рукопись будет в Ваших руках» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 90).

lib.pushkinskijdom.ru

41

50, Rue de Douai
Paris

Четверг, 23/11-го Нояб. 76.

Любезнейший Топоров,

Не можете ли Вы справиться, отчего это я с *Июня* мес‹яца› — не получил ни одной книжки «Отечественных Записок»? — Сколько я помню, Вы подписались на этот журнал на моё имя. — Пожалуйста, наведите справку.

Благодарю Вас за поздравление со днём моего рождения. — Оно пришло в самый раз — и доказало мне постоянство дружеских чувств, которые Вы ко мне питаете.

Мой роман уехал отсюда третьего дня с одним из Гинцбургов [1] — и если ничего с ним не случится на дороге, завтра или после-завтра будет уже в руках Стасюлевича. —

Я продолжаю пользоваться порядочным здоровьем — и Вам того же желаю. В Январе я непременно прибуду в Петербург.

Если увидите баронессу Вревскую, поклонитесь ей от меня. — Дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Если осталось у Вас ещё немного моих денег, вышлите мне, пожалуйста, *последнее* издание Макаровского Русско-Французского и Французо-Русского словаря.[2]

[1] Вероятно, Гинцбург Гораций Осипович (1833—1909) — петербургский банкир, имевший контору в Париже. Г. О. Гинцбург интересовался наукой и искусством. А. Луканина в своих воспоминаниях пишет: «Ногасе Гинцбург... наш меценат, заметил Иван Сергеевич: он очень много помогает нам в „обществе поощрения и вспомоществования русским художникам в Париже“» (Мое знакомство с И. С. Тургеневым. «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 55). Четыре письма Тургенева к Г. О. Гинцбургу опубликованы с примечаниями С. Переселенкова в «Тургеневском сборнике», под редакцией А. Ф. Кони, П., 1921, стр. 145—152.

[2] Тургенев имеет в виду: «Полный французско-русский словарь» Н. П. Макарова, две части (СПб., 1870; неоднократно переиздавался) и «Полный русско-французский словарь», две части (СПб., 1867; также неоднократно переиздавался в последующие годы). Ю. П. Вревскую Турге-

lib.pushkinskijdom.ru

нев просил 6 декабря/24 ноября 1876 года: «Скажите от меня Топорову... что я благодарю его за присылку... Макаровского Словаря» (Щукинский сборник, вып. V, М., 1906, стр. 485).

42

50, Rue de Douai
Paris

Четверг, 14/2-го Дек. 76.

Любезнейший Александр Васильевич, я уже писал баронессе Вревской что лексикон Макарова и невысланные №-а «От‹ечественных› Зап‹исок›» мною получены — (с тех пор пришел и Ноябрьский №). Не знаю, какого роду просьбу она ко мне имеет (вероятно она касается Вас) — но какая бы она ни была, Вы можете быть уверены, что я исполню её с великим удовольствием.

Сперва бранили мой роман, не прочитав его — а теперь хвалят, тоже не зная его содержания: одна публика решит, какую ему следует придать цену. — Я бы очень удивился если бы по появлении моей вещи, Вл. Стасов продолжал её хвалить: там он продёрнут — и весьма бесцеремонно.[1]

В Петербург я прибуду непременно — если буду жив — в самых первых числах Февраля — т. е. через два месяца, — быть может, в самый разгар войны.[2] — Вы мне не пишете, есть ли у Вас мои деньги: я полагаю, что скорее я должен Вам. — Пожалуйста, уведомьте меня об этом. Если нужно, воспользуйтесь прилагаемой запиской к Стасюлевичу.

Прошу Вас подписаться для меня на будущий год — (с доставкой сюда) — на следующие журналы:

1.) Отечественные Записки.
2.) Русский Вестник.
3.) Голос.
4.) Новое Время.
5.) Московские Ведомости.
6.) Какой нибудь *сатирический* журнал. —

Больше ничего не нужно.

Мне очень жаль, что Вы о себе *ничего хорошего* сказать не можете. — Как Ваше здоровье?

Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам Ив. Тургенев.

[1] В романе Тургенева «Новь» в образе Скоропихина дана тенденциозная карикатура на В. В. Стасова. В связи с этим сам В. В. Стасов

lib.pushkinskijdom.ru

писал В. Д. Поленову 3 января 1877 года: «... Тургенев прописал меня в новом своем романе „Новь“ на страницах пятнадцатой—шестнадцатой под именем критика Скоропихина, порицающего молодых художников и огулом ругающего всё старое в искусстве» (Е. В. Сахарова. Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания, изд. 2-е, М.—Л., 1950, стр. 136). А Тургенев в письме к П. В. Анненкову от 23 ноября 1876 года указывал, что в «Нови» есть явные (и не скрываемые) намеки на Стасова. 30 ноября писатель спрашивал его же: «Ну, а сравнение Стасова с бутылкой кислых щей? Оставить?». На этот вопрос Анненков отвечал Тургеневу: «Бутылка-Стасов с кислыми щами, удивительно характеризует человека — и всё-таки желалось бы, чтобы ею обозначался не Стасов, а господин со Стасовскими воззрениями» («Литературная мысль», Альманах 1, Пгр., 1922, стр. 199, 201).

[2] Тургенев имеет в виду войну на Балканах. Сербия и Черногория объявили войну Турции в июне 1876 года. В связи с этими событиями возбуждение в русском обществе было чрезвычайно сильным. Симпатии сербам заявлялись повсюду открыто. В Сербию отправлялись добровольцы, деньги, провиант. С середины сентября началась частичная мобилизация русской армии. В феврале 1877 года разгромленная Сербия подписала с Турцией мир; продолжала борьбу одна Черногория. 12/24 апреля 1877 года Александр II объявил войну Турции.

43

Париж.
50, Rue de Douai.

Вторник, 2-го Янв. 77.
21-го Дек. 76.

Любезнейший Топоров,

Я получил Ваше письмо — и немедленно написал Стасюлевичу, чтобы он Вам передал два белых оттиска [1] — один для Вас, другой для баронессы.[2] — Скажите ей, что я получил ее коротенькую, но очень печальную Записку — и буду отвечать завтра же. Скажите ей, чтобы она непременно дождалась меня.

Сегодня со мной случился припадок подагры в левом колене; буду надеяться, что он скоро пройдет.

Все Ваши распоряжения на счёт журналов, высылки и т. п. — разумеется — вполне одобряю.

Книги, которые вы желаете, с собой привезу.

С новым годом — новым счастьем! — Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет об оттисках романа «Новь». См. примечание 2 к письму 45.

[2] Ю. П. Вревская.

lib.pushkinskijdom.ru

44

Париж.
50, Rue de Douai

Середа, 3-го Янв. 77.
22-го Дек. 76.

Любезнейший Топоров, я писал Вам вчера — но решительно не помню, написал ли я Вам об одном для меня довольно важном деле — или нет? — Во всяком случае — и для бóльшей верности, лучше повторить. Я отдал в редакцию «Нового Времени» — через В. И. Лихачева [1] небольшой полуфантастический рассказец, под заглавием: *Сон* [2] с тем чтобы он был напечатан не раньше выхода 1-й книжки «Вестника Европы» [3] т. е. после первого Января — Потом я, сообразуясь с другими запросами от *иностранных* редакторов, написал-было Лихачеву, чтобы он подождал печатанием до *8-го* Янв. — Теперь же, напротив, оказывается, что это не только не нужно, но даже неуместно — и чем скорее «Новое Время» напечатает мой рассказ (но всё таки *после* 1-го Янв.) — тем лучше. Я об этом немедленно написал Лихачеву [4] — но ответа (также как на первое письмо) не получил. Будьте так любезны, сходите к нему или в редакцию Н‹ового› В‹ремени› с этим письмом — и приведите всё это в ясность. — Также я бы очень желал, чтобы Вы продержали корректуру этой безделки. — (всего, вероятно, 2 фёльетона.)

Извините за все эти хлопоты и примите мое спасибо.

Искренно преданный Вам
Ив. Тургенев

P. S. Адресс В. И. Лихачева: Фурштадтская № 26.

[1] Лихачев Владимир Иванович (1837—1906) — юрист и общественный деятель, приятель М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1876 году вместе с Сувориным купил «Новое время», но вскоре от участия в этой газете отошел.

[2] Рассказ «Сон» был опубликован в газете «Новое время», 1877, № 303 и 304, 1 и 2 января, о чем Тургеневу тогда еще не было известно.

[3] В первой книжке «Вестника Европы» за 1877 год началось печатание первой части романа «Новь». Тургенев, очевидно, не хотел, чтобы «Сон» был опубликован раньше «Нови». Редактору «Вестника Европы» он разъяснял 4 января 1877/23 декабря 1876 года: «Рассказ, отданный мною „Новому Времени“ — есть та небольшая, в сущности довольно пустая штучка: „Сон“ — которую я прочел Вам в прошлом году» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 103).

lib.pushkinskijdom.ru

[4] Это письмо сохранилось. Тургенев здесь писал: «Вы вероятно уже передали в редакцию „Нового Времени“ — мой небольшой рассказ. Вы помните, что я поставил Вам одно только условие, а именно: чтобы он не был напечатан *раньше* 1-го Янв‹аря› 1877; теперь я прошу Вас сделать мне следующее одолжение: не печатать его раньше *8-го* Янв‹аря› — т. е. прибавить ещё неделю. Мне это непременно нужно для некоторых сделок по случаю перевода этого рассказа на французс‹кий› и немецк‹ий› языки. Не сомневаюсь в том, что Вы исполните мою просьбу и дождетесь 8-го Янв‹аря› для первого фёльетона» (Литературный архив, вып. 3, 1951, стр. 219).

45 [1]

50, Rue de Douai
Paris

Суббота, 17/5-го Февр. 77.

Любезнейший Александр Васильевич — спасибо за Ваше письмо. Мнение Ваше о второй части «Нови» меня порадовало. — Вы хотя друг — но говорите правду — и потому не стали бы хвалить, не будучи убеждены.[2] — Что же касается до первой части — то несомненно что впечатление произведенное ею — было неудовлетворительно — и это я заключаю не из журнальных статей; [3] быть может, вторая часть и себя и её поставит на́ ноги.

Вот о чём я хочу просить Вас. Салаев у меня покупает «Новь» — и хочет издать её отдельной книгой в Июле. — Но в отдельном издании я желал бы избежать тех ошибок и неточностей, в которые я впал. — И потому возьмите карандаш — перечтите «Новь» — и отметьте на полях всё, что Вам покажется неверным — или что подвергалось осуждению Ваших знакомых — в роде цен на кресла Александринского театра [4] и пр. (Замечу кстати, что я вовсе не полагал, что Нежданов пошел на *первое* представление «Не в свои сани не садись» — оно было дано при Николае Павловиче [5] — и я это знал — у меня просто сказано: давали такую-то пиэсу).[6] — Когда я приеду в Петербург — (а это произойдет в конце Марта, не сомневайтесь в этом) — Вы мне передадите Ваш экземпляр с замечаниями — и я приму к сведению всё, что мне покажется справедливым.

Очень я Вам буду за это благодарен.

Вы мне ничего не пишете о своём здоровьи; полагаю, что оно хорошо. Сам я несколько расклеиваюсь. — Старость, подагра, почки... Что делать? надо с этим помириться. —

lib.pushkinskijdom.ru

Поклонитесь хорошим знакомым, начиная с баронессы [7] — и будьте уверены в дружеских чувствах

Преданного Вам
Ив. Тургенева.

[1] Это письмо является ответом на неопубликованное письмо А. В. Топорова к Тургеневу от 31 января 1877 года (см. черновики неопубликованных писем А. В. Топорова к И. С. Тургеневу за 1877 год. ИРЛИ, архив А. М. Скабичевского, ф. 283, оп. 2, № 213).

[2] Топоров в указанном в примечании 1 письме сообщал Тургеневу: «Вчера получил я от г. Стасюлевича второй оттиск и прочитал, два раза прочитал. Очень хорошо, Иван Сергеевич!» (л. 1).

[3] Ю. П. Вревской еще 6 декабря/24 ноября 1876 года Тургенев сообщал: «...критик „Отечественных записок“ Г-н Михайловский, как только начали ходить слухи о моем романе, обозвал меня „бездушнейшим человеком, который будет запускать свои неумелые пальцы в зияющие раны нового поколения!“» (Щукинский сборник, вып. V, М., 1906, стр. 485).

[4] Имеется в виду эпизод из третьей главы первой части романа «Новь», где Тургенев описывает, как Нежданов покупает билет в Александринский театр: «Он собирался взять билет в партер; но в ту минуту как он подходил к отверстию кассы, стоявший за ним офицер закричал кассиру, протягивая через голову Нежданова две рублевых ассигнации. „Им (т. е. Нежданову), вероятно, придется получать сдачу, а мне не надо; — так вы дайте мне, пожалуйста, поскорей билет в первом ряду... мне к спеху!“». В вышеупомянутом письме к Тургеневу Топоров с негодованием обрушивался на Стасюлевича: «...он должен бы был поправить сам как редактор, ошибку, простительную Вам но непростительную ему, в Александр‹инском› театре... 1 ряд кресел стоит менее ‹?› 3 р., а 2 ряд стоит 1 р. 75 к. Конечно это пустяки, мелочь. Но всё таки лучше было бы, если б не было ни сучка ни задоринки» (л. 1).

[5] Тургенев имеет в виду Николая I.

[6] Нежданов приходит в Александринский театр в тот вечер, когда по случаю приезда Садовского из Москвы давали пьесу Островского «Не в свои сани не садись». Топоров в том же письме отмечал, что «комедия Островского Не в свои сани не садись пользовалась успехом в Петербурге в конце прошлого царствования» (л. 1).

[7] Ю. П. Вревская.

46

50, Rue de Douai
Paris

Четверг, 19/7-го Апр. 77.

Давненько не писал я Вам, любезнейший Александр Васильевич, в чём извиняюсь и каюсь. — В Вашем последнем письме Вы изъявляете сомнение: «уж точно приеду ли я?» — Можете быть уверены, что — да. — Это не волки-волки! Правда,

lib.pushkinskijdom.ru

мой приезд сильно отсрочился по не совсем зависевшим от меня причинам; но, будьте благонадежны в том, что *Май месяц ещё не наступит* [1] — а я уже буду с Вами. — Множество причин тянут меня в Россию.

О «Нови» поговорим при свидании. Я знаю, что в критике наступила реакция в мою пользу; [2] но, признаюсь Вам, всё это исчезает перед мыслию о том, что предстоит России. — Война — война — тревожит меня постоянно — с утра до вечера. — Я сам не подозревал, до какой степени во мне сильна любовь к родине. — Но и об этом после. —

Будьте так любезны, по получении этого письма, сходите к баронессе; у неё есть от моего имени поручение к Вам.[3]

Желаемую книгу [4] — а также и портрет Зола [5] с *надписью* — непременно привезу с собою.

Мне приятно было узнать, что Ваше здоровье поправилось; — моё тоже сносно.

Поклонитесь от меня нашим общим приятелям и примите уверение в искренней дружбе

Преданного Вам

Ив. Тургенева.

[1] В неопубликованном письме к Тургеневу от 13/25 марта 1877 года Топоров писал: «Сегодня у Вас, многоуважаемый Иван Сергеевич, 25 Марта, не пройдет и недели и наступит Апрель, а известия о Вашем отъезде из Парижа не получается... Не изменили ли Вы Вашего намерения?» (ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 213, л. 1 об.). В письме к И. И. Маслову от 16/28 мая 1877 года Тургенев сообщает, что выезжает из Парижа в Россию 17/29 мая 1877 года (см.: И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 318—319).

[2] Топоров в цитированном выше (в примечании 1) письме к Тургеневу отмечал: «Слышал я, что Вы опечалены отзывами нашей печати о Нови, — напрасно. Поверьте, что это произведение с каждым днем будет приобретать больше и больше почитателей, потому что правда, — хотя её никто почти не любит — должна взять свое. Даже критиканы уже начинают раскаиваться в своих первых отзывах. — Ларош во второй статье говорит, что „это произведение по таланту не ниже Рудина и Дворянского Гнезда“, а рецензент СПбургск‹их› Ведом‹остей› во вчерашнем фельетоне пишет, что если бы роман Ваш появился двумя месяцами спустя, т. е. после процесса ‹50›, то критика иначе бы отнеслась к нему, что она бедная не знала, что в этом процессе явится и хождение в народ и переодевание и проч. и прибавляет, что вероятно Тургеневу это было известно...» (лл. 1 об.—2). Упомянутый здесь «процесс 50» продолжался с 21 февраля по 14 марта 1877 года.

[3] В этот же день Тургенев писал Ю. П. Вревской: «Посылаю Вам под бандеролью Номер Музыкального журнала, в котором Вы найдете статью Сен-Санса об одном молодом Французском музыканте Форэ; я принимаю в нем живейшее участие — и прошу Вас через Топорова (которому я тоже пишу) — постараться поместить перевод этой неболь-

lib.pushkinskijdom.ru

ной статьи в каком-нибудь журнале» (Щукинский сборник, вып. V, М., 1906, стр. 494).

[4] Эта фраза является ответом на просьбу Топорова в цитированном выше письме его от 13/25 марта 1877 года (см. примечание 1) о том, чтобы Тургенев купил для В. В. Самарского-Быховца книгу: Окраины России, вып. III, изд. Ю. Самарина, Берлин, 1871.

[5] Золя Эмиль (1840—1902) был широко популярен в России в 70-е годы (см.: М. К. Клеман. Эмиль Золя в России. «Литературное наследство», кн. 2, М., 1932, стр. 235—248). В вышеупомянутом письме Топоров писал Тургеневу: «...позволю себе напомнить Вам о сделанном Вами обещании Вере Дмитриевне Самарской-Быховец, — выслать карточку Э. Золя... и если найдете возможным, то попросите Э. Золя сделать на карточке надпись для русской почитательницы его таланта». Вероятно, Тургенев исполнил свое обещание, так как 18 мая 1877 года он писал Э. Золя: «...обращаюсь еще к вам с просьбой: можете ли вы прислать мне вашу фотографическую карточку с следующей надписью, сделанной вашей рукой:

„Г-же Самарской-Быховец.
Париж 1877. Э. Зола".

Эта дама живет в Петербурге... Она прекрасная личность и вполне заслуживает эту маленькую жертву» (Письма И. С. Тургенева к г-же Полине Виардо и его французским друзьям. Собранные и изданные М. Е. Гальпериным-Каминским, М., 1900, стр. 286).

47

Париж.
50, Rue de Douai.

Середа, 2-го Мая / 20 Апр. 77.

Любезнейший Топоров,

В ответ на Ваше письмо — спешу Вам сообщить что я выезжаю отсюда — 12-го Мая/30-го Апр., *непременно* — и около 17/5-го Мая отъявлюсь в Петербург, давши Вам, разумеется, знать телеграммой с границы. — Очень Вам благодарен за хлопоты обо мне: нет сомненья, что у Г-жи Булье [1] мне будет отлично — только буду ли я там так свободен как в отеле? Если Вы полагаете, что *да* — то так и решите. —

Да кстати, сделали ли те поправки и заметки в «Нови», о которых я Вас просил? — Приготовьте их к моему приезду, пожалуйста — так как я должен выправленный экземпляр немедленно отправить в Москву, к Салаеву.

lib.pushkinskijdom.ru

Очень мне жаль, что у Вас опять нога разболелась. Я уже начинаю думать, что это подагра — и Вы мой собрат по этой части.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Это письмо Тургенева является ответом на неопубликованное письмо Топорова от 12 апреля 1877 года, в котором последний просил писателя: «...если приезд Ваш состоится в настоящем месяце, то прошу Вас уведомить о дне, в который Вы будете, чтобы я имел возможность занять для Вас удобное помещение у госпожи Булье, это та француженка у которой Вы с Мещерским обедали; — полагаю, что у неё Вам будет лучше нежели у Демута, да и вдвое дешевле относительно платы за квартиру, а стол и проч. еще более выгодны. Помещение из двух комнат в бельэтаже, окна на улицу, будет стоить 2 р. 50 к. в сутки» (ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 213, л. 2 об.). Француженка Булье, у которой и остановился Тургенев по совету Топорова, проживала в квартире № 15 дома Петропавловской церкви по Большой Конюшенной (см. письмо Тургенева к И. И. Маслову от 2 июня 1877 года — И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 319).

48

50, Rue de Douai
Paris

Середа, 16/4-го Мая 77.

Любезнейший Топоров,

Быть может, Вам баронесса [1] сообщила о беде, которая стряслась надо мною: десять дней тому назад подагра схватила меня [2] — да в обеих ногах разом (как в Петербурге, однако не так сильно) — и хотя мне сегодня лучше — и я могу бродить по комнате, но выйти ещё не могу. А в *Субботу* я должен был выехать из Парижа — и сегодня надеялся быть в Петербурге! — Если мне опять хуже не сделается, я в будущую середу (через неделю) — отсюда выезжаю. — Но я уже теперь учёный воробей и ни за что́ ручаться не могу.

В день моего отъезда пошлю Вам телеграмму.

Ещё раз повторяю свою просьбу на счет *ошибок* и *недосмотров* «Нови». — Надо, чтобы я это всё нашел уже готовым, так как немедленно должен буду отправить экземпляр Салаеву в Москву.

lib.pushkinskijdom.ru

За сим желаю Вам всего хорошего — и до свидания, когда судьбе и подагре будет угодно!

Преданный Вам

Ив. Тургенев

[1] Ю. П. Вревская.

[2] В письме к ней от 10 мая 1877 года Тургенев действительно сообщал: «...пишу Вам из постели, куда свалил меня сильнейший припадок подагры. Это со мной случилось вчера, а я должен был выехать послезавтра!!» (Щукинский сборник, вып. V, М., 1906. стр. 494).

49

Париж.
50, Rue de Douai.

Понедельник, 28-го Мая 77.

Любезнейший Александр Васильевич, провалявшись опять три дня по милости нового припадка подагры, я решительно отправлюсь *завтра* отсюда прямо в Берлин — и если ничего со мною не произойдёт — в *Субботу* к 12 часам утра я в Петербурге. — Я Вам пошлю телеграмму с границы — но Вы всё таки будьте так добры — и по получении сего письма решите окончательно где мне остановиться — и посмотрите комнаты и в гостинице Демута и у той француженки.[1] — Надеюсь, что Вы — (если только здоровье Вам позволит) — выедете сами или вышлете мне карету на дебаркадер.

И так до скорого свидания; жму Вам дружески руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Тургенев имеет в виду свою квартирную хозяйку в Петербурге — Булье.

50

Буживаль.
Bougival.
16, Rue de Mesmes.
Les Frènes.
(Seine et Oise)

Воскресение, 22/10-го Июля 77.

Любезнейший Топоров,

Старец Бульé прислал мне 4 письма на моё имя — и в тоже время пишет мне, что у него есть фотографии и книги —

lib.pushkinskijdom.ru

но что он всё Вас поджидал, а Вы к нему после моего отъезда не явились.[1] — Вы также не ответили на моё письмецо отсюда. — Здоровы ли Вы? Женились ли благополучно?[2] Дайте мне о себе весточку, да кстати зайдите к Бульé, возьмите, что́ у него есть — и отправьте ко мне. Очень я буду Вам благодарен.

Моё здоровье порядочно — пью Карлсбадскую воду; погода наконец поправилась. Наши дела в Турции, тоже, кажется, поправились, чему я сердечно радуюсь.

Крепко жму Вашу руку. Пишите.

Преданный Вам Ив. Тургенев

[1] В ответ на это письмо Топоров сообщал Тургеневу 17 июля: «У старца Булье был два раза и два раза посылал к нему, один раз застал его дома. Костыли Ваши у меня, книжку франц‹узского› журн‹ала› Revue Britannique высылаю вместе с фотографиями Деньера через Мамонтова» (ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 213, л. 3).

[2] В том же неопубликованном письме Топоров писал: «И так 1 июля в 2 ч. 35 ‹м.› дня я поступил в брак, да и пора, по совести говоря, вычеркнуть себя из ряда молодцев. Довольно, покоя кости просят» (л. 3).

51

Bougival (près Paris.)
16. Rue de Mesmes. —

Понедельник, 3-е Сент. / 22-е Авг. 1877.

Любезнейший Топоров, давненько я не писал Вам — да и не было о чём писать: с одной стороны меня терзали и томили наши несчастные военные вести; — с другой стороны подагра мне не давала покоя — и не далее как три дня тому назад я ходил на костылях. — Видно, делать нечего — и со всеми этими болями нужно помириться — насколько это возможно. —

А теперь потолкуем маленько.

1.) Повестку о прибытии фотографий и книг (через Мамонтова)[1] — я получил; но сам ещё не собрался съездить за ними в цензурное отделение Министерства Внутренних Дел. Сделаю это завтра, — так как завтра я обедаю с Самарским, который посетил меня здесь.

2.) — Будьте любезны и постарайтесь навести справки по следующему делу. — Одна моя знакомая, Г-жа Иннис[2] отправила

lib.pushkinskijdom.ru

ко мне в Петербург — 1-го Июля/19-го Июня — письмо (по адрессу Г-на Бульэ в доме Финской церкви) — в котором находились *три* купона Херсонского поземельного банка — ценою в 29 руб. каждый. Письмо это было отправлено простым, не застрахованным. — Завалялось ли оно у Булье, было ли украдено на почте — неизвестно; [3] нельзя ли собрать кое-какие справки? — Надежды мало; но постарайтесь. — Старик Бульэ после моего отъезда, прислал мне в Париж несколько писем; — но этого между ними не было.

3.) Зайдите, пожалуйста, к Беггрову [4] — и справьтесь: ни одна из моих картин не продана? —

4.) Вы хотели доставить мне обвинительный акт людей, которых будут судить в Октябре.[5] — Сделали ли Вы это или только собираетесь? — Я пока ничего не получил: а очень было бы любопытно.

5.) Черкните слово — известно ли Вам: вышло ли наконец отдельное издание «Нови» в Москве — или нет?

Мне Самарский говорил, что Вашей ноге всё не легче; и лекарство Графа не помогает. — Очень сожалею об этом.

Баронесса Вревская мне изредка пишет из Ясс.[6] — Завалены они все там работою... Самое тяжелое впереди.

Я остаюсь здесь ещё 6 недель. В ожидании от Вас ответа, крепко жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Передайте мой поклон Вашей жене,[7] с которой надеюсь познакомиться в первый мой приезд в Петербург. Но когда это будет?

[1] Мамонтов, очевидно, был тот комиссионер, через которого Топоров, будучи сам болен, пересылал Тургеневу фотографии и книги.

[2] Иннис Мария — гувернантка и впоследствии компаньонка дочери Тургенева, англичанка. О ней см. Н. М. Гутьяр. Иван Сергеевич Тургенев, Юрьев, 1907, стр. 125—126, а также письма Тургенева к Н. В. Щербаню («Русский вестник», 1890, № 7, стр. 18, 20, 21, и № 8, стр. 14). Одно из писем Тургенева к Иннис (от 10 января 1865 года) опубликовано в книге: E. Séménoff. La vie douloureuse d'Ivan Tourguéneff, Paris, 1935, стр. 153.

[3] Получив это письмо, Топоров просил Тургенева в неопубликованном письме от 18 сентября 1877 года: «Напишите, пожалуйста, пояснее, от кого и куда было послано письмо на Ваше имя с купонами. В письме Вашем от 22 Августа значится, что вышеупомянутое письмо ‹от Иннис› прислано было в дом Финской церкви, а ведь Вы жили в д‹оме› Петропавловской ‹церкви›. К Булье я посылал, но там никаких писем, кроме

lib.pushkinskijdom.ru

тех, которые были Вам высланы старцем, не получали» (ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 213, лл. 3 об.—4).

[4] Беггров — владелец художественного магазина в Петербурге и торговец картинами, о котором И. Е. Репин писал В. Д. Поленову 20 января 1877 года: «Счетом Беггрова я совершенно доволен — он очень добросовестен, аккуратен и честен по-купечески. Это хорошо» (Е. В. Сахарова. Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания, изд. 2-е, М.—Л., 1950, стр. 141).

[5] Еще в конце 1874 года более тысячи человек было привлечено к дознаниям по делу «о революционной пропаганде в империи», которое тянулось более трех лет и закончилось известным процессом «193-х» (октябрь 1877—январь 1878 года). Центральными фигурами этого процесса были Мышкин, Войнаральский, Ковалик, Рогачев, Синегуб, Волховский, Чарушин и другие.

[6] Во время русско-турецкой войны Ю. П. Вревская уехала в армию в качестве сестры милосердия и в 1878 году умерла в одном из госпиталей в Болгарии. Её смерти Тургенев посвятил одно из своих «Стихотворений в прозе» — «Памяти Ю. П. Вревской» (1878).

[7] Анна Ивановна Топорова.

52

Bougival
Les Frênes
Châlet

Пятница, 14/2-го Сент. 1877.

Любезнейший Александр Васильевич, имею сообщить Вам, что я получил наконец высланный мне через Мамонтова пакет с книгами, фотографиями, и проч., за что весьма благодарю Вас. — О себе скажу Вам, что живу здесь довольно тихо и безбедно — подагра позамолкла — но на душе скребёт и гложет ото всего того, что происходит у нас, в Турции и т. д. Вот хоть теперь: целую неделю томит неизвестность, чем же кончится наконец эта бойня под Плевной, сердце замирает, когда приносят журнал. . . и всё никакого решения. . .[1]

Я писал Вам недавно и давал небольшие поручения: надеюсь что Вы их исполнили, и ожидаю ответа на моё письмо. —

Знаете ли Вы Златовратского,[2] который пишет повесть[3] в От‹ечественных› Зап‹исках›. — Я как-то на днях прочёл несколько глав из его «Золотых Сердец» — и к великому моему удовольствию, открыл в нём признаки несомненного таланта. — Если он молод — из него может выйти дельный и умный писатель.

lib.pushkinskijdom.ru

Погода здесь стоит довольно благоприятная — и я думаю остаться еще здесь с месяц или недель шесть.

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев

P. S. Поклонитесь от меня Самарским: они, чай, уже вернулись в П‹етербург›.

[1] В 1877 году турки создали в Плевне и вокруг нее мощный укрепленный лагерь, в котором армия Османа-паши в течение нескольких месяцев выдерживала осаду русско-румынских войск. Плевна сдалась 10 декабря/28 ноября 1877 года, благодаря героическим усилиям русских войск. Взятие Плевны обеспечило успех последующих военных операций России против турок.

[2] Златовратский Николай Николаевич (1845—1911) — беллетрист-народник. Печатал свои обличительно-реалистические рассказы из народного быта в «Искре» В. Курочкина, «Будильнике», «Неделе» и других журналах. Личное знакомство Тургенева с Златовратским состоялось позже, как об этом свидетельствует А. И. Эртель в автобиографии: «...зимою 79—80 года я в числе прочих „молодых писателей“ (Гаршина, Ясинского, Русанова, Кривенко и еще кого-то), затем более старых (Златовратского, Наумова и проч.) был представлен Гл. Успенским Тургеневу в квартире К‹онстантина› Сибирякова...» (Письма А. И. Эртеля. Под редакцией и с предисловием М. О. Гершензона, М., 1909, стр. 26). Сам Златовратский также рассказывает, что познакомился с Тургеневым, «кажется, в начале 80 года» (Н. Златовратский. Из литературных воспоминаний /Тургенев, Салтыков и Гаршин/. Сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1897, стр. 394).

[3] «Золотые сердца» Н. Н. Златовратского были напечатаны в №№ 4, 5, 8 и 12 «Отечественных записок» за 1877 год.

53

Bougival
Les Frênes
Châlet

Понедельник, 17/5-го Сент. 77.

Любезный друг Александр Васильевич, Вы получите на днях от Ф. И. Салаева два экземпляра «Нови»; — один оставьте себе [1] — а другой передайте от моего имени, с поклоном, Самарским. —

О себе имею Вам сказать, что телом я, с некоторых пор, здоров — но душа истомилась и изныла — Вы сами можете себе представить — почему? —

Крепко жму Вам руку

Преданный Вам

Ив. Тургенев

lib.pushkinskijdom.ru

[1] В ответ на это письмо Топоров писал Тургеневу 18 сентября 1877 года: «Письмо Ваше, дор‹огой› Ив‹ан› Серг‹еевич›, от 5/17 Сентября, я получил и не знаю как и благодарить Вас, не умею. Постараюсь заслужить» (ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 213, л. 3 об.).

54

Bougival
Les Frênes
Châlet

Пятница, $\frac{\text{5-го Ок.}^{a}}{\text{24 сент.}}$ 1877.

Любезнейший Александр Васильевич,

Первое Ваше письмо меня очень огорчило — за то́ второе порадовало. Желаю от души, чтобы здоровье Ваше скорее — и окончательно — восстановилось. Но только смотрите — будьте осторожны — и не выходите пока доктор не позволит.

Что касается до меня, то с тех пор как я принимаю новое лекарство (salicylate de soude) — я почти совсем поправился — и могу даже на охоту ходить. — Только жаль — дичи нету.

Письмо со вложенными купонами, вероятно, безвозвратно пропало.

История с бюстом действительно забавна; [1] — странно однако, что Забелло [2] не потрудился предложить мне хоть один экземпляр. Правда, я у него не спрашивал — и он мог обидеться. —

Поклонитесь от меня Самарским и скажите Вере Дмитриевне, что я очень польщён тем, что желая ей сделать приятное, ей подарили мой бюст.[3]

Я, кажется, писал Вам, что фотографии, тетрадь и пр. — высланные Вами — я получил аккуратно.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев

P. S. 20/8-го Окт. мы переезжаем в Париж.

[1] Тургенев имеет в виду свой бюст работы скульптора П. П. Забелло (см. ниже, примечание 3).

[a] *Должно быть* 5 октября/23 сентября

lib.pushkinskijdom.ru

[2] Забелло Пармен Петрович (1830—1917) — скульптор. В 1850—1857 годах обучался в Академии художеств. Был послан пенсионером в Италию, где исполнил ряд работ, в частности, статую А. И. Герцена на его могиле в Ницце, а также портретные бюсты семьи П. А. Кочубея, за которые он в 1869 году получил звание академика. Известны его бюсты Т. Г. Шевченко, Боровиковского, Салтыкова-Щедрина, Тургенева и статуя Пушкина.

[3] Эти строчки являются ответом на неопубликованное письмо Топорова от 18 сентября 1877 года, в котором тот писал Тургеневу: «Могу сообщить Вам пикантную нов‹ость›: у Беггр‹ова› появ‹ился› В‹аш› бюст, раб‹оты› Заб‹елло›, сходство, гов‹орят›, удив‹ительное›: но вот в чем фактец-то. Угадайте, кто яв‹ился› перв‹ым› пок‹упателем›, бьюсь об заклад, что не угадаете. Но не хочу муч‹ить› Вас. — Перв‹ым› пок‹упателем› яв‹ился› Н. К. Мих‹айловский›, и т‹ак› к‹ак› у Бег‹грова› был только од‹ин› бюст присл‹анный› Заб‹елло›, то в маг‹азине› не хот‹ели› его отдать, но Мих‹айловский›, почти силою вырвал и под‹нес› вчера Вере Дм‹итриевне› Самарской-‹Быховец›» (ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 213, л. 4).

55

50, Rue de Douai
Paris

Вторник, $\frac{\text{4-го Дек.}^{a}}{\text{23-е Нояб.}}$ 77.

Любезнейший Топоров,

Ваше последнее письмо было так печально, что я невольно часто думаю о Вас. — Сам я тоже плох; вот скоро три недели как я лежу в постели, лишенный употребления ног, в следствие самого сильного припадка подагры, какой я только испытал в течение всей жизни; — и едва ли встану раньше недели. Все мои планы, конечно, разбиты и о поездке в Петербург и думать нечего. — Но я весьма бы желал иметь известие о Вас от Вас самих: лучше ли Вам стало, поднялись ли Вы, в состоянии ли ходить? [1] — Пожалуйста, напишите хоть два слова в ответ.

Здесь, как Вам известно, происходит та же страшная путаница — и господь ведает, чем она разрешится: мы, может быть, стоим на краю бездны.[2] — Да и в России по видимому, едва ли лучше: раньше года война едва ли кончится; и как мы её выдержим — это тоже единому господу известно, так как, по словам людей ученых, он всё знает.

[a] *Должно быть* 4 декабря/22 ноября

lib.pushkinskijdom.ru

Когда Вы за меня подписывались на журнал — не помните ли Вы: была ли между ними «Русская Старина»? [3] — Я уже давно не получаю ни единого №. —

Желаю Вам всего лучшего, начиная со здоровья и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] В ответ на этот вопрос Топоров сообщал Тургеневу в неопубликованном письме от 27 ноября 1877 года: «Что сказать Вам о себе, ноге моей лучше, но едва ли она когда нибудь совершенно поправится, мне сдается, что эта болезнь хроническая и неизлечимая. Три месяца просидел я дома...» (ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, № 213, л. 4 об.).

[2] Речь идет о политическом кризисе во Франции, возникшем в связи с деятельностью тогдашнего президента республики, реакционера Мак-Магона. 24 ноября (н. ст.) большинство членов Палаты депутатов отказалось вступить в сношения с реакционным министерством Рошбуэ. К этому времени государственный бюджет Франции на 1878 год еще не был утвержден, и Палата не хотела вотировать его, пока Мак-Магон не подчинится воле, выраженной избирателями. О французских же делах Тургенев писал 6 декабря/24 ноября 1877 года и М. М. Стасюлевичу: «А здесь то как скверно! Сегодня решительный день. Несомненно, что М. Магон попросит у Сената согласия на распущение Палаты, несомненно, что он это согласие получит — и столь же несомненно, что он будет взыскивать бюджет административным порядком — и что французы будут платить. — Республика в агонии» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 138).

[3] В том же письме (см. выше, примечание 1) Топоров напоминал Тургеневу: «В списке журналов, на котор‹ые› Вы поручили мне в прошлом году подписаться, не было ни Рус‹ской› Стар‹ины›, ни Рус‹ского› Архива, что меня несколько удивило и я помню, что при свидании с Вами летом я спрашивал Вас, намерены ли Вы подписаться сами, Вы ответили мне — *непременно*» (там же).

56

50, Rue de Douai
Paris

Воскресение, 1/13-го янв. 78.

Любезный Александр Васильевич, виноват, что не тотчас отвечал на Ваши два письма. — Из второго я увидел, что Вашей ноге лучше (чему я порадовался; — а также поздравляю Вас с Новым Годом.) Я тоже почти поправился; — по крайней мере могу ходить без палки. — На счёт присылки сюда журналов и подписки на них — я потому к Вам не обратился что мне было совестно заставить Вас ходить по моим коммиссиям с больной Вашей ногой; а потому я уже рас-

lib.pushkinskijdom.ru

порядился мимо Вас. — Но если Вы тоже действительно приобрели снова способность двигаться — то Вы можете оказать мне две услуги: 1-е) сходить к продавцу картин Беггрову (за Полицейским мостом) — и осведомиться у него от моего имени, не продал ли он хоть одну из двух картин,[1] которые я ему оставил? Если они всё ещё у него — то Вам бы не худо хоть взглянуть на них. — 2-е) Сходите в музыкальный магазин А. Иогансена (на Невском, против Гостиного двора) — и спросите главного прикащика или хозяина — (кстати пришлите мне его фамилию, а также и № дома). — Он получил от меня письмо и ноты — и вероятно ничего не понял. — Вот в чём дело. Недель 6 тому назад, отсюда уезжал молодой Гинцбург (внук банкира) [2] — в Петербург; он взялся было доставить Иогансену свиток нот (романсы Г-жи Виардо) вместе с моим письмом — для напечатания их; но позабыл захватить их с собою. — Всех романсов было 6; [3] один ещё не был окончательно переписан — и потому я его отправил по почте прямо в магазин Иогансена; но так как первые пять не были ни взяты Гинцбургом ни доставлены — то хозяин магазина вероятно ничего не понял из моего письма, в котором я ссылаюсь на мою посылку и на приложенное к ней письмо. — Всё это я узнал только на днях — отправился к Гинцбургу чтобы разыскать забытый свиток; но в самый день моего приезда старик Гинцбург [4] помер — завтра его хоронят — и потому я должен был отложить мои розыски; — но скажите хозяину магазина, что как только я получу романсы, я их отправлю к нему со всеми объяснениями, как их печатать и т. д. — а до тех пор пускай он повременит.

Очень Вы меня обяжете исполнением этих двух поручений.

С немалым огорчением узнал я о смерти Некрасова; — надо было её ожидать — и даже удивительно, как он мог так долго бороться. — Никогда не выйдет у меня из памяти его лицо, каким я его видел нынешней весною.[5]

Не могу сказать определительно, когда я приеду в Петербург; — но полагаю — *до* Апреля месяца.

Будьте здоровы: жму Вам крепко руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев

P. S. Поклонитесь от меня Самарским. —

[1] Среди многосторонних увлечений Тургенева различного рода искусствами живопись занимала одно из первых мест (см. об этом: И. Зиль-

lib.pushkinskijdom.ru

берштейн. Репин и Тургенев, М.—Л., 1945). В начале 70-х годов писателю удалось собрать значительную коллекцию картин (см.: Людвиг Пич. Воспоминания. Сб. «Иностранная критика о Тургеневе», СПб., 1884, стр. 176). Однако уже в 1878 году Тургенев принужден был приступить к распродаже этой коллекции. В письме к брату 26 января/7 февраля 1878 года он сообщал: «У меня в Петербурге (в магазине *Беггрова*) находится большая картина известного французского живописца *Бланшáра*. Она представляет нагую женщину (во весь рост), лежащую на богатом ложе и смотрящую на маленькую ручную змейку, которая вьется около ее руки» («Русская старина», 1885, № 12, стр. 629). О ней же говорится в письме к Н. С. Тургеневу от 23/11 февраля 1878 года: «Картину я эту отправил на продажу в Петербург, потому что она была слишком громадна для моих маленьких комнат, и я надеялся сбыть ее выгодней в Петербурге; но я ошибся в расчете, не приняв в соображение войны, и т. д. Если бы не банкрутство моего зятя, которое поглотило все 150 000 фр., данных в приданое за моей дочерью, я бы, конечно, не решился прибегнуть к таким мерам» (там же, стр. 630).

[2] Гинцбург Марк Горасиевич (ум. в 1879 г.) — сын (а не внук) петербургского банкира Г. О. Гинцбурга. Об этом же см. в письме Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 8 декабря/26 ноября 1877 года: «...пользуюсь отъездом сына нашего любезнейшего Гораса Гинцбурга чтобы переслать Вам прилагаемый небольшой сверток нот, который Вы будьте так добры и передайте в магазин музыкальный А. Иогансена...» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 142). В следующем письме от 2 февраля/21 января 1878 года сообщалось: «Я взял на себя смелость отправить к Вам (третьего дня) по почте — забытые Гинцбургом ноты — и повторяю просьбу: свезти их самолично к Иогансену в магазин...» (там же, стр. 142).

[3] 1 февраля 1878 года в С.-Петербурге цензурой были разрешены к печати пять романсов Полины Виардо (из цикла «Народные тосканские песни»: «Не удивляйтесь», «Флорентийская серенада», «Бызало я с тобою говорила», «Бедняжка я!» и «Влюбленная»). О них, очевидно, и идет речь в данном письме Тургенева к Топорову.

[4] Гинцбург Евзель (Осип) Габриелевич (ум. 31 декабря 1877 г.) — отец Г. О. Гинцбурга.

[5] Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877). Отклики на его смерть содержатся в ряде писем Тургенева. Последняя встреча двух писателей произошла 25 мая 1877 года во время приезда Тургенева в Петербург и описана им в стихотворении в прозе «Последнее свидание».

57

50, Rue de Douai
Paris

Четверг, 24/12-го Янв. 78.

Любезнейший Александр Васильевич!

Вы можете оказать мне следующую услугу. — Я переплетаю теперь свою библиотеку, в которой оказывается множество разрозненных томов. Между прочим не нашлось *9-го* №-а Рус-

lib.pushkinskijdom.ru

ского Вестника за 1871-й г. и *10-го* №-а Русского Вестника за 1874-й. Не можете ли Вы достать мне эти книжки на Толкучем или у Антиквария — и выслать мне их? Чрезвычайно бы Вы меня обязали. —

Жду Вашего извещения на счёт моих картин у Беггрова — а также были ли Вы у Иогансена? — Музыку я здесь ещё не отыскал — но надеюсь её скоро выслать.

Здоровье моё поправляется; надеюсь, что и Вы стали молодцом. — Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

58

Буживаль.
16, Rue de Mesmes.
Четверг, 4-го Июля / 22-го Июня 78.

Любезнейший Топоров,

Я действительно виноват перед Вами, что так долго не писал; но никаких «нехороших» мыслей не следовало Вам пускать себе в голову. — Если я раз к кому привязался — я не меняюсь. Но я вообще как-то сжался и сократил свою переписку... Старость окончательно пришла — и говорить почти не́ о чем.

Здесь я так долго остаюсь (гораздо больше чем ожидал) — по причине Литературного конгресса.[1] — Признаюсь, еслиб я мог предвидеть тот ливень грязи, которую выпустили на меня мои соотечественники[2] по поводу невиннейшей речи произнесенной мною, я бы, конечно, не участвовал в этом деле, из которого впрочем ничего не вышло.

Я отсюда выезжаю дней через 5 — но не в Карлсбад[3] — а прямо в Россию, т. е. в деревню, через Петербург и Москву. — Так как я в Петербурге останусь всего 2, 3 дня — то не сто́ит брать комнату у прошлогодней француженки;[4] я проведу эти 2 дня у Демута. — Впрочем, я Вас извещу о дне приезда из Берлина.

Здоровье моё в последнее время поправилось; только сердце пошаливает.

lib.pushkinskijdom.ru

И так — до скорого свидания. Жму Вам крепко руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Международный литературный конгресс открылся в Париже под председательством В. Гюго 4/16 июня 1878 года. Цель его заключалась главным образом в выработке международных законов для гарантии литературной собственности. Все страны Европы имели на этом конгрессе своих делегатов. В составе русской делегации были: И. С. Тургенев, П. Д. Боборыкин, М. П. Драгоманов, М. М. Ковалевский, Л. А. Полонский, Б. А. Чивилев и В. В. Чуйко. Тургенев, избранный вице-президентом, произнес торжественную речь, которая была опубликована в парижской газете «Le Temps», а затем перепечатана в одесской газете «Правда», № 132 от 13 июня, и в «Современных известиях», № 161 от 14 июня (см. об этом: М. П. Алексеев. Виктор Гюго и его русские знакомства. «Литературное наследство», кн. 31—32, М., 1937, стр. 874—876). Тургенев весьма скептически относился ко всему тому, что происходило на конгрессе, и 23 июня 1878 года писал Г. Флоберу: «Я дал завлечь себя во всю эту историю с этим интернациональным конгрессом, который *не будет и не может иметь никакого результата*... Мы топчемся на одном месте, как болваны, и я начинаю думать, что мы и на самом деле таковые» (Письма И. С. Тургенева к г-же Полине Виардо и его французским друзьям. Собранные и изданные Гальпериным-Каминским, М., 1900, стр. 195).

[2] М. П. Драгоманов также указывает, что «русская печать славянофильско-шовинистского направления порядком разбранила Тургенева за эту речь» (М. П. Драгоманов. Воспоминания о знакомстве с И. С. Тургеневым, Казань, 1906, стр. 5). Очень резким по отношению к Тургеневу было и выступление В. В. Стасова (см. его письмо к редактору «По поводу одного русского на французском конгрессе», помещенное за подписью «Читатель» в «Новом времени», 1878, № 821, 13 июня).

[3] В письме к Н. С. Тургеневу от 1/13 июля 1878 года из Буживаля писатель также извещал его об отмене решения ехать через Карлсбад и намерении «в конце будущей недели» быть в Петербурге («Русская старина», 1886, № 3, стр. 599).

[4] Булье. См. примечание 1 к письму 47.

59

Орловская губ. город Мценск.
Село Спасское-Лутовиново.
Четверг, 10/22-го Авг. 78.

Любезнейший Топоров, я сегодня наконец благополучно добрался до сюда — и, к немалому моему удивлению и даже беспокойству, не нашел ни единого письма! — Не знаю, что́ бы могло это значить, обращаюсь к Вам с просьбой, наведаться о том, не осталось ли как нибудь письмо на моё имя у Демута

lib.pushkinskijdom.ru

или в Европейской гостинице? — Если Вы что́ найдёте, пожалуйста перешлите немедленно сюда. — Также желал бы я знать, выдали ли Вам рукописные *ноты* [1] — и отправили ли Вы их в Спасское? — Я в Москве зажился дольше чем думал — провел два дня у Л. Н. Толстого в его имении под Тулой.[2]

Познакомились ли Вы с Тютчевым? [3] Послали ли письмо к Гедеонову? [4]

До сих пор подагра моя молчит. Что-то будет дальше?

Жму Вам дружески руку

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Речь идет о романсах Полины Виардо.

[2] Тургенев пробыл в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого два дня — 8/20 и 9/21 августа 1878 года (см. об этом: С. Л. Толстой. Очерки былого, Гослитиздат, 1949, стр. 318—322; Дневники С. А. Толстой. 1860—1881. Изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1928, стр. 47—48). Встреча двух писателей произошла после 17-летнего перерыва в их отношениях. Приехав в Спасское-Лутовиново, Тургенев 14 августа 1878 года писал Л. Н. Толстому: «...не могу не повторить вам еще раз, какое приятное и хорошее впечатление оставило во мне мое посещение Ясной Поляны, и как я рад тому, что возникшие между нами недоразумения исчезли так бесследно, как будто их никогда и не было. Я почувствовал очень ясно, что жизнь, состарившая нас, прошла для нас не даром — и что и вы — и я — мы оба стали лучше, чем 16 лет тому назад; и мне было приятно это почувствовать.

Нечего и говорить, что на возвратном пути я снова — всенепременно — заверну к вам» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 333).

[3] Тютчев Николай Николаевич (1815—1878) — переводчик, сотрудник «Отечественных записок», приятель Тургенева с 40-х годов. Во время ссылки писателя в Спасское-Лутовиново, в 1852 году, управлял его имением (см.: Ф. И. Б-н. Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И. С. Тургеневе. «Русский вестник», 1885, № 1, стр. 357—360, 363, 364, 366, 373).

[4] Гедеонов Степан Александрович (1816—1878) — драматург (автор пьесы «Смерть Ляпунова», либеретто оперы «Млада» и сценария «Василисы Мелентьевой» А. Н. Островского), директор Эрмитажа и императорских театров (с 1867 года).

60

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ.-и, город Мценск.)

Пятница, $\frac{\text{25-го Ав.}}{\text{6 Сент.}}$ 1878.

Любезнейший Топоров,

Имею известить Вас о том, что богу изволящу, я выезжаю отсюда через 6 дней — а именно в Четверг, 31-го Авг.[1] —

lib.pushkinskijdom.ru

а в Понедельник, *4-го* Сент. утром буду в Петербурге, где останусь всего два дня. — Конечно, я Вас увижу — впрочем я Вам телеграфирую из Москвы — а Вы мне возьмите № в Европейской гостинице, только поскромней. Да вот ещё что: будьте благодетель, сходите от моего имени к редактору «Недели», Гайдебурову,[2] и попросите у него присланную ему мною рукопись Г-жи Гаспарини[3] (описание Рима) — если только она уцелела — и приберегите её к моему приезду.

Здоровье моё недурно; подагра погрозилась-было, да отошла прочь. Надеюсь, что и Вы — тоже — молодцом.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Дата подтверждается письмом к Л. Н. Толстому от 25 августа 1878 года (см.: Толстой и Тургенев. Переписка. Редакция М. А. Цявловского, М., 1928, стр. 78—79).

[2] Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893) — публицист народнического лагеря, с 1869 года один из издателей «Недели», которая в 1875 году перешла в его собственность.

[3] Н. Гаспарини — знакомая Тургенева, автор рассказа «Фиорио», опубликованного в газете «Северный вестник», 1877, № 38 и 39, 7 и 8 июня, с предисловием Тургенева, и вызвавшего негодование части читателей и критики. Так, например, Б. Н. Чичерин писал, что «появилась сальная пошлость некоей госпожи Г‹аспарини› с предисловием Тургенева, в котором он восхваляет прелесть и грацию этого рассказа» (Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов, 1929, стр. 144; см. также В. В. Стасов. Рекомендации и рекомендатели. «Новое время», 1877, № 464, 15 июня, стр. 4). По поводу нового произведения Гаспарини, о котором идет речь в данном письме, Тургенев говорил А. Луканиной: «...у меня тут есть одна вещица г-жи Гаспарини..., я ее знал еще очень молоденькой девушкой..., вещицу эту я хочу поместить в „Неделе“. Это описание Рима — оно вовсе не похоже на описания Рима, появлявшиеся до сих пор в печати» (А. Луканина. Мое знакомство с И. С. Тургеневым. «Северный вестник», 1887, № 2, стр. 45).

61

50, Rue de Douai
Paris

Четверг, 14/2-го Нояб. 78.

Любезный Александр Васильевич,

Что Вы поделываете хорошего — и как Ваше здоровье? — Дайте о себе весточку. Что́ меня касается, то я, благодаря всевышнего, весьма удовлетворительно здоров и на подагру

lib.pushkinskijdom.ru

пожаловаться не могу. Во время моей бытности в Англии даже на охоту ходил — и ничего!

Что́-то будет дальше?

А теперь следует просьба:

Сходите пожалуйста к новому музыкальному торговцу *Габлеру* (у Казанского моста, д. Ольхина) — и возьмите у него фортепианную партитуру оперы Чайковского: «*Евгений Онегин*» [1] и пришлите её сюда немедленно. — У Вас ведь ещё есть мои деньги? — Да ещё если возможно — те 2 скрипичные пиэсы Чайковского, которые скрипач Барчевич [2] играл на Русских концертах в Трокадеро.[3] — Одна из них озаглавлена — Rêverie — другая — вальс. — Очень бы одолжили еслибы добыли. — Чайковский получил здесь большой успех.

От Стасюлевича я получил письмо, в котором он меня извещает, что ему запретили издавать еженедельную газету.[4] Я этому подивился... а впрочем, нет, не удивился.

Поклонитесь от меня Самарским. Дружески жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Несколько позже, в письме к Л. Н. Толстому от 15 ноября 1878 года Тургенев отмечал: «„Евгений Онегин“ Чайковского прибыл сюда в фортепианной партитуре. Госпожа Виардо начала разбирать эту вещь по вечерам. Несомненно, замечательная музыка; особенно хороши лирические, мелодические места... Имя Чайковского здесь очень выросло после русских концертов в Трокадеро; в Германии оно давно пользуется, если не почетом, то вниманием. В Кэмбридже мне один англичанин, профессор музыки, пресерьезно сказал, что Ч‹айковский› самая замечательная музыкальная личность нынешнего времени» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 340). Интересно, что П. И. Юргенсон в письме к композитору от 2 марта 1879 года также отмечал, что Тургенев «говорил много про „Онегина“, восторгался музыкой» (П. И. Чайковский. Переписка с П. И. Юргенсоном, т. I, М., 1938, стр. 89).

[2] Барцевич (в письме ошибочно написано Барчевич) Станислав Карлович (род. в 1858 г.) — известный скрипач. Окончив в 1876 году Московскую консерваторию, он многократно концертировал как в России, так и за границей (Париж, Берлин, Лейпциг, Дрезден, Христиания и др.). «Игра г. Барцевича уже теперь отличается полнотою и округленностью звука и высоким развитием техники. Энергия и одушевление молодого артиста заслуживают также безусловную хвалу», — писала газета «Музыкальный листок» (1875, № 10, 9 февраля, стр. 122—123).

[3] В сентябре 1878 года в концертном зале Трокадеро (Париж) было дано четыре концерта из произведений Чайковского. Дирижировал ими Н. Г. Рубинштейн (см.: Воспоминания о П. И. Чайковском Н. Кашкина, М., 1896, стр. 97).

[4] Право издавать газету «Порядок» М. М. Стасюлевич получил только в 1880 году.

lib.pushkinskijdom.ru

62

Париж.
50, Rue de Douai.

Четверг, 12-го Дек. / 30-го Нояб. 78.

Любезнейший Топоров,

Из письма Самарского я узнал, что одна из моих картин (Клеопатра) [1] продана Беггровым за 1500 р. — Если это правда и Вы в этом удостоверились, то сходите, пожалуйста, к ним от моего имени — и узнайте, каким образом они намерены переслать ко мне эти деньги — и должен ли я им прислать росписку в получении? В таком случае я Вам её перешлю а Вы от меня её вручите им в замен либо самих денег либо векселя на здешнего банкира.[2] — Пожалуйста, уведомьте меня немедленно о результате Вашего свидания. — В случае нужды Вы можете показать им настоящее письмо.

Здоровье моё недурно; надеюсь, что и Ваше тоже удовлетворительно. — Желаю Вам всего хорошего и жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Тургенев имеет в виду картину Бланшара (см. примечание 1 к письму 56).
[2] Г. О. Гинцбург.

63

Париж.
50, Rue de Douai.

Четверг, 26/14-го Дек. 78.

Любезнейший Александр Васильевич, я получил Ваше письмецо и благодарю за наведенную справку у Беггрова; будем терпеливо ждать возвращения покупщика в Январе и уплаты денег. — Странно однако что он не хочет Вам назвать покупщика!

Скажите от меня Самарскому [1] что обещанной статьи я еще не получал.

Я сам подумываю о том, как бы расстаться с Салаевым — (но это между нами:) довольно он с меня нажился! Но это

lib.pushkinskijdom.ru

дело не к спеху — так как по моему расчету, раньше будущей осени нельзя полагать чтобы последнее издание всё разошлось. — Мы потолкуем об этом с Вами во время моего приезда в Петербург, который будет иметь место, хотя несколько позднее чем я предполагал, однако всё же раньше Марта месяца.[2]

Вы получите от моего управляющего *125 р.* — Из них Вы отнесите от моего имени М. М. Стасюлевичу 25 руб. — а на остальные подпишитесь на следующие журналы:

1.) Отечественные Записки.
2.) Русский Вестник.
3.) Слово.[3]
и 4.) Новое Время.

Московских Ведомостей не надо; и на место «Голоса» возьмите либо Биржевые Ведомости — либо С. Петербургские, смотря, что́ найдете лучшим. — «Голос» находится здесь во всех кабинетах для чтения — а М‹осковские› В‹едомости› очень уже противны стали.[4] — Предоставляю Вашему усмотрению даже «Новое Время» заменить другой газетой.

Надеюсь, что Вы здоровы; — меня 8 дней тому назад постигла подагра и порядком помучила; — однако ограничилась одним коленом — и теперь мне лучше.

Поклонитесь Вашей жене и всем хорошим знакомым; дружески жму вашу руку.

Ив. Тургенев.

[1] В. В. Самарский-Быховец.
[2] Тургенев приехал в Петербург 9/21 февраля 1879 года (см.: «Русская правда», 1879, № 40, 10 февраля).
[3] «Слово» (1878—1881) — журнал научный и литературно-политический демократического направления, редактировался Д. А. Коропчевским и И. А. Гольдсмитом.
[4] См. примечание 3 к письму 25.

64

Пятница, 10-го Янв. 79. / 29-го Дек. 78.

Любезнейший Александр Васильевич,

Во-первых, поздравляю Вас с Новым Годом и желаю всего лучшего как Вам так и Вашей супруге, а — во-вторых — прошу, немедленно по получении этого письма, сходить в контору Русской Правды[1] (Невский проспект, № 44) — и подписаться

lib.pushkinskijdom.ru

для меня на *полугодие* — с высылкой сюда. — Полагаю, что Вы уже получили деньги от моего управляющего [2] — и что на это у Вас хватит ещё. Полагаю также что Вы были так любезны и потрудились подписаться на те газеты, о которых я уже писал Вам. — Я написал сегодня письмо редактору Р‹усской› П‹равды› Д. П. Гирсу [3] с литературным запросом; — господь его знает, может быть он расщедрится и вышлет мне свою газету даром; — так Вы объявите в конторе что подписываетесь собственно для меня; если Вам ничего не скажут — и Вы не говорите ничего и подпишитесь на шесть месяцев.

Как Ваше здоровье? Моё теперь поправилось — и я опять хожу на ногах. Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] «Русская правда» (1878—1880) — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, издавалась при ближайшем участии основного ядра сотрудников «Отечественных записок» (о редакции «Русской правды», тесно связанной с «Отечественными записками», см.: Н. С. Русанов. На родине. 1859—1882, М., 1931, стр. 172—174).

[2] Щепкин Николай Александрович — управляющий в Спасском-Лутовинове в 1876—1882 годах.

[3] Гирс Дмитрий Константинович (в автографе ошибочно указано Д. П.) (1833—1886) — беллетрист, редактор-издатель газеты «Русская правда» (1878—1880). Тургенев бывал в музыкальном салоне жены Д. К. Гирса, о чем рассказывает в «Очерках моих воспоминаний» Неведомская-Динар: «С Иваном Сергеевичем я также часто встречалась у Гирс; г-жа Гирс была очень талантливая музыкантша; Антон Рубинштейн посещал эти вечера, и составился наш кружок, собиравшийся у неё, у Веригиной и у меня» («Русская старина», 1906, № 12, стр. 669).

65

50, Rue de Douai
Paris

Вторник, 14/2-го Янв. 79.

Любезнейший Александр Васильевич,

Получил я Ваше письмецо, благодарю за поздравления и со своей стороны поздравляю. — Одобряю также вполне Ваши распоряжения на счёт газеты. — О «Русской правде» однако не забудьте.

Но теперь наваливаю на Вас обузу. Вот она — та служба, которая всё была впереди.[1] — Из прилагаемого при сём

lib.pushkinskijdom.ru

оффициального к Вам письма Вы узнаете в чём дело. — Придётся Вам сходить к Головнину,[2] к Стасюлевичу и др. — Еслиб я знал кого другого, кому поручить эти хлопоты, я бы обошел Вас. — Но уж видно — взялся за гуж, не говори, что не дюж. — Оффициальное письмо Вы будете показывать, в роде удостоверения. — Адресс Стасюлевича Вам известен. — Адресс Головнина (Его В‹ысоко› Превосходительство, Александр Васильевич) — Гагаринская набережная, 20. —

Не узнаете ли Вы чего-нибудь положительного от Бегрова? —

Здоровье моё — так себе; от подагры почти отделался; — но на днях простудился — и теперь сижу без голоса — и кашляю сильно. — Но важного ничего нет.

Ещё раз — спасибо; — крепко жму Вашу руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Не забудьте отдать Стасюлевичу 25 р., которые я ему должен.

[1] См. письмо 66.

[2] Головнин Александр Васильевич (1821—1886). О нем см. ниже, стр. 345—346.

66

50, Rue de Douai
Paris

Вторник, 14/2-го Янв. 79.

Любезнейший Александр Васильевич!

Позвольте поручить Вам, как хорошему приятелю, следующее несколько хлопотливое дело. — Вам уже известно, что наш соотечественник, ученый ориенталист и путешественник, Н. В. Ханыков[1] скончался прошедшей осенью в окрестностях Парижа. — Находящиеся в Париже его Русские друзья и знакомые положили воздвигнуть ему памятник на кладбище. Известный ваятель Антокольский[2] вызвался бесплатно сделать модель. — Цена всему памятнику не превысит 1700 франк‹ов›. Из этих денег здесь собрано по подписке немного более 1250. — Мы все полагаем, что на остальную — в сущности незначительную сумму — 450 фр. (по нынешнему курсу около 180 р. сер.) — с готовностью подпишутся знакомые Н. В. Ха-

lib.pushkinskijdom.ru

никова в России. — И потому прошу Вас покорно, взявши это письмо и прилагаемый подписной лист, потрудиться съездить к Александру Васильевичу Головнину[3] и Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу.[4] Мы все надеемся, что они подпишутся хоть — и на небольшие суммы — а также укажут Вам на другие личности, которые, по знакомству с покойным или из уважения к его заслугам, не откажутся участвовать в добром деле. — Особенно возможно рассчитывать на членов Академии Наук.

Собранные же деньги Вы будьте так любезны и препроводите ко мне, по здешнему моему адресу.

Заранее благодарю Вас за Вашу услугу, прошу принять уверение в совершенном уважении

Преданного Вам
Ив. Тургенева.

[1] Ханыков Николай Владимирович (1822—1878) — ученый-ориенталист и путешественник. Живя в Париже с начала 60-х годов, Ханыков находился в близких и дружеских отношениях с Тургеневым. Письма Тургенева к Ханыкову опубликованы в «Ежемесячных сочинениях», 1901, № 12, стр. 292—320.

[2] Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902) — выдающийся русский скульптор, близкий к передвижникам, друг В. В. Стасова. Тургенев очень высоко ценил Антокольского как скульптора. По поводу «Ивана Грозного» он писал Полине Виардо 26/14 февраля 1871 года: «Эту статую я положительно считаю верхом совершенства историко-психологической оценки; исполнение чудное!» («Новое время», 1906, № 11015, 11/24 ноября, Приложение, стр. 11). О личном знакомстве Тургенева с Антокольским и о своем совместном с писателем посещении парижской мастерской знаменитого скульптора рассказывает П. А. Кропоткин. По словам последнего, Тургенев указывал: «Я не знаю, встречал ли я в жизни *гениального человека* или нет, но если встретил, то это был Антокольский» (П. А. Кропоткин. Записки революционера, т. II, М., 1929, стр. 108). О встречах Тургенева с Антокольским см. также: С. Ромм. Из далекого прошлого. Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе. «Вестник Европы», 1916, № 12, стр. 114—115. В книге «Марк Матвеевич Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи» (под редакцией В. В. Стасова, СПб., 1905, стр. 1008) опубликовано письмо Тургенева к Антокольскому от 4 июля 1881 года (из Спасского-Лутовинова). Что же касается надгробного памятника для могилы Н. В. Ханыкова, то в связи с этим Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 13/1 декабря 1878 года: «Мы имеем план оригинального памятника, составленный Антокольским» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 154).

[3] О близком знакомстве А. В. Головнина с покойным Н. В. Ханыковым Тургенев, несомненно, знал. Одно из неопубликованных писем Головнина к Тургеневу по существу является письмом к Ханыкову и начинается словами: «Почтеннейший Николай Владимирович, поблагодарите, пожалуйста, Ивана Сергеевича Тургенева...» (ИРЛИ, 5803. XXXб. 93).

lib.pushkinskijdom.ru

[4] О том, что Тургенев усиленно хлопотал о сборе средств на памятник Н. В. Ханыкову, известно и из писем его к М. М. Стасюлевичу от 4 декабря/22 ноября и 13/1 декабря 1878 года (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 153—154).

67

50, Rue de Douai
Paris

Четверг, 23/11-го Янв. 79.

Любезный Александр Васильевич,

Имею Вам сообщить печальное известие: в прошлое Воскресение скончался мой брат [1] — в своей Тульской деревне. Хотя он всё свое имение оставил родственникам своей жены — однако мне вероятно придётся скоро поехать самому в Россию, так как по его словам, он, из своих значительных капиталов, завещал мне 100, 000 р. и я вовсе не уверен в том, что наследники при снятии печатей и т. п. не попробуют распорядиться так, чтобы эти деньги испарились. — А потому — ожидайте меня вскоре. Я бы немедленно отправился — да со мной неделю тому назад приключился припадок подагры — и я ещё не выхожу из дому — хотя встал с постели. — Во всяком случае Вы будете извещены заранее. Я начал получать «Русскую Правду» и «Биржевые Ведомости».

Вчера вечером пришла ко мне телеграмма от Савиной [2] (актрисы) в которой она меня просит разрешить ей необходимые урезы из моей комедии: «Месяц в деревне»,[3] которую она взяла для своего бенефиса на 17/29-е Янв. — Не понимаю я, с какой стати ей пришла в голову мысль взять эту не возможную в театральном смысле пиэсу! — Одна Московская актриса, Васильева,[4] попробовала это, несколько лет тому назад, несмотря на мои повторенные предостережения, и получила торжественное фиаско. Тоже самое ожидает и Г-жу Савину. Я ей, конечно, отвечал — тоже по телеграфу, — что разрешаю ей какие угодно вырезы и урезы; но так как не знаю её адресса — то и адрессовал телеграмму в Александринский Театр.[5] По получении этого письма, сходите, пожалуйста, к ней от моего имени (Вам легко будет узнать, где она живет) — и повторите ей моё разрешение, если как-нибудь телеграмма до неё не дошла. — Можете также повторить моё сожаление и неодобрение, которое я впрочем выразил в самой телеграмме.

lib.pushkinskijdom.ru

Получили ли Вы какой ни на есть ответ от Беггрова?

Поклонитесь всем знакомым, начиная с Самарских и примите уверение в моей искренней дружбе.

Ив. Тургенев.

[1] Н. С. Тургенев. В письме к Г. Флоберу от 21 января 1879 года Тургенев также сообщал: «Вчера я получил известие о смерти моего брата. Это меня сильно огорчило и лично, и по воспоминаниям прошлого... он оставил все свое состояние родственникам жены. Мне он завещал (как он мне писал) 250 000 франков. Это приблизительно 20-я часть его состояния... Мне, пожалуй, придется немедля отправиться на место действия. Это наследство моего брата может легко исчезнуть, как дым!» (Письма И. С. Тургенева к г-же Полине Виардо и его французским друзьям. Собранные и изданные М. Е. Гальпериным-Каминским, М., 1900, стр. 201).

[2] Савина Мария Гавриловна (1845—1915) — выдающаяся русская актриса. С 1874 года до конца своей жизни работала на сцене Александринского театра в Петербурге. О взаимоотношениях Тургенева и Савиной см.: «Тургенев и Савина», под редакцией А. Ф. Кони, Пгр., 1918, а также статью М. Г. Савиной «Мое знакомство с Тургеневым» в журнале «Театр и искусство», 1900, № 2.

[3] «Месяц в деревне» — пьеса Тургенева, впервые поставленная на сцене 13 января 1872 года (в Москве) и 17 января 1879 года в Петербурге, в бенефис М. Г. Савиной. О первом спектакле в Александринском театре в Петербурге рассказывает К. А. Варламов. По его словам, «Месяц в деревне» «...был обставлен лучшими силами нашего театра... Кто был восхитителен — так это Савина! Я не нахожу даже слов описать вам, как она играла Верочку! Это было нечто поразительное, нечто такое, что доступно только большому таланту!» (И. Розенберг. Варламов — о Тургеневе /Записано со слов покойного артиста/. «Бирюч Петроградских государственных театров», 1918, № 2, стр. 40—41; см. также: П. П. Гнедич. Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918, изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 116—117).

[4] Васильева 2-я Екатерина Николаевна (1829—1877) — артистка Московского Малого театра. В её бенефис состоялась в Москве первая постановка пьесы Тургенева «Месяц в деревне».

[5] Александринский театр был открыт в Петербурге 31 августа 1832 года (ныне Государственный Академический театр драмы им. А. С. Пушкина).

68

Брюссель.

Воскресение, 16/4-го Февр. 79.

Любезный Топоров,

Я вчера приехал сюда из Парижа чтобы повидаться с моим старым другом П. Анненковым,[1] сегодня же выезжаю в Берлин — и вероятно в Четверг вечером буду в Петербурге.

lib.pushkinskijdom.ru

Я Вас извещу с границы телеграммой; но прошу Вас теперь же удержать для меня № в Европейской гостиннице — или в другой, по благоусмотрению. — Так как ноги мои теперь действуют — то я не боюсь 2-го или даже 3-го этажа.

И так до скорого свидания. Жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

[1] Анненков Павел Васильевич (1811—1877) — критик либерального направления. Известный мемуарист. В 50—60-х годах стоял на позициях «чистого искусства». Был близким другом Тургенева (через его критику проходили до напечатания почти все произведения писателя). Письма Анненкова к Тургеневу см. в сб. «Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина», вып. III, М., 1934 (там же дана библиография всех писем Тургенева к этому адресату).

69 [1]

Москва
Удельная Контора.

Вторник, 20-го Февр. 79.

Любезнейший Александр Васильевич,

Спешу сообщить Вам, что дело моё приходит в ясность: новое завещание брата так мастерски составлено (самим Г-м Маляревским) [2] — что, как говорится — иголки не подпустишь: вместо 100.000 р. я получаю с небольшим 60. — И то хорошо: Маляревский, при его влиянии на брата, мог ничего мне не оставить.[3] Завещание будет утверждено 25-го числа в здешнем Окружном Суде; также и права мои на наследство. — Сообщите это всё доброму Самарскому,[4] так как он принимает во всём этом деле участие.

А мне точно везёт — как Вы предсказывали: в Четверг мне здешние молодые профессора давали обед с сочувственными «спичами» — а третьего дня, в Заседании Любителей Русской Словесности, Студенты мне такой устроили небывалый приём, что я чуть не одурел — рукоплескания в течении 5 минут, речь обращенная ко мне с хоров и пр. и пр. Общество меня произвело в почётные члены.[5] Этот возврат ко мне молодого поколения очень меня порадовал, но и взволновал порядком. — Не знаю, от этого ли, но со вчерашнего дня у меня заболело правое колено — и я не могу почти ходить... Авось это будет не настоящий припадок. —

lib.pushkinskijdom.ru

В конце нынешнего месяца я опять в Петербурге; — а до тех пор желаю Вам всего хорошего и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Это письмо впервые было опубликовано Л. С. Утевским в «Новом мире», 1930, № 2, стр. 216—217; воспроизводится здесь по автографу.

[2] Маляревский Порфирий Константинович — муж приемной дочери брата Тургенева.

[3] М. М. Стасюлевичу Тургенев писал 29/17 января 1879 года: «Вам вероятно уже известно что брат мой, Н. С. скончался; — и скончался окруженный мошенниками... — меня уже известили, что они, до наложения печатей, успели утащить 20 000 р. наличными...» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 159).

[4] В. В. Самарский-Быховец. См. примечание 2 к письму 20.

[5] П. Д. Боборыкин в статье «Печальная годовщина. Из воспоминаний о Тургеневе» пишет: «Покойный Юрьев устроил заседание „Общества любителей российской словесности“ и задумал поднести Тургеневу диплом почетного члена... Это было подхвачено всей интеллигентной Москвой, и старая физическая аудитория ломилась от наплыва публики... Тот момент, когда Иван Сергеевич стоял на кафедре, склонив голову под натиском волнения, овладевшего им, и вся аудитория поднялась со своих мест, — был торжеством русского художественного творчества, просвещенной и благородной мысли, истинной любви к своей родине...» («Русские ведомости», 1908, № 194, 22 августа; см. также: Н. Я. Стечькин. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе, СПб., 1913, стр. 18; М. М. Ковалевский. Воспоминания о И. С. Тургеневе. «Минувшие годы», 1901, № 8. стр. 10—11).

70

Париж.
50, Rue de Douai.
25-го Марта / 6-го Апреля 1879.

Любезнейший Александр Васильевич, вчера я прибыл сюда благополучно, застав всех здоровыми — и сам чувствую себя хорошо — только устал очень. Подагра только погрозилась. —

Спешу известить Вас о моем приезде — и прошу сообщить об этом всем друзьям. — Теперь буду лежать дня два — «воронкой кверху» — а там и за работу. От Щепкина я получил телеграмму что деньги им переданы по принадлежности в банкирскую контору. — Стало-быть всё в порядке. — Когда увидите Савину, поцалуйте ей от меня ручку — что́, конечно,

lib.pushkinskijdom.ru

и Вам доставит удовольствие. — За сим — будьте здоровы — скоро напишу опять.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

71

50, Rue de Douai
Paris

Середа, 9-го Апр. / 28-го Марта 79.

Любезнейший Александр Васильевич, усталость после дороги прошла, я принялся за работу — только подагра опять меня кусает — со вчерашнего дня. — Видно, надо с этим примириться. — А теперь обращаюсь к Вам с вопросами и просьбами. —

1.) Получили ли Вы 200 р. от Щепкина и подписались ли на журналы?

2.) Пришлите мне, пожалуйста, литографированный и раскрашенный образ... *Казанской* богородицы. — Это Вас вероятно удивляет; но одна здешняя дама, которой я довольно обязан, об этом настоятельно меня просит.

3) Пришлите мне фотографическую карточку Бородаевской,[1] если таковая имеется.

Ещё раз поклонитесь от меня всем моим доброжелателям низким поклоном и верьте в дружбу

Преданного Вам
Ив. Тургенева.

P. S. Справьтесь, послал ли Шапиро [2] сюда обещанные большие фотографии.

[1] Бородаевская-Ясевич Варвара Ивановна (1861—1920) — литератор, автор статьи об Н. Н. Златовратском «Юбилеи писателя-народника» («Исторический вестник», 1898, т. LXXI, № 1, стр. 277—291) и биографического очерка «Надежда Васильевна Стасова» («Исторический вестник», 1895, т. LXII, № 11, стр. 561—572), а также ряда работ по сектантству и истории раскола. В конце 70-х—начале 80-х годов В. И. Бородаевская была слушательницей словесного отделения Петербургских высших женских курсов. Познакомившись с Тургеневым на одном из благотворительных вечеров, В. И. Бородаевская постоянно бывала у писателя во время его приездов в Петербург. Тургенев ввел её в дом Я. П. Полонского. В дружеских отношениях была В. И. Бородаевская также с Г. И. Успенским и Н. Н. Златовратским. По словам её биографа, В. И. Бородаевская

lib.pushkinskijdom.ru

была «натура в высшей степени отзывчивая, подвижная и энергичная» (ИРЛИ, ф. 377, № 462). В фондах Литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР имеется фотокарточка Тургенева (фотограф Левицкий) с надписью: «Варваре Ивановне Бородаевской на память от И. Тургенева со всеми лучшими пожеланиями счастливого будущего — С. П. Б / Март 1880». (инв. № 21795). Имя Бородаевской упоминается также ниже в письмах Тургенева к Топорову от 24/12 октября 1879 года и 1/13 ноября 1880 года.

[2] Газета «Голос» в № 94 от 6/18 апреля 1879 года сообщала: «Фотограф К. Шапиро задумал издать альбом современных писателей и деятелей... Альбом будет появляться выпусками, по возможно дешевой цене, чтоб сделать доступным приобретение его самым небогатым классам общества. На днях издан уже первый лист альбома — портрет И. С. Тургенева».

72

50, Rue de Douai
Paris

Пятница, 2-го Мая[a] / 21-го Апр. 79.

Любезнейший Топоров,

Память у меня до того что-то плоха стала, что я не знаю хорошенько, отвечал ли я на Ваше последнее письмо — или нет? Во всяком случае имею сказать (или повторить) Вам что Казанскую икону я получил, а «Петербургский Листок» [1] не получаю. — Щепкину подтвердил, чтобы он немедленно выслал Вам 200 р. — Материю на мёбель поставлю прочную. — Из газет я вычитал что Савина занемогла: надеюсь — не серьёзно. — Поклонитесь ей от меня. Поклонитесь также добрым Самарским. — Здоровье мое — ничего, так себе; душевное настроение — незавидное. — Недели через 2 или 3 выезжаю в Буживаль; — но надо, чтобы сперва погода исправилась. — А то́ у нас — по календарю — Май, а на деле — Февраль.

Будьте здоровы; жму Вам дружески руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

---

[a] *Должно быть* 2 мая/20 апреля.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] «Петербургский листок» (1864—1917) — типичный образец «бульварной» прессы, отводивший много места судебной хронике, происшествиям, низкопробным романам и коммерческой рекламе.

73

Париж.

Четверг, 29/17-го Мая 79.

Любезный Александр Васильевич, отвечаю Вам только сегодня на Ваше письмо от 13/1-го Мая — и прошу извинить мою леность. — А. Н. Мухортовой [1] напишу непременно на днях. — А у Савиной видно: с глаз долой — вон из памяти. — Получил я Русский Архив, Русскую Старину — Петербургский Листок, а сегодня пришла «Древняя и Новая Россия».[2] За всё это благодарю искренне. Кстати, не знакомы ли Вам издатели, — книгопродавцы, которые согласились бы напечатать перевод — либо Фламмариона Популярную Астрономию [3] (с Французского) — либо Секки Физическую Географию [4] (с Италиянского) или Де Амичис Путешествие в Испанию [5] (тоже с Италиянского) — Книги самые новые и интересные. Я слыхал об издателях Пантелееве [6] и Билибине, [7] которые именно такие книги печатают. Справьтесь и дайте знать. Есть у меня также отличный перевод биографически-критического предисловия к Д‹он› Кихоту Л. Виардо,[8] вещь классическая. — Здоровье моё удовлетворительно; скоро переезжаю в деревню, в Буживаль. Но адресс остаётся прежний. — Телом-то я туда-сюда — но на душе такая дрянь, что́ и сказать нельзя. Поклонитесь всем хорошим знакомым — Самарским, Гайдебуровым.[9] — Крепко жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Мухортова Александра Николаевна (рожденная Юханцева). М. Г. Савиной 30 марта 1880 года Тургенев писал: «Ко мне сегодня вечером заедет моя хорошая приятельница Александра Николаевна Мухортова и везет меня в Собрание; а потому, если это может Вас стеснить, поезжайте прямо в Собрание. — Но должен Вам сказать, что вышеупомянутая А. Н. Мухортова *жаждет* с Вами познакомиться, и что Вам от этого знакомства кроме удовольствия, быть ничего не может» (Тургенев и Савина. Пгр., 1918, стр. 7—8).

[2] Тургенев имеет в виду, очевидно, № 5 ежемесячного исторического иллюстрированного сборника «Древняя и новая Россия» за 1879 год.

[3] Вероятно, Тургенев имеет в виду книгу Camille Flammarion. Petite astronomie descriptive, Paris, 1877.

lib.pushkinskijdom.ru

[4] Повидимому, речь идет о книге Angelo Secchi «Lezioni elementari di fisica terrestre», вышедшей в Турине в 1879 году.

[5] Edmondo De Amicis. Spagna, 1878.

[6] Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919) — публицист, известный издатель, друг М. Е. Салтыкова-Щедрина, автор «Воспоминаний».

[7] Билибин Иван Иванович (ум. в 1897 г.) — издатель математических и социологических сочинений.

[8] Виардо Луи (1800—1883) — критик и писатель, переводчик с испанского языка. Тургенев имеет в виду биографическо-критическое предисловие («Notice sur la vie et les ouvrages de Cervantes») Луи Виардо, написанное им к переводу «Дон Кихота» Сервантеса (1836—1837). В том же 1879 году Тургенев предлагал М. М. Стасюлевичу напечатать этот очерк Л. Виардо «в отличном переводе» на страницах «Вестника Европы» (см. М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 164). Подробно об этом см.: М. П. Алексеев. Тургенев и испанские писатели. «Литературный критик», 1938, № 11, стр. 139.

[9] Гайдебуровы Павел Александрович и его жена Евгения Карловна (рожденная Кемниц).

74

Париж.
50, Rue de Douai.

1-го Июня / 20-го Мая 1879. Воскресе‹ние›

Любезнейший Александр Васильевич,

Из посланного мною к Вам третьего дня письма, которое Вы теперь уже вероятно получили, Вы увидели что я не болен — а, по обыкновению — ленился. — Нового я ничего не имею сказать, но прошу Вас написать мне немедленно: как зовут Семевского[1] по имени и отчеству — и Вашу племянницу[2] как? Это необходимо — и как только я получу эти сведения — напишу тотчас письмо, которое отправлю по Вашему адрессу. — Вы в Петербурге говорили мне о Вашей племяннице — но Вашего письма от *21-го Апр. я не получал.* —

По причине сквернейшей погоды я в Буживаль ещё не переехал — и потому прошу Вас адрессовать свои письма по старому, Rue de Douai, 50.

Ну а что же дело с моей картиной? Справьтесь, пожалуйста. — Я начинаю думать, что мои деньги так и пропадут. — Не знаю, писал ли я Вам, что я уполномачиваю его (т. е. Беггрова) продать и другую картину — хотя пример первой меня не особенно поощряет.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Семевский Михаил Иванович (1837—1892) — буржуазно-либеральный историк, с 1870 года издатель «Русской старины».

[2] Кузьмина Евдокия Ивановна. Приводим текст письма Тургенева к М. И. Семевскому от 20 июня/2 июля 1879 года:

«Милостивый государь, М. И.! Позвольте мне воспользоваться нашим коротким (по времени) знакомством, чтобы обратиться к вам с просьбой, исполнение которой я счел бы за личное одолжение.

«Мне известно, что в последнее время С.-Петербургская Дума положила открыть несколько новых училищ. Я бы очень был рад, если бы одно из казенных мест классной дамы или учительницы досталось г-же Евдокии Ивановне Кузьминой, дочери крестьянина, 19 лет от роду, имеющей диплом на звание учительницы...

«Я имею полное основание думать, что г-жа Кузьмина с совершенной добросовестностью и знанием дела исполнит обязанности, которые будет угодно начальству возложить на неё.

«Влияние ваше, как гласного думы и как человека, пользующегося всеобщим уважением, могло бы быть решительным в подобном случае.

«В надежде, что вы захотите споспешествовать исполнению моей просьбы, прошу вас принять уверение в глубоком уважении и преданности вашего покорного слуги Ив. Тургенева» («Русская старина», 1883, № 10, стр. 272).

75

Bougival
Les Frènes
Châlet

Суббота, $\frac{14\text{-го}}{2\text{-го}}$ Июня 1879.

Любезнейший Топоров,

Сейчас получил Ваше письмо с приятным известием о получении Вами денег за картину.[1] Хотя мне кажется, что я должен был получить 1500 р. без вычета 10% — однако не стану этого утверждать: хорошо и так. — Будьте так добры, отнесите эти деньги к банкиру Гинцбургу (он мой здешний банкир) — на Конногвардейском бульваре — и отправьте их ко мне векселем на три месяца: они со мной много дел переделали — и поступают со мною благоприлично. Очень благодарю Вас за хлопоты; Беггров может продать и другую картину. —

Я пишу к Вам из деревни — куда мы перебрались дней пять тому назад — а завтра я еду в Англию — в Оксфорд —

lib.pushkinskijdom.ru

так как Оксфордский Университет — дело достойное изумления! — производит меня — за «мои литературные заслуги» — в Доктора Естественного Права!!! [2] — Я едва ли не первый Русский, добившийся подобной чести. — Что́ скажут г.г. Стасов,[3] Михайловский [4] и пр. и пр.? Но я, право же, не виноват. —

Через неделю я опять сюда возвращаюсь. —

Завтра я вышлю Вам из Парижа — письмо к Семевскому [5] и карточку для доктора.[6]

Поклонитесь от меня Самарским и М. Г. Савиной и скажите ей, что мне очень жаль что я не увижу её в скорости. — Если она позволит, поцалуйте у ней от моего имени ручку.

Остаюсь

Искренне преданный

Ив. Тургенев

[1] Речь идет о картине Бланшара, которую Тургенев отдавал для продажи Беггрову. См. примечание 1 к письму 56. Об этой картине упоминается также в письмах 62, 63, 65, 67, 74.

[2] В письме к Л. Я. Стечькиной от 14/2 июня 1879 года Тургенев также сообщал: «Завтра я на неделю уезжаю в Англию... совершенно неожиданно получил известие, что Оксфордский университет производит меня, за мои „литературные заслуги“ — *в доктора естественного права*!» (Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечькиным, Одесса, 1903, стр. 26).

[3] В. В. Стасов.

[4] Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — публицист и литературный критик, теоретик народничества, социологические и политические взгляды которого были разоблачены В. И. Лениным в его работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (Сочинения, т. 1, стр. 115—183), а также в ряде других работ. С 1868 года Михайловский был постоянным сотрудником, а затем одним из редакторов «Отечественных записок». Во многих его статьях содержатся отрицательные высказывания о Тургеневе, его произведениях и героях; см., например: «Из записок профана» («Отечественные записки», 1877, № 2, отд. II, стр. 311—326), «Записки современника» (там же, 1881, № 12, отд. II, стр. 193—199), «Очерки нынешней беллетристики» (там же, 1882, № 12, отд. II, стр. 224—225, 231—233). Михайловский справедливо критиковал Тургенева за его разрыв с революционной демократией. Но он был не прав, когда отказывался замечать в Тургеневе правдивость художника-реалиста, чуткость к общественно-политическим вопросам, живое отношение к современности.

[5] М. И. Семевский. См. примечания 1 и 2 к письму 74.

[6] Соловьев Александр Капитонович (ум. в 1898 г.) — доктор медицины.

lib.pushkinskijdom.ru

76

Bougival
Les Frènes
Châlet
(Seine et Oise.)

Пятница, 25/13-го Июня 79.

Вот, любезнейший Топоров, желаемое Вами письмо к г. Криммеру.[1] — Авось оно пригодится! —

Благодарю Вас за присылку статей из Вестника Европы — и копии «Сна»[2] Из Нового Времени. — Теперь — для окончательного торжества Вашей аккуратности, остаётся достать следующие две критические статьи:

1.) О переводе «Фауста» Вронченко — помещено в *Отечественных записках* 44-го или 45-го года.[3] —

2.) О Паткуле Кукольника — помещ‹енную› в 1-м №-е «Современника» за 1847-й год (там где явился Хорь и Кал‹иныч›).[4]

Придётся Вам велеть переписать эти две вещи — и переслать их ко мне не теряя времени. —

Здоровье моё продолжает быть порядочным — а настроение духа — скверным — также как погода. —

Кланяюсь Вашей жене и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Криммер Рудольф Андреевич — советник контроля и кассы министерства двора (см.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1877 год, ч. I, стр. 63). Упоминаемое Тургеневым «письмо к г. Криммеру», очевидно, содержало в себе какую-то просьбу относительно Топорова.

[2] Рассказ «Сон» впервые был напечатан в «Новом времени», №№ 1 и 2 за 1877 год.

[3] «Фауст, трагедия. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. Санктпетербург. 1844» (рецензия). Впервые без подписи автора была опубликована в «Отечественных записках», 1845, т. XXXIII, кн. 2, февраль, отд. «Критика», стр. 43—66.

[4] «Генерал-поручик Паткуль, трагедия в пяти действиях, в стихах. СПб. Сочинение Нестора Кукольника» (рецензия). Впервые за подписью «Т.» появилась в «Современнике», 1847, т. I, отд. III, стр. 59—81.

lib.pushkinskijdom.ru

77

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes
Châlet

Вторник, $\frac{\text{2-го Июля}}{\text{20-го Июня}}$ 79.

Любезнейший Топоров,

Прилагаю при сём письмо к Семевскому и был бы очень рад еслибы оно оказалось полезным.

Прилагаю также фотографию с надписью для А. К. Соловьёва.

Вам уже известно, что деньги за картину получены — и мне остаётся только благодарить Вас. Помоги господи Бегрову продать и другую!

В Оксфорд я съездил благополучно — был очень благосклонно принят, студенты мне хлопали во время приёма — а профессора подарили мне ту красную мантию и 4-х угольную шапку, в которых я щеголял весь тот день — и которые могут мне теперь служить, если я вздумаю разыграть шараду.[1]

Пиэсы мои были поставлены на театр без всякого заявления с моей стороны ни в Москве, ни в Петербурге.— Если Вы полагаете что можно чего-нибудь добиться, то́ пришлите мне форму, как я должен подать это заявление — и если деньги за поспектакельную плату получатся (в чём я сомневаюсь) то покорно прошу принять их для подарка от моего имени Вашей супруге.[2]

Теперь идут просьбы.

А именно: мне недостают следующие статьи для моего нового полного издания. —

1) Рассказ: «Сон». — Сколько я помню он был напечатан в «Новом Времени» — 1-го Января *77-го* года.[а 3]

2) «Рассказ отца Алексея».[4] — Напечатан в Мартовской книжке «Вестника Европы» за *1877-й* год.

Будьте так добры, достаньте мне эти две вещи — если нужно — заплатите — и вырежьте — и пришлите мне немедленно.

3) Недостает также и перевода легенды Флобера:[б] «Иро-

[а] *Было* в Вестнике Европы в первых месяцах [марто‹вской›] 77-го года. [б] *Далее зачеркнуто* С-й Июлиян Милостивый

lib.pushkinskijdom.ru

диада».[5] — Эта статья появилась в *Майской* книжке В‹естника› Е‹вропы› за 1877-й год. — (Св. Юлиан,[6] появившийся в Апрельской — у меня есть.). Достаньте мне также и эту вещь — и пришлите.
Другие критические статьи недостают также; — но об них я Вам напишу в последствии.

А теперь мне остается только сообщить Вам, что моё здоровье весьма удовлетворительно: — и что́ я остаюсь здесь до Октября. —

За сим дружески Вам кланяюсь и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Б. А. Чивилеву 24/12 июня 1879 года Тургенев, описывая церемонию в Оксфорде, сообщал: «Меня предуведомили, что в этот день гг. студенты пользуются правом свистать и шикать... и так как до сих пор в Англии русских терпеть не могут, — то следовало ожидать скандала; однако, вопреки ожиданиям скандала не произошло и даже, по уверениям „Таймса“, мне хлопали больше других... Тамошние профессора, в знак особого благоволения, подарили мне мою мантию и шапку, и теперь я могу, коли придется разыгрывать шараду, щеголять в докторском одеянии» («Русские ведомости», 1883, № 279).

[2] См. примечание 1 к письму 117.

[3] Рассказ «Сон» был напечатан в №№ 1 и 2 «Нового времени» «Вестника Европы» за 1877 год.

[4] «Рассказ отца Алексея» в действительности был помещен в № 5 «Вестника Европы» за 1877 год, стр. 99—110.

[5] «Иродиада» Густава Флобера (перевод). Впервые появился в № 5 «Вестника Европы» за 1877 год, стр. 258—288.

[6] «Легенда о св. Юлиане Милостивом» Густава Флобера (перевод). Впервые напечатан в № 4 «Вестника Европы» за 1877 год, стр. 603—628.

78

Буживаль.
Bougival
(près Paris.)
Les Frènes.

Воскресение, 17/5-го Авг. 79.

Любезнейший Топоров,

Третьего дня получил я разбор «Паткуля» — и приношу Вам свою благодарность. — Жду — «Фауста».[1] — Но вот ещё

lib.pushkinskijdom.ru

просьба — (по пословице: кормил до усов, корми до бороды.) В том же году, как и «Паткуль»,[2] — т. е. в 1-м году «Современника» — (а может быть во втором, но уже никак не позже) — был помещен другой мой критический разбор Гедеоновского «Ляпунова».[3] — Батюшка! не льзя ли достать и его! В ножки бы поклонился. — Мне всё это необходимо, чтобы наполнить страницы первого тома моих «Сочинений» — в котором будут всякие мелкие статьи, воспоминания литературные и другие и пр. —

Я получил от Семевского письмо, в котором он вычисляет все затруднения, препятствующие исполнению Вашей просьбы за счёт родственницы Вашей жены;[4] впрочем он мне говорит, что собирается известить Вас и потолковать с Вами... Сделал ли он это?

Поклонитесь от меня Вашей супруге, Самарским и прочим приятелям. Вероятно, я Вам скоро напишу о приискании мне квартеры на *зиму*, которую *я всю* намерен провести в Петербурге: но это, пока, между нами.

Здоровье мое продолжает быть недурно; — но бездействие моё всё превосходит.

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1, 2] См. примечания 3 и 4 к письму 76.

[3] «Смерть Ляпунова. Драма в пяти действиях, в прозе. Соч. С. А. Гедеонова. Санктпетербург 1846» (рецензия). Впервые напечатана без подписи автора в «Отечественных записках», 1846, т. XLVII, отд. VI, стр. 88—96.

[4] Е. И. Кузьмина. См. примечания 1 и 2 к письму 74.

79

Буживаль.

Пятница, 22/10-го Авг. 79.

Любезнейший Топоров,

На следующем листе Вы найдете письмо, которое я писал Вам в Воскресение — но ошибся кувертом и послал его к одному моему знакомому, Колбасину,[1] в Наугейм, который мне его немедленно возвратил и я Вам его вторично посылаю. Вероятно и Вы получили мое письмо к Колбасину — и, разу-

lib.pushkinskijdom.ru

меется, ничего не поняли. — Возвратите мне его, (если Вы этого ещё не сделали). — Вот как 60 летние старички бывают легкомысленны! —

Просьбы заключенные в моем письме убедительно прошу исполнить — а на счёт зимней квартиры я ещё напишу. — Пока, желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Колбасин Елисей Яковлевич (1831—1885) — литератор, автор книги «Литературные деятели прежнего времени» (СПб., 1859). Друг Тургенева. Письма братьев Колбасиных, Елисея и Дмитрия, к Тургеневу см. в сб. «Тургенев и круг „Современника“», изд. «Academia», Л., 1930, стр. 243—362. В письме к Е. Я. Колбасину от 21 августа 1879 года Тургенев подтверждает: «Я ошибся кувертом — и Ваше письмо поехало в Петербург к моему приятелю А. В. Топорову (2, Сергиевская ул.) — а письмо, адресованное ему — к Вам. Вероятно, он пришлет мне также это письмо обратно» (Документы по истории литературы и общественности, вып. II, И. С. Тургенев, М.—П., 1923, стр. 35).

80

Bougival
Les Frènes
Châlet
(Seine et Oise.)

Суббота, 30/18-го Авг. 79.

Любезнейший Топоров,

Посылаю Вам письмо к г. Горчакову [1] — и от души желаю чтобы оно оказалось действительным.

Вы вероятно уже получили письмо посланное по ошибке Колбасину — (сказывал ли я Вам, что он совершенно ослеп?). — Статью о «Фаусте» получил и благодарю. — Теперь остается розыскать статью о Смерти Ляпунова, о которой я Вам писал. — Имеются ли у Вас ещё деньги на все эти расходы? — Я на всякий случай написал моему управляющему, чтобы он выслал Вам сто рублей. —

Я продолжаю быть здоровым — и понемногу начинаю работать. Остаюсь здесь до конца Ноября — а там в Петербург! — А вы, батюшка, потрудитесь осведомиться о порядочной квартерке — в две комнаты — в каких нибудь chambres garnies* — (я не хочу жить в гостиннице) — где нибудь в Га-

* Меблированные комнаты (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

лерной или Морской; — на бойком месте — напр.: на Невском — я поселиться не желаю — ибо намерен проводить время очень тихо и кроме близких лиц, никого не видеть. Главное — чтобы было тепло и чисто — и отхожее место не такое как у той хромой Француженки.[2] — Впрочем — это не к спеху. — Три месяца ещё впереди... и Вы только осведомитесь.

Жму Вам дружески руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Самарский здесь — и я его видел.

[1] Горчаков Михаил Иванович (1838—1910) — протоиерей, профессор церковного права в Петербургском университете. Одновременно был законоучителем в Мариинском институте. Очевидно, Тургенев обращался к нему с просьбой об устройстве на должность учительницы племянницы Топорова Е. И. Кузьминой.

[2] Булье, Большая Конюшенная, дом Петропавловской церкви, кв. № 15, где Тургенев останавливался летом 1877 года.

81

Bougival
Les Frènes
Châlet
(Seine et Oise.)

Суббота, $\frac{\text{6-го Сент.}}{\text{25-го Авг.}}$ 79.

Любезнейший Топоров,

Не знаю, как и благодарить Вас за все Ваши хлопоты. — Статья о Ляпунове действительно появилась в От‹ечественных› Записках — 45-го или 46-го года — и очень я Вам буду обязан, если Вы её отыщите и пришлёте, также как и остальные статьи в Современнике. — Статья о Грановском[1] находится впрочем у меня. — Что же касается до статьи о «Племяннице»[2] хотя я имею её в рукописи — но цензура из неё столько тогда выкинула, что будет забавно отметить похеренные места кавычками. — Это можно будет сделать только сравнив оба текста. И потому велите и её списать и выслать. — Также и другие статьи. Вы мне оказываете великие услуги; без Вас

lib.pushkinskijdom.ru

я бы никак не составил первого тома моего издания. — Не помню, говорил ли я Абариновой [3] о моем намерении провести зиму в Петербурге; — во всяком случае — тогда — это было не серьёзно. Я ещё не решил. — Беды впрочем в этом нет большой. Я желаю только, чтобы это, по мере возможности, осталось тайной для *здешних* моих друзей.

Скажите Савиной, что я позволю себе возвратить ей её любезность тотчас после моего приезда. — Она очень мила — и я чувствую к ней искреннее влечение.

О Шиллере [4] и Байроне [5] я где-то писал — (по поводу переводов) — но где? — теперь решительно не помню. — Есть также у меня (кажется в От‹ечественных› Зап‹исках›) недурная статейка о В. И. Дале.[6] — Но как её отыскать? Придётся оставить это (а также другие мелкие критические статейки) — до следующего издания — если я только доживу до него. О Пушкине я прочёл когда то две лекции...[7] Они у меня находятся — но это — импровизация, несколько небрежная и недостойная великого имени Пушкина.

Вы вероятно уже получили моё рекомендательное письмо к Горчакову — и деньги от моего управляющего.

За сим дружески Вас обнимаю и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Статья «Два слова о Грановском». Впервые была опубликована в «Современнике», 1855, т. LIV, отд. II, стр. 83—86.

[2] «Племянница. Роман, соч. Евгении Тур. 4 части. М. 1851» (рецензия). Впервые опубликована за подписью И. Т. в «Современнике», 1852, кн. 1, отд. III, стр. 1—14. См. выше, письмо Тургенева к И. С. Аксакову от 31 декабря 1851 года и примечание 4 к нему (стр. 191—193).

[3] Абаринова Антонина Ивановна (1842—1901) — артистка. Дебютировала на сцене Александринского театра в роли Периколы в 1872 году. Затем выступала в опере, исполняя партии контральто в «Иване Сусанине», «Вражьей силе» и др. Познакомилась с Тургеневым в 1874 году в Буживале, куда приезжала учиться пению у Полины Виардо. Перейдя на драматическую сцену, играла в пьесах Островского, Л. Н. Толстого и др. В своих «Воспоминаниях» А. И. Абаринова пишет: «Тургенев приезжал в Петербург во время первой постановки его комедии „Месяц в деревне“ и был у меня. Я с ним читала мою роль, делая сокращения по его указанию и приняла к сведению некоторые его замечания. Это было в первый год моего перехода из оперы, я была слишком еще неопытна для трудной роли Натальи Петровны» («Исторический вестник», 1901, т. 83, январь, стр. 222). О том, что А. И. Абаринова играла в пьесе «Месяц в деревне», упоминают также Н. Я. Стечькин (Из воспоминаний

lib.pushkinskijdom.ru

об И. С. Тургеневе, СПб., 1903, стр. 22) и П. П. Гнедич (Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918, Л., 1929, стр. 117).

[4] «Вильгельм Телль, драматическое представление в пяти действиях, Соч. Шиллера. Перевод Ф. Миллера. М. 1843» (рецензия). Впервые опубликована без подписи автора в «Отечественных записках», 1843, т. XXXI, отд. VI, стр. 25—28.

[5] «Дон Жуан. Поэма лорда Байрона. Перевод Н. Жандра. Санктпетербург. — 1846» (рецензия). Впервые опубликована без подписи автора в «Современнике», 1847, т. I, отд. III, стр. 143—144.

[6] «Повести, сказки и рассказы казака Луганского. Санктпетербург. 1846. Четыре части» (рецензия). Впервые напечатана без подписи автора в «Отечественных записках», 1847, т. L, отд. VI, стр. 1—3.

[7] Тургенев считал, что лекции о Пушкине он читал в 1859 году (см. его «Воспоминания о Белинском», — Сочинения, т. XI, 1934, стр. 408). Но И. И. Панаев в 1860 году в фельетоне «Петербургская жизнь» писал о них («Современник», 1860, № 5, отд. «Современное обозрение», стр. 113), как о недавнем событии: «...г. Тургенев читал в зале г. Бенардаки о Пушкине... Второе чтение о Пушкине, говорят, было особенно замечательно».

82

Bougival
Les Frênes
Châlet
(Seine et Oise.)

Пятница, 26/14-го Сент. 79.

Любезный Топоров,

Я аккуратно получил всё высланное Вами — и теперь уже более ни в чём не нуждаюсь; собранных статей будет достаточно, чтобы сделать первый том почтенных размеров.[а] Статья: «Гамлет и Д‹он› Кихот» [1] — у меня есть.

Мой управляющий пишет мне, что он выслал Вам сто руб. — Получили ли Вы их? —

Здоровье моё продолжает быть удовлетворительным. — Остаюсь здесь до половины Ноября. — На счёт квартиры еще спишемся. — Если увидите Савину, скажите ей, что я заочно цалую ее ручьки. — За сим будьте здоровы и бодры. — Поклонитесь Самарским.

Ваш

Ив. Тургенев.

[а] *Было* довольно почтенных размеров.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Речь «Гамлет и Дон Кихот» впервые была опубликована в «Современнике», 1860, № 1, стр. 239—258.

83

Буживаль.

3-го Окт. / 21-го Сент. 1879.

Любезный Топоров,

Прилагаю при сём письмо к Цыцурину.[1] — Он молодец и я душевно порадовался за Вас. Будем надеяться что он и впредь окажет Вам своё покровительство.

Не хлопочите больше о статьях — у меня теперь всё что нужно.

Ваше письмо поспело сюда к новой радости: дочь Г-жи Виардо[2] родила сегодня утром вторую дочку — хотя с трудом, но благополучно.

Кланяйтесь Самарским — и скажите им, что я хочу купить сочинение о висте — чтобы сделаться достойным их соперником! — А Савиной скажите, что никто не помешает ей дать мне опять то́, что я ей возвращу.

Кланяюсь Вашей жене и жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Цыцурин Федор Степанович — лейб-медик, управляющий придворной медицинской частью, непременный член Военно-медицинского ученого комитета и Медицинского совета министерства внутренних дел (см.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1877 год, ч. I, стр. 34). Ему, очевидно, был подчинен Топоров, являвшийся придворным дантистом. Два письма Тургенева к Ф. С. Цыцурину, в которых заключены просьбы о помощи Топорову, приведены (без указания фамилии адресата) в статье Н. Гутьяра «И. С. Тургенев и его нелитературные друзья» («Русская старина», 1909, № 4, стр. 69).

[2] Речь идет о Claudie — средней дочери Полины Виардо, которую Тургенев особенно любил.

lib.pushkinskijdom.ru

84

Bougival
Les Frènes
Châlet
(Seine et Oise.)

Середа, $\frac{\text{8-го Окт.}}{\text{26-го Сент.}}$ 79.

Любезнейший Топоров,

Передайте, пожалуйста, лично — прилагаемое письмо редактору «Русской Речи» [1] — Г-ну А. Навроцкому; [2] я ему писал с месяц тому назад — но имею причины предполагать, что письмо моё до него не дошло. — Во всяком случае, попросите его от моего имени почтить меня немедленным ответом.

Четыре дня тому назад со мной случился припадок подагры в левом колене — не очень сильный: я однако же не выхожу. За то́ дочь Г-жи Виардо — Claudie — хотя с трудом, но благополучно родила прекрасную девочку... впрочем, я кажется, уже писал Вам об этом.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] «Русская речь» (1879—1882) — умеренно-консервативный ежемесячный журнал литературы, политики и науки, издавался в Петербурге А. А. Навроцким.

[2] Навроцкий Александр Александрович (1839—1914) — писатель, известный под псевдонимом Н. А. Вроцкого. Автор романов, рассказов и стихотворений (из последних наибольшую известность получило стихотворение «Утес Стеньки Разина»). Печатался в «Вестнике Европы» в начале 70-х годов, а затем в «Русской речи».

85

Bougival
Les Frènes
Châlet
(Seine et Oise.)

Пятница, $\frac{\text{24-го}}{\text{12-го}}$ Окт. 79 г.

Любезнейший Топоров,

получил я Ваше письмо и порадовался благоприятному обороту Ваших дел. — Долго Вы его ждали: авось теперь это

lib.pushkinskijdom.ru

пойдет «в сурьёз». — Скажите также милой Савиной что она приобрела новые права на мою благодарность: уж расцалую же я ее ручьки, когда увижусь с нею! Выезжаю я отсюда через *6 недель* — ни одним днём не позже: в первых числах нашего Декабря я в Петербурге.[1]

Посылаю при сем портрет мой (не карточку) но не Абарино‹во›й[2] — а милейшей Бородаевской,[3] которая давным давно прислала мне свою фотографию — и перед которой я виноват кругом, не ответил ей на ее письмо. Полагаю, что она вернулась в Петербург — и что Вы знаете ее адресс: передайте ей портрет с самым дружеским поклоном от меня. — Вам я в другой раз пришлю мою карточку в докторском мундире, а также и Абариновой.

Здоровье мое порядочно — и наши больные в доме все поправляются. —

Искренне Вам преданный

Ив. Тургенев.

P. S. Самарским поклонитесь.

[1] Тургенев выехал из Парижа, через Баден-Баден, в Петербург только 22 января/3 февраля 1880 года (см.: Тургенев и его время, сб. 1, ГИЗ, М.—П., 1923, стр. 273—274).

[2] А. И. Абаринова. См. примечание 3 к письму 81.

[3] В. И. Бородаевская. О ней см. примечание 1 к письму 71.

86

Bougival
Les Frènes
Châlet
(Seine et Oise.)

Суббота, $\frac{\text{27-го Окт.}}{\text{8-го Нояб.}}$ 79.

Любезнейший Топоров,

Отвечаю разом на Ваши оба письма по пунктам:

1.) Из прилагаемых двух фотографий возьмите одну себе а другую вручите Савиной, вместе с письмом.

2.) Возьмите от моего имени у Стасюлевича один экземпляр (на веленевой бумаге) «Записок охотника», наклейте на

lib.pushkinskijdom.ru

первой странице прилагаемую бумажку — и передайте Ф. С. Цыцурину.

3.) Постарайтесь отыскать Бородаевскую.

4.) Повесть: «Полоса» [1] — так меня поразила, что, не зная даже кто́ автор — я написал по ее поводу Стасюлевичу поздравительное письмо — и жду теперь с нетерпением дальнейших шагов этого славного и несомненного таланта.

5.) Здоровье моё продолжает быть порядочным; выезжаю я отсюда в начале нашего Декабря; за две недели до отъезда назову Вам самый день прибытия.

А пока — будьте здоровы и бодры, — кланяюсь Вашим и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] В письмах Тургенева к М. М. Стасюлевичу дважды упоминается очерк «Полоса», который был помещен за подписью «Н. Л.» в десятой книжке «Вестника Европы» за 1879 год. В письме от 19/7 октября 1879 года Тургенев обещал редактору «Вестника Европы»: «„Полосу“ прочту... завтра — и скажу Вам свое мнение» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 171). 2 ноября/21 октября 1879 года Тургенев писал ему же: «Удивили Вы меня также именем автора „Полосы“ — Чтож! Spiritus flat ubi vult...* Но вот уже точно не женский талант!» (там же, стр. 173). Автор «Полосы» — Ломовская Лидия Филипповна (род. в 1851 г.), впоследствии Маклакова, писавшая под псевдонимом — Л. Нелидова. О неопубликованных письмах Тургенева к Л. Ф. Ломовской, относящихся к 1880 году, см.: Бюллетени Государственного литературного музея. И. С. Тургенев. Рукописи, переписка, документы, М., 1935, стр. 36—37. О знакомстве с писателем Ломовская рассказывает в своих воспоминаниях «Памяти И. С. Тургенева» («Вестник Европы», 1909, № 9, стр. 207—241).

87

Буживаль.
Les Frênes.
(Seine et Oise.)

Воскресенье, $\frac{23\text{-го}}{11}$ Нояб. 79.

Любезнейший Топоров,

Сей час получил Ваше письмо от 4-го Нояб‹ря›, — и несколько недоумеваю: желаете ли Вы, чтобы я написал Вышнеградскому [1] — или только объясняете мне почему Вы просили меня

* Дух летит, куда он хочет *(лат.)*.

lib.pushkinskijdom.ru

обратиться к Савиной? — Я готов написать и Вышнеградскому — но в таком случае я должен знать его чин, имя и отчество.

Мне Полонский [2] писал о «глупости», которую я будто совершил — предпослав небольшое письмецо рассказу одного заключенного [3] — и которое и Вас обеспокоило. — Я посылаю Полонскому разъяснение этой вздорной сплетни. Спросите у него моё письмо.[4]

Через три недели я выезжаю отсюда.

А пока, будьте здоровы, дружески жму Вам руку.

Ваш

Ив. Тургенев.

[1] Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895) — выдающийся русский инженер и ученый, создатель научной школы в области конструирования машин. С 1875 года Вышнеградский состоял директором Петербургского технологического института. Очевидно, Тургенев собирался обратиться к Вышнеградскому с какой-то просьбой относительно Топорова. Значительно позднее, 14 ноября 1882 года, Тургенев писал Я. П. Полонскому: «Да, кстати... или некстати: очень благодарю тебя за твои хлопоты у Вышнеградского за Т<опорова>» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 516).

[2] Полонский Яков Петрович (1819—1898) — известный поэт и беллетрист, близкий друг Тургенева, особенно в последние годы его жизни. Воспоминания Полонского о Тургеневе: «Иван Сергеевич Тургенев у себя» («Нива», 1884, №№ 1—8) и «Мои студенческие воспоминания» («Литературные приложения» к «Ниве», 1898, № 12, стр. 640—688).

[3] В газете «Temps» от 12 ноября 1879 года Тургенев напечатал предисловие к статье И. Я. Павловского, арестованного в 1874 году и привлеченного к следствию по делу «О пропаганде в империи» («процесс 193-х»). Статья называлась «En cellule. Impressions d'un nihiliste» («В заточении. Впечатления нигилиста»). Заметка Тургенева вызвала ряд выступлений против него реакционных журналистов. См. заметку Ю. Г. Оксмана в книге: И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, Гослитиздат, 1933, стр. 675—678.

[4] Тургенев просил Топорова ознакомиться именно с этим письмом к Полонскому, так как не хотел доверять почте еще одно свое объяснение по этому поводу. Вот что было написано Тургеневым его другу 10 ноября 1879 года: «...Ты можешь быть спокоен: никакой „великой глупости“ я не сделал, на зло г-ну Загуляеву (тому самому г. З., который с таким примерным постоянством ругает меня в «Journal de St.-Pétersbourg»). Во-первых: статья, помещенная в „Temps“, нисколько не протест, а простой, весьма наивный и трогательный рассказ о содержании в тюрьме заключенного, *безо всяких политических намеков или упреков*... Я прибавлю, что интерес этого рассказа — исключительно психологический... Не могу допустить, чтобы мне серьезно поставили в вину знакомство с изгнанником, который даже вовсе не такой злостный преступник, ибо по суду (правда, после 4-летнего заключения) был

lib.pushkinskijdom.ru

оправдан... и сослан административным порядком в Пинегу, откуда он бежал, чтобы не умереть с голоду. И за это запретят мне въезд в Россию??» (И. С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 11, изд. «Правда», М., 1949, стр. 346—347).

88

50, Rue de Douai
Paris

Середа, 28/16-го Янв. 80.

Любезный Топоров,

Вы, чай, махнули на меня рукою — и уже не полагаете, что я приеду в Россию. Между тем сообщаю Вам следующий мой маршрут:

в Понедельник, 2-го Февр./21 Янв.[1] я выезжаю отсюда в Баден-Баден; в Середу, 4 Февр./23 Янв. выезжаю в Берлин; и в Четверг 5 Февр./24-го Янв. отправляюсь в Петербург, куда прибываю, богу изволящу, в Субботу 7-го Февр./26-го Янв.[2] С границы пошлю телеграмму. Первые два, три дня, я полагаю, будет мне удобнее остановиться в гостиннице; а там перееду в мёблированные комнаты. —

И так до скорого свидания. Будьте здоровы и бодры; и я постараюсь не расклеиться.

Ваш

Ив. Тургенев

[1] Тургенев выехал из Парижа через Баден-Баден в Петербург 3 февраля/22 января 1880 года (см. его письмо к А. Н. Тургеневу от 3 февраля в сборнике: Тургенев и его время. Под редакцией Н. Л. Бродского, 1, ГИЗ, 1923, стр. 273—274).

[2] Тургенев прибыл в Петербург только 1/13 февраля 1880 года (см.: М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, 1934, стр. 291).

89

С. Спасское-Лутовиново.
(Орловской губ. в г. Мценск)
Понедельник, 5-го/17 Мая 80.

Любезный Александр Васильевич,

Я не раз собирался писать Вам из Москвы — да всё не удавалось; теперь же сообщаю Вам, что я вчера благополучно

lib.pushkinskijdom.ru

прибыл сюда и намерен засесть за работу, заданную мне обществом Любителей Словесности — а именно: написать популярную брошюру о Пушкине,[1] что́ очень трудно — да и времени очень мало. Здесь я нашел весну в полном расцвете — а дом в порядке. — К 25-му Мая я вернусь в Москву[2] — и вероятно к концу же Мая прибуду в Петербург.[3] Но до того времени мы не раз спишемся. Я не в духе писать более — я сейчас прочел в «Голосе» известие о смерти друга моего, Гюстава Флобера[4] — и глубоко огорчен этим несчастием. Надеюсь что и здоровье Ваше и дела идут хорошо — и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] М. М. Стасюлевичу Тургенев писал 12 мая 1880 года: «В некоторых газетах было заявлено, что я пишу брошюру о Пушкине „для народа". Комитет Общества Любителей Русской Словесности действительно почтил меня подобным поручением: — но я был вынужден отказаться от него — ибо признал подобный труд превосходящим мои силы. — Приходилось бы растолковать народу значение поэта, которого он теперь еще не читает» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 183). Вместо этого Тургенев написал ту речь, которую произнес затем 7 июня 1880 года в публичном заседании Общества любителей российской словесности по поводу открытия памятника А. С. Пушкину (она была напечатана в «Вестнике Европы», 1880, № 7).

[2] Тургенев выехал из Спасского в Москву 24 мая/5 июня 1880 года (см.: М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, 1934, стр. 294; Тургенев и Савина, Пгр., 1918, стр. 16).

[3] В Петербург Тургенев выехал из Спасского только 17/29 июня 1880 года (см.: М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 185).

[4] Флобер Густав (1821—1880) — французский писатель. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «Смерть моего друга Флобера меня глубоко поразила. Золотой был человек и великий талант!» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 182).

90

Буживаль.
Les Frènes
Воскресенье, 11-го Июля / 29-го Июня 80.

Любезный Александр Васильевич,

Имею сообщить Вам, что я вчера благополучно прибыл сюда,[1] всех застал здоровыми — и сам нахожусь в приятней-

lib.pushkinskijdom.ru

шем расположении духа. — У Квернера я забыл две вещи: золотую булавку воткнутую в зеркало — и плетеную бутылочку с вином. — Прошу Вас принять от меня обе эти вещицы на память. —

Желаю Вам всего хорошего — кланяюсь всем приятелям и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Тургенев приехал в Буживаль 28 июня/10 июля 1880 года (см. письмо к Я. П. Полонскому от 30 июня 1880 года в книге: И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр 360).

91

Буживаль.
Les Frênes.

Вторник, 13-го/1-го Июля 80.

Любезный Топоров,

Я забыл Вас попросить об одной вещи. — Вот в чём дело. Мне выслали отсюда коробку с моими капсюлями (Capsules de F. Joseph) — против подагры; но они опоздали. — Выслали их на моё имя в редакцию «Вестника Европы» — и я дал артельщику Матвею — доверенность на получение их. — Сходите, пожалуйста, в Галерную № 20 — и, показав это письмо, — возьмите эту коробочку (заплатив что пришлось за почту и в таможне) — и отправьте её от моего имени в Москву Ректору Московского Университета Тихонравову [1] — (Он во всяком случае Превосход‹ительс›тво — и кажется, его зовут Николай Саввич — также как Абазу.[2] — Справьтесь об этом.) Я ему говорил об этих капсюлях и обещал ему выслать. Он тоже подагрик. — Их следует принимать по 9 за раз в стакане воды — утром, за час до чая.

Очень буду Вам благодарен, если Вы это всё исполните.

А я продолжаю благодушествовать, лежать воронкой кверху — и лишь изредка с содроганием вспоминаю о Квернере,[3] Цехановицкой[4] и прочих прелестях родного края.

Жму Вам дружески руку

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Тихонравов Николай Савич (1832—1893) — историк русской литературы, профессор Московского университета, с 1870 года доктор русской словесности, с 1877 по 1883 год — ректор Московского университета (см.: Д. Языков. Николай Саввич Тихонравов. Очерк его учено-литературной деятельности. «Русское обозрение», 1894, № 2, стр. 857—879). 6 июня 1880 года Тургенев и Н. С. Тихонравов выступали на открытии памятника Пушкину в Москве (см.: Н. Я. Стечькин. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе, СПб., 1903, стр. 28). «В тот же день, в торжественном заседании университета, посвященном Пушкину, Иван Сергеевич был провозглашен почетным членом Московского университета. Едва только Н. С. Тихонравов (тогдашний ректор) произнес имя Тургенева, вся зала закричала и зааплодировала» (Ек. Леткова. Об Ив. С. Тургеневе /Из воспоминаний курсистки/. «К свету», Научно-литературный сборник, СПб., 1904, стр. 461). Об этом же событии рассказывает А. Ф. Кони (На жизненном пути, т. II, СПб., 1913, стр. 90—91). 31 октября 1893 года Н. С. Тихонравовым был прочитан на заседании московского Общества любителей российской словесности доклад «И. С. Тургенев в Московском университете. 1833—1834 гг.» (напечатан в «Вестнике Европы», 1894, № 2, стр. 708—724).

[2] Абаза Николай Саввич (1839—1901) — с 1880 по апрель 1881 года начальник Главного управления по делам печати (см.: «Исторический вестник», 1901, № 10, стр. 806—807).

[3] Квернер — владелец меблированных комнат

[4] Цехановицкая — очевидно, также владелица меблированных комнат.

92

Bougival
Les Frènes
Châlet

Середа, 28/16-го Июля 80.

Любезный Топоров,

Получил я Ваше письмецо с запиской артельщика... Какая мне незадача с этими капсюлями! Представьте: узнав вчера, что Стасов (В. В.) в Париже и уезжает в Петербург, я нарочно поехал к нему, дал ему письмо к Тихонравову — а капсюли, принесенные в мешке — забыл! Придётся их отправить через Н. Рубинштейна,[1] который здесь и скоро возвращается. А вы всё таки, с своей стороны, похлопочите и добудьте, если возможно, эти капсюли — и отправьте их в Москву к Тихонравову.

Квитанцию Мамонтова получил. Здоровье моё порядочно; лень всё только усиливается. — Савина уже с неделю здесь — с Г-м Всеволожским[2] — но не почла за благо меня предуведомить — верно не желает свидеться со мною — о чём я нисколько не горюю.

lib.pushkinskijdom.ru

Вероятно, я на днях увижу Стасюлевича — а Самарских через месяц.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Гаевский,[3] с которым я завтракал вчера, сказал мне, что Вы получили хорошее место; — правда ли это? —

[1] Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881) — выдающийся пианист и музыкальный деятель, брат А. Г. Рубинштейна. 29/17 июля 1880 года Тургенев писал В. В. Стасову: «Любезный Владимир Васильевич, со мной в день нашего свидания в Париже произошел необычайный анекдот: вместо коробочки с пилюлями, которую я вас просил переслать Тихонравову, я вынул из мешка и передал вам круглый японский ящичек, в котором находятся мои визитные карточки!! — Хорошо, если вы догадались посмотреть, а то, пожалуй, вы так и пошлете этот ящичек Тихонравову, который уж совершенно ничего не поймет!.. Я уже распорядился на счет пилюль — и вручил их Н. Рубинштейну, который теперь в Париже и через неделю едет обратно в Москву» (В. В. Стасов. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним. «Северный вестник», 1888, № 10, отд. I, стр. 177).

[2] Всеволожский Никита Никитич (1846—1896) — гвардейский офицер, впоследствии муж М. Г. Савиной.

[3] Гаевский Виктор Павлович (1826—1888) — литератор и библиограф, член-учредитель Литературного фонда. Постоянно обращался к Тургеневу с просьбами о выступлениях на вечерах, устраиваемых в пользу Литературного фонда. Так, например, 5/17 февраля 1879 года В. П. Гаевский в неопубликованном письме к Тургеневу просил его выступить с чтением на одном из таких вечеров, указывая, что, по его мнению, «наибольший интерес мог бы возбудить какой нибудь отрывок из Ваших воспоминаний, не предназначаемый к напечатанию в близком будущем» (ИРЛИ, 5758. XXX б. 48). В конце 1884—начале 1885 года под редакцией В. П. Гаевского вышло «Первое собрание писем И. С. Тургенева» (в пользу Литературного фонда). В отрывках «Из дневника В. П. Гаевского», опубликованных в «Красном архиве», 1940, № 3, описаны похороны Тургенева.

93

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes
Châlet

Суббота, 7-го Авг. / 26-го Июля 80.

Любезнейший Топоров,

Прежде всего должен выразить удивление, как это Ваше письмо дошло до меня! Вы выставили на куверте: «Bougival,

lib.pushkinskijdom.ru

Les Frènes Châlet» — и только; не означив ни Государства, ни департамента! — Это всё равно еслибы я *отсюда* написал напр.: такому-то, в Парголово, Средняя улица, № 5. — Почталион, который принёс мне Ваше письмо, и удивлялся — и хвастался. Вперёд, пожалуйста, выставляйте слово: Франция. — Мне очень жаль, что слух переданный Гаевским, оказался неверным; [1] — я это ему скажу, когда увижу его. — Что же касается до М. Г. Савиной, то я, конечно, не увижу её — ибо она уже уехала, не давши мне знать о своём прибытии в Париж. — Впрочем я нисколько не рассчитывал на свидание с нею — и удивляюсь только тому, что́ она Вам сказала; — вероятно она это сделала — из неистребимой наклонности к сочинительству, свойственной — во 1-х) всем русским — а во 2-х) всем женщинам. — Впрочем, мне это совершенно всё равно.

Получили ли Вы наконец коробочку с капсюлями — и отправили ли их Н. С. Тихонравову в Москву? [2]

Что́ до меня — то я продолжаю бездействовать — и с удовольствием слежу за постепенным исчезновением из головы моей всех Российских впечатлений. — Приятно, очень приятно — как лежать на полке́ в бане.

Жму Вам руку и остаюсь

преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Подпишитесь, пожалуйста, для меня на *Слово* (с нового 1880-го года [а]) [б] с пересылкой сюда. —

[1] См. P. S. к письму 92.
[2] См. письмо 91.

94

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes
Châlet

Суббота, 21-го/9-го Авг. 80.

Любезный Александр Васильевич,

Будьте так добры, с получением этого письма купите экземпляр «Петербургских трущоб» В. Крестовского [1] — и пришлите его немедленно в Париж на моё имя. — Также известите

[а] *Должно быть* 1881 года [б] *Далее зачеркнуто* для

lib.pushkinskijdom.ru

меня, получили ли Вы наконец злополучные пилюли и отправили ли их к Н. С. Тихонравову в Москву? Подписались ли на «Слово»? — Не знаю, сколько у Вас ещё осталось моих денег — но на всякий случай пишу моему управляющему, чтобы он ещё Вам выслал 50 руб.

М. Г. Савина вероятно уже теперь в Петербурге. — Быть может, Вы её увидите — но прошу Вас *не* кланяться ей от меня. — Что она не захотела со мною свидеться — это довольно понятно; — но простая вежливость должна была бы заставить её, написать мне одно слово. — Желаю ей всяких успехов; но она перестала существовать для меня.

Дружески жму Вам руку

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] «Петербургские трущобы» Вс. Крестовского — бульварный роман, выдержавший за короткое время пять изданий (пятое издание вышло в 1877 году), широко популярный в мещанских кругах. Тургенев еще 12 марта/28 февраля 1866 года дал резко отрицательный отзыв об этом произведении в письме к П. В. Анненкову: «Господи! какая чепуха — „Петербургские Трущобы“ г-на Крестовского!» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания, СПб., 1909, стр. 588).

95

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes
Châlet

Воскресение, 29/17-го Авг. 80.

Любезный Топоров, имею сообщить Вам, что мною получены: «Слово» [1] и «Дневник Писателя»; [2] — ожидаю «Петербургских Трущоб». — Очень благодарен за исполнение комиссий.

Медицинский департамент так давно держит мои капсюли вероятно потому, что полагает, что я добиваюсь[a] разрешения на их ввоз... А впрочем, чорт с ним и с ними!

Здоровье моё продолжает быть хорошим, чего и Вам желаю.

Дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[a] *Далее зачеркнуто* ввоза

lib.pushkinskijdom.ru

[1] См. примечание 3 к письму 63.

[2] Тургенев имеет в виду «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, который вышел под заголовком: «Дневник писателя. Ежемесячное издание. Год III-й. Единственный выпуск на 1880. Август». В нем была помещена речь о Пушкине, произнесенная Достоевским 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности.

96

(Seine et Oise.)
Bougival.
Les Frènes.
Пятница, 29/17-го Окт. 80.

Любезный Александр Васильевич,

Я виноват перед Вами, что так долго молчал: всё собирался и всё откладывал. Но теперь у меня есть до Вас просьба; — да и наконец совестно стало. Пишу по пунктам —

1.) С этим письмом Вы получите сверток романсов Г-жи Виардо; — отнесите его пожалуйста, немедленно в музыкальный магазин Иогансена и передайте тамошнему коммй Гёхнеру, от которого я имею расписку в получении 75 руб. на издержки печатания; — а также вручите ему прилагаемое письмо, которое сперва прочтите сами. — Вы увидите, что я от него ожидаю. — Также прошу Вас наблюдать за исполнением поручения. —

2.) «Петербургские Трущобы» — я своевременно получил и благодарю.

3.) Сегодня же повторю моему управляющему предписание о высылке Вам 50 руб., прибавив чтобы он отправил Вам 100 вместо 50 — ради исполнения будущих поручений.

4.) О «Музыкантовском деле» — сейчас же напишу Анненкову, который находится в Баден-Бадене — и оттуда не выедет.

5.) С Полонским я[1] не переписываюсь — но готов ему написать нарочно по Вашему поводу.

6.) Надеюсь что Ваши усиленные труды не пропадут даром. — Моё здоровье удовлетворительно — и бездействию предаюсь я безвозбранно. — В конце Декабря полагаю прибыть в Петербург.[2]

Кланяюсь Вашей жене и друзьям. Жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

P. S. Переезжаю через неделю в Париж, Rue de Douai, 50.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Полонский Леонид Александрович (1833—1913) — буржуазно-либеральный публицист и литературный критик, о котором Тургенев позже, 18 марта 1881 года, писал П. В. Анненкову: «Л. Полонский — наш первый публицист» («Красный архив», 1929, № 1, стр. 196). В 70-х годах Л. Полонский печатался в «Вестнике Европы», в начале 80-х годов издавал газету «Страна». Писал и беллетристические произведения, бо́льшая часть которых вошла в сборник «На досуге». Об Л. Полонском см. также примечание 2 к письму 102 и примечание 2 к письму 118.

[2] Тургенев приехал в Россию только 29 апреля/11 мая 1881 года (см.: «С.-Петербургские ведомости», 1881, № 90, 2 мая).

97

Bougival
Les Frènes

Суббота, 1/13-го Нояб. 1880.

Любезнейший Александр Васильевич, спасибо за Ваше дружеское поздравление с днем моего рождения. — Только от Вас (да ещё от Бородаевской) я получил такие поздравления. — Постарайтесь увидеть Бородаевскую[1] и поблагодарить её за её любезную телеграмму. —

Получил я также расписку от Иогансена — и опять говорю Вам спасибо.

Сожалею очень о болезни Вашей супруги; воображаю, как это Вам должно быть тяжело. — Надеюсь, что её здоровье скоро восстановится. Самые опасные (в тифе) первые три недели прошли. —

Л. А. Полонскому я написал... Авось он что-нибудь сделает. — Человек он хороший и добрый.[2]

Передайте прилагаемое письмецо Савиной. Я её теперешнего адресса не знаю. —

Я пока ещё здесь, но на днях переезжаю в Париж — Пишите туда — Rue de Douai, 50. Дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] В. И. Бородаевская. О ней см. примечание 1 к письму 71.

[2] Обращение Тургенева к Л. А. Полонскому в данном случае вызвано, вероятно, стремлением помочь Топорову, желавшему переменить место службы. Такие попытки Тургенев делал неоднократно. Так, 25/13 апреля 1878 года Тургенев писал М. М. Стасюлевичу о Топорове: «...он хорошо знаком с книжным делом — и для *администрации* журнала, конторы и т. д. мог бы оказать великую услугу... Теперешняя служба его — (при дворе) — ставит его в безвыходное — для его будущности положение — и нисколько его не интересует — да и

lib.pushkinskijdom.ru

не может интересовать» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 150).

Об Л. А. Полонском см. примечание 1 к письму 96.

98

50, Rue de Douai
Paris

Суббота, 4-го Дек. / 22-го Нояб. 1880.

Любезнейший Топоров,

Ко мне здесь обратились с просьбой достать Русский текст трактата — заключенного в Ливадии в прошлом году между Россией и Китаем [1] — (по поводу которого чуть не отрубили головы в Пекине Китайскому послу.[2]) Помнится этот трактат был обнародован в Русских журналах — напр.: в «Голосе» — в конце прошлого года или в начале нынешнего. — Сделайте одолжение, наведите справки и, купив тот № «Голоса» или другого журнала, в котором стоял трактат — пришлите его сюда. (Во всяком случае он стоял в Правительственном Вестнике.) Очень Вы бы меня обязали.

Как здоровье Вашей жены? известите меня об этом — а также о том произошла ли перемена по Вашей службе? Мне Полонский [3] писал, что он надеется, что Ваш оклад будет возвышен до 900 р.

Передали ли Вы моё письмо Савиной? — Она мне не ответила — вероятно желая прервать все сношения со мною. Ну и господь с ней.

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Получили Вы 100 р. от Щепкина? [4]

[1] Русско-китайский трактат был подписан в Ливадии в сентябре 1879 года. Однако он был отвергнут пекинским правительством, а китайский посол Чун-Хоу отозван. Ратификация договора затянулась, поэтому в русской печати он обнародован не был. В феврале 1881 года этот не выгодный для китайской стороны договор был заменен новым.

[2] О предании суду чрезвычайного посла Китая Чун-Хоу см.: «Голос», 1880, № 22, 22 января/3 февраля.

[3] Л. А. Полонский. О нем см. примечание 2 к письму 96.

[4] Н. А. Щепкин. О нем см. примечание 3 к письму 64.

lib.pushkinskijdom.ru

99

Париж.
50, Rue de Douai.
10-го Янв. 1881.
29-го Дек. 1880

Поздравляю Вас и Вашу жену с Новым Годом, любезный Топоров — и надеюсь, что он окажется Вам благоприятнее прошлого.

Я только что встал с постели, в которой пролежал две недели по милости сильнейшего припадка подагры — и до сих пор еще очень слаб. — Не могу ещё предвидеть когда выеду.

Шубу я Вас попрошу выслать — эдак дней через десять — в Берлин на моё имя по следующему адрессу: Berlin, Unter den Linden, St. Petersburg Hotel — а я с своей стороны предварю владельца гостинницы.

Ни на какие журналы, конечно, подписываться не следует.

За сим — всё таки до свидания; жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

100

Париж.
50, Rue de Douai
14/2-го Янв. 81.

Любезнейший Топоров,

Хотя здоровье моё поправилось однако я всё еще не выхожу — и раньше месяца едва ли отсюда выеду. — Так как я с Нового года журналов больше не получаю, то прошу Вас, если это возможно, выслать мне те №-а «Нового Времени», «Голоса» и «Молвы»,[1] в которых будет что-нибудь сказано о моих «Старых портретах» [2] — вышедших в «Порядке» — если только будет что нибудь сказано.

За сим дружески жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] «Молва» (1879—1881) — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета буржуазно-либерального направления (продолжение

lib.pushkinskijdom.ru

газеты «Биржевые ведомости», №№ 1—3 которой за 1879 год вышли еще под прежним названием). О «Старых портретах» Тургенева эта газета ничего не писала.

[2] Рассказ «Старые портреты» был напечатан в №№ 1 и 4 газеты «Порядок» за 1881 год. «Пишу очень мало и очень неохотно; но радуюсь, что мои „Старички" тебе понравились», — подчеркивал Тургенев в письме к Я. П. Полонскому (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 371).

101

50, Rue de Douai
Paris

25/13-го Янв. 81.

Любезнейший Топоров,

Я получил № Голоса от 8-го Янв.; спасибо — узнаю в этом Вашу дружескую аккуратность. — Отзыв «Голоса» мне приятен — так как я имел причины предполагать, что мои Старички [1] потерпели фиаско. — Впрочем прошу мне выслать даже те журналы, где бы меня ругали: это всё нужно знать.

Вы на днях получите от моего управляющего 75 р. — так как я, вероятно, буду иметь ещё несколько к Вам поручений. —

Пожалуйста, сходите к Иогансену — и узнайте, подвигается ли печатание романсов Г-жи Виардо́ и скоро ли он вышлет сюда 6 экз. — Также если он истратил ещё несколько денег на печатание и пр. — пусть он это Вам скажет — и в случае траты, попросите от моего имени Стасюлевича выдать эти деньги из числа тех, которые он мне должен за «Старичков». За сим желаю Вам всего хорошего и прошу поклониться Вашей жене и Самарским. Если Вы увидите Савину, поклонитесь и ей. —

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Имеется в виду рассказ «Старые портреты». В «Литературной летописи», помещенной в «Голосе», 1881, № 8, 8/20 января, читаем: «Они (Алексей Сергеевич и Маланья Павловна Телегины, герои рассказа «Старые портреты», — *Л. Н.*) стоят пред нами живые в этих медальонах, начертанных романистом. Эти два типа далекой уж старины не прибавят „нового слова" к речи, с которою обращался г. Тургенев к русскому обществу, но они, без сомнения, увеличат число „тургеневских" типов. Невозможно в рассказе более простом, повидимому, сосредоточить более мастерства отделки, не говоря о наблюдательности, без которой в произведении не было бы жизни и свежести».

lib.pushkinskijdom.ru

102

50, Rue de Douai
Paris

Четверг, 3-го февр. 81.

Любезный Александр Васильевич,

Вчера пришло Ваше письмо и № «Новостей».[1] Вы очень хорошо распорядились на счёт шубы. — Что же касается до Вашего совета, то я уже третьего дня написал Л. А. П‹олонскому› под впечатлением его благородного и честного поступка.[2] — А я Вам всё таки благодарен за то́, что Вы подумали обо мне при этом случае.

Здоровье моё восстановилось и я бы мог уехать в П‹етербург›, но меня удерживает здесь одно семейное дело,[3] которое, надеюсь, разрешится в Марте.

Кланяюсь всем приятелям и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] «Новости» (1871—1906) — газета либерального направления. С 1 июля 1880 года выходила под названием «Новости и биржевая газета».

[2] Речь идет о передовой статье газеты «Страна» (1881, № 7, 15 января), издававшейся Л. А. Полонским, в которой содержалось требование возвратить из ссылки Н. Г. Чернышевского. В связи с этим Тургенев писал Анненкову 23 января/4 февраля 1881 года: «Статья эта — благородный поступок честного человека, желающего добра правительству» («Красный архив», 1929, т. 1 (32), стр. 195—196).

[3] Имеется в виду предполагаемый брак младшей дочери П. Виардо, Марианны, с пианистом и композитором А. Дювернуа.

103

50, Rue de Douai
Paris

Суббота, 19/7-го Фев. 81.

Любезнейший Топоров,

Немедленно отвечаю на только что полученное Ваше письмо. Чрезвычайно благодарен за высланные Вами №-а журналов. — Кончина и особенно похороны Достоевского[1] — такие знаменательные факты, что их не льзя довольно изучать. Не оставляйте и впредь подобной присылкой. —

lib.pushkinskijdom.ru

Из 75 р. переданных Вам Щепкиным — употребите нужные деньги на подписку на «Отечественные Записки» — которые прошу выслать сюда на моё имя. — Остальные деньги — пока сохраняйте.

Я могу теперь сказать Вам наверное когда я отсюда выеду — а именно — около 12/24-го Апр. — На днях последняя дочь Г-жи Виардо́ Марианна обручилась с Г-м А. Дювернуа́,[2] — пианистом-композитором и прекраснейшим малым — свадьба состоится через 6 недель — а я на другой же день уеду — и прямо в Петербург.

Я очень рад, что Вам сделана хоть маленькая прибавка к жалованию. От Полонского[3] я точно ответа не получил. И от М. Г. Савиной тоже.

Кланяюсь Вашей жене и друзьям и крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев

[1] Достоевский Федор Михайлович (1821—1881). Некрологи и описание похорон Достоевского были помещены во всех газетах, в частности, об этом писали «Голос» (1881, №№ 29, 32 и 33) и «Молва» (1881, №№ 29—33).

[2] Дювернуа Альфред. Тургенев хлопотал о доставлении А. Дювернуа своего сценария пятиактной оперы «Мировичъ», о чем писал Л. Пичу 23 января 1881 года: «Один мой приятель, молодой французский композитор, ищет текста для оперы, и, может быть, этот „Мировичъ“ покажется ему подходящим» (И. С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 11, изд. «Правда», М., 1949, стр. 358).

[3] Л. А. Полонский. См. примечания 1 к письму 96 и 2 к письму 97

104

Париж.

Середа, 2-го Марта / 18-го Февр. 1881.

Любезнейший Топоров,

С получением сего, сходите к Стасюлевичу — и получите от него *сто* р. сер. (он предупрежден) — из коих употребите *50* на подписку от моего имени на голодающих Самарцев — а *25* на памятник Достоевскому.[1] Остальные же *25* р. приложите к имеющимся у Вас деньгам.

Сегодня получил 1-й № «Отеч‹ественных› Запис‹ок›» за что́ благодарю. — Также прошу Вас купить для меня и выслать сюда — «Братьев Карамазовых».

Сегодня я в первый раз выезжаю — хотя ноги ещё плохи. —

lib.pushkinskijdom.ru

Свадьба Марианны Виардо — назначена 12-го Апр./31-го Марта. — Тотчас потом я выезжаю.

Через Полонского[2] я узнал, что Ваша жена выздоровела. — Поклонитесь ей от меня; жму Вашу руку.

Ив. Тургенев

P. S. Будьте так добры, осведомитесь в Магазине А. Иогансена, что́ — вышли ли романсы Г-и Виардо? — И если вышли, то пусть пришлют сюда 10 экз.

‹*На конверте*›

Russie
St. Pétersbourg
Monsieur A. Toporoff.

в С. Петербург.
Сергиевская ул., № 2 —

Его Высокоблагородию
Александру Васильевичу Топорову.

[1] Несколько раньше, 6 февраля 1881 года, Тургенев писал А. Н. Пыпину: «...я просил его ‹М. М. Стасюлевича› выдать 50 р. на подписку в пользу голодающих Самарцев, а теперь прибавлю еще просьбу: вписать меня на 50 р. на памятник Достоевскому» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 374—375).

[2] Я. П. Полонский.

105

Париж.
50, Rue de Douai.
Понедельник, 21/9-го Марта 81.

Любезный Топоров,

Очень благодарен Вам за присылку №-в русских газет, а также и за «Карамазовых», к чтению которых я однако еще не приступил. —

Могу теперь с точностью определить время моего прибытия в Петербург (конечно если не заболею и т. п.). — Свадьба Марианны назначена ровно через две недели т. е. 5-го Апр.[a] / 23-гоМарта. — Три дня спустя — т. е. 26-го Марта с. г. я выезжаю — и к 30-му буду в Петербурге.[1] (Впрочем я Вам пошлю телеграмму из Вержболова.).[2] — Так как я в Петер-

[a] *Должно быть* 4 апреля/23 марта

lib.pushkinskijdom.ru

бурге пробуду не более 3-х недель, то, я полагаю, лучше всего было бы взять опять № в тех меблированных комнатах где я жил в прошлом году. Можете предуведомить хозяина немца.[3] —

Здоровье мое почти совсем поправилось: однако я всё еще хромаю на левую ногу.

И так до скорого свиданья; будьте здоровы — жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

‹На конверте›

Russie.
St. Petersbourg.
Monsieur A. Toporoff.

В С. Петербург.
Сергиевская ул. д. № 2.

Его Высокоблагородию
Александру Васильевичу
Топорову.

[1] Тургенев приехал в Петербург 29 апреля/11 мая 1881 года (см.: «С.-Петербургские ведомости», 1881, № 90, 2 мая).
[2] Вержболово — пограничная станция.
[3] Имеется в виду Квернер, у которого Тургенев останавливался в 1880 году.

106

Москва.
Пречистенский бульвар
Удельная Контора

Вторник, 26-го Мая 81.

Любезный Александр Васильевич,

Вчера приехал сюда благополучно, жду Полонских[1] после завтра (Савина телеграфировала, что приезжает завтра)[2] а в Пятницу отправляюсь с ними в Спасское.[3] — Здесь всё тихо, всё по-старому. — Маслов[4] поперёк себя толще — да и все знакомые потолстели. Я забыл в спальне на зеркале у Квернера золотую булавку с старинной монетой. — Если она нашлась — передайте её поэту Якову Петровичу[5] — он её привезёт. —

Не забудьте подписаться на «Новое Время» с 1-го Июня. С удовольствием увидел, что «Порядку»[6] пока нет предо-

lib.pushkinskijdom.ru

стережений. — Попросите от меня Стасюлевича, чтобы он мне его высылал в Спасское, пока Вяземский[7] грехам терпит.* Из Спасского напишу.

Жму Вам дружески руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

* И письма, какие на моё имя придут — чтобы он тоже посылал в Спасское, Орловской губ. Мценск.
P. S. Ломовской[8] еще не видал — и так как её адресса не имею, то вероятно и не увижу.

[1] Я. П. Полонский и его жена Жозефина Антоновна (ум. в 1920 г.) с детьми.

[2] М. Г. Савина приехала в Москву позже (гастроли ее в саду Эрмитаж в театре Лентовского начались 4 июня 1881 года). Тургенев, не дождавшись Савиной, уехал с Полонскими в Спасское 31 мая. См. об этом в письме Тургенева к Д. В. Григоровичу от 21 июня 1881 года и в примечании к нему (Литературный архив, вып. 3, 1951, стр. 237—238).

[3] Тургенев приехал в Спасское-Лутовиново 31 мая/12 июня 1881 года (см.: М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 194).

[4] Маслов Иван Ильич (1817—1891) — управляющий московской удельной конторой с 1860 года, старинный приятель Тургенева, у которого писатель обычно останавливался, когда бывал в Москве. По словам Н. Я. Стечькина, «Тургенев любил и уважал Маслова и ценил его житейскую опытность и его мнения» (Н. Я. Стечькин. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе, СПб., 1903, стр. 17). Об И. И. Маслове см. также в статье Н. Гутьяра «И. С. Тургенев и его нелитературные друзья» («Русская старина», 1909, № 3, стр. 655—657).

[5] Я. П. Полонский.

[6] «Порядок» (1881—1882) — ежедневная политическая и литературная газета, издавалась в Петербурге М. М. Стасюлевичем. 13/1 октября 1880 года Тургенев писал П. В. Анненкову: «Вам, конечно, известно, что Стасюлевичу разрешено водружение знамени, около которого долженствует сгруппироваться слабосильная и малочисленная „конституционная“ партия: разрешено появление „крамольного“ журнала под названием „*Порядок*“» («Красный архив», 1929, т. 1/32/, стр. 193). Издание «Порядка» прекратилось в 1882 году на № 8.

[7] Вяземский Павел Петрович (1820—1888) — сын П. А. Вяземского. С 5 апреля 1881 по 1 января 1883 года был начальником Главного управления по делам печати.

[8] Л. Ф. Ломовская. О ней см. примечание 1 к письму 86.

107

С. Спасское-Лутовиново.
Орловской губ. г. Мценск.
Вторник, 2-го Июня 81.

Любезный Александр Васильевич,

Я приехал сюда третьего дня с семейством Полонских — и мы разместились в переделанном доме удобно; одна беда,

lib.pushkinskijdom.ru

что погода стоит до сих пор отвратительная; — а вторая беда, что к подагре в ноге присоединилась тут у меня lumbago, т. е. боль в пояснице — (помните, как в Петербурге — только, пока, без судорог) — и я еле двигаюсь. — Авось, наконец, тепло́ настанет — и все эти мизерии * прекратятся. —

Теперь у меня до Вас две просьбы.

Во 1-х) Из прилагаемых 50 рублей, Вы, пожалуйста, передайте 25 — той Г-же Одынец,[1] к которой я пишу письмо, находящееся в куверте; остальные деньги храните для дальнейших поручений.

Во 2-х) Когда я купил у Иогансена пианино — он хотел немедленно отправить его в Мценск — а мне выслать страховым письмом накладную, по которой я бы в своё время получил пианино; но никакого письма я здесь не нашел — и потому не по чем будет мне заявить своё право на пианино. — Осведомьтесь, пожалуйста, что сей сон значит? — Подробный свой адресс я вручил Иогансену.

За сим желаю Вам всего хорошего и дружески жму руку.

Ив. Тургенев.

P. S. Надеюсь, что Вы подписались на «Новое Время». — «Порядка» мне не высылайте; должно-быть он приостановлен.[2]

[1] Может быть, Одынец-Добровольская Стефанида Фоминична (ум. в 1901 г.).

[2] Запрещение на издание «Порядка» не последовало, и М. М. Стасюлевичу 14 июня 1881 года из Москвы Тургенев с удовлетворением писал: «Радуюсь, что гроза пронеслась над „Порядком“ мимо, надеюсь найти его (и В. Е.) в Спасском...» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 195).

108

С. Спасское.
(Мценск.)
22-го Июля 1881.

Любезнейший Топоров,

Имеем сообщить Вам, что мы все благодушествуем, живы и здоровы а делать — ничего не делаем. Савина гостила у нас

* Несчастья (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

дней пять:[1] очень была мила и любезна; теперь уехала в Пермь, к своему Никите Никитычу.[2] Я остаюсь здесь ещё до 15-го Августа. Имеем к Вам две просьбы: пришлите Полонскому[3] немедля *рецепт* его пилюль — так как он теперь уже на исходе; а мне пришлите эту брошюру о Современном Состоянии России, о которой столько толков. — Известно ли, кто её автор?[4]

Кланяюсь Вашей жене и крепко жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] М. Г. Савина гостила в Спасском-Лутовинове пять дней: с 14/26 по 18/30 июля 1881 года (см. об этом: Тургенев и Савина, Пгр., 1918, стр. 26—28; Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя. «Нива», 1884, № 5; М. А. Щепкин. Воспоминания об И. С. Тургеневе и селе Спасском. «Исторический вестник», 1898, № 9, стр. 913—914, 920). Через четыре дня после ее отъезда Тургенев писал Савиной: «Ваше пребывание в Спасском оставило неизгладимые следы.. В эти пять дней я еще короче узнал Вас — со всеми Вашими хорошими и слабыми сторонами — и именно поэтому еще крепче привязался. — Вы имеете во мне друга, которому можете довериться. Комната, в которой Вы жили, так навсегда и останется *Савинской*» (Тургенев и Савина, Пгр., 1918, стр. 26).

[2] Н. Н. Всеволожский — впоследствии муж М. Г. Савиной, был владельцем имения «Сивы» в Оханском уезде Пермской губернии.

[3] Я. П. Полонский.

[4] Тургенев имеет в виду «Письма о современном состоянии России» (11 апреля 1879—6 апреля 1880), которые в 1881 году вышли анонимно двумя изданиями: в Лейпциге (на русском и на немецком языках) и в Петербурге. В «Письмах» были освещены, с реакционных позиций, особенности общественной и административной деятельности в России конца 70-х—начала 80-х годов XIX века. Автором «Писем о современном состоянии России» был Ростислав Андреевич Фадеев (1824—1883) — генерал-майор, военный писатель и публицист реакционного направления, сотрудничавший в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Русском мире» (см.: П. Усов. Воспоминания о Р. А. Фадееве. «Исторический вестник», 1884, № 2, стр. 371—379).

109

С. Спасское-Лутовиново.
(Мценск.)

10-го Августа 81.

Любезный Топоров,

Благодарю Вас за аккуратное исполнение моего поручения. — Брошюра и пилюли получены в исправности.

lib.pushkinskijdom.ru

Яков Петрович[1] сегодня утром уехал в Петербург и вероятно скоро Вас увидит и сообщит Вам сведения о нашем житье бытье.

Я тоже через неделю уезжаю[2] — и в Москве не остановлюсь. —Я Вам дам знать по телеграфу день моего приезда в Петербург и попрошу Вас удержать мне у Квернера комнату *два* дня. Больше я не останусь.

До скорого свидания; жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев

[1] Я. П. Полонский. О том, что он уехал из Спасского 10 августа 1881 года, Тургенев сообщает также в письме к М. А. Языкову (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 382).

[2] Тургенев выехал из Спасского только 21 августа/2 сентября 1881 года (см.: письмо к А. А. Брянчаниновy от 20 августа 1881 года — Сборник Российской Публичной библиотеки, т. I, вып. 1, ГИЗ, П., 1920, стр. 204).

110

Буживаль.
Bougival
(près Paris.)
Villa Les Frènes

Воскресение, 18/6-го Сент. 81.

Любезнейший Топоров,

Вот уже 6-й день, как я приехал сюда[1] — а написал только сегодня Полонским. — Пишу к Вам, чтобы уведомить Вас, что я прибыл сюда благополучно, сам здоров и нашел всех здоровыми. Сделайте одолжение узнайте в редакции «Порядка» — отчего мне сюда не присылают этот журнал; вероятно, он по прежнему высылается ко мне в Спасское; в таком случае распорядитесь, чтобы его опять сюда ко мне поворотили. — Подпишитесь с 1-го Окт. для меня сюда на «Русские Ведомости».

Полонские[2] вероятно уже все перебрались в Петербург; а Савина? — Если она тоже приехала, поклонитесь ей от моего имени. Да что она — всё ещё Савина — или уже Всеволожская?[3] —

Дружески жму Вам руку.

Ваш
Ив. Тургенев

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Тургенев приехал в Буживаль 1/13 сентября, о чем сообщал Я. П. Полонскому 6 сентября 1881 года (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 383).

[2] Имеются в виду Ж. А. Полонская с детьми, всё лето 1881 года прожившие у Тургенева в Спасском-Лутовинове.

[3] М. Г. Савина вышла замуж за Н. Н. Всеволожского в 1882 году. «Нет сомнения в том, что Вас побуждает к этому поступку (к выходу замуж, — *Л. Н.*) — своего рода point d'honneur; * — положение Ваше станет более правильным — или нормальным — но в тоже время более зависимым; и, в конце концов, Вы соедините Вашу судьбу с судьбою человека, с которым у Вас, сколько я могу судить, — мало общего. Во всяком случае, надеюсь, что Вы безусловно выгородите себе свободу сценической деятельности», писал Тургенев Савиной 28 сентября/10 октября 1881 года (Тургенев и Савина, П., 1918, стр. 32).

111

Буживаль
Bougival
Villa Les Frènes

Вторник, 3-го окт.[a] / 20 сент. 81.

Любезнейший Топоров,

Вопервых, благодарю Вас за высылку «Русских Ведомостей», «Нашего Времени» и «Порядка»; (ожидаю Петербургскую газету;) — а вовторых, прошу Вас исполнить следующие поручения.

1.) Сходите к Иогансену — и скажите ему, что я говорил Г-же Виардо́ о его намерении приобрести в собственность (для России) — её Музыкальной Школы, «*Une Heure d'étude*». ** — В Германии ей за 1-ую часть заплатили 3000 фр.; — в России она удовольствовалась бы 550-и рублями — (около 1350 фр.). — Разумеется — текст должен быть на Русском языке. — Какой его будет ответ. — Потом узнайте от него, когда он вышлет корректуры оставленных мною у него двух романсов? —

2.) Пришлите мне точный адрес М. Г. Савиной.

3.) Справьтесь, не остался ли где нибудь у Квернера или у Вас новый теплый (синий) пальто́, который я повёз в Рос-

[a] *Должно быть* 4 октября/22 сентября, *так как вторник падает на это число, т. е. на 4 октября (н. ст.).*

* Достоинство *(франц.)*. ** «Час занятия» *(франц.)*.

lib.pushkinskijdom.ru

сию и который нигде не находится? — Быть может, я его оставил в Москве; напишу также туда.

Здоровье моё хорошо — а за работу не принимаюсь. — Впрочем всё благополучно.

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев

112

Буживаль.
Bougival.
Villa Les Frènes.

Воскресение, 9-го Окт. / 27 Сент. 81.

Любезный Топоров,

Я получил Ваши два письма — и спешу Вас уведомить, что я сегодня же отправил письмо к г. Блиоху [1] по данному Вами адрессу — в котором всячески стараюсь Вас зарекомендовать — и прошу его принять Вас и переговорить с Вами. — Авось это не останется без хороших последствий.

За сим жму Вам руку и остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

[1] Блиох Иван Станиславович (1836—1901) — экономист и железнодорожный деятель, автор книги «Финансы России XIX столетия», 4 тома, СПб., 1882.

113

Буживаль
Villa Les Frènes
31/19-го окт. 81.

Любезный Топоров,

Получил я Ваше письмецо; подождите меня благодарить, пока письмо мое к Блиоху окажется не бесполезным.

Спасибо за аккуратную пересылку журналов.

lib.pushkinskijdom.ru

Пожалуйста, с получением сего пришлите мне:
1.) Сочинения поэта Сурикова.[1] (Он недавно умер в Москве.)
2.) Фортепианную партитуру оперы А. Рубинштейна — «Купец Калашников»,[2] если она существует.
Я написал Щепкину, чтобы он выслал Вам еще 100 руб. — для исполнения поручений.

Что́ делают Полонские? Я давно не получил от них писем. — С Савиной мы в переписке. — Да узнайте, пожалуйста, вернулась ли Александра Николаевна Мухортова [3] — (Почтамтская, 6.) —

Кланяюсь Вашей жене, Самарским и дружески жму Вам руку

Ив. Тургенев.

[1] Суриков Иван Захарович (1841—1880). В 1871 году издал собрание своих стихотворений, в 1875 году вышло второе и в 1877 году третье издание.

[2] Опера А. Г. Рубинштейна «Купец Калашников» (на сюжет поэмы М. Ю. Лермонтова) была впервые поставлена на сцене Мариинского театра 22 февраля 1880 года. Тургенев был на этом представлении, как свидетельствует об этом Д. Н. Садовников, и остался недоволен: «Ну, я вам должен одно сказать: блаженны те, которые не слыхали „Купца Калашникова“. ... Видно, что человек знает только музыкальную грамматику, а вдохновения никакого» (Д. Н. Садовников. Встречи с И. С. Тургеневым. «Русское прошлое», сб. 3, П.—М., 1923, стр. 104).

[3] См. примечание 1 к письму 73.

114

50, Rue de Douai
Paris

4-го Дек. / 22-го Нояб. 1881

Любезнейший Топоров,

я получил Ваше письмо от 13/25-го Нояб. Моя «Песнь» [1] — действительно получила совершенно неожиданный для меня успех — и в России и здесь. — Что Валерия [2] велит бросить ожерелье в «самый наш глубокий колодезь» — вовсе не опечатка, а женская черта; — она бы хотела бросить эту вещь на дно моря — а если возможно, ещё глубже. —

От Щепкина [3] Вы вероятно уже получили 75 р. — и получите вскоре ещё столько же — для подписки на Журналы и другие коммиссии. — А теперь — еслибы Иогансен у Вас по-

lib.pushkinskijdom.ru

просил дайте ему — а коли не хватит, обратитесь от моего имени к *Стасюлевичу*, показав ему это письмо. — Я на днях высылаю ему очерк[4] в роде «Старых Портретов» —

И. А. Всеволожского[5] я в глаза никогда не видал. — Что касается до моей *комедии* — то это также правдоподобно, как еслибы про меня сказали, что я сочиняю балет, в котором сам танцую.

Спасибо за прочие сообщенные известия. Здоровье моё до сих пор продолжает быть удовлетворительным.

Кланяюсь всем друзьям и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] Повесть «Песнь торжествующей любви» впервые напечатана в № 11 «Вестника Европы» за 1881 год.

[2] Валерия — героиня повести «Песнь торжествующей любви».

[3] Н. А. Щепкин. См. примечание 2 к письму 64.

[4] Имеется в виду рассказ «Отчаянный», который появился в № 1 «Вестника Европы» за 1882 год. О нем Тургенев 14/2 декабря 1881 года писал М. М. Стасюлевичу: «Анненков остался очень доволен „Отчаянным“» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 198). С. Г. ‹Гуревич› в «Воспоминаниях о И. С. Тургеневе» приводит его слова о том, что «тип „Отчаянного“ взят почти целиком с натуры». Это — племянник писателя, который «в своей жизни проделал почти всё, что я описал», — говорил Тургенев. По его мнению, этот тип «человека дворянской среды, внутренно неудовлетворенного... — и есть начало всех дальнейших наших бед...» («Заря», 1883, № 207, 25 сентября).

[5] Всеволожский Иван Александрович (1835—1909) — двоюродный брат Н. Н. Всеволожского, с 1881 по 1899 год был директором казенных петербургских и московских театров. От него зависело окончательное утверждение репертуара, выбор пьес, приглашение артистов и т. п.

115

50, Rue de Douai
Paris

Вторник, 27/15-го Дек. 81.

Любезный Топоров,

Раз за разом получил я от Вас три письма — да оно и понятно: дело очень важное. — Дай бог, чтобы оно удалось! — Прилагаю при сем письмо к Всеволожскому,[1] которое Вы, запечатавши и надписавши адресс — ему передадите. Что-то из этого выйдет!

Кланяюсь всем приятелям и жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

[1] И. А. Всеволожский. См. примечание 4 к письму 114.

lib.pushkinskijdom.ru

116

50, Rue de Douai
Paris

Середа, 4-го Янв. н. с. 82.

Любезный Топоров,

Опять в мои Русские Журналы попало франкированное письмо, которое спешу отослать Вам обратно. — Что за чудеса — и какая небрежность почты! —

Очень мне желательно знать, чем разрешилось Ваше дело с Всеволожским...[1] Сообщите, пожалуйста, немедленно результат. —

Если «Голос» опять станет выходить с 1-го Янв. — то подпишитесь на моё имя — сюда. — Также на Отечественные Записки. —

Заранее поздравляю Вас с Новым годом и дружески жму руку.

Ив. Тургенев.

[1] И. А. Всеволожский. См. примечание 1 к письму 117.

117

50, Rue de Douai
Paris

10-го Янв. 82
29-го Дек. 81

Любезный Топоров,

Спасибо за поздравление с Новым Годом — и поздравляю Вас также и Вашу жену. — Авось он окажется для Вас более благоприятным.

Я сегодня получил от Всеволожского письмо, в котором он изъявляет свою готовность сделать что нибудь для Вас. — Посмотрим, удастся ли ему это. — Также обещает выплатить следуемые за представления пьэс деньги.[1] —

Высылать журналы прошу по прежнему: я очень был этим доволен. Петербургскую Газету можно однако прекратить; я её духа достаточно нанюхался — и уж он теперь на мое обоняние не действует.

lib.pushkinskijdom.ru

Щепкину я напишу чтобы он Вам ещё 75 р. выслал. — Как я уже написал Вам — я желаю получать «Голос, Отечественные Записки — и еще Русскую Старину».

Очень огорчен я известием о возобновившейся болезни Бори.[2] — Авось это не будет иметь дурных последствий.

Жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] Свое обещание И. А. Всеволожский выполнил. М. Г. Савина вспоминает: «Иван Сергеевич подарил супруге А. В. Топорова право на авторский гонорар за свои драматические произведения (за их постановку на сцене, — *Л. Н*). Топоров, дорожа расположением Ивана Сергеевича, не мог отказаться, но и не хотел воспользоваться этими деньгами. Детей у них не было, и он решил взять ребенка на воспитание. Нашли девочку и выростили её на деньги, получаемые за драматические произведения Ивана Сергеевича. „Месяц в деревне“ не сходил с репертуара, и я каждый год, возвращаясь из отпуска, начинала сезон моей любимой ролью. По поводу этого названные родители, шутя говорили: „Верочка помогает Любочке“, — это было имя девочки, за которой упрочилось название „Тургеневской Любы“» (Тургенев и Савина, Пгр., 1918, стр. 67). Подтверждением служит также письмо самого Тургенева к А. В. Топорову от 19 декабря 1882 года: «Во-первых, вполне одобряю употребление, сделанное вами поспектакельными деньгами, которыми вы, впрочем, могли распорядиться по благоусмотрению, так как они — ваша собственность; с своей стороны я радуюсь, что хотя косвенно мог способствовать тому, что вы сделались полным семьянином» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 533).

[2] Речь идет о маленьком сыне Я. П. Полонского. О его болезни Тургенев неоднократно упоминает в своих письмах к поэту.

118

Париж.
50, Rue de Douai
4-го Февр. / 23-го Янв. 82.

Любезный Топоров,

Я все собирался ответить Вам на Ваши два письма — и вот нынешняя записочка мне влагает перо в руки... Не могу не соболезновать о нашей неудаче, хотя, к несчастью, это — постоянный результат моих ходатайств. — Вероятно, г. Кинареев[1] заручился более сильной рекомендацией. — Нечего делать! —

Спасибо за Журналы, которые я получаю аккуратно.

М. Г. Савина мне тоже написала.

lib.pushkinskijdom.ru

Что же касается до отдельного отпечатания «Песни Т‹оржествующей› Л‹юбви› — то я признаюсь, не предвижу от этого никакой для Вас выгоды — и самая мысль напечатать эту брошюру вместе с статьею Полонского[2] о ней — мне кажется непрактичной.

Ничего еще здесь не решено — и раньше конца Марта я во всяком случае не выеду.

Будьте так добры, сходите к Иогансену и спросите его, отчего он до сих пор не высылает 6 экз. романсов Г-жи Виардо, которые вероятно уже окончены печатанием.

Кланяюсь Вашей жене и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] Кинареев — очевидно, претендент на ту же должность, что и А. В. Топоров.

[2] Л. А. Полонский. В газете «Страна» (1881, № 152, 24 декабря) была помещена его статья «Торжествующая любовь» с посвящением Тургеневу. Статья состояла из двух частей: вопроса и ответа. Л. А. Полонский писал здесь о том, что «клятвенная, повседневная, самая серьезная любовь может быть смущена, перевернута любовью „торжествующею", „любовною", находящею себе объяснение в равном чувстве, хотя, пожалуй, и незаслуженною, недостойною, даже несознательною — вот что хотел сказать Тургенев». Сообщая Л. А. Полонскому 29 декабря 1881 года/ 10 января 1882 года о том, что он прочитал его «переписку» по поводу «Песни торжествующей любви», Тургенев подчеркивал: «Нечего говорить, что из всех критиков, разбиравших эту небольшую вещь — Вы одни „попали в точку" — и сказали настоящее слово. — Но скажите, Ваша корреспондентка — настоящее или вымышленное лицо? Если вымышленное, поздравляю Вас с таким вымыслом; если настоящее — поздравляю с такой корреспонденткой» («Ежемесячные сочинения», 1902, № 1, стр. 105). Очевидно, именно эту статью Л. А. Полонского имел в виду Топоров, предлагая Тургеневу издать её вместе с «Песнью торжествующей любви».

119 [1]

50, Rue de Douai
Paris

Любезный

Александр Васильевич,

С нынешнею почтою посылается Вам VI т‹о›м моих сочинений. Как Вам известно, стр. 256 до 273 в нем недостает. На их месте Вы найдете список замеченных мною главных опечаток. Я получил Ваше письмо, в котором Вы уведомляете меня о получении X-го тома. Третий том вторично надеюсь

lib.pushkinskijdom.ru

выслать Вам скоро. На счет моего здоровья не имею ничего нового сказать.

Жму крепко Вашу руку

преданный Ив. Тургенев

8/III/82.

[1] Письмо написано рукой неизвестного. Подпись — автограф Тургенева.

120

Париж. — 50, Rue de Douai. —

Понедельник, $\frac{\text{10-го Апр.}^{a}}{\text{28-го Марта}}$ 82.

Любезнейший Топоров,

Спасибо за поздравление с праздником; и я Вас поздравляю. — Причина моего молчания: хлопоты, хандра, лень... особенно хандра. Здоров я как бык — и все мои здоровы. Выезжаю я отсюда в начале *здешнего* Мая. К Николину дню *нашего* Мая надеюсь быть уже в деревне.[1] — Можете ещё выслать «От‹ечественные› Записки». М. Г. Савина находится здесь в настоящее время и лечится у *Шарко*.[2] Болезнь ее серьёзная — но опасности не представляет. — Ее адресс: Париж, Rue de la Bienfaisance, 30 — Madame Slavitch — Savina.

Поклонитесь от меня всем приятелям; дружески жму Вам руку.

Ваш

Ив. Тургенев.

P. S. Накануне выезда извещу Вас.

[1] Из-за болезни Тургенев, как известно, ни в 1882 году, ни позже в Россию съездить не смог.

[2] Шарко Жан Мартен (1825—1893) — знаменитый парижский врач-невропатолог.

121

Париж

50, R‹ue› de Douai

$\frac{\text{2-го Мая}}{\text{20-го Апр.}}$ 82.

Любезный Топоров,

Благодарю за Ваше предложение — но болезнь моя не принадлежит к числу тех, которые можно скоро вылечить. По

[a] *Должно быть* 10 апреля/29 марта

lib.pushkinskijdom.ru

словам Шарко́ и других — я раньше месяца не в состоянии встать на ноги — и до осени никуда двинуться не могу. Надо вооружиться терпением и принять все меры чтобы какая беда не застала бы в расплох. — Продолжайте посылать мне Журналы. Я напишу Щепкину чтобы он ещё выслал Вам 75 р. — так как у Вас вероятно ничего не осталось. Кланяюсь всем приятелям, жму Вам дружески руку — и уже говорить: до свидания! не могу.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

122

(Seine et Oise.)
Буживаль.
Les Frènes.

Вторник, 28/16-го Июня 82.

Любезнейший Топоров,

Вот Вам засвидетельственная *доверенность*;[1] — контракт отправляю завтра. Здоровье всё в одном и том же положении. — Жду образца завещания. — На всякий случай пишу моему управляющему, чтобы он послал 100 р. —

Жму Вам дружески руку и остаюсь

Преданный Вам

Ив. Тургенев

[1] Речь идет о доверенности на ведение переговоров об издании собрания сочинений и о контракте с Салаевым. В связи с этим Тургенев в письме к А. В. Топорову от 25/13 июня 1882 года сообщал: «Вчера я получил ваше письмо с *доверенностью*. Так как сегодня воскресенье, то консульство закрыто; но завтра же доверенность будет засвидетельствована и отправлена к вам... Контракт с Салаевым остался у меня в Париже; постараюсь его достать и тоже пришлю вам» («Русская старина», 1883, № 10, стр. 241).

123

(Seine et Oise.)
Bougival.
Les Frènes.

Вторник, 25/13-го Июля 82.

Любезный Топоров,

Прилагаю Вам при сём письмо ко мне Думнова.[1] — В то же время я ему пишу, что Вы имеете мои последние инструк-

lib.pushkinskijdom.ru

ции. — Из моей телеграммы Вы уже могли видеть что я соглашался на 6000 экз. и 25 000 р. — Он предлагает 24 000 р. — опираясь на прежний контракт — по которому за экземпляр приходилось по 4 р. Прежнее издание я несомненно продешевил — и я думаю, что с прибавлением новых статей,[2] цена 25 000 не высока. Однако уполномочиваю Вас, в случае нужды, сделать окончательную уступку — если не целых тысячи — но хоть 500 рублей — и получить с Д‹умнова› 24 500 р. — Во всяком случае, прошу, чтобы это дело не замедлилось — при чём вполне на Вас полагаюсь.

Я уже написал Щепкину, чтобы он Вам немедленно выслал 100 р. сер. — Не понимаю, почему он этого не сделал до сих пор.

В моем состоянии никакой перемены — ни к худшему, ни к лучшему.

Жму Вам дружески руку

Ив. Тургенев.

[1] В. В. Думнов — книгоиздатель, преемник Ф. И. Салаева.

[2] 13/1 июня 1882 года Тургенев писал Топорову: «В состав нового издания войдет, конечно, всё уже напечатанное — и сверх того всё, что я напишу в нынешнем году (если напишу), и статья: «Семейство Аксакова и славянофилы», которая давно уже готова, но по разным причинам откладывалась. В ней будет два листа слишком — и она войдет в состав „Литературных и житейских воспоминаний“» («Русская старина», 1883, № 10, стр. 241; проверено нами по автографу).

124

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes

Воскресенье, 30/18-го июля 82.

Любезнейший Топоров,

На Ваше письмо о Думнове, Анском,[1] Лихачове[2] и Глазунове[3] — могу ответить только то, что отвечал прежде: Действуйте по Вашему благоусмотрению — а я заранее всё подтверждаю. — Что Думнов в Москве, тому служит подтверждением его письмо ко мне, которое я Вам послал. — Краеугольными камнями моих условий я считаю:

а.) Печатание и корректуру у Стасюлевича,

б.) Высылку 5000 р. при совершении условия. —

lib.pushkinskijdom.ru

Остальное всё в Ваших руках — (также как и высланный контракт.)

От Стасюлевича я получил письмо: он через неделю здесь будет.

Известите, пожалуйста, получили ли Вы сто рублей от Н. А. Щепкина?

Дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] Анский Фёдор Иванович — издатель книг для детского чтения и семитомного собрания сочинений Пушкина. В 1879 году он был комиссионером Ф. И. Салаева. Под руководством Анского печатались сочинения Тургенева, вышедшие в отдельном издании с множеством опечаток.

[2] Очевидно, В. И. Лихачев. См. примечание 1 к письму 44.

[3] Глазунов Иван Ильич (1826—1890) — известный издатель сочинений русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова.

125

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes

Воскресение, 1/13-го Авг. 82.

Любезнейший Топоров,

Вчера у меня был Стасюлевич; мы долго с ним толковали — и результатом этих толков вышло окончательное решение содержания нашего контракта, которое я Вам при сем посылаю. —

Сверх того я посылаю Вам: 1.) Письмо ко мне Думнова. 2.) Два обращика типов, им присланных.

Теперь Вам остается привести всё это в надлежащую форму. — Если Вы полагаете нотариальный акт нужным — прекрасно. — Я напишу Г-ну Думнову что отправил к Вам его письмо и окончательную форму условия.

М. Г. Савина сама письмом известила меня о своем браке.

Здоровье мое исправляется.. но очень медленно. — Я ещё месяца два просижу здесь.

За сим желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев

lib.pushkinskijdom.ru

P. S. Письмо было уже написано, когда пришло Ваше от 28-го Июля. — Как видите, Стасюлевич не настаивает ни на своей типографии ни на бумаге и шрифте (не находя их однако очень хорошими). — Вы видите также что 3-й пункт изменен. Впрочем, соображаясь с тем, что Вы мне пишете об Анском, Думнове и пр. — Вы имеете возможность, если Г-да Московские издатели *не согласятся тотчас и вполне на все пункты контрактов* — всё прекратить и обратиться к Глазунову. По крайней мере с ним можно быть уверенным, что он не припечатает лишних экземпляров.

PSS. Прибавляю также, для Вашего сведения, *копию* с моего письма к Г. *Думнову.*

126

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes

Воскресенье, 20/8-го Авг. 82.

Любезный Топоров, отвечаю на Ваше письмо от 2-го авг. — Вы уже знаете, что я изъявил Вам полное согласие и удовольствие на счёт заключения контракта с И. И. Глазуновым; [1] и потому можете действовать как заблагорассудите. — Боюсь я каверзы со стороны Думнова; но Вы уверяете, что они бессильны и что против них можно принять меры — и я вполне Вам доверяю. —

На счёт бумаги и шрифта подобного стереотипному не имею возражения; разве вот что: Не помешает ли тождественность шрифта полного издания и стереотипного издания З‹аписок› О‹хотника› продаже именно стереотипных З‹аписок› О‹хотника› — о *четвертом* издании которых уже публикует «*Вестник Европы*»? Впрочем я Ваше предыдущее письмо послал немедленно к Стасюлевичу в *Динар* (на берегу моря) — и с минуты на минуту жду ответа, который Вам будет тотчас сообщён.

Жму Вам дружески руку

Ив. Тургенев

[1] «Нечего и говорить, что как издателя И. И. Глазунова в тысячу раз предпочитаю московским господам», — писал Тургенев А. В. Топорову 29/17 августа 1882 года («Русская старина», 1883, № 10, стр. 247).

lib.pushkinskijdom.ru

127

(Seine et Oise)
Bougival
Les Frènes

Понедельник, 28-го Авг. ‹н. ст.› 82.

Любезнейший Топоров,

Вчерашнее письмо возбудило во мне некоторое недоумение. Я полагал, что с Думновым уже всё покончено — а Вы с ним переписываетесь ещё о шрифте, о бумаге. Боюсь я, как бы он не сделал нам затруднений — и помешал нашему соглашению с Глазуновым. — Важнее всего узнать, если это возможно, сколько именно у него осталось экземпляров. — Впрочем, я надеюсь на Вас ‹как› на каменную стену. Признаюсь, мне было бы очень неприятно иметь дело с Думновым, особенно с тех пор, как предстоит возможность сойтись с Глазуновым. — В таком случае, мне кажется, лучше подождать и отложить издание до будущего года. Ведь ещё ничего не подписано? Но, повторяю, всё это зависит от Вас. —

Ожидаю Стасюлевича сюда через неделю. — Он к 1/13 Сентября должен уже быть в Петербурге.

Дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

128

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes

Четверг, $\frac{\text{1-го Сен.}^{a}}{\text{19-го Авг.}}$ 82.

Любезный Топоров,

Я получил Ваше письмо вместе со списком проданных экз. — который Вам передал Анский. — Замечание Глазунова справедливо: — если по счету Анского из 4050 экз. — продано — 3240 — то остается именно 810. — Откуда же взялись 425 экз. будто бы находившихся у Ильина в депо? — Резуль-

[a] *Должно быть* 31/19 августа.

lib.pushkinskijdom.ru

татом всего этого выходит что с Москвичами не следует иметь дело. — Печатание сочинений у Глазунова едва ли окончится раньше 5, 6 месяцев: к тому времени наверное больше 200 экз. у Думнова не останется. — В крайнем случае можно обязаться к тому времени скупить у Думнова (с уступкой 30%) остающиеся экземпляры. — Если же и на это встретиться затруднение — то, по моему, лучше отложить всю эту операцию до будущего года, чем опять отдаться в руки Московским издателям. Предоставляю, по прежнему, всё это Вашему усмотрению. — На уступку права Думнову издавать отдельные, дешёвые издания для народа было бы нелепо согласиться. И какой это контракт, весь написанный моею рукою и засвидетельствованный здешним консульством, который яко бы выронил Анский? — Новая выдумка!

Стасюлевича я ещё не видал, но наверное увижу на днях.

Здоровье моё всё также медленно поправляется. Начинаю однако надеяться, что зимой прибуду в Петербург.

Жму Вам крепко руку.

Ив. Тургенев

129

Bougival
(Seine et Osie)
Les Frènes

Вторник, 19/7-го Сент. 82.

Любезнейший Топоров,

Вчера уехал отсюда Стасюлевич — и так как он ни где не намерен останавливаться — то вместе с этим письмом прибудет в Питер. Ступайте к нему — во 1-х) для переговоров на счёт издания (я получил Ваше письмо с известием о благих намерениях Глазунова); — во 2-х) он вручит Вам *сто* рублей для ведения моих расходов — т. е. для замещения тех денег, которые Вы взяли из Ссудосберегательной кассы; — в 3-х) я поручил ему вручить Вам на память небольшой подарок, как слабое выражение моей благодарности за все Ваши хлопоты.[1] — От него Вы также узнаете, как я и что. — Сверх того я написал Щепкину, чтобы он выслал Вам ещё сто рублей. — Вы очень хорошо сделали, что половину расходов по

lib.pushkinskijdom.ru

контракту отнесли на мой счет; в засвидетельствованной копии с контракта я не нуждаюсь.

Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] «Из этих 300 р. употребить 200 на покупку часов для А. В. Топорова — а остальные 100 вручить ему лично, так как я ему должен», — просил Тургенев М. М. Стасюлевича 19/7 сентября 1882 года (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 209).

130

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes.

Пятница, 29/17-го Сент. 82.

Любезный Топоров,

На днях я писал Вам о полученной от Думнова телеграмме; а теперь пишу вот за чем: Пожалуйста пришлите мне сюда во 1-х) книгу Энгельгардта: «Из деревни»; [1] а во 2-х) Сочинения Пушкина Ефремовского издания.[2] — Вы, вероятно, уже получили теперь деньги от Н. А. Щепкина. Видели Вы уже Стасюлевича? — А Полонских? — а Савину?

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

[1] Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893) — писатель, публицист, общественный деятель. С 1860 года принимал близкое участие в революционном движении; был членом «Земли и воли» и подвергался репрессиям. В 1870 году во время студенческих волнений Энгельгардт был арестован вместе с целой группой студентов и заключен в Петропавловскую крепость. В начале 1871 года, после увольнения его от профессуры в Петербургском земледельческом институте (за «внушение воспитанникам... демократических идей», по словам документа следствия), распоряжением министра внутренних дел Энгельгардт был сослан в свое имение Батищево, Смоленской губернии, где и занимался сельским хозяйством (см.: Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Составлен А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой, т. II, вып. IV, М., 1932, стб. 2096—2098). Здесь он писал свои «письма» в «Отечественные записки», печатавшиеся ежегодно с 1872 по 1882 год и составившие книгу «Из деревни», вышедшую отдельным изданием в 1882 году. В письмах «Из деревни» рассказывается о его обще-

lib.pushkinskijdom.ru

ственно-реформаторской деятельности, об опытах по организации хозяйства, излагаются взгляды на развитие помещичьего и крестьянского хозяйства и содержится призыв к интеллигенции идти в деревню с тем, чтобы своим примером помочь подъему хозяйства и улучшению быта крестьян. В. И. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?» подчеркивает, говоря о письмах «Из деревни», что в них налицо «простая и прямая характеристика действительности, беспощадное вскрывание всех отрицательных качеств, „устоев" вообще и крестьянства в частности, — тех самых „устоев", фальшивая идеализация и подкрашивание которых является необходимой составной частью народничества» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 475). По мнению В. И. Ленина, «народничество Энгельгардта... находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной *действительности* деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью...» (там же, стр. 475). Характеристику рационального хозяйства Энгельгардта В. И. Ленин дает в книге «Развитие капитализма в России», снова подчеркивая, что «собственное хозяйство Энгельгардта лучше всяких рассуждений опровергает народнические теории Энгельгардта» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 183). Высокую оценку писем «Из деревни» Энгельгардта и в чисто художественном отношении и по содержанию дал М. Е. Салтыков-Щедрин, который 1 июня 1872 года писал автору: «Статьи ваши все до единой драгоценны. Я даже не ждал, чтобы Вы могли до такой степени овладеть формой, как это удалось вам...» (Н. Щедрин /М. Е. Салтыков/, Полное собрание сочинений, т. XVIII, Гослитиздат, 1937, стр. 250).

[2] А. С. Пушкин, Сочинения, 7 томов, М., 1882.

131

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes

4-го Окт.
22-го Сент. 1882.

Любезнейший Александр Васильевич,

Я Думнову не отвечал и в никакие с ним сношения не входил; но не мог же я не послать уплоченной ответной телеграммы, в которой обозначался голый факт, без того ему известный. — Пожалуйста, не думайте, что я тревожусь или беспокоюсь на счёт контракта и т. д. — За Вами, как за каменной стеной, я даже и не думаю о нём. — Да и вообще такого рода возвратные соображенья совершенно чужды моему характеру.

Стасюлевича я знаю очень хорошо; знаю его характер — и также знаю, в чём я могу, на него рассчитывать. Я поручил ему передать Вам нечто, в котором выразилась бы, хотя слабо,

lib.pushkinskijdom.ru

моя благодарность Вам; — и он это исполнит, в этом я твердо уверен. Письмо к Лихачеву напишу завтра же.

Карточку Павлу Сергеевичу Карнееву при сем прилагаю.

Я не помню, распорядился ли я на счёт уплаты 250 р. — которые сто́ит контракт. — Если нет, то будьте так добры, передайте от моего имени Стасюлевичу прилагаемую тоже записку, в которой я прошу его, в виду наших будущих счётов, выдать Вам эти 250 р. —

Кстати, известите меня также о том, сколько именно было выслано Вам денег моим управляющим. — Мне придётся Вам скоро ещё выслать на подписку на газеты.

О здоровье своем не пишу Вам, так как в нем никаких перемен к лучшему не произошло.

Дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

132

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes.

$\frac{\text{12-го Окт.}}{\text{30-го Сент.}}$ 82.

Любезнейший Топоров,

Я очень рад, что угодил Вам подарком и благодарен Стасюлевичу за исправное исполнение моего поручения.

Ожидаю теперь дальнейших известий на счёт печатания и пр. и пр.

Книгу Энгельгардта: «Из деревни» я получил.

Поклонитесь от меня Полонским; и познакомьтесь с В. Гаршиным,[1] если он приехал в Петербург. Вы его наверное увидите у Полонских.

Здоровье моё — на точке замерзания: ни вперёд, ни назад. — Здесь я ещё долго останусь: по ме́ньшей мере 6 недель.

Дружески жму Вам руку.

Ваш

Ив. Тургенев.

[1] Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888). В письме к нему от 15/3 сентября 1882 года Тургенев писал: «...изо всех наших молодых писателей вы тот, который возбуждает большие надежды. У вас есть все признаки настоящего, крупного таланта: художнический темперамент, тонкое и верное понимание характерных черт жизни — человеческой и об-

lib.pushkinskijdom.ru

щей, чувство правды и меры — простота и красивость формы — и как результат всего — оригинальность» (Памяти В. М. Гаршина. Художественно-литературный сборник, СПб., 1889, стр. 71—72). Об интересе Тургенева к Гаршину см.: С. Н. Кривенко. Из литературных воспоминаний. «Исторический вестник», 1890, № 2, стр. 274—276, а также письма Тургенева к матери писателя — Е. С. Гаршиной и к его брату Е. М. Гаршину (Литературный архив, вып. 3, 1951, стр. 229—237).

133

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes
21/9-го Окт. 82.

Любезный Топоров,

Вы найдете в этом письме другое — В. И. Лихачеву, адресса которого я не знаю. — Вы передадите ему это письмо. — Желаю, чтобы оно принесло Вам пользу.

Книгу Энгельгардта [1] я получил и уже всю прочёл — что́ не совсем легко. — Если издание Пушкина Думновым дешевле — пришлите его.

Деньги со Стасюлевича всё таки получите, хотя за контракт уплочено — и храните их на мои расходы. —

Конец Вашего письма для меня облечён таинственностью. — Какие это *формы*, которыми я мог бы оскорбиться?! — Не понимаю. Я знаю, что Вы искренне расположены ко мне — и уверен, что и Вы не сомневаетесь в подобных чувствах моих в отношении к Вам. —

Кланяюсь всем Вашим и дружески жму Вам руку

Ив. Тургенев.

[1] «Из деревни». См. примечание 1 к письму 130.

134

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frènes
27/15-го Окт. 82.

Любезнейший Топоров,

Я получил Ваше письмо — и опять нашел нечто таинственное! — О каком *погашении* я мог Вам писать? Перечтите моё

lib.pushkinskijdom.ru

письмо — Вы вероятно не разобрали этого слова, ибо я наверное знаю, что никогда никому не писал о *погашении*!

Я подтвердил Щепкину о высылке Вам *ста* рублей на разные поручения.

О Пушкинском издании я Вам писал.

О себе могу повторить только то́, что на днях писал д-ру Бертенсону: [1] Совершенно здоров — только ни *стоять*, ни *ходить*, ни *ездить* не могу. Вот тут и действуй.

Крепко жму Вам руку.

Ив. Тургенев

P. S. Получили Вы — и передали — письмо В. И. Лихачеву?

[1] Тургенев имеет в виду свое письмо к доктору Л. Б. Бертенсону от 13 октября 1882 года (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 501—502).

135

Париж.
50, Rue de Douai
Вторник, 26/14-го Дек. 82.

Любезный Топоров,

Отвечаю по пунктам на Ваши два письма:

1.) Сегодня же я написал и отправил Глазунову письмо, которым, я надеюсь, он остался доволен.

2.) Вместе с этим письмом отправляется VII (7-й) исправленный том. — VI-й последует на этой же неделе. — Я получил Вашу вырезку из письма — и продолжаю наводить справки о злополучном III томе.[1] Погодите[a] отправлять новый экз‹емпляр› этого тома. Может быть ещё отыщется.

3.) Спасибо за передачу денег технологам.[2] —

А теперь следуют просьбы: подпишитесь на будущий год на *Русскую Мысль*.[3] — Остальные Журналы остаются те же. — Да кстати, я получаю препротивнейшую *Неделю*. — Надеюсь, что я на неё не подписан — а выслана она мне даром Г-м Гай... гай... гайдебуровым. — Если это так, то нельзя ли как нибудь искусно отклонить эту любезность.

После моего выезда в общество Русских художников [4] мне

[a] *Далее зачеркнуто* его

lib.pushkinskijdom.ru

стало хуже — и я опять сижу как на привязи. — Но это важности не имеет.

Дружески Вам кланяюсь

Ив. Тургенев.

P. S. Навели Вы справку у Иогансена?

[1] В письме к А. В. Топорову от 30 ноября/12 декабря 1882 года Тургенев подчеркивал: «Огорошили вы меня известием, что 3-й том (Рудин и Дворянское Гнездо) пропал» («Русская старина», 1883, № 10, стр. 252).

[2] Повидимому, речь идет о передаче денежных сумм нуждающимся студентам Петербургского технологического института.

[3] «Русская мысль» (1880—1918) — ежемесячный научный, литературный и политический журнал либерально-народнического направления, выходивший под редакцией С. А. Юрьева в Москве, в дальнейшем орган кадетов.

[4] Тургенев не раз участвовал в литературно-музыкальных вечерах, устраивавшихся в пользу неимущих русских художников, живших в Париже (см. об этом: С. Ромм. Из далекого прошлого. Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе. «Вестник Европы», 1916, № 12, стр. 112—114, 117).

136

Париж.
50, Rue de Douai

Воскресение, 7-го Янв. 83.
26-го Дек. 82.

Любезный Топоров,

Весть о кончине Гамбетты,[1] к сожалению, была слишком верна. Вчера — я из окна одного дома на улице Риволи присутствовал при похоронах Гамбетты — ничего подобного я никогда не видел и вероятно не увижу. — Во вчерашних газетах было напечатано прилагаемое заявление от моего имени,[2] которое, если найдёте нужным, можете поместить в какой либо газете. — Венок, о котором говорится, был из белой сирени, и на нем стояла надпись: «Л. Гамбетте от Русских друзей Франции». — Он, конечно, исчез в нескольких тысячах венков, которые следовали за гробом — но, по-крайней мере, хорошо, что и от Русских был один венок. —

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Гамбетта Леон-Мишель (1838—1882) — французский политический деятель, умеренный республиканец. В 1879 году был председателем палаты депутатов. О знакомстве Тургенева с Гамбеттой см. в письме к Флоберу от 13 февраля 1879 года (И. С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 11, М., 1949, стр. 341—342). Описание похорон Гамбетты см. в письме Тургенева к П. В. Анненкову от 10 января 1883/29 декабря 1882 года («Печать и революция», 1922, № 2(5), стр. 98).

[2] Речь идет о вырезке из газеты «République Française», 1883, январь, напечатавшей письмо Тургенева в редакцию на имя Жозефа Рейнака, который был одновременно секретарем редакции и личным секретарем Л. Гамбетты (см.: И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, 1933, стр. 410, 684—688).

137 [1]

Париж.
50, Rue de Douai
9-го Янв. 1883.
28-го Дек. 1882.

Любезный Топоров,

Сей час получил письмо от Вас и от Глазунова. — Я начинаю думать что мой почерк до того неразборчив, что меня понимают совсем на выворот. — В письме к Жозефине Антоновне [2] я говорил ей, что Григорович известил меня о том что Гончаров *с одобрением и похвалой* отозвался о Стихотворениях в Прозе [3] — и *только я прибавил от себя* что это, вероятно, доказательство слабого их успеха в публике.[4] А [a] Вы пишете что она поняла это прямо на выворот, и кстати браните Григоровича,[5] который, я обязан сказать, в отношении ко мне, оказывался всегда верным и искренним приятелем. — Опять пахнуло на меня этим запахом сплетни и личных дрязгов, которым положительно провоняло всё наше общество, особенно литературное — и какое это известие, которое, сообщенное Яковом Петровичем [6] — *убило* Гончарова?! [7] — Господи, какая чепуха!

Статью о Полонском,[8] конечно, можно поместить в I-й том; пришлите её. — III-й том всё еще не розыскан.

В воскресение я должен буду подвергнуться довольно мучительной операции: [9] у меня из брюха вырежут «невром», приключившийся со мною 24 года тому назад в следствие небольшой хирургической операции. — Всё это время он оставался неподвижным, величиною в малую горошинку; — но вот

[a] *Далее зачеркнуто* тут

lib.pushkinskijdom.ru

уже три месяца как начал расти и пухнуть (он уже теперь больше грецкого ореха). Досадно то что меня, вследствие порока сердца, нельзя хлороформировать — и я лихо буду мучиться в течении четверти часа. — Потом придётся слечь недели на три. Я воспользуюсь этим временем чтобы окончательно исправить остальные томы — и набросать обещанные две статьи.[10] — Пожалуйста, не распространяйте этого известия: толки обо мне и по моему поводу в газетах мне противны до не́льзя. — Общее состояние моего здоровья — прескверное; боли в груди и спине возобновились с удвоенной силой, несмотря на молоко и пр. и пр. — Но и об этом, пожалуйста, не распространяйтесь: а то́, право, хоть откажись от получения наших журналов! — Стало-быть, нечего делать этим господам, как только сплетничать — да, выражаясь Дружининским словом п. . .ь языком!

Поздравляю Вас с Новым Годом, которому трудно быть хуже старого и жму Вам руку.

Ив. Тургенев.

[1] Это письмо было впервые опубликовано Л. С. Утевским в «Новом мире», 1930, № 2, стр. 217; воспроизводится здесь по автографу.

[2] Ж. А. Полонская.

[3] «Стихотворения в прозе» напечатаны были в «Вестнике Европы», 1882, № 12.

[4] Тургенев имеет в виду свое письмо к Ж. А. Полонской от 12 декабря 1882 года. «Я очень рад, что мои „Ст. в пр.“ понравились вам и Я—у П—у. Что они, вне небольшого, тесного кружка, публике понравиться не могут — лучшим доказательством тому сообщенное мне Григоровичем известие, что Гончаров их хвалит. Вы понимаете, что после этого и толковать нечего» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 529).

[5] Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899).

[6] Я. П. Полонский.

[7] Гончаров Иван Александрович (1812—1891). О взаимоотношениях Тургенева с Гончаровым см.: И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома, П., 1923.

[8] Очевидно, Тургенев имеет в виду свое «Письмо к редактору „С.-Петербургских ведомостей“» о творчестве Я. П. Полонского (1870, № 8; см.: И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, Гослитиздат, 1933, стр. 385—391).

[9] Операцию производил врач П. Сегон 2/14 января 1883 года (см. письмо к Л. Б. Бертенсону от 6 января того же года, — И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 536—537).

[10] Речь идет о двух статьях, которые писатель собирался включить в I том Собрания сочинений. Об этом он писал Топорову еще 30/18 октября 1882 года: «К I тому будут прибавлены: а) „Семейство Аксаковых и Славянофилы“, б) Пожар „Николая I“» («Русская старина», 1883, № 10, стр. 250). Однако первая из названных статей в посмертное издание добавлена не была.

lib.pushkinskijdom.ru

138 [1]

50, Rue de Douai
Paris.

Любезный Александр Васильевич,

Будьте так добры и соберите сведения о личности, подписавшей прилагаемое письмо, и если они окажутся удовлетворительными, то скажите, что, по выходе нового издания моих сочинений, в конце лета нынешнего года, я готов доставить в библиотеку его брата один экземпляр их. — Здоровье мое всё в том же положении.

Жму Вам руку

Ив. Тургенев

14/II/83.

[1] Письмо написано неизвестной рукой. Подпись — автограф Тургенева.

Л. Н. Назарова

А. М. ОПЕКУШИНУ

Публикуемые ниже два письма И. С. Тургенева к скульптору Александру Михайловичу Опекушину (1840—1923) документально устанавливают личные сношения писателя с одним из мастеров русской монументальной скульптуры второй половины XIX века. Поводом для их переписки и последующего личного знакомства явились пушкинские юбилейные торжества 1880 года.

Сын крепостного крестьянина-лепщика, прошедший школу в скульптурных классах Академии художеств, А. М. Опекушин в 70-х годах получил полное признание как выдающийся скульптор-реалист (Н. Беляев. Александр Михайлович Опекушин. Ярославль, 1949, стр. 7—18). В 1872 году ему присуждено было звание академика за статую Петра I, и вскоре он с большим воодушевлением принял участие в конкурсах на создание памятника Пушкину в Москве. Уже на первом конкурсе 1873 года модель памятника работы Опекушина была признана лучшей и отмечена премией; в марте 1874 года, на втором конкурсе, Опекушину также была присуждена премия, после чего было устроено состязание между его проектами и проектами П. П. Забелло, также получившего премию. На это состязание представили свои проекты М. М. Антокольский и И. Н. Шредер. Преимущество вновь было отдано Опекушину, и он начал работать над увеличенной моделью памятника, размером в 6 аршин (4 метра). К апрелю 1879 года эта скульптура была готова и выставлена для обозрения публики в Петербурге (см.: «С.-Петербургские ведомости», 1879, № 130); параллельно с этим шла отливка памятника из бронзы. Торжественное открытие самого памятника, на котором присутствовали виднейшие представители русской литературы (в их числе и Тургенев), состоялось в Москве 6 июня 1880 года. Таким образом,

lib.pushkinskijdom.ru

публикуемые письма предшествуют этому торжеству. Они относятся к тому времени, когда Тургенев жил в Петербурге (приехав сюда 22 января/3 февраля 1880 года), готовясь к речи, которую он должен был произнести в Москве, и организуя петербургский «Пушкинский кружок» (Д. Н. Садовников. Встречи с И. С. Тургеневым. «Русское прошлое», вып. III, Л., 1925, стр. 112—114). Нет сомнения в том, что Тургенев в это время интересовался скульптурой Опекушина, о которой писала периодическая печать, и, вероятно, видел модель памятника, открытие которого должно было состояться через несколько месяцев. В это время А. М. Опекушин начал готовить бюст и небольшую статую Пушкина для массовой отливки. Одним из первых такую статую приобрел у Опекушина А. В. Головнин (1821—1886), царскосельский лицеист по образованию, бывший министр народного просвещения. В делах юбилейного комитета, хранившихся в архиве Я. К. Грота, ныне находящихся в Пушкинском фонде ИРЛИ, имеется следующее извещение: «Александр Михайл‹ович› Опекушин прислал А. Головнину статую Пушкина в 1 арш. $5^1/_2$ в., копию назначенной для Московского памятника. Она будет отлита для Головнина из бронзы. Видеть оную у Головнина можно в любое время». На этом же листе А. В. Головнин написал Ф. П. Корнилову 29 февраля 1880 года: «Я много обязан Вам, что имею эту статую» (ф. 244, оп. 26, № 309, л. 7). Автору статуи, А. М. Опекушину, А. В. Головнин писал 7 марта 1880 года: «Сегодня любовались у меня статуей Пушкина и очень хвалили ее, знавшие его близко, граф Валуев, который сам талантливый скульптор, и Анна Давыдовна Баратынская...» (ИРЛИ, Р. I, оп. 5, № 80). Не удивительно, что и Тургенев узнал о желании Опекушина преподнести ему статую Пушкина именно от А. В. Головнина. Речь могла, однако, идти только о глиняной статуе, так как ту же статую, отлитую из бронзы, Головнин получил от Опекушина только в мае этого же года. Об этом мы узнаем из неопубликованного письма А. В. Головнина к Ф. П. Корнилову от 13 мая 1880 года. «Сегодня Опекушин привез мне прелестнейшую бронзовую статую Пушкина, которая несравненно лучше глиняной» (ф. 244, оп. 26, № 309, л. 9). Около того же времени бюсты и небольшая статуя Пушкина появились также в продаже в Петербурге и Москве. В «Новом времени» (1880, № 151, 15 мая) было напечатано «Письмо в редакцию» А. Опекушина, в котором он оповещал, что «желающие приобрести малую статую и бюст А. С. Пушкина..., благоволят обращаться ко мне, автору памятника Пушкину, жительствующему на углу Каменноостровского проспекта и Песочной улицы, в собственном доме». В журнале «Нива» (1880, № 21, 24 мая, стр. 426—427, статья «Памятник Пушкину академика А. М. Опекушина») также сообщалось: «В одной скульптурной мастерской изготовляются различных величин бюсты и копии с памятника. Россия хочет как можно торжественнее почтить память незабвенного поэта».

Письма И. С. Тургенева к А. М. Опекушину были переданы Рукописному отделу ИРЛИ в 1935 году поэтом и журналистом Александром Ивановичем Скребковым вместе с другими документами, в которых нередко встречается имя Опекушина (Р. I, оп. 25, №№ 160—163). Из этих документов видно, что в 1923 году Скребков выехал в Ярославскую губернию, где в селе Рыбница проживал в то время престарелый скульптор. А. И. Скребков познакомился с Опекушиным незадолго до его смерти, но успел записать его автобиографию и воспоминания Опекушина о работе над памятником Пушкина и об его участии в пушкинских юбилейных торжествах (см. статью А. Скребкова «Воспоминания об А. М. Опекушине» в газете «Крестьянин-кооператор», Ярославль, 1924,

lib.pushkinskijdom.ru

№ 11, 21 марта). Все документы об А. М. Опекушине, какие удалось собрать А. И. Скребкову, по его собственному свидетельству, переданы им в Ярославский губернский исторический музей, за исключением тех рукописных материалов, которые впоследствии были переданы им в Пушкинский Дом. В упомянутой статье А. И. Скребкова «Воспоминания об А. М. Опекушине» говорится: «Особенно вспоминал он ‹Опекушин› И. С. Тургенева, как тот со слезами восхищался московским памятником А. С. Пушкина» («Крестьянин-кооператор», Ярославль, 1924, № 11, 21 марта). Нам не известно, на основании каких данных Л. Варшавский в своей брошюре «А. М. Опекушин» (изд. «Искусство», М.—Л., 1947, стр. 4) сообщает: «На следующий день после открытия памятника Опекушин вместе с Тургеневым, прогуливаясь по Тверскому бульвару, рассматривали памятник. Знаменитый писатель, тонкий знаток искусства, восхищаясь скульптурой Опекушина, обнял его, называя своим кумиром. Они долго беседовали, касаясь вопросов литературы, искусства и тех настроений, какими были охвачены в эти дни передовые русские люди».

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (Р. I, оп. 29, № 22).

I

СПб. На углу Малой Морской
и Невского, д. 11, к. 20

Середа, 5-го марта ‹18›80.

Милостивый Государь,

Александр Михайлович!

А. В. Головнин [1] передал мне Ваше намерение почтить меня подарком экземпляра Вашей Пушкинской статуи, за что прошу Вас принять мою искреннюю благодарность. Очень буду рад лично познакомиться с Вами и иметь случай выразить Вам всё моё уважение к Вашему таланту.

Примите уверение в моем сочувствии и искреннем почитании.

Ваш покорнейший слуга

Ив. Тургенев.

‹На конверте›

Его Высокоблагородию
Александру Михайловичу
Опекушину

На Аптекарском острове,
на углу Каменноостровского
проспекта и Песочной ул
в собственном доме.

lib.pushkinskijdom.ru

2

На углу
Малой Морской и Невского, д. 11, кв. 20
Четверг, 20-го марта, 80.

Милостивый Государь,

С живейшим удовольствием узнал я из Вашего письма, что экземпляр статуи Пушкина, который Вам было угодно мне назначить, готов. — Все эти дни, начиная с Субботы — я до часу дома и буду ожидать Вашу любезную присылку.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности

Вашего покорнейшего слуги

Ив. Тургенева

‹*На конверте*›

Его Высокоблагородию
Александру Михайловичу
Опекушину

Аптекарский остров,
на углу Каменноостровского
проспекта и Песочной улицы в собственном доме.

С. П. Бург.

[1] Головнин Александр Васильевич (1821—1886) — видный впоследствии представитель царской бюрократии, воспитывался в Царскосельском лицее (1835—1839). В 40-х годах он был секретарем особой канцелярии министра внутренних дел Л. А. Перовского, где короткое время служил И. С. Тургенев. Отсюда и началось их знакомство, и, как пишет М. И. Семевский, Головнин «всегда с особенным удовольствием вспоминал о времени совместного служения своего с И. С. Тургеневым» (М. И. Семевский. Александр Васильевич Головнин. «Русская старина», 1887, № 3, стр. 772). С 1861 по 1866 год Головнин — министр народного просвещения. В 70—80-х годах Головнин и Тургенев состояли в переписке, хотя она не была ни частой, ни особенно интересной. (Неопубликованные письма Головнина к Тургеневу хранятся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и в данное время подготовляются к печати. Четыре неопубликованных письма Головнина находятся в ИРЛИ, шифр: 5803. XXX б. 93; ф. 7, № 142). Одно из писем Тургенева к Головнину от 19/31 января 1881 года опубликовано в «Русской старине», 1883, № 9, Приложения, стр. 6. Головнин, повидимому, проявлял большой интерес к творчеству Тургенева. Так, например, в неопубликованном письме от 24 марта 1878 года (ИРЛИ, ф. 7, № 142) он убеждал писателя: «Возьмите толстую тетрадь, напишите на ней „Мои

lib.pushkinskijdom.ru

воспоминания. Negotium in otio“ * и дайте волю перу... заслушается вся русская земля, все у кого есть чувство изящного, у кого бьется сердце к добру». А 14 ноября 1880 года М. М. Стасюлевич писал Головнину о том, что «получил от Тургенева собственноручный экземпляр, назначенный для Вас: „Крокет в Виндзоре“» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. I, СПб., 1911, стр. 525). Имя Головнина Тургенев несколько раз упоминает в письмах к разным лицам. Как бывший воспитанник Царскосельского лицея, с которым тесно было связано имя Пушкина, Головнин интересовался подготовкой пушкинских юбилейных торжеств и речью Тургенева. Так, М. М. Стасюлевич в письме к А. В. Головнину от 30 мая 1880 года писал: «Вчера же я послал Вам речь Тургенева, т. е. заделал в пакет, послал сегодня утром; теперь прилагаю в дополнение полученные мною сейчас от автора из Москвы и найденные им опечатки в тексте речи, которую я подношу Вам в вечное владение» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. I, 1911, СПб., стр. 521). Головнин интересовался и работой скульптора Опекушина над памятником Пушкина и отливками статуэток с проекта памятника. Головнин считал, что бронзовая статуэтка памятника Пушкина должна быть преподнесена Тургеневу. 14 июля 1880 года в письме к М. М. Стасюлевичу Головнин писал: «Мне кажется, что Тургеневу следовало бы иметь в Париже бронзовую и что его многочисленные почитатели могли бы сложиться и поднести ему» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. I, СПб., 1911, стр. 521). Таким образом, не случайно имя Головнина Тургенев упоминает в письме к Опекушину, так как Головнин, интересовавшийся работой скульптора, мог первый узнать от Опекушина о его намерении преподнести Тургеневу статуэтку и сообщил ему об этом.

Е. В. Фрейдель

А. Н. ЛУКАНИНОЙ

Имя Аделаиды Николаевны Луканиной (1843—1908) известно в литературе главным образом по ее воспоминаниям об И. С. Тургеневе, с которым она познакомилась в Париже в 1877 году. Знакомство и переписку с Тургеневым А. Н. Луканина поддерживала до конца жизни писателя.

Воспоминания Луканиной были опубликованы в 1887 году в журнале «Северный вестник» (№ 2, стр. 38—59; № 3, стр. 47—88), под заглавием «Мое знакомство с И. С. Тургеневым», за подписью А. Л. и представляют собой обработку записей ее бесед с Тургеневым, которые она вела в форме дневника между 1877—1883 годами (отрывки из этих воспоминаний вошли в сборник: Н. Л. Бродский. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах, ч. 1, М., 1924, стр. 88—100). Луканина передает здесь некоторые, слышанные от Тургенева, эпизоды его детства, сцены из жизни крепостной деревни, суждения его о современной литературе, отзывы о писателях и художественном творчестве. Так как все это основано на подлинных записях дневника (Луканина поставила своей задачей записывать для потомства все, относящееся к Тургеневу и представляющее исторический интерес), то в мемуарной литературе о Тургеневе воспоминания А. Н. Луканиной занимают довольно видное место как ценный и достоверный источник

В рукописном отделе ИРЛИ хранится 52 неопубликованных письма И. С. Тургенева к А. Н. Луканиной (Р. I, оп. 29, №№ 19, 20), составляющих естественное дополнение к указанным ее воспоминаниям. Письма

* Плоды досуга (*лат.*).

lib.pushkinskijdom.ru

эти были переданы ИРЛИ в 1935 году одесским профессором-юристом Петром Семеновичем Кравцовым (1878—1948). Подробный перечень их см. Л. М. Добровольский. Рукописи и переписка И. С. Тургенева в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. «Бюллетени Рукописного отдела», вып. II, М.—Л., 1950, стр. 59—60. В сопроводительном письме П. С. Кравцов сообщил, что письма эти передала ему сама А. Н. Луканина незадолго до смерти, с просьбой опубликовать их текст, а подлинники передать в государственное архивохранилище. Подготовляя эту публикацию в том же 1935 году, П. С. Кравцов снабдил ряд этих писем собственными комментариями, а также биографической справкой об А. Н. Луканиной, основанной, несомненно, на фактах, сообщенных ею самой. Так как личность А. Н. Луканиной представляет известный интерес, независимо от ее отношений к Тургеневу, мы остановимся вкратце на истории ее жизни, привлекая данные, сообщенные П. С. Кравцовым в указанной выше рукописи (также хранящейся в ИРЛИ), и дополняя их на основании других печатных и рукописных источников.

Аделаида Николаевна Луканина (рожденная Рыкачева, по второму браку Паевская) родилась в имении своих родителей в Новгородской губернии. О детстве и ранней юности Луканиной мы узнаем из ее автобиографической повести «Из детства и школьных лет» («Северный вестник», 1886, №№ 2—4), некоторые эпизоды которой совпадают с известными фактами биографии Луканиной (например, детство в деревне, годы учения в Смольном институте и т. д.). Рано лишившись родителей, героиня повести сначала попадает в дом богатых родственников, а потом в Смольный институт. Повесть рассказывает о тяжелой жизни одинокого, заброшенного ребенка и является суровым разоблачением институтского воспитания.

По окончании института Луканина решила стать народной учительницей; однако это не осуществилось. По свидетельству лично знавшего Луканину П. С. Кравцова, для того, чтобы не зависеть от родных, она вступила в фиктивный брак с Ю. А. Луканиным, владельцем книжного магазина. В 1870 году, в связи с арестом ее приятельницы Ю. В. Бобарыковой (участницы петербургского революционного кружка), Луканина была также арестована и 15 января заключена в Петропавловскую крепость. Заключение продолжалось недолго (26 января она была освобождена), но внимание полиции преследовало ее до 1878 года, когда с нее был снят полицейский надзор (см.: Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Составили А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова, т. 1, М., 1928, стб. 221).

В течение трех лет (1869—1872) Луканина занималась в Петербурге химией под руководством известного русского химика и выдающегося композитора А. П. Бородина, относившегося к ней с большой симпатией, и одновременно нелегально (потому что женщинам это не разрешалось) слушала лекции в Медико-хирургической академии. Менее чем через год после начала занятий Бородин писал (4 октября 1870 года), что Луканина «уже делает количественные анализы и работает весьма толково» (Письма А. П. Бородина. С предисловием и примечаниями С. А. Дианина, вып. I, ГИЗ, М., 1927—1928, стр. 244). В апреле 1871 года и 3 февраля 1872 года, на заседаниях Химического общества, Бородин докладывал об успешных занятиях Луканиной в области химических исследований (подробно об этом см. в книге: Н. А. Фигуровский и Ю. И. Соловьев. Александр Порфирьевич Бородин. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 93, 104).

lib.pushkinskijdom.ru

Закончить образование в России Луканиной, однако, не удалось: женщинам в то время, как известно, запрещено было даже посещение лекций в Медико-хирургической академии (см.: Е. Лихачева. Материалы для истории женского образования в России. 1856—1880. СПб., 1901, стр. 536). В 1871 году она уехала в Гельсингфорс в надежде поступить там в университет, но в Гельсингфорсе женщинам разрешалось только слушание лекций, без права сдачи экзаменов. Луканина снова возобновила свою работу в лаборатории А. П. Бородина. Для получения высшего образования ей пришлось покинуть родину и поступить в Цюрихский университет, где она пробыла с 1872 по 1874 год. Незадолго до окончания Луканиной медицинского факультета, в России было опубликовано правительственное распоряжение — всем русским студенткам университета и политехникума в Цюрихе оставить эти учебные заведения к 1 января 1874 года. Об этом распоряжении 9 июня 1873 года Тургенев писал П. Л. Лаврову: «В „Правительственном Вестнике" появилась большая и беспощадная статья от имени Правительства на счет наших цюрихских студенток; их обвиняют во всевозможных ужасах, упоминают (не называя впрочем Вас) о Ваших лекциях — и кончают объяснением, — что все те из наших соотечественниц, которые останутся в Цюрихе после 1 января 1874 года — будут лишены всяких прав и не допущены ни на какие коронные места и ни в какие заведения. Вследствие этих драконовских мер наша русская колония в Цюрихе вероятно разлетится прахом...» (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, изд. «Academia», 1930, стр. 92—93).

Луканина не подчинилась требованию правительства и не вернулась в Россию, но продолжать занятия в Цюрихском университете уже не могла. «Что касается до бывших наших цюрихских студенток, — писал Тургенев П. Л. Лаврову 13 июля 1873 года, — то во-первых наши университетские связи слишком слабы, чтобы послужить им в пользу; — а во-вторых им не надо скрывать от самих себя, что они ни в одном германском, несколько значительном университете не найдут приюта — стоит прочитать небольшую статью, появившуюся во вчерашнем № „Кельнской Газеты": в ней выразилось не только воззрение правительства — но и общества — на допущение студенток на курсы. Надежды тут нет пока — никакой» (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников, 1930, стр. 95—96). Вот почему Луканина не могла держать дипломные экзамены в Цюрихе и закончила образование в Филадельфийской женской медицинской коллегии, где в 1876 году получила звание и диплом врача.

«...Я покончила с тем, за чем приехала в Америку, — писала она в своих воспоминаниях «Год в Америке», — меня тянуло назад, домой, в дорогой старый свет; у меня сделалась настоящая тоска по родине...» («Вестник Европы», 1882, № 4, стр. 537). Но возвращение в Россию было невозможно, и Луканина поехала во Францию, в Париж. «Я приехала в Париж в 1877 году с докторским дипломом, оконченною повестью и несколькими десятками франков в кармане», — пишет она в других своих воспоминаниях («Мое знакомство с И. С. Тургеневым». «Северный вестник», 1887, № 2, стр. 38).

За границей Луканина поддерживала связь с политическими эмигрантами. В Цюрихе она бывала у М. А. Бакунина, о чем он упоминает в своем дневнике (см: Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. IV, ГИЗ, 1927, М.—Л., стр. 224, 235, 288); позднее в Париже принимала участие в организации гулянья, сбор с которого предназначался для перепечатывания прокламаций по поводу

lib.pushkinskijdom.ru

убийства генерала Мезенцова, шефа жандармов, убитого в Петербурге 4 августа 1878 года Степняком-Кравчинским; знала о существовании письма, присланного в Париж заключенными в харьковской тюрьме Петром Алексеевым, Долгушиным и другими об истязаниях, которым они подвергались (это письмо эмигранты предполагали опубликовать во французских газетах), и т. д. Имя Луканиной рядом с именами других русских политических деятелей за границей фигурирует в донесениях русского полицейского агента в Париже (см.: «Каторга и ссылка», 1927, № 33, стр. 100—101). В 1878 году Луканина даже была арестована в Париже по подозрению в участии в тайном политическом обществе, но за отсутствием прямых улик освобождена от ареста и надзора (см.: Деятели революционного движения в России. Составили А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова, т. I, 1928, стб. 221). Все это надолго задержало получение Луканиной разрешения на обратный путь в Россию.

А. П. Бородин с дружеским вниманием следил за жизнью своей ученицы. «Я очень дорого ценю каждое теплое слово от Вас, потому что пора Вам знать, что Вы составляете одну из моих слабостей», — писал он ей в конце 1875 года. «Порадовала Ваша энергия, — писал он далее, — которая заставляет Вас неуклонно идти к избранной Вами цели несмотря на все пакости и мерзости, которые Вам делают, несмотря на всякие запугивания» (Письма А. П. Бородина, вып. II, Музгиз, М., 1935, стр. 103).

Литературная деятельность Луканиной началось с 1872 года сотрудничеством в различных медицинских и химических журналах, но выступать в печати с художественными произведениями в то время она еще не решалась. На помощь своей ученице пришел А. П. Бородин, написав о ней в октябре 1877 года рекомендательное письмо находившемуся в то время в Париже И. С. Тургеневу (см. ниже, стр. 392—394).

Тургенев принял в Луканиной самое горячее участие. «Лично Вам очень благодарен, — писал он в ответном письме А. П. Бородину 8 ноября/27 октября 1877 года, — за знакомство с А. Н. Луканиной: это — сколько я могу судить, очень умная, симпатичная и хорошая женщина». Об ее первой повести «Любушка. Рассказ старой няни» Тургенев также отозвался восторженно: «Я был поражен этим произведением, столько в нем жизни, ума и поэзии, и весьма бы желал видеть его напечатанным в „Вестнике Европы“ — если вы с своей стороны не найдете к этому препятствий. Я вчера же написал редактору „В‹естника› Е‹вропы›“ г-ну Стасюлевичу и предупредил его, что вы явитесь к нему с рукописью г-жи Луканиной. — Не сомневаюсь в том, что, прочтя ее, он и без моей рекомендации, которую я выразил самыми сильными словами, — с особой охотой поместит в своем журнале такую замечательную вещь. Надеюсь, что вы еще не успели распорядиться ею и что вы согласитесь со мной, что „Вестник Европы“ такое издание, в котором лучше всего появиться начинающему писателю. Весьма был бы вам обязан, — если б вы сообщили мне результат вашего свидания с г-ном Стасюлевичем» (И. С. Тургенев, Собрание сочинений, т. XI, изд. «Правда», М., 1949, стр. 326).

Письмо Тургенева порадовало Бородина прежде всего потому, что ходатайство его за Луканину дало вполне благоприятный результат; однако успех повести Луканиной был неожиданным и для него самого. Сообщая в одном из писем к А. П. Дианину о своем впечатлении от повести Луканиной, Бородин писал: «С первых же страниц я был изумлен, читая рассказ — прелесть просто!.. Каково? Кто мог ожидать от Аделаиды Николаевны такого сильного художественно-литературного

lib.pushkinskijdom.ru

таланта? Просто изумительно!» (Письма А. П. Бородина, вып. II, 1936, стр. 190—191).

По этому поводу Тургенев писал Стасюлевичу: «... Вам, вероятно..., А. П. Бородин — (известный музыкант и профессор химии) — принесет рукопись одной дамы — озаглавленную: „Рассказ старой няни“... Я не сомневаюсь в том, что прочтя её, Вы захотите поместить её в „Вестнике“... Эта дама, некая Луканина — (доктор медицины Филадельфийского университета)...; — если я не ошибаюсь — это несомненный, замечательный талант... Сюжет самый современный, живой — язык прекрасный — и на всей вещи лежит поэтический, тонкий колорит... По моему, изо всех русских писательниц она самая оригинальная и даровитая: я бы очень был рад еслиб она начала свою карьеру у Вас» (письмо от 7 ноября/26 октября 1877 года. М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, 1912, стр. 132). Литературный талант Луканиной, как это нередко случалось с Тургеневым, был им сильно преувеличен. Возможно, что высокая оценка ее произведения была вызвана общим благоприятным впечатлением от знакомства с Луканиной и стремлением Тургенева помочь представительнице русской прогрессивно настроенной молодежи.

«Его слабость покровительствовать писателям и отыскивать таланты делала его подчас чересчур снисходительным... Такая деликатность... обходилась ему очень не дешево, так как вынуждала его прочитывать массу длинных и бездарных писаний, на что требовалось не мало времени... Наткнувшись на талантливую вещицу, он был счастлив, и это служило ему достаточной наградой за всю скуку груды других статей» (Н. М. Черты из парижской жизни И. С. Тургенева. «Русская мысль», 1883, № 11, стр. 316, 317).

Через неделю, 14/2 ноября, Тургенев вновь спрашивает Стасюлевича о Луканиной: «Получили ли Вы от Бородина рукопись Луканиной — и разделяете ли Вы мое мнение на ее счёт? — Она с тех пор мне ещё прочла начало рассказа, которое подтвердило мое прежнее впечатление» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 133). А в письме от 28/16 ноября 1877 года, уже получив от Стасюлевича ответ, Тургенев пишет: «Я получил Ваше письмо на счёт рассказа Луканиной. — Мне очень было приятно убедиться, что я не ошибся в оценке ее таланта — со мной иногда случается что я вижу вещь в розовом свете. — То, что она теперь пишет — ещё замечательнее» (там же, стр. 136).

В дальнейших письмах к Стасюлевичу Тургенев неоднократно упоминает о Луканиной: «Будем надеяться, что Ваши пожелания на счёт ее таланта сбудутся: у ней на то есть все задатки, несмотря *на порядком* изуродованную жизнь» (там же, стр. 146).

Устроив Луканину в число сотрудников «Вестника Европы», Тургенев продолжал и в дальнейшем заботиться о ней. Он доставлял ей литературные переводы, например, как видно из публикуемых ниже писем (№№ 14 и 15), перевод статьи И. Я. Павловского «В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»; по поручению Тургенева она перевела для Стасюлевича вторую часть романа Мопассана «Жизнь», который, однако, не был напечатан в «Вестнике Европы» из-за плохого перевода первой части, выполненного другим лицом (там же, стр. 224—226); кроме того, Тургенев искал для Луканиной уроки, хлопотал о своевременном получении ею гонораров, в которых она сильно нуждалась, и т. д. В письме к Стасюлевичу от 12 февраля/31 января 1878 года Тургенев просит выслать Луканиной экземпляр «Вестника Европы» за его счет: «этот подарок я хочу ей сделать» (там же, стр. 144).

lib.pushkinskijdom.ru

Когда Тургенев узнал, что для Луканиной невозможно возвращение на родину, он пытался добиться такого разрешения (см. ниже, письма №№ 5, 10, 11, 22). По воспоминаниям Луканиной и из публикуемых писем видно неизменно доброжелательное и дружеское отношение к ней

А. Н. Луканина. Фот., 1887 г.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

Тургенева в течение шести лет их знакомства. Луканина отвечала Тургеневу искренней преданностью. Чрезвычайно скромная и застенчивая, она боялась злоупотреблять временем и вниманием писателя. Никогда не решалась она приходить к Тургеневу без приглашения, не пыталась навязывать ему свое общество. Бородин характеризует ее: «скромная, как всегда, крайне недоверчивая к себе», — что не мешало ей быть энергичным и целеустремленным человеком.

В сохранившихся и опубликованных двух письмах Луканиной к Тургеневу от мая 1881 года она, почти доведенная до отчаяния рядом жиз-

lib.pushkinskijdom.ru

ненных неудач, просила Тургенева напомнить о ней в редакции «Вестника Европы». Несмотря на уже четырехлетнее знакомство с ним, она пишет: «Я даже в сущности удивляюсь, как решаюсь вообще писать Вам» (Щукинский сборник, вып. VIII, 1909, стр. 211). Под конец жизни Тургенева Луканина просиживала около постели больного целые дни, добровольно исполняя должность его секретаря. «Я была личным секретарем Ивана Сергеевича», — говорила она Кравцову. В своих воспоминаниях Луканина так рассказывает об этом: «...я сказала Ивану Сергеевичу, что если ему вообще нужно будет что-нибудь русское писать, то я к его услугам и буду счастлива явиться по первому зову. Через день я уже получила записку, что нужна. На этот раз я застала Ивана Сергеевича в постели, в спальне, — в последний мой приезд он лежал на диване в гостиной. Он продиктовал мне письма к гг. Анненкову, Полонскому, Щепкину. Диктовал он медленно, очень слабым голосом, но с совершенно отчетливою мыслью. Ни одного слова не пришлось ему изменять в письмах по прочтении их» («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 84). В Рукописном отделе ИРЛИ хранятся эти письма к П. В. Анненкову (ф. 7, № 63) и к Я. П. Полонскому (11831. XIX б. 1), писанные Луканиной от имени Тургенева, совершенно одинакового содержания. Приводим одно из них — П. В. Анненкову:

10 Июня 1883

Bougival
Les Frênes

Милостивый Государь,

Иван Сергеевич Тургенев просит меня уведомить Вас, что его здоровье, как будто несколько получше, хотя он чувствует себя еще очень слабым и без большой необходимости сам писать не может.

С искренним почтением готовая к услугам

А. Луканина

Точно такое же письмо в тот же день было послано Я. П. Полонскому.

По свидетельству А. А. Винницкой, Луканина во время болезни Тургенева «безвозмездно и без всякой пищи по целым дням писала под его диктовку» (А. Винницкая. Воспоминания об И. С. Тургеневе. «Новое время», 1895, № 6791, 24 января).

Луканиной принадлежит перевод на русский язык одного из последних рассказов Тургенева «Пожар на море», продиктованного им на французском языке Полине Виардо. По известию, идущему от А. В. Топорова, а также из дневника Луканиной («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 87), Тургенев предполагал поручить ей перевод и своего последнего рассказа — «Конец», также записанного с его слов Полиной Виардо, но, когда Луканина была у него в последний раз, рассказ еще не был окончен. Впоследствии этот рассказ возбудил множество споров среди друзей Тургенева и издателей журналов, так как многие из них усомнились в принадлежности его Тургеневу. В связи с этим Ф. Н. Берг, тогдашний редактор «Нивы», В. П. Гаевский, П. В. Анненков и другие пытались снестись с Луканиной, хлопотали непосредственно об этом у П. Виардо, но адрес ее остался им не известен. Однако сама Виардо просила Луканину сообщить, не переводила ли она какой-либо рассказ Тургенева, кроме «Пожара на море». Луканина ответила отрицательно.

lib.pushkinskijdom.ru

В письме к Виардо от 9 ноября 1885 года она пишет: «Я не перевела для г-на Тургенева ничего кроме „Пожара на море“. Он мне говорил о переводе другого рассказа, но это предложение не имело последствий» (Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел, архив В. П. Гаевского. Подлинник письма на французском языке). Вопросу об истории последнего рассказа Тургенева посвящена статья С. Я. Гессена «Полина Виардо и посмертный рассказ Тургенева» («Печать и революция», 1928, № 7, стр. 60—74). Но исследователю не было известно выше приведенное нами письмо Луканиной от 9 ноября 1885 года, о чем он и пишет: «Ответ Луканиной до нас, к сожалению, не дошел» (там же, стр. 72).

Луканина исполняла не только обязанности секретаря, но как врач наблюдала также за лечением больного. Последний раз она была у Тургенева 10 августа 1883 года по новому стилю, за три недели до его кончины.

Судьба Луканиной после смерти Тургенева нам мало известна. По данным, сообщенным П. С. Кравцовым, в начале 80-х годов «у Луканиной началась... новая личная жизнь, а с ней и новые хлопоты», — вероятно, в это время она вторично вышла замуж за врача-психиатра Николая Ивановича Паевского, который в это время находился в Париже, в эмиграции.

В 1885 году Паевским было разрешено вернуться в Россию. В 1892 году Луканина-Паевская принимает участие в борьбе с сильнейшей эпидемией холеры. В числе других врачей-добровольцев она едет в наиболее опасный район, в Самарскую губернию, где работает и в самом городе и в окрестных деревнях и селах. Описание этой поездки («Командировка на холеру») опубликовано ею в журнале «Русское богатство», 1903, № 7, стр. 121—169; № 8, стр. 49—93.

В 1894 году Луканина-Паевская в качестве врача-ординатора работает в Петербурге в психиатрической больнице на станции Удельная. Там же работает и ее муж Н. И. Паевский. В 1895 году она оставляет работу в больнице, некоторое время занимается частной практикой и затем поступает врачом в Новознаменскую психиатрическую больницу, впоследствии имени Фореля (разрушена фашистами в 1941 году).

Одновременно с врачебной деятельностью Луканина не прекращала и литературную работу в качестве автора, переводчика и редактора.

О последних годах жизни Луканиной мы узнаем из ее письма к писательнице Елизавете Петровне Свешниковой (ИРЛИ, 13886. LXXV б. 12), где она пишет, что ею закончены новые «Воспоминания» о Тургеневе, которые она предполагала поместить в «Русском богатстве». К сожалению, в архиве «Русского богатства», хранящемся в ИРЛИ, эта рукопись отсутствует; сохранилась ли она, остается неизвестным.

Интересна еще одна область деятельности Луканиной. Она открыла в Петербурге красильную, чистильную и прачечную мастерскую. Не имея средств, Луканина первое время с трудом поддерживала свое предприятие, но постепенно мастерская стала оправдывать свое существование и даже приносить небольшой доход, так что Луканина собиралась открыть при мастерской ремесленную школу для девушек. При мастерской было устроено общежитие, и Луканина стремилась не только дать работницам специальность, пригласив для их обучения опытных мастериц, но и сама занималась их воспитанием и образованием.

Приводим выдержки из письма Луканиной к Е. П. Свешниковой от 6 сентября <1906 или 1907 года?>, в которых говорится об этой мастерской:

lib.pushkinskijdom.ru

«За это время не дремала и моя мастерская. С прошлого года я перестала доплачивать за нее (за квартиру и жалованье служащим); мастерская встала на собственные ноги и даже дает в месяц 10—20 р. дохода, требуя однако от меня довольно много личного труда в смысле счетов и отчасти руководства. Начатая с частью благотворительною, частью коммерческою целью, она немножко удовлетворила меня и в том и в другом отношении, т. е. благодаря ей я могла, по временам приютить то моих прежних больных, то людей, приезжавших в Петерб‹ург› с учебн‹ыми› целями и не имевшими средства нанять квартиру и т. д. А теперь, когда она, хотя и не дает средств, но уже ничего и не стоит, я в случае нужды имею у себя самый дешевый кредит, т. е. уже не случается оставаться без той копейки в кармане, которая нужна на хлеб на сегодня и на завтра. Но мастерская красильная, чистильная и прачечная требовала наем швеи, т‹ак› к‹ак› заказчики постоянно просили зачинить, перешить и сшить что нибудь. Пока мои бывшие больные (их б‹ыло› две) были в состоянии это делать, этот заработок они употребляли как им угодно, я в это не мешалась. Затем одна из них вновь заболела и теперь опять на Новознаменской даче, а другая страшно обленилась... Мне пришлось самой руководить швейным делом. Тогда я решила устроить настоящую мастерскую. Дело пошло хорошо — до лета у меня шило 9 портних и хотя выгод не было, но не было и убытков, дело окупалось. Я тогда решила (мое честолюбие возросло) устроить ремесленную школу, где бы учились следующим ремеслам: красильно-чистильному, прачешному, швейному (включая сюда и шляпное дело) и кулинарному. Но пока у меня нет денег на это и я состою в переговорах с двумя дамами, которые хотят вступить со мной в компанию по этому поводу. Летом пришлось сильно работать мне, чтобы поддержать швейную мастерскую, где заказов б‹ыло› оч‹ень› мало. Часть моих дам и девиц пришлось отпустить, но все-таки их осталось пять лучших (не в смысле работы, а в смысле личных качеств). Одну вытребовал муж в Казань и она меня оч‹ень› тронула, когда прощалась: она поблагодарила меня за то, что у меня в доме не чувствовала себя *рабою*, как в др‹угих› мастерских. Да, если у меня устроится школа, по настоящему, то я устрою для портних и общеобразовательные занятия. Вообще и мои прачки и гладильщицы кто усовершенствовался, кто вновь всему выучился, кто приобрел уменье читать и писать. Моими сотрудницами б‹ыли› в этом мои бывшие больные. Все это идет неправильно, урывками, т‹ак› к‹ак› меня одной на все не хватает, но н‹аша?› м‹астерская?› хоть кое-какие дает результаты. Одну из портних я от швейного дела удалила и взяла ее себе секретаршей — это 17-летняя милая и интел‹лигентная› девочка ‹Надя Коптева›, отлично знающая свой курс прогимназии, жаль будет, если она выучится только шить, когда она может работать головой. Ей хочется быть фельдшерицей. Ее я выучила читать и писать по латыни и она уже поступила в Школу фельдшериц Венгеровой — занятия начнутся 15 сент‹ября›. Кое-кому из них я давала уроки языков... Мои ученицы не будут „барышнями“, за это я ручаюсь; они будут работницами и будут только „барского образа мыслей“, если можно так выразить противоположность мещанской пошлости. Я постараюсь научить их, что не труд позорит человека, а хищнические отношения к другим людям и к самому труду...

О Н‹иколае› Ив‹ановиче Паевском› скажу, что он в Курске старшим психиатр‹ическим› врачем в Земской больнице (Луканина разошлась с ним в 1894 или 1895 году, — *Е. Х.*). У него семья — двое детей, но говорят, что семейного счастья нет, он вполне под башмаком полу-

lib.pushkinskijdom.ru

интеллигентной, хотя и не дурной женщины. Меня он боится и все подозревает преследования с моей стороны. . Я-же желаю ему всего лучшего и не имею на него зла, господь с ним. Я вполне, понимаете-ли, вполне счастлива, в том, что касается личного счастья... Ну, а что касается не личного счастья, а умственных и общественных запросов моего внутреннего я, об этом я на сегодня умалчиваю. Этого-ли мы ожидали и на это-ли надеялись в течение 40 л‹ет›».

Последняя фраза, очевидно, вызвана поражением революции 1905 года.

Последней литературной работой Луканиной-Паевской, вышедшей в свет уже после ее смерти, был перевод сочинения Вильгельма Гумбольдта «Государство» (перевод с немецкого А. Н. Паевской, СПб., 1909). Луканина умерла 25 декабря 1908 года.

Ниже мы публикуем не все 52 письма Тургенева к Луканиной, а лишь те из них (всего 23 письма), которые в том или ином отношении представляют интерес для биографии писателя. Нами опущены мелкие записки Тургенева малозначительного содержания (например, устанавливающие даты его встреч с Луканиной), однако, в комментариях к публикуемым письмам принято во внимание содержание всей переписки Тургенева с Луканиной в целом.

1

50, Rue de Douai
Paris

Середа, 16-го Янв. 78.

Любезная Аделаида Николаевна,

Давно я не имел удовольствия Вас видеть: что́ Вы поделываете хорошего? Кончили ли Вы переписку второй Вашей повести? [1] — Я поджидаю сюда моего старого друга П. В. Анненкова,[2] которому Вы (а также и мне) непременно должны прочесть Ваше произведение. — Я в Субботу раньше 2-х часов не выйду; если удосужитесь, приходите — я очень буду рад.

Примите уверение в моих дружеских чувствах.

Ив. Тургенев.

‹На конверте›

Madame Adélaïde Loukanine au bureau de poste restante. Rue du Cardinal Lemoine en wille.

[1] Речь идет о повести А. Н. Луканиной «Березай»; она была напечатана в седьмой книге «Вестника Европы» за 1878 год (стр. 48—116), как второй рассказ цикла «Старинные дела, рассказы и воспоминания». Об этой повести Тургенев 17/5 января 1878 года писал Стасюлевичу: «Приехав в Петербург... — я Вам покажу ее второй рассказ, который мне чрезвычайно нравится. — Это сильный талант — я в том не сомневаюсь» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, 1912, стр. 140); и в другом письме к нему же от 2 февраля/21 января 1878 года: «... при-

lib.pushkinskijdom.ru

везу с собою вторую повесть Луканиной, которая теперь лежит у меня на столе, и которую я перечитываю с великим удовольствием...» (там же, стр. 143); а в письме от 6 апреля/25 марта 1878 года читаем: «Вторая ее повесть тоже очень хороша и *умна*» (там же, стр. 149).

[2] Анненков Павел Васильевич (1813—1887) — ближайший друг Тургенева. Тургенев высоко ценил мнение Анненкова, постоянно советовался с ним и, как о том свидетельствует А. Н. Луканина, давал ему «на прочтение все свои вещи до напечатания» («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 72).

2 X

50, Rue de Douai
Paris

Четверг, 31 Янв. 78.

Любезная Аделаида Николаевна,

Ваша первая повесть[1] будет напечатана в «Мартовской» книжке «Вестника Европы» — как мне пишет о том Стасюлевич.[2]

А что́, Ваша вторая повесть[3] переписана? — Если да, то не можете ли Вы дать мне её на прочтение? — Анненков всё не едет — а мне бы хотелось возобновить произведенное впечатление — и проверить себя — и Вас.

Примите уверение в совершенной моей преданности и уважении.

Ив. Тургенев.

[1] Первая повесть А. Н. Луканиной «Любушка» была напечатана в «Вестнике Европы», 1878, № 3, стр. 201—229. Тургенев писал об этой повести М. М. Стасюлевичу 8 марта/24 февраля того же года: «Дай бог только, чтобы „Любушка“ прошла благополучно сквозь цензурные фуркулы» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 146); и в другом письме от 12 марта/28 февраля 1878 года: «Трепещу за судьбу „Любушки“ но надеюсь еще на русское божество: „авось“! — Авось оно смилуется! — » (там же, стр. 147).

[2] Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — профессор истории, либеральный публицист, с 1866 года редактор-издатель журнала «Вестник Европы». Письмо Стасюлевича, о котором упоминает Тургенев, в печати не известно. Очевидно, оно было получено Тургеневым между 17/5 и 29/17 января 1878 года, потому что в письме от 17/5 января он пишет Стасюлевичу: «Имеете ли Вы намерение печатать Луканину в Феврале — или отлагаете до Марта?», а в письме от 29/17 января мы читаем: «О помещении повести г-жи Луканиной в Мартовской книжке я автору сообщил» (там же, стр. 140, 141). Однако Тургенев сообщил об этом Луканиной только через два дня — в публикуемом здесь письме от 31 января.

[3] Имеется в виду повесть «Березай»; см. примечание 1 к письму 1.

lib.pushkinskijdom.ru

3

50, Rue de Douai
Paris

Вторник вечером. ‹26 февраля 1878›.

Любезная Аделаида Николаевна, я получил от Стасюлевича 100 р. с. (268 фр.) для передачи Вам.[1] — Это несколько больше чем приходится за «Любушку» — но он велел Вам сказать, что так как *оставляет место* (3—4 листа) *для Вас* в *Июньской* книжке[2] — то тогда рассчитаетесь, тем более что он желает иметь Вас постоянным сотрудником. — Также он высылает Вам В‹естник› Е‹вропы› — и желает знать Ваш адресс; — я должен был ответить что сам его не знаю — а потому он будет высылать В‹естник› Е‹вропы› для Вас на моё имя. — Надо поскорее кончить и отправить Ваш *второй* рассказ.[3] Приходите в Пятницу до 12 ч. — за деньгами и прочим.

Примите уверение в совершенной моей преданности.

Ив. Тургенев.

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine. Bureau de poste restante. Rue du Cardinal Lemoine à Paris.

[1] В тот же день Тургенев писал М. М. Стасюлевичу, что деньги для Луканиной получил и что она не сообщает своего адреса: «Что касается до ее адресса, то Вы уже знаете, что с моей стороны нет тут никаких злоухищрений; все что мне известно: Bureau de la poste restante, rue Cardinal Lemoine.* Я однако напишу ей, что Вы спрашивали у меня ее адресс: может быть Вам она его сообщит. Она, очевидно, придерживается правила: „cache ta vie“.** Из здесь живущих Русских никто не видится с нею» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 146). Однако в следующем письме к Стасюлевичу от 8 марта/24 февраля Тургенев сообщает адрес Луканиной.

[2] В июньской книжке «Вестника Европы» за 1878 год был напечатан первый рассказ Луканиной «Птичница» из цикла «Старинные дела, рассказы и воспоминания».

[3] «Березай»; см. примечание 1 к письму 1.

---

* Почтовое отделение, до востребования. Улица кардинала Лемуан (*франц.*).** Прячь свою жизнь (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

4

50, Rue de Douai
Paris

Пятница, 12-го Апр. 78.

Любезная Аделаида Николаевна, я все эти дни Вас поджидал с копией,[1] хотя день нашего чтения всё более и более отдаляется. — Мне нужно переговорить с Вами два слова — и потому не зайдете ли Вы в Воскресение *до* 12-ти часов?

Примите уверение в искреннем уважении

Преданного Вам

Ив. Тургенева.

‹*На конверте*›

Madame A. Loukanine. 31, Avenue des Gobelins, en ville.

[1] Имеется в виду копия отрывка из повести «Березай», который Тургенев включил в программу предстоявшего литературно-музыкального утра в пользу русской библиотеки в Париже. В своих воспоминаниях о Тургеневе («Северный вестник», 1887, № 2, стр. 50—59) Луканина рассказывает о подготовке к этому утру. Тургенев предложил ей принять участие и прочитать отрывок из повести, но впоследствии, вероятно, видя ее нерешительность и боязнь выступить, сам прочитал вместе со своими собственными произведениями сцену из «Березая», о чем писал М. М. Стасюлевичу 6 июня/25 мая 1878 года: «На одном музыкально-литературном утре... я прочел отрывок из „Березая“ — и получил замечательный успех» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 152).

5

50, Rue de Douai
Paris

Воскресение, 9-го Июня 78.

Любезнейшая Аделаида Николаевна.

Я виделся с Орловым[1] — и имею сообщить Вам его ответ; — потрудитесь зайти ко мне во *Вторник* до 12 часов. — Да кстати принесите Вашу *Цюрихскую* рукопись.[2] Я уезжаю в конце недели.

Жму Вам дружески руку

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Орлов Николай Алексеевич, князь (1827—1885) — с 1870 по 1882 год русский посол в Париже. В первом же разговоре с Луканиной Тургенев советовал ей вернуться в Россию и обещал поговорить о ней с Н. А. Орловым («Северный вестник», 1887, № 2, стр. 39). Однако Луканина отклонила это предложение, не сказав Тургеневу о своих затруднениях и причинах, задерживающих ее отъезд, а на его вопрос, нет ли у нее каких-либо препятствий для возвращения в Россию, помимо денежных, ответила, что «таких препятствий нет». Вероятно, впоследствии Луканина подробно рассказала Тургеневу истинные причины своего пребывания за границей и просила похлопотать за нее.

[2] Имеется в виду рукопись воспоминаний Луканиной о ее жизни в Филадельфии и о годах учения в Цюрихе. Воспоминания эти были напечатаны под заглавием «Год в Америке. Из воспоминаний женщины-медика» в «Вестнике Европы», 1881, №№ 8, 9; 1882, №№ 4, 6.

6 ✕

Bougival
Les Frênes

Середа, 16/4-го Окт. 78.

Любезнейшая Аделаида Николаевна,

Приходите в Субботу утром к 11 час. в Rue de Douai — и если меня ещё там не будет, подождите несколько минут — так как железная дорога иногда опаздывает. Мне очень жаль, что мои письма так поздно попали в Ваши руки.

До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

‹На конверте›

Madame Adélaïde Loukanine. Paris au bureau de poste de la Rue du Cardinal Lemoine—poste restante.

[1] Эта и две другие записки от 12 и 13 октября 1878 года, нами не публикуемые, являются подтверждением записи Луканиной в ее дневнике от 19 октября 1878 года: «Я... очень хотела увидаться с Иваном Сергеевичем, нуждаясь в его совете и помощи. Но точно клад в руки, не давалось мне свидание с ним. Вот уже месяц, как он в Буживале, и все не удавалось мне ни застать его, ни получить его письма во время. Наконец сегодня я застала его, т. е. не застала, но когда я пришла в rue de Douai, то мне сказали, что он хотя и приехал из Буживаля, однако тотчас куда-то отправился... Я ждала долго, больше часу... — Вы сами виноваты, что ждали так долго, сказал он мне, входя. — Я писал вам, что застанете меня в двенадцать, а вы здесь с одиннадцати... — Нет, Иван Сергеевич, вы писали в одиннадцать, ну да теперь это все равно» («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 47).

lib.pushkinskijdom.ru

7

Bougival
Les Frênes

Середа, 28-го Окт. 78. [1]

Любезнейшая Аделаида Николаевна, я вчера вечером вернулся из Англии и мне нужно Вас видеть и кстати передать Вам *200* р. сер. присланных для Вас на моё имя Стасюлевичем. Если возможно, приходите завтра в Rue de Douai, 50 — в 12 часов. — Я буду там.

Дружески Вам кланяюсь

Ив. Тургенев.

[1] Тургенев допустил ошибку в дате или в наименовании дня недели, потому что 28 октября (н. ст.) 1878 года приходилось не на среду, а на понедельник. Эту же ошибку Тургенев допустил и в письме к М. М. Стасюлевичу, написанном в тот же день: «...я только вчера поздно вечером вернулся из *Англии* — (воображаю Ваш удивленный взгляд!) где провел 10 дней...» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 152). Об этой же поездке Тургенев писал Л. Н. Толстому 27/15 ноября 1878 года (см.: Толстой и Тургенев. Переписка, 1928, стр. 85).

8

50, Rue de Douai
Paris

Суббота, 9-го Нояб. 78.

Любезная Аделаида Николаевна,

Мне очень жаль, что Ваше здоровье всё не может придти в настоящий порядок. — Я вчера вернулся в город и теперь не скоро отсюда выеду. — Вы можете придти во Вторник, Середу или Четверг до 1 часу — и наверное меня застанете. — Письма к издателям будут готовы; [1] — а Вы приносите своё. —

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Искренне Вам преданный
Ив. Тургенев.

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine au bureau de poste de la Rue du Cardinal Lemoine. Paris. Poste restante.

[1] Речь идет о парижских издателях: Ашетт, Дантю и Шарпантье.

lib.pushkinskijdom.ru

9 X

50, Rue de Douai
Paris

Четверг, 14-го Нояб. ‹1878›.

Любезнейшая Аделаида Николаевна, 5 минут после Вашего ухода я вспомнил что завтра в 10 ч. утра я должен ехать к живописцу Верещагину[1] в его мастерскую. — Заранее прошу извинения, если заставлю Вас даром пройтись в Rue de Douai — так как я не надеюсь, что это письмо адресованное poste restante,* во время попадёт в Ваши руки. — Во всяком случае буду ждать Вас в *Субботу* утром.

Дружески Вам кланяюсь

Ив. Тургенев.

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine au bureau de poste restante de la Rue Cardînal Lemoine. — Paris.

[1] Верещагин Василий Васильевич (1842—1904) — известный русский художник. Письмо уточняет дату знакомства с ним Тургенева. В воспоминаниях о Тургеневе (В. В. Верещагин. Очерки, наброски, воспоминания, СПб., 1883, стр. 127—141) Верещагин указал на годы своих встреч с писателем — 1879—1883; поэтому начало знакомства его с Тургеневым обычно датировалось 1879 годом. На самом деле знакомство это состоялось в конце 1878 года, точнее, как явствует из публикуемого письма, 27/15 ноября 1878 года. В тот же день после посещения мастерской Верещагина Тургенев писал П. В. Анненкову: «Видел я картины Верещагина. — Замечательный крупный, сильный — хоть и несколько грубоватый — талант» (М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, 1934, стр. 273).

10 X

50, Rue de Douai
Paris

Суббота, утр‹ом, 16 ноября 1878›.[1]

Решительно, любезная Аделаида Николаевна, мне нужно знать Ваш адресс (я его никому не сообщу) — для того, чтобы по необходимости не ставить Вас в неприятное положение.[2] Вот Вы опять должны были пройтись даром. — Вчера Н. В. Ханыков[3] умер в Рамбулье — и я должен сегодня с утра

* До востребования (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

туда ехать — а как Вас предварить? Poste restante? — Да Вы через три дня только это узнаете. — И потому я Вас покорно прошу оставить Ваш адресс у нашей *concierge* * — а ко мне всё таки пожаловать завтра утром в Воскресение. — Авось нам удастся наконец устроить наше дело.[4] Только приходите пораньше — в 11 часов. —

Жму Вам дружески руку

Ив. Тургенев.

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine

[1] Письмо датируется следующим днем после смерти Н. В. Ханыкова, последовавшей 15 ноября (н. ст.) 1878 года.

[2] Тургенев считал, что Луканина не сообщает адреса, стесняясь своей бедности. «Сколько я слышал, она живет в крайней бедности... и по этой, по другой ли причине, настоящего адресса своего не сообщает» (письмо к Стасюлевичу от 23/11 февраля 1878 года, — М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 145).

[3] Ханыков Николай Владимирович (1822—1878) — ориенталист, этнограф, член ряда заграничных географических обществ, доктор истории Востока. В письме к Я. П. Полонскому Тургенев писал в 1873 году: «Н. В. Ханыков живет здесь на даче около Парижа — я его вижу изредка» (И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб., 1884, стр. 219). В дневнике Луканиной от 18 ноября 1878 года читаем: «Сегодня я застала Ивана Сергеевича очень опечаленным смертью Н. Ханыкова. „Ему всего 59 лет, говорил он, мне шестьдесят.. Все уходит... Оглядываешься, и нет почти никого из тех, с кем начал жить. А главное, вас поражает вообще проходимость всего человеческого, эфемерность, так сказать“» («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 51).

[4] Дело, о котором пишет Тургенев, — это хлопоты о разрешении А. Н. Луканиной возвратиться в Россию. Об этом Луканина просила Тургенева в письме от 13 ноября 1878 года. Как всегда в таких случаях, Тургенев с готовностью принялся за хлопоты и 18/6 ноября написал шефу жандармов А. Р. Дрентельну письмо, приложив к нему письмо Луканиной. В письме Тургенев сначала напоминает Дрентельну об их встречах в Петербурге в 1855 году и потом обращается с просьбой относительно Луканиной, характеризуя ее как талантливую писательницу и ручаясь за ее политическую благонадежность: «Могу уверить Вас, что все стремления г-жи Луканиной чисто-литературного и научного свойства...; я вполне ручаюсь за ее полнейшую благонамеренность, если Вам только угодно будет принять мое ручательство. Во всяком случае смею надеяться, что Вы удостоите меня своим ответом, к какому решению Вы бы ни пришли» (Литературо-библиологический сборник, Пгр., 1918, стр. 44—45). Несмотря на поручительство Тургенева, разрешение на возвращение в Россию Луканиной дано не было.

---

* Привратница (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

11 ✓

50, Rue de Douai
Paris

Пятница утром. ‹22 ноября 1878›.[1]

Любезная Аделаида Николаевна, Вы так извиняетесь, словно нивесть какое преступление совершили! Беда была очень небольшая.[2] — Я ожидал Вас вчера — мне непременно нужно услышать конец Вашей повести[3] и сказать Вам свои соображения. Приходите, пожалуйста, в *Понедельник* утром к 11 часам. Мы обо всем переговорим — а быть может, к тому дню уже придёт ответ Дрентельна.[4]

Жму Вам дружески руку

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine au bureau de la poste restante de la rue Cardinal Lemoine. Paris.

[1] Дата определена по почтовому штемпелю на конверте.

[2] Речь идет о том, что Луканина забыла опустить в почтовый ящик письма, которые ей дал Тургенев во время их встречи 19 ноября: Вспомнив об этом, Луканина сейчас же написала Тургеневу о том, что не сразу выполнила его поручение.

[3] Повидимому, повесть «Дядя Ваня». 7/19 ноября 1878 года Луканина начала читать Тургеневу эту повесть (см.: «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 51—52). 30/18 июня 1879 года Тургенев направил повесть «Дядя Ваня» в редакцию «Вестника Европы». В сопроводительном письме на имя А. Н. Пыпина он писал: «Любезнейший Александр Николаевич, так как М. М. Стасюлевич теперь во Франценсбаде — то посылаю на Ваше имя в редакцию Вестника Европы — третий рассказ из „Старинных Дел“ Луканиной — мне он кажется очень удачным и достойным жизни на страницах вашего журнала (я об этом также писал М‹ихаил›у М‹атвеевич›у). Она в нем говорит не от своего лица — вся вещь вышла *объективна* — как говаривали в старину» (Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, архив А. Н. Пыпина). В письме к М. М. Стасюлевичу от 30/18 июня того же года Тургенев пишет: «Также выслал я в редакцию Вестника Европы ее третье продолжение „Старинных Дел“ — рассказ под заглавием: „Дядя Ваня — Идиллия“ — которым, я надеюсь Вы будете довольны» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 166). Впоследствии повесть была напечатана в «Вестнике Европы», 1880, № 7.

[4] Дрентельн Александр Романович (1820—1888) — с 1878 по 1880 год шеф жандармов и начальник III Отделения. 18/6 ноября 1878 года Тургенев обратился к нему с ходатайством о разрешении возвращения Луканиной в Россию; см. примечание 4 к письму 10.

lib.pushkinskijdom.ru

12

50, Rue de Douai
Пятница

9 ч. утр. ‹4(?) января 1879›.[1]

Любезнейшая Аделаида Николаевна, опять я не имел времени предупредить Вас и помешать Вам прогуляться даром: Вчера вечером я узнал только, что сегодня в 12 часов хоронят сына Гинцбурга,[2] нашего мецената и покровителя — (он умер на острове Мадере и тело его прибывает сегодня из Гавра) — Нам, членам Комитета,[3] нельзя не быть на этих похоронах. — И потому, извините меня пожалуйста, а я, переговоривши с г. Онегиным,[4] дам Вам знать, когда устроится свидание.

Жму Вам дружески руку

Ваш

Ив. Тургенев.

‹На конверте›

Madame Adélaïde Loukanine.

[1] Письмо датируется по записи в дневнике А. Н. Луканиной о том, что 4 января 1879 года она была у Тургенева и застала его «в ту минуту, когда он готов был ехать на похороны Марка Гинцбурга» («Вестник Европы», 1887, № 3, стр. 55); однако этот день — 4 января — приходился на субботу; следовательно, или Тургенев или Луканина допустили ошибку в дате на один день.

[2] Гинцбург Марк Горациевич — сын банкира Гинцбурга Горация Осиповича (1833—1909).

[3] Комитет «Общества поощрения и вспомоществования русским художникам в Париже». Заседания комитета обыкновенно происходили в ателье Марка Гинцбурга. После его смерти Г. О. Гинцбург передал «Обществу» библиотеку сына.

[4] Онегин (Отто) Александр Федорович (1840—1925) — приятель Тургенева. Тургенев обещал познакомить Луканину с Онегиным в надежде, что он поможет ей найти урок.

13

50, Rue de Douai
Paris

Пятница утром. ‹16 мая 1879›.[1]

Любезнейшая Аделаида Николаевна,

Фамилия г. Паевского[2] совсем выскочила у меня из памяти — так что когда он пришел — я и не подозревал, что это от *Вас* он являлся. Еслиб он это сказал моему человеку, я бы

Северный

lib.pushkinskijdom.ru

тотчас его принял. — Но беду эту поправить легко. — Я написал Чивилеву [3] — но ответа от него ещё не получил — однако во всяком случае в *Воскресение* я буду знать в чем дело; — и потому если г. Паевский потрудится придти ко мне в Воскресение часу в 12-м — мы с ним поговорим обо всём.[4] —

Передайте ему это и примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Ив. Тургенев.

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine au bureau de la poste restante de la Rue du Cardinal Lemoine. Paris.

[1] Письмо датировано по почтовому штемпелю на конверте.

[2] Паевский Николай Иванович (1849—1916) — врач-психиатр, будущий муж Луканиной. В 1882 году Паевский также собирался заняться литературой и дал на просмотр Тургеневу свой рассказ «Савка», но, несмотря на положительный отзыв Тургенева, рассказ этот напечатан не был («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 80).

[3] Чивилев Борис Александрович. См. о нем выше, на стр. 230—231. В неопубликованном письме к Чивилеву, написанном в то же утро 16 мая 1879 года, Тургенев пишет:

Любезнейший Чивилев,

Мне очень нужно знать, уезжаете ли Вы с Трубецкими и передаете ли здешние Ваши уроки? — Пожалуйста, зайдите ко мне на минутку завтра утром. — Буду ждать Вас.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности

Ив. Тургенев.

(Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, архив И. С. Тургенева).

[4] Очевидно, Паевский приходил к Тургеневу относительно уроков для Луканиной.

14 ✓

Bougival
Les Frênes
Châlet
(Seine et Oise.)

Середа, 22-го Окт. 79.

Любезная Аделаида Николаевна,

Вот пятьдесят франков [1] — так как Вы выразились, что этого будет — пока — достаточно. — Стасюлевичу я написал.[2] И Вы

lib.pushkinskijdom.ru

со своей стороны вероятно написали? Как только получу первую корректуру из «Temps» *,[3] — напишу и туда о Любочке.[4]

Дружески жму Вам руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine au bureau de la poste restante de la rue du Cardinal Lemoine. Paris.

[1] Деньги были даны Тургеневым Луканиной в счет гонорара за ее статью «Законы бурь» — извлечение из лекции профессора Фей (Faye), прочитанной в Сорбонне. Статья напечатана в «Вестнике Европы», 1880, № 5, стр. 390—404.

[2] В тот же день Тургенев писал Стасюлевичу о Луканиной: «Хотя Вы ей выслали вперед порядочные деньги — и она очень Вам за то благодарна — но — между нами сказано — если бы Вы еще влили в ее лампадку, которая еле теплится — масла рублей на сто — она бы чувствительно обрадовалась» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, стр. 171).

[3] Имеется в виду корректура статьи И. Я. Павловского «En cellule. Impressions d'un nihiliste» (В одиночном заключении. Впечатления нигилиста). Об этом см. выше, стр. 299, примечание 3. 21 апреля/3 мая 1879 года Тургенев поручил Луканиной перевод на французский язык очерка Павловского, что она и выполнила. Этот перевод был напечатан в Париже в газете «Temps» от 12 ноября 1879 года. Редактор газеты Эбрар в качестве предисловия напечатал также письмо к нему Тургенева, рекомендовавшего опубликовать статью Павловского (см.: И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, Гослитиздат, 1933, стр. 294—295).

[4] Так Тургенев называет повесть А. Н. Луканиной «Любушка», которую он рекомендовал напечатать в переводе на французский язык в газете «Temps». Об этом см. в воспоминаниях Луканиной («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 55, 62, 70—71, 73, 76).

15

50, Rue de Douai
Paris

Воскресение, 7-го Дек. ‹1879›.

Любезная Аделаида Николаевна,

Потрудитесь зайти ко мне во Вторник часу в 1-м; мы об Ваших рукописях поговорим — да кстати мне придётся вручить Вам 150 фр. за перевод статьи Павловского.[1] Надеюсь также узнать нечто положительное о судьбе «Любушки».[2]

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

* «Время» (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine. Au bureau de la poste restante de la rue du Cardinal Lemoine. Paris.

[1] Павловский Исаак Яковлевич (1853—1924). О его статье см. примечание 3 к письму 14.

[2] О повести «Любушка» см. примечание 4 к письму 14. 3/15 января 1880 года Тургенев просил Ш. Эдмонда (Хоецкого) узнать о судьбе рукописи у редактора «Temps» (Письма И. С. Тургенева к г-же Полине Виардо и его французским друзьям. Собранные и изданные М. Е. Гальпериным-Каминским, М., 1900, стр. 319).

16

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frênes
Châlet

Четверг, 12-го Авг. 80.

Любезнейшая Аделаида Николаевна. В ответ на Ваше письмо имею сообщить Вам следующее: Конвенция между Россией и Францией так ловко устроена, что всякий имеет право, не спросясь с автором, переводить, сокращать, коверкать его сочинение. — Следовательно, никакой процесс немыслим — и остается покориться судьбе. — Можете однако написать в редакцию «Réforme» (где этот журнал издается?) с предложением самолично переводить Ваши произведения, при чём можно будет прибавлять слова: «avec l'autorisation de l'auteur» * — Хотя эта «авторизация» нисколько не обязательна, но всё таки она являет некоторую нравственную гарантию — из за которой иной журнал предпочтет перевод самого автора.[1]

О «Любушке» справлюсь в «Temps». — Она там явится — это несомненно; но, вероятно, не раньше зимы.

Я очень радуюсь тому, что Ваша повесть[2] появилась в «Вестнике Европы».

Дайте знать, когда вернетесь в Париж — а я здесь остаюсь до Ноября.

Примите уверение в искренних чувствах

Преданного Вам
Ив. Тургенева.

* С разрешения автора (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine. Biarritz. Hôtel du Vieux Pont (Basses Pyrenées).

[1] Речь идет о том, что в журнале «Réforme» без ведома А. Н. Луканиной был напечатан на французском языке ее рассказ «Птичница». Луканина была глубоко возмущена этим и жаловалась Тургеневу. Об этом мы читаем в ее дневнике следующее: «...я сказала Ивану Сергеевичу о переводе и напечатании „Птичницы“ в „Réforme“, что случилось без моего ведома. Иван Сергеевич ничего не знал вообще о существовании этого журнала, но когда я показала ему список сотрудников, то оказалось, что он многих из них знает... Затем он дал мне рекомендательные письма к г. Гебрару, а также к г. Франколену, директору „Réforme“. Прочтя его фамилию и фамилию доктора Летурно, Иван Сергеевич засмеялся и заметил: „Всё птицы: francolin значит красный рябчик, а étourneau — скворец“» («Северный вестник», 1887, № 3, стр. 71).

[2] Повесть А. Н. Луканиной «Дядя Ваня» была напечатана в № 7 журнала «Вестник Европы» за 1880 год.

17

(Seine et Oise.)
Bougival
Les Frênes
Châlet

Понедельник, 27-го Сент. 80.

Любезная Аделаида Николаевна,

Я уезжаю в Англию на семь дней[1] — но как только вернусь, дам Вам знать и назначу день и место свидания, так как весьма желаю Вас видеть. Остаюсь

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine. Paris. Au bureau de la poste restante de la rue du Cardinal Lemoine

[1] Еще раньше в письме от 20 сентября 1880 года Тургенев писал П. Л. Лаврову, что он отправляется в Англию и пробудет там «дней 5» («Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 26—27).

lib.pushkinskijdom.ru

18

Любезная Аделаида Николаевна, имею сообщить Вам следующее: с получением сего, ступайте — (но только до *1 часу дня*) — к известному электристу Яблочкову[1] (я потерял его карточку — но помню, что он живет Rue de Naples 9 ou 6— впрочем Вы это легко узнаете) — и спросите его или лучше его quasi-жену, M-me Yablochkoff — Марию Ивановну —: она ищет для своей знакомой учительницу русского языка. — Эта знакомая желает брать 5 уроков в неделю и предлагает 5 фр. за урок. — Это, кажется, небезвыгодно. — Скажите, что Вы пришли от моего имени — они предуведомлены. — Ну а что́ дело с Temps? Ладится? — Я зачитал Ваши воспоминания медицинской студентки[2] — и до сих пор мне очень нравится. — Мои[3] все переехали в Париж — а я остаюсь — пока — здесь — (до будущей Середы) — хочу посмотреть поможет ли мне одиночество работать. — Жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

Буживаль, Les Frênes. — Середа, 10-го Нояб. 80.

P. S. Пришлите мне Ваш настоящий адресс.

‹*На обороте*›

Madame Adélaïde Loukanine au bureau de la poste restante. Rue Cardinal Lemoine. Paris.

[1] Яблочков Павел Николаевич (1847—1894) — известный русский ученый физик, изобретатель первой электрической лампочки — «свечи Яблочкова» (1876). В 1880 году Яблочков приехал в Париж в связи с подготовкой к Первой всемирной электротехнической выставке. «Находясь на чужбине, Яблочков всегда с большой любовью относился к передовым русским людям, попадавшим за границу. Он встречался с русскими политическими эмигрантами, оказывал им материальную помощь. У Яблочкова находили постоянную поддержку и помощь тоже русские инженеры и изобретатели. Отношение Яблочкова к русским политическим эмигрантам сделало великого изобретателя „неблагонадежным“ в глазах царского правительства» (Академик В. П. Никитин. Павел Николаевич Яблочков /К 100-летию со дня рождения/. «Вестник Академии Наук СССР», 1947, № 12, стр. 88). О знакомстве Тургенева с П. Н. Яблочковым других сведений, кроме данного письма, мы не имеем.

[2] См. примечание 2 к письму 5.

[3] Семья Виардо.

lib.pushkinskijdom.ru

19

50, Rue de Douai
Paris.

Вторник. ‹4 января 1881›.[1]

Любезная Аделаида Николаевна,

Вот скоро две недели как я болен — и только сегодня в первый раз поднялся с постели. — Приходите в Пятницу утром и мы переговорим. С Гебраром[2] надо разъехаться. — Стасюлевич давно выслал мне данные Вам в займы 200 фр.[3] — и ждет второй части записок.[4]

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев.

‹*На конверте*›

Madame Adélaïde Loukanine au bureau de la poste restante Rue Cardinal Lemoine. Paris.

[1] Письмо датируется по почтовому штемпелю на конверте.

[2] Эбрар (Hèbrar) — редактор газеты «Temps», задерживавший печатание перевода повести А. Н. Луканиной «Любушка» (см. выше, письма 14, 15 и 16). В результате переговоров Эбрар согласился печатать повесть, но с условием, чтобы перевод был отредактирован французом.

[3] Деньги были высланы М. М. Стасюлевичем еще в декабре 1880 года.

[4] «Год в Америке»; см. примечание 2 к письму 5.

20

50, Rue de Douai
Paris

Воскресение. ‹Февраль—март 1881›.[1]

Любезная Аделаида Николаевна,

Я просил Вас прислать мне обратно мой фёльетон (из «Порядка»);[2] во всяком случае принесите его завтра с собою на чтение, так как я, может быть, его прочту. —[3]

Жму Вам дружески руку.

Ив. Тургенев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Датируется предположительно на основании записи в дневнике А. Н. Луканиной о литературном утре, на котором Тургенев предполагал выступить с чтением своих произведений (см.: «Вестник Европы», 1887, № 3, стр. 76—78).

[2] В газете «Порядок», 1881, №№ 1 и 4, 2 и 5 января, был напечатан очерк Тургенева «Старые портреты».

[3] На вечере «Общества взаимного вспомоществования русских художников в Париже» Тургенев предполагал читать «Старые портреты» и к участию в этом вечере привлек также Луканину. Однако сам по нездоровью быть на вечере не мог; Луканина же читала отрывки из своих повестей (см.: «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 78).

21 V

С. Пбург.
Невский № 11.

Суббота, 16/28 Мая 81.

Любезная Аделаида Николаевна,

Я виноват перед Вами, что забыл моё обещание и не написал Вам, тотчас по приезде сюда. — Но в первые дни у меня голова завертелась — а там подагра меня схватила и до сих пор (вот уже 10-й день) не выпускает меня из комнаты. — Однако я кончил тем что добился свидания с Пыпиным[1] (Стасюлевич совсем бросил «Вестник Европы» и даже не знает, что́ там печатается) — вручил ему Вашу 4-ую часть[2] и получил уверение что все 4 части будут непременно напечатаны в В‹естнике› Е‹вропы› начиная с Июня (с легкими сокращениями в 1-й части) — и деньги будут Вам аккуратно высланы. — На всякий случай вот Вам его адресс: Александр Николаевич Пыпин, редакция Вест‹ника› Ев‹ропы›. Галерная № 20. Обращаться надо теперь к нему. Как только мне полегчит — я уезжаю в деревню (Орловской губ. город Мценск, с. Спасское-Лутовиново).

Желаю Вам всего хорошего и дружески жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

‹На конверте›

Во Францию. В Париж. Г-же Аделаиде Луканиной. France. Madame Adélaïde Loukanine. Paris. Au bureau de la poste restante de la Rue Cardinal Lemoine.

[1] Пыпин Александр Николаевич. О нем см. выше, стр. 227, примечание 4. С 1866 года Пыпин — один из деятельнейших участников журнала «Вестник Европы».

[2] Имеются в виду воспоминания Луканиной «Год в Америке».

lib.pushkinskijdom.ru

22

С. П.бург.
Невский пр. № 11
Вторник, 19/31-го Мая 81.

Любезная Аделаида Николаевна,

Сей час получил Ваше невеселое письмо [1] — и отвечаю несколькими словами. Вам уже теперь вероятно известно (из отправленного мною к Вам на днях письма) — что Ваши статьи [2] приняты редакцией «Вестника Европы» — и будут печататься с будущего месяца; а так как деньги теперь же необходимы — то я с нынешней же почтой прошу моего приятеля Л. Виардо [3] выслать Вам 200 франков, которые я здесь получу с Пыпина из причитающихся за ним денег; попрошу его также этим не удовольствоваться — но выслать Вам еще небольшую сумму. Размышляя о Вашем положении, я прихожу к убеждению, что лучше всего было бы Вам вернуться в Россию. — Первая попытка, как Вам известно, не удалась; [4] можно будет сделать другую — но для этого нужно обождать... Горькое это слово; да делать-то нечего. С удалением Гр. Лориса-Меликова [5] много таких надежд кануло в воду. Отчаяваться однако нечего — так как легальных препятствий Вашему возвращению, как Вы знаете, нет. — Впрочем, речь об этом впереди.

Я на днях уезжаю в Москву и в деревню; но адресс мой остается тот же. — Так вернее.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

Ив. Тургенев. [6]

‹*На конверте*›

Франция. Г-же Аделаиде Луканиной. France. Madame Adélaïde Loukanine. Paris. Au bureau de la poste restante de la Rue Cardinal Lemoine.

[1] Письмо А. Н. Луканиной от 23 мая 1881 года, на которое отвечает Тургенев, напечатано в восьмом выпуске «Щукинского сборника». В этом письме Луканина жалуется на прекращение уроков и литературных заработков и с большими извинениями просит Тургенева похлопотать о судьбе ее рукописей в редакции «Вестника Европы». «Очень тяжело и неприятно мне надоедать Вам моими делами, но я надеюсь, что Вы, по доброте своей, простите меня... Я очень хорошо знаю и отдаю себе полный отчет в том, что и Вы и редакция и заняты и заинтересованы такими вопросами и делами, по сравнению с которыми мои „делишки“ ничто — поэтому мне и самой даже чуть не до слез досадно,

lib.pushkinskijdom.ru

что *необходимость,* не смотря ни на что, заставляет таки лезть на глаза людям... Деньги, которые Вы дали мне — вышли; уроки, или лучше сказать — урочишки прекращаются за летним временем... Одним словом сьет опять клином сошелся — только и есть одна надежда на помещение статьи в В‹естнике› Ев‹ропы› при помощи Вашей рекомендации» (Щукинский сборник, вып. VIII, 1909, стр. 210).

[2] Четыре части воспоминаний Луканиной «Год в Америке».

[3] Виардо Луи (1800—1883) — писатель и критик, муж Полины Виардо.

[4] Хлопоты через Н. А. Орлова и А. Р. Дрентельна (см. выше, письма 5, 10, 11).

[5] Лорис-Меликов Михаил Тариелович, граф (1825—1888) — с 6 августа 1880 по 7 мая 1881 года министр внутренних дел. Тургенев неоднократно обращался к нему с ходатайствами за русских эмигрантов. «Я собственными глазами видел письмо, направленное им к Лорис-Меликову, в котором он испрашивал позволение на возвращение в Россию двенадцати молодым людям, слегка лишь замешанным в социалистической пропаганде», — писал в своих воспоминаниях М. М. Ковалевский («Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 18). Письмо, о котором говорит Ковалевский, не сохранилось, но известны два опубликованных письма Тургенева к Лорис-Меликову, в которых он ходатайствовал за трех студентов-эмигрантов: Н. Иванова, Н. Мазченко и М. Веллера. Вмешательство Тургенева позволило им вернуться на родину (см.: Л. Ильинский. Тургенев и эмигранты. «Литературно-библиологический сборник», Пгр., 1918, стр. 32—39).

[6] Ответ Луканиной на это письмо, в котором она горячо благодарит Тургенева, опубликован в восьмом выпуске «Щукинского сборника»: «Как Вас благодарить уж и не знаю — я получила оба Ваши письма ‹от 16/28 и 19/31 мая 1881 года› и деньги — 200 фр. — от Г. Виардо и теперь на время спокойна. Я не могу Вам выразить как я рада, что статья моя принята... Мне так совестно, что я так постоянно утруждаю Вас, не только всякими хлопотами, но еще и постоянно получаю деньги от Вас. Я думаю, что гораздо лучше было бы если бы редакция прямо вычла из будущего гонорара то, или хоть часть того, что Вы мне дали и переслала бы Вам... — желаю Вам всего что можно желать лучшего и в смысле здоровья и в смысле спокойствия» (стр. 211, 212).

23

Буживаль
Villa Les Frênes

Понедельник
31-го Окт. 81.

Любезнейшая Аделаида Николаевна, пойдите *после-завтра в Середу* — до 12 часов — к моему приятелю Алексею Петровичу Боголюбову [1] — Boulevard de Clichy № 11. У него есть для Вас место преподавательницы, кажется, весьма хорошее.[2]

А оттуда потрудитесь зайти ко мне в Rue de Douai — в 1/4 2-го. Я буду там и очень буду рад Вас видеть и переговорить с Вами. До свидания; жму Вам руку.

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896) — художник. Большую часть своей жизни Боголюбов провел в путешествиях по Европе и дольше всего жил в Париже, где и скончался. Его парижская мастерская являлась средоточием проживавших в Париже русских художников и писателей. Там бывали: Репин, Савицкий, Шиндлер, Ге (племянницы художника), Беггров, Дмитриев-Оренбургский, Тургенев и А. К. Толстой. Боголюбов, так же как и Тургенев, с большим участием и вниманием относился к нуждам обращавшихся к нему за помощью русских. Он был основателем «Общества взаимного вспомоществования русских художников в Париже», и Тургенев был его деятельным помощником и секретарем общества. В своем дневнике «Записки моряка-художника», хранящемся в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Боголюбов указывал, что Тургенев был неизменным участником вечеров, устраивавшихся Обществом с благотворительной целью. Боголюбов считал Тургенева «чудным» чтецом своих произведений и «самой крупной единицей» в Обществе (Радищев. Статьи и материалы, Л., 1950, стр. 272). Об отзывчивости Боголюбова сохранился ряд высказываний его современников: «он сам очень обязательный господин, любит покровительствовать молодежи», писал о нем В. Д. Поленов в письме к матери от 17 февраля/1 марта 1874 года (Е. В. Сахарова. Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания. Изд. «Искусство», 1950, стр. 44); и в другом письме: «славный он человек, такой добрый и любезный» (там же, стр. 52). В 1886 году Поленов писал В. М. Васнецову о Боголюбове: «Он собирает сведения об академических отщепенцах и изгнанниках и старается им улаживать заказы» (там же, стр. 215).

Е. М. Хмелевская

lib.pushkinskijdom.ru

ИЗ ПЕРЕПИСКИ О КОМЕДИИ «НАХЛЕБНИК»

А. А. КРАЕВСКИЙ — И. С. ТУРГЕНЕВУ

Публикуемые ниже три письма (А. А. Краевского к И. С. Тургеневу от 11/23 марта 1849 года и М. С. Щепкина к П. В. Анненкову от 19 ноября 1856 года и 9 октября 1857 года) представляют несомненный интерес как новые документы, проясняющие ряд дополнительных подробностей в уже неоднократно рассказанной истории запрещения цензурой одной из лучших комедий И. С. Тургенева — «Нахлебник».

Как известно, эту свою двухактную комедию Тургенев писал за границей, преимущественно в Париже, между концом 1847 и серединой ноября 1848 года, и посвятил ее великому русскому артисту, основоположнику русского сценического реализма Михаилу Семеновичу Щепкину (1788—1863), предназначая для него главную роль пьесы — Кузовкина. В конце 1848 года Щепкин с нетерпением ожидал присылки ему рукописи «Нахлебника» от автора, предполагая поставить комедию в свой бенефис 31 января 1849 года на сцене Малого театра в Москве. Нетерпение Щепкина непрерывно усиливалось благодаря тому, что в литературных кругах Москвы и Петербурга о новой пьесе Тургенева уже шли толки и слухи; самые интригующие сведения доходили до Щепкина также из Парижа, от его давнего близкого друга, Герцена, который был первым читателем и критиком пьесы, знавшим ее по еще неотделанной рукописи: «Нахлебник» создавался в тот период, когда Тургенев часто виделся с Герценом и обсуждал с ним свои ближайшие творческие планы (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под редакцией М. К. Лемке, т. XXII, 1925, стр. 246). В письме от 27 октября/8 ноября 1848 года, через своих московских приятелей, Герцен просил передать М. С. Щепкину, что «драма, которую пишет Тургенев (т. е. «Нахлебник») — просто объеденье» (там же, т. V, стр. 247). Очень восторженно Герцен отзывался о «Нахлебнике» и в других своих письмах. Вероятно, о ходе своей работы М. С. Щепкину неоднократно сообщал и сам Тургенев. Из их переписки, однако, сохранилось лишь одно письмо Тургенева, датированное 3/15 декабря 1848 года, когда уже весь текст «Нахлебника» был выслан в Москву. В этом письме Тургенев спрашивал Щепкина, получил ли он второй акт пьесы (первый акт был выслан еще ранее), и, кстати, сообщал несколько поправок к тексту, сделанных по настоянию Герцена. Отметим, что это письмо Тургенева было опубликовано впервые в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» (вып. IV, Оренбург, 1898, стр. 117—119), затем в «Литературном вестнике» (1905, № 5, стр. 82) и что местонахождение его подлинника долгое время оставалось неизвестным; в настоящее время письмо это

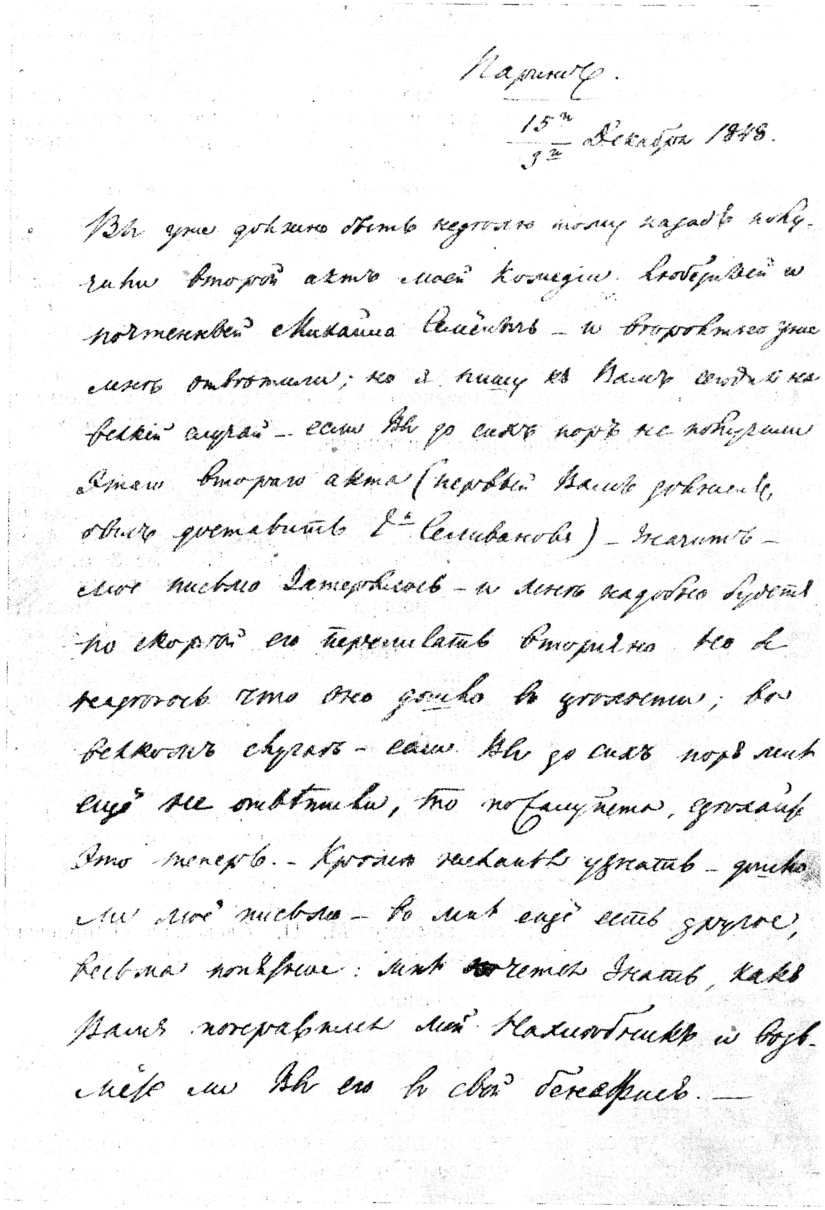
lib.pushkinskijdom.ru

находится в Рукописном отделе ИРЛИ, переданное сюда (в 1951 году) из музея Киргизского филиала Академии Наук СССР. (Сверка автографа с двумя его публикациями показала, что оно напечатано исправно; см. снимок с него в данном издании).

Не получив еще никаких известий из Москвы о судьбе своей пьесы, Тургенев, однако, уже заботился о ее напечатании в одном из журналов. Еще в начале января 1849 года Тургенев предлагал ее редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому: «...31-го числа января [т. е. через 24 дня] будет дана в Москве для бенефиса Щепкина моя комедия в 2-х актах под названием: Нахлебник. Хотите вы ее напечатать в О‹течественных› З‹аписках›, если она не шлепнется, разумеется? Я сегодня же пишу об этом Щепкину, который тотчас, по получении от вас письма, вам ее вышлет. Только, ради бога, чтобы не было опечаток!!!» (Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена к А. А. Краевскому, СПб., 1893, стр. 2). Между тем, несмотря на хлопоты Щепкина, ему не удалось получить разрешение на постановку пьесы, и она застряла в цензурных инстанциях Москвы и Петербурга. Известно, что, когда «Нахлебник» был запрещен к представлению драматической цензурой, находившейся тогда в ведении III Отделения, «за оскорбление нравственности и дворянского сословия», Тургенев все же не оставил надежды видеть свою пьесу хотя бы напечатанной. Тому же А. А. Краевскому Тургенев писал 1/13 марта 1849 года: «Я, ей же ей, не понимаю, что́ могла найти цензура в Нахлебнике, и с нетерпением ожидаю результата вашей попытки его напечатать. Вся комедия, как вы увидите, написана более для одной роли, и вы можете себе представить, как мне было неприятно неисполнение Нахлебника в его ‹М. С. Щепкина› бенефис. Ну, однако, дело сделано, и я желаю только, чтобы в вашем журнале ее бы не исказили» (Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена к А. А. Краевскому, СПб., 1893, стр. 3). А. А. Краевский и сам, видимо, надеялся на то, что разрешение на публикацию пьесы Тургенева будет ему дано: «Нахлебник» был набран и предназначался для третьей книжки «Отечественных записок». Между тем 22 февраля 1849 года Петербургский цензурный комитет признал эту комедию «совершенно безнравственною и наполненною выходками против русских дворян, представляемых в презрительном виде, и потому положил: запретить оную и корректурные листы оставить при деле». См. в книге: Литературный Музеум. Цензурные материалы I-го отд. IV секции Государственного архивного фонда, кн. I, П., ‹1919›, стр. 187—257, где напечатана эта первая, запрещенная редакция комедии, а также Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев, Исследования и материалы, вып. I, Одесса, 1921, стр. 75—81.

Известие об окончательном запрещении комедии достигло Тургенева в конце марта (ст. ст.) 1849 года. Первым известил его об этом А. А. Краевский. Тургенев писал ему в ответ 2/14 апреля: «С неделю тому назад... получил я ваше письмо с известием об окончательном кораблекрушении злополучного „Нахлебника“. Мир его праху!» (Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена к А. А. Краевскому, СПб., 1893, стр. 4). Вскоре о том же Тургеневу писал Н. А. Некрасов (27 марта 1849 года), досадовавший, что пьеса отдана была автором не в «Современник», а в «Отечественные записки», но напрасно полагавший при этом, что ее удалось бы спасти от окончательного запрещения: «Нахлебник ваш *не пошел* — этого бы не случилось, еслиб он попал к нам, а теперь он погиб невозвратно» (Некрасов, Собрание сочинений, т. V, 1930, стр. 130). Письмо А. А. Краевского к Тургеневу с первым известием об окончательном решении относительно «Нахлебника» Петербургского цензурного

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо И. С. Тургенева к М. С. Щепкину от 15/3 декабря 1848 г. Первая страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskijdom.ru

комитета, ответом на которое было письмо Тургенева от 2/14 апреля 1849 года, еще не было известно в печати. Мы приводим его по автографу, обнаруженному в бумагах А. А. Краевского, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 7, № 144).

Любопытно, что и после окончательного запрещения пьесы в том же 1849 году вновь была сделана попытка добиться разрешения на допущение «Нахлебника» к сценическому воспроизведению. Об этом свидетельствует обнаруженный нами среди рапортов о пьесах, рассмотренных в 1849 году драматической цензурой, рапорт А. Гедеонова о «Нахлебнике». Как и следовало ожидать, и на этот раз «Нахлебник» вновь был запрещен Л. В. Дубельтом 10 сентября 1849 года (ЦГИАЛ, ф. 780, оп. 1, № 26, рапорт № 25).

1 декабря 1849 года Тургенев, основываясь на положительном отзыве о «Нахлебнике» графа Вьельгорского, вновь предлагал Краевскому попытаться его напечатать. Однако на этот раз А. А. Краевский уже не рискнул обращаться в цензурные инстанции.

В 1852 году доктор И. Ф. Миницкий предложил Тургеневу опубликовать «Нахлебника» в Одессе. Однако Тургенев, находясь в это время в ссылке и боясь еще более ухудшить свое положение, принужден был отказаться от этого предложения (см. письмо Тургенева к И. Ф. Миницкому от 5 октября 1852 года — «Вестник Европы», 1909, № 8, стр. 629). Но, как видно из последующей переписки, И. Ф. Миницкому все же удалось уговорить Тургенева, и 5 ноября 1853 года Тургенев писал ему: «„Нахлебника“ для вас переписывают» («Вестник Европы», 1909, № 8, стр. 634). Тем не менее и из этой затеи ничего не вышло.

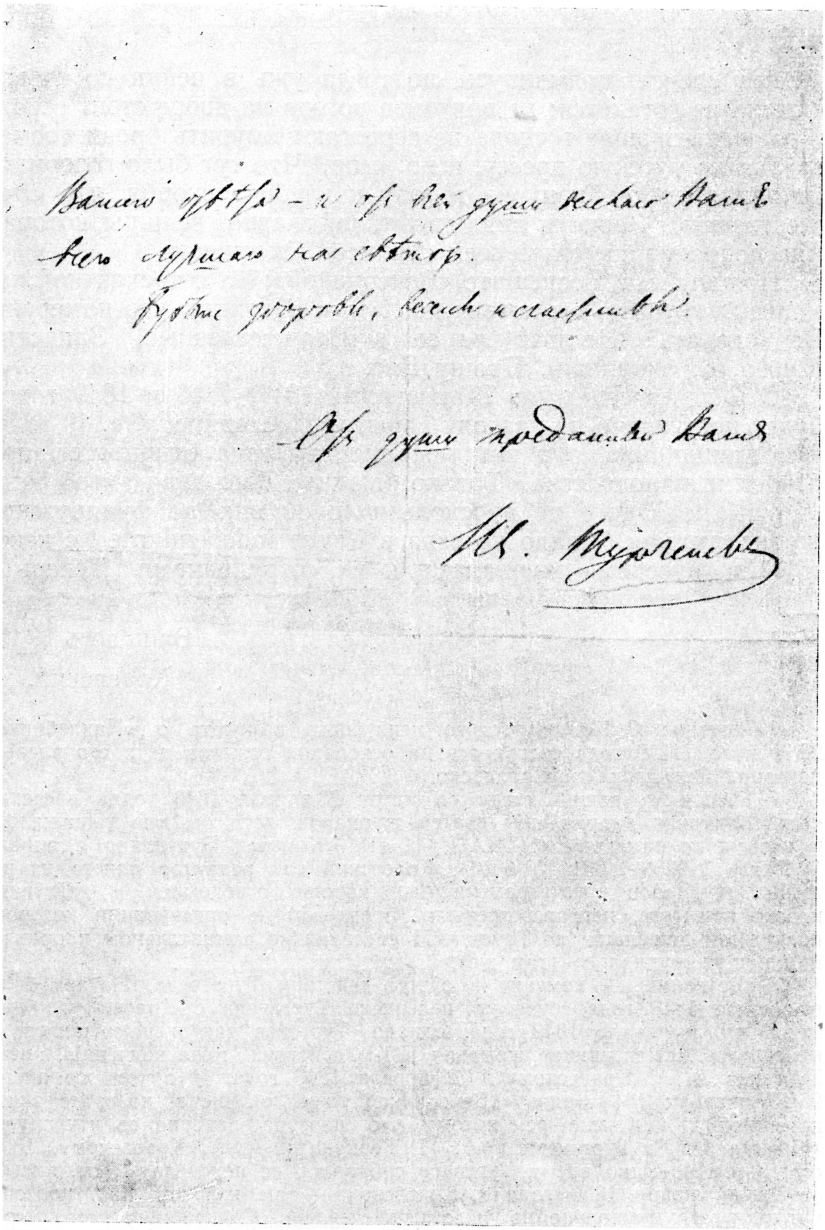
Отметим, в связи с этим неосуществившимся проектом И. Ф. Миницкого, что в Театральном отделе Одесской государственной публичной библиотеки (образованном в 1891 году из библиотеки известного одесского любителя театра Д. В. Ширяева) сохранился ряд рукописных текстов пьес Тургенева и среди них рукописная копия «Нахлебника» (№ 1488 по каталогу отдела); может быть, она и является той авторизованной копией, которая была прислана Тургеневым И. Ф. Миницкому в Одессу; насколько известно, этот текст комедии еще не подвергался специальному изучению. В том же отделе Одесской государственной публичной библиотеки хранились рукописные тексты сцен Тургенева: «Разговор на большой дороге», 1851 (№ 2039), и «Безденежье», 1845, с датой: 1860 г. (№ 90); см. заметку М. П. Алексеева «Ширяевская театральная библиотека» в одесском журнале «Театр» (1922, № 3, стр. 5).

Приводим письмо А. А. Краевского.

Санктпетербург, 11/23 Марта 1849.

Увы и трижды увы, Иван Сергеевич! «Нахлебник» не прошел сквозь утесы и завяз в них со всеми своими потрохами; ни одной строчки не уцелело; и это решение не одного, не двух голосов, а всего Синедриона.[1] Я спрашивал, почему же и за что: мне сказали, что нельзя указать собственно ни на один характер, который бы шокировал, ни на один факт, который был бы ужь черес-чур соблазнителен, но по всей комедии проходит *что-то* нехорошее; пожалуй, дескать, можно бы

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо И. С. Тургенева к М. С. Щепкину от 15/3 декабря 1848 г. Последняя страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskijdom.ru

из нее кое-что повыкинуть, но тогда ужь в ней и собачьего смысла не останется; да притом и погода на дворе стоит серая, и разные хорошие господа не перестают хмурить брови посматривая на русскую прессу, и пр. и пр.[2] Что тут было говорить? Пошел я домой, понурив голову и глубоко скорбя, что Отеч‹ественные› Записки лишились такой славной вещицы, которая мне понравилась более всех «Записок Охотника».

Пожалуйста, поспешите «Вечеринкой»; [3] а с трехактной комедией,[4] которую вы хотели послать к Щепкину, что́ намерены Вы сделать? Не льзя ли ее в Отеч‹ественные› Записки? Много бы одолжили. Прошу Вас.

С О‹течественными› З‹аписками› 1847, 1848 и 1849 годов будет поступлено по глаголу вашему. Последние, т. е. 49 года, немедленно пошлю к вам; первые два года отправятся при открытии пароходства.[5] Только блюдите, бога-деля,[а] чтоб чего-нибудь неладного не проскользнуло об них во французских журналах, как бывало некогда в Revue independante [6] с некоторыми русскими журналами и их сотрудниками. Теперь и прежде — две вещи разные.

Ваш весь
Краевский.

[1] Решение С.-Петербургского цензурного комитета о «Нахлебнике» 22 февраля 1849 года состоялось на основании отзывов двух его членов, цензоров Фрейганга и Шидловского.

[2] Господствовавший тогда «Комитет 2 апреля 1848 года» пресекал «всякое дурное направление статей журналов, хотя бы оно выражалось в косвенных намеках» (ЦГИАЛ, ф. III, «Комитет Бутурлина 2 апреля 1848 г.», 149258 30/31 К. 6054). Краевский как редактор одного из ведущих журналов того времени был хорошо осведомлен о действиях нового комитета, непосредственным предлогом к организации которого послужили дошедшие до Николая I сведения «о сомнительном направлении наших журналов» (там же).

[3] «Вечеринка» — комедия в одном действии Тургенева. Начата была в августе 1848 года; судя по переписке Тургенева с Краевским, была закончена в начале 1849 года, однако, Тургенев так и не решился ее напечатать. «„Вечеринка“, комедия в 1-м действии [тоже кончена]», писал Тургенев А. А. Краевскому 14/2 апреля 1849 года. И о том же пишет 25/13 декабря 1849 года: «„Вечеринка“ точно окончена, но я не знаю, переписывать ли мне ее, потому что цензура наверно ее изуродует» (Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена к А. А. Краевскому, 1893, стр. 5 и 12). Одно время Тургенев собирался ее переделать (см. письмо от 22/10 января 1850 года к Краевскому — там же, стр. 15), но, очевидно, и это намерение не было осуществлено. Содержание этого утраченного драматического произведения Тургенева (до нас дошел только первый лист чернового автографа с перечнем действующих лиц и нача-

[а] *Старинное выражение в значении «ради бога».*

lib.pushkinskijdom.ru

лом текста, хранящийся в Рукописном отделе ИРЛИ; см.: М. К. Клеман. Новые тексты Тургенева. II. Вечеринка. И. С. Тургенев. Материалы и исследования. Под редакцией Н. Л. Бродского, Орел, 1940, стр. 9—11) рассказано по памяти и едва ли точно Н. А. Огаревой-Тучковой в ее «Воспоминаниях», М.—Л., 1929, стр. 465—466.

[4] Речь идет о комедии «Холостяк», написанной Тургеневым в 1849 году. Об этой комедии, не упоминая ее названия, Тургенев писал в письме к Краевскому от 1/13 марта 1849 года: «...а меня чорт дернул написать другую комедию в 3-х актах, опять для Щепкина, которую я ему на днях высылаю» (Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена к А. А. Краевскому, СПб., 1893, стр. 3). Комедия «Холостяк» была опубликована в девятой книжке «Отечественных записок» за 1849 год.

[5] О пересылке Тургеневу в Париж «Отечественных записок» между Тургеневым и Краевским завязалась довольно длительная переписка. Однако Краевский, очевидно опасаясь неприятностей, которые могли грозить ему за распространение старых номеров «Отечественных записок», где печатались статьи Белинского, которого и имя теперь было запрещено произносить, так и не выслал Тургеневу обещанных книг. Можно также предположить, что Краевскому было известно о производившихся во время господства «Комитета 2 апреля 1848 года» изъятиях из продажи старых номеров «Отечественных записок», в продаже которых комитетом усматривалась попытка распространения революционных идей Белинского и Герцена (см.: ЦГИАЛ, ф. 100, «Комитет 2 апреля 1848 г.», № 162, стр. 3).

[6] «Revue indépendante» («Независимое обозрение») — радикальный журнал, основанный в Париже Жорж Санд, Пьером Леру и Луи Виардо в 1841 году и выходивший в свет до 24 февраля 1848 года. В 1847 году на страницах этого журнала появился ряд отзывов о новых книгах русских писателей и, в частности, дважды весьма сочувственно упомянут был Белинский. Ф. Булгарин тотчас же привел цитаты из этих отзывов в «Северной пчеле», сопроводив их своими издевательскими пояснениями. Эта наглая выходка вызвала отповедь «Современника» (см. статью Л. Ланского «Отзывы о Белинском в „La Revue indépendante“», — «Литературное наследство», кн. 56, 1950, стр. 497—500).

М. С. ЩЕПКИН — П. В. АННЕНКОВУ

До нас дошел ряд свидетельств о том, какой исключительный интерес проявил М. С. Щепкин к посвященному ему «Нахлебнику». «Особенно нравилась ему ‹М. С. Щепкину› пьеса „Нахлебник“ и роль самого Нахлебника, — вспоминает А. В. Щепкина. — Когда пьесу эту задерживали, и она долго не появлялась на сцене, то М. С. Щепкин пробовал ставить ее на домашнем спектакле у своих знакомых, и разучивал роль Нахлебника с величайшим удовольствием и одушевлением. Роль эта занимала его в продолжение целой зимы...» («Русский архив», 1889, № 4, стр. 538; А. В. Щепкина. Воспоминания, Сергиев Посад, 1915, стр. 213). Хотя этот спектакль и не состоялся, Щепкин не отказался от мысли способствовать популяризации комедии. Даже после окончательного цензурного запрещения пьесы Щепкин выступал с чтением «Нахлебника» на вечерах в разных домах. Об одном из таких чтений 13/1 декабря 1849 года Тургенев писал Краевскому: «На днях я прочел в одном письме графа Виельгорского [Матвея] весьма большие похвалы моему „Нахлебнику“, которого в одном обществе прочел

lib.pushkinskijdom.ru

Щепкин» (Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена к А. А. Краевскому, СПб., 1893, стр. 9). П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту 5 ноября 1849 года: «Третьего дня вечером я с женою был у Одоевских, которые собрали весь beau monde * слушать Щепкина, читавшего Тургенева новую комедию в прозе: „Нахлебник". Целое больше походит на анекдот, нежели на комедию. Но одно лицо (именно нахлебник) так чудесно обрисовано, в такое трогательное поставлено положение..., что нельзя не признать в авторе истинного таланта» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, СПб., 1896, стр. 487). В публикуемом ниже письме Щепкина к П. В. Анненкову 1856 года также упоминается об аналогичном факте, относящемся, правда, к более позднему времени.

Благодаря пропаганде комедии Щепкиным, а также распространению ее в списках, она приобрела широкую известность. Имеются сведения о том, что на тайных собраниях петрашевцев ее читали вместе с письмом Белинского к Гоголю. 26 марта 1849 года А. Н. Плещеев писал из Москвы в Петербург С. Ф. Дурову: «Рукописная литература в Москве в большом ходу. Теперь все восхищаются письмом Белинского к Гоголю, пиэской Искандера „Перед грозой" и комедиею Тургенева „Нахлебник". Все это вы вероятно будете читать» («Полярная звезда» на 1862, кн. VII, вып. 1, стр. 71; ср. «Литературное наследство», кн. 56, 1950, стр. 529).

Петрашевец А. И. Пальм в своем показании на процессе также засвидетельствовал исключительный интерес передовых кругов русского общества к этому произведению Тургенева. «Когда Филиппов сделал предложение, — говорил Пальм, — читать какие бы то ни было сочинения, конечно, неподходящие под правила цензуры, это предложение было принято всеми... Плещеев обещал прислать комедию „Нахлебник", а прислал письмо Белинского» (В. И. Семевский. Петрашевцы... «Голос минувшего», 1915, № 12, стр. 54).

Публикуемые ниже письма М. С. Щепкина к П. В. Анненкову лишний раз свидетельствуют о том, что и в 1856—1857 годах Щепкин с тем же энтузиазмом, как и прежде, стремился к осуществлению постановки «Нахлебника» на сцене.

Комедия Тургенева оставалась под запретом до второй половины 50-х годов. Только после смерти Николая I, когда цензурный гнет временно был несколько ослаблен, стало возможным возобновить попытки, чтобы добиться разрешения на публикацию «Нахлебника». Мысль об этом возникла еще летом 1856 года в кружке «Современника». Возможно, что инициатива принадлежала Некрасову, собиравшемуся издать собрание драматических произведений Тургенева в дополнение к опубликованным в этом же году его «Повестям и рассказам»; перед отъездом за границу, в августе 1856 года, Некрасов оставил особую инструкцию по этому поводу Д. Я. Колбасину (см.: Архив села Карабихи. М., 1916, стр. 276—277; Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, стр. 264). На предложение И. И. Панаева прислать «Нахлебника» в «Современник» Тургенев ответил согласием уже в сентябре этого года (Тургенев и круг «Современника», 1930, стр. 49), а в письме от 3/15 октября 1856 года он извещал Панаева, что пришлет «Нахлебника» «в измененном виде в половине Ноября», оговариваясь: «если только Ценсура его пропустит» (там же, стр. 52). Выполнение этого обещания, однако, задержалось отчасти, вероятно, потому, что Тургенев не был уверен в успехе нового ходатайства об его пьесе перед цензурным комитетом. Еще 6/18 января 1857 года

* Высший свет (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

Тургенев писал П. В. Анненкову: «Я нисколько не прочь от печатания „Нахлебника“ — и кое-что даже переделал и сократил. Поправки эти я немедленно вышлю Панаеву — они еще ко 2-му номеру поспеют» («Наша старина», 1914, № 11, стр. 990). На самом деле новый текст комедии был выслан Тургеневым в Петербург лишь в середине февраля. В письме к Тургеневу из Рима от 18 января 1857 года Некрасов «умолял» его выслать «Нахлебника» для второй, февральской книжки «Современника» (Некрасов, Собрание сочинений, т. V, 1930, стр. 279), а из письма Н. Г. Чернышевского к Некрасову от 13 февраля 1857 года следует, что, когда пьеса запоздала и в этот номер, Некрасов хлопотал, чтобы она попала в следующий: «Очень обрадовало меня известие (в Вашем письме к Ив. Ив. Панаеву), — писал Чернышевский, — что Вы, Николай Алексеевич, уговорили Тургенева прислать „Нахлебника“ на 3-ю книжку...» (Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, Гослитиздат, 1949, стр. 339). О том, когда рукопись пьесы была направлена в редакцию «Современника», мы знаем также из свидетельства самого Тургенева. Д. Я. Колбасину он писал 16/28 февраля 1857 года: «Я отправил слегка выправленного „Нахлебника“ (с переменою заглавия) к Панаеву, — посмотрим — пропустит ли цензура» («Новое время», 1894, № 6710, 2 ноября).

Против всех ожиданий автора «Нахлебник» был в конце концов напечатан в третьей книжке «Современника» 1857 года (вышедшей в свет около 20 марта) под заглавием «Чужой хлеб». Тургенев тотчас же был извещен об этом. И. И. Панаев писал ему: «Нахлебник твой напечатан в 3 № без всяких ценсурных помарок»; Д. Я. Колбасин сообщал, в свою очередь: «Нахлебник Ваш прошел целиком, кроме слова *заезженный*» (Тургенев и круг «Современника», 1930, стр. 84, 329; ср. также: Первое собрание писем И. С. Тургенева, СПб., 1884, стр. 50). Автограф пьесы, хранящийся в ИРЛИ, служил оригиналом как для неосуществленной публикации в «Отечественных записках» 1849 года, так и для текста, напечатанного в «Современнике» в 1857 году (см.: Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1, Одесса, 1921, стр. 83—89; В. И. Чернышев. Комедия Тургенева «Чужой хлеб». «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год», П., 1922, стр. 117—136).

Публикуемые письма М. С. Щепкина к П. В. Анненкову 1856—1857 годов вносят несколько новых подробностей не только во всю эту историю публикации второй редакции комедии Тургенева в «Современнике», но и в позднейшую историю ее первого представления на сцене. Из этих писем прежде всего становится ясным, почему в хлопотах о получении цензурного разрешения на публикацию «Нахлебника» столь близкое участие принял П. В. Анненков и почему Тургенев, по его собственным словам, предоставил ему «все свои права» на эту вещь (П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб., 1909, стр. 554; в переиздании 1928 года это письмо Тургенева отсутствует). Выше мы уже привели цитату из письма Тургенева к П. В. Анненкову от 6/18 января 1857 года о «Нахлебнике». В письме к И. И. Панаеву от 12/24 января 1857 года Тургенев также сообщал мнение П. В. Анненкова: «...попробуйте напечатать „Нахлебника“, — мне Анненков пишет, что теперь его, пожалуй, позволят. — Если его пропустят — (списки достать, я думаю, легко) — *то поручаю Толстому держать корректуру* — а в случае надобности сделать поправки и сокращения» (Тургенев и круг «Современника», 1930, стр. 73). Оставалось не вполне ясным, чем вызван был интерес Анненкова к судьбе «Нахлебника» в *начале января* 1857 года, т. е. тогда, когда вопрос о публикации пьесы на страницах «Современника» был уже давно решен и

lib.pushkinskijdom.ru

когда остановка была лишь за Тургеневым, на несколько месяцев задержавшим высылку в редакцию исправленного текста своей комедии. Первое из публикуемых писем М. С. Щепкина к Анненкову, от 19 ноября 1856 года, свидетельствует, что инициатива представить «Нахлебник» в театральную цензуру исходила от Щепкина, второй раз в его жизни (на этот раз через П. В. Анненкова) попытавшегося получить разрешение на представление пьесы в свой бенефис 13 января 1857 года: ему хотелось «сыграть на старость дельную роль», специально ему предназначенную автором. П. В. Анненков не замедлил выполнить просьбу М. С. Щепкина. Через месяц после получения письма от Щепкина Анненков писал Тургеневу о «Нахлебнике» 29 декабря 1856 года: «... к бенефису Щепкина я представил его в театральную цензуру, изменив название так: „Даровой хлеб". Простите сию невежливость и неловкость, ради того, что я решился на половину только пошлости, а мог бы и целую взять в роде: „Даровой хлеб — горек". Вышло, что отказать не отказали, а протянули так, что к бенефису комедия не поспела. При том же цензор Нордстрем (очень порядочный человек) заметил, что пьеса скорее могла бы быть допущена на сцену, если бы была *напечатана.* Как вы думаете?» (Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина, вып. III, М., 1934, стр. 63). Приведенное выше письмо Тургенева к Панаеву от 12/24 января 1857 года явно написано под впечатлением только что полученного им письма от Анненкова от 29 декабря 1856 года: именно поэтому он и предлагал скорее напечатать «Нахлебника» в «Современнике» с прямой ссылкой на мнение Анненкова и подразумевая при этом слова цензора Нордстрема; этим же письмом Анненкова от 29 декабря вызвана торопливость Тургенева, которая сквозит в каждой строчке его письма к Панаеву. Тургенев предлагал, очевидно, печатать «Нахлебника» немедленно, не дожидаясь присылки вновь исправленного текста, по случайным спискам, предоставляя Л. Н. Толстому «в случае надобности сделать поправки и сокращения»: спешка, очевидно, была вызвана желанием помочь Щепкину. Интересы старого артиста, столь любимого Тургеневым, и «Современника» тесно переплетались: разрешение на постановку «Нахлебника» на сцене ставилось в зависимость от того, будет ли пьеса напечатана на страницах журнала. Тургеневу оставалось лишь как можно скорее закончить свою работу над новой редакцией пьесы. Два письма, написанные Тургеневым 6/18 и 12/24 января 1857 года, отрывки из которых приведены выше, — П. В. Анненкову и И. И. Панаеву — были, таким образом, вызваны письмом Анненкова к Тургеневу от 29 декабря 1856 года.

Надежды П. В. Анненкова на то, что опубликование «Нахлебника», этого, как ему казалось, «невиннейшего произведения русской драматургии», обеспечит пропуск его драматической цензурой, не оправдались ни в 1856, ни в 1857 году. О новых хлопотах М. С. Щепкина, предпринятых им для получения разрешения на постановку пьесы в этом последнем году, рассказывает второе из публикуемых ниже писем его к Анненкову — замечательное письмо от 9 октября 1857 года, еще раз свидетельствующее о той настойчивости, с которой он добивался этого разрешения, *третий раз с 1849 года:* «пусть они порадуют меня старика и дадут мне сыграть хорошую роль и может быть уже и последнюю» — писал Щепкин, надеясь на связи П. В. Анненкова в официальных кругах, на то, что ему удастся убедить влиятельных лиц. Но все хлопоты были и в 1857 году столь же безуспешны: очевидно, что «ужасающая правда» этой пьесы и ее антидворянская направленность прекрасно ощущались теми, от кого зависела судьба пьесы.

lib.pushkinskijdom.ru

Только в 1861 году благодаря тому, что временное исполнение обязанностей начальника III Отделения было возложено на брата П. В. Анненкова — И. В. Анненкова (случайно и притом на короткий срок), разрешение на сценическое исполнение «Нахлебника» было в конце концов дано М. С. Щепкину. Ф. А. Бурдин в своих воспоминаниях об А. Н. Островском рассказывает об этом так: «Временно назначен был исправляющим должность начальника III-го Отделения генерал Анненков, брат известного писателя П. В. Анненкова. Пьеса И. С. Тургенева „Нахлебник" была под запрещением; П. В. Анненков, как друг И. С. Тургенева, просил брата разрешить эту комедию. — С удовольствием, — отвечал он — и не только эту, а и все те, которые ты признаешь нужными; только присылай поскорее, потому что на этом месте я останусь очень недолго» («Вестник Европы», 1886, № 12, стр. 671—672). Этот рассказ подтверждается и документально. В делах драматической цензуры нами разыскана резолюция И. В. Анненкова, скрепившего очередной рапорт цензуры о «Нахлебнике». И. В. Анненков 19 октября 1861 года написал: «По внимательному рассмотрению этой пьесы я не нашел в ней оскорбления нравственного чувства и дворянского сословия» (ЦГИАЛ, ф. 780, оп. 1, № 38, рапорт № 558). Эта резолюция сняла запрет на постановку комедии, хотя и на весьма короткое время.

30 января 1862 года состоялось первое представление «Нахлебника» на сцене московского Большого театра в бенефис М. С. Щепкина. В Петербурге в Александринском театре «Нахлебник» шел 7 февраля 1862 года.

Однако, как свидетельствует П. В. Анненков, «после малого пребывания на сцене опять был снят с нее Нахлебник — администрация признала свою ошибку в дозволении комедии и объяснила защитнику ее настоящую причину своей жестокости — время было эманципации и она боялась, что комедия раздражит еще и без того тревожно настроенную публику и послужит предлогом к переносам политических страстей с арены публичных прений в театральный партер; опасались и враждебных и симпатических заявлений» (М. М. Стасюлевич и его современники, т. III, СПб., 1912, стр. 483). После этого нового запрещения «Нахлебник» при жизни Тургенева на сцене больше не ставился.

Постановка «Нахлебника» в 1862 году подтвердила, что опасения правительственных кругов не были напрасны. По свидетельству М. Е. Салтыкова-Щедрина, и в «эпоху реформ» публицистические тенденции этой пьесы на передовую часть русского общества производили впечатление не менее сильное, чем в 1848—1849 году.

М. Е. Салтыков-Щедрин был так потрясен этой комедией, что в очерк «Глупов и глуповцы. Общее обозрение» (1862) ввёл персонажей этой комедии — Карпачова и Тропачева. «Роль Кропачева ‹у Щедрина ошибочно — вместо Карпачова› исполняется на московской сцене г. Калининым с ужасающею правдою» (Н. Щедрин /М. Е. Салтыков/, Полное собрание сочинений, т. IV, Гослитиздат, 1935, стр. 240).

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (ф. 7, № 111а).

1

Милостивый Государь
Павел Васильевич

Кетчер,[1] от имени вашего, доставил мне новое издание Тургенева,[2] приношу душевную благодарность за память о старике:

lib.pushkinskijdom.ru

ах! избалуете Вы меня: вследствие чего уже и прибегаю к Вам с покорнейшей просьбой: Краевский дает знать, что естьли переменить название Тургенева комедии Нахлебник; то: можно подать снова в театральную цензуру и оную пропустят, а потому с сим подателем препровождаю к Вам оную. Пожалуста повидайтесь с Г-м Федоровым [3] перетолкуйте с ним, и естьли в самом деле есть возможность, то перемените за главный лист и назовите сколько можно приличнее; я незнаю можноли назвать Приживальщик! впротчем как лучше придумайте и чрез Г-на Федорова и представте в цензуру только пожалуста не помедля, хотя мой бенефис и 13 Генваря но не забывайте старую память. Надо что бы за месяц до бенефиса она была уже у меня: похлопочите для старика, хотелось бы сыграть на старость дельную роль. Естьли же узнаете что не возможно то оставте у себя экземпляр, когда нибудь при свидании возвратите. Вот, вследствие баловства и навязываю вам хлопоты, конечно тут много надежды и на ваше доброе расположение. Только ради бога немедлите, и непоскучайте известить меня хотя двумя строками есть ли надежда, или нет; дабы я мог успеть взять свои меры. — Все присутствующие на вечерах Никулина,[4] здоровы, также, идут споры, и Мин [5] прибавил еще к крепостному состоянию, вопрос о свободной торговле. — Да! меня начальство удерживает набудушее время на службе на тех же условиях: только без контракта, и не угасаемая моя любовь к этому проклятóму искусству, не смотря на все дрязги, понуждает меня остаться: [6] ну, заболтался, что делать! это недуг старости прощайте развеселите хоть вы старика который обнимает Вас много кратно и остается

Вашим
покорнейшим слугой
Михайло Щепкин

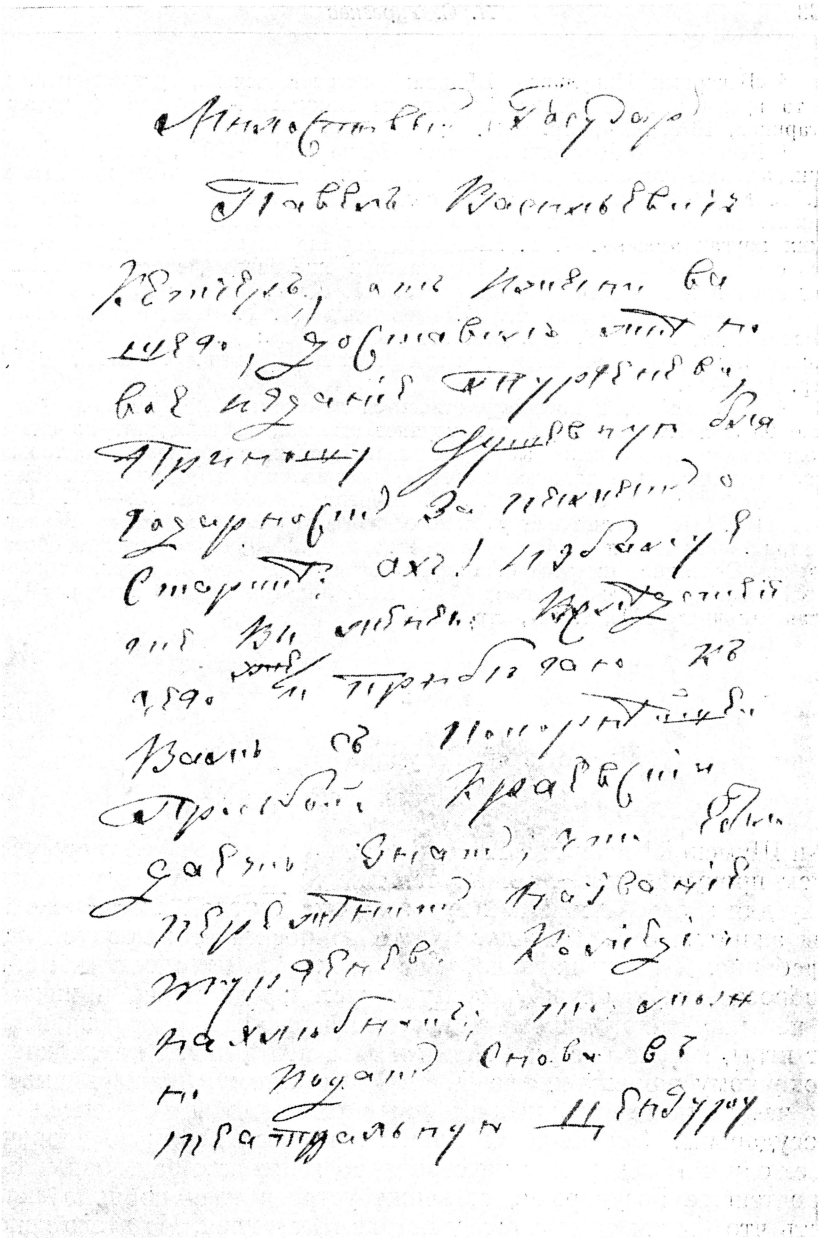
от 19-го Декабря
1856 г.

[1] Кетчер Николай Христофорович (1807—1886) — один из постоянных членов кружка, группировавшегося в 40-е годы вокруг Белинского; врач и поэт-переводчик.

[2] Речь идет о вышедшем в 1856 году издании «Повестей и рассказов» Тургенева в трех частях. Издателем был П. В. Анненков.

[3] Федоров Павел Степанович (1803—1879) — чиновник почтового департамента, драматург-водевилист. С 1853 года начальник репертуарной части и управляющий С.-Петербургским театральным училищем («Русская старина», 1886, № 12, стр. 627).

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо М. С. Щепкина к П. В. Анненкову от 19 декабря 1856 г. Первая страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskijdom.ru

[4] «Вечерами Никулина» Щепкин называет вечера, устраивавшиеся в то время в доме известной актрисы Никулиной-Косицкой («Русская старина», 1878, № 4, стр. 624).

[5] Речь идет о Дмитрии Егоровиче Мине (1818—1885), поэте, переводчике, а также известном московском медике. Доктор медицины (с 1851 года) Д. Е. Мин являлся в это время ординатором при Московской Екатерининской больнице и был хорошо известен в литературных и артистических кругах Москвы. Т. Г. Шевченко, хорошо знавший Мина, этого, по его словам, «ученого переводчика Данта и еще более ученого и опытного медика», подтверждает близкое знакомство Д. Е. Мина с М. С. Щепкиным и сыном последнего Н. М. Щепкиным (Т. Г. Шевченко. Дневник, Гослитиздат, М., 1939, стр. 272, 279). О нем см.: Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, вып. 5, СПб., 1888, стр. 110—111.

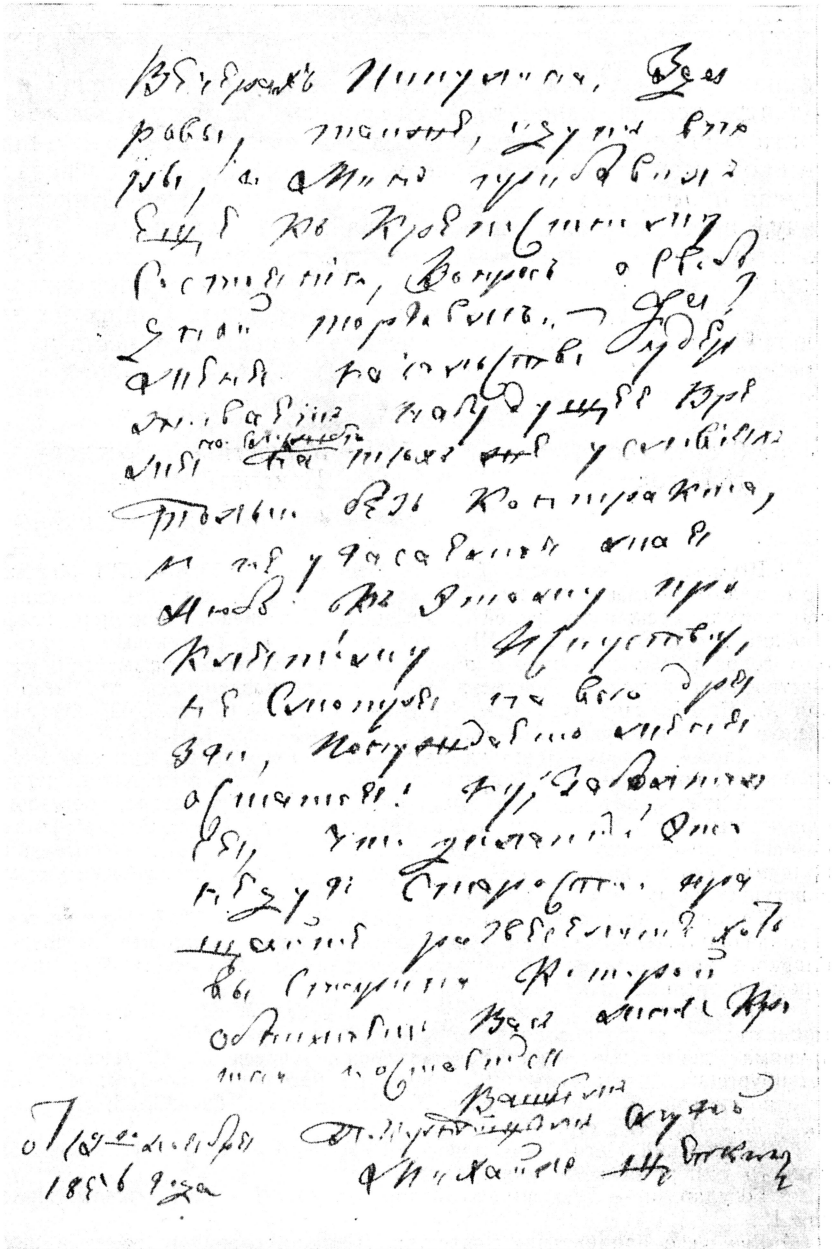
[6] В то время, к которому относится данное письмо, Щепкину было уже 68 лет. Ему все труднее и труднее становилось выступать на сцене. Сохранились многочисленные свидетельства, подтверждающие, что только любовь к театру и тяжелое материальное положение удерживали Щепкина от выхода в отставку (А. И. Шуберт. Моя жизнь. М. — Л., 1929, стр. 110). По свидетельству одного из актеров Московского Малого театра, в это время в Малом театре царила невыносимо тяжелая обстановка. Очевидно, на это обстоятельство и намекает Щепкин, говоря о «дрязгах» театрального мира (см.: П. Р. Записки старого актера. «Русская старина», 1905, т. 121, стр. 389).

2

Милостивый Государь Павел Васильевич

Г-н Шумский [1] поехал в Питер похлопотать в цензуре о скорейшем пропуске пиэсы, пожалуста ежели вы знаете, то укажите ему для этого ближайший путь: да что, даровой хлеб; [2] ежели вы знакомы с Г. Тимашевым,[3] то попросите его: пропуск нахлебника. Я сочту наградой мне старику за пятидесятилетнюю добросовестную службу моему искуству; [4] да в ней и ничего я не вижу такого, кроме подробности расказа. Но он зависит от игры, я непомню сказывал ли вам, что я читал нахлебника покойному нашему князю П. М. Волконскому,[5] и он удивился по чему она не пропущена, и даже хотел чтобы я прочитал её Государыне.[6] Это было в Гатчине; я говорит пойду во дворец, и ежели там вечер еще неустроен, то я пришлю за тобой и ты прочтеш ее Государыне, естьлиже устроен то я пришлю сказать что бы ты ехал а пиэсу оставил бы у меня. Из этого ясно видно, что тут ничего нет оскорбляющего: пусть они порадуют меня старика и дадут мне сыграть хорошую роль и может быть уже и последнюю: потому что искуство получает такое

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо М. С. Щепкина к П. В. Анненкову от 19 декабря 1856 г. Последняя страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskijdom.ru

направление что для меня старика не выносимо тяжело,[7] и я в театре теперь, какой то А‹н›ахронизм. Я буду ждать возврата Шумского и естьли и с ним Вы не известите меня о щастливом результате то я приеду, сам в Питер и буду искать случая про‹читать› ее Великому Князю Константину Николаевичу,[8] а естьли можно найти случай, то и дальше, что будет то и будет. Простите за болтливость что делать. Это старческая болезнь, прощайте! обнимаю вас крепко, и от души желаю вам доброго здоровья, и успеха во всех делах Ваших не исключая и нахлебника. Засим с истинным почтением честь имею пребыть

Ваш

от 9 октября 1857 года

Милостивый Государь
Покорный Слуга
Михайло Щепкин

[1] Шумский (Чесноков) Сергей Васильевич (1820—1878) — артист московского Малого театра, тогда еще молодой, но уже известный исполнитель нескольких ролей в комедиях Тургенева (например, графа Любина в «Провинциалке»). Шумский встречался с Тургеневым в начале 50-х годов и был посвящен в некоторые его творческие замыслы; неосуществленная комедия Тургенева «Шарф» предназначалась для него и для М. С. Щепкина («Вестник Европы», 1911, № 8, стр. 202; Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, стр. 144—145, 155).

[2] «Даровой хлеб» — одно из предполагавшихся новых названий «Нахлебника»; возможно, что Щепкин неточно, по памяти, приводит то заглавие этой пьесы, которое дано было ей Тургеневым во второй редакции, напечатанной в «Современнике» в этом же году («Чужой хлеб»); это название подсказано было Тургеневу П. В. Анненковым, а последний придумал его по внушению М. С. Щепкина (см. предшествующее письмо и вступительную заметку к нему).

[3] Тимашев Александр Егорович (1818—1893) — в 1857 году состоял управляющим III Отделения, начальником корпуса жандармов и членом Главного управления цензуры; впоследствии (с 1868 года) был министром внутренних дел.

[4] Пятидесятилетие сценической деятельности М. С. Щепкина было торжественно отпраздновано в Москве 26 ноября 1855 года. Тургенев принимал деятельное участие в составлении адреса М. С. Щепкину от петербургских литераторов (Документы по истории литературы и общественности, вып. 2, И. С. Тургенев, М.—П., 1923, стр. 22—23, 26; «Звенья», сб. 5, М.—Л., 1935, стр. 514—518).

[5] Волконский Петр Михайлович (1776—1852) — генерал-фельдмаршал, министр императорского двора и уделов.

[6] Государыня — Александра Федоровна (1798—1860) — жена Николая I.

[7] Говоря о направлении искусства, Щепкин, очевидно, имеет в виду засилие в репертуаре тех лет пустой, безидейной, преимущественно водевильной драматургии. А. И. Вольф, говоря о театральном сезоне 1856—1857 года, отмечает: «В эту зиму бенефициантам пришлось плохо: никто

lib.pushkinskijdom.ru

из известных драматургов ничего не писал; артистам пришлось или выбирать новые плохонькие драмы или комедии, или возобновлять старые» (А. И. Вольф. Хроника петербургских театров, СПб., 1884, стр. 12); ср. рассказы современников об отношении к Щепкину и его сценической манере в эти годы. «Но для Щепкина, среди поклонников старых приемов и даже (как исключение) у некоторых великих самобытных талантов, незабвенных деятелей нашей сцены, постоянно проявлялось к нему крайне враждебное чувство; вообще всегда много было протестантов, которые не признавали и в уголках втихомолку глумились над ним; протестанты своим упорством и неспособностью воспринять истину много вредили делу..., т. е. общему цельному впечатлению исполнения пьес, мешало то, что правда и жизнь с одной стороны нарушались напыщенностью и лживостью с другой» («Русская старина», 1905, т. 121, стр. 134).

[8] Великий князь Константин Николаевич (1827—1892) — с 1855 года управлял флотом и морским ведомством на правах министра. В это время он считался покровителем литераторов, так как привлекал их к путешествиям и изданиям министерства.

Г. Э. Воднева

lib.pushkinskijdom.ru

ПИСЬМА К И. С. ТУРГЕНЕВУ

А. П. БОРОДИНА

Публикуемое письмо великого русского композитора и выдающегося ученого Александра Порфирьевича Бородина (1833—1887) к И. С. Тургеневу было известно только в небольшом черновом отрывке: «...женщины, удостоенная чести попасть на страницы бюллетеня нашей Академии Наук. К сожалению А. Н. должна была оставить химию, не представлявшую ей ничего прочного в будущем и перейти на медицину» (Письма А. П. Бородина. Редакция, комментарии и примечания С. А. Дианина, вып. II, Музгиз, М., 1936, стр. 188). В комментарии к отрывку указывается, что это — строки из черновика рекомендательного письма Бородина А. Н. Луканиной к Тургеневу (см. о ней выше, стр. 346—355), что беловой его автограф, повидимому, не сохранился. С. А. Дианин наводил справки в Париже у мужа внучки Полины Виардо — Пьера Больё, но и там письмо не было обнаружено (см.: Письма А. П. Бородина, вып. II, стр. 287). Однако это письмо либо в подлиннике, либо в копии сохранилось у Луканиной и было передано П. С. Кравцову (о нем см. выше, стр. 346). Последний, подготовляя к печати в 1935 году письма Тургенева к А. Н. Луканиной, поместил во вступительной заметке текст публикуемого здесь письма. В нем действительно есть строки, напечатанные С. А. Дианиным. Данное письмо является пока единственным известным нам письмом А. П. Бородина к И. С. Тургеневу.

Печатается по машинописной копии ИРЛИ (Р. I, оп. 29, № 86).

Милостивый Государь
Иван Сергеевич,

Когда то очень давно, еще в 1860 году, я пользовался честью быть принятым в Вашем доме, о чем сохраняю до сих пор самое приятное воспоминание.[1] Затем несколько лет тому назад я виделся с Вами у Стасовых, на вечере, который начался так хорошо — игрою А. Г. Рубинштейна — и кончился так дурно — Вашею внезапною болезнью.[2] Сознаю что все это дает мне слишком мало права эксплуатировать Вашу, всем известную, доброту и любезность, но тем не менее позволяю себе беспокоить Вас просьбою относительно одной из

lib.pushkinskijdom.ru

моих бывших учениц.[3] Это некто Аделаида Николаевна Луканина, доктор медицины Филадельфийской медицинской академии. По обстоятельствам, от нее не зависящим, она вынуждена жить в Париже, пока не получит возможность возвратиться в Россию. Не имея ни средств, ни знакомых, она существует в Париже только журнальною работою, приискиваемой ей в России, пишет специальные медицинские статьи и корреспонденции в военно-медицинском журнале, в «Здоровьи» и т. д. Работами ее очень довольны, но запрос на них так мал и оплачиваются они до того скудно, что Аделаиде Николаевне приходится чуть не умирать с голоду.

Зная с какой готовностью Вы оказываете помощь словом и делом всякому, кто к Вам прибегает, я и решаюсь просить Вас: не найдете ли возможным доставить А. Н. какие либо занятия в Париже?[4] Я бы не позволил себе просить о ней, если бы не был убежден, что она в состоянии оправдать Ваше доверие. Помимо специальных знаний, она имеет очень хорошее общее образование, хорошо знает языки — французский, немецкий и английский, недурно итальянский и испанский и даже сербский, много занимается журнальною работою, переводами, рефератами и проч. Личность эта в высшей степени хорошая, честная, правдивая, скромная и даровитая. Ко всему, за что берется, она относится всегда серьезно и добросовестно. Так напр‹имер› занимаясь у меня химией она в три года сделала такие успехи, что успела заявить себя двумя научными исследованиями по органической химии. Одно из них было сообщено в протоколах заседаний Русского химического общества в Петербурге (Журн. Русск. хим. об. 1871 г., стр. 127) и нашло себе подтверждение за границею, в трудах венского ученого Танненнера. Другое сообщение в Журн. Русск. хим. об. 1872 г. 129, в Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft zu Berlin * 1872 u. Bull. de l'acad. des Sciences de St. Petersbourg ** 1872. Сколько мне известно, это первая научная работа женщины, удостоенная чести попасть на страницы бюллетеня нашей академии наук. К сожалению А. Н. вынуждена была по необходимости оставить занятия химиею, и перейти на медицину. Но и здесь, занимаясь сначала в Цюрихе, потом в Филадельфии, она не только удостоена докторского диплома, но исполняла обязанности ассистента при детской клинике и ординатора в кантональном госпитале. Все это

---

* Доклады немецкого химического общества в Берлине (*немецк.*).
** Бюллетень Академии Наук в Петербурге (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

служит достаточным ручательством за серьезность отношения ее к делу.

Если бы потребовалось, она может доставить самые хорошие аттестаты от профессоров, у которых занималась, а равно и от редакций журналов. Если Вы найдете возможным оказать Ваше содействие А. Н. то пишите ей по адресу: M-me Adélaide Loukanine, rue Cardinal Lemoine, bureau restant.*

В заключение позвольте надеяться, что Вы простите смелость с которою я обращаюсь к Вам; зная до какой степени Вы завалены просьбами подобного рода, я решаюсь на это только в виду крайне тяжелого положения А. Н. и глубокой веры в Вашу доброту.[5]

С совершенным почтением
и глубочайшею преданностью
имею честь быть
Вашим
Милостивый Государь
покорнейшим слугой
А. Бородин.[6]

С. Петербург
16 Октября 1877 г.

[1] Знакомство А. П. Бородина с И. С. Тургеневым состоялось в 1860 году в Париже. В 1859 году Медико-хирургическая академия командировала Бородина на три года за границу для научной работы. Здесь, в Гейдельберге, который в то время был постоянным местом пребывания молодых русских ученых, Бородин знакомится с Д. И. Менделеевым и И. М. Сеченовым. Знакомство с Менделеевым перешло в дружбу. Весной 1860 года они побывали в Венеции, Вероне и Милане, осенью — в Генуе и Риме, после чего Бородин поехал в Париж, а в 1861 году они совершили поездку по Швейцарии (см.: А. П. Бородин. Его жизнь..., 1889, стр. 16; И. Бэлза. А. П. Бородин, Музгиз, 1944, стр. 11). Очевидно, во время этой поездки и произошло знакомство его с Тургеневым. В письме к Д. И. Менделееву от 7/19 января 1861 года Бородин пишет из Парижа: «Я был приглашен встретить новый год к Тургеневу, но зная, что у него долго засидятся, я отправился к моему товарищу Вильмсу» (Письма А. П. Бородина, с примечаниями С. А. Дианина, вып. IV, Музгиз, М., 1950, стр. 243). Очевидно, что первое знакомство Бородина с Тургеневым должно было предшествовать их несостоявшейся совместной встрече нового года. Однако до сих пор существует мнение, что это знакомство относится к 1874 году (там же, стр. 412)

* Г-же Аделаиде Луканиной, улица кардинала Лемуан, почтовое отделение, до востребования (*франц.*).

lib.pushkinskijdom.ru

[2] Об этой их встрече В. В. Стасов рассказывает: «...в мае 1874 года, когда Тургенев был снова в Петербурге и снова просил меня дать ему послушать новой русской музыки, мне удалось устроить у себя музыкальное собрание, где присутствовал весь наш музыкальный кружок и где был также Рубинштейн, в те годы иногда нас посещавший. Вся первая половина вечера была наполнена игрой Рубинштейна. Он, по всегдашнему, великолепно исполнил несколько пьес Шопена и Шумана... Мы все были на седьмом небе; Тургенев вместе со всеми нами. Он был полон невыразимого энтузиазма и восхищения. Но, когда Рубинштейн уехал в 10-м часу вечера, торопясь застать поезд в Петергоф, и мы остались одни — Тургенев и наша музыкальная компания, с которою он только что успел перезнакомиться — с ним сделался припадок, который нас всех перепугал. Он стоял посреди комнаты, держа чашку чаю в руках, и разговаривал со своими новыми знакомыми..., как вдруг он почувствовал нестерпимые боли в пояснице и в боку... Мы Тургенева увели в кабинет, раздели и уложили; около него стал хлопотать Бородин, он сам был когда-то врач, прежде чем сделаться профессором химии... Наш вечер расстроился» (В. В. Стасов. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним. «Северный вестник», 1888, № 10, стр. 154—155). Этот припадок был одним из сильнейших приступов подагры, которой Тургенев страдал много лет.

[3] А. П. Бородин всегда с большой заботой и вниманием относился к своим ученикам и ученицам. «Гуманность его не имела границ. Он, можно сказать, искал сам случая, где бы он чем бы то ни было и кому бы то ни было мог быть полезен. Это положительно была его потребность. Деньги, советы, всякая активная помощь — сыпались самой щедрой рукой», — писал ученик и друг Бородина А. П. Дианин в «Журнале Русского физико-химического общества» 1888 года (т. XX, вып. 4, стр. 377). В 1872 году Бородин становится одним из основателей Высших женских медицинских курсов в Петербурге. Эти курсы при Медико-хирургической академии являлись первым в России высшим учебным заведением для женщин. И до конца жизни, в течение пятнадцати лет, Бородин, по свидетельству В. В. Стасова, «никогда не переставал изо всех сил хлопотать и заботиться о их поддержке, процветании и о всяческой помощи им. Отношение его к студенткам было такое же сердечное, горячее и беспредельно-доброжелательное, как и студентам Академии» (Александр Порфирьевич Бородин. Его жизнь, переписка и музыкальные статьи, СПб., 1889, стр. 24). «Химическая лаборатория Бородина в Медико-хирургической академии была первой русской лабораторией, открывшей свои двери женщинам» (Н. А. Фигуровский и Ю. И. Соловьев. Александр Порфирьевич Бородин, Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 104). Многочисленные ученицы Бородина сохранили глубокую любовь и благодарность к своему учителю. На одном из венков, возложенных на гроб великого русского композитора и ученого, было написано: «Основателю, охранителю, поборнику женских врачебных курсов, опоре и другу учащихся — от женщин-врачей десяти курсов, 1872—1887» (Александр Порфирьевич Бородин. Его жизнь, переписка и музыкальные статьи, 1889, стр. 24).

[4] Бородин собирался писать Тургеневу о Луканиной еще летом 1877 года. «Помните я хотел дать Луканиной письмо к Тургеневу? на беду он тогда уехал из Парижа», — писал он А. П. Дианину 6 ноября 1877 года (Письма А. П. Бородина, вып. II, 1936, стр. 190).

[5] Как известно из воспоминаний о Тургеневе А. Н. Луканиной и из публикуемых выше писем его к ней, Тургенев принял в ее судьбе большое участие (см. выше, стр. 346—374).

lib.pushkinskijdom.ru

[6] Ответ Тургенева на это письмо Бородина долгое время был известен только по одной фразе, которую Бородин привел в письме к А. П. Дианину от 6 ноября 1877 года: «...получаю письмо от Тургенева. Он пишет: „третьего дня Г-жа Луканина была у меня с письм‹ом› от Вас, а вчера прочла мне по черновой рукописи тот рассказ, что послала Вам. Я был просто поражен этим произведением — столько в нем жизни, ума и поэзии, и т. д.“» (Письма А. П. Бородина, вып. II, М., 1936, стр. 190—191). Полностью это письмо Тургенева было впервые опубликовано в газете «Советское искусство», 1940, № 50, и перепечатано в Собрании сочинений И. С. Тургенева, т. 11, изд. «Правда», М., 1949, стр. 326 (автограф письма хранится в Музее П. И. Чайковского в Клину).

Е. М. Хмелевская

lib.pushkinskijdom.ru

К ПОРТРЕТУ И. С. ТУРГЕНЕВА 1855 ГОДА

Публикуемый карандашный портрет Тургенева, сделанный Львом Николаевичем Вакселем, воспроизводится впервые. Оригинал рисунка находится в Государственном Русском музее, куда он поступил в 1918 году из коллекции Е. Е. Рейтерна (сына художника Евграфа /Герхарда/ Рейтерна, на дочери которого был женат В. А. Жуковский).

Портрет нарисован карандашом на четвертушке обыкновенной белой бумаги, без водяных знаков. Тургенев изображен в профиль, с длинными волосами и небольшими баками. Он одет по-домашнему, в наглухо застегнутую куртку с отложным воротником; на груди его на шнурке висит лорнет в восьмигранной оправе. Внизу надпись: «И. С. Тургенев. 1855 год». Сбоку, у левого края нарисован миниатюрный охотничий рожок.

На оборотной стороне листа начало какого-то письма или записки, тщательно зачеркнутой, на чистой его части — несколько рисунков, повидимому, сделанных рукой того же художника: набросок мужского профиля, голова лягавой собаки и погрудное изображение какого-то мужчины средних лет. Рисунок наклеен на лист картона; на нем надпись карандашом: «подпись — автограф Тургенева», — несомненно неверная, так как она сделана тем же почерком, что и подпись «Л. Н. Ваксель» в левом углу картона.

Лев Николаевич Ваксель (1811—1886) хорошо известен из биографии Тургенева. Он был не только страстным охотником, «охотником-артистом», по выражению А. А. Фета, но и теоретиком охоты, автором руководства «Карманная книжка для начинающих охотиться с ружьем и лягавой собакой» (СПб., 1856), выдержавшего пять изданий. Охотничьи интересы сближали его и с Тургеневым. Л. Н. Ваксель не лишен был и живописных способностей; рисовальщик и остроумный карикатурист, он оставил после себя несколько папок рисунков (незначительная их часть находится в Государственном Русском музее). Вращаясь в светских кругах Петербурга в 30—50-х годах, Ваксель успел сделать много довольно язвительных зарисовок представителей «большого света»; с другой стороны, его альбомы заполнены изображениями охотничьих собак разных пород и сценами из жизни охотников. Зарисовки из жизни великосветских салонов чередуются с карикатурами на провинциальных помещиков. Известно *пять* писем И. С. Тургенева к Л. Н. Вакселю 1852—1854 годов. Три письма опубликованы в «Сборнике Российской Публичной библиотеки» (т. I, вып. 1, ГИЗ, П., 1920, стр. 193—197, 209—212; в комментариях не указано, что письмо от 18 октября 1854 года было уже ранее напечатано в журнале «Современник», 1913, № 8, стр. 265—266). Одно письмо, предположительно отнесенное к 1852 году, напечатано Н. Ф. Бельчиковым в издании Центрархива: Документы по истории лите-

lib.pushkinskijdom.ru

ратуры и общественности, вып. 2, И. С. Тургенев, М.—П., 1923, стр. 44, 47—49. Еще одно письмо (от 27 июня 1852 года) по автографу, хранящемуся в ИРЛИ, напечатано М. К. Клеманом («Атеней». Историко-литературный временник, кн. 3, Л., 1926, стр. 115). В 1853 году, отвечая

Портрет И. С. Тургенева работы Л. Н. Вакселя, 1855 г.
Государственный Русский музей. Ленинград.

на письмо Л. Н. Вакселя, в котором он благодарил автора «Записок охотника» за присылку ему этой книги, Тургенев писал: «...поверьте что слова, написанные мною на посланном Вам экземпляре — вылились у меня из души. — Я искренно привязан к Вам с первого дня нашего знакомства — и Вы должны были это заметить» (Сборник Российской Публичной библиотеки, т. I, вып. 1, 1920, стр. 193). Художник Л. М. Жем-

lib.pushkinskijdom.ru

чужников свидетельствует, что в том же году (1853) «зашел ко мне... раза два Тургенев, чтобы посмотреть на мои работы, а затем привел с собою приятеля своего, охотника Вакселя. Замечания его были метки и представляли интерес» («Мои воспоминания из прошлого», вып. 2, М., 1927, стр. 48; см. также: Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, стр. 289, 293—294). О встречах Л. Н. Вакселя с Тургеневым в 1855 году сведений мы не имеем. В Петербурге в этом году Тургенев был в феврале—марте и в октябре—декабре. Для характеристики отношений Тургенева и Вакселя отметим также, что в 1854 году Ваксель заказал для себя художнику А. С. Богомолову-Романовичу (1830—1867) портрет Тургенева. Этот портрет исполнен карандашом и соусом; он был на Тургеневской выставке 1909 года в залах Академии Наук (Каталог выставки в память И. С. Тургенева, изд. 2-е, СПб., 1909, № 7) и в настоящее время принадлежит Литературному музею ИРЛИ; воспроизведен в книге М. К. Клемана: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, М.—Л., 1934 (вкладка между стр. 72—73).

Е. А. Цакни

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

В. Г. КОРОЛЕНКО

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ПИСЬМА К Н. Ф. АННЕНСКОМУ

Анненский Николай Федорович (1843—1912) — журналист, статистик, близкий друг В. Г. Короленко. Знакомство Короленко с Анненским началось со второй половины 70-х годов в Петербурге, затем они встретились и сблизились в 1880 году в Вышневолоцкой политической тюрьме (об этом см.: В. Г. Короленко. История моего современника, кн. III, ч. 2, М., 1948, стр. 87—88). Вместе с Н. Ф. Анненским Короленко работал в Нижнем-Новгороде, где Н. Ф. Анненский заведывал губернской земской статистикой, а с середины 90-х годов в Петербурге, в редакции журнала «Русское богатство». Н. Ф. Анненскому Короленко посвятил две статьи: «О Николае Федоровиче Анненском» и «Третий элемент». Обе статьи помещены в издании: В. Г. Короленко. Воспоминания о писателях, изд. «Мир», М., 1934, стр. 85—107. См. также мемуарную статью А. М. Горького «Н. Ф. Анненский» (1927) (Собрание сочинений в тридцати томах, т. 17, Гослитиздат, М., 1952, стр. 92—96).

Письма печатаются по автографам ИРЛИ (ф. 17, оп. 1, № 36).

1

Дорогой Николай Федорович.

Виноват: о дураке было позабыл, — положил его с «Вестником Европы» и вспомнил лишь после Вашего письма. Теперь посылаю, но, к сожалению, цифры, которые Вы мне выписали, затерялись. Впрочем, это не особенно важно. И без цифр видно, что дурак — есть дурак. Боюсь, что рецензия вышла немного велика. Просмотрите пожалуйста в корректуре.[1] — Далее: когда я проезжал через Москву — Джаншиева не было, а ждать мне было неудобно. Поэтому привез с собой рукопись сюда, — и отсюда написал ему. Жду ответа. Я написал, что печатать всю переписку невозможно, но по моему мнению можно бы, пожалуй, при других письмах — взять и из этой части два-три письма, прибавив несколько слов для характеристики этой полосы жизни Белинского. Я взял-бы на себя эту работу, и думаю, что Н‹иколай› Конст‹антинович›

lib.pushkinskijdom.ru

не будет на меня в претензии за это маленькое самовольное отступление от его поручения.[2]

По поводу Haupt-sache * — ей богу пока еще ничего сказать не могу и вообще — пришлю, когда напишу. Решительно сроков назначать никогда не буду. Поступайте так, как бы меня не было на свете. А надеюсь прислать в Августе, — но не в июле во всяком случае.[3]

Что сказать Вам еще? С. Д. Протопопов написал в «Ниж‹егородский› Листок» рецензию на «Утопию» Южакова. Я просил несколько смягчить, но вышло, конечно, все таки не очень приятно. Не хотите-ли, — пришлю, т‹ак› как кажется в редакции «Ниж‹егородский› Листок» не получается. Подписано впрочем только Эс. Может быть Южакову будет небесполезно.[4]

Нового — мало. А так как вдобавок тороплюсь и скоро опять буду писать, — то, — до свидания. А что же Иннок‹ентий› Фед‹орович› не прислал биографич‹еских› черт о нашем лукояновце (или даже о двух). Хорошо-бы спросить у него, и если ему самому не будет это почему либо неприятно, — я бы начертал небольшую заметку в местных газетах.[5]

Обнимаю. Madame [6] — мой почтительный привет.

Ваш Вл. Короленко

20 июля 1895

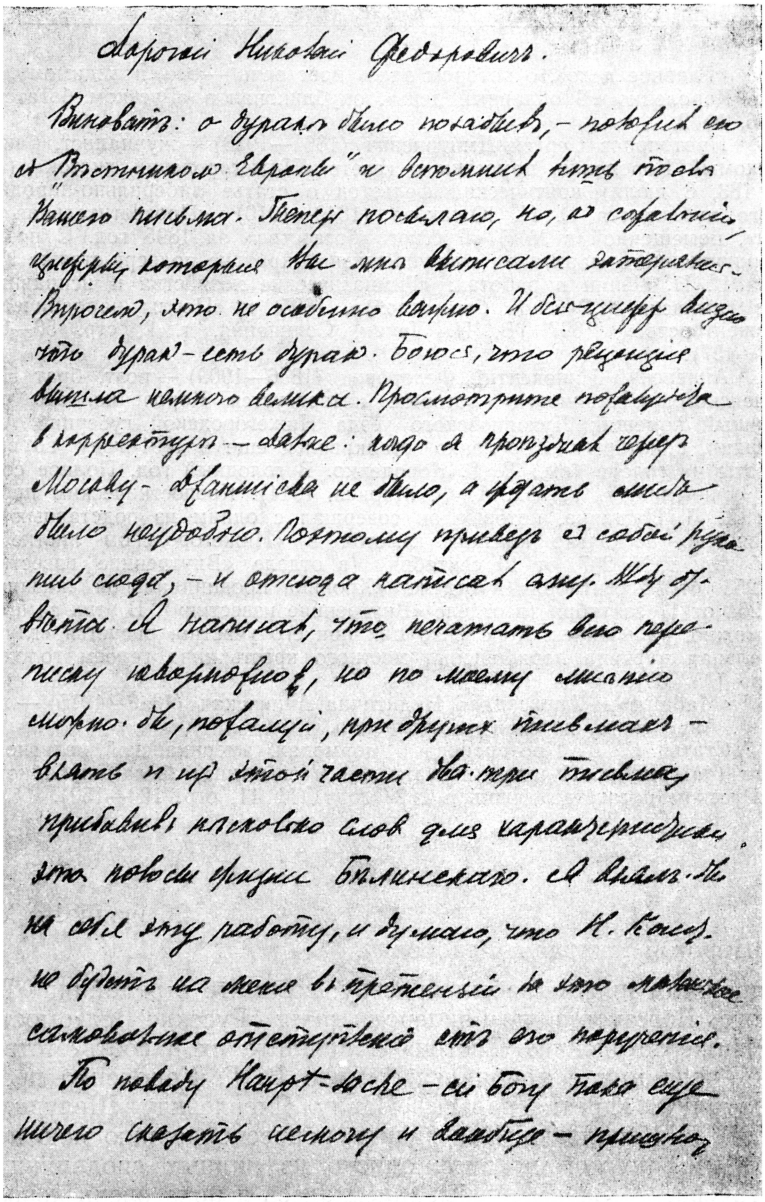
С. Д. ‹Протопопов› скоро вернется из Лук‹ояновского› у‹езда›. Тогда его потороплю насчет мормонов.[7]

[1] Речь идет о рецензии В. Г. Короленко на книгу Талицкого (Сергея Шарапова) «Бумажный рубль (его теория и практика)» (СПб., 1895) в журнале «Русское богатство», 1895, № 8, отд. II, стр. 71—78. Короленко высмеивал в этой рецензии вздорные измышления реакционного экономиста, «доказывавшего», что в самодержавном государстве «деньги — золото, деньги — власть, деньги — темная сила обращаются в орудие христианской помощи народному труду» (там же, стр. 72).

[2] Джаншиев Григорий Аветович (1851—1900) — либеральный журналист, историк, адвокат. Публикация писем Белинского, о которых здесь идет речь, в «Русском богатстве» не состоялась. Переписываясь по этому вопросу с Джаншиевым, Короленко выполнял поручение Николая Константиновича Михайловского (1842—1904), редактора «Русского богатства». Свое намерение писать о Белинском Короленко осуществил позже, опубликовав в 1898 году статью «Памяти Белинского» («Русское богатство», 1898, № 5; см. также: В. Г. Короленко, Избранные произведения под редакцией Н. В. и С. В. Короленко, М., 1947, стр. 471—473).

* Главного дела (*немецк.*).

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо В. Г. Короленко к Н. Ф. Анненскому от 20 июля 1895 г. Первая страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

lib.pushkinskijdom.ru

[3] «Главное дело», о котором здесь идет речь, — это, повидимому, рассказ Короленко «В облачный день», опубликован в «Русском богатстве», 1896, № 2.

[4] Протопопов Сергей Дмитриевич (1861—1933) — журналист, близкий знакомый Короленко, поместил в газете «Нижегородский листок» (1895, № 183, 8 июля) критический фельетон о статье либерально-народнического публициста С. Н. Южакова (1849—1910) «Просветительная утопия», помещенной в № 5 «Русского богатства» за 1895 год. С позиций революционного марксизма сокрушительной критике подверг статью Южакова В. И. Ленин в работах: «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии („Русское богатство")», 1895, и «Перлы народнического прожектерства», 1897 (В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 58—65 и 427—457).

[5] Анненский Иннокентий Федорович (1856—1909) — поэт, брат Н. Ф. Анненского. «Лукояновец», которым интересуется Короленко, это реакционный помещик Лукояновского уезда Нижегородской губернии А. Л. Пушкин, с которым Короленко сталкивался еще в 1891 году во время работы на голоде (см.: В. Г. Короленко. В голодный год. Полное собрание сочинений, т. V, изд. А. Ф. Маркса, 1914). Крепостническим проделкам А. Л. Пушкина, которые он совершал с одним из подставных лиц, посвящено несколько кратких заметок в «Нижегородском листке» за 1895 год: в № 247 от 10 сентября (в отделе «Внутренние известия»), № 253 от 16 сентября (в отделе «Хроника провинциальной жизни») и № 254 от 17 сентября (в отделе «Внутренние известия»). В этих заметках, возможно, написанных Короленко или при его участии, рисуется «глубоко печальная картина порабощения местного крестьянина героем голодного года» (№ 253).

[6] «Madame» — Александра Никитична Анненская (1840—1915) — жена Н. Ф. Анненского, детская писательница.

[7] Статья С. Д. Протопопова о мормонах, американской религиозной секте («Мормоны. Путевые впечатления и заметки») была опубликована в «Русском богатстве» лишь в 1897 году (№ 11, стр. 120—150).

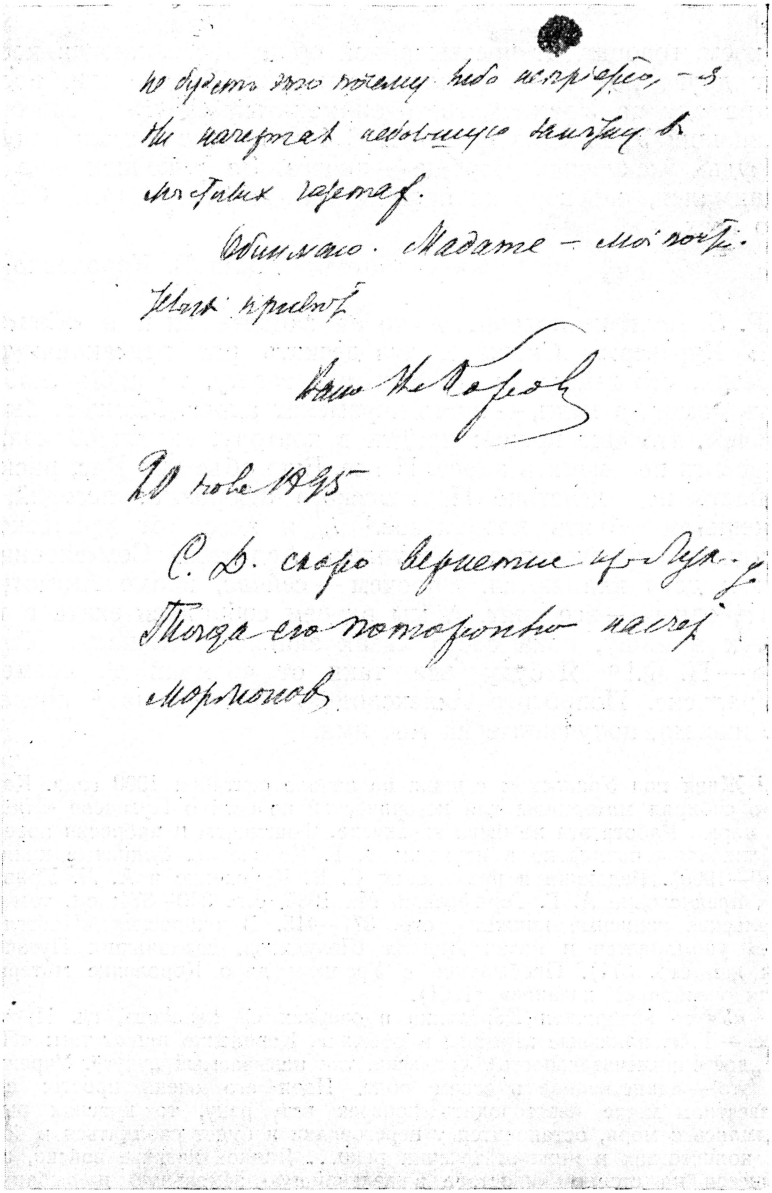
2

26 июня 1900.

Дорогой Николай Федорович.

В прошлом письме забыл просьбу: возьмите в редакции «Русск‹ого› Бог‹атства› по бандероли газет «Русские Вед‹омости›» и «Нижегор‹одский› Листок» и пошлите их в соотв‹етствующие› редакции с прибавлением, что В. Г. Короленко просит переменить адрес: Уральск, Павлу Яковлевичу Шелудякову для В. Г. Короленко. Как видите, корреспонденцию мою передает мне прямой потомок одного из видных сподвижников Пугачева.[1] — Своим пребыванием здесь я пока очень доволен, хотя пока все еще живу более прозябательной жизнию: купаюсь в Деркуле, гуляю по садам, езжу в город на велосипеде и беседую с казаками о разных предметах. После завтра отправляюсь в луга, смотреть общинный казацкий покос,

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо В. Г. Короленко к Н. Ф. Анненскому от 20 июля 1895 г. Последняя страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskijdom.ru

на коем, говорят, от чрезвычайной общинности, иногда косят друг друга по ногам. Уральск осмотрел. Завтра или после завтра еду на Урал смотреть знаменитый «учуг» (перегораживающий Урал «для рыбы»).[2] С 1-го предпринимаю какую-ниб‹удь› экскурсию. Вообще — ничего. За рукописи еще не принимался, но скоро их пришлю. На-днях все сдам.[3] Обнимаю всех.

Ваш В. Короленко

P. S. Если не поленитесь, то не зайдете ли и в «Сев‹ерный› Кур‹ьер›». Скажите, что дескать раз ред‹акция› так любезна, что высылает «Маститому» газету, то дабы любезность достигла цели, — пусть переменят адрес. М‹ожет› быть, впрочем, это еще проще: придти в контору, внести 40 коп. и попросить переменить адрес. И все. Еще объемлю Вас, рискуя подпасть под действие Прутковского афоризма: негодяй, — можешь-ли объять необъятное.[4] А я здесь от уральского солнца и от велосипеда — щуплею. Авд‹отья› Сем‹еновна›,[5] тетя и дети кланяются. Впрочем — сейчас, кроме Авд‹отьи› Сем‹еновны› — все спят. А мы вдвоем собрались ехать в город, и я пишу, пока сосед казак запрягает лошадь. Черкните — П. Ф.![a] Я буду все таки от времени до времени в Уральске. Попросите А‹лександра› Ив‹ановича›[6] послать мне письма, полученные на мое имя.

[1] Живя под Уральском с июня по начало сентября 1900 года, Короленко собирал материалы для исторической повести о Пугачеве «Набеглый царь». Работа эта не была закончена. Фрагменты и наброски повести опубликованы посмертно в издании: В. Г. Короленко. Записные книжки (1880—1900). Редакция и примечания С. В. Короленко и А. Л. Кривинской, предисловие А. Г. Горнфельда, М., 1935, стр. 340—374; см. там же «Уральские записные книжки», стр. 377—415. В набросках «Набеглого царя» упоминается и казак Данила Шелудяков, сподвижник Пугачева (там же, стр. 371). Пребывание в Уральске дало Короленке материал и для очерков «У казаков» (1901).

[2] «Учуг» изображен Короленко в очерках «У казаков», гл. II, «На учуге. — Г. г. наказные атаманы и обычаи». Короленко пишет там: «Первая „достопримечательность“ Уральска, так называемый „учуг“. Учреждение это — единственное в своем роде. Идея его очень проста: если в известном месте перегородить поперек всю реку, то красная рыба, подымаясь с моря, остановится у перегородки и будет скопляться в больших количествах в нижнем течении реки... Яицкое казачье войско, сложившееся на степном просторе в величайшую земельную и рыбацкую общину, соорудило также и величайший в мире заплот, перегородивший

[a] *Должно быть* Н. Ф.

lib.pushkinskijdom.ru

огромную реку...» (В. Г. Короленко, Полное собрание сочинений, т. VI, изд. А. Ф. Маркса, 1914, стр. 138).

[3] Речь идет о рукописях, присланных в редакцию журнала «Русское богатство», одним из редакторов которого был Короленко.

[4] Козьма Прутков — коллективный псевдоним А. К. Толстого и братьев А. М. и В. М. Жемчужниковых, писавших «от имени» Козьмы Пруткова юмористические стихотворения, пьесы и афоризмы. «Нельзя объять необъятное» — один из любимых афоризмов Козьмы Пруткова.

[5] Короленко Евдокия Семеновна (1855—1940) — жена писателя.

[6] Иванчин-Писарев Александр Иванович (1846—1916) — член редакции «Русского богатства».

Г. А. Бялый

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

С. МОНЮШКО

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ПИСЬМО К А. С. ДАРГОМЫЖСКОМУ

Среди хранящихся в ИРЛИ бумаг композитора Александра Сергеевича Даргомыжского (1813—1869), младшего современника Глинки и одного из создателей русской национальной музыкальной школы, обнаружено было еще не бывшее в печати письмо к нему крупнейшего польского композитора Станислава Монюшко (1819—1872). Письмо это принадлежит к числу немногих известных нам документов, в которых запечатлелись дружеские отношения автора «Гальки» с выдающимися деятелями русской музыкальной культуры.

Польские биографы Монюшко (см., например, очерк Кароля Строменгера, изданный в Лодзи в 1946 году и вошедший в русском переводе в сборник «Станислав Монюшко», Музгиз, М.—Л., 1952) особо отмечают то значение, которое имели для него встречи с Глинкой и Даргомыжским, своим высоким авторитетом поддерживавшими польского композитора в годы его борьбы за утверждение демократических черт и национальной самобытности музыкальной культуры его отечества. Нелишне напомнить также о дружеских отношениях Глинки с учителем Монюшко — знаменитым варшавским органистом и теоретиком Аугустом Фрейером и поэтом Влодзимежем Вольским, другом и либреттистом Монюшко, автором текста «Гальки».

В творчестве великого основоположника русской музыкальной классики, его соратников и ближайших преемников Монюшко нашел высокие образцы самобытной музыкальной культуры. Опыт Глинки помог Монюшко решить труднейшую задачу создания польской национальной оперы, задачу, на подступах к решению которой остановились и Эльснер, и Курпиньский, и многие другие польские композиторы первой половины XIX века.

Публикуемое письмо интересно, в частности, тем, что содержит прямые указания на факт просмотра Даргомыжским партитуры первой (т. е. виленской, двухактной) редакции «Гальки». Из текста письма явствует также, что Монюшко, работая над окончательной (т. е. варшавской, четырехактной) редакцией оперы, повидимому, учел — полностью или хотя бы частично — замечания, сделанные Даргомыжским при этом просмотре.

Точная дата знакомства Монюшко с Даргомыжским нам не известна. Сближение их произошло весной 1849 года, т. е. во время второго приезда Монюшко в Петербург. 9 апреля 1849 года Монюшко подарил Даргомыжскому рукописный экземпляр партитуры своей «Сказки» (в авторском французском переводе это произведение называется «Зимней сказкой» — «Conte d'hiver», хотя польский подзаголовок содержит только одно

lib.pushkinskijdom.ru

слово — «Bajka») и посвятил ему эту «фантастическую увертюру», исполнявшуюся в том же году в Петербурге под управлением автора. Этот экземпляр в настоящее время хранится в историографическом кабинете Государственного Научно-исследовательского института театра и музыки (ф. Ц, № 20). Надпись Монюшко гласит:

«Conte d'hiver»
Ouverture fantastique
à grand orchestre
composée et dediée
à M-r A. S. Dargomyzski
par
S. Moniuszko. —
1849, le 9 Avril.
St. Petersbourg. —

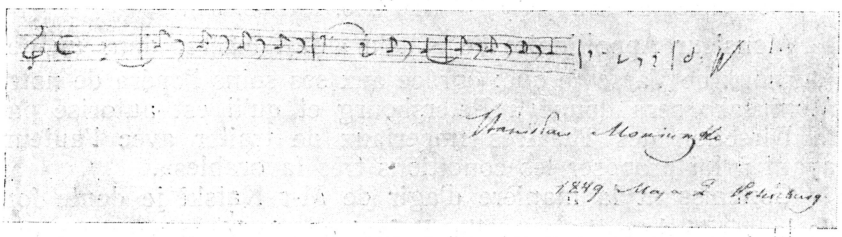
К весне 1849 года относится и запись, сделанная Монюшко на 74-м листе альбома Даргомыжского (ИРЛИ, 10046. LXII б. 1). Запись эта весьма лаконична и, помимо подписи Монюшко и даты (1849. Maja 2. Petersburg), содержит только одну нотную строчку. Это — первая тема «Сказки», посвящение которой Даргомыжскому было со стороны Монюшко знаком тех дружеских чувств к русскому мастеру, которые запечатлелись и в этой краткой альбомной записи.

Общность творческих стремлений и личная дружба связывали Монюшко с Глинкой, Даргомыжским и другими строителями русской музыкальной культуры, которые по достоинству оценили большое дарование польского композитора, прогрессивность его стремлений и способствовали признанию его творчества в нашей стране. Большое значение имели в этом отношении музыкально-критические статьи А. Н. Серова, в особенности его статья «Музыкальные сочинения Станислава Монюшки», напечатанная в № 14 «Музыкального и театрального вестника» за 1856 год. Дав здесь критический разбор вокальных произведений Монюшко, вошедших в четыре первых выпуска его «Домашнего песенника», А. Н. Серов писал здесь о песнях Монюшко: «Я не призадумаюсь поставить их наряду с лучшим, что есть в музыке, в этом лирическом песенном роде, которого главными представителями были для Германии: Франц Шуберт, Роберт Шуман, для нашего отечества: М. И. Глинка и А. С. Даргомыжский» (статья эта напечатана Серовым под псевдонимом Модест З-н; вошла в I том собрания критических статей А. Н. Серова, СПб., 1892; отметим также, что о концерте Монюшко Серов писал также в следующем № 15 того же «Музыкального и театрального вестника» за 1856 год и в музыкальной хронике «Сына отечества», 1856, № 13; см.: А. Е. Молчанов. Библиографический указатель произведений А. Н. Серова, СПб., 1888, стр. 23 и 26). В числе искренних ценителей дарования Монюшко из русских музыкантов следует упомянуть также Ц. А. Кюи. Известно, что еще в 1850 году на протяжении нескольких месяцев Кюи брал у Монюшко уроки в Вильне, пройдя под его руководством гармонию, контрапункт и написав тогда же свои первые вокальные сочинения. О знакомстве Кюи с Монюшко в 1850 году упоминается в записке о Кюи, составленной в 1871 году Мусоргским (М. П. Мусоргский. Письма и документы. Собрал и приготовил к печати А. Н. Римский-Корсаков, Музгиз, М.—Л., 1932 стр. 197). В письмах Кюи к М. А. Балакиреву 50—60-х годов мы также нередко встречаемся с высказываниями о музыке Монюшко: «...литания Монюшко не Реквием, а все ж

lib.pushkinskijdom.ru

таки прекрасна, и спасибо Глинке и Монюшко за то, что писали и пишут», — читаем мы в письме Кюи к Балакиреву от 17 июля 1856 года (письмо не опубликовано. Подлинник хранится в библиотеке Ленинградской Государственной консерватории).

Заметим попутно, что в письмах к Балакиреву Кюи неоднократно вспоминает с благодарностью о своих занятиях гармонией под руководством Монюшко. Упоминание об этих занятиях есть, например, в письме от 6 января 1867 года, а 18 января того же года Кюи вновь пишет Балакиреву: «Я до сих пор помню, что Монюшко меня безвозмездно учил генерал-басу» (письмо не опубликовано. Цитируется по подлиннику, хранящемуся там же; ср. еще в упомянутом выше сборнике: «Станислав Монюшко», М., 1952, стр. 34—35; Ц. А. Кюи, Музыкально-критические статьи, т. I, Пгр., 1918, стр. 196—197). В статье «Из моих оперных воспоминаний» («Ежегодник императорских театров». Сезон 1899—1900. Приложение 2-е, стр. 3) Ц. А. Кюи также говорит, что в начале 50-х годов он «знал музыку Монюшко, моего... кратковременного учителя

Нотный автограф С. Монюшко. Из альбома А. С. Даргомыжского, л. 74.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

в Вильне». Напомним, что именно Кюи познакомил Монюшко с Мусоргским (М. П. Мусоргский, Письма и документы, стр. 422).

С именем Монюшко мы встречаемся и в письмах Даргомыжского. В письме к известной певице-любительнице Л. И. Кармалиной (рожденной Беленицыной, 1836—1903) от 6 декабря 1856 года автор «Русалки» дает высокую оценку мастерству своего польского собрата, а в 1860 году в письме к ней же называет его «милым и талантливым» (А. С. Даргомыжский /1813—1869/. Автобиография — Письма — Воспоминания современников. Редакция и примечания Н. Финдейзена, ГИЗ, П., 1921, стр. 46 и 69). 9 декабря 1857 года Даргомыжский писал той же Л. И. Кармалиной: «Помните, какой приятный вечер провели мы в исполнении его ‹Монюшко› чудных кантат и мелодий? Как он остался поражен вашею способностью читать ноты и быстро вникать в намерения автора?» (там же, стр. 55; А. С. Даргомыжский, Избранные письма, М., 1952, стр. 53). Ср. также письмо Даргомыжского к С. С. Степановой от 9 ноября 1864 года о встрече с Монюшко в Варшаве (А. С. Даргомыжский. Автобиография — Письма..., стр. 78). Из воспоминаний современников мы знаем, что на музыкальных вечерах Даргомыжского нередко исполнялись произведения Монюшко (см., например, воспоминания В. Т. Соколова в том же сборнике, стр. 145). Некоторые из них еще при жизни композитора публиковались петербургскими фирмами по рекомендации русских музыкантов, в частности Даргомыжского.

lib.pushkinskijdom.ru

Таким образом, обращаясь к Даргомыжскому, Монюшко был уверен, что пишет другу, — тому, как он сам несколько витиевато выразился в данном письме, «кто проявил столько доброты по отношению ко мне, кто находил столько достоинств в моей музыке и кто вновь, несмотря на перерыв в наших отношениях, вспомнит о том, кому он некогда покровительствовал».

Приблизительная датировка публикуемого здесь письма определяется на основании следующих соображений. Как явствует из его текста, оно написано после варшавской премьеры «Гальки», состоявшейся 1 января 1858 года, но вместе с тем до открытия Варшавского музыкального института (консерватории), т. е. до 2/14 января 1861 года. Вероятнее всего, письмо это относится к концу лета 1859 года, когда упоминаемый здесь польский скрипач и музыкально-общественный деятель Аполлинарий Контский вернулся в Варшаву из Петербурга, куда он ездил, чтобы ускорить там получение разрешения (оно было дано 28 августа 1859 года) на открытие института.

Печатается по автографу ИРЛИ (4275. XXII б. 52).

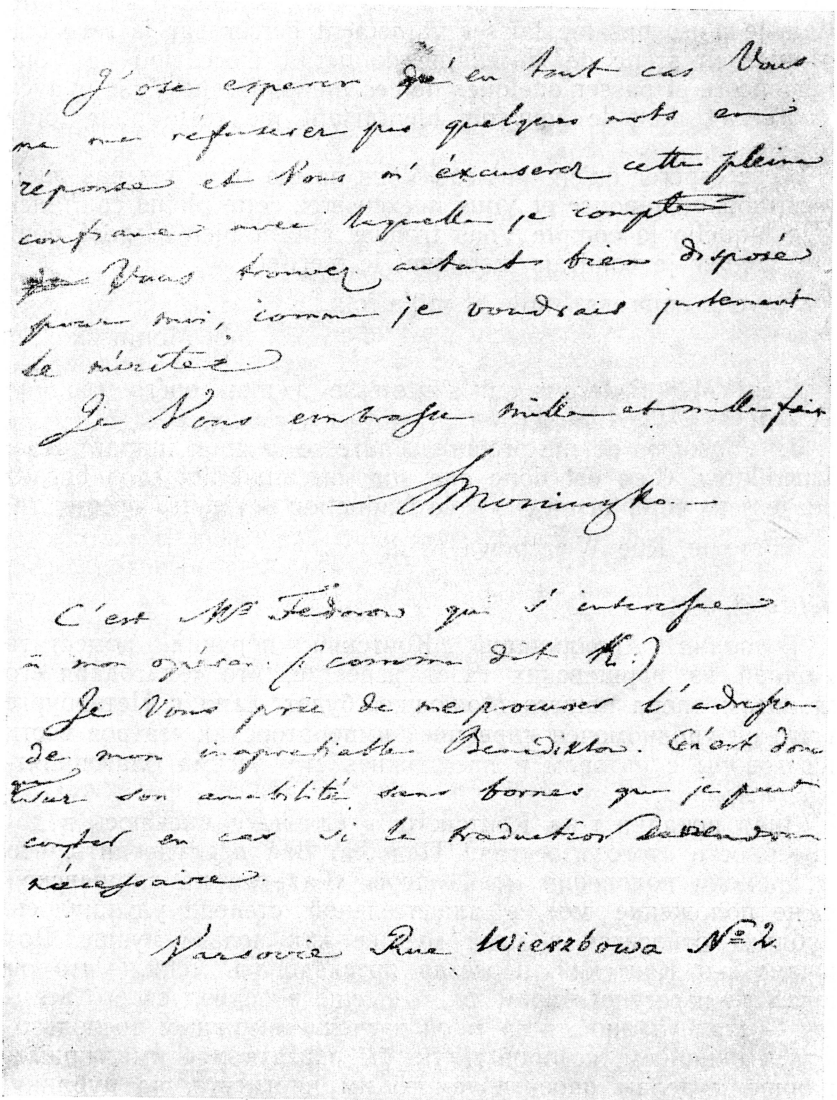
Monsieur Appollinaire de Ka̧tski a fait insérer dans un des journaux de Varsovie que: «grâce aux ses soins l'opéra de notre Moniuszko sera donné à Pétersbourg et qu'il est autorisé par la Direction des Théâtres Imperiaux de traiter avec l'auteur, ayant à lui proposer les conditions très favorables».

Connaissant la manière d'agir de M-r Ka̧tski je doute fort de la vérité de cette nouvelle. Il faut que je Vous previens, que depuis l'apparition de mon opéra *Halka* sur la scène de Varsovie ma position s'est grandement améliorée. Le public est on ne peut mieux disposé pour ma musique. Voilà ce qui fait que M-r de Ka̧tski après avoir cesser de me persécuter, comme il a fait jusqu'à un certain temps, c'est à dire: durant sa grandeur, a commencé de me courtiser et trouver bon de profiter d'influence, que mon nom mêlé aux affaires de l'Institut qu'il va créer pourrait produir sur le public, qui depuis quelque temps lui a retiré ses bonnes grâces.

Je parle de ces choses en pleine conviction que je m'adresse à celui, qui m'a comblé de ses bontés et attachait tant de mérite à ma musique et qui, malgré l'interruption de nos relations, voudra bien se souvenir encore de son protégé d'autrefois.

Il s'agit donc de savoir au juste et au plus vite ce qu'il‹y›a du vrai dans l'article cité plus haut, d'autant plus que le rétour de Ka̧tski que j'attendais impatiemment et ce qu'il me raconte là-dessus, ne m'a rassuré d'aucune manière, en alimentant au contraire mes soupçons. Je compte sur Votre bonté que Vous ne me refuserez pas de m'aider un peu dans la recherche de la vérité. Personne que Vous ne pourra pas plus facilement me sauver du ridicule qui me menace si je me laisse entraîner par

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо С. Монюшко к А. С. Даргомыжскому.
Последняя страница.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

lib.pushkinskijdom.ru

les cajoleries de mon confrère! Je serai très heureux de pouvoir Vous présenter mon opéra que depuis le temps quand Vous l'avez parcouru a subi beaucoup des changements à son profit. Mais je n'ose pas me laisser vainement bercer par le rêve que la mise en scène de *Halka* me donnerait d'occasion de Vous voir encore et passer quelques de ces moments que Vous m'avez accordé et dont le souvenir bienfaisant me reste pour toute ma vie.

J'ose espérer qu'en tout cas Vous ne me refuserez pas quelques mots en réponse et Vous m'excuserez cette pleine confiance avec laquelle je compte Vous trouver autant bien disposé pour moi, comme je voudrais justement le mériter.

Je vous embrasse mille et mille foix.

S. Moniuszko.

C'est M-r Fedorow qui s'interesse à mon opéra (comme dit K.).

Je Vous prie de me procurer l'adresse de mon inapprécіable Benediktow. C'en est donc que sur son amabilité sans bornes que je peux compter en cas si la traduction deviendra nécessaire.

Varsovie, Rue Wierzbowa № 2.

Перевод

Господин Аполлинарий Контский поручил поместить в одной из варшавских газет известие, что «благодаря его хлопотам опера нашего Монюшко будет дана в Петербурге и что он уполномочен дирекцией императорских театров вести переговоры с автором и предложить ему весьма благоприятные условия».

Зная повадки г-на Контского, я сильно сомневаюсь в достоверности этого известия.[1] Надобно Вас предупредить, что со времени появления моей оперы «Галька» на варшавской сцене положение мое в значительной степени улучшилось. Публика относится к моей музыке как нельзя лучше. Вот почему г-н Контский, перестав преследовать меня, — что он делал до известного времени, т. е. еще в период своего величия, — стал ухаживать за мной и счел возможным воспользоваться влиянием, которое могло бы оказать мое имя, примешанное к делам проектируемого им института, на публику, с некоторых пор лишившую его своей благосклонности.

Я говорю обо всем этом в полном убеждении, что обращаюсь к тому, кто проявил столько доброты по отношению

lib.pushkinskijdom.ru

ко мне, кто находил столько достоинств в моей музыке и кто вновь, несмотря на перерыв в наших отношениях, вспомнит о том, кому он некогда покровительствовал.

Речь, таким образом, идет о том, чтобы узнать в точности и как можно скорее, что́ именно является достоверным в вышеупомянутой статье, тем более, что возвращение Контского, которого я ожидал с нетерпением, и все, рассказанное им, ни в какой мере не успокоило меня, а, наоборот, усилило мои подозрения. Я рассчитываю на Вашу доброту, на то, что Вы не откажетесь помочь мне узнать правду. Никто, кроме Вас, не сможет избавить от осмеяния, которое угрожает мне, если я поддамся на заигрывания моего коллеги. Я буду очень счастлив прислать Вам свою оперу, которая, с тех пор как Вы просматривали ее, подверглась многим изменениям, пошедшим ей на пользу. Но я не смею тщетно предаваться мечтам, что постановка «Гальки» даст мне возможность вновь увидеть Вас и провести несколько таких же минут, какие Вы подарили мне и благодетельное воспоминание о которых осталось у меня на всю жизнь.[2]

Смею надеяться, что во всяком случае Вы не откажете написать мне несколько слов и простите мне то полное доверие, с которым я обращаюсь к Вам; в такой же мере рассчитываю на Ваше расположение ко мне, в какой я хотел бы заслужить его.

Тысячу и тысячу раз обнимаю Вас.

С. Монюшко

Моею оперой интересуется г-н Федоров[3] (как говорит К.[4]).

Прошу Вас сообщить мне адрес моего неоценимого Бенедиктова.[5] Ведь это на его безграничную любезность я могу рассчитывать в случае, если перевод окажется необходимым.

Варшава, улица Вержбова № 2.

[1] Разногласия между Монюшко и Аполлинарием Контским (1826—1879) были хорошо известны и понятны Даргомыжскому. Как вспоминает В. Т. Соколов, брат маэстро Аполлинария, известный в свое время пианист Антони Контский «не признавал таланта гениального Шопена и утверждал, что в большинстве его сочинений видна только работа, а вдохновения нет», а о лучшем творении Даргомыжского говорил, что «*в „Русалке“ нет ни одной мелодии*» (А. С. Даргомыжский. Автобиография..., стр. 150). Музыке Глинки и Шопена, Даргомыжского и Монюшко братья Контские противопоставляли собственные сочинения, подобные, например, пресловутому «Пробуждению льва» Антони Контского — пьесе, в наше время производящей уже впечатление не музыки, а пародии на музыку. Мало чем отличались от фортепианных пьес

lib.pushkinskijdom.ru

Антони Контского скрипичные пьесы его брата, также увлекавшегося виртуозной мишурой. У Контских находились поклонники, стремившиеся популяризировать их сочинения. Обострение отношений между Монюшко и Аполлинарием Контским было связано, в частности, с выступлением Монюшко на страницах журнала «Музыкальное движение» («Ruch Muzyczny», Warszawa, 1857); журнал этот издавался другом Монюшко Юзефом Сикорским (1815—1896). В статье, озаглавленной «Несколько замечаний по поводу писем Ю. И. Крашевского», Монюшко резко полемизировал с известным писателем, позволившим себе недостойные выпады против Шопена, который, в силу своего субъективизма, якобы не смог подняться до тех высот, которых, по заблуждению Крашевского, суждено было достичь маэстро Аполлинарию. Монюшко в своей статье разъяснял, в чем состоит величие Шопена и сущность утверждавшихся им традиций народности польской музыкальной культуры, к которым сочинения братьев Контских имели весьма отдаленное отношение.

Следует отметить, однако, что, несмотря на вполне понятное недоверие Монюшко к Контскому, автор «Гальки» был достаточно принципиален, чтобы правильно оценить значение предпринятой Контским организации в Варшаве высшего музыкального учебного заведения. Вот почему, отклонив вначале сделанное Контским предложение войти в состав профессуры Варшавского музыкального института (см. перепечатанный в статье Витольда Вроньского «Szkolnictwo muzyczne w Polsce w wieku XIX» /«Muzyka», 1951, № 5—6/ список лиц, опубликованный в «Gazeta Warszawska», 1860, дирекцией Варшавского музыкального института в качестве первого профессорско-преподавательского состава), Монюшко согласился затем на это предложение. Педагогическая деятельность его, которую он вел на протяжении последних лет своей жизни, ознаменовалась воспитанием многих выдающихся польских музыкантов, в том числе знаменитого композитора и педагога Зыгмунта Носковского, в свою очередь передававшего своим многочисленным ученикам традиции польской музыкальной классики.

Заметим попутно, что в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (собрание П. Л. Вакселя) хранится неопубликованное письмо Монюшко к Юзефу Бжовскому (1805—1888) от 31 января 1870 года. В этом письме Монюшко извещает Бжовского, который был тогда инспектором Варшавского музыкального института, о своей поездке в Петербург на постановку «Гальки» и просит предоставить ему отпуск в институте на время этой поездки.

[2] «Галька» впервые поставлена была в Петербурге на сцене Мариинского театра 4 февраля 1870 года. До петербургской премьеры оперы Монюшко Даргомыжский не дожил. В последний раз Монюшко виделся с ним в Варшаве осенью 1864 года: «Сегодня вечером Монюшко будет у меня. Играл он мне свои новые оперы», — писал Даргомыжский сестре С. С. Степановой из Варшавы 9 ноября 1864 года (А. С. Даргомыжский. Автобиография..., стр. 78). Нет сомнения, что среди этих «новых опер» был и «Зачарованный замок» (Straszny Dwór»), сочинявшийся в 1862—1864 годах.

Говоря о русских связях Монюшко, нужно вспомнить также имя петербургского композитора и теоретика Г. А. Демидова, бывавшего, кстати сказать, на музыкальных собраниях у Даргомыжского (там же, стр. 146). 28 сентября 1865 года Демидов присутствовал на премьере оперы Монюшко «Зачарованный замок» в Варшаве, а 8 октября автор оперы сделал русскому музыканту запись в его альбоме (л. 33), ныне

lib.pushkinskijdom.ru

хранящемся в библиотеке Ленинградской Государственной консерватории, сопроводив нотную строчку (начало женского хора из первой сцены второго акта «Зачарованного замка») словами: «à Monsieur Demidow en souvenir de Varsovie. Stanislav Moniuszko, 8. X. 65» («г. Демидову в воспоминание о Варшаве, 8 октября 65 года»).

Петербургская постановка «Гальки» имела большое значение для укрепления престижа Монюшко и признания его творчества. Сам Монюшко в письме к директору театра С. А. Гедеонову от 31 мая/12 июня 1870 года назвал эту постановку «Гальки» «блестящим представлением». Это неопубликованное письмо, хранящееся ныне в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр К. 17), написано на русском языке и представляет несомненный интерес еще и потому, что, как явствует из содержания письма, Монюшко одновременно с ним послал дирекции Мариинского театра (очевидно, на основании предварительных личных переговоров в Петербурге) клавир своей оперы «Парий» на сюжет Казимира Делавиня.

[3] Федоров Павел Степанович (1803—1879) — начальник репертуарной части императорских театров.

[4] Аполлинарий Контский.

[5] Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873) — поэт и переводчик. «Неоценимым» Монюшко называет Бенедиктова прежде всего потому, что последний, хорошо знавший польский язык, быстро, добросовестно и эквиритмически точно переводил на русский язык польские тексты многих произведений Монюшко, исполнявшихся и издававшихся в России. См., например: шесть романсов и песен С. Монюшко в переводе Вл. Бенедиктова. Издание М. Бернар (отдельными выпусками), СПб., 1870, и др. (ср.: сборник «Станислав Монюшко», М.—Л., 1952, стр. 183). В. Бенедиктов известен был, в частности, как переводчик Мицкевича; им переведены все поэмы и много лирических стихотворений Мицкевича, из которых далеко не все были напечатаны. В Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится рукопись переводов Бенедиктова из Мицкевича (В. Бенедиктов, Стихотворения, под редакцией Л. Я. Гинзбург, М., 1939, стр. 329). Р. Ф. Брандт, сверявший ряд этих переводов с подлинниками, находит, что «Бенедиктов переводил достаточно близко и достаточно сильно; хотя он и здесь (уж несомненно некстати) кое-где своеобразничает» (Несколько слов о Бенедиктове. «Русский филологический вестник», 1917, вып. 3—4, стр. 66). Монюшко написал также несколько романсов на оригинальные тексты Бенедиктова («Моей звездочке» и др.). Выбор текстов для вокальных произведений Монюшко, написанных на слова русских поэтов, во многом был обусловлен литературными связями Глинки и Даргомыжского. Это относится прежде всего к романсу Монюшко «Бал на льду» на слова Н. В. Кукольника. Впервые публикуемый здесь автограф Монюшко хранится в Государственном центральном музее музыкальной культуры в Москве.

И. Ф. Бэлза

lib.pushkinskijdom.ru

Автограф романса С. Монюшко «Бал на льду», л. 2.
Государственный центральный музей музыкальной культуры. Москва.

lib.pushkinskijdom.ru

Автограф романса С. Монюшко «Бал на льду», л. 3.
Государственный центральный музей музыкальной культуры. Москва.

lib.pushkinskijdom.ru

Автограф романса С. Монюшко «Бал на льду», л. 4.

Государственный центральный музей музыкальной культуры. Москва.

lib.pushkinskijdom.ru

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Абаза Н. С. 302, 303
Абаза Ю. Ф. 204
Абаринова А. И. 198, 293, 297
Абрамович Д. И. 121
Аксаков И. С. 188—196, 217, 218, 293
Аксаков К. С. 29, 188—192
Аксаков С. Т. 28, 29, 188—191, 194, 329
Аксакова О. С. 195 (матушка) 196
Александр Васильевич, см. Никитенко А. В.
Александр Македонский 120
Александр I 32
Александр II 89, 95, 96, 197, 250
Александра Федоровна (государыня) 388, 390
Алексеев М. П. 3, 187, 268, 284, 378
Алексеев П. А. 349
Альбертини Н. В. 88
Анна Ивановна, няня 155
Анненков И. В. 385
Анненков П. В. 31, 121, 174, 177, 178, 186, 194, 210, 218, 219, 250, 278, 279, 306, 307, 312, 316, 323, 340, 352, 355, 356, 361, 375, 381—390
Анненская А. Н. (Madame) 404, 406
Анненский И. Ф. 403—408
Анский Ф. И. 329—333
Антокольский М. М. 198, 275, 276, 342
Антонович М. А. 71—73
Апрелева Е. И., см. Ардов Е.
Арапов П. С. 11
Ардов Е. (Е. И. Апрелева) 242
Аргольт Л. 214—216
Арнольди Л. И. 26, 194
Ауэрбах Б. 108
Ашетт, издатель 360

Б. Ч., см. Чивилев Б. А.
Базунов А. Ф. 237, 238
Байрон Дж. 19, 21, 185, 292, 293
Бакунин М. А. 348
Балакирев М. А. 414, 415
Баратынская А. Д. 343
Баратынский Е. А. 16—18, 170
Барцевич С. К. 271
Бартенев П. И. 31, 193, 208
Батюшков К. Н. 33
Батюшков Ф. Д. 33
Бауман А. О. 232
Башмаков, домохозяин 242
Беггров, владелец магазина 259, 260, 263, 265—267, 272, 278, 284—286, 374
Бейсов П. С. 155
Белинский В. Г. 12, 28, 42, 146, 166, 168, 170, 171, 173—175, 183, 184, 198, 219, 223, 226, 227, 294, 381, 382, 403—405
Белозерский-Белосельский 209
Бельчиков Н. Ф. 187, 397
Беляев Н. 342
Бенардаки Д. Е. 293
Бенедиктов В. Г. 42, 419, 421
Берг Ф. Н. 352
Бергамаско, фотограф 206
Берков П. Н. 173
Бернар М. 421
Бертенсон Л. Б. 338, 341
Бестужев-Марлинский А. А. 208
Бжовский Ю. 420
Билибин И. И. 283, 284
Благосветлов Г. Е. 215

lib.pushkinskijdom.ru

Бланшар Э.-Т. 266, 272, 286
Блиох И. С. 321
Бобарыкова Ю. В. 347
Боборыкин П. Д. 197, 205, 231, 268, 280
Боголюбов А. П. 216, 373, 374
Богомолов-Романович А. С. 399
Бодянский О. М. 31
Больё П. 392
Бордюгов И. И. 88
Боровиковский В. Л. 263
Бородаевская-Ясевич В. И. 281, 282, 297, 308
Бородин А. П. 347—351, 392—396
Боткин В. П. 177, 238
Боткин М. П. 181
Боткин Н. П. 143, 144, 146
Брандт Р. Ф. 421
Бродский Н. Л. 170, 172, 180, 188, 191, 300, 346, 381
Бронтё Ш. (Кёррер Белл) 127, 131, 133
Брянчанинов А. А. 319
Булгарин Ф. В. 41, 210, 381
Булье (Бульэ) 258, 259
Булье, квартирохозяйка (француженка) 255—257, 267, 268, 292
Буренин В. П. 209, 210
Бурдин Ф. А. 385
Бутурлин Д. П. 380
Бычков А. Ф. 25
Бюхнер Ф.-К. 155
Бэлза И. Ф. 394, 421
Бялый Г. А. 409

Ваксель Л. Н. 397—399
Ваксель П. Л. 420
Валуев П. А. 154, 343
Вальтер, врач 124, 126
Варламов К. А. 278
Варпаховский П. П. 246
Варшавский Л. Р. 344
Васильева Е. Н. 277, 278
Васнецов В. М. 374
Введенский И. И. 127
Великопольский И. Е. 12, 17, 18, 20
Веллер М. Л. 373
Венгеров С. А. 166, 198, 223, 224, 226, 227
Венгерова З. И. 354
Веневитинов Д. В. 20
Вересаев В. В. 14, 15, 21
Верещагин В. В. 361
Веригина С. Я. 274
Виардо К. 295
Виардо Л. 283, 284, 372, 373, 381
Виардо М. 312—314
Виардо П. 199, 201—203, 206, 209 (В.), 210, 212, 216, 220, 240, 241, 255, 265, 266, 268, 269, 271, 276, 278, 293, 295, 307, 311, 312, 314, 320, 326, 352, 353, 367, 373, 392
Виардо Поль 220
Виардо, семья 369
Виельгорский, см. Вьельгорский М. Ю.
Вильмс Г. И. 394
Винницкая А. А. 352
Воднева Г. Э. 391
Войнаральский П. И. 260
Волконский Г. П. 181
Волконский Г. С. 16
Волконский С. М. 16
Волконский П. М. 388, 390
Волховский Ф. В. 260
Вольский В. 413
Вольф А. И. 390, 391
Вревская Ю. П. 196, 218, 240, 242, 244, 246—248, 253, 254, 257, 260
Вревский И. А. 246
Вроньский В. 420
Вронченко М. П. 287
Вроцкий, см. Навроцкий А. А.
Всеволожский И. А. 323—325
Всеволожский Н. Н. 303, 304, 318, 320, 323
Вьельгорский М. Ю. (Виельгорский) 142, 143, 378, 381
Вырубов Г. Н. 212, 220
Вышнеградский И. А. 298, 299
Вяземский П. А. 12, 13, 15, 16, 20, 186, 316
Вяземский П. П. 316

Габлер, торговец 271
Гаевский В. П. 199, 304, 305, 352, 353
Гайдебуров П. А. 270, 338
Гайдебуровы П. А. и Е. К. 283, 284
Галахов А. Д. 237—239
Гальперин-Каминский М. Е. 240, 255, 268, 278, 367
Гамбетта Л.-М. 199, 339, 340
Гамов Д. И. 205
Гаршин В. М. 199, 261, 336, 337
Гаршин Е. М. 199, 337

lib.pushkinskijdom.ru

Гаршина Е. С. 337
Гаспарини Н. 270
Ге, племянницы художника 374
Геббель Ф. 239, 240
Гебрар, см. Эбрар
Гедеонов А. М. 378
Гедеонов С. А. 269, 290, 421
Гейбель Э. 203
Гейне Г. 73, 203
Георгиевский Г. П. 28
Гербель Н. В. 87
Герцен А. И. (Искандер) 43, 74, 88, 118, 155, 168, 197, 263, 375, 376, 380—382
Гершель Дж. 66
Гершензон М. О. 181, 187, 261
Гессен С. Я. 31, 199, 353
Гёте В. 170, 203, 287
Гехнер, комиссионер 307
Гиллерме, домохозяин 190
Гинзбург Л. Я. 421
Гинцбург Г. О. 247, 248, 266, 272, 285, 364
Гинцбург Е. Г. 265, 266
Гинцбург М. Г. 265, 266, 364
Гиппиус В. В. 33, 36
Гирс Д. К. (Д. П.) 274
Гирс Д. П., см. Гирс Д. К.
Гирс, жена Д. К. Гирса 274
Глазунов И. И. 199, 329—333, 338, 340
Глинка М. И. 200, 201, 203, 229, 232, 413—415, 419, 421
Гнедич П. П. 278, 293
Гоголь Н. В. 6, 23—37, 46, 90, 115, 120, 131, 146, 168, 175, 176, 191—194, 223, 382
Голицын 125
Голицын Н. С. 43
Головнин А. В. 81, 91, 92, 94—96, 275, 276, 343—346
Гольдсмит И. А. 273
Гончаров А. Н. 107, 154
Гончаров И. А. 6, 97—162, 177—179, 202, 239, 330, 340, 341
Гончаров Н. А. 154
Горнфельд А. Г. 408
Горчаков М. И. 291, 293
Горький А. М. 403
Грановский Т. Н. 243, 292, 293
Грибоедов А. С. 208
Григорович Д. В. 41, 196, 204, 316, 340, 341
Григорьев В. В. 172
Григорьев П. В. 240
Грот Я. К. 150, 151, 155, 157, 158, 161, 343, 382
Груздев А. И. 162
Гумбольдт В. 355
Гуревич С. 323
Гуткова, домовладелица 72
Гутьяр Н. М. 259, 295, 316
Гюго Виктор 47, 268

Давыдов К. Ю. 220
Даль В. И. (Луганский) 201, 244, 292, 293
Данилов С. С. 33
Данте 388
Дантю, издатель 360
Дараган-Сущов И. И. 69
Даргомыжский А. С. 200, 413—421
Де Амичис Э. 283, 284
Дегтерева В. (Дехтярева) 208, 209
Делавинь Ф.-К. 421
Делицын П. П. 41
Демидов Г. А. 420, 421
Демут, владелец гостиницы 244, 256, 257, 267, 268
Денфер А. У. 32, 34
Деньер, фотограф 258
Державин Г. Р. 131
Дехтерев В. Г. 208, 209, 213
Дехтярев, см. Дехтерев В. Г.
Дехтярева, см. Дегтерева В.
Джаншиев Г. А. 403—405
Дианин А. П. 395
Дианин С. А. 347, 392
Диккенс Ч. 41, 127
Дмитриев-Оренбургский Н. Д. 374
Дмоховский Л. А. 205
Добровольский Л. М. 106, 109, 346
Добролюбов В. И. 42
Добролюбов Н. А. 6, 39—76, 80, 82, 87, 88, 197, 218, 219
Добролюбова Ю. А. 69
Добролюбовы, сестры и братья 69, 82
Долгушин А. В. 205, 349
Достоевский Ф. М. 198, 199, 239, 243, 307, 312—314
Драгоманов М. П. 231, 268
Дрентельн А. Р. 362, 363, 373
Дружинин А. В. 121, 177, 178
Дубельт Л. В. 378

lib.pushkinskijdom.ru

Дудышкин С. С. 121
Думнов В. В. 328—335, 337
Дунин А. А. 190
Дуров С. Ф. 185, 382
Дювернуа А. 312, 313
Дюма А. 41, 47
Дюпон, ресторатор 177
Дюссо, ресторатор 178

Евгеньев-Максимов В. Е. 83, 86—88, 96
Егоров Б. Ф. 73
Ежов Б. С. 188
Екатерина Александровна, см. Никитенко Е. А.
Елагина Е. П. 194
Елизавета Христофоровна, см. Пещурова Е. Х.
Елисеев Г. З. 197
Есипова А. Н. 220
Ефремов П. А. 334
Ефремова Ю. Д. 133

Жандр Н. П. 293
Жемчужников Л. М. 398, 399
Жемчужниковы А. М. и В. М. 409
Жуковский В. А. 28, 238, 397
Жуковский Ю. Г. 89

Забелина С. П. 237
Забелло П. П. 198, 262, 263, 342
Занд Жорж (Санд) 114, 381
Зелинский В. 188
Зильберштейн И. С. 265, 266
Златовратский Н. Н. 198, 260, 261, 281
Зотницкий И. П. 230
Золя Эмиль 254, 255

Иванов А. А. 181, 182
Иванов Н. 373
Иванчин-Писарев А. И. 408, 409
Игнатьев А. Г. 76
Ильин 332
Ильинский Л. К. 373
Иннис М. 258, 259
Искандер, см. Герцен А. И.
Иогансен А.-Р. 202, 203, 206, 207, 216, 218, 241, 265—267, 307, 308, 311, 314, 317, 320, 322, 326, 339
Иордан Ф. И. 181

Кавелин К. Д. 204
Казимира Казимировна, см. Никитенко К. К.
Калинин, актер 385
Канелюш Б. Н. 196
Каракозов Д. В. 89, 90
Карамзин Н. М. 238
Каратыгин П. А. 41
Карл Великий 162
Кармалина Л. И., рожд. Беленицына 415
Карнеев П. С. 336
Карнаухова М. Г. 334, 347, 349
Катков М. Н. 87—95, 210, 211, 234
Кашкин Н. Д. 271
Квернер, владелец меблированных комнат 302, 303, 315, 319, 320
Квитка Г. Ф. (Основьяненко) 33
Кёррер Белл, см. Бронтё Ш.
Кетчер Н. Х. 174, 238, 385, 386
Кинареев 325, 326
Киреевский П. В. 28
Кирмалов В. М. 154
Кирмалов Вл. М. 154, 155
Кирмалова А. А., рожд. Гончарова 154
Кирмалова Д. Л. 154
Кишинский Н. А. (управляющий) 200—202, 221, 236, 294, 336
Клеман М. К. 172, 180, 181, 183, 184, 196, 200, 234, 239, 244, 255, 300, 301, 361, 398, 399
Княжнин В. Н. 42, 75, 76
Ковалевский М. М. 268, 280, 373
Ковалевский П. М. 88
Ковалик С. Ф. 260
Колбасин Д. Я. 290, 291, 382, 383
Колбасин Е. Я. 290, 291
Кольцов А. В. 41
Компанейский Е. 201
Кони А. Ф. 237, 248, 278, 303
Константин Николаевич, вел. князь, 390, 391
Контский А. 419
Контский Ап. 416, 418—421
Коптев Д. И. 185
Коптева Н. 354
Корнилов Ф. П. 343
Короленко В. Г. 6, 401—409
Короленко Е. С. (Авдотья Семеновна) 408, 409
Короленко Н. В. 404
Короленко С. В. 404, 408
Коропчевский Д. А. 273

lib.pushkinskijdom.ru

Корш В. Ф. 64—86, 211
Костомаров Н. И. 204
Котляревский Н. А. 33
Кочубей П. А. 263
Кравцов П. С. 347, 352, 353, 392
Краевский А. А. 105, 106, 177, 183, 184, 208, 375, 376, 378, 380, 381, 386
Красов В. И. 185
Крашевский Ю. И. 420
Крестовский Вс. 305, 306
Кривенко С. Н. 184, 261
Кривинская А. Л. 408
Кривцов П. И. 180, 181
Криммер Р. А. 287
Кропоткин П. А. 276
Крылов И. А. **76, 238**
Кудрявцев П. Н. (Нелидов) 238
Кузьмина Е. И. (племянница) 284, 285, 290, 292
Кукольник Н. В. 287, 421
Курочкин В. С. 261
Курочкин Н. С. 197, 218, 220
Курпиньский К. 413
Кэре Г. К. 87
Кюи Ц. А. 414, 415

L., см. Ларош Г. А.
Лаблаш Л. 201
Лавров П. Л. 43, 242, 348, 368
Лавровская Е. А. 202
Ламберт Е. Е. 178
Ланге, доктор 200
Ланский Л. Р. 381
Ларош Г. А. 204, 234, (L) 235, 241, 254
Ласточкина Е. 201
Лебедев М. Е. 41—45, 47, 48, 50—55, 57, 59—63, 65—67, 73, 74, 76
Лебедева Е. Е. 42
Левицкий, фотограф 282
Лемке М. К. 72, 188, 375
Ленин В. И. 13, 27, 188, 210, 234, 279, 286, 335, 384, 406
Леонтьев К. Н. 193
Леонтьев П. М. 90
Лермонтов М. Ю. 41, 118, 145, 171, 197, 208, 322, 330
Лернер Н. О. 14
Леру П. 381
Леткова Е. П. 303
Летурно Ш. 368
Лисовский Н. М. 172, 183
Лихачев В. И. 251, 329, 330, 336, 338
Лихачева Е. О. 348
Лобанов-Ростовский И. А. 13
Лобанова-Ростовская Е. П., рожд. Киндякова 13, 18
Ломовская Н. (Л. Ф. Нелидова) 197, 198, 298, 316
Ломоносов М. В. 67
Лонгинов М. Н. 211—213
Лопатин Г. А. 212
Лорис-Меликов М. Т. 372, 373
Луганский, см. Даль В. И.
Луканин Ю. А. 347
Луканина А. Н. (Паевская), рожд. Рыкачева 220, 248, 270, 346—373, 392—394, 396
Лутовинова Е. И. 181
Льховский И. И. 139, 140
Людовик XIV 150
Ляцкий Е. А. 174
Лященко А. И. 33

Мазад де Ш.-А. 89, 91
Мазон А. А. 106, 107, 196
Мазченко Н. 373
Майков А. Н. 177
Майков В. Н. 127
Майков Л. Н. 33, 121, 188, 196, 203
Майкова Е. П. 125, 127
Макаров Н. П. 248, 249
Макашин С. А. 84
Максимов С. В. 94
Максимович, домовладелец 73, 75
Мак-Магон П.-М. 264
Макшеев А. И. 33, 34
Макшеев И. А. 31—34
Малова М. И. 35
Маляревский П. К. 279, 280
Мамонтов, комиссионер 258—260, 303
Маркс А. Ф. 406, 409
Маркс Карл 127, 146
Масанов И. Ф. 235
Маслов И. И. 254, 256, 315, 316
Матвеев А. 43
Мезенцов Н. В. 349
Менделеев Д. И. 394
Мёрике Э. 203
Мещерский А. А. 239—242, 256
Мещерский В. П. 211, 215
Миклуха-Маклай Н. Н. 199, 240—242

lib.pushkinskijdom.ru

Миллер Ф. Б. 293
Милюков А. П. 36—37
Мин Д. Е. 386, 388
Минаев Д. Д. 121
Миницкий И. Ф. 378
Митрофания, рожд. Розен П. Г. 236, 237
Михайлов А. 215
Михайлов М. И. 80, 94
Михайловский Н. К. 204, 220, 253, 263, 286, 403—405
Михневич В. О. 198
Мицкевич А. 421
Модзалевский Б. Л. 12, 14—16, 146, 175, 176
Модзалевский Л. Б. 31, 242
Може, хозяйка отеля 151, 153, 162
Молешотт Я. 155
Молчанов А. Е. 414
Момбелли Н. А. 33
Монюшко Станислав 411—424
Мопассан Ги 350
Морозов П. О. 33
Музалевская А. А., рожд. Гончарова 155
Музалевский 155
Муравьев А. Н. 75
Муравьев-Виленский М. Н. 90
Мусоргский М. П. 200, 204, 205, 234, 414, 415
Мухортова А. Н. 283, 322
Мышкин И. Н. 260
Мятлев И. П. 143

Н. Г. Ч., см. Чернышевский Н. Г.
Н. М. 350
Навроцкий А. А. (Вроцкий) 295, 296
Назарова Л. Н. (Л. Н.) 204, 220, 311, 320, 325, 342
Найдич Э. Э. 171
Наполеон III 145, 146, 153
Наумов Н. И. 261
Неведомская-Динар Н. А., рожд. Семенова 274
Неклюдов С. В. 194
Некрасов Н. А. 6, 77—96, 146, 174—178, 185, 187, 197, 199, 238, 265, 266, 376, 382, 383
Нелидова Л. Ф., см. Ломовская Н.
Нечаев С. Г. 236, 237
Никитенко А. А. (Саша) 112 (беспримернейший шалун), 113, 114, 142, 143, 147, 148 (шалунище), 151 (шалунище), 154, 157 (шалунище), 161 (Сашенька), 162
Никитенко А. В. 94, 95, 107, 108, 111, 113, 114, 117 (Ваш папа), 121, 125, 126, 139, 141, 143, 144, 146, 147 (родитель), 148, 150 (папаша), 152, 154—158, 161, 172—187
Никитенко Е. А. 110, 112, 113, 122, 125—127, 129, 131, 135, 137, 138, 145, 148, 149, 162
Никитенко К. К., рожд. Любощинская 111, 114, 141, 143, 154, 155, 158 (родители).
Никитенко С. А. 107—162
Никитин В. П. 369
Николаев А. С. 176
Николай Павлович, см. Николай I
Николай I (Николай Павлович) 20—22, 252, 253, 380, 382, 390
Никольский А. И. 15
Никулина-Косицкая Л. П. 386, 388
Новиков Д. 11
Нордстрем, цензор 384
Норов А. С. 186, 187
Носковский З. 420

Оболенский Д. А. 95
Огарев Н. П. 80, 88, 155, 170, 186, 187
Огарева-Тучкова Н. А. 381
Одоевские В. Ф. и О. С. 382
Одоевский В. Ф. 76
Одынец-Добровольская С. Ф. 317
Оксман Ю. Г. 172, 174, 299, 376, 383
Оленин (Аленин) 190, 192, 193
Ольхин, домохозяин 271
Онегин (Отто) А. Ф. 364
Опекушин А. М. 342—346
Орлов Н. А. 358, 359, 373
Осман-паша 261
Островский А. Н. 177, 237, 253, 269, 293, 385

П. Р. 388
Павел I 32
Павловский И. Я. 299, 350, 367
Паевская А. Н., см. Луканина А. Н. (Паевская)
Паевский Н. И. 353, 354, 364, 365
Пальм А. И. 382
Пальчикова С. А. 71

lib.pushkinskijdom.ru

Панаев И. А. 79—83
Панаев И. И. 79—82, 91, 92, 94, 174, 175, 177, 178, 185, 294, 382—384
Панаева (Головачева) А. Я. 80, 91, 95
Пантелеев Л. Ф. 283, 284
Папин И. И. 205
Панковский Б. В. 84
Паранти, купальщик 157
Пашков А. В. 13
Переселенков С. А. 248
Перовский В. А. 15
Перовский Л. А. 345
Петр I 342
Петров О. А. 198, 200, 201, 203, 206, 223, 225, 231—236
Петрова А. Я., рожд. Воробьева 203, 223, 232, 233, 236
Петровы А. Я. и О. А. 202—204, 206, 208, 209, 211, 213, 219
Пецольд, хозяин отеля 145
Пещуров А. Н. 69
Пещурова Е. Н. 69—71
Пещурова Е. Х. 71
Пиксанов Н. К. 212, 242
Пирогов Н. И. 96
Писарев Д. И. 215, 218, 219
Писемские А. Ф. и П. А. 220
Писемский А. Ф. 178, 204, 219, 220
Пич Л. 266, 313
Плетнев П. А. 80, 82, 83, 172, 175, 179, 181, 381, 382
Плещеев А. Н. 382
Плотников Н. А. 205
Плутарх 133
Погодин М. П. 28, 29, 95
Поздеев А. А. 37
Поздняков Н. 146
Полевой Н. А. 16
Полевой П. Н. 198, 205, 207, 223
Поленов В. Д. 250, 260, 374
Полонская Ж. А. 316, 320, 340, 341
Полонские Я. П. и Ж. А. с детьми 315, 316, 322, 334, 336
Полонский Б. Я. (Боря) 325
Полонский Л. А. 268, 307—309, 312, 313, 326
Полонский Я. П. 94, 177, 195, 199, 204, 213, 215—217, 224, 225, 232, 245, 281, 299, 302, 311, 314—316, 318, 319, 340, 341, 352, 362
Полотебнов А. Г. 122
Полторацкий С. Д. 11—15, 18
Поль Р. 203
Попов П. С. 177
Преображенский А. 244
Прийма Ф. Я., 22
Протопопов С. Д. 404, 406
Пугачев Е. И. 31, 155, 406, 408
Путята Н. В. 21
Пушкин А. Л. (Лукояновец) 404, 406
Пушкин А. С. 6, 9—22, 28, 29, 31, 33—36, 41, 42, 66, 90, 106, 118, 131, 152, 197, 203, 208, 222, 223, 226, 263, 293, 301, 303, 307, 330, 334, 335, 337, 338, 342—346
Пыпин А. Н. 90, 93, 177, 198, 219, 226, 227, 314, 363, 371, 372

Рагозин Е. И. 204, 205, 230
Рагозина, его жена 206
Рагозины 206, 208, 209, 211, 213, 219, 223, 233, 236
Радищев А. Н. 374
Разин С. Т. 155
Ребиндер 178
Рейнак Ж. 340
Рейсер С. А. 68, 71, 76, 94
Рейтерн Е. Е. 397
Репин И. Е. 260, 266, 374
Римский-Корсаков А. Н. 414
Римский-Корсаков Н. А. 204
Рогачев Д. М. 260
Розен П. Г., см. Митрофания
Розенберг И. 278
Ромм С. 246, 276, 339
Ростопчина Е. П. 16—18
Рошбуэ Г. 264
Рубини Дж.-Б. 201
Рубинштейн А. Г. 198, 204, 206, 217, 219, 220, 222, 223, 229, 274, 304, 322, 392, 395
Рубинштейн Н. Г. 271, 303, 304
Русанов Н. С. 261, 274
Рылеев К. Ф. 155, 173

Сабашниковы М. и С. 269
Савина М. Г. 198, 199, 277, 278, 280, 282, 283, 286, 293—295, 297, 301, 303—306, 308, 309, 311, 313, 315—317, 319, 320, 322, 325, 327, 330, 334
Савицкий К. А. 374

lib.pushkinskijdom.ru

Садовников Д. Н. 198, 322, 343
Садовский П. М. 253
Салаев Ф. И. 209, 210, 214, 215, 252, 255, 256, 261, 272, 328—330
Салаевы, братья 215
Салтыков-Щедрин М. Е. 11, 13, 25, 34, 42, 87, 95, 96, 211, 225, 238—240, 251, 261, 263, 284, 335, 345, 353, 363, 365, 374, 385, 420, 421
Самарин Ю. Ф. 255
Самарская-Быховец В. Д. 230—232. 246, 255, 262, 263
Самарские-Быховец В. В. и В. Д. 232, 233, 236, 258, 261, 262, 265, 271, 278, 282, 283, 286, 290, 294, 295, 304, 311, 322
Самарский-Быховец В. В. 228, 229, 246, 255, 259, 272, 273, 279, 280, 292
Санд, см. Занд Жорж
Сахаров И. П. 28
Сахарова Е. В. 250, 260, 374
Свешникова Е. П. 353
Сегон П. 341
Секки А. 283, 284
Семевский В. И. 382
Семевский М. И. 107, 208, 285, 286, 288, 345
Сен-Санс Ш.-К. 254
Сервантес М. 284
Серов А. Н. 200, 414
Сеченов И. М. 394
Серый Г. 181
Сибиряков К. М. 261
Сикорский Ю 420
Синегуб С. С. 260
Скабичевский А. М. 197, 199, 253
Скребков А. И. 343. 344
Слепцов В. А. 197, 199
Смирнова А. О. 23
Снегирев И. М. 22
Снегирев М. М. 28, 29
Снежко-Блоцкий А. Ф. 220—223
Соколов В. 75
Соколов В. П. 199
Соколов В. Т. 415, 419
Солдатенков К. Т. 241, 242
Соллогуб В. А. 31, 33, 35, 36, 186, 224, 225
Соловьев А. К. 286, 288
Соловьев Ю. И. 347, 395
Сомов А. В. 180—182
Сомов В. 181
Сомова Е. И., рожд. Кривцова 181
Софья Александровна, см. Никитенко С. А.
Соянов, см. Сомов А. В.
Станкевич А. В. 241—243
Станкевич Н. В. 171, 243
Стасов В. В. 107, 201, 204, 205, 231, 232, 249, 268, 270, 276, 286, 303. 304, 392, 395
Стасова Н. В. 281
Стасюлевич М. М. 108, 109, 122, 140, 155, 196, 213, 215, 217, 223, 226—229, 232, 233, 239, 240, 243, 245—251, 253, 264, 266, 271, 273, 275—277, 280, 297, 298, 301, 304, 308, 311, 313, 314, 316, 317, 323, 329—337, 346, 349, 350, 385
Стеклов Ю. М. 348
Степанова С. С., рожд. Даргомыжская 415, 420
Степняк-Кравчинский С. М. 349
Стечькин Н. Я. 198, 280, 286, 294, 303, 316
Стечькина Л. М. 286
Стечькина Л. Я. 286
Строменгер К. 413
Суворин А. С. 206, 209—211, 214, 218, 219, 226—228, 235, 239, 251
Сумароков А. П. 143
Суперанский М. Ф. 136, 154, 155
Суриков И. З. 322
Сцевола Муций 130

Талицкий (Сергей Шарапов) 404
Тамбурини А. 201
Танненер 393
Тарасенков А. Т. 194
Тарасов В. 43
Теккерей В. 127
Терещенко А. 28, 41
Тимашев А. Е. 388, 390
Тимашев Е. Н. 14, 15
Тимашева Е. А., рожд. Загряжская 11—22
Тимофеев, студент 178
Тихонравов Н. С. 30, 302—306
Ткачев П. Н. (Постный) 215
Толбузин, городничий 32
Толстая С. А. 269
Толстой А. К. 199, 208, 224, 225, 228, 229, 374

lib.pushkinskijdom.ru

Толстой Л. Н. 186, 187, 198, 199, 211, 213, 217, 218, 238, 269—271, 293, 360, 383, 384
Толстой С. Л. 269
Толстой Ф. П. 181
Топоров А. В. 196—342, 352
Топорова А. И. (жена) 259, 260, 273, 287, 288, 295, 307—309, 311, 313, 314, 318, 322, 324—326
Третьяков П. М. 241, 242
Тройницкий А. Г. 143, 149
Трубецкая М. А. 69, 71
Трубецкой 365
Трубецкой В. А. 69, 71
Трубников К. В. 219
Тур Е. В. (Салиас) 192, 193, 293
Тургенев А. Н. 300
Тургенев И. С. 6, 119, 121, 122, 124, 131, 133, 135—137, 145, 146, 152, 163—399
Тургенев Н. С. (брат) 200, 239, 240, 245, 277, 278, 280
Тургенева В. П. 181
Тучкова-Огарева Н. А. 186
Тютчев Н. Н. 269
Тютчев Ф. И. 225 226

Усов П. С. 318
Успенский Г. И. 220, 261, 281
Утевский Л. С. 109, 110, 133, 199, 200, 214, 217, 219, 224, 227, 280, 341
Ушинский К. Д. 95

Ф. Б. 195
Ф. И. 269
Фадеев Р. А. 318
Федоров П. С. 386, 419, 421
Фейербах Л. 155
Феоктистов Е. М. 188, 191
Фет А. А. 202, 397
Фигуровский Н. А. 347, 395
Филиппов П. Н. 382
Философова А. П. 209
Финдейзен Н. 415
Финлей Г. 108
Фламмарион К. 283
Флобер Гюстав 199, 268, 278, 288, 289, 301, 340
Фогт К. 155
Форель А. 353
Форэ Г.-У. 254
Франколен, издатель 368
Фрейганг, цензор 380
Фрейдель Е. В. 346
Фрейер А. 413
Фридлендер Г. М. 26, 30
Фэй Э.-А. 366

Ханыков Н. В. 199, 220, 225, 275—277, 361, 362
Харламов А. А. 199, 215, 216, 220, 232
Хемницер И. И. 76
Хилкова Е. Г., рожд. Волконская 135 (княгиня), 136
Хилкова О. Д. 135 (младшая), 136
Хилкова П. Д. 136
Хилковы Е. Г., О. Д. и П. Д. 125, 135
Хмелевская Е. М. 354, 374, 396

Цакни Е. А. 399
Цейтлин А. Г. 106, 109, 110
Цехановицкая, владелица меблированных комнат 302, 303
Цыцурин Ф. С. 295 298
Цявловский М. А. 13, 14, 270

Чаадаев П. Я. 42
Чайковский П. И. 198, 202—204, 205, 271, 396
Чарушин Н. А. 260
Чебышев-Дмитриев А. П. 218, 219, 226, 227
Чернецов Г. Г. 181
Чернышев В. И. 383
Чернышевская О. С. 80
Чернышевский Н. Г. 26, 43, 69, 80, 87, 88, 91, 94, 177, 197, 218, 219, 223, 312, 383
Чешихин-Ветринский В. Е. 201
Чивилев Б. А. 230—232, 268, 289, 365
Чижов Ф. В. 181
Чичерин Б. Н. 95, 270
Чуйко В. В. 231, 268
Чуковский К. И. 88
Чун-Хоу, китайский посол 309

Шапиро К. 198, 281, 282
Шарко Ж.-М. 327, 328
Шарпантье, издатель 360
Шаррье, буфетчик 141
Шашков С. С. 215

lib.pushkinskijdom.ru

Шевченко Т. Г. 204 263, 388
Шевырев С. П. 29
Шекспир В. 41, 43 51, 87, 106, 133, 174, 202
Шелгунов Н. В. 215
Шелудяков Д. 408
Шелудяков П. Я. 406
Шепелев Л. Е. 171
Шереметев Н. П. 172
Шестакова Л. И. 231, 232, 234
Шестериков С. П. 31
Шидловский, цензор 380
Шиллер Фридрих 126, 293, 294
Шилов А. А. 334, 347, 349
Шиндлер 374
Ширяев Д. В. 378
Шопен Фредерик 395, 419, 420
Шредер И. Н. 342
Шуберт А. И. 388
Шуберт Франц 414
Шульгин И. П. 172
Шуман Роберт 395, 414
Шумский С. В. (Чесноков) 388, 390

Щапов А. П. 71
Щепкин М. А. 318
Щепкин М. С. 177, 194, 352, 375—377, 379—391
Щепкин Н. А. 274, 280—282, 309, 313, 318, 322, 323, 325, 328—330, 333, 334, 338
Щепкин Н. М. 388
Щепкина А. В. 381
Щербань Н. В. 259

Эбрар (Гебрар), редактор 366, 368, 370
Эдмонд Ш. (Хоецкий) 367
Эльснер И. 413
Энгельгардт А. Н. 198, 334—337
Энгельгардт Б. М. 121, 152
Энгельс Фридрих 127, 146
Эртель А. И. 261

Юдин М. Л. 15
Южаков С. Н. 404, 406
Юргенсон П. И. 271
Юрьев С. А. 280, 339

Яблочков П. Н. 369
Яблочкова М. И. 369
Языков Д. Д. 303, 388
Языков М. А. 319
Языков Н. М. 16, 28, 29
Яковлев В. 107
Ямпольский И. Г. 72
Ясинский И. И. 26

lib.pushkinskijdom.ru

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

Автограф стихотворения А. С. Пушкина «Я видел вас, я их читал». Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР . . . . . 12—13

Автограф отрывка из второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде 25

Автограф рецензии Н. А. Добролюбова на «Стихотворения Митрофана Лебедева, 1850 г.», стр. 35. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 45

Титульный лист рукописного журнала «Ахинея», 1850 г., № 1. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 49

Черновой автограф рецензии Н. А. Добролюбова на «Стихотворения Митрофана Лебедева, 1850 г.», л. 4. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР . . . 59

Черновой автограф рецензии Н. А. Добролюбова на «Стихотворения Митрофана Лебедева, 1850 г.», л. 4 об. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР . . . 60

Черновик статьи Н. А. Некрасова о М. Н. Каткове, писанный рукой А. Н. Пыпина, с правкой и вставками Н. А. Некрасова, л. 3. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 93

Черновой автограф фельетона И. А. Гончарова «Рождественская елка». Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР . . . . . 100—101

Автограф стихотворения И. С. Тургенева «Исповедь», л. 1. Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде. 167

Автограф стихотворения И. С. Тургенева «Исповедь», л. 3. Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде. 169

Письмо И. С. Тургенева к А. В. Никитенко, 1844 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. 184—185

А. Н. Луканина. Фот., 1887 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 351

Письмо И. С. Тургенева к М. С. Щепкину от 15/3 декабря 1848 г. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 377

Письмо И. С. Тургенева к М. С. Щепкину от 15/3 декабря 1848 г. Последняя страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 379

lib.pushkinskijdom.ru

Письмо М. С. Щепкина к П. В. Анненкову от 19 декабря 1856 г. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 387
Письмо М. С. Щепкина к П. В. Анненкову от 19 декабря 1856 г. Последняя страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 389
Портрет И. С. Тургенева работы Л. Н. Вакселя, 1855 г. Государственный Русский музей. Ленинград 398
Письмо В. Г. Короленко к Н. Ф. Анненскому от 20 июля 1895 г. Первая страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 405
Письмо В. Г. Короленко к Н. Ф. Анненскому от 20 июля 1895 г. Последняя страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 407
Нотный автограф С. Монюшко. Из альбома А. С. Даргомыжского, л. 74. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 415
Письмо С. Монюшко к А. С. Даргомыжскому. Последняя страница. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР 417
Автограф романса С. Монюшко «Бал на льду», л. 2. Государственный центральный музей музыкальной культуры. Москва . . 422
Автограф романса С. Монюшко «Бал на льду», л. 3. Государственный центральный музей музыкальной культуры. Москва 423
Автограф романса С. Монюшко «Бал на льду», л. 4. Государственный центральный музей музыкальной культуры. Москва . . 424

lib.pushkinskijdom.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

А. С. ПУШКИН

‹Стихотворение «Я видел вас, я их читал»› (*Ф. Я. Прийма*) . . 11

Н. В. ГОГОЛЬ

‹Новые строки из второго тома «Мертвых душ»› (*Г. М. Фридлендер*) 25
‹Грамматическая заметка› (*Г. М. Фридлендер*) 27
Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» (*А. А. Поздеев*) 31

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

‹Юношеская рецензия› (*С. А. Рейсер*) 41
‹Черновая редакция той же рецензии› 51
Письма 69
Н. А. Добролюбов — Е. Н. Пещуровой (*С. А. Рейсер*) . 69
Н. А. Добролюбов — М. А. Антоновичу (*Б. Ф. Егоров*) . . . 71
М. Е. Лебедев — Н. А. Добролюбову (*С. А. Рейсер*) 73

Н. А. НЕКРАСОВ

Из деловых бумаг Н. А. Некрасова (*В. Е. Евгеньев-Максимов*) 79
‹Доверенность И. А. Панаеву› 79
‹Проект договора с В. Ф. Коршем› 84
‹Фрагмент статьи о М. Н. Каткове› 87

И. А. ГОНЧАРОВ

‹Рождественская елка› (*Л. М. Добровольский*) 99
Письма к С. А. Никитенко (*А. И. Груздев*) 107

lib.pushkinskijdom.ru

И. С. ТУРГЕНЕВ

Исповедь (*Э. Э. Найдич, Л. Е. Шепелев*) 165
Письма И. С. Тургенева 172
А. В. Никитенко (*М. П. Алексеев*) 172
И. С. Аксакову (*Б. Н. Капелюш*) 188
А. В. Топорову (*Л. Н. Назарова*) 196
А. М. Опекушину (*Е. В. Фрейдель*) 342
А. Н. Луканиной (*Е. М. Хмелевская*) 346
Из переписки о комедии «Нахлебник» (*Г. Э. Воднева*) 375
А. А. Краевский — И. С. Тургеневу 375
М. С. Щепкин — П. В. Анненкову 381
Письма к И. С. Тургеневу 392
А. П. Бородина (*Е. М. Хмелевская*) 392
К портрету И. С. Тургенева 1855 года (*Е. А. Цакни*) 397

В. Г. КОРОЛЕНКО

Письма к Н. Ф. Анненскому (*Г. А. Бялый*) 403

С. МОНЮШКО

Письмо к А. С. Даргомыжскому (*И. Ф. Бэлза*) 413
Указатель личных имен 425
Список иллюстраций 435

lib.pushkinskijdom.ru

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академии Наук СССР

Редактор издательства *А. И. Батюто*
Технический редактор *Л. Д. Суворова.*
Корректоры *А. Д. Копысова* и *А. В. Сорокина*

●

РИСО АН СССР № 49—73В. Подписано к печати 25/IV 1953. М-24563. Бумага 60 × 92/16. Бум. л. 13 3/4. Уч.-изд. л. 26.81 + 3 вклейки (0.53 уч.-изд. л.). Печ. л. 27 1/2. Тираж 5000. Зак. 518.
Номинал по прейскуранту 1952 г. 18 руб.

1-я тип. Издательства АН СССР. Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12.

lib.pushkinskijdom.ru